

ВОСТОК

ОБЩЕСТВО • КУЛЬТУРА • РЕЛИГИЯ

О. Ф. АКИМУШКИН

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ
ИРАН

—
КУЛЬТУРА
ИСТОРИЯ
ФИЛОЛОГИЯ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

**ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФИЛИАЛ**

СЕРИЯ ОСНОВАНА в 2003 г.

РЕДКОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

Е. И. Кычанов (председатель)

И. Ф. Попова

Н. Г. Сафонова

О. Ф. АКИМУШКИН

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ИРАН

КУЛЬТУРА
ИСТОРИЯ
ФИЛОЛОГИЯ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
«НАУКА»
2004

УДК 94(5)

ББК 63.3(5)

А 39

Акимушкин О. Ф. Средневековый Иран: Культура, история, филология. — СПб.: Наука, 2004. — 404 с. (Восток: Общество, культура, религия).

ISBN 5-02-027059-8

Автор — ведущий специалист в области истории, истории культуры и литературы Ирана, Центральной Азии, Восточного Туркестана, истории рукописной книги, каллиграфического искусства, книжной миниатюры мусульманского Востока. Книга объединила работы автора, написанные за последние годы и частью опубликованные. Издание открывает научную серию, призванную восполнить серьезную лауну, образовавшуюся на протяжении последних лет. Серия объединит монографические исследования ведущих специалистов-востоковедов и станет прекрасным памятником достижениям целого поколения петербургских ученых.

Для востоковедов, филологов, историков, культурологов.

*Федеральная целевая программа «Культура России»
(подпрограмма «Поддержка полиграфии
и книгоиздания России»)*

ТП — 2003-П-169
ISBN 5-02-027059-8

© О. Ф. Акимушкин, 2004
© Российская академия наук, 2004
© Издательство «Наука» (художественное оформление), 2004

ПРЕДИСЛОВИЕ

Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения Российской академии наук начинает публикацию под одной обложкой статей разных лет видных ученых-востоковедов Санкт-Петербурга в серии «Восток: общество, культура, религия».

Российское востоковедение зародилось в Санкт-Петербурге в середине XVIII века. В 1818 году в составе Императорской российской Академии наук был организован Азиатский музей — научное учреждение, собиравшее, хранившее и изучавшее восточные рукописи и книги старой печати (ксилографы, литографии). В 1851 году был открыт Восточный факультет Санкт-Петербургского университета. В 1930 году начал свою деятельность Институт востоковедения Академии наук СССР.

Российское востоковедение всегда находилось и находится ныне на передовых рубежах мировой востоковедной науки. До переезда в Москву головного Института востоковедения в 1951 году и открытия при Московском университете факультета (Института) стран Азии и Африки основные востоковедные силы страны были сосредоточены в нашем городе, где сформировалась петербургская школа классического востоковедения. В настоящее время нельзя утверждать, что Москва — это центр изучения только современного Востока, а Санкт-Петербург — только классического востоковедения, но в пределах Института востоковедения РАН такое разделение труда сохраняется. В Санкт-Петербургском филиале Института востоковедения согласно решению Президиума АН хранятся восточные рукописи, и в первую очередь Филиал занимается всеми проблемами науки о Востоке в древности, средние века и новое время.

В Секторе восточных рукописей ИВ АН СССР, в Ленинградском отделении ИВ АН СССР — СПб Филиале ИВ РАН работали десятки лет и продолжают работать известные ученые востоковеды, много сделавшие для исследования истории, истории культур и религий народов Востока, в частности памятников восточной письменности. Труды многих из них оказались опубликованными в разное время, в различных изданиях и на разных языках. Собрать их воедино в одной книге — безусловное благо для востоковедной науки, прежде всего для молодых и начинающих востоковедов.

Настоящая книга является изданием трудов и статей одного из старейших сотрудников Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН Олега Федоровича Акимушкина. Его почти пятидесятилетнее беззаветное служение науке ознаменовалось публикацией свыше двухсот работ, в том числе и пяти книг, вошедших в золотой фонд отечественного классического востоковедения. И у себя на родине, и за рубежом профессор О. Ф. Акимушкин снискал заслуженную известность как прекрасный, часто непревзойденный специалист в области истории, истории культуры и литературы Ирана, Центральной Азии, Восточного Туркестана. Основываясь на тщательном и высокопрофессиональном исследовании рукописных памятников из отечественных и зарубежных собраний, О. Ф. Акимушкин своими работами внес неоценимый вклад в исследование персидской рукописной книги, каллиграфического искусства, книжной миниатюры. Он создал серию оригинальных статей, отразивших историю, теорию и практику суфийских братств, которые функционировали на территории Ирана, Центральной Азии, Афганистана, Индии. Без преувеличения можно сказать, что без глубоких знаний и профессиональной экспертизы О. Ф. Акимушкина было бы невозможно организовать серию выставок образцов каллиграфии и книжной миниатюры из петербургского академического собрания, с успехом прошедших во многих европейских странах и США.

Редколлегия

ВОСТОК

ОБЩЕСТВО • КУЛЬТУРА • РЕЛИГИЯ

I. Археография, кодикология, текстология

КАЛЛИГРАФ ГОСУДАРЕВ МИР 'ИМ'АД ИЗ КАЗВИНА*

*Искусство каллиграфии — редкий дар,
поэтому на поколение приходится
только один великий каллиграф.¹*

В Иране, как и повсюду на мусульманском Востоке, каллиграфия относилась к наиболее высоким искусствам. Выдающиеся мастера художественного письма — каллиграфы, творившие в разные времена и эпохи, окружались не меньшим, если не большим почетом, чем мастера кисти и слова, а выходившие из-под их пера рукописные списки или отдельные образцы их почерка, именуемые *кит'а*, всегда находили самый широкий спрос и ценились исключительно высоко.²

Особую популярность среди персидских каллиграфов снискал себе почерковый стиль наста'лик, созданный согласно традиции, распространенной среди переписчиков, мастером из Табриза Мир 'Али б. Хасаном (ум. первая треть XV в.) на основе двух почерковых стилей того времени — насха и та'лиќа.³ Эти стили развились на арабской почве: насха — это четкий, ясный, математически пропорциональный почерк, принятый при переписке книг, тогда как та'лиќ использовался в деловой и официальной канцелярской переписке по причине своей курсивности. Соединение именно этих компонентов, наиболее характерных для названных почерковых стилей, породило но-

* Впервые статья была опубликована в: Альбом индийской и персидской миниатюры и каллиграфии XVI—XVIII вв. М., 1962. С. 60—71.

вый, возникший уже на иранской почве стиль, названный наста'ликом.

Наста'лик быстро получил признание среди персидских каллиграфов и переписчиков, которых привлекали в нем такие качества, как убористость, достаточная быстрота письма, удобочитаемость, элегантность, импульсивность и четкость. В силу своих особенностей этот почерк казался как бы специально созданным для передачи поэтических строк. Он чрезвычайно наглядно и рельефно выделял рифму и редифы, как бы продолжая своей плавной и соразмерной вязью текущую ритмику стиха.

История персидской каллиграфии знает немало имен первоклассных мастеров художественного письма, ярко проявивших себя в этом почерке, но подлинных корифеев, согласно указанной традиции, было только трое: Султāн-'Али Машхадӣ (ум. 926/1520 г.), Мир 'Али Харави (ум. 951/1543—1544 г.)⁴ и Мир 'Имāд Казвини.

Несмотря, однако, на широкую известность, которуюнискал себе Мир 'Имāд,⁵ мы располагаем весьма скудными и далеко не полными сведениями о нем. Наиболее достоверные и точные сведения приводит Кāзи Ахмад [5, с. 170; 18, р. 121] и Искандар Мунши [5а, II, с. 895]. Обычно эти данные так или иначе перерабатывались более поздними историками и биографами, причем последние либо просто ограничивались пересказом своих предшественников,⁶ либо добавляли к ним новые сведения, представляющие часто смешение реальных и вымышленных фактов.⁷ Следует отметить, что известный литератор и воин, художник и поэт Сāдик-бек Афшār, составивший в 1016/1607—1608 г. антологию «Маджма' ал-хавāсс» («Собрание избранных»), ни словом не обмолвился о Мир 'Имāде, хотя он упоминает в ней двенадцать второстепенных каллиграфов — современников последнего [25, р. 30, 83, 92, 95, 126, 182, 216]. Весьма возможно, что он сделал это из чувства соперничества, так как, по-видимому, имел основания видеть в нем своего конкурента и соперника при дворе 'Аббāса I (правил 995—1038/1587—1629).

Естественно, что в связи с ограниченностью сведений о Мире 'Имāде многое в его жизни и творчестве остается невыясненным. Более того, даже точное и полное имя каллиграфа еще окончательно не установлено, поскольку все известные нам источники за единственным исключением, называют его только Мир 'Имāд.⁸ Исключением является трактат «Силсилат ал-хаттāтйн» («Последовательная цепь каллиграфов») — труд

турецкого биографа второй половины XVIII в. Мустаким-заде, в котором последний именуется его Мухаммадом ибн Хусайном.

Впоследствии данное имя было принято французским ориенталистом Э. Блоше⁹ и иранским ученым Насраллахом Фалсафи [17, II, р. 57]. М. Байани полагает, что сведения, приводимые Мустаким-заде, не заслуживают доверия, «поскольку все то, что он (Мустаким-заде. — О. А.) рассказывает относительно Мира ‘Имāда, неосновательно, беспочвенно и более похоже на вымысел» [9, р. 8]; ср. также образцы в [11, II, р. 519]. Оговариваясь при этом, что «в ту эпоху редко кому-либо давали имя ‘Имād», он высказывает предположение, что ‘Имād могло быть именем каллиграфа, которое последний по мере роста известности сделал частью своего почетного прозвания (*лакаб*) — ‘Имād ал-Мулк [9, р. 8]; ср. также [4, № 156, 646, 94а, 95б]. Между тем известным подтверждением сообщения Мустаким-заде касательно собственного имени мастера является, на наш взгляд, один из хранящихся в Британской библиотеке образцов каллиграфии, подписанный Мухаммадом ‘Имāдом ал-Хусайни (*sic!*) и датированный 1017/1608—1609 г.¹⁰

Вместе с тем сам Мир ‘Имād в колофоне переписанного им 20 сафара 992/3 марта 1584 г. комментария (*хāшйя*) на труд ‘Абд ар-Рахмāна Джāmī (1414—1492) «Нафахāt ал-ушс» (библиотека Салтанати, Тегеран, Иран) собственноручно указал как свое имя, так и имя отца: «Закончен “Комментарий” благородный, изящный с помощью всевышнего Аллаха, велик он и славен, 20 числа месяца сафара 992 года рукой слабого раба божьего... ‘Имāда б. Ибрахима ал-Хасани, да простит их Аллах» [11, II, р. 519].¹¹ Следует заметить, что данный колофон подтверждает в определенном смысле полное имя мастера под образцом, приведенном выше. Дело в том, что традиция давать мальчику при рождении имя Мухаммад была столь широко распространена, что обычно собственным именем становилось второе (в данном случае ‘Имād), а первое — Мухаммад — в быту часто опускалось.

Согласно мнению К. Юара, каллиграф принял почетное прозвание ‘Имād в честь придворного ‘Имād ал-Мулка, оказывающего ему покровительство при дворе [20, р. 235]. Махди Байани считает данное сообщение К. Юара «явной ошибкой», потому что еще до работы при дворе Мир ‘Имād уже носил это почетное прозвание, т. е. ‘Имād ал-Мулк [9, р. 8; 11, II, р. 518]. Сообщение К. Юара представляется нам также сомнительным, поскольку имеется ряд образцов — *қит‘а*, выполненных Миром

‘Имāдом задолго до его работы в роли придворного каллиграфа и подписанных либо ‘Имāд, либо ‘Имāд ал-Хасани (6d, 49c, 29b), либо ‘Имāд ал-Мулк (15b, 64b, 94a, 95b). Вместе с тем вполне возможно и то, что каллиграф, не работая при дворе, мог пользоваться покровительством влиятельного вельможи ‘Имāд ал-Мулка и принять лакаб в его честь.

Подобные же разноречивые сведения и мнения содержатся в источниках, а также высказываются исследователями относительно нисбы Мира ‘Имāда. Современник мастера Искандар Мунши свидетельствует, что Мир ‘Имāд происходил из рода казвинских саййидов Сайфи Хасани [5а, II, с. 896]. Следуя за Мустаким-заде, К. Юар сообщает, что Мир ‘Имāд происходил из саййидов Сайфи Хусайни, и считает, что нисба Хасани была принята Мир ‘Имāдом в честь его деда Хасана ‘Али — известного каллиграфа и весьма искусного мунши времени шаха Тахмāспа I (правил 930—984/1524—1576) [20, р. 241]. Не вносили ясности в вопрос о точной нисбе мастера и дошедшие до нас отдельные каллиграфические образцы и рукописные списки, поскольку часть из них подписана ‘Имāдом ал-Хасани, а часть — ‘Имāдом ал-Хусайни.

М. Байани, обнаружив рукопись сочинения ‘Абд ар-Раззāқа Лāхиджй «Сармāйа-йи ймāн» («Основной источник веры»), переписанную ‘Имāдом ал-Хусайни в 1071/1660—1661 г., установил, что, во-первых, нисбы ал-Хасани и ал-Хусайни принадлежат двум различным лицам и что, во-вторых, в середине XVII в., уже после гибели Мира ‘Имāда, в Иране работал каллиграф по имени ‘Имāд, носивший нисбу ал-Хусайни, руке которого, очевидно, и принадлежат рукописи и отдельные *қит‘а* с подписью ‘Имāд ал-Хусайни [9, р. 15; 11, II, р. 520].

Существенный интерес для выяснения личности Мира ‘Имāда представляет колофон упомянутой рукописи:

تمت هذا الرسالةً سرمايةً ايمان بعون الملك المنان بتاريخ
روز دوشنبه ۱۹ شهر جمادى الاول سنه احدى و
سبعين والى كته العبد عماد الحسينى بجهت فرزندى بر
خوردارى مير عبد الكريم نوشته شد

‘Окончен сей трактат «Сармāйа-йи ймāн» с помощью Щедрого Дарителя 19 числа месяца джумāдā-л-аввал 1071 г. (20 января 1661 г.). Переписал его раб [Аллаха] ‘Имāд ал-Хусайни. Написано для благоденствующего чада Мира ‘Абд ал-Карйма’ [9, р. 15; 11, II, р. 520].

Исходя из перечисленных выше сведений, приводимых различными источниками, можно заключить, что полное имя каллиграфа было Мухаммад-‘Имād ибн Ибрāхим ал-Хасани ас-Сайфи ал-Казвини; он носил почетное прозвание ‘Имād ал-Мулк и был широко известен под именем Мир ‘Имād.

Мир ‘Имād родился в 961/1553—1554 г.¹² в г. Казвине и, как уже указывалось, происходил из древнего и известного в Иране рода Сайфи Хасани, который пользовался влиянием при дворе и представители которого занимали различные государственные посты при первых Сефевидеях [9, р. 8].

Талант Мира ‘Имāда проявился рано: уже в детские годы он начал обучаться искусству художественного письма. Его первым учителем в Казвине был Мāлик Дайламī (ум. в 969/1561—1562 г.) — «глава каллиграфов своей эпохи», по выражению Искандара Мунши [5а, I, с. 172]. Некоторое время спустя Мир ‘Имād покидает Казвин¹³ и уезжает в Табриз, где определяется в ученики к известному наставнику, воспитавшему целую плеяду первоклассных мастеров художественного письма, — Мухаммад-Хусайну Табризи.¹⁴

Мир ‘Имād успешно учился и рано приступил к самостоятельной работе; самая ранняя из известных нам его рукописей «Сибхат ал-абрār» Джами (находится в библиотеке Саркари в г. Рампуре в Индии) — была переписана в 972/1564—1565 г., т. е. когда ему было одиннадцать (!) лет от роду [9, р. 17; 11, II, с. 534]. Чтобы овладеть совершенным артистическим почерком и стать настоящим мастером-каллиграфом, он много времени уделяет упражнениям, терпеливо совершенствуя написание отдельных букв, их элементов и сочетаний, а также копирует каллиграфические образцы Султан-‘Али Машхади и Мира ‘Али Харави, повторяя одни и те же упражнения десятки и сотни раз [18, р. 121; 36, р. 167; 42, раздел «Мир ‘Имād»]. Следует отметить, что при обучении письму традиционно обращались к двум системам упражнений: *қаламī* и *назарī*. *Қаламī* — это многократное копирование образцов почерка (зачастую одного и того же образца) известных мастеров с целью выработки у ученика твердой и верной руки, терпения и усидчивости, внимательности и собранности. *Назарī* — это сравнение под руководством наставника образцов письма различных мастеров определенного почеркового стиля (скажем, *насха*), их анализ. Эта система показывала ученику, как эти мастера использовали в работе сочетания тех или иных букв или элементов последних. Это был утомительный, длительный и тяжкий труд и лишь

очень немногие становились в результате звездами первой величины на каллиграфическом небосклоне. Можно только удивляться тому упорству и той настойчивости, которые проявил Мир 'Имād в своем стремлении выработать совершенный почерк и уверенную руку. Источники вкладывают в его уста следующие слова: «В течение трех лет я лишь шесть раз брился, ибо по причине усиленных упражнений я не располагал свободным временем для бритья головы и бороды» [42, раздел «Мир Махаммад-Амин»]; см. также [42, раздел «Мир 'Имād»]. Мы не знаем, когда кончился период ученичества Мира 'Имāда, но можно с уверенностью сказать, что он был весьма продолжительным. Труд каллиграфа в результате «бесконечных и бесчисленных упражнений»¹⁵ увенчался успехом. Однажды, как передают источники, он принес на суд своему наставнику несколько образцов художественного почерка, не назвав при этом имени их исполнителя. При виде их Мухаммад-Хусайн воскликнул: «Если ты можешь написать нечто подобное, то пиши, а ежели нет у тебя надежды [на это], то брось қалам». Узнав, что образцы исполнены Мир 'Имāдом, он обратился к нему со словами: «Если это действительно твоя работа, то с сего дня ты мастер-каллиграф» [42, раздел «Мир 'Имād»].

Получив таким образом признание своего учителя, а тем самым и право называться мастером-каллиграфом, Мир 'Имād некоторое время продолжает работать в Табризе. Затем он возвращается в Казвин (см. прим. 14) и в дальнейшем в поисках заработка ведет образ жизни «свободного художника», столь привычный в Иране для мастеров қалама и кисти. Мир 'Имād переезжает из одного города в другой и исполняет заказы, переписывая отдельные сочинения и создавая образцы художественного письма (*қит'а*). К этому виду работ были особые требования: образец должен был быть написан сразу, на едином дыхании без каких-либо подчисток или исправлений. В 989/1581 г. мы встречаем его в Герате. Здесь он по заказу местного любителя изящно переписал сочинение Ибн-и 'Имāда (ум. в 1398 г.) «Раузат ал-муҳиббйн» («Райская лужайка любящих»). (Ныне список находится в Лондоне в India Office Library, № 1571.) Незадолго до начала военных действий в Азербайджане, вызванных вторжением турецких войск,¹⁶ Мир 'Имād вновь оказался в Табризе. Неизвестно, как на его судьбе отразились эти события. Но, видимо, он, как и 'Али-Ризā, бежал из Табриза в Казвин, покинув охваченную пламенем войны область. В начале 998/конец 1589 г. он создал там рукописный шедевр, переписав «Гу-

листан» и «Бустан» Са'дй в одном переплете. После заключения мира между Ираном и Оттоманской Турцией он, согласно сообщению Кāзи Ахмада,¹⁷ отправился в Хиджаз на поклонение «святым местам» в Мекку и Медину. Он проводит несколько лет за пределами родины, переезжая из города в город, не останавливаясь подолгу ни в одном из них.

В 1003/1594—1595 г. он еще находился в Сирии, где в г. Халебе создал образец художественного письма (6d), а также переписал произведение 'Абдаллāха Ансāрй (1005—1088) «Илāхй-нāме» (ныне в музее Торкарй Sarayй в Стамбуле, № Н.259).

Видимо, в 1005/1596—1597 г. Мир 'Имād возвращается в Казвин,¹⁸ где он остается недолго, и вскоре мы встречаем его в Семнани в качестве каллиграфа при библиотеке (*kitābkhāne*) Абу-л-Мансура Фархād-хāна Карāmāнлу.¹⁹ Последний пользовался репутацией известного мецената; в его библиотеке, являвшейся и мастерской, где создавались художественно оформленные рукописи, работали выдающиеся мастера.²⁰ На службе у Фархād-хāна Мир 'Имād пробыл до начала 1007/август 1598 г., когда Фархād-хāн был убит сипахсālāром Аллāхверды-хāном. После этого события Мир 'Имād возвратился в Казвин.²¹ Здесь он, согласно сообщению Кāзи Ахмада, «занялся перепиской книг (*kitābat*) и созданием каллиграфических образцов (*kitā'navisi*) и ныне воздерживается от служения и прислуживания государю» [18, р. 121; 36, р. 167, п. 592].

Судя по всему, Мир 'Имād оставался в Казвине еще около трех лет. Время от времени он появлялся в Рудбаре и Мазандаране [20, р. 240], где при дворах местных правителей исполнял их заказы.

С 1006/1597—1598 г. центром политической и культурной жизни сефевидского государства стал Исфахан, куда шах 'Аббās I перевел из Казвина столицу Ирана. Естественно, что в Исфахан последовали все те, кто был связан своей деятельностью с жизнью шахского двора. Спустя некоторое время в Исфахане обосновался и Мир 'Имād.

Считается установленным, что Мир 'Имād переехал в Исфахан из Казвина в 1008/1600 г. [9, р. 9; 20, р. 240]. Между тем есть основания предполагать, что этот переезд произошел несколько позднее (с 1009/1061 г.). На это указывает приведенное выше замечание Кāзи Ахмада, содержавшееся во второй редакции его сочинения, известной под названием «Гулистан-и хунар» («Цветник искусства») [36, р. 36—37; 47, I, р. 1395, п. 1;

см. также 14, р. 23—24] и завершённой автором после 1015/1606—1607 г. Однако не исключена возможность, что Кāзи Ахмад, перерабатывая свое сочинение в течение ряда лет, мог внести часть сведений в труд и ранее 1015/1606—1607 г.

Обосновавшись в Исфахане, Мир ‘Имāд обратился к шаху ‘Аббāсу I с просьбой²² принять его на службу. В ответ на это шах назначил его одним из своих личных каллиграфов, что несомненно явилось признанием его таланта и мастерства. В первые годы работы при дворе Мир ‘Имāд пользовался расположением и вниманием шаха. Об этом говорит сам мастер в нескольких дошедших до нас стихотворениях [17, II, р. 59—63]. Расположение шаха определило отношение двора к Миру ‘Имāду: поэты восхваляли его искусство [5а, II, с. 895], придворные спешили приобрести образцы художественного письма личного каллиграфа шаха. Сам Мир ‘Имāд хорошо знал цену своему таланту и в одном из стихотворений высказался о своем искусстве следующим образом:

О <ты>, бесподобный в царстве письмен.
Никто в мире не превзошел тебя в письме.
Когда твоим пером выводится буква «даль»,
Она <выглядит> изящнее локонов и стана красавиц.²³

Положение придворного каллиграфа, занятое Мир ‘Имāдом, еще более увеличило его известность и славу первоклассного мастера. На выучку к нему стекаются многочисленные ученики.²⁴ Некоторые из них, проведя длительное время в ученичестве,²⁵ сами стали впоследствии признанными каллиграфами.²⁶ Видимо, в непосредственной связи с этой стороной деятельности Мира ‘Имāда поздние источники приписывали ему авторство получившего широкую известность трактата по каллиграфии «Ādāb ал-машқ» («Правила обучения письму»). Это прозаическое сочинение, созданное под несомненным влиянием аналогичных трактатов Султан-‘Али Машхади и Мира ‘Али Харави, является руководством-наставлением для начинающих каллиграфов и посвящено изложению основ и правил почеркового стиля наста‘лик с весьма подробным объяснением некоторых каллиграфических терминов.²⁷

В 1950 г. известный пакистанский ученый Хан Бахадур Мухаммад Шафи‘ опубликовал текст указанного выше трактата «Ādāb ал-машқ», воспроизведя его по автографу составителя — знаменитого персидского каллиграфа Бāбā-шāха Исфахāнī

(ум. в 996/1588 г. в Багдаде), и привел колофон списка: «Переписал сие составитель его Бабā-шāх Исфāхāнī, да простит Аллах его прегрешения». ²⁸

И хотя издатель ни словом не обмолвился о том, что это именно то самое сочинение, авторство которого традиционно приписывалось Миру 'Имāду, выяснилось, что авторство последнему приписывалось либо ошибочно, либо сознательно в силу чрезвычайной известности Мира 'Имāда ²⁹ и что подлинным автором является Бабā-шāх Исфāхāнī.

Естественно, что высокое положение, занятое Миром 'Имāдом при дворе, не могло не возбудить недоброжелательства и зависти среди придворных и приближенных к шаху лиц, видевших в каллиграфе только соперника. Среди них, по-видимому, не последнюю роль играл 'Али-Ризā-йи 'Аббāсī, который ранее (в 1005/1596—1597 г.) в результате интриг сумел занять пост управляющего шахской библиотекой (*kitābdār*), вытеснив с этой должности Сāдик-бека Афшāра (ум. в 1018/1610 г.). ³⁰ Используя шиитские настроения шаха, Мира 'Имāда обвиняли в приверженности к суфизму и суннизму. ³¹ Ему также приписывали протурецкие симпатии, намекая на его поездки и длительные остановки в Османской империи и его высказывания, осуждавшие разорительные ирано-турецкие войны.

Интриги и наговоры оказали свое воздействие, и благожелательное отношение шаха к Миру 'Имāду постепенно сменилось холодностью и неприязнью. Шах 'Аббāс I стал все меньше уделять внимания работе Мира 'Имāда и вновь начал чаще посещать мастерскую 'Али-Ризā, где он подолгу наблюдал за его работой. Ему же он поручал исполнение большинства образцов надписей для наиболее важных и значительных своих построек [46, II, р. 1188, 1191, 1208—1209].

Стремясь, очевидно, вернуть шахское расположение и отвести от себя наветы клеветников, Мир 'Имāд обращается к шаху со стихами, в которых просит его справедливо разобраться во всех наговорах недоброжелателей. Ощутимого результата его просьбы, по-видимому, не дали, тем более, что клеветники не унимались, продолжая чернить его в глазах шаха. С этим периодом опалы Мира 'Имāда связан любопытный рассказ-анекдот, приведенный поздними авторами — Ахмад-'Али-хāном Хāшимī (начало XIX в.) [19, л. 2836] и уже упомянутым Надīm ал-Мулком (см. прим. 30) — с незначительными вариациями.

Однажды шах 'Аббāс I прислал Миру 'Имāду семьдесят туманов и пожелал, чтобы каллиграф переписал для него «Шāх-

наме» Фирдоуси. Минул год и шах отправил за рукописью нарочного. Мир 'Имад вручил последнему семьдесят начальных бейтов поэмы и добавил на словах, что это соответствует полученной им сумме. Недовольный шах возвратил каллиграфу его работу. Тогда Мир 'Имад разрезал написанное на семьдесят частей и предложил в таком виде своим ученикам. Они отдали по туману за каждый фрагмент-бейт (сумма громадная по тем временам)³² и мастер вручил сполна всю сумму шахскому посланцу.³³

Трудно поверить в достоверность этого рассказа, столь напоминающего в основных сюжетных чертах известную легенду о награде, выданной Махмудом Газнави Фирдоуси за «Шāх-наме». Сомнителен он еще и потому, что Мир 'Имад работал в качестве придворного каллиграфа и 'Аббāсу не было никакой нужды предлагать ему деньги за переписку. Он мог просто приказать ему как лицу, состоящему у него на службе, исполнить его пожелание. Наконец, что тоже симптоматично, этот рассказ не встречается в более ранних источниках. По всей видимости, этот рассказ был введен в биографию Мира 'Имада теми авторами, которые пытались по-иному объяснить причину опалы, а затем и гибели каллиграфа.

Вместе с тем следует добавить, что Мир 'Имад, видимо, обладал достаточно независимым характером, а также едким и острым языком, что, как известно, далеко не поощрялось при любом дворе, не говоря уже о дворе восточного владыки. Характерный штрих в этой связи: однажды он собственноручно переписал стих знаменитого персидского одописца XII в. Захйра Фарйāби и поднес 'Аббāсу I:

«Какой мне прок от <твоей> щедрой руки, коли ты не отличаешь
смысл довода Моисея от мычания телянка» [8, р. 167].

Трудно сказать, насколько достоверными могут оказаться все сведения, сообщаемые источниками относительно периода, непосредственно предшествовавшего гибели Мира 'Имада. Очевидно, они в какой-то степени отражают реальную обстановку, сложившуюся для мастера при дворе. Так или иначе, но вызванное и подогретое интригами и кознями врагов недовольство шаха определило его судьбу.

Как-то в разговоре с главою казвинских шахсевенов, медником (*мисгар*) Максуд-беком, шах в раздражении заметил: «Никого не найдется, кто убил бы эту суннитскую собаку и избавил бы меня от ее приставаний».³⁴ Максуд-бек — сам казвинец —

воспринял эти слова как прямое указание и в тот же день, 30 раджаба 1024/25 августа 1615 г. [17, II, р. 63], пригласил Мира 'Имāда к себе домой и «по причине крайнего шиитского рвения или же ради устранения суннитских настроений, в чем обвиняют весь простой люд (*'āмме*) того вилайета, принял грех на душу, убив его» [5а, II, с. 895]. Согласно другим сведениям, Мир 'Имāд был разрублен на куски наемными убийцами (или самим Максуд-беком) в темном переулке на рассвете, когда он спешил в баню совершить ритуальное омовение [19, р. 283; 42, раздел «Мир 'Имāд»]. На утро весть об убийстве Мира 'Имāда быстро распространилась по городу. Многие приходили в этот переулок, но никто не осмеливался перенести останки каллиграфа в его дом. Только к вечеру Абӯ Турāб Исфāхāнӣ, ближайший ученик Мира 'Имāда, собрал их и принял меры к их погребению.

В числе первых узнал о случившемся шах 'Аббāс. Внешне он весьма сожалел о случившемся [28, р. 51], отдал приказ о розыске и примерном наказании убийц. Но поскольку убийство по сути было инспирировано им самим,³⁵ убийц не обнаружили, объяснив это тем, что несчастный случай имел место в темном безлюдном переулке, вследствие чего убийц никто не видел.³⁶

Трудно сказать, действительно ли шах 'Аббāс желал устранить каллиграфа или же приведенные выше слова были сказаны им в состоянии раздражения, и он не думал, что они могут привести к трагическим для Мира 'Имāда последствиям. Во всяком случае похороны Мира 'Имāда были обставлены весьма пышно, за носилками с телом каллиграфа, помимо родственников, учеников и ценителей его таланта, шли по приказу шаха многие придворные и даже принцы. Мир 'Имāд был похоронен в исфāханской мечети Максуд-бека, названной так по имени ее строителя — управляющего придворными службами и расположенной около ворот Тākчӣ.

После похорон Мира 'Имāда многие из его родственников, а также сын Мир Ибрāхӣм и дочь Гаухаршāд-хāнум поспешили оставить Исфāхан, опасаясь шахских преследований. Некоторые выехали в Турцию, другие отправились в Индию. Сын каллиграфа Мир Ибрāхӣм обосновался в Мешхеде, где он прожил до смерти шаха 'Аббāса, последовавшей в 1038/1629 г. Только после этого он возвратился в Исфāхан, где и скончался спустя некоторое время в возрасте пятидесяти двух лет. Сын Мира 'Имāда Мир Ибрāхӣм, его дочь Гаухаршāд, а также его внук Мухаммад-Амин были известными каллиграфами. Сын сестры каллиграфа 'Абд ар-Рашид уехал в Индию ко двору Великих

моголов, где он провел всю жизнь в качестве придворного каллиграфа сначала при Джахāнгире (1605—1628), а затем при Шāх-Джахāне (1628—1658), сына которого — Дāрā Шикуха — он обучал каллиграфии. ‘Абд ар-Рашид умер в Агре в преклонном возрасте в 1081/1670—1671 г.

Выше уже отмечалось, что Миру ‘Имāду потребовались годы упорной и настойчивой работы, прежде чем он достиг вершин каллиграфического искусства и смог выработать свой особый почерковый стиль, в котором он сумел сочетать твердость, уверенность и стройность, присущие почерку Мира ‘Али Харави (ум. в 951/1544—1545 г.), с красотой, плавностью переходов и изяществом почерка Бāбā-шāха Исфхāнī (ум. в 996/1587—1588 г.).³⁷ За эти исключительные качества ценили,³⁸ как ценят и ныне,³⁹ стиль Мира ‘Имāда любители и знатоки каллиграфии. При этом наиболее ревностные из них считали, что его почерк превосходит почерк Мира ‘Али. Обычно в качестве доказательства они указывали на несомненное превосходство каллиграфических образцов Мира ‘Имāда, выполненных крупным почерком (*джали*), в чем сказывалось мастерство последнего и что способствовало его известности и славе. Искусство же Мира ‘Али проявилось особенно в переписке сочинений (*китāбат*) мелким почерком (*хафī*) — в этом он действительно не имел соперника, — в то время как каллиграфические образцы удавались ему в значительно меньшей степени [28, р. 51].

Мир ‘Имāд был последним выдающимся персидским каллиграфом, работавшим в стиле наста‘лик. После него в этом почерковом стиле работало много первоклассных мастеров, но ни один из них не мог с ним сравняться.

Значительное художественное наследие, которое осталось в результате 52 лет творчества Мира ‘Имāда, ныне рассеяно по всему миру. К сожалению, вряд ли имеется возможность точно или хотя бы приблизительно определить как велико оно было. За прошедшие три с лишним столетия часть его, неоднократно переходя от одних владельцев к другим, оседала в странах Ближнего и Среднего Востока, а также в странах Европы и Америки, другая же часть, вероятно, погибла в смутные годы правления последних Сефевидов и афганского нашествия.

Известный специалист и отменный знаток истории персидской каллиграфии проф. Махди Байани (ум. в 1968 г.), отметив, что он лично видел в государственных и частных библиотеках Афганистана, Индии, Ирана и Пакистана свыше 330 образцов художественного письма (*кит‘а*) руки Мира ‘Имāда, составил

также список 8 небольших и 12 более крупных рукописей работы этого виртуоза каллиграфии [9, p. 16—17; 11, II, p. 533—536]. Этот перечень существенно дополняется как образцами художественного письма, исполненных Миром ‘Имāдом и представленных в семи альбомах Британской библиотеки в Лондоне [27, p. 30—32; 38, II, p. 782a, 783b, 784a, 786b], в двух альбомах Бодлейской библиотеки в Оксфорде [41, pt 1, № 1897; pt 2, № 2379], в пяти альбомах Национальной библиотеки в Париже [13, IV, № 2444—2448] и в двух альбомах (*мураққа*) Национальной Российской библиотеки в Санкт-Петербурге,⁴⁰ так и 16 рукописями, переписанными Миром ‘Имāдом. Таким образом, общее число известных и дошедших до нас в настоящее время рукописных книг работы этого мастера составляет 37:

1. «Сибхат ал-абрār» ‘Абд ар-Рахмāна Джāmй. 972/1564—1565. Библиотека Саркари. Рампур (Индия).

2. «Гаршāсп-нāме» Асадй Тусй. Казвин, 981/1573—1574 г. Британская библиотека. Лондон, Or. 12 985 [27, p. 76].

3. «ал-Асмā’ ал-хуснā». 987/1579—1580 г. Библиотека Саркари. г. Рампур (Индия).

4. «Раузат ал-мухйббйн» Ибн-и ‘Имāда. Герат, 989/1581 г. India Office Library, № 1571. Лондон [40, p. 182].

5. «Тухфат ал-ахрār» ‘Абд ар-Рахмāна Джāmй (фрагмент: 20-я глава — наставление Джāmй своему малолетнему сыну Йусуфу). 990/1582 г. Британская библиотека, Or. 11520 [27, p. 73].

6. «Хашийа-йи Нафахāt ал-унс-и» ‘Абд ар-Рахмāна Джāmй и «Такмилат ан-нафахāt» ‘Абд ал-Гафура Лāри. Две пометы: 20 сафара 992/3 марта 1584г. и 4 зу-л-хиджжа 992/7 декабря 1584 г. Библиотека Салтанати. Тегеран (Иран).

7. «Гулистāн» и «Бустāн» (поля) Са‘ди Шйрāзй. Казвин, 998/1589—1590 г. Библиотека Салтанати, № 1908. Тегеран (Иран) [7, I, № 249].

8. «Лавā’их» ‘Абд ар-Рахмāна Джāmй. 999/1590—1591 г. Музей г. Хайдарабада, № P. 1076 (Индия).⁴¹

9. «Дйвāн» Хāфиза Шйрāзй. 1003/1594—1595 г. Тот же музей, № 2160 [7, I, № 173].

10. «Насā’их». 1005/1596—1597 г. Помета: «Для возлюбленного чада Мухаммад-Таки ал-Джили». Тот же музей.

11. «Йусуф ва Зулайхā» ‘Абд ар-Рахмāна Джāmй. 1007/1598—1599 г. Королевская библиотека. Sprenger, 1420 [35, № 888].

12. «Тухфат ал-ахрār» ‘Абд ар-Рахмāна Джāmй (фрагмент: 20-я глава — советы Джами своему малолетнему сыну Йусу-

фу). 1008/1599—1600 г. Библиотека Малик, № 5978. Тегеран (Иран).⁴²

13. «Гулшан-и рāз» Махмуда Шабистарӣ. 1010/1601—1602 г. Торкарі Sarayі Muzesi, E. H., 1478 [23, № 581, p. 199].

14. «Мунāджāt» ‘Али б. Аби Тāлиба. 1010/1601—1602 г. Библиотека Салтанати. Тегеран (Иран).

15. «Мунāджāt» ‘Абдаллаха Ансārӣ. 1010/1601—1602 г. Частное собрание ‘Абдаллаха Фарухара. Тегеран (Иран).

16. «Бустāн» Са‘ди Шӣрāзӣ. Раби‘I 1012/август—сентябрь 1603 г. Государственное хранилище рукописей. Кабул (Афганистан).

17. «Хāl-nāме» ‘Āрифӣ Торкарі Sarayі Muzesi, E. H., 1510 [23, № 667, p. 230], 1013/1604—1605 г.

18. «Тухфат ал-ахрār» ‘Абд ар-Рахмāна Джāmӣ. Исфакан. 1016/1607—1608 г. Библиотека Салтанати, № 1899. Тегеран (Иран).⁴³

19. «Бустāн» Са‘ди Шӣрāзӣ. Джумādā II 1019/август-сентябрь 1610 г. Собрание Виндзорского замка (Англия).⁴⁴

20. «Зайнат ал-мулūk». 1019/1610—1611 г. Библиотека Салтанати. Тегеран (Иран).

21. «Тухфат ал-мулūk». 1019/1610—1611 г. Библиотека Саркар. Рампур (Индия).

22. «Махзан ал-асрār» Хайдар-и Хвāразми (фрагмент из 9 листов, включая колофон). 1023/1614—1615 г. [45, p. 275—281].

23. «Гулистāн» Са‘ди Шӣрāзӣ. Конец месяца раби‘ II 1023/начало июня 1614 г. Копия с автографа. Библиотека Салтанати, № 1902. Тегеран (Иран) [7, I, № 247].

24. «Гулшан-и рāз» Махмуда Шабистари. В помете только число и месяц 19 рамазана. Библиотека Салтанати. Тегеран (Иран) [10, № 442].

25. «Бустāн» Са‘ди Шӣрāзӣ. Исполнен по заказу И‘ттиқād-хāна. Библиотека Маджлиса. Тегеран (Иран).

26. «Куллийāt» Са‘ди Шӣрāзӣ. Та же библиотека, № 13 247 [24, III, № 1146, p. 560].

27. «Хāl-nāме» ‘Āрифӣ. Государственное хранилище рукописей. Кабул (Афганистан).

28. «Мунāджāt» ‘Абдаллāха Ансārӣ. Библиотека Салтанати. Тегеран (Иран).

29. «Мунāджāt» ‘Али б. Аби Тāлиба. Библиотека Стамбульского университета.

30. «Хафт банд» Хасана Кāшāни. Частное собрание Джа‘фари Адиба Исфакани. Тегеран (Иран).

31. «Рисāла-йи нӯрийа» ‘Абд ар-Рахмāна Джāмӣ. Торкарӣ Sarayī Muzesi, Y., 5853 [23, № 58, p. 21].

32. «Илāхӣ-нāме» ‘Абдаллāха Ансāри. Халeб. Торкарӣ Sarayī Muzesi, H., 259 [23, № 31, p. 11].

33. «Хулāса-йи Хāмса-ий Низāми». Британская библиотека, Grenville, XXXVIII. Лондон [38, II, 575b].

34. «Дīvāн» Āк-Малика Шāхӣ. Институт рукописей Академии наук Азербайджана, № 9. Баку.

35. «Рисāла дар ҳафт» Султāна ‘Али Машхадӣ. Частное собрание ‘Аббаса Икбалā. Тегеран (Иран) [22, № 8].

36. «Дīvāн» Хāфиза Шӣрāзӣ. Бывшая коллекция Фарроха. Машхад (Иран). В 1971 г. список был приобретен частным лицом в США.

37. «Гулистāн» Са‘ди Шӣрāзӣ. Фрагмент в два листа, включая колофон [45, p. 282, 283].

Публикуемый альбом является одним из самых богатых по количеству содержащихся в нем образцов художественного письма Мира ‘Имāда. На оборотной стороне 97 из 98 сохранившихся листов-картонов альбома смонтированы и наклеены упражнения (*машқ*) Мира ‘Имāда как в написании отдельных букв (в зависимости от их позиции в словах), так и в соединении их между собой, а также исполненные им каллиграфические образцы стихотворных (преимущественно) и прозаических фрагментов — композиций различного формата. Эти композиции являются либо отрывками из маснави, суфийских трактатов, касыд и газелей, либо цельными руба‘и Абу-л-Хасана Харāкани (ум. в 1034 г.), шейха Абу-л-Хайра Фазлалāха (967—1049), ‘Абдаллāха Ансāри (1005—1088), Аухад ад-Дина Анвари (ум. ок. 1188 г.), Ибн-и Йамина (ум. в 1368 г.), Шамс ад-Дина Хāфиза (ум. в 1389 г.), ‘Абд ар-Рахмāна Джāми (1414—1492), каллиграфа Мира ‘Али Харави (ум. в 1544 г.), либо, наконец, стихами самого каллиграфа и других персидских поэтов. Всего в альбоме представлено 33 образца упражнений (*машқ*), 24 из которых занимают отдельные цельные листы и 195 образцов художественного письма, 16 из коих также занимают по целому листу, остальные же подобраны по три или четыре образца на лист. Подавляющее число как тех, так и других подписано.

Выполняя заказы любителей и знатоков каллиграфии, Мир ‘Имāд иногда повторял образцы наиболее удавшихся ему стихотворных композиций. Все эти повторы специально отмечались в аннотациях к таблицам.⁴⁵

На основании содержащихся в данном альбоме помет-подписей каллиграфа составлены приводимые ниже индексы, указывающие имя каллиграфа во всех встречающихся на листах данного альбома формах, названия мест, где писались образцы, и даты завершения последних. Далее приводится список лиц, для коих предназначались отдельные образцы.

Порядок нумерации образцов буквами латинского алфавита в направлении движения часовой стрелки, начиная с верхнего левого:

ab

dc

при трех образцах

a

cb

1. Формулы именной подписи каллиграфа

№ 4a, 5d, 12b, 22, 23d, 28a, 33, 85, 97 — عماد

№ 15b, 64b, 95b — عماد الملك الحسنى

№ 94a — عماد الملك الحسنى السيفى

№ 1 abc, 3ab, 4bcd, 5abc, 6abcd, 7abc — عماد الحسنى

8ac, 9ac, 10abc, 11a, 12a, 13, 14, 15ac, 16, 18abc, 19abc, 20adc, 23bc, 24ac, 25, 26bc, 27bc, 28bc, 29abc, 30abc, 30abc, 31, 32abc, 34, 36abc, 37, 38, 39abc, 40, 41, 42abc, 43abc, 44abc, 46abc, 47, 48abc, 49abc, 50abc, 51abc, 52abc, 53abc, 54, 55, 56ab, 57abcd, 58abcd, 59ab, 60, 61bd, 62abcd, 63acd, 64ac, 65, 66abc, 68ab, 69abd, 70ac, 71, 77, 86abc, 87, 88bcd, 89ac, 90abc, 91abc, 92abcd, 93abc, 94bc, 95ac, 100.

№ 26a — عماد الحسنى السيفى القزوينى

№ 59c, 72 — عماد الحسنى السيفى

№ 12c — ميرزا عماد

№ 17, 21, 27a, 56c, 61a, 80 — مير عماد

№ 24b, 46b, 89b, 96 — مير عماد الحسنى

2. Место исполнения

№ 6d — عدينه الحلب سنه ۱۰۰۳

№ 30a — بدار السلطنة قزوين سنه ۱۰۱۴

№ 46c — بدار السلطنة قزوين سنه ۱۰۱۶

№ 90a — بقصبة طاحان مازندران سنه ۱۰۱۶⁴⁶

№ 59c — بدار السلطنة اصفهان سنه ۱۰۲۲

№ 24b — بدار السلطنة اصفهان سنه ۱۰۲۳

№ 44b — بدار السلطنة اصفهان

- № 88b — بدار السلام بغداد
№ 93b — بقصبة طاحان مازندران
№ 51b — در دار السلطنة

3. Даты завершения

- 1003 г. х. (1594—1595) № 6d
1005 г. х. (1596—1597) № 49c
1006 г. х. (1597—1598) № 29b
1007 г. х. (1598—1599) № 1b, 4a, 38, 40, 62c
1008 г. х. (1599—1600) № 19a, 20b (раби' ал-аввал), 27b, 44c, 57c
1009 г. х. (1600—1601) № 3b, 50a, 58c, 70c, 91b
1010 г. х. (1601—1602) № 86a, 93a
1011 г. х. (1602—1603) № 43c
1012 г. х. (1603—1604) № 36b, 86b
1013 г. х. (1604—1605) № 18c
1014 г. х. (1605—1606) № 30a, 52a, 53a
1015 г. х. (1606—1607) № 5b
1016 г. х. (1607—1608) № 3a, 29c, 36b, 39b, 46c, 55, 90a
1017 г. х. (1608—1609) № 32c, 43a, 100
1018 г. х. (1609—1610) № 7c, 8c, 10a, 66b
1019 г. х. (1610—1611) № 20a, 62a, (?)
1020 г. х. (1611—1612) № 10c, 26b, 27a, 56b, 93c
1021 г. х. (1612—1613) № 25, 39a, 54
1022 г. х. (1613—1614) № 7b, 12a, 15b, 21, 59c, 89c
1023 г. х. (1614—1615) № 24b, 43b, 53b, 94a
1024 г. х. (1615—1616) № 17, 28c, 89b

4. Непрочтенные даты

- 10? г. х — № 89a
102? г. х — № 27a, 69b

5. Листы упражнений

№ 2, 22, 31, 35, 47, 67, 72, 73, 74, 75, 76abc, 77—81, 82abc, 83ab, 84abc, 85, 96—98.

6. Образцы с указанием лиц, для коих они были составлены (расположены в порядке последовательности листов альбома)

جهت خدام فرشته اجترام نور دیده اهلیت و مردمی
شاهرخ بیک سلمه الله نوشته شد میر عماد

‘Написано для одного из высокопоставленных слуг государя, света очей достоинства и человеколюбия Шāхрух-бека, да спасет его Аллах [Ми]р ‘Имāд’.

л. 12c

سر مشیق جهت فرزند اعزّ سمی فقیر حقیر میرزا عماد سلمه الله نوشته شد

‘Образец для писания. Написал ничтожный бедняк мирза ‘Имāд, да спасет его Аллах, для чада, да прославит он имя мое (?)’.

л. 13

الفقیر الحقیّر المذنب عماد الحسنی غفر الله ذنوبه وسرّ
عیوبه برسم الخزانة نواب کامیاب اشرف اقدس سمت
تحریر یافت

‘Ничтожный, презренный грешник ‘Имāд ал-Хасани, да простит Аллах его прегрешения и да покроет его пороки, написал для сокровищницы счастливого, благороднейшего, священнейшего государя’.

л. 23c

جهت اخوت پناه مخدومی میرزا عسکری سلمه الله نوشته الفقیر المذنب عماد
الحسنی عفی عنه

‘Написал ничтожный грешник ‘Имāд ал-Хасани, да простит его Аллах, для прибежища братства, владыки мирзы ‘Аскари, да спасет его <Аллах>’.

24b

بدار السلطنة اصفهان الفقیر المذنب میر عماد الحسنی غفر الله ۱۰۲۳ جهت
فرزند نور الدین محمد طول عمره نوشته شد

‘В стольном городе Исфахане ничтожный грешник Мир ‘Имāд, да простит Аллах его прегрешения <в году> 1023 (1614—1615) написал для чада Нур ад-Дина Мухаммада, да продлится его жизнь’.

برسم کتابخانه نواب کامیاب اشرف اقدس همایون اعلى خلد الله ملكه و سلطانه
سمت تحرير پذیرفت كتبه العبد الفقير المذنب عماد الحسنی غفر الله ذنوبه و ستر
عیوبه فی سنه الف وست عشر

‘Для библиотеки счастливого, благороднейшего, священнейшего, августейшего, высочайшего государя, да сделает вечным Аллах его царство и правление. Написал сие раб ничтожнейший, грешный ‘Имād ал-Хасани, да простит Аллах его прегрешения и покроет его пороки, в 1016 г. (1607—1608)’.

مشق الفقير عماد الحسنی السیفی غفر الله ذنوبه و ستر عیوبه جهت برادر حاجی
محمد نوشته شد

‘Упражнение ничтожного ‘Имāда ал-Хасани ас-Сайфи, да простит Аллах его прегрешения и покроет его пороки. Написано для брата Хādжи Мухаммада’.

جهت رفعت پناه آصفجاه خواجه نظام الملك نوشته شد الفقير عماد الحسنی

‘Написал ничтожный ‘Имād ал-Хасани для высокого прибежища достоинством равного Āсафу⁴⁷ — ходжи Низām ал-Мулка’.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Акимушкин О. Ф.* Заметки о персидской рукописной книге и ее создателях // *Очерки истории культуры средневекового Ирана: Письменность и литература.* М., 1984. С. 8—56, 240—254.
2. *Акимушкин О. Ф.* Лицевая рукопись из собрания Института народов Азии АН СССР // *Ближний и Средний Восток.* М., 1962. С. 76—82.
3. *Акимушкин О. Ф.* «Трактат о каллиграфах и художниках» Кази Ахмада Куми. Первая редакция // *Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока.* Вып. XVII, ч. 2. М., 1983, с. 63—68.
4. *Альбом индийских и персидских миниатюр XVI—XVIII вв.* / Под ред. Л. Т. Гюзальяна. М., 1962.
5. *Кази Ахмад.* Трактат о каллиграфах и художниках 1596—1597/1005 / Введение, пер. и коммент. Б. Н. Заходера. М.; Л., 1947.
- 5а. *Тарих-и ‘Аламара-йи ‘Аббаси.* Талиф-и Искандар-бек Мунши. Ба ихтимам-е Ирадж Афғиар. Дж. 1—2. Техран, 1334—1335/1955—1956.

6. *Костыгова Г. И.* Трактат по каллиграфии Султан-‘Али Мешхеда: Факсимильное воспроизведение и перевод // Труды Государственной публичной библиотеки. II (V). Восточный сборник. Л., 1957. С. 103—163.
7. *Atabay Bedri.* Fiheist-i divanha-yi khatti-yi kitabkhaneh-i Saltanati. Dj. 1. Tehran, 2535/1976.
8. *Bastani-Parizi M. I.* Siyasat va Iqtisad-i asr-i Safavi. Tehran, 1348/1969.
9. Ahwal va athar-i Mir ‘Imad-i khushnavis-i mashhur-i ‘ahd-i Safavi. Sukhan-rani-yi doktor M. Bayani. Tehran, 1371/1952.
10. *Bayani Mahdi.* Fihrist-i natamam-i ti‘ dadi az kutub-i kitabkhaneh-i Saltanati. Tehran, 1350/1971.
11. *Bayani Mahdi.* Ahwal va athar-i khushnavisan. Nasta‘liqnavisan. T. 1—2. Tehran, 1966—1967.
12. *Berthels E.* Muhammad-Husain Tabrizi // Encyclopaedia of Islam: In 4 vols. Leiden, 1908—1934. Vol. III, 1933. P. 689.
13. Catalogue des manuscrits persans par E. Blochet. Vol. 1—4. Paris (Bibliothèque Nationale), 1905—1934.
14. *Da ‘i-zadeh Zohreh Husaini.* Gulistan-i hunar, kitabi dar dunun-i mukhtalif-i naqqashi // Naqsh va nigar. 1337/1958. V. P. 23—24.
15. A Descriptive Catalogue of the Oriental Manuscripts / Belonging to the late E. G. Browne compiled and edited by R. R. Nickolson. London, 1932.
16. *Dorn B.* Catalogue des manuscrits et xylographes orientaux de la Bibliothèque Impériale Publique de St. Pétersbourg. St. Pétersbourg, 1852.
17. *Nasrallah Falsafi.* Zindagani-yi shah ‘Abbas-i avval. Dj. 1—2. Tehran, 1334/1955.
18. *Gulistan-i hunar.* Ta’lif Qadi mir Ahmad-munshi-yi Qumi. Ba tashih va ihtimam-i Ahmad Suhaili Khansari. Tehran, 1352/1973.
19. *Ahmad-Ali-khan Hashimi.* Makhzan al-gharā’ib. Ms. Elliot 395. Bodleian Library, Oxford.
20. *Huart Cl.* Les calligraphes et les miniaturistes de l’Orient Musulman. Paris, 1908.
21. *Hubbard I.* Ali-rida-i Abbasi, Calligrapher and Painter // Ars Islamica. 1937. IV. P. 292—296.
22. *Iqbal A.* Qiblat al-kuttab Sultan ‘Ali Mashhadi // Yadgar. 1324/1945. Dj. 1—2. Tehran, 1335—1336/1956—1957.
23. Topkapi Sarayı Müzesi Kütüphanası. Türkçe Yazmalar Katalogu // Hazırlayan Fehmi Edhem Karatay. İstanbul, 1961.
24. Fihrist-i kitabkhaneh-i madjlis-i shoura-yi milli Djild-i sivvum. Nagashteh-i Ibn-i Yusuf Shirazi. Tehran, 1318—1320/1939—1941.
25. Tadhkireh-i Madjma‘ al-khawass ba-zaban-i Turki-yi Chaghatay, ta’lif-i Sadiqi-yi Katabdar va tardjume-h-i an ba-zaban-i Farsi ba-ihtimam-i ‘Abd al-Rasul Khayyam-pur. Tabriz, 1327/1948.
26. Fihrist-i kitabha-yi khatti-yi kitabkhaneh-i milli-yi Malik. Dj. 2: kitabha-yi farsi. Zir-i nazar-i Iradj Afshar va M. T. Danesh-Pazhuh. Tehran, 1354/1975.
27. Handlist of Persian manuscripts 1895—1966 by G. M. Meridith-Owens. [London], 1968.
28. Mirat al-‘alam Oriental College Magazin. 1934. Vol. X, No 4. P. 47—48.
29. A Catalogue of Persian Manuscripts / Compiled by Ahmad Monzavi. Vol. 3. Tehran, 1971.
30. *Akimuškin Oleg.* Il Muraqqa‘ di San Pietroburgo. Album di miniature indiane e persiane del XVI—XVIII secolo e di esemplari di calligrafia di Mir Imad al-Hasani, Fondazione ARCH. Milano, 1994.

31. *Mustaqīmzāde Süleyman Sadeddin*. Tuhfet al-hattatin / Ed. by Ibnülemin Mahmud. Devlet Matbassi. Istanbul, 1928.
32. Kitabara'ī dar tamaddon-i Islāmī / Ed. by Nadjib Ma'īl Haravi Mashhad, 1372/1983.
33. *mirza Muhammad-Tāhīr Nasrābādi*. Tadhkireh-i Nasrābādi. Ba tashīh-i Vahid Dastgardī. Tehran, 1317/1938.
34. Oriental College Magazin, Lahore, 1926.
35. Verzeichnisse der Königlischen Bibliothek zu Berlin. Bd 4 / Verzeichnisse der persischen Handschriften von W. Pertsh. Berlin, 1888.
36. Calligraphers and Painters: A Treatise by Qādī Ahmad, son of Mīr Munshī (circa A. H. 1015/A. D. 1606) / Transl. from the Persian by V. Minorsky. Washington, 1959.
37. *Rice D. S.* The Unique Ibn al-Bawwab Manuscript in the Chester Beatty Library. Dublin, 1955.
38. *Rieu Ch.* Catalogue of the Persian Manuscripts in the British Museum. Vol. I—III. London, 1879—1883; Supplement. London, 1895.
39. Risaleh-i mukhtassari dar tarikh-i shahr-i Isfahan. Az mirza Haidar-'Ali Isfahanī mā'ruf-ba Nadīm al-Mulk (Ms. Isfahan Public Library. № 11465).
40. *Robinson B. W.* A Descriptive Catalogue of the Persian Painting in the Bodleian Library. Oxford, 1958.
41. Catalogue of the Persian, Turkish, Hindūstānī and Pushtū Manuscripts in the Bodleian Library begun Prof. Ed. Sachau... completed and edited by Ethé. Pt I. Oxford, 1889; pt. II. Oxford, 1930.
42. Sanglākh. Imtihān al-fuzalā'. Tabriz, 1295/1878.
43. *Schimmel Annemarie*. Calligraphy and Poetry of the Kevorkian Album. The Emperor's Album: Images of Mughal India. The Metropolitan Museum of Art. New York, 1987.
44. Sothebey's Fine Oriental Manuscripts and Miniatures. London, 21—22 November, 1985. № 254.
45. *Soudavar A.* Art of the Persian Courts: Selections from the Art and History Trust Collection. New York, 1992.
46. A Survey Persian Art. Vol. II / Ed. by A. U. Pope. London, 1938.
47. *Storey C. A.* Persian Literature: A bio-bibliographical Survey. Vol. I, pt 2. London, 1953.
48. *Ziauddin V.* A Monograph on Muslim Calligraphy. Calcutta, 1936.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Анонимный трактат по каллиграфии, хранящийся в Берлинской библиотеке (л. 48а); цит. по [37, р. 7].

² Подробнее об этом (а также примеры) см. [1, с. 45—54, 250—253].

³ Вместе с тем рукописи, дошедшие до нас от середины XV в., наглядно показывают, как на западе Ирана в среде профессиональных писцов стал постепенно распространяться новый почерковый стиль, в котором явственно прослеживались зачатки будущего наста'лика, он еще не был столь декоративен и пропорционален, но был уже курсивен и скорописен. Целые поколения каллиграфов, трудившихся над его совершенствованием, придали ему красоту пропорций и декоративность. По всей видимости, Мир 'Али из Табриза был одним из последних мастеров, который ввел в него определенные новшества и

обосновал их теоретически в своем трактате. Кроме того, очевидно, он применил новый способ очинки калама для письма этим стилем. Последующие же поколения быстро забыли тех лиц, которые создали этот почерковый стиль (например, Сәлиха б. 'Али ар-Рәзӣ) и прочно связали создание почерка с именем только одного мастера, а именно с Миром 'Али б. Хасаном Табризи.

⁴ Об этих виртуозах художественного письма см. [6, с. 103—163; 11, I, с. 241—266; II, с. 493—516; 43, p. 32—36; 2, с. 76—82].

⁵ Мир 'Имāда упоминают или посвящают ему особые разделы авторы 20 исторических и биографических трудов, а также сочинений, специально посвященных каллиграфам и каллиграфии.

⁶ См., напр. [28, p. 51; 33, p. 208].

⁷ Обычно это наблюдается в более поздних источниках (с конца XVIII в.); см., напр. [19, л. 293а].

В этой связи особое значение приобретают дошедшие до нас подлинные списки и образцы художественного письма (*қит'а*), выполненные Миром 'Имāдом и содержащие его пометы с указанием на дату и место их переписки или изготовления, а также ту или иную часть его полного имени либо имя заказчика. Эти автографы-свидетельства самого Мира 'Имāда оказывают неопределимую помощь при конструировании жизненного пути каллиграфа, дополняя скудные сведения о нем, которые мы находим в источниках.

⁸ При составлении биографии Мира 'Имāда, помимо источников, нами были использованы также следующие работы: [9; 11, p. 519—538; 17, II, p. 57—66; 20, p. 239—242].

⁹ Bulletin de la Societe Francaise de la Reproduction des Manuscrits a peintures. Annee XII. Paris, 1928. P. 130.

¹⁰ В данном случае дата выполнения образца вызывает известную уверенность в том, что составитель каталога неточно прочел нисбу каллиграфа. Мир 'Имāд в подавляющей части своих подписей ставил диакритический знак в виде двух точек под конечным *ي* нисбы *الحسنى*, которую в связи с этим многие читали ал-Хусайни. Ср. [48, p. 41], где ясно написанная нисба Хасани прочитана как ал-Хусайни. Ср. также образцы письма Мира 'Имāда, исполненные в 1013/1604—1605 г., в альбоме, выставленном на аукционе Сотби в ноябре 1985 г.; см. [44, № 254], где нисба *الحسنى* прочитана как *الحسينى*.

¹¹ В этом сборнике Мир 'Имāд переписал в том же году сочинение 'Абд ал-Гафӯра Лārӣ «Такмилат ан-нафаҳāt».

¹² Традиционно считается, что Мир 'Имāд погиб в 1024/1615 г. в возрасте 63 лет. Следовательно, он родился в 961/1553—1554 г. Согласно сообщению же Санглаха, он прожил 66 лунных лет. В этом случае датой его рождения следует считать соответственно 958/1551 г. См. [раздел «Мир 'Имāд»] (мы пользовались литографированным изданием, в котором отсутствует пагинация).

¹³ Не позднее 969/1561—1562 г. — года смерти Мāлика Дайламӣ, так как Мир 'Имāд покинул Казвин еще при жизни этого мастера.

¹⁴ О нем см. [5а, I, с. 168; 12, III, p. 689; 18, p. 119]. Мухаммад-Хусайн был также учителем счастливого соперника Мира 'Имāда при шахском дворе 'Али-Ризā-йи Табризи, впоследствии 'Али-Ризā-йи 'Аббāси [5а, I, с. 173—174; 18, p. 124—126]. В числе учителей Мира 'Имāда источники называют также 'Исāбека, который был известным мастером наста'лика и работал в Казвине до 984/1576 г. — года смерти шаха Тахмāспа I. После чего он уехал в Хорасан, где в селении Кахак округа Джунабад получил место смотрителя-распорядителя при мавзолее-гробнице святого [5а, I, с. 106; 18, p. 106].

Вполне вероятно, что Мир 'Имād мог брать уроки у 'Исā-бека как до отъезда в Табриз, так и после возвращения, поскольку он, закончив обучение в Табризе, вернулся в столицу, где в 981/1573—1574 г. переписал поэму Асадī Тўсий «Гиршāсп-нāме» (British Museum, Or. 12985; [27, p. 76]). Этот список, богато иллюстрированный и украшенный миниатюрами (одна из них работы знаменитого художника Музаффар-'Али), по всей вероятности, был сделан по заказу известного мецената и знатока книги Султāн-Ибрāхīm-мирзы (1540—1577), постоянно находившегося при шахе Тахмāспе I в Казвине с 976/1568 г.

¹⁵ Выражение Султāн-'Али Машхади см. [6, с. 125].

¹⁶ Военные действия длились пять лет — с 993/1585 г. по 998/1590 г. — и завершились миром, по которому Табриз отошел к Турции.

¹⁷ [5, I, с. 170]; согласно [20, с. 240] — в Турцию.

¹⁸ В начальном варианте первой редакции труда Кāзи Ахмада [5, с. 170], завершеном 9 зу-л-хиджжа 1004/4 августа 1596 г. и поднесенном 'Аббāсу I, отмечается, что Мир 'Имād уехал в Хиджаз (рук. Института востоковедения АН СССР В 4722). В окончательном ее варианте, завершеном не позднее начала 1006/1597 г., сообщается о возвращении каллиграфа в Иран. Подробнее об этой редакции см. [3, с. 63—68].

¹⁹ Крупный государственный деятель начала правления шаха 'Аббāса I. С 1004/1595—1596 г. наместник Хорасана, Гиляна и Мазандарана. Убит 27 мухаррама 1007/30 августа 1598 г. по приказу шаха.

²⁰ В частности, в ней же работал в течение двух лет (до 1001/1593 г.) 'Али-Ризā-йи Табризи [5, I, с. 174; 14, p. 124—126; 21, p. 292—296], а также другой известный мастер Султāн-Хусайн Тўнй [18, p. 123].

²¹ По другой версии в Гилян, а оттуда в Казвин [20, p. 240].

²² Оригинал прошения хранится в Парижской национальной библиотеке. Воспроизведение: [9, p. 11].

²³ Цит. по: [17, II, p. 60, note 1]; см. табл. 2b в [4].

²⁴ Согласно Ахмад-'Али-хāну Хāшими, автору «Махзан ал-ғарā'иб» («Сокровища редкостей»), их число доходило до семидесяти (л. 283б).

²⁵ Так, Абу Турāб Исфакāнй провел в ученичестве у Мира 'Имāда двенадцать лет [33, p. 208]. Он стал заместителем (хāлйфа) патрона по школе, а после его гибели возглавил ее.

²⁶ В их числе источники называют Шамса по прозвищу Бини, Саййида 'Али-хāна Табризй, 'Абд ар-Рашйда Дайламй, по прозвищу Рашидā, Мухаммад-Сāлиха Хātунāбādй, 'Абди Бухāри и многих других; см. [33, p. 208, 288].

²⁷ О рукописях трактата см. [29, III, с. 1904—1905]; издания литографическим способом: 1. [42, II, л. 192a—195a]. 2. «Рисāла-йи Āдāб ал-машқ аз Мир 'Имād ал-Хасани». Техран, Кархана-йи 'Имād, 1317/1899—1900. «Рисāла-йи хатт мавсум ба Āдāб ал-машқ аз таснифāt-и хазрат-и устади Мир 'Имād ал-Хасани» // Хунар ва мардум. 1356/1977. XV. № 177—179 — факсимильное воспроизведение рукописи, переписанной в 1353/1974 г. Заметим, что все списки трактата, где автором указан Мир 'Имād, переписаны не ранее конца XVIII в.; ср. [29, III, p. 1904—1905].

²⁸ См.: Oriental College Magazin. 1950. May. No 101. P. 52—71.

²⁹ Текст трактата Бāбā-шāха Исфакāнй «Āдāб ал-машқ» был критически издан на основе двух списков; см. [32, p. LIV—LVII, p. 147—157].

³⁰ Как сообщает Надйм ал-Мулк в «Истории Исфакана» (завершена в месяце джумāда II 1345/7 декабря 1926 — 04 января 1927 г.), намекая на причаст-

ность 'Али-Ризы к интригам: «Все говорили, что покуда Мир 'Имād существо-
ет, 'Али-Риза-йи 'Аббāси не быть первым [каллиграфом]». Мирзā Хайдар-
'Али Исфакāнй изв. как Надим ал-Мулк, «Рисāла-нй мухтасар-и дар тārйх-и
Исфакāн» (автограф), рук. Публичной библиотеки г. Исфакана № 11465Я, с. 63
(Мне не было доступно издание этого сочинения, предпринятое И. Афшаром в
Тегеране в 1964 г.).

³¹ Вслед за Искандаром Мунши [5а, II, с. 895] об этом сообщают почти все
источники. Однако Насрāбādй полагал это обвинение «лживым» [32, р. 207].
Вместе с тем Мустаким-заде [31, р. 695—697] сообщает, что Мир 'Имād был
«верным членом братства накшбанидийа и вел переписку с индийским шей-
хом Ахмадом Сирхинди».

³² Современный иранский ученый Мухаммад-Ибрахим Бастани Паризи
установил, что в 1026/1618 г. за один туман в Систане можно было купить 800
манов (т. е. 2400 кг) пшеницы. Следовательно, стоимость одного бейта была
равна стоимости 2400 кг пшеницы. Что просто фантастично и не может быть
принято всерьез [8, р. 190].

³³ Надйм ал-Мулк следующим образом передает эту легенду: «Шах 'Аббāс
повелел, чтобы Мир 'Имād переписал "Шāх-нāме" Фирдоуси, и присовокупил
3000 туманов наличными же с тем, что остальную сумму, составляющую 60 тыс.
туманов (по цене за бейт один туман) он выплатит после завершения всей рабо-
ты. Мир написал 3 тысячи бейтов и, послав их шаху, востребовал [остальные]
наличные. Шах взъярился и сказал: "Я не хотел бы начинать с тобой ту тяжбу,
которая возникла у Султāна Махмуда Газнави с Фирдоуси". Тогда Мир 'Имād
написанные им три тысячи бейтов распродал по туману за строку страница за
страницей и вернул шаху 3 тысячи туманов» [Надйм ал-Мулк. Рисāла-ий...
С. 63—64].

³⁴ Источники приводят различные варианты этой фразы, сохраняя ее
смысл; см. [19, л. 283б; 33, р. 207; 34, р. 51; 42, раздел «Мир 'Имād»]; ср. [11,
II, р. 526].

³⁵ См.: [9, р. 12; 11, II, р. 526—527], где автор ссылается на 'Али-Қули-
хāна Дāгистāнй Вале.

³⁶ Ср. [17], где автор ссылается на 'Абд ал-Мухаммад-хāна, сообщающего,
что убийцы были якобы пойманы им и казнены.

³⁷ В [5, I, с. 168; 18, р. 119; 20, р. 240], приводится 1012/1603—1604 г.

³⁸ Могольский император Шāх-Джахāн давал должность (*мансаб*) сотника
(*йаксади*) «каждому, кто преподносил ему образец его (Мира 'Имāда. — О. А.)
каллиграфии» [48, р. 40].

³⁹ «Даже сегодня почерк Мира 'Имāда почти гипотетически притягивает к
себе взгляд образованного перса, и именно его стиль служит основой для на-
ста'лика, который все еще в ходу в Персии» [46, II, р. 1739].

⁴⁰ См. [16, р. 489] и альбом (*мураққа*'), не вошедший в каталог Б. Дорна, за
№ ПНС 383.

⁴¹ Art, Archaeology and Handicrafts. Hyderabad, [s. a.]. P. 20.

⁴² [26, II, р. 69]. Сочинение определено как «Панд-нāме» Джāmй.

⁴³ В [10, № 542; 7, I, № 72] датой переписки указан 1012 г.

⁴⁴ *Muh. Isa Waley. Islamic Manuscripts in the British Royal Collection: A Con-
cise Catalogue // Manuscripts of Middle East. 1994. Vol. 6 (1992).*

⁴⁵ В издании 1962 г. настоящего альбома были воспроизведены 9 листов с
образцами художественного письма Мира 'Имāда: обороты л. 6, 13, 24, 46, 55,
88, 91, 93, 100. В общей сложности 23 образца. Только один образец был издан
в цвете (л. 1006). См. [4, табл. 6, с. 104—111]. В издании 1994 г. [30] были

воспроизведены в цвете смонтированные на обороте 34 листов образцы как каллиграфического письма Мира 'Имāда, так и его упражнений: л. 1, 2, 5, 6, 8, 9, 14, 19, 21, 22, 24, 34, 36, 37, 40, 41, 46, 53, 55, 73, 74, 82, 85, 86, 87, 88, 89, 93, 94, 95, 97, 98, 99, 100. Всего — 76 образцов. В издании 1996 г. (The St. Petersburg Muraqqa'. Milan, 1996) были воспроизведены в цвете смонтированные на обороте 97 листов все 195 образцов каллиграфического письма Мира 'Имāда, включая 16, занимающих целую страницу, и 33 образца прописей-упражнений этого мастера, в том числе 24 в размере страницы.

⁴⁶ Орфография в обоих случаях (№ 90а и 93b) — как в тексте. Tāxān-и Māzandarān — местность в Мазандаране на берегу Каспийского моря в 4 фарсах (около 25 км) от Сари; одна из летних резиденций шаха 'Аббāса I. Согласно Искандару Мушши, была переименована в Фарахāбād: «Поскольку во время пребывания <там шаха> постоянно радость и отрада увеличивались в душе далеких и близких <ему> лиц, то он назвал ту возбуждающую радость местность Фарахāбād» [5а, II, с. 850].

⁴⁷ Асаф — легендарный везир библейского царя Соломона — считался в мусульманской традиции образцом мудрого советника и руководителя.

ЛИЦЕВАЯ РУКОПИСЬ ИЗ СОБРАНИЯ ИНСТИТУТА НАРОДОВ АЗИИ АН СССР*

Среди значительного числа художественно оформленных рукописей собрания Института народов Азии АН СССР хранится рукопись, переписанная Мир'Али Харавй, известным гератским каллиграфом, работавшим впоследствии в Бухаре. Этот список привлекает к себе внимание, прежде всего, тем, что он является автографом Мира'Али, который позволяет в совокупности с данными письменных источников точно установить дату немаловажного события в жизни каллиграфа — время его переезда в Бухару. Кроме того, список интересен как произведение искусства — превосходно выполненная книга украшена миниатюрами, по-видимому, работы Махмūда Музаххиба. Рукопись — характерный образец книг продукции придворной библиотеки-мастерской (*kitābhāne*).¹ Над созданием этой книги поочередно трудились красильщик бумаги, каллиграф, миниа-

* Впервые опубликовано в сб.: Ближний и Средний Восток: Памяти проф. Б. Н. Заходера. М., 1962. С. 76—82.

тюрист, музаххиб² и переплетчик. Настоящее сообщение должно более подробно ознакомить специалистов-востоковедов и искусствоведов с упомянутым выше списком.

Описание рукописи. Этот список был кратко описан В. Р. Розеном в составе коллекции персидских рукописей Учебного отделения Министерства иностранных дел.³ Ниже дается более развернутое его описание. Эта рукопись (шифр С 860, старый шифр II 6.30) из коллекции Учебного отделения МИД, переданной в 1919 г. Азиатскому музею Академии наук. Она представляет собой сборник лирических стихотворений (газелей) как гератских поэтов второй половины XV в., примыкавших к литературному кругу Алишера Навои, так и более ранних персидских поэтов, чьи произведения пользовались широкой популярностью в литературных кругах Герата и Средней Азии. В сборник входят газели Амйр Хусрава Дихлавй (л. 1б), Шамс ад-Дйна Хафиза (л. 4а), Акā Малика Шāхй (л. 10а), 'Абд ар-Рахмана Джāмй (л. 14а), Хасана Дихлавй (л. 43б), Бадр ад-Дйна Хилālй (л. 46а), Ахй (л. 48а), Ахлй Туршизи (л. 49а), Мухримй (л. 52а), пять стихотворных шарад (*му'амма*) на имена Махдй, хвāджа Джāн, Мухаммад Амин, 'Аллāм, Зāйид и *қит'а* в честь 'Убайдаллāх-хāна, составленных самим каллиграфом (л. 55б). В рукописи 56 листов размером 22 × 13 см; размер текста 14 × 16 см по 14 строк, написанных по диагонали и вертикально. Пагинация восточная и европейская, после листа 46 — лакуна. Бумага самаркандской выделки, плотная, теплого кремового оттенка. Текст написан мелким четким и уверенным каллиграфическим наста'лйқом (*хафй*) и заключен в рамку из цветных (оранжевая, синяя, зеленая, белая и золотая) линий. Чернила — черные, имена поэтов написаны в заставках, разделяющих газели, белилами. В начале — унван, исполненный золотом и красками. Поля частью цветные и покрыты изящным золотым крапом. В рукописи две миниатюры — на л. 9а и 41б. Список реставрировался, причем был исполнен новый унван и заменены поля на л. 1. Сохранность удовлетворительная, хотя миниатюры, углы переплета и часть оформления пострадали от сырости.

Рукопись была переписана в Бухаре в месяце зй-л-ка'да 935 г. х. (7. VII—5. VIII 1529 г. н. э.). С того времени она побывала у ряда владельцев, печати которых и приписки видны на ее листах: три приписки и шесть печатей девяти ее прежних владельцев. Пять оттисков печатей затерты, и чтение их весьма затруднительно (л. 2а). 1) Легенда печати: *الله محمد على* Аллах, Мухаммад 'Али, 1030 г. х. = 1620—1621 г. н. э. 2) Приписка:

هو مجموعہ بخط قبلة الكتاب ملا میر علی استاد مرحوم میر عماد
دردار تعلم شیراز ابتیاع شد بقیمتی کہ نمیتوان نوشت فی تاریخ
شهر رمضان المبارک سنہ ۱۱۱۴

‘Аллах! Сборник, [написанный] рукою кыблы каллиграфов муллы Мир ‘Али учителя почившего Мир ‘Имада,⁴ был куплен в обители знания Ширазе за цену, которую невозможно указать, в благословенном месяце рамазане года 1114 (1702—1703 г. н. э.)’

3) Приписка:

هو قد انتقل بالبيع الصحيح الشرعى فى ملكه العبد محمد رضا
فى سنة ۱۱۴۳

‘Аллах! Сим перешло в собственность раба божьего Мухаммада Ризы куплей справедливой, законной в году 1143 (1730—1731 г. н. э.)’.

Список проделал длительный путь из ханской библиотеки в Бухаре через руки многих владельцев в Шираз, где он был приобретен в середине XIX в. русским чиновником Министерства иностранных дел Павловым и преподнесен в дар Учебному отделению восточных языков при Азиатском департаменте того же министерства, о чем свидетельствует приписка П. И. Демезона (л. 16).⁵

Переезд Мира ‘Али в Бухару. После присоединения в 1510 г. Хорасана и Герата к сефевидскому государству Герат неоднократно подвергался нападениям узбекских ханов.⁶ Во время одного из таких походов, предпринятого ‘Убайдаллах-ханом (1533—1540 гг.) в 1529 г., узбеки на непродолжительное время захватили Герат.

В числе ученых, художников, каллиграфов и ремесленников, увезенных в Бухару или последовавших за ‘Убайдаллах-ханом в результате этих походов, находился и крупнейший каллиграф первой половины XVI в. Мир ‘Али со своим учеником Махмудом Музаххибом — заурядным каллиграфом, однако отличным художником и выдающимся орнаментировщиком.⁷ То, что Мир ‘Али из Герата направился в Бухару, не вызывает сомнения, поскольку об этом сообщает большинство источников. Исключением является источник XVIII в. «Вāқи‘āt-и Кашмīр», автор которой Мухаммад А‘зам передает местную (?) легенду о переезде Мира ‘Али из Герата в Кашмир,⁸ где он якобы спустя несколько лет и скончался. Из каких источников почерпнул Мухаммад А‘зам эту легенду, неизвестно. Значительное число ис-

точников⁹ сообщает о переезде каллиграфа в Бухару, но только в пяти встречаются даты этого переезда. Самую раннюю дату — 920 г. х. (1514—1515 г.) приводит Бахтāвар-хāн в историко-биографическом сочинении «Мирāt ал-‘Алам»,¹⁰ составленном в Индии в 1078 г. х. (1667 г.).

Сām-мирзā в поэтической антологии «Тухфа-и сāmī», завершённой им в 957 г. х. (1550 г.) датирует переезд в Бухару 925 г. х. (1519 г.).¹¹ Эта же дата встречается в труде XVIII в. по истории Средней Азии, «Тарих-и Касйра». ¹² Автор трактата «О каллиграфрах и художниках» называет 935 г. х. (1528—1529 г.).¹³ И, наконец, пятая, самая поздняя, дата переезда — 945 г. х. (1538—1539 г.) — встречается у Мустафы Дефтери в его антологии «Манāкиб-и хунарварāн», составленной в 995 г. х. (1586—1587 г.).¹⁴

Как видно из вышеприведенных сведений, источники расходятся в определении даты и приводят в качестве таковой 920, 925, 935 и 945 гг. хиджры. Последним обстоятельством объясняется различная датировка переезда Мира ‘Али в Бухару в отдельных статьях и исследованиях. Свет на это событие проливает колофон настоящего списка. Он представляет существенный интерес и ниже приводится полностью:

كتبه العبد الفقير المذنب على الحسينى الكاتب السلطانى غفر الله
ذنوبه و ستر عيوبه بدار الفاخره بخارا فى تاريخ بحمد الله اين
نسخه كردم تمام بتوفيق فرمانده نو الجلال جو در ماه نى قعده
اتمام يافت شدش ماه نى قعده تاريخ سال ٩٣٥

‘Переписал его <список> раб божий, смиренный грешник ‘Алй ал-Хусайнй ал-кāтиб ас-султāнй. — Да простит Аллах его прегрешения и скроет его пороки! — в славном городе Бухаре’. Относительно даты: слава Аллаху, закончил я сию рукопись с помощью Всемогущего повелителя, поскольку свершилось (это) в месяце зй-ка’да, то хронограммой года (завершения) стал месяц зй-ка’да 935 г. хиджры (7.VII—5.VIII 1529 г. н. э.).

Таким образом, в июле—августе 1529 г. Мир ‘Али уже работал в придворной мастерской в Бухаре, где выполнил настоящий список. Вместе с тем вышеприведенный колофон опровергает только сообщение «Манāкиб-и хунарварāн» и свидетельствует, что позднее указанной даты каллиграф не мог переехать в Бухару. Но последнее отнюдь не исключает возможности его работы там и ранее, например в 925/1519 г., согласно сообщению «Тухфа-и Сāmй» и «Тарйх-и Касйра».

В 1931 г. на международной выставке иранского искусства в Лондоне была экспонирована рукопись сочинения Махмуда 'Арифӣ «Хал-нāма» (более известного под названием «Гӯй ва Чавгāн»), находившаяся в частном владении у А. Честер Битти.¹⁵ Список этот был переписан Миром 'Али в Герате и датирован 934 г. х. (1527—1528 г.), последним, видимо, годом работы каллиграфа в Герате.

Итак, если в 934 г. х. (1527—1528 г.) Мир 'Али находился еще в Герате, а в 935 г. х. (1529 г.) он уже работал в ханском книжном магазине в Бухаре, то, без сомнения, переезд его мог произойти в промежутке между этими двумя годами. По всей вероятности, он имел место в 935 г. х. (1528—1529 г.), как свидетельствуют трактат Казии Ахмада и три известных нам списка антологии Сām-мирзы.

Художественное оформление рукописи. 1. Переплет¹⁶ — картонный, обтянут темно-коричневой кожей с тиснением. Размер — 23 × 13 см. Верхняя и нижняя крышки очень близки как по сюжету выполненных тиснений, так и по их композиционному решению. Центральное место в композиции, украшающей крышку, занимает цветущее миндалевое дерево на лужайке, вокруг которого резвятся мелкие животные и звери. На нижней крышке в левом нижнем углу изображена обезьяна, верхом на медведе — характерный мотив поздне timuridskikh¹⁷ переплетов. Обе крышки покрыты позолотой и окаймлены также золоченой рамкой с растительным орнаментом шириной в 1 см, на каждой крышке сверху и снизу — по картуше, в которые вписаны стихи. Богато украшены и внутренние стороны крышки переплета, где картуши с накладкой ажурной сеткой из цветной кожи чередуются с тиснением и резными аппликациями. В центре — медальон с вклеенным в него резным позолоченным изображением традиционного восточного мотива — лев (тигр) терзает лань.

Переплет реставрировался. Дефекты: из картушей на внешних сторонах крышек выпала кожа, в некоторых местах вытерлось золото, оборвана кожа на нижних углах передней крышки.

Переплет выполнен с высоким профессиональным мастерством, в лучших традициях гератских художественных переплетов конца XV — начала XVI в. Превосходная композиция и декоративный эффект этих миниатюр, тисненных по коже, говорят об искусстве мастера, оставшегося, к сожалению, неизвестным.

2. Миниатюр в рукописи всего две. Одна на листе 9а. Миниатюра во всю страницу с уступом в правом верхнем углу. Размеры ее 14 × 6 см соответствуют размерам текста. Изобра-

жены двое юношей, сидящих друг против друга на цветущей зеленой лужайке, омываемой с двух сторон ручьями. Позади юношей на фоне золотого неба четко выделяются кипарис, цветущий миндаль и тополь. Юноша слева одет в оранжевую *джама* и желтую *каба* с короткими рукавами и небольшим отложным воротником, одежда подпоясана широким, завязанным спереди поясом из белой ткани. Юноша справа одет в зеленоватую *джама* и фиолетовую *каба* с короткими рукавами, подпоясан кожаным ремешком с бляхами и с двумя короткими. Он обут в черные остроносые на высоких каблуках сапоги. Оба в куляхах, на которые складками слева направо закручены чалмы. Правый читает книгу, которую держит в руку, левый слушает, держа пиалу в правой руке. Между ними две низкие круглые на четырех ножках золотые подставки и золотой кувшин, украшенный камнями. Миниатюра хорошей профессиональной работы; пострадала от сырости: сильно потерта, серебро потемнело, значительные выпадения красок на зелени и лицах юношей.

Вторая миниатюра на листе 416 помещена на отдельной странице, выступает за рамки текста; размер — 11,5 × 7,5 см. Изображена чета влюбленных в саду: слева на изогнутом стволе остролистной чинары, растущей на берегу ручья, сидит с книгой в руках знатный юноша, закинув ногу за ногу; справа перед ним стоит девушка и протягивает ему правой рукой гранат; на заднем плане, на фоне золотой горы и синего неба, — кипарис и цветущее миндалевое дерево; на берегу ручья, по которому плавают утки, стоит золотой кувшин, рядом с ним — золотая пиала. Юноша одет в лиловый на фисташковой подкладке халат, в желтую *каба* и красную *джама*; черные полосатые шаровары подпоясаны широким завязанным спереди поясом из белой ткани, на котором справа *корт*, правая нога обута в мягкую без каблука черную туфлю (*кафи*); левая, закинутая за правую, — босая. На голове зеленый *кулях*, на котором складками слева направо закручена чалма с эгретом цапли. Девушка одета в зеленое с вырезом платье, из-под которого виднеются коричневая *джама* и полосатые красноватого цвета шаровары; на ней черный, богато расшитый золотом плащ (*фараджия*), подбитый беличьим мехом, который она придерживает у правого плеча; на голове золотой убор в виде диадемы и белое с синим покрывало, спадающее назад.

Миниатюра очень хорошей работы, несомненно того же художника, что и предыдущая. Сохранилась она значительно лучше, чем миниатюра на листе 9а. Нижняя часть миниатюры чуть

потерта, кое-где на лице и шее юноши выпала краска и потемнело серебро.

Нет сомнения, что эти миниатюры созданы в Бухаре, возможно, несколько позднее, чем была переписана рукопись, поскольку они резко отличаются от современных им сефевидских миниатюр. Тем не менее они по своему стилю весьма близки гератским миниатюрам начала XVI в. — последнее можно объяснить либо тем, что мастер, создавший их, был выходцем из Герата, либо тем, что в своем творчестве он следовал традициям и канонам гератской школы.

Композиционное решение этих миниатюр и манера, в которой они исполнены, наталкивают исследователя на мысль, что они принадлежат кисти известного мастера из Герата Махмуда Музаххиба, последовавшего, как передают, за своим учителем в Бухару.¹⁷ Для большинства известных нам произведений, выполненных им, характерно введение в миниатюру в качестве фона высокой горы или неба, крытых золотом (этим приемом пользовались и другие представители гератской школы, но они прибегали к нему гораздо реже). Основной сюжет представлен обычно в нижней половине миниатюры, где на многокрасочном пестром фоне мастер располагает фигуры людей, одетых, как правило, в скромные, неяркие костюмы, с небогатой гаммой красок. Этим гармоничным сочетанием одноцветного золотого фона с многокрасочными яркими изображениями и, наоборот, пестрого яркого фона с одноцветными изображениями художник добивался большого зрительного эффекта своих миниатюр.

Среди выполненных Махмудом Музаххибом миниатюр есть несколько иллюстраций к «Тухфат ал-ахрār» Джāми, воспроизведенных А. Сакисяном в его труде по истории персидской миниатюры.¹⁸ При сравнении одной из них (№ 128) с первой из миниатюр ленинградского списка (л. 9а) нетрудно заметить значительное сходство. Это сходство прослеживается как в общем решении композиции миниатюры, так и во всей манере ее исполнения. Одинаковое расположение и трактовка персонажей центральной группы (в частности, обращает на себя внимание почти полное сходство фигуры и позы придворного с пиалой в руке), решение фона миниатюр, пейзажа — все это позволяет видеть в них руку одного художника.

Несмотря на мелкие различия в деталях, на основании сравнения можно предположить, что две миниатюры из списка Института народов Азии С 860 также принадлежат кисти Махмуда Музаххиба. Любопытно в связи с этим отметить, что он неодно-

кратно исполнял миниатюры в списках, переписанных его учителем.¹⁹

Будучи крупным представителем гератской школы начала XVI в., он едва ли мог изменить традиции этой школы, когда переехал в Среднюю Азию. Поэтому мы полагаем, что эти миниатюры все же нельзя относить к бухарской школе, хотя они и выполнены в Бухаре. По своему стилю они более тяготеют к гератской школе, чьим традициям и следовал художник.

3. Убранство списка. Большим вкусом и мастерством отличается превосходная работа декоратора (*музаххиба*), мастера несомненно высокой квалификации, искусно украсившего текст списка. На каждой странице в рамках текста в правом верхнем и левом нижнем углах — виньетки в форме треугольника, с поразительно тонким, филигранной работы растительным орнаментом. Стихи каждого поэта вводятся прямоугольной заставкой. Поля широкие, частью цветные, покрыты изящным довольно крупным золотым крапом. Это красочное декоративное убранство выполнено, на наш взгляд, с большим мастерством, чем миниатюры. Можно предположить, что оно было выполнено тоже Махмудом Музаххибом, чье мастерство в этой области современники предпочитали искусству Мавлана Йārī.²⁰ Сочетание разноцветной бумаги, золотого крапа на полях, четкого, красивого почерка, миниатюр, заставок и виньеток, выполненных с большим вкусом, изяществом и тонкостью кисти, а также искусного переплета придавало всему списку исключительно нарядный вид, который он и сохранил в значительной мере, несмотря на прошедшие четыре с лишним века.

В заключение хотелось бы отметить, что колофоны рукописей, в особенности точно датированные, имеют, на наш взгляд, немаловажное значение как дополнительный источник при изучении биографии того или иного мастера-каллиграфа. Этот документальный по своему характеру вид источника может внести существенные коррективы и дополнения в сведения, приводимые нарративными источниками (антологиями, историческими сочинениями); в некоторых же случаях колофоны остаются пока единственными источниками сведений о многих каллиграфах.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Об институте «китāбхāне» см.: Семенов А. Гератская художественная рукопись эпохи Навои и ее творцы // Алишер Навои. М.; Л., 1946. С. 153—174.

² Этот термин часто переводят не совсем точно — «позолотчик». Под музаххибом понимался не просто позолотчик, а рисовальщик золотом, который

выполнял все убранство полей рукописи. Подробнее см.: *Sakisian A. Esthétique et terminologie persanes // Journal Asiatique. Paris, 1935. T. CCXVI, No 1. P. 145—146.*

³ «Les manuscrits persans de l'Institut des langues orientales décrits par le Baron Victor Rosen». SPb., 1886, №130.

⁴ Мир 'Али не мог быть учителем Мира 'Имāда, поскольку он скончался в 951 г. х. (1543—1544 г.) за десять лет до рождения последнего.

⁵ П. И. Демезон (1807—1873 гг.) — крупный специалист в области тюркских языков. С 1843 по 1872 г. был директором учебного отделения восточных языков при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел.

⁶ О походах узбеков на Хорасан см.: *Пигулевская Н. В., Якубовский А. Ю., Петрушевский И. П., Строева Л. В., Беленицкий А. М. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII в. Л., 1958. С. 258; Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т.2. М.; Л., 1938. С. 56—69.*

⁷ *Sakisian A. B. Mahmud Mudhahhib — miniaturiste, enluminer et calligraphe persan // Arts Islamica. Ann Arbor, 1937. Vol. IV. P. 338—344.*

⁸ «Вāқи'āt-и Кашмир», рукопись Института народов Азии АН СССР (В—663); сведения об авторе и сочинении см.: *Storey C. A. Persian Literature: A Bibliographical Survey. Vol. I. London, 1939. P. 683.*

⁹ В настоящее время нам известен двадцать один подобный источник.

¹⁰ *Oriental college magazin. Lahore, 1934. T. X, No 4, August. P. 47—48.* — О сочинении и авторе см.: *Storey C. A. Persian Literature... P. 131—132.*

¹¹ Дата встречается в тегеранском издании 1935 г. ۱۳۱۴ , تهران , تحفة سامی. Следует отметить, что некоторые списки данного сочинения приводят 935 г. х. (1528—1529 г.). Это следующие три списка: а) рукопись Института народов Азии АН СССР, шифр В118; б) список, которым пользовался Юар: *Huart Cl. Les calligraphes et les miniaturistes de l'Orient musulman. Paris, 1908. P. 227;* в) список, которым пользовался М. Шафи: *Oriental college magazin. 1934. T. X, No 4, August. P. 6.*

¹² ۲۳۶-۲۳۷ , تاريخ كثيره , تاشكنت ۱۳۲۲ — Произведение это называется также «Та'рих-и Саййид Рақим» или «Та'рих-и Рақими». Подробнее см.: *Семенов А. А. К вопросу о том, кто был автором «Та'рих-и Сейид Рақим». Ташкент, 1928.*

¹³ См.: *Кази Ахмед. Трактат о каллиграфах и художниках. 1596—1597/1005 / Введение, пер. и коммент. Б. Н. Заходера. М.; Л., 1947. С. 136.*

¹⁴ ۹۶ س , ۱۹۲۶ , مناقب هنروران , استامبول — См. также: *Huart Cl. Les calligraphes et les miniaturistes de l'Orient musulman. P. 227.*

¹⁵ *Catalogue of the International Exhibition of Persian Art. London, 1931. P. 68.*

¹⁶ О подобных переплетах см.: *Aga-Oglu M. Persian Bookbindings of the XVth Century. Ann Arbor, 1935; Sakisian A. La reliure persane au XV siècle sous les Timourides // Revue de l'art. Paris, 1934. T. LXV.* — О процессе изготовления восточного переплета см.: *Семенов А. А. Гератская художественная рукопись эпохи Навои и ее создатели. С. 171—173.*

¹⁷ *Sakisian A. B. Mahmud Mudhahhib... P. 339.*

¹⁸ *Sakisian A. B. La miniature persane du XII du XVII siècle. Paris, 1929. Pl. LXXIII, No 128.*

¹⁹ *Ibid. P. 341.*

²⁰ *Arnold T. W. Mirza Muhammad Haydar Dughlat on the Harat School of Painting // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. London, 1930. Vol. V. Pt 4. P. 674.*

ИСКАНДАР МУНШИ О КАЛЛИГРАФАХ ВРЕМЕНИ ШАХА ТАХМАСПА I*

Исследователи персидской каллиграфии располагают весьма ограниченными сведениями о мастерах художественного письма. Источники, которые приводят сведения о каллиграфах и вообще о мастерах рукописной книги, разделяются на две группы. Первая группа — это сочинения непосредственно о каллиграфии как искусстве и его творцах. К этой группе относятся трактаты по каллиграфии, источники типа трактата Кази Ахмада,¹ а также предисловия к альбомам (мураққа‘) образцов каллиграфии и миниатюры. Вторая группа — сочинения, в которых авторы выделили специальные разделы о каллиграфах и художниках или в ходе повествования сообщают о них. Это — исторические хроники и поэтические антологии (*тазкират аш-шу‘арā*’).

Источники первой группы. 1. За исключением сравнительно недавно вошедшего в научный обиход трактата Кази Ахмада главным образом о мастерах рукописной книги исследователи средневековой культуры Ирана практически не располагают другими источниками подобного жанра.² Между тем есть все основания предположить существование традиции составления сочинений такого рода на мусульманском Востоке. Десять лет отделяют создание труда турецкого историка Мустафы Дафтари³ от года завершения первой редакции Кази Ахмада. Однако композиционное тождество, выражающееся в распределении глав по мастерам почерковых стилей (*сульс, насх, та‘лиқ, наста‘лиқ*) и живописи, а также разработанность темы в этих произведениях указывают на существование предшественников у авторов обоих трудов.

Говоря о традиции, мы не имеем в виду трактаты по искусству каллиграфии, традиция составления которых на арабском языке, перешедшая впоследствии на персидскую почву, четко прослеживается с начала IX в. н. э.⁴ Речь идет о сочинениях, представлявших собой, в сущности, биографические справочники, словари, специально посвященные мастерам каллиграфии, миниатюры, переплета, орнамента и розбрызга, т. е. создателям шедевров рукописной книги.⁵ Основным источником для таких сочинений, безусловно, служили устные и письменные преда-

* Впервые была опубликована в: Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР. 1965. № 39. С. 20—32.

ния и рассказы, имевшие распространение как среди профессионалов—создателей рукописной книги, так и состоявших на государственной службе многочисленных муншй-секретарей. Характерно, что авторы подобных произведений были тесно связаны с этой средой. Так, Дўст-Мухаммад и Мāлик Дайлами⁶ были каллиграфами; Кази Ахмад — каллиграфом и муншй.

Сравнивая предисловие Дўст-Мухаммада⁷ к альбому, составленному им в 951/1544—1545 г. для брата шаха Тахмаспа I Бахрām-мирзы, с трактатом Кази Ахмада, нельзя не заметить значительного композиционного сходства между этими сочинениями. Именно это сходство как в тематике, так и в композиции позволяет предположить, что появление трактатов, посвященных каллиграфам и художникам, тесным образом связано с практикой составления альбомов (*мураққа* ') образцов каллиграфии и миниатюр на мусульманском Востоке. Действительно, хотя трактат — оригинальное, самостоятельное сочинение (биографический словарь мастеров рукописной книги), все же его, видимо, можно рассматривать как подробное пояснение к большому, но никогда не составленному альбому.

Естественно, что сочинения такого рода представляют собой основной источник сведений о мастерах каллиграфии и живописи. Остальные источники не могут сравниться с ними объемом приводимых данных, но тем не менее существенно дополняют, а иногда и уточняют сведения, сообщаемые в трактатах о мастерах калама и кисти.

2. Трактаты по искусству художественного письма, как правило, создавались признанными авторитетами в области каллиграфии. Тематика и цель этих произведений — изложить и тем самым передать поколению молодых мастеров сложившиеся в течение многих веков каллиграфической традиции правила, рецепты и навыки искусства художественного письма, а также богатый, накопленный годами опыт авторов (советы, как выбирать бумагу и тростник, рецепты составления чернил и красок, методы очинки тростника, упражнения в различных почерках, приемы написания отдельных букв, пояснения профессиональной терминологии и т. д.).⁸ Эти трактаты содержат богатый и многообразный материал о развитии каллиграфии, но, к сожалению, бедны сведениями о ее творцах. Этот вид источников не играет самостоятельной роли для исследователей персидской каллиграфии и является вспомогательным, представляя интерес оценками авторов стиля и методов работы предшественников, новшеств, введенных ими в теорию и практику письма, развития

эстетических вкусов и взглядов, наглядно наблюдаемых при сравнении разных по времени написания трактатов, а также устойчивостью и преемственностью традиций, которых авторы придерживались и которым следовали.⁹

Источники второй группы. Основные сведения о мастерах каллиграфии и живописи до сравнительно недавнего времени черпались у авторов исторических сочинений и составителей поэтических антологий (*тазкире*). Эти известия фрагментарного характера, но сведенные в корпус,¹⁰ в общем, дали довольно четкое представление о значительном числе каллиграфов и живописцев. Естественно, что ценность данных различных источников неодинакова и только в немногих из них можно почерпнуть оригинальные и свежие сведения, которые не были бы заимствованы авторами у своих предшественников.

Первые очень скудные сведения о каллиграфах появляются в исторических хрониках и антологиях позднее, чем можно было бы ожидать (с середины XV в.). Однако уже к концу столетия объем сведений в источниках резко возрастает. Так, если тимуридский историк 'Абд ар-Раззāқ Самарканди¹¹ в «Матла' асса'дайн» приводит лишь перечень мастеров, работавших в Байсонкровской академии, то спустя лишь четверть века Гийās ад-Дйн Хвандамір¹² в своем труде «Хулāsат ал-ахбār» посвящает им отдельную главу. Увеличение сведений о мастерах каллиграфии можно объяснить повышением интереса широких кругов общества к создателям рукописной книги.

По-видимому, этот интерес косвенно отражал процесс активного приобщения к культурной жизни различных слоев средневекового города — купцов, торговцев и ремесленников, мелких и средних чиновников, лиц духовного звания и свободной профессии. Следствием этого процесса явилось «значительное расширение социального базиса культурной жизни, ставшей тогда (конец XV в. — О. А.) гораздо более доступной для широких слоев общества, чем в предшествующее время».¹³ Многократно увеличилось число грамотных и образованных людей среди этих сословий, повысился интерес к литературе, что, в свою очередь, привело к росту спроса на рукописную книгу. Последнее обстоятельство сыграло решающую роль в увеличении ее «тиража», так как «просто превосходно исполненных списков или иных произведений было много, потому что потребность в чтении книг была велика, а хорошо исполненную рукопись было всегда столь же приятно иметь, как держать нам в руках роскошно изданную книгу».¹⁴ Вместе с тем в некоторых

сочинениях, начиная с XVIII в., авторы пытаются восполнить отсутствие данных о мастерах каллиграфии вымыслом и исторически недостоверными легендами, которые во многих случаях бывает весьма затруднительно отделить от истины.

Выше уже отмечалось, что исторические хроники сообщают весьма интересные сведения о мастерах каллиграфии. К числу таких сочинений¹⁵ относится «Тārīх-и ‘āламārah-и ‘Аббāsī» («Мир украшающая Аббасова история») придворного историографа и мунши шаха ‘Аббāса I Искандар-бека Туркамана (968—1043/1560—1634).¹⁶ Это сочинение, получившее широкое распространение в Иране, дошло до нас в значительном числе списков, несколько раз литографировалось и в 1955 г. было издано Ираджем Афшаром в Тегеране.¹⁷

Искандар Мунши длительное время состоял на шахской службе,¹⁸ был очевидцем и активным участником многих политических событий царствования ‘Аббāса I. Среди современников он считался одним из авторитетнейших знатоков составления деловых и официальных документов и признанным стилистом. «Он пишет очень хорошо та‘лīқом, наста‘лīқом, шикасте... В эпистолярном деле и писании документов он — несравненен; на нем лежит круг корреспонденции и писание грамот и посланий султанов... Скорописью он владеет в совершенстве».¹⁹ Дюкровительство и поддержка великого везира Хāтим-бека Урдūбāди (ум. в 1019 г.х. / 1610—1611 г.) и его преемника Абū Тāлиб-бека в немалой степени способствовали успешному продвижению Искандара Мунши по служебной лестнице. Искандар Мунши был образованным человеком и обладал обширными познаниями и эрудицией, что также не могло не влиять положительно на его карьеру при шахском дворе. Будучи, по свидетельству Кази Ахмада, хорошим каллиграфом и разбираясь во всех тонкостях и деталях искусства художественного письма, он, естественно, не мог безразлично относиться к коллегам по профессии. И поэтому те специальные главы о каллиграфах и художниках, которые Искандар Мунши ввел в свой труд, не следует рассматривать только как дань уже установившейся традиции.

В этой связи его замечания и суждения о достоинствах и недостатках стиля и почерка того или иного мастера имеют для исследователей определенную ценность. Очень важно, что его замечания касаются главным образом тех мастеров, с которыми ему приходилось встречаться и знать лично.²⁰ Он не видел в них только признанных и маститых авторитетов, какими они рисовались уже более поздним поколениям. Отношение его к сооб-

щаемым сведениям весьма активно, а суждения, хотя и имеют оттенок личного восприятия, все же отражают в какой-то степени эстетические вкусы и представления того времени. В последнем заключается основная ценность сообщений Искандара Мунши. Привлекают внимание его неоднократные высказывания о ведущем положении, которое продолжала сохранять за собой в персидской каллиграфии Хорасанская, т. е. Восточная, школа. Известно, что к этой школе принадлежала плеяда первоклассных каллиграфов-художников.

Кроме того, заслуживают внимания два замечания Искандара Мунши о том, что рукописи известных мастеров становятся редкостью, поскольку их вывозят из Ирана и продают за его пределами. Эти слова свидетельствуют о том, что торговля рукописями велась не только в Иране, но принимала международный характер. Ответить на вопросы, каковы были масштабы этой торговли, где находились ее центры, не располагая проверенными и точными данными, довольно трудно. Можно предположить, что она была интенсивной, поскольку уменьшение в Иране числа рукописей, выполненных лучшими каллиграфами, отмечает уже Искандар Мунши. На основании изложенного выше представляется, что богатейшие собрания персидских рукописей в Индии, Турции, Египте и других странах Востока появились не только в результате нашествий в Иран иноземцев-завоевателей, но также и покупались библиофилами и ценителями каллиграфии, которые платили за них золотом. Достаточно при этом указать на таких меценатов, как Великие Моголы в Индии.

В заметках Искандара Мунши о каллиграфрах также сравнительно четко проводится грань между мастерами-профессионалами и секретарями-мунши. Первые занимались исключительно перепиской книг или создавали *қит'а* на заказ, на продажу. Именно эти мастера переписывали бóльшую часть рукописей. Среди них находились и любители, но их было немного. По преимуществу это были люди состоятельные и могли позволить себе писать время от времени. Вторые же, находясь на государственной службе, должны были хорошо знать эпистолярный стиль и обладать красивым почерком, без которого немислим чиновник-мунши. В отличие от первых они не переписывали книг и были каллиграфами на государственной службе.

Прежде чем приступить к переводу рассказа Искандара Мунши о каллиграфрах, мы сравнили его издание со всеми доступными нам списками «Тārīḫ-и 'ālamārā-йи 'Аббāсӣ». В результате сопоставления выяснилось, что только два списка этого

рассказа являются самыми полными и представляют наибольший интерес. Эти списки Ленинградской публичной библиотеки и Института востоковедения АН УзССР,²¹ имеют свои достоинства и дополняют один другого. Если в списке Института востоковедения АН УзССР отсутствует раздел о мастерах почеркового стиля *сульс*, то в списке Ленинградской государственной публичной библиотеки (ЛГПБ) опущены введение с перечислением мастеров стиля наста'лик, умерших еще при Тахмаспе I; ответ каллиграфа Махмуда Сий'авуш'ани на *қит'а* Мир 'Али Харави и анекдот о притязании Мир 'Али. В основу перевода положен список ЛГПБ, поскольку дополнения второго списка носят второстепенный характер и не обогащают наших знаний о каллиграфах. Однако мы сочли возможным включить их в текст перевода, специально отмечая каждый случай в примечаниях.

Перевод выполнен по списку «Т'арих-и 'алам'ар'а-и 'Абб'ас'ий» (л. 1566—1596), хранящемуся в Рукописном отделе ЛГПБ (шифр П. Н. С. 77). Список переписан четким наста'ликом и датирован 12 шаввала 1084/18 января 1674 г.²²

Рассказ о каллиграфах, которые в ту эпоху²³
 благодаря красоте <своего> почерка
 были славою мира и украшением времени.

Из разряда красиво пишущих, что в ту пору перечеркнули пером уничтожения письма прочих мастеров, некоторые из писавших почерком наста'лик уже тогда распрощались с тленным миром. В том числе мавлана 'Абд'и Нйшапур'и,²⁴ мавлана Ш'ах Махмуд Зарр'инкалам,²⁵ мавлана Д'уст Харат'и,²⁶ сын сестры мастера Бехзада мавлана Рустам 'Али,²⁷ Мансур Х'афиз Б'аб'а Дж'ан Турбат'и²⁸ и мавлана Малик Дайлами Казвини,²⁹ что был главою каллиграфов <своего> времени. Посему <здесь> речь пойдет о тех, которые еще находились в то время в оковах бытия.³⁰

Первым, по убеждению гератцев и всего хорасанского и иракского люда, является мавлана Махм'уд-и Исх'ақ Сий'авуш'ани,³¹ а вторым — Мир сайид Ахмад-и Шам'риз-и Машхад'и.³² Оба они — непосредственные ученики мавланы Мир 'Али.³³ В ту пору никто не писал почерком наста'лик с таким изяществом (*нузакат*) и пропорцией (*андам*), как упомянутый мавлана Махмуд. Гератцы считают, что его почерк лучше почерка Мир сайид Ахмада. Убеждение их основано на том, что его светлость мавлана <Мир 'Али> позволил ему писать <свои> *қит'а*

от имени мавланы. Однако мешхедцы не считают сей аргумент бесспорным и рассматривают эти несколько бейтов из стихотворения мавланы Мира 'Али как подтверждение <правоты> своей претензии:

Хвāджа Махмуд хотя только малое время
был учеником сего нижайшего бедняка,
все же в отношении его не проистекло
ни одного упущения.

Однако он также не делает погрешности.
Все, что он пишет, плохое ли, хорошее ли,
он делает во имя <сего> бедняка.³⁴

Рассказывают, что хвāджа Махмуд, услышав это стихотворение, сказал: «Мавлана ошибся, говоря <одновременно> о плохом и хорошем. <Ибо> все, что я пишу плохого, я делаю от его имени». Если даже это было на самом деле, то все же это крайне невежливо, хотя имеет вид острого словца и шутки.³⁵ Мешхедцы предпочитают ему Мир саййид Ахмада. Воистину, его светлость Мир не имел себе достойного среди красиво пишущих и был несравненен в написании *қит'а*. Он весьма прославлен не только в Хорасане и Ираке, но и во всех горизонтах. В среде каллиграфов (*асхаб-и хатт*) единодушно признают (*и'ттикад*) совершенство его почерка. Воистину, в этом деле был он единственным, а из равных <себе> — выдающимся. Почерк его обладает всеми достоинствами, а его *қит'а* распространяют по всем сторонам и краям света, особенно в Индию, Мавераннахр и Рум. Многие, учась у него, удостоились благодати <красиво писать>. Однако под конец жизни он, изменив манеру (*равиш*) письма, ввел новшества в написание букв, что не было одобрено людьми сведущими.

Другим из числа писавших почерком наста'лик в то время является мавлана Мухаммад Хусайн Табрйзй.³⁶ Он — сын мавлана 'Инāяталлāха и брат мавлана Мухаммада 'Али, рассказ о котором был записан пером пояснения в разряде ученых.³⁷ Хотя почерк наста'лиқ, коим <также> пишут в Ираке и Азербайджане, в глазах каллиграфов Хорасана не имеет сколько-нибудь большого достоинства (*и'ттибар*), и этот стиль безупречен <только> у мастеров Хорасана, однако вышеупомянутый значительно преуспел, упражняясь в почерке наста'лиқ, и выработал очень уверенную руку. То, что с <кончика> его пера изливалось на лист упражнения, было безупречно и не было вымарано ис-

правлением. Кроме того, он был способен на большие успехи, и если бы его жизнь получила пощадку, то он перечеркнул бы <своим> пером письма предшествовавших мастеров. Но так как в пору юности кончик пера его бытия обломился, ущербленный роком, то белая страница его жизни оказалась не заполненной строками наслаждения. Ныне, если лист любого его упражнения появляется у кого-нибудь, то передают его из рук в руки, а ревнители этого искусства похищают его друг у друга.

Другой — Мир Му'изз Кāшй,³⁸ что притязал в ту пору на искусство красиво писать и <действительно> прекрасно писал. Он не занимался перепиской <книг>, а работал *қит'а*. Совершенство, которое сверх меры признавали за его почерком в Кашане и Ираке, было преувеличено, так как он не сравнился с хорасанскими каллиграфами, чьи имена были уже упомянуты.

Мавлана Бāбā Шāх Исфāхāнй³⁹ — исключение из пишущих почерком наста'лий в Ираке. В переписке <книг> он прославлен в четырех горизонтах. Воистину, переписчика (*қатиб*), подобного ему, не встречалось прежде в Ираке. Да в ту пору и в Хорасане также не было <такого>. Все время он уделял переписке книг и добывал этим средства к жизни. Вельможные и сановные люди были ценителями его почерка и оказывали ему внимание и милости. Переписанных им книг было много у жителей Ирака, однако ныне они встречаются реже, ибо бōльшую их часть, увезя во все стороны света и края, продали по самой высокой цене.

Мир Садр ад-Дйн Мухаммад, сын мирзы Шарафа <сына> Кази Джахāна. Он тоже писал почерком наста'лий и был из числа каллиграфов <той> эпохи. Происхождением он из казвинских саййидов Сайфй Хасанй. Он, как и его брат Мир Рухаллах, — из числа знатных саййидов и достойных мужей <своего> времени. Дед его и родитель не нуждаются в рекомендациях по причине крайней известности, полноты дарования, способностей, талантов и совершенств как внешних, так и внутренних. Неоспоримым аргументом сего притязания являются красочные любовные газели мирзы Шарафа,⁴⁰ которые своим чрезвычайным изяществом возбудили смятение среди красноречивцев эпохи, поскольку он особенным образом нанизал <их> на нить красноречия. Его упомянутые выше благородные отпрыски, похитив мяч первенства у своих сверстников в изучении обычных наук, приобрели оба полноту прекрасных нравственных качеств и были украшены драгоценными камнями мудрости, учености и знания. Казалось бы уместным записать благородное имя его светлости Мира и его брата в разряде великих саййидов и уважаемых

вельмож, однако поскольку оба они являлись в свое время людьми талантливым и достойными, то имя его светлости Мира было записано пером пояснения в разряде каллиграфов, а имя его брата — в ряду врачей.⁴¹ Словом, его светлость Мир прекрасно писал почерком наста'лиқ и был учеником мавлана Малика Дайлами Казвини, принадлежавшего к числу признанных каллиграфов Ирака. Письму он выучился у него. Его светлость Мир употреблял <в работе> косо очиненное перо (*муҳаррифнавіс*).⁴² В дни юности он писал очень изящно и со вкусом. Однако в конце жизни, по причине слабости зрения, он, оставив упражнения, удовольствовался тем, что сделал прежде. Манерой писать почерком наста'лиқ, подражанием почерковому стилю мавланы Султана 'Али⁴³ и знанием тонкостей того письма он выделялся среди <прочих> мастеров сего искусства. Он признавал письмо мавланы Султана 'Али более совершенным, чем <письмо> мавланы Мир 'Али, и подражал первому лучше прочих <каллиграфов>.

Здесь в отношении красоты почерка сих двух диковин времени кажется уместным одно замечание. Рассказывают, что в ту пору, когда мавлана Мир 'Али, значительно преуспев в сем искусстве, стал широко известен, неоднократно притязал он на первенствующее положение мавланы Султана 'Али, но люди сведущие <всегда> принимали сторону мавланы Султана 'Али. Однажды его светлость Мир перед тем, как отправиться к Мавлане, взял три <его> редкостных, превосходно исполненных *қит'а*, скопировал каждую и, перемешав их все между собой, пришел к Мавлане. Мавлана Султана 'Али стал в тупик, не зная, какая из них написана им. После длительного размышления он признал почерк мавланы Мир 'Али таким же совершенным, как и свой.⁴⁴ Словом, его светлость Мир <Садр ад-Дин> был украшен разного рода достоинствами и талантами. Годами изучая исторические книги и исследуя стихи предшествовавших и современных поэтов, он составил такую антологию (*тазқире*), какие в прежние времена редко составлялись. Ежели в населенной четверти света у кого-либо появлялась мерная строка, то его светлость Мир, разузнав подробности о том человеке, включал его <имя> в антологию.⁴⁵ Большинство поэтов ему писали. Но, несмотря на то что вся его жизнь ушла на сие <дело>, то, к чему он стремился, не получило завершения.⁴⁶ Он вложил много труда в науку музыки и музыкальной композиции (*адвār*) и стал <в сей области> светилом своего времени. Он виртуоз в составлении сюит (*қавл*) и напевов ('*амал*), а его удивительные песенные

мелодии (*нақиша*) украшают маджлисы весельчаков и всегда на устах певцов. Во время правления, равного достоинством Искандару,⁴⁷ он был в числе приближенных и фаворитов счастливого царевича Султан-Хамза-мирзы,⁴⁸ а во времена его величества отмеченного счастьем Шаха — тени Аллаха⁴⁹ он еще больше стал предметом благосклонного взора. Он постоянно находился при священнейшем стремени. И в одной из поездок в Хорасан он, настроив инструмент на мелодию путешествия в иной мир, подобно гонцам, делающим переход за переходом, и паломникам, направляющимся в Хиджаз, подвязав колокольчик бытия к <шее> верблюда тлена, пустился в мир вечный.⁵⁰

Мірзā Ибраїм, сын мирзы Шах-Хусайна Исфакани.⁵¹ Он также был сыном везира, даровитый, способный, живописующий. Его светлость Мирза, подобно Миру <Садр ад-Дину>, употреблял в письме косо очиненное перо. Однако его почерк не обладал достоинством почерка Мира. Он был щедрым, талантливым, воздержанным, непритязательным. То, что ему удавалось приобрести благодаря своему влиянию, он выкладывал на скатерть искренней дружбы. Его полный споров и шума дом постоянно посещали остроумцы, поэты и близкие. То он побарски в полном благополучии проводил время, то по <целым> неделям удовлетворялся поисками пропитания. И, сидя у двери упования на божье благоволение, получал разного рода милости от чиновных и вельможных лиц. Несмотря на это, он очень любил пошутить и был весьма общительным. В присутствии его светлости Мирзы была широко открыта дорога осмеянию острым словом, хуле и поношению как человека подлого, так и благородного происхождения. Кроме того, он притязал на <точное> понимание стихотворений и совершенное знание слов персидского языка. Трактат о персидских словах, что им составлен, ныне распространен в Ираке.⁵²

Кроме того, пишущие почерком наста'лик были в каждом сословии (*табақа*). Например, 'Исā-бек, сын скорохода Мухаммада, внук скорохода 'Али,⁵³ он был бесподобен в письме красками. Также Пир Будāк-бек Каплāн Оглы Шамлū, что, преуспев в письме почерком наста'лик, был среди тюрков (*атрак*) выдающимся. Байрāм Илкалū — предводитель <племени> 'Арабгирлū — также писал почерком наста'лик. Если калам, рассыпающий амбру слов, заговорит, чтобы описать обстоятельства каждого из подобных им, то <наше> повествование затянется.

В разряде пишущих почерком та'лик, именно Хваджа 'Алā ад-Дин Мансūr мунши Карахрūди⁵⁴ был в ту пору несравнен-

ным. Он — из числа секретарей августейшего присутствия, и имя его уже записано в ряду секретарей. Однако поскольку он был каллиграфом, то я, не задумываясь, написал о нем еще раз. Происхождением он из детей городского старшины (*калāнтар*) Карахрұда. Он прекрасно подражал почерку мавланы Дарвиша и был в ту эпоху бесспорным авторитетом. Кроме того, некоторые, обладавшие умением красиво писать сим почерком говаривали, что его почерк совершенен. Но вместе с тем он пишет не очень изящно (*дурушт*), а *дāйире*⁵⁵ пишет крупными. Конечно, <только> в переписке документов, написании указов и грамот сия манера привлекает более всего, потому что мавлана 'Абд ал-Хай⁵⁶ — мунши Султана Йа'құба Туркамāна, что был несравненным каллиграфом в почерке та'лїқ, писал неровно и дайире выводил крупными и растянутыми. Так же со вкусом и хорошо он писал почерком шекасте-йи наста'лик.

Мирза Ахмад, сын мирзы 'Атā'ллаха, тоже из числа каллиграфов, пишущих почерком та'лїқ.⁵⁷ Хотя первое время он, находясь в обучении у Хваджи 'Али ад-Дин Мансура, писал округло (*кāвāкнавис*), однако впоследствии он значительно преуспел и прекрасно усвоил манеру почеркового стиля шикасте мавланы Дарвиша, писавшего тупым (*кунд*) пером. Дайире его почерка не соответствуют <манере> Хваджи 'Алā ад-Дин Мансура, неокруглы (*гайр-и кавак*) и вместе с тем лишены чрезмерной сочности (*рутубат*). Происхождением он из детей удостоенного доверием везира времени шаха, чья обитель в райских садах.⁵⁸ В ту пору, когда его отец — везир Азербайджана и Ширвана — пользовался благосклонным вниманием шаха, чья обитель в райских садах, и благодаря всякого рода многим милостям был предметом зависти таджиков, он состоял в высочайшей ставке в числе участников маджлисов и прислуги. В круг его обязанностей входили <хранение> чернильницы, пенала для калама и очинка калама шаха, чья обитель в райских садах.

Впоследствии вмешались люди, опытные в доносах и клевете, и удалили его от милостивого взора. Длительное время он пребывал в опале. Однако всякий раз, когда писались корреспонденции в Рум, его тут же призывали, и он принимал участие в составлении писем. После болезни шаха, чья обитель в райских садах, он стал везиром Шуштера и Хузистана. А во время правления шаха, равного достоинством Искандару, он отправился в Хорасан с рекомендацией на везирство при Муршид-Қули-хане.⁵⁹ Так как он был очень заносчивым, то возбудил хорасанские события и в крепости Турбат был убит сыном своего брата.⁶⁰

Мирза Мухаммад-Хусайн, сын мирзы Шукраллаха.⁶¹ Его отец был главою финансового ведомства (*муставфӣ ал-мамәлик*) шаха, чья обитель в райских садах, и имя его записано в ряду везирей.⁶² В почерковом стиле та'лиқ он не имел себе равного и был бесподобным и несравненным каллиграфом. Он значительно преуспел и вслед за мирзой Ахмадом довел почерк та'лиқ до предела совершенства. Он тоже следовал манере мавланы Дарвиша. Однако, по мнению покрывающего чернью сии листы, несмотря на то что они оба возвели опоры <своего> почерка на фундаменте пера мавланы Дарвиша, все же оба они пишут по-своему, а каждый из них обладает своим особым стилем (*тарз*), который никоим образом не уступает манере мавланы Дарвиша. Сочности в почерковом стиле мирзы Мухаммад-Хусайна более, чем в почерке мирзы Ахмада. Во времена высочайшего величества он, отправившись в Хинд, находился в ряду мулазимов и мунши властителей Хиндустана. И в той <стране> величайшей черноты изобразил письма смерти на чистом листе <своей> жизни.

Мирза Хусайн-мунши,⁶³ сын Хваджи 'Инаяталлаха — везира Хасан-бека. Он прекрасно писал почерком та'лик и был учеником Хваджи 'Ала ад-Дин Мансура. Находясь в ряду писцов августейшей канцелярии (*дар ал-ишша*), он писал округло в манере своего наставника, очень споро работал в переписке корреспонденции и превосходно писал почерком шекесте-йи наста'лиқ. Были и еще каллиграфы, как мавлана Мухаммад-Амин-мунши Казвини⁶⁴ и прочие.

А из разряда (*табака*) писавших почерком сульс мастером <своей> эпохи и уникай <своего> времени был мавлана 'Алāбек Табризи,⁶⁵ драгоценный камень почерка которого среди жемчужной россыпи <прочих> почерков сверкает, словно яхонт.⁶⁶ <Хотя> он писал в манере 'Абдаллаха Сайрафӣ,⁶⁷ однако он перечеркнул чертой уничтожения его письма и <письмена> прочих превосходных мастеров. И это суждение является достоверным (*мухаққақ*) не только для табризских знатоков, но и для <всех> мужей сведущих. Мавлана 'Али-Ризā-йи Табризи⁶⁸ и Хасан-бек, сын Махмуд-бека Сāлима,⁶⁹ — из его учеников. Мавлана 'Али-Риза во времена шаха, тени Аллаха, проявив вкус к почерку наста'лиқ, в малое время значительно преуспел и стал в сем искусстве широко известен. Воистину, он был единственным в <свое> время. Мавлана Йусуф *китāбдār*⁷⁰ также был каллиграфом. И если калам, искажающий буквы, приступит к изложению рассказа о них, то <наше> повествование затянется.

Посему, после того как были записаны имена наиболее известных из этого сословия и тех, кто <в настоящее время> несет службу при государевом дворе, язык пояснения калама воздержался относительно писания о прочих.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сочинение известно в двух редакциях; о первой см.: *Казим Ахмед*. Трактат о каллиграфях и художниках. 1596—1597/1005 / Введение, перевод и комментарии проф. Б. Н. Заходера. М.; Л., 1947. О второй см.: *Calligraphers and Painters: A Treatise by Qādī Ahmad, son of Mīr Munshī (circa A. H. 1015/A. D. 1606)* / Translated from the Persian by V. Minorsky. Washington, 1959. P. 34—39.

² В данном случае мы имеем в виду сочинения, созданные непосредственно в Иране.

³ О нем см.: Предисловие Махмуда Камāля, предпосланное изданию «Манāкиб-и хунарварāн» (Стамбул, 1926. С. 3—130).

⁴ *Abbott Nabia*. Arabic Paleography // *Ars Islamica*. 1941. Vol. VIII. P. 85—86.

⁵ О процессе создания рукописной книги см.: *Семенов А. А.* Гератская художественная рукопись эпохи Навои и ее творцы // Алишер Навои. М.; Л., 1946. С. 153—174.

⁶ В одной из статей о крупнейшем персидско-таджикском каллиграфе Султане ‘Али Машхадī (839—926/1435—1520) современный иранский ученый Махди Байани отметил, что Малик Дайламī (ум. 969/1561—1562) составил предисловие к альбому (*мураққа*) эмира Хусайн-бека, которое он посвятил мастерам каллиграфии. См.: *Махди Байани*. Султан ‘Али Машхадī, I // Пайам-и навин. Тегеран. 1339/1960. № 2. С. 72.

⁷ *A Treatise on Calligraphists and Miniaturists, Halat-i Hunarwanan* by Dust Muhammad, the Librarian of Bahram Mirza (d. 1550) / Ed. by M. Abdallah Chaghatai. Lahore, 1936.

⁸ См., напр., главу II трактата Маджнуна Рафики «Хатт ва Савād». Глава была напечатана в журнале: *Oriental College Magazine*. 1934. Vol. X, No 4. P. 17—18.

⁹ Анализ одного из таких трактатов см. в ст.: *Костыгова Г. И.* Трактат по каллиграфии Султан-Али Мешхеда // Труды ЛГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1957. Т. 2(5). С. 103—163.

¹⁰ Интересную и, видимо, успешную попытку собрать воедино данные о каллиграфях, сообщаемые авторами исторических хроник, предпринял в 30-х годах проф. Мухаммад Шафи’ (см.: *Oriental College Magazine*. Lahore, 1934. Vol. X, No 1—6).

¹¹ О нем и его труде см.: *Storey A.* Persian Literature: A Bio-bibliographical Survey. Vol. I. London, 1935. P. 293—298.

¹² *Ibid.* P. 102.

¹³ *Болдырев А. Н.* Зайнабдин Васифи. Таджикский писатель XVI в.: (Опыт творческой биографии). Сталинабад, 1957. С. 254.

¹⁴ *Семенов А. А.* Гератская художественная рукопись эпохи Навои и ее творцы. С. 153—154.

¹⁵ Значительная часть этих сочинений помещена в кн.: *Storey A.* Persian Literature. Vol. I. P. 1071—1078.

¹⁶ Сведения об авторе и сочинении, а также перечень рукописей см.: Storey A. *Persian Literature*. Vol. I. P. 310—312; *Насраллах Фалсафи*. Зиндагани-йи шах 'Аббас-и Аввал (на перс. яз.). Т. II. Тегеран, 1334/1955; Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. II. М.; Л., 1938. С. 10—11; *Петрушевский И. П.* Очерк по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI — начале XIX в. Л., 1949. С. 32—36; *Рахмани А.* «Тарих-и аламара-йи Аббаси» как источник по истории Азербайджана. Баку, 1960. С. 8—18.

¹⁷ Тарих-и 'аламара-йи 'Аббаси. Т. I. Тегеран, 1333/1954; Т. II. Тегеран, 1334/1955.

¹⁸ В 1001/1592—1593 г. он вошел в число муншийан-и 'изām («великих секретарей»).

¹⁹ *Кази Ахмад*. Трактат о каллиграфах и художниках... С. 102.

²⁰ Сравнение с данными Кази Ахмада, а также других источников показывает, что эти мастера были или сверстниками Искандара, или его старшими современниками.

²¹ Описание рукописи см.: *Миклухо-Маклай Н. Д.* Рукописи Искандера Мунши «Тарих-и 'аламара» в собрании Института по изучению восточных рукописей АН УзССР // Бюллетень АН УзССР. 1945. № 4.

²² Чтобы не ссылаться в примечаниях на использованные источники и тем самым не усложнять комментарии к тексту, ниже приводится список основных исторических хроник и поэтических антологий, привлеченных при составлении комментария:

1. «Хālāt-и хунарварān» — предисловие к альбому Бахрам мирзы / Составлено Дуст Мухаммадом в 953/1546 г. Об авторе и сочинении см.: Storey A. *Persian Literature*. Vol. I. P. 1072—1073.

2. «Тарйх-и рашйдй», закончено Мухаммадом Хайдар' Дуглатом в 954/1547 г. См.: *Salemann C.* Neue Erwerbungen des Asiatischen Museums // *Melanges Asiatiques*. 1887. IX. P. 323—280; Storey A. *Persian Literature*. Vol. I. P. 374—275.

3. «Тухфе-йи Сами», завершено Абу-н-Насром Сам мирзой в 957/1550 г. См.: рукописи Института народов Азии АН СССР, шифр В 116 и В 118; *Миклухо-Маклай Н. Д.* Описание таджикских и персидских рукописей. Вып. 2. М.; Л., 1961. № 101—102.

4. «Музаккир ал-ахбāб» / Составлено Баха ад-Дин Хасаном Бухари Ни-сāри в 974/1566—1567 г. См.: рукописи АН СССР, шифр В 2493 и В 4020; *Миклухо-Маклай Н. Д.* Описание таджикских и персидских рукописей. № 104.

5. «Ахсан ат-таварйх», закончено Хасан беком Румлу в 989/1581—1582 г. *Ahsanu't-tawarikh: A Chronical of Early Safawis: In 2 vols / Edited and translated by C. N. Seddon. Baroda, Oriental Institute, 1931—1934.*

6. «Тазкире-йи хушнависāн ва наккāshān» Кази Ахмада в двух авторских редакциях 1006/1597—1598 и 1015/1606 гг. Об авторе и сочинении см.: Storey A. *Persian Literature*. Vol. I. P. 1074.

7. «Маджма' ал-хавāс», завершено Мухаммад-Садик-бек Афшаром в 1012/1603—1604 г. «Тазкире-йи маджма' ал-хавасс» (на перс. яз.) Талифи и Садики Китабдар. Табриз, 1327/1948.

8. «Мирāt ал-'āлам», составлено в 1078/1667 г. Мухаммадом Бака Сахаранпури. См.: *Oriental College Magazine*. 1934. Vol. X, No 4. P. 47—48; Storey A. *Persian Literature*. Vol. I. P. 132.

²³ Т. е. в эпоху правления шаха Тахмаспа I (930—984/1524—1576).

²⁴ Мастер 'Абдаллах, родом из Нишапура; ученик Султана 'Али Машхади (см. ниже), длительное время работал в мастерской при дворе шаха Тахмаспа I; известен также как мастер художественного оформления рукописи (*музаххиб*), умер в преклонном возрасте между 955 и 957/1548—1550 гг.

²⁵ Низām ад-Дин Шāх Махмūd, родом из Нишапура (892—972/1486—1564). За красоту почерка получил прозвание «заррйнкалам» — золотое перо, считался третьим каллиграфом после Султана 'Али и Мира 'Али Харави (см. сноску 33). Племянник и ученик 'Абдаллаха Нишапури. Первый каллиграф придворной мастерской шаха Тахмаспа I; после роспуска последней обосновался в Мешхеде, где и умер в 80-летнем возрасте.

²⁶ Видимо, имеется в виду Дуст-Мухаммад, сын Низам ал-мулка Сулаймана, родом из Герата. Ученик каллиграфа Касима Шāдишāха (умер в 960/1552—1553), работал в придворной мастерской шаха Тахмаспа I, был управляющим *китабхане* Бахрам мирзы (ум. в 956/1550 г.), для которого в 951/1544—1545 г. он составил известный альбом. После роспуска придворного *китабхане* остался при особе шаха, считался знатоком музыки и неплохим художником. Умер в 70-х годах XVI в.

²⁷ Камал ад-дин Рустам 'Али, родом из Герата. Работал каллиграфом в *китабхане* Бахрам мирзы, а затем у сына последнего — Ибрахим мирзы (убит в 984/1577), писал также красками и был неплохим мастером художественного оформления рукописи. Умер в Мешхеде в 970/1562—1563 г.

²⁸ Мансур Хāфиз Бāбā Джāн Турбати, родом из Турбата в Хорасане. Считался неплохим каллиграфом, славился искусной игрой на лютне и мастерством в резьбе и инкрустации золотом по кости. Кроме того, Мансур был сведущ в стихосложении и хорошо составлял логогрифы (*му'амма*). Умер в Тебризе в 944/1537—1538 г.

²⁹ Малик Дайлами Казвини, родом из селения Фильвакуш около Казвина. Его отец — Шахра Мир — был признанным каллиграфом в почерках *насх* и *сульс*. Вначале Малик, пройдя курс обучения у своего отца, добился признания как мастер классической «шестерки» (*сульс*, *насх*, *мухаққак*, *райхан*, *тавки*, *рика*), а затем, обратившись к *наста'лиқу*, стал выдающимся мастером этого почеркового стиля. С 964/1556—1557 г. работал в Мешхеде в *китабхане* Ибрахим мирзы, а с 966/1558—1559 г. — в мастерской при дворе шаха Тахмаспа I. Отличался большой эрудицией и глубокими знаниями как богослов. Учитель знаменитого каллиграфа времени шаха 'Аббāса I Мир 'Имāда (убит в 1024/1615). Умер в Казвине в 969/1561—1562 г.

³⁰ В рукописи ЛГПБ опущено.

³¹ Хваджа Махмуд, сын Исхака аш-Шихāбī, родом из селения Сийавушāн. В 935/1529 г. был вывезен в Бухару шибанидом 'Убайдаллах-ханом (940—946/1533—1539). Обладал очень красивым почерком, но, будучи человеком состоятельным, работал мало. Из Бухары выехал в Балх, откуда, по-видимому, в Герат, где и умер в 991/1583 г. (?). Современники отмечали его прекрасную игру на лютне и шитурга.

³² Мир саййид Ахмад-и Шам'риз-и Машхади, родом из Мешхеда, из семьи саййидов Хусайни; его отец был по профессии свечником. Наиболее известный из учеников Мира 'Али, у которого он обучался в Герате. Впоследствии вместе со своим учителем работал в придворной мастерской бухарского хана 'Абд ал-'Азйза (947—957/1540—1550). После смерти хана он возвратился в Иран и работал в мастерской при дворе Тахмаспа I, а затем при Исма'иле II (984—985/1576—1577). Умер в 986/1578—1579 г.

³³ Крупнейший персидский каллиграф XVI в., выдающийся мастер в стиле наста'лик, Камал ад-Дин Мир Джан, известный как 'Али ал-Харави, 'Али ал-Катиб, 'Али ал-Хусайни, Мир 'Али, Мир 'Али ал-Катиб. Родом из Герата, из семьи сайидов Хусайна; ученик Зайн ад-Дин Махмуда, затем учился у Султана 'Али в Мешхеде. По возвращении работал в *китабхане* Хусайна Байкары в Герате и получил почетное прозвание «катиб ас-султани» (каллиграф государев). С 935/1529 г. жил в Бухаре, где и умер в 951/1543—1544 г. Известен своими логгрифами (*му'амма*) и трактатом по каллиграфии «Мидад ал-хутут».

³⁴ Стихотворение проводится также в анонимной хронике, составленной около 950/1542—1543 г. «Хуласат ат-таварих» (*Oriental College Magazine*. 1934. Vol. X, No 4. P. 47—48). Это «Джавахир ал-ахбар» Будага Қазванй.

³⁵ В рукописи ЛГПБ этот анекдот опущен.

³⁶ Мухаммад-Хусайн Табризи, родом из Табриза, искусству письма обучался в Мешхеде у Мир сайид Ахмада, после чего возвратился в Табриз. Работал при Исма'иле II; учитель Мир 'Имада (убит в 1024/1615). Дата смерти точно не известна, однако источники сообщают, что он умер в молодости. Его отец был шейх ал-исламом Тебриза и управителем вакфных имуществ (*хил'айят*) лично шахского домена.

³⁷ См. рукопись ЛГПБ. Л. 150а.

³⁸ Мир Му'из ад-Дин Мухаммад, родом из Кашана, из семьи сайидов Хусайни. На рукописи и *кит'а*, выполненные им, был большой спрос в Индии. Он умер в Кашане в 995/1586—1587 г.

³⁹ Баба Шах Исфахани — наиболее известный мастер второй половины XVI в. Славился изяществом и красотой своего почерка. Современники считали, что в мастерстве он не уступает ни Мирә 'Али, ни Султана 'Али. Писал стихи под псевдонимом Хали. Умер в Багдаде в 996/1587—1588 г., по другим сведениям — в 1012/1603—1604 г.

⁴⁰ Шараф, сын Кази Джахана, сына сайида Сайф ад-Дина ал-Хусайни ал-Казвини (902—962/1496—1554). Входил в ближайшее окружение Тахмаспа I. По отзывам современников, он был хорошим поэтом и выдающимся теологом. Диваны его стихов весьма редки, один из них описан в каталоге Банкипура (см.: *Muqtadir Abdul*. Catalogue of the Arabic and Persian MSS in the Oriental Public Library at Bankipore. Calcutta, 1910. Vol. II, No 238). В собрании Ленинградского отделения Института народов Азии хранится список «Дивана» этого поэта [шифр А 70 (268). Л. 1656—221а].

⁴¹ См. рукопись ЛГПБ. Л. 156аб. — Судя по этому высказыванию, для Искандара Мунши профессиональные таланты имели большую ценность, чем происхождение из семьи сайидов, возводивших свой род к имаму Хасану, что в сефевидском Иране рассматривалось как наивысшее личное достоинство.

⁴² Т. е. он писал каламом, кончик которого срезался под углом в 45 градусов.

⁴³ Низам ад-Дин Султан 'Али, сын Мухаммада, родом из Мешхеда. Крупнейший персидский каллиграф времени последних Тимуридов. Родился в 839/1435—1436 г. С 865/1460—1461 г. работал в Герате при дворе вплоть до крушения тимуридской державы. Был чрезвычайно известен и знаменит; за свое мастерство получил почетное прозвание «қиблат ал-куттаб» (кибла каллиграфов). В 920/1514 г. составил версифицированный трактат по каллиграфии; умер в 926/1520 г.

⁴⁴ Этот рассказ приводится также Хасаном Румлу и автором «Маджалис ал-му'инийн» Нураллахом Шуштарй. В рукописи ЛГПБ рассказ опущен.

⁴⁵ Исследователи почти не располагают сведениями о методах работы составителей *тазкире*. В этой связи особенно ценно замечание Искандара Мунши о том, что поэты сами писали ему, желая быть отмеченными в *тазкире*.

⁴⁶ Любопытный эпизод о своем столкновении с Садр ад-Дином в связи с этой антологией приводит Кази Ахмад во второй авторской редакции трактата. Пересказ его дает В. Ф. Минорский: «Наконец, он отчаялся довести этот труд до конца и попросил Кази Ахмада передать ему собственную “Тазкират Ташшу‘ара”, чтобы включить ее в свою. Он убедил шаха потребовать ее копию у Кази Ахмада, однако последний, извинившись, сказал, что она еще не готова. Тогда Садр ад-Дин прибеж к клевете и сказал, что сорок пять лет тому назад, когда отец Кази Ахмада был везиром в Мешхеде, он взял книгу из [его] библиотеки и таким образом она оказалась в собственности Кази Ахмада. Дабы завершить свою *тазкире*, Садр ад-Дин потребовал ее [обратно]. Он отравил этой интригой разум шаха, и тот сместил Кази Ахмада, который возвратился в Кум. Когда в месяце сафаре (1007/сентябрь 1598) его святейшество садр Мир ‘Али Инджū прибыл в Кум, Кази Ахмад поклялся ему на Коране, что обвинение Садр ад-Дина было абсолютной ложью, и призывал в свидетели имама Ризу и его сестру (погребена в Куме). В том же месяце Садр ад-Дин отправился из Исфাহана в Хорасан, но внезапно умер в месяце раби‘ ал-аввал (1007/октябрь 1598)».

⁴⁷ То есть шаха Мухаммада Худабанде (985—995/1578—1587).

⁴⁸ Второй сын Мухаммада Худабанде (убит в 994/1586 г.).

⁴⁹ То есть шаха ‘Аббāса I (995—1038/1587—1629).

⁵⁰ Наглядный пример искусства превосходного стилиста. Фраза составлена таким образом, что многие слова в ней, помимо своего основного значения, употребляются как технические термины, принятые в среде музыкантов. В данном случае все сводится к жонглированию словами, потому что попытка перевести фразу, используя эти термины, результата не дает и лишает ее смысла. Однако внешне это выглядит очень эффектно и довольно изящно. Например, *sāz* — музыкальный инструмент и приготовление чего-либо; *āxang* — мелодия и подготовка к путешествию; *piširav* — прелюд и путешественник, паломник; *rāh* — музыкальный тон и путь, дорога; *Хиджас* — часть Аравийского полуострова с Меккой и Мединой и название одного из 12 основных ладов (*мақām*) мусульманской музыки; *Зангула* — один из ладов и колокольчик и т. п.

⁵¹ При шахе Исма‘иле I его отец — Мирза Шах Хусайн Исфাহани был одно время великим везиром, он был убит конюшим Исма‘ила I Шах-Қули в 929/1523 г.

⁵² Имеется в виду толковый словарь персидского языка «Нусха-йи мйрзā», или «Рисāла-йи мйрзā», составленный, видимо, в 980/1572—1573 г. В собрании Ленинградского отделения Института народов Азии АН СССР хранится немного дефектный экземпляр этого весьма редкого словаря — шифр В 559 (477). О сочинении см.: *Salemann C. Bericht über die außgabe des Mi‘yar i jama-li // Melanges Asiatique. SPb., 1888. Т. IX (1880—1888). P. 442—444.*

⁵³ Его отец был скороходом Тахмаспа I. ‘Иса-бек входил в ближайшее окружение этого сефевида. После смерти последнего получил пост управителя вакфных имуществ (*мутаваали*) при гробнице «святого» в Джунабаде, где и умер.

⁵⁴ Хваджа ‘Ала ад-Дин Мансур, родом из Карахруда. Считался одним из лучших мунши своего времени. 30 лет проработал на разных должностях в шахской канцелярии. В качестве государственного секретаря (*мунши ал-*

мамāлик) обладал исключительным правом писать жидким золотом тугры на шахских грамотах. После смерти шаха Тахмаспа I стал финансовым чиновником, следившим за поступлением доходов от кызылбашских племен. Впоследствии, выйдя в отставку, удалился в свое поместье в Карахруд.

⁵⁵ Дайре — технический термин. Под ним понимались буквы арабского алфавита, имеющие глубокий и широкий росчерк книзу, т. е. джим, ҳа, ҳа, лам и т. п.

⁵⁶ 'Абд ал-Хай Мунши считался первоклассным мунши и превосходным стилистом; работал при тимуриде Абу Са'иде (861—872/1456—1468) и султানে из династии Ак-Коюнлу Йа'кубе (884—896/1479—1490); умер в Табризе в 907/1501—1502 г.

⁵⁷ Дарвиш 'Абдаллах, родом из Балха, получил почетное прозвание «султāни» (султанский), ученик и современник 'Абд ал-Хай Мунши; работал при тимуридах Абу Са'иде и Султан Хусайне Байкаре, был выдающимся каллиграфом и мунши.

⁵⁸ То есть шаха Тахмаспа I (930—984/1524—1576).

⁵⁹ Впоследствии беглербег Герата и воспитатель малолетнего 'Аббāса I; захватив в 995/1587 г. столицу государства Казвин, объявил шахом 16-летнего 'Аббаса; убит по приказу последнего в 997/1588 г.

⁶⁰ В 990/1582 г. Описание этих событий см.: *Кази Ахмад*. Трактат о каллиграфах и художниках... С. 99, прим. 4.

⁶¹ При Исма'иле II его отец стал великим везиром, а при 'Аббāсе I был назначен управляющим личными доменами шахской фамилии в Хорасане. Мирза Мухаммад умер в Индии между 1015/1606 и 1038/1629 гг.

⁶² См.: Рукопись ЛГПБ. Л. 1516—152а.

⁶³ Мирза Мухаммад-Хусайн долгое время работа в государственной канцелярии, но затем в связи с неблагоприятно сложившимися для него там условиями эмигрировал в Индию.

⁶⁴ Обладал репутацией превосходного мунши, работал при сефевидских шахах Тахмаспе I и 'Аббāсе I. Умер в 1001/1592—1593 г. (см.: *Кази Ахмад*. Трактат о каллиграфах и художниках... С. 101).

⁶⁵ 'Алā ад-Дин Мухаммад, сын Шамс ад-Дин Мухаммада Хафиза, родом из Табриза, славился изяществом и красотой своего почерка, особенно сульсом. Работал, в основном, при Тахмаспе I, но, видимо, дожил до начала правления шаха 'Аббāса I. Кази Ахмад встретался с ним в Табризе в 988/1580—1581 г.

⁶⁶ Намек на то, что среди современных ему мастеров он был подобен Йāкўту Муста'симй (ум. в 696/1296), который, согласно традиции, являлся непревзойденным каллиграфом в стиле сульс.

⁶⁷ 'Абдаллах Сайрафи, сын Хваджи Махмуда саррафа, родом из Табриза; современник последнего иль-хана Султана Абу Са'ида (ум. в 736/1335 г.). Вначале прославился как мастер по приговлению изразцов, впоследствии снискал себе широкую популярность как каллиграф, специализировавшийся в написании образцов настенных надписей.

⁶⁸ Низам ад-Дин 'Али Риза, родом из Табриза. Известен как мастер, писавший семью почерковыми стилями. Однако наибольших успехов он добился в сульсе и наста'лике; ученик 'Ала ад-Дин бека и Мухаммада-Хусайна Табризи; до 1001/1592—1593 г. работал в *китабхане* Фархад-хана Карāmāнлу (убит в 1007/1598—1599 г.). Современник и соперник Мир 'Имāда (убит в 1024/1615 г.). Фаворит шаха 'Аббāса I и управляющий его китабхане, был также признанным миниатюристом и музаххибом. Дата смерти точно неиз-

вестна, считается, что он ненамного пережил своего патрона (ум. в 1038/1629 г.). Подробнее см.: *Насраллах Фалсафи*. Зиндагани-йи шах 'Аббās-и Аввал. Т. II. С. 53—57.

⁶⁹ Родом из Табриза. В мастерстве не уступал лучшим мастерам времени 'Аббāса I, особенно ценились списки Корана, переписанные им. Современники считали его как поэта вторым Хосровом Дихлави (651—725/1253—1325).

⁷⁰ Об этом каллиграфе мы почти не располагаем сведениями. Он считался очень известным каллиграфом в почерковом стиле сульс и был в последние годы жизни шаха Тахмаспа I управляющим (*китабдар*) придворным *китабхане*.

ЛЕГЕНДА О ХУДОЖНИКЕ БЕХЗАДЕ И КАЛЛИГРАФЕ МАХМУДЕ НИШАПУРИ*

В 995/1586—1587 г. турецкий историк, биограф и поэт Мустафā Дафтарй, более известный под именем Али Эфенди, завершил широко известное сочинение «Манāқиб-и хунарварāн» («Похвальные качества людей талантливых»). Рассказывая в нем о первоклассном персидском каллиграфе Шāх Махмūде Нишапури, прозванном современниками «Зарринкалам» («Золотое перо»), он приводит весьма интересное сообщение, в равной мере касающееся знаменитого художника Камāl ад-Дина Бехзāда.

Вот это сообщение: «Другой из числа упомянутых знаменитостей — уже названный Шах Махмуд Нишапури. Во времена шаха Исма'ила, сына шейха Хайдара, он был прославленным мастером и искусным каллиграфом. Сей Махмуд был уже знаменитым каллиграфом, когда обладатель счастливого сочетания двух светил, равный достоинством Искандару покойный султан Салйм-хāн¹ вступил в битву с шахом Исма'илом на Чалдыранской равнине.²

Судьба в чертоге могущества

Нанесла <узор> ислймй поверх <узора> хитāйи.³

Суть сего <стиха> проявилась <в следующих словах Исма'ила>: «Кто знает, быть может, на долю мою выпадет бегство и смерть, и государство Персидское подвергнется разорению и

* Впервые статья была опубликована в журнале: Народы Азии и Африки. 1963. № 6. С. 143—145.

смуте, а он (Шах Махмуд. — О. А.) попадет в руки султана Салим-хана румийского». Так молвив, он спрятал в какой-то пещере, во-первых, Шах Махмуда, славного своим происхождением, и, во-вторых, мастера Бехзада, художника бесподобного во времени. <Затем>, сказав «Защиту вашу я вверяю всепокрывающему Богу», отправился к полю боя. Едва только он, потерпевший поражение и разбитый, возвратился обратно, как тут же отправился в известное <ему> место, чтобы отыскать их. Когда он прибыл туда, он от всей души возблагодарил Всемогущего <за то, что они были целы и невредимы>. На сем примере можно особенно ясно представить себе, как был ценим упомянутый Шах Махмуд, если государь предпочел его безопасности защите и охране своего владения и казны. Воистину, людям благородного происхождения и властелинам-самодержцам необходимо и важно понять смысл сего примера и уяснить себе, до какой степени людям талантливым нужны защита и покровительство».⁴

Слова Мустафы Дафтари как свидетельство того, что уже до Чалдыранской битвы Бехзад состоял при дворе шаха Исма'ила I (ум. 930/1524 г.), были отмечены К. Юаром⁵ и А. Б. Сакисяном.⁶ Вслед за ними и другие исследователи персидской миниатюры в попытках наметить биографическую канву жизни «Рафаэля Востока» принимали это сообщение за достоверное.⁷ Таким образом, считалось установленным, что переезд Бехзада из Герата в Тебриз, столицу Исма'ила I, имел место до Чалдыранской битвы, в канун которой мастер был укрыт шахом Исма'илом I в пещере.

Весьма странно, однако, что ни один из известных нам персидских источников XVI—XVII вв., сообщая о Чалдыранской битве, не подтверждает слов Мустафы Дафтари.⁸ Трудно предположить, чтобы этот факт, если он действительно произошел, мог выпасть из поля зрения современных Исма'илу I придворных поэтов и историков, которые, без сомнения, не пожалели бы своего красноречия ради восхваления шахского деяния. Кроме того, возникает естественный вопрос, почему шах Исма'ил поставил во главе придворной *китабханы* прославленного и столь ценимого им художника только в 928/1522 г.,⁹ т. е. через восемь лет после того, как Бехзад обосновался в Тебризе?

Первым, кто критически отнесся к сообщению Мустафы Дафтари, был известный исследователь персидской миниатюры И. Щукин, сопоставивший мимоходом оброненное замечание персидского биографа и историка Кази Ахмада (р. 956/1548—1549 г.) и рассказ Мустафы Дафтари в кратком изложении К. Юара.¹⁰ Обычно весьма точный в приводимых сведениях,

Кази Ахмад, рассказывая о работавшем при дворе Исма'ила I художнике-миниатюристе устате Султан-Мухаммаде, замечает: «В то время, когда мастер Бехзад прибыл из Герата в Ирак, уstad Султан-Мухаммад был в *китабхане* шаха, чье обиталище — рай, чье местопребывание — райские сады (т. е. шах-заде Тахмаспа. — О. А.), и занимался наставлением того Хосрова четырех климатов, та наивысшая светлость райского достоинства у него упражнялась в живописном искусстве».¹¹ Младший современник и придворный шаха Тахмаспа I Хасан-и Румлу сообщает, что шах родился 26 зү-л-хиджжа 919/22 февраля 1514 г.,¹² таким образом ко времени Чалдыранской битвы ему только что минуло шесть месяцев отроду. Трудно представить, чтобы живописью занимались с шестимесячным младенцем; логичнее предположить, что образованием Тахмаспа, включая и живопись, занялись, когда ему минуло шесть-восемь лет. В таком случае Бехзад мог появиться при дворе Исма'ила I не ранее 1520 г. и не позднее апреля 1522 г., в связи с чем не может быть и речи о причастности художника к вышеупомянутой битве.

Если историческая несостоятельность сообщения Мустафы Дафтари о Бехзаде очевидна, то означает ли это, что рассказ не достоверен в отношении Шах Махмуда? По сообщениям Дуст Мухаммада,¹³ Кази Ахмада,¹⁴ Искандара Мунши,¹⁵ действительно первоклассный персидский каллиграф Низам ад-Дин Шах Махмуд Нишапури (ум. 972/1564—1565 г.) снискал себе широкую популярность и славу выдающегося мастера во время правления шаха Тахмаспа I (930—984/1524—1576 гг.). Конечно, последнее обстоятельство ни в коей мере не исключает возможности того, что он находился при дворе Исма'ила I, где и начал свой путь придворного каллиграфа. Однако ко времени неоднократно упоминавшейся битвы он был молодым человеком в возрасте двадцати лет, обучавшимся искусству каллиграфии у своего дяди 'Абдаллаха Нишапури. В то время он был еще очень далек от той славы, которой уже обладал Бехзад и которая пришла к нему самому позднее, через 15—20 лет. В связи с этим трудно предположить, чтобы шах Исма'ил предпочел начинающего каллиграфа¹⁶ уже известным мастерам и, приравняв его к Бехзаду, укрыл во избежание всяких неприятностей в пещере.¹⁷ Но Мустафе Дафтари, писавшему в 995/1586—1587 г., все представлялось в ином свете; для него Шах Махмуд был уже выдающимся мастером.

В заключение следует отметить, что ни К. Юар, ни А. Б. Саксян, видимо, не придали значения последним строкам приве-

денного выше рассказа Мустафы Дафтари. Между тем именно в них, как нам кажется, кроется ответ на вопрос — действительно ли имел место эпизод, столь образно переданный турецким биографом. То, что рассказ связан с именами Шах Махмуда и Бехзада, не вызывает удивления: первый был превосходным каллиграфом, а второй — первоклассным художником. В источниках нередко встречаются примеры, когда легенды, не имевшие под собой реальной почвы, связывались с именами выдающихся персидских поэтов и каллиграфов (например, с Фирдоуси, Омар Хайямом, Джа'фаром Байсунгурй и др.). Примечательно, что рассказ написан с дидактической целью: призвать «сильных мира сего» оказывать поддержку и покровительство мастерам искусства. Это позволяет рассматривать рассказ Мустафы Дафтари как красочную и занимательную легенду, оставившую свой след в истории изучения персидской миниатюры, лишенную, однако, исторической достоверности.¹⁸ Причину вымышленного характера эпизода, описанного Мустафой Дафтари, мы видим в том, что автор был слабо знаком с более точными персидскими источниками. Свой труд о персидских мастерах он создавал вдали от тех мест, где они жили и творили. Из-за отсутствия в его руках письменных источников автор был вынужден обращаться за сведениями о персидских художниках к устным рассказам бежавших из сефевидского Ирана персов-суннитов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Османский султан Селим I (1512—1520), прозванный Грозным.

² Битва произошла 23 августа 1514 г.

³ Этот бейт является начальным бейтом касыды поэта Са'д ад-Дйна (или Руки ад-Дйна) Мас'уда Тихранй, носившего псевдоним (*тахаллуc*) Уммидй (уб. 925/1519 г.). См.: «Диван-и Уммиди» рук. собрания Института народов Азии АН СССР, шифр В 213, л. 63а—65а. В стихе автор прибегает к тонкой и изящной игре слов: *ислими* и *хитайи* — декоративные орнаменты, используемые в Иране в ковроткацком деле и живописи. Вместе с тем Ислими — это (*тахаллуc*) Селима I, а Хатайи — Исма'ила I.

⁴ См.: *Али Мустафа* Похвальные качества людей талантливых. Стамбул, 1926. С. 37.

⁵ *Huart C.* Les calligraphes et les miniaturists de l'Orient Musulman. Paris, 1908. P. 226.

⁶ *Sakisian A. B.* La miniature persane du XII an XVII siècle. Paris; Bruxelles, 1929. P. 105.

⁷ См., напр.: *Martin F. R.* The Miniature Painting and Painters of Persia, India and Turkey from the 8th to the 18th Century. London, 1912. P. 41; *Binyon L., Wilkinson J. V. S., Gray B.* Persian Miniature Painting. London, 1933. P. 105—106; *Kühnel E.* History of Miniature Painting // Survey of Persian Art / Ed. by U. Pope.

Vol. III. Oxford, 1938. P. 1872; Денике Б. Живопись Ирана. М., 1938. С. 89; 'Али Ахмад На'ими. Гератские живописцы и каллиграфы в эпоху Тимуридов. Кабул, 1949. С. 13.

⁸ Библиографию персидских источников, приводящих сведения о Бехзаде, см.: Денике Б. Живопись Ирана. С. 85—87; Али Ахмад На'ими. Гератские живописцы... С. 16—18.

⁹ См.: Bouvat L. et Qazwini. V. Deux documents inédits relatifs à Behzad // Revue de Monde Musulman. 1914. Т. XXVI. P. 146—161; Двадцать статей Казвини. Т. II. Тегеран, 1332/1953. С. 268—273. Копия указа (ниш'ан) шаха Исма'ила I представлена также в списке «Нāме-йи Нāмй» Хвандамира из собрания Ленинградского отделения Института народов Азии АН СССР, однако дата составления указа в нем опущена (шифр В 2389, л. 266б—267а).

¹⁰ Stchoukine I. Les peintures des manuscrits Safavis de 1502 à 1587. Paris, 1959. P. 30.

¹¹ Казми Ахмад. Трактат о каллиграфах и художниках. 1596—1597/1005 / Введение, пер. и коммент. Б. Н. Заходера. М.; Л., 1947. С. 182—183; см. также: Calligraphers and Painters: A Treatise by Qadi Ahmad, son of Mir-Munshi (circa A. H. 1015/A. D. 1606) / Transl. from the Persian by V. Minorsky. Washington, 1959. P. 180—181.

¹² См.: Seddon C. N. A Chronical of the Early Safavis Being the Ahsanu't-tawārikh of Hasan-b Rūmlū. Vol. I. Baroda, 1939. P. 142. Более ранняя дата встречается у Хвандамира, согласно которому шах Тахмасп родился в самом конце 918/январь—февраль 1513 г.; см.: Друг жизнеописаний в известиях о человеческом роде — сочинение Гийās ад-Дина ибн Хамām ад-Дина ал-Хусайни, известного как Хвāндамир. Тегеран, 1333/1954. Т. 4. С. 531.

¹³ A Treatise on Calligraphers and Miniaturists, Halat-i Hunarwan by Dust Muhammad, the Librarian of Bahram Mirza (d. 1550) / Ed. by M. Abdallah Chaghatai. Lahore, 1936. P. 29—30.

¹⁴ Казми Ахмад. Трактат о каллиграфах и художниках... С. 140—143; Calligraphers and Painters: A Treatise by Qādī Ahmad. P. 135—138.

¹⁵ Мир украшающая Аббасова история — сочинение Искандар бека Туркмана / Изд. Иредж Афшар. Тегеран, 1334/1955. Т. I. С. 120.

¹⁶ Самая ранняя из известных нам рукописей его работы хранится в ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде и датирована 928/1521—1522 г. (см.: Dorn B. Catalogue des Manuscrits et xelographes orientaux de la Bibliothèque Impériale publique de St. Pétersbourg. SPb., 1852. P. 328. № CCCLI).

¹⁷ Следует обратить внимание на то, что Казми Ахмад, лично знавший каллиграфа и обучавшийся у него искусству письма, ни словом не обмолвился об этом эпизоде, хотя весьма подробно рассказывает о его жизни. См.: Казми Ахмад. Трактат о каллиграфах и художниках... С. 140—143; Calligraphers and Painters: A Treatise by Qādī Ahmad... P. 135—138.

¹⁸ Указанием на позднейший книжный характер возникновения легенды может служить и «предсказание шаха Исма'ила о неудачном для него исходе сражения. С такого рода «предсказаниями» post factum мы нередко встречаемся в мусульманских исторических хрониках и агиографических сочинениях. В этих случаях авторы приписывают историческим личностям дар провидения и заставляют их предсказывать события, очевидцами которых были только сами авторы.

КАЗИ АХМАД О СПИСКЕ СОЧИНЕНИЯ 'АБД АР-РАХМĀНА ДЖĀМĪ «ЛАВĀ'ИХ»*

Среди прекрасно подобранной и широко известной как у нас в Советском Союзе, так и за рубежом коллекции персидских, главным образом лицевых и подносных рукописей в ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, хранится список сочинения классика персидской поэзии 'Абд ар-Рахмāна Джāmī «Лавā'их».¹ Этот список привлекает к себе внимание богатым оформлением, изящным и мастерским почерком, великолепным переплетом, пятью превосходно выполненными миниатюрами. Интересна, наконец, и судьба этого списка.

Сначала несколько слов о сочинении Джами и самой рукописи. Сочинение представляет собой попытку систематизации и в некотором смысле адаптации пантеистических идей суфийской философии. Оно предназначалось в первую очередь неопиту, предпринимавшему первые шаги на пути суфийских мистических экзерсисов. В связи с этим для более легкого и быстрого усвоения учения суфиев Джами в серии четверостиший, идущих за прозаическим истолкованием, поясняет в художественных образах основные положения теории и, в значительно меньшей степени, практики суфизма, т. е. таких понятий, как «бедность», «истина», «бытие», «единение с Богом» и т. п. К этой же теме и в такой же форме Джами обратился еще раз в толкованиях на свои четверостишия.²

Наша рукопись была сравнительно обстоятельно описана акад. Б. А. Дорном,³ и поэтому мы не будем останавливаться на ее характеристике с точки зрения формально-внешнего описания, как-то: количество листов, строк на странице и т. д. Этот весьма большой по своим размерам список (33,7×22,3 см) — подлинное произведение искусства, великолепный образец продукции придворного китабхана, чудесно сочетающий в себе тонкий вкус, талант и мастерство всех лиц, принимавших участие в его создании, — от мастера, изготовившего бумагу, до переплетчика, завершившего коллективную работу над рукописью. К сожалению, за исключением имени каллиграфа, имена остальных мастеров в рукописи не указаны.

На л. 63а, в колофоне рукописи, мы читаем:

* Впервые статья опубликована в сб.: Страны Персидского и Среднего Востока: Сб. в честь 70-летия проф. И. П. Петрушевского. М., 1968. С. 22—26.

«Написано неумелым пером для его светлости правителя-миродержца, покорителя стран и источника справедливости эмира Султāн-Мурād-хāна, да продлит Аллах жизнь его и увеличит могущество его. Переписал сие раб нижайший, грешный, Ахмад ал-Хусайни ал-Машхади ал-Катиб,⁴ да простит Аллах прегрешения его и отпустит его вины, в месяцы 978 (1570—1571) года».

Таким образом, колофон отвечает нам на три вопроса — для кого был создан этот роскошный фолиант и кто и когда переписал его. Сначала несколько слов о каллиграфе. Его имя достаточно широко известно в истории персидской каллиграфии, среди современников и знатоков художественного письма его мастерство ценилось очень высоко. Мир Саййид Ахмад Хусайни Машхади происходил из семьи саййидов рода Хусайни из Мешхеда, его отец служил при гробнице имама Ризы и занимался изготовлением свеч (отсюда источники часто называют каллиграфа Ахмад-и шам‘риз-и Машхади, т. е. Ахмад сын свечника из Мешхеда). Мир Ахмад учился искусству каллиграфии у Мира ‘Али Харави и последовал за своим учителем в Бухару, куда этот мастер был уведен шибанидом ‘Убайдаллах-ханом в 1529 г. Рассказывают, что Мир Ахмад проделал весь путь из Герата до Балха, а оттуда до Бухары во власянице суфия. В Бухаре он работал в придворной библиотеке-мастерской ‘Абд ал-‘Азиз-хана вместе со своим учителем. После смерти хана в 1550 г. он возвращается в Мешхед. Пребывание его в родном городе, видимо, было непродолжительным, так как вскоре мы встречаем его при дворе шаха Тахмаспа I (1524—1576) в качестве секретаря-мунши. Затем он вновь появляется в Мешхеде, где продолжает работать как придворный каллиграф, за что шах Тахмасп назначил ему содержание из доходов Хорасана.

После того как из-за чьих-то интриг он лишился этого поста и был вынужден возместить полученные деньги, его одолели материальные трудности; попытки же поправить свои дела не принесли успеха. В этот момент ему на помощь неожиданно пришел правитель Мазендерана Султан-Мурад-хан,⁵ пригласивший его к себе на работу. У него Мир Ахмад работал несколько лет, а после смерти хана (983/1576 г.) вернулся в Мешхед. Вскоре умер Тахмасп I и вступивший на престол Исма‘ил II пригласил каллиграфа на работу во вновь воссозданное китабхане, распущенное еще около 1548 г. Мир Ахмад умер в своем родном городе Мешхеде в 986/1578—1579 г., куда он возвратился сразу же после смерти Исма‘ила II.⁶

Сопоставление сведений, которые дает нам колофон, с изложенной выше информацией Кази Ахмада показывает, что во второй половине XVI в. в Иране функционировал еще один центр по производству рукописей, а именно в Мазендеране. Наличие рукописи и совершенно определенное указание Кази Ахмада убеждают в этом. В настоящее время мы не располагаем какими-либо дополнительными сведениями о библиотеке-мастерской, которую организовал при своем дворе Султан Мурад-хан, но, если судить по списку «Лава'их», в ней работали прекрасные мастера рукописной книги. Очевидно, третья из пяти миниатюр, которыми украшен список, была создана в этой мастерской; две последние (на лл. 63б—64а), судя по стилю, принадлежат кисти другого художника, и они могли быть исполнены в Казвине. Миниатюры эти мастерски написаны, и трудности при их определении усугубляются еще тем обстоятельством, что мы в настоящее время не располагаем близкими к ним как по стилю, так и по времени исполнения миниатюрами.⁷

Такой поистине великолепный лицевой список, видимо, казался не совсем обычным явлением даже для современников, которые, конечно, восхищались им в не меньшей, если не в большей степени, чем восхищаемся сейчас им и мы. Мимо него не прошел известный персидский биограф и историк Кази Ахмад, который во второй редакции своего труда, названного им «Гулистан-и хунар», законченной около 1606 г., специально останавливается на нем, восторгаясь, правда, не столько оформлением, сколько работой каллиграфа.

Очень немногим художественно оформленным рукописям посчастливилось получить отражение в источниках и еще меньшему числу удалось при этом дожить до наших дней. Нам известны только два подобных случая: это, во-первых, список «Шах-наме» Фирдоуси, исполненный в 1424 г. мастерами гератской «Академии» для Байсонкур-мирзы (ныне эта рукопись хранится в Голестанском дворце в Тегеране), и, во-вторых, список «Хамсе» Низами, созданный в дворцовой мастерской для шаха Тахмаспа I в 1539—1543 гг. Эта рукопись переписана каллиграфом Шах-Махмудом Нишапури и украшена миниатюрами, над которыми работали такие известные художники, как Ака-Мирак, Султан-Мухаммад, Мирза-'Али Табризи, Музаффар-'Али и Мир Саййид-'Али (ныне список хранится в Британском музее в Лондоне).⁸ И третий случай — это рукопись, которой посвящена настоящая заметка.

Помимо чисто исторического интереса, который представляют подобные ремарки современников, они ценны также и тем, что по ним мы можем судить, конечно до определенной степени, об эстетических вкусах и представлениях тех времен.

Наконец, о судьбе списка.⁹ На основании сообщения Кази Ахмада и записей в рукописи, сделанных ее прежними владельцами, она вырисовывается следующим образом. После смерти Султāн-Мурад-хāна, происшедшей незадолго до смерти Тахмаспа I в 1576 г., она, видимо, вместе с каллиграфом оказывается в Мешхеде. В придворную библиотеку-мастерскую она попала где-то между 1597—1606 гг., т. е. в период, отделяющий первую редакцию Кази Ахмада от завершения второй. В 1608 г. она уже находилась в библиотеке при усыпальнице Сефевидов в Ардебиле, о чем сообщает надпись на форзацном листе. В 1829 г. она поступила в Публичную библиотеку, в которой хранится и поныне.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Издано дважды: «Lawa'ih». A Treatise on sufism by Nur-ud-Din 'Abdur-Rahman Jami (facsimile of an old MS) / With a Translation by E. H. Whinfield, M. A. Mirza Muhammad Kazwini. London, 1914 (Oriental Translated Fond. N.S. Vol. XVI); «Лавā'их дар 'ирфан ва тасаввуф», та'лиф-и Мавлана Нур ад-Дин 'Абд ар-Рахман-и Джами (817—898) / Изд. Мухаммад-Хусейна Тасбиhi. Тегеран, 1332 (1953).

² Ср.: *Бертельс Е. Э.* Комментарий Абд ар-Рахмана Джами на приписываемые ему четверостишия // Бертельс Е. Э. Избранные труды. Суфизм. М., 1965. С. 445—468.

³ *Dorn B.* Catalogue des manuscrits et xylographes orientaux de la Bibliothèque Impériale Publique de St.-Petersbourg. SPb., 1852. № 256.

⁴ А. Ю. Казиев в двух своих работах специально останавливается на вопросе атрибуции двух первых миниатюр (л. 1б—2а). Так же как и М. Ашрафи, он достаточно убедительно относит эти миниатюры руке художника Мирза 'Али Табризи. Но исходя из даты переписки рукописи, он, на наш взгляд, ошибочно полагает, что эти миниатюры современны всему списку, который, по его мнению, выполнен в Казвине. По мнению М. Ашрафи, как нам представляется справедливому, миниатюры эти созданы значительно раньше — в 40-е годы XVI в. и относятся к поздней тебризской школе. Значительно позднее они были вклеены в уже оформленный список. См.: *Казиев А. Ю.* 1) Миниатюры рукописи «Хамсэ» Низами. Баку, 1964. С. 42; 2) Атрибуция миниатюр рукописи «Лавāех» Абдуррахмана Джами 978 г. х. (1570—1571) // Исследования и материалы по архитектуре и искусству Азербайджана. Баку, 1966. С. 91—201; «Джами в миниатюрах XVI века». Автор текста и составитель альбома Мукаддима Ашрафи. М., 1967. С. 16, 18, 20, 22, 26; воспроизведение миниатюры «Пиршество». С. 4—5.

⁵ Именно так называют его Будак Казвини и Искандар Мунши. Кази Ахмаду он известен под именем Мир Мурад-хана Мазандарани. В труде со-

временного иранского ученого Насраллаха Фалсафи об 'Аббасе I он назван Мир Султāн-Мурāдом и Мир Шахи. В 939/1533 г. он благодаря помощи Тахмаспа I низложил, а затем убил своего двоюродного брата Мир 'Абдаллāх-хāна и стал в результате этого если не единственным, то наиболее могущественным из правителей Мазендерана. См.: *Насраллах Фалсафи*. Зиндагани-йи шах 'Аббас-и аввал, джилд-и аввал. Мукаддимат-и салтанат-и у аз валадат та падшахи: Изд. 2-е. Тегеран, 1334 (1955). С. 155—156.

⁶ Calligraphers and Painters: A Treatise by Qadi Ahmad, son of Mir Munshi (circa A. H. 1015/A. D. 1606) / Transl. from the Persian by V. Minorsky. Washington, 1959. С. 138—141.

⁷ М. Ашрафи (Джами в миниатюрах XVI в. С. 30, 32, 34) относит все три миниатюры к казвинской школе 70-х годов XVI в. (воспроизведение миниатюр см.: Там же. С. 15, 17, 19).

⁸ О рукописи см.: *Казиев А. Ю.* Миниатюры рукописи «Хамсэ» Низами.

⁹ То, что рукописи имеют свою судьбу, подчас очень занимательную и неожиданную, прекрасно показал И. Ю. Крачковский в широко известной книге «Над арабскими рукописями» (М.; Л., 1945).

ЗАМЕТКИ К БИОГРАФИИ КАМАЛ АД-ДИНА БЕХЗАДА

Личность выдающегося художника Камāl ад-Дīна Бехзāда (ум. 942/1535—1536 г.), чье творчество составило целую эпоху в истории живописи Ирана, всегда привлекала и, несомненно, будет привлекать внимание исследователей персидской книжной миниатюры. Вместе с тем, несмотря на то что все написанное о нем или о его произведениях вполне может образовать отдельную, причем весьма солидную, библиографию,¹ специалистам не известны даже основные вехи его жизненного и творческого пути.²

Все дело в том, что мы располагаем весьма скудным запасом достоверных данных, которые донесли до нас труды его современников и почитателей его таланта — Хвāндамира, Бабура, Навои, Мухаммад-Хайдара, Дуст-Мухаммада, Вāсифī. Более поздние же авторы испытали на себе сильнейшее влияние уже сложившейся традиции, целого комплекса утвердившихся представлений о Бехзаде в причудливом переплетении и смешении достоверности и вымысла, подлинных фактов и книжных легенд,³ отделить которые одни от других бывает подчас невоз-

можно. В этой связи публикация любых новых материалов в Бехзаде вызывает живейший отклик у историков культуры Ирана, поскольку они дают возможность в известных пределах заполнить лакуны, образованные временем в наших знаниях о жизни этого художника, критически подойти к сведениям, уже известным по другим нарративным источникам, и, наконец, исправить их либо отвергнуть.

Такие новые данные содержатся в публикуемой заметке о Бехзаде⁴ из исторического труда Будага-мунши Казвини «Джавāхир ал-ахбār» (Драгоценные камни известий). Это сочинение по всеобщей истории было посвящено автором Сефевиду Исма'илу II (1576—1577 г.) и доведено до событий 984/1576 г. Будаг-мунши был младшим современником Бехзада, в год смерти последнего ему минуло 26 лет. Чиновник средней руки, не сделавший карьеры, он писал этот труд, отставленный от дел, в тиши своего дома в надежде на благосклонность монарха — сначала Тахмаспа I (ум. 1576 г.), а затем его преемника.⁵ Из его слов (л. 112а) можно вывести заключение, что биографические заметки о современных ему мастерах калама и кисти (л. 106а—113б), завершенные в 980/1572—1573 г., он писал, опираясь не только на свою память, но и используя воспоминания их коллег по профессии. Нижеследующий текст сохраняет орфографию оригинала.

استاد بهزاد که او ازهرات بود استاد زمانه حضرت
بهزاد ست * کو داد هنروری بعالم داد ست * کم زاد
بسان مانی از مادر دهر * بالله که بهزاد ازو به زاد
ست * احوال بهزاد آنکه در طفلی از مادر و بدر بماند
میرک نقاش که در خدمت سلطان حسین میرزا کتابدار
بود اورا برورد در اندک زمانی ترقی کرد و کار او
بجایی رسید که تا صورت نقش سته همجو او مصوری
کس ندیده اورا از خراسان آوردند و سالها در ملازمت
بادشاه مصاحب وار بود همه وقت صحبت باکیزه
میداشت و دایم جرعه میزد و بی می لعل و لب لعل
ساقی یکدم نمی توانست بود و عمرش بهفتاد رسید
بود و بدین قاعده خودرا جوان میداشت باوجود قدغن
می او در کار بود و نواب اعلی می دانست استاد بیر با
صفایی بود و شاکردان نیکو رسانیده از ان شاکردان
اول دوست دیوانه است

Перевод: «Мастер Бехзад. Он происходил из Герата. <Стих>:
Его светлость Бехзад — наставник века * Именно он подарил

миру полную меру мастерства * Равных Мани мало рождалось от матери времени * Ей-богу, хорошо ею рожден Бехзад. Обстоятельства жизни Бехзада заключались в том, что, когда он остался без матери и отца, Мирак-наққаш, который служил *китабдаром* у Султан-Хусайн-мирзы, его выпестовал. В короткое время он <столь> преуспел, а дело его дошло до того, что никто не видел равного ему художника с тех пор, как появилась живопись.⁶ Его привезли <ко двору> из Хорасана, и в течение ряда лет он состоял при государе в качестве собеседника. Он всегда вел благопристойные беседы. <Вместе с тем> он постоянно прихлебывал <вино> и ни мгновения не мог обойтись без рубинового вина и ярких губ виночерпия. Он дожил до семидесяти лет и таким образом поддерживал себя молодым. Несмотря на запрет пить вино, <его не трогали, так как> в нем нуждались, а его величество (т. е. Тахмасп. — О. А.) полагал: мастер был старцем с чистым образом жизни. Он подготовил хороших учеников, первым из тех учеников является Дўст-Дивāна».

Нетрудно заметить, что первая половина сообщения Будаг-мунши почти слово в слово совпадает с аналогичной частью текста пассажа о Бехзаде, приведенном Кази Ахмадом Куми в своем «Трактате о каллиграфах и художниках», написанном им в первой редакции в 1005/1596—1597 г. (вторая редакция ок. 1015/1606 г. названа «Гулистан-и хунар» — «Цветник искусства»). Не вдаваясь в излишние подробности, отметим, что заметки, написанные Будаг-мунши о каллиграфах и художниках, составили основное ядро указанного «Трактата» Кази Ахмада, который включил их, подвергнув незначительной композиционной перестановке и некоторой стилистической обработке.

Помимо фраз о пристрастии Бехзада к вину и расположении, которое питал к пожилому мастеру молодой Тахмасп, привлекают внимание два замечания Будаг-мунши. Это, во-первых, то, что Бехзада привезли ко двору из Хорасана (кстати, сказанное дважды: л. 111б и 296а), и, во-вторых, что он дожил до семидесяти лет.

Мне уже приходилось говорить, разбирая происхождение книжной легенды о Бехзаде, приведенной османским историком и биографом Мустафой Дафтари Челеби в «Манāкиб-и хунарварāн (Жизнеописание людей талантливых), которое он завершил в 995/1586—1587 г., что Бехзад, по всей вероятности, появился при дворе Исма‘ила I (ум. 930/1524) в период между 1520—1522 гг.⁷ Этот вывод был сделан на основе сообщения Кази Ахмада в русском переводе проф. Б. Н. Заходера,⁸ так как в

то время персидский текст «Трактата» не был мне доступен. Впоследствии, сопоставляя эту ремарку Кази Ахмада, оброненную мимоходом в связи с биографией другого замечательного художника табризца Султан-Мухаммада, с аналогичным местом у Будаг-мунши, я обратил внимание на то обстоятельство, что Кази Ахмад, обработав и расцветив эту фразу своего предшественника, невольно затемнил ее смысл в своем изложении, придав ей некую двусмысленность. Будаг-мунши пишет (л. 112а):

در وقتی که استاد بهزاد بعراق آمد استاد سلطان محمد

کتابخانه را کرم کرده بود و استاد شاه دین پناه بود

‘...в пору, когда мастер Бехзад прибыл в Ирак, мастер Султан-Мухаммад уже наладил работу придворной библиотеки-мастерской, и он <также> был учителем государя-прибежища веры’. Иными словами, Будаг-мунши сообщает, что еще до того, как Бехзад объявился при дворе, Султан-Мухаммад уже состоял в штате библиотеки-мастерской и вдохнул жизнь в ее работу, а затем без перехода констатирует, что этот художник обучал юного Тахмаспа живописи. Но вместе с тем это отнюдь не означает (что, собственно, и подтверждается грамматической конструкцией фразы), что Султан-Мухаммад был учителем наследника престола до приезда Бехзада. В данном случае Будагу мунши была важна констатация самого факта, его фиксация и только.

Такое толкование и чтение слов Будаг-мунши подкрепляется несколькими историческими источниками, авторы которых были современниками Тахмаспа I. Они сообщают,⁹ что в конце 921/декабре 1515—январь 1516 г. Исма‘ил назначил своего двухлетнего первенца (Тахмасп родился 26 зу-л-хиджжа 919/22 февраля 1514 г.) заместником Хорасана. Согласно Хвāндамиру,¹⁰ Тахмасп прибыл в Герат со своим двором в месяце раби‘ I 922/апрель 1516 г., вернулся же он в Табриз спустя шесть с половиной лет, передав пост заместника своему дяде Абу Насру Сам-мирзе и выехав из д. Сākсалмāн в окрестностях Герата 8 сафара 928/7 января 1522 г.¹¹ В этой связи возникает естественный вопрос, когда же Султан-Мухаммад обучал живописи Тахмаспа, если ученика не было в Табризе более шести лет? Видимо, все же после его возвращения из Герата. Конечно, можно предположить, что Исма‘ил отправил его вместе с сыном в Герат. Но последнее маловероятно, так как трудно поверить, чтобы он на столь длительный срок мог расстаться с ведущим художником своего *китабхане*.

وقتی که استاد بهزاد از هراة بعراق آمد استاد محمد
در کتابخانه شاه رضوان بارگاه فردوس جایگاه می بود
و تعلیم آن خسرو چهار اقالیم اشتغال داشت و آن
اعلیحضرت فردوس منزلت بیش وی مشق نقاشی می
نمودند و تعلیم از وی گرفتند

я перевожу следующим образом: 'Когда мастер Бехзад прибыл из Герата в Ирак, мастер Султан-Мухаммад уже был в *китабхане* государя, чей дворец в райских кущах, а местопребывания — рай. И он <также> занимался обучением того повелителя четырех климатов, а его величество равный <своим> достоинством парадизу упражнялся в живописи под его наблюдением и учился у него'.¹³

На основании приведенных сообщений источников представляется возможным уточнить дату приезда Бехзада ко двору Исма'ила I в Табриз. Вполне вероятно, что он приехал в составе свиты юного Тахмаспа в конце месяца раби' I 928/конец февраля 1522 г.,¹⁴ а спустя два месяца последовал указ от 27 джумада I 928/24 апреля 1522 г. о назначении Бехзада управляющим придворной библиотеки-мастерской, которой он руководил до своей смерти.

Дата смерти Бехзада известна, но мы пока не знаем (как, собственно, не знал и Будаг-мунши), когда он родился и сколько лет прожил. Ведь Будаг-мунши пишет, что художник дожил до семидесяти лет, продолжая употреблять вино, и ему не было известно, сколько прожил тот еще по достижении этого возраста, т. е. когда Бехзаду минуло семьдесят лет, он был жив. Поэтому делать вывод о том, что он родился около 872/1467—1468 г.,¹⁵ привлекая в качестве доказательства сообщение Будаг-мунши, было бы ошибочным. Конечно, представляется весьма заманчивым увидеть в указании на число лет мастера обычную опisku переписчика (70 вместо 80), но единственный экземпляр сочинения Будага дошел до нас в чистовой копии, переписанной самим автором. Словом, остается только предполагать на какой год между 1455 и 1460 гг. приходится дата рождения Камал ад-Дина Бехзада.

Указывая на то, что Тахмасп, несмотря на запрещение пить вино, смотрел сквозь пальцы на определенное пристрастие художника к хмельному, Будаг-мунши подтверждает точность сообщения Дуст-Мухаммада о 942/1535—1536 г., как годе смерти

Бехзада. Указ о закрытии всех питейных заведений, опиумокурилен, публичных домов и разного рода увеселительных учреждений был издан шахом при жизни Бехзада 7 раби' I 941/16 сентября 1534 г.¹⁶

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ A Bibliography of the Arts and Crafts of Islam / Compiled by K. A. S. Creswell. Cairo, 1961; Supplement. London, 1974.

² Наиболее полную сводку биографических данных о Бехзаде с указанием на источники см.: *Ettinghausen R. Bihzād // Encyclopaedia of Islam: New edition. Vol. I. Leiden, 1960.*² P. 1211—1214.

³ *Акимушкин О.* Легенда о художнике Бехзаде и каллиграфе Махмуде Нишапури // Народы Азии и Африки. 1963. № 6. С. 140—143.

⁴ Эта заметка была впервые опубликована факсимиле (без перевода и анализа) в статье А. Г. Рагимова «О дате рождения, приезде в Табриз и смерти Бехзада» (Изв. АН АзССР. 1973. № 1. Сер. лит-ры, языка, истории. С. 95—102; на азерб. яз.)

⁵ Об авторе, сочинении и рукописи см.: *Петров П. И.* Об одном редком источнике по истории Сефевидов // Советское востоковедение. 1956. № 1. С. 111—120; *Стори Ч. А.* Персидская литература: Био-библиографический обзор. В 3 ч. Ч. 1. М., 1972. С. 415—416; *Dorn B.* Catalogue des Manuscrits et Xelographes orientaux de la Bibliothèque Impériale publique de St.Petersbourg. SPb., 1852. No CCLXXXVIII.

⁶ Рук. Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград), Дорн 288. Л. 1116. Ср.: *Казви-Ахмад.* Трактат о каллиграфях и художниках. 1596—1597/1005 / Введение, пер. и коммент. Б. Н. Заходера. М.; Л., 1947. С. 181—182; *Calligraphers and Painters: A Treatise by Qādī Ahmad, son of Mir-Munshī (circa A.H. 1015/A.D. 1606) / Transl. from Persian by V. Minorsky.* Washington, 1959. P. 179—180.

⁷ *Акимушкин О.* Легенда... С. 142—143.

⁸ *Казви Ахмад.* Трактат о каллиграфях и художниках... С. 182—183; *Calligraphers and Painters...* P. 180—181.

⁹ *Гийās ад-Дин Хвāндамир.* Тарїх-и хабїб ас-сийяр фї ахбār афрāд башар. Техран, 1333/1954. Т. 4. С. 553; *Будаг муниши Казвини.* Джавахир ал-ахбар. Рук. ГПБ. Дорн 288. Л. 292б, 298а; *Seddon C. N.* A Chronical of the Early Safavis Being the Ahsanu't-tawārikh of Hasan-i Rūmlū. Vol. I. Baroda, 1939. P. 154, 175.

¹⁰ *Гийās ад-Дин Хвāндамир.* Тарих-и хабиб ас-сийяр... Т. 4. С. 553.

¹¹ Там же. С. 593.

¹² Рук. Государственного музея искусств народов Востока (Москва). С. 138—139.

¹³ Ср.: *Казви Ахмад.* Трактат о каллиграфях и художниках... С. 182—183; *Calligraphers and Painters...* P. 180—181.

¹⁴ *Гийās ад-Дин Хвāндамир.* Тарїх-и хабїб ас-сийяр... Т. 4. С. 594.

¹⁵ *Рагимов А. Г.* О дате рождения... С. 100, 102.

¹⁶ Текст датированного указа, скопированный с каменной стелы, стоящей перед входом в соборную мечеть г. Кашана, см.: *Шах Тахмасп Сафави.* Маджму'а-йе аснад...ба ихтимам-е доктор Абд ал-Хусайн Нава'и. Техран, 1350/1971. С. 513—514.

ЗАМЕТКИ О ПЕРСИДСКОЙ РУКОПИСНОЙ КНИГЕ И ЕЕ СОЗДАТЕЛЯХ*

ВВЕДЕНИЕ

Почти одиннадцать веков из своей двенадцативековой истории литература на новоперсидском языке¹ существовала в рукописном виде. Именно рукописная книга явилась заботливым хранителем и передатчиком многообразного наследия письменной культуры Ирана, а также тех сопредельных народов, для которых персидский язык долгое время служил языком поэзии, художественной прозы и историографии. Более того, можно сказать, что все обилие и исключительное разнообразие персидской словесности дошло до наших дней благодаря рукописи, страницы которой донесли до нас обширный эпос и блистательную поэзию, народные предания и математические формулы, данные о движении светил и медицинские рецепты, философские системы и мистические откровения, историческую правду и добросовестный вымысел. Говоря о настоящем и прошлом, книга всегда направлена в будущее, потому что она содержит в себе крупицу аккумулярованного общечеловеческого знания, опыта поколений, адресованного потомкам. «Письменное сообщение есть один из видов сообщения, — писал девять веков назад великий энциклопедист Абӯ Райхан Бирӯнӣ, — и, пожалуй, более предпочтительный, чем какой-либо другой, ибо откуда мы знали бы предания народов, если бы не вечные памятники пера» [21, с. 57].

Рукописный период в истории персидской книги имеет исключительное значение еще и потому, что книгопечатание в Иране появилось сравнительно недавно — в первой четверти XIX в.² Но под воздействием многовековой традиции и прочно устоявшейся привычки к рукописи, ее внешнему виду, форме и структуре наборный способ печатания не сразу получил распространение, а на первых порах привился литографский, послуживший как бы переходным этапом к типографскому. Можно предположить, что не последнюю роль в этом сыграли также и интересы весьма многочисленной армии мастеров рукописной книги, главным образом переписчиков, которые начали исполнять заказы владельцев литопечатен и сыграли активную роль в производстве литографий.³

* Впервые статья была опубликована в кн.: Очерки истории средневековой культуры Ирана: Письменность и литература. М., 1984. С. 8—56, 240—254.

В настоящее время мы являемся свидетелями устойчивого и все более растущего интереса мировой науки к истории книжности.⁴ Интерес к социальному звучанию книги, ее роли и значению в жизни общества на разных ступенях его развития не оставил в стороне и персидскую средневековую книгу.⁵ Рукопись стала предметом исследования, она помогает нам выяснить те вопросы, о которых либо вообще не говорят, либо весьма глухо сообщают нарративные источники. Например, только простая и далекая от полноты и совершенства статистика, составленная современным иранским ученым Ахмадом Мунзави в 1971 г. на базе 60 тыс. списков [53, с. 303—309; 54, с. 283—292], позволяет поставить вопросы по таким интересным и сложным для решения проблемам, как степень грамотности населения, развитие книжности, соотношение светской и религиозной литератур, популярность отдельных произведений либо отдельных литературных направлений и др. (все эти вопросы в той или иной степени будут рассмотрены нами в процессе изложения). Конечно, не претендуя на их сколько-нибудь полное разрешение, так как, повторяем, изучение персидской рукописной книги началось недавно, мы полагаем, что постановка этих проблем уже назрела. Основное наше внимание привлекают рукописи, а также ее творцы и создатели, заказчики и потребители.

Наконец, в процессе изложения мы будем вести рассказ о наиболее известных представителях «книжного рукоделия» — каллиграфгах, художниках, оформителях, переплетчиках. Это объясняется тем, что здесь мы полностью зависим от сведений, сообщаемых нам средневековыми источниками, которые, естественно, уделяли внимание только выдающимся мастерам, работавшим при дворах местных правителей и наместников. О мастерах средней руки и заурядных переписчиках доступные нам памятники не говорят, хотя именно труду этих безвестных мастеров в первую очередь обязана персидская книжность. Мы — по мере возможности — будем касаться этих писцов, используя данные колофонов просмотренных нами рукописей. (Для того чтобы более определенно говорить об этих мастерах, необходимо изучение колофонов рукописей — хотя бы через посредство каталогов — большей части собраний Индии, Ирана, Ирака и Турции, что в настоящее время практически просто невозможно осуществить, потому что они еще ждут своих каталогизаторов.)

Словом, рассматривая рукописную книгу, с одной стороны, как результат культурной деятельности человеческого общества, а с другой — как инструмент, способствующий развитию духовной культуры этого общества, мы обратимся лишь к некоторым вопросам, связанным с ролью рукописи в жизни социума. При этом мы отчетливо сознаем, что история книги полиаспектна и требует комплексного подхода для ее разрешения.

ЧИСЛО РУКОПИСЕЙ И СТАРЕЙШИЕ СПИСКИ

Совершенно очевидно, что мы никогда не составим себе сколько-нибудь полного представления о всей массе произведенных в Иране рукописей, равно как и о репертуаре персидской рукописной книжности, хотя бы из-за того, что какая-то их часть безвозвратно утеряна для нас.⁶ Более того, в настоящее время мы не можем достаточно определенно сказать, сколько же дожило до наших дней персидских рукописей. Причина проста — в различных древлехранилищах мира десятки тысяч рукописей еще ожидают своих каталогизаторов и археографов. Проводились различные оценки их числа как в общем плане, так и по отдельным странам. Например, для Турции: Х. Риттер полагал, что в библиотеках этой страны хранится около 200 тыс. рукописей, причем в Стамбуле — около 124 тыс.; по его мнению, четверть этого числа составляют персидские рукописи [106, с. 63, 65]. М. Минуви, известный иранский ученый, склоняется к мнению, что в Турции имеется 30—40 тыс. рукописей на персидском языке [49, с. 42—75]. Для Ирана: согласно сообщению И. Афшара на Первом международном конгрессе иранистов (Тегеран, 1966 г.), в Иране (без частных собраний) насчитывается 59 100 списков. В предисловии к русскому переводу исторической части справочника Ч. А. Стори указывается, что «общее их число, по всей видимости, достигает нескольких сот тысяч (по крайней мере, не меньше двухсот тысяч)» [69, I, с. 42, прим. 67]. Эта цифра кажется нам вполне реальной,⁷ она впечатляющая, а если мы примем во внимание также те рукописи, которые ныне безвозвратно утеряны для нас, то, очевидно, она многократно возрастет.⁸

Старейшие персидские рукописи, дошедшие до наших дней, относятся к XI в. Согласно статистике А. Мунзави, их всего 12 [54, с. 286, 290]. Три рукописи из этого числа точно датированы и поэтому представляют громадную ценность для истории соз-

дания персидского арабографического алфавита, персидской палеографии и истории рукописного дела в средневековом Иране и сопредельных странах.

Когда в шаввале 447/январе 1056 г. поэт⁹ и будущий лексикограф ‘Али б. Ахмад ал-Асадī ат-Тўсī¹⁰ поставил последнюю точку в колофоне переписанной им рукописи сочинения Абū Мансўра Муваффақа ал-Харавī «Китāб ал-абнийā ‘ан хакā’ик ал-адвийā» («Книга основ по истинам фармакологии»),¹¹ он, конечно, не предполагал, что, спустя девять веков, историки персидской книжности столь же часто будут упоминать его, как и исследователи персидского языка и литературы. Так случилось, что время пощадило этот список, и он пока остается старейшей датированной персидской рукописью, дошедшей до наших дней.¹²

Личность переписчика этой книги представляет значительный интерес, поскольку в истории персидской литературы многое вышедшее из-под его пера обычно сопровождается словом «первый». Именно он написал первое подражание-дополнение гениальному творению Фирдоусī — героико-эпическую поэму «Гаршāsб-нāме» («Книга о Гершаспе»), став как бы родоначальником целого свода так называемых циклических поэм.¹³ Она была начата Асади в 456/1064 г., а завершена в 458/1066 г. в Нахчеване при дворе тамошнего правителя эмира Абū Дулафа Дайрани. Пробовал он свои силы также в столь своеобразном жанре, как *мунāзаре* — ода-прение, сочинив пять подобных од. Они не датированы, но какие-то из них были написаны им еще до его приезда в Нахчеван, поскольку в колофоне отмеченной выше «Фармакологии» он называет себя поэтом (аш-шā’ир). Наконец, после «Гаршāsб-нāме» он составляет «Луғат-и фурс» («Лексикон персидского языка»), остающийся самым ранним толковым словарем, равно как и словарем рифм в обширной лексикографической персидской литературе.

С именем этого крупного представителя культуры Ирана связан курьезный случай, относящийся, впрочем, уже к истории иранистики. Опираясь на путанное и весьма далекое от истины сообщение биографа конца XV в. Даулатшāха Самарканди и интерпретируя его на свой лад, немецкий иранист Х. Эте выдвинул гипотезу о существовании двух Асади — старшего и младшего. Первого, Абу Насра Ахмада б. Мансура, он счел автором *муназаре*, а второго, ‘Али б. Ахмада, — создателем поэмы «Гаршāsб-нāме» и «Лексикона». Х. Эте считался маститым ученым, поэтому его препарирование имени поэта было воспри-

нято специалистами без должного критического отношения. И лишь спустя 52 года советский ученый К. И. Чайкин блестяще доказал всю надуманность гипотезы Х. Эте и восстановил в полном смысле слова истину, т. е. существование единственного Асади, а не двух [79, с. 158]. В заключение хотелось бы обратить внимание на немаловажное обстоятельство: ведь «Фармакология» была переписана не профессионалом-писцом, а профессиональным литератором и ученым. Подобные примеры очень часто встречаются в истории персидской книги, и мы будем не один раз говорить об этом. Конечно, можно предположить, как это делает Е. Э. Бертельс [18, с. 78], что Асади переписал этот список, находясь в стесненном материальном положении. Мы же склоняемся к мысли, что «это было вызвано его личными научными интересами» [там же]. Образованные люди той далекой эпохи всегда отличались известной широтой интересов и энциклопедичностью своих знаний. И именно таким человеком был ‘Али б. Ахмад ал-Асади из Туса. Наконец, с точки зрения палеографии этот список не только вызывает интерес индивидуальной манерой исполнения, но и помогает уяснить пути появления округлого курсивного почерка. Известно, что в XI в. этот почерк окончательно возобладали при изготовлении списков Корана (до этого времени преобладали прямолинейные и угловатые почерки). Именно рукопись «Китаб ал-абнийя» со всей очевидностью показывает нам, как сугубо коранический почерк стал использоваться в Иране при переписке светской литературы.¹⁴

Спустя почти три десятилетия на востоке иранского мира — в Восточном Хорасане или в Мавераннахре — была переписана 24 шаввала 473/7 апреля 1081 г. часть сочинения бухарца Мустамлй (ум. 434/1042) «Нур ал-мурйдин ва фазйхат ал-мудда’йн» («Свет для последователей и позор для притязающих»). Это сочинение представляет собой комментарий на известный труд по суфизму «Китāб ат-та’аруф ли-мазхаб ахл ат-таґаввуф» («Книга пояснения по верованию суфиев»), написанный имамом Абу Бакром Мухаммадом ал-Калāбādй (ум. 380/990) — соотечественником комментатора. Этот список — второй из старейших, — так же как и первый, переписан на бумаге.¹⁵

Там же, в Бухаре, при династии Саманидов было создано еще одно руководство по медицине, посвященное анатомии человека, его болезням и их лечению. Известный врач Абū Бакр Рабй’ б. Ахмад Ахавайнй ал-Бухарй, представитель медицинской школы Мухаммада Закарийа Разй (ум. 5 ша’бана 313/26 октября 925) и ученик Абу-л-Касима Мукана’й, решил обоб-

шить свой тридцатилетний опыт врачевания и написал в 60—70-х годах X в. «Китāб ал-хидāйат ал-мута‘аллимйн фй-т-тибб» («Наставление обучающимся медицине») для своего сына, тоже врача. Оно дошло до нас в трех очень старых копиях, одна из которых датирована раби‘ I 478/июнь—июль 1085 г. и, таким образом, является третьим из старейших списков на персидском языке.¹⁶ В свое время эта книга была приобретена одним врачом по имени Абӯ Тāлиб б. Мухаммад б. Абӣ Зайд ат-табӣб, оставившим две специальные пометы в начале и конце рукописи. В одной он отметил, что 18 раби‘ II 682/16 июля 1283 г. выправил рукопись по более точному экземпляру, а в другой помете, датированной 710/1310—1311 г., он записал, что передает книгу своему сыну Хусайну, начавшему врачебную практику.¹⁷

Таковы три самые старые датированные персидские рукописи (1056, 1081 и 1085 гг.). Заметим, что арабская книжность знает еще более древние списки, из которых старейшим является список, переписанный в 846 г., т. е. более чем за два столетия до «Китаб ал-абнийя». Для сравнения укажем, что старейшая рукописная книга — «Остромирово Евангелие» (собрание ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде) — была переписана на пергамене 12 мая 1057 г.

Видимо, следует еще раз напомнить, что здесь мы говорим главным образом о рукописях, в том числе, естественно, о старейших списках, а не о ранних произведениях персидской словесности. Это неадекватные понятия, и рукописи моложе сочинений, в них представленных, более чем на двести лет. Конечно, было бы идеально, если бы известные памятники дошли до нас в списках-автографах либо в прижизненных автору рукописях. Сколько бы тогда было снято мучительных вопросов, смелых гипотез и головокружительных построений! Увы, этого не произошло. До нас дошли ранние произведения (не самые ранние) многообразной и обширной персидской литературы, но дошли в сравнительно поздних копиях, изрядно попорченные многовековым процессом переписки. Сколько бы мы ни сравнивали списков одного и того же сочинения, мы никогда не найдем хотя бы двух его идентичных текстов. С этой точки зрения каждая рукопись уникальна (если бы это было не так, то отпала бы необходимость в сложной и тонкой профессии текстолога).

Большая часть сохранившихся персидских рукописей XI в. светского содержания: это — четыре списка медицинских сочинений, два — по астрономии, два — по лексикографии, один — по математике, два — по кораническому экзегезу и один — по

суфизму. Такое соотношение теологии и суфизма с другими жанрами (1:3) удивительно лишь на первый взгляд. Дело в том, что основным языком богословских сочинений был арабский язык, и эта традиция сохранилась в среде духовенства вплоть до недавних дней. Вместе с тем указанная выше цифра чрезвычайно мала даже в сравнении с числом известных нам и сохранившихся в поздних копиях сочинений. Например, Ж. Лазар в своем исследовании рассматривает 51 прозаическое сочинение разных жанров для X—XI вв. (9 и 42 соответственно).¹⁸ В русском переводе труда Ч. А. Стори для этого же периода отмечено 18 сочинений коранической и исторической литературы (4 и 14 соответственно) [69, III, с. 1755]. Семь из этих сочинений не вошли в исследование Ж. Лазара (трактаты по рецитации и пунктуации Корана). Подсчета стихотворных произведений никто не производил, но можно с уверенностью сказать, что их число, несомненно, в несколько раз превышает число прозаических.

Сравнительно небольшое число прозаических сочинений (главным образом научного характера), созданных в Иране на персидском языке в первые века ислама, можно объяснить не только тем, что определенная их часть просто не сохранилась и погибла в результате стихийных бедствий, в огне пожаров вражеских нашествий, разорений и лихолетья междоусобных войн, а также не только тем, что не обладавший достаточно высоким качеством писчий материал не устоял перед испытанием временем.

Видимо, немалую роль в сложившейся ситуации сыграло и то обстоятельство, что в IX—XII вв. на всем пространстве от Бухары до Шираза и от Газны до Багдада в богословии и научной литературе безраздельно господствовал арабский язык, ставший основным средством обмена идеями и мыслью. (Почти ту же аналогию мы видим в Европе средних веков с ее всеобъемлющей латынью. Разница состояла в том, что латынь была мертвым языком, а арабский — живым языком народа.) Известно, что все сочинения выдающегося врача, химика и философа Мухаммада б. Закарийа ар-Разӣ (ум. 925 г.) написаны по-арабски. Только один трактат из научного наследия великого хорезмийца Абу Райхана ал-Бируни (973—1048), посвященный проблемам астрологии («ат-Тафхӣм»), был написан по-персидски. Причем в среде специалистов высказываются диаметрально противоположные мнения: если одни считают, что трактат представляет собой авторский перевод арабского оригинала [98, с. 58—62], то другие полагают, что «Бируни оставил после себя только арабскую ре-

дакцию, которая легла в основу персидского перевода, принадлежащего другой руке» [26, с. 149—150].

Если мы обратимся к произведениям такого выдающегося ученого и врача, как Абу 'Али Ибн Сина (980—1037), то увидим сходную картину: из почти 250 трактатов и книг,¹⁹ которые принадлежат либо относят его перу, лишь два сочинения из того, что написано на персидском языке, не вызывают сомнений в его авторстве — это «Дāниш-нāма-йи 'Алā'и» («Книга мудрости для 'Ала ад-Даула») и медицинский трактат «Рисāла-йи набз» («Трактат о пульсе») [17, с. 118, 119; 98, с. 62, 66; 100, с. 101—113]. Все остальное же на персидском языке, что связывают с именем Ибн Сины, более чем сомнительно. Математик, поэт и астроном Омар Хаййам (1048—1131) не был столь плодовит. В настоящее время известны 12 его трактатов, из них два — «Науруз-нāме» («Книга Нового года») и «Рисāла фī куллият ал-вуджūd» («Трактат о всеобщности существования») — написаны по-персидски [61, с. 38—39, 242—243]. Знаменитый Фахр ад-Дин Абу 'Абдаллах Мухаммад ар-Рāзī (род. в Рее в 543/1149 г., ум. в Герате в 606/1210 г.) оставил после себя около 119 трудов самой разнообразной тематики — сочинения по логике, лингвистике, математике, медицине, философии и праву. Все они написаны по-арабски, хотя жил он в центрах иранской учености. Подобных примеров можно привести много больше, но мы ограничимся этими, так как они, на наш взгляд, достаточно убедительны.

Из сказанного следует, что, подобно тому как персидская словесность в определенном периоде бытовала в арабской языковой оболочке, такое же явление существовало как естественное отражение первого и в персидской книжности, а это означает, что списки, переписанные в Иране на арабском языке, могут быть с полным правом отнесены к истории персидской рукописной книги, как, впрочем, с таким же правом и к арабской.²⁰

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О РЕПЕРТУАРЕ ПЕРСИДСКОЙ РУКОПИСНОЙ КНИЖНОСТИ

Специалисты, занимающиеся изучением различных проблем персидской классической литературы, в своих исследованиях постоянно сталкиваются с таким малоизученным явлением в рукописной книжности, как явно наблюдаемая избирательность ее репертуара. Этот репертуар создавался в среде образованных

кругов средневекового феодального общества Ирана через посредство главных действующих лиц — заказчик-читатель и переписчик. На всех этапах развития общества и книжности эта взаимосвязь оставалась достаточно устойчивой и неизменной, но отношение общества к различным жанрам литературы не было всегда стабильным: каждая эпоха приносила с собой свои оценочные категории, которые определяли отбор текстов для копирования и распространения.

Видимо, этим можно объяснить то, что некоторые ранние памятники литературы в связи с потерей к ним социально-общественного интереса дошли до нас только в очень старых списках. Те же из них, что попали в неблагоприятные условия, не сохранились, и мы знаем о них только из более поздних источников. Таким образом, потеря социального интереса к ним прервала традицию воспроизводства списков, и наоборот. Нам не удивляет большое количество сохранившихся рукописей религиозно-богословского содержания. Конечно, хотелось бы, чтобы сохранились все восемь поэм и «Диван» Абӯ ‘Абдаллаха Джа‘фара Рӯдакӣ (ум. 941) или три поэмы Абӯ-л-Касима Хасана ‘Унсӯри (ум. 1039). Но человек средневековья руководствовался несколько иными ценностями в своем отношении к миру, чем мы. «Богословие представляло собой “наивысшее обобщение” социальной практики человека средневековья, оно давало общезначимую знаковую систему, в терминах которой члены феодального общества осознавали себя и свой мир и находили его обоснование и объяснение» [31, с. 12]. Почему, например, до нас дошли почти полторы сотни экземпляров «Гарджума-йи Тарйх-и Табарӣ» («Перевод “Истории” Табари») и только один список знаменитого «Худӯд ал-‘āлам» («Границы мира») ? Ведь оба сочинения были составлены в X в. Старейший список²¹ «Перевода» выполнен в 585/1190 г., а переписка «Худӯд» завершена в 656/1258 г. Чем объяснить, что до нас дошло сочинение XIII в. «Джахāн-нāме» («Книга о вселенной») в четырех копиях XIII, XV и XVIII вв.,²² а труд по всеобщей истории XI в. с уникальным разделом о тюркских народах «Зайн ал-ахбār» («Украшение известий») Гардйзӣ — в двух списках XVII и XVIII вв. ?

Еще один пример, который вызывает интерес в связи с фиксацией народной литературы в письменном виде.

Народные романы (*дастāн*), возникнув на городской почве на рубеже XI—XII вв. как устное произведение, изустно же распространялись и пересказывались в течение веков профессиональными сказителями. Популярность их была достаточно ши-

рока.²³ Но вот что интересно. Одно такое произведение, «Китāб-и Самак-и 'Аййар» («Книга Самак-и Аййара»), записанное, видимо, в 585/1189 г. профессиональным секретарем-писцом Фарāmурзом б. Худādādом б. 'Абдаллахом ал-катибом Арраджанī со слов сказителя Садака б. Аби-л-Касима Шйразī, дошло до нас только в одном списке первой половины XIV в. В то же время «Абū Муслим-нāме» («Книга Абу Муслима»), время записи которой и имя лица, ее произведшего, нам неизвестны, дошла до нас в 39 копиях, представляющих, по крайней мере, три версии, самая ранняя из которых переписана в XV в. Это сочинение упоминает Хиндūшах Санджар Нахчивани в «Гаджāриб ас-салаф» (арабский текст. Тегран, 1313/1934, с. 86 изд. А. Икбала) составленное в 723—724 (1324—1325 г.). Соотношение 1 список (XIV в.) и 38 (XV—XIX вв.), казалось бы, говорит о полной потере читательского интереса к «Китаб-и Самак-и 'Аййар» в последующие века. Такой вывод, видимо, был бы справедлив для письменных литературных и научных памятников, авторских по своему происхождению, чей текст был достаточно закрепленным и устойчивым. Но мы здесь имеем дело с народными романами, которые могли не нуждаться в переписке и распространяться по традиции профессиональными сказителями-рассказчиками. Следует заметить, что подавляющая часть списков «Абу Муслим-наме» была произведена в Средней Азии и Восточном Хорасане и, можно предположить, для нужд самих сказителей (*қиссахвāн*). Этот вопрос далеко не праздный. Правильное объяснение подобных явлений приблизит нас к пониманию той модели мира, которая отражалась в представлениях человека средних веков в Иране, а следовательно, поможет лучше понять его культурный и духовный мир. Чтобы создать сколько-нибудь приближенную модель культурной жизни социума на каком-либо его этапе, историку культуры важнее множественность и повторяемость явления, чем единичность его проявления.

Репертуар рукописной книжности — это те произведения персидской словесности, которые создавались и распространялись главным образом среди образованных кругов иранского средневековья.

Интересный статистический материал о числе сочинений дает русский перевод справочника Ч. А. Стори, а также подсчеты А. Мунзави количества зафиксированных им рукописей. Справочник Ч. Стори по XIX в. включительно содержит для коранической литературы (в том числе, помимо экзегезы и перевода

Корана, сочинения по рецитации, пунктуации, орфографии, глоссарии и конкордансы и др.) 382 названия, раздел же истории (включая историю пророков, ранний ислам и биографию Мухаммада) — 1030 названий. Соотношение впечатляющее. Даже если мы отнесем к разряду религиозной литературы сочинения по истории раннего ислама, истории пророков и жития Мухаммада (каковыми они по сути своей и являются), что составит округленно около 450 названий, то и в этом случае соотношение религиозной литературы и литературы светского содержания (приблизительные цифры 830 и 580) следует признать весьма высоким (примерно 59 к 41%). Конечно, на этой достаточно узкой базе делать какие-либо широкие обобщения нельзя, но факт распространения указанных сочинений весьма интересен. В своих статистических выкладках (по XIX в. включительно) А. Мунзави использовал 30 447 копий (число рукописей, естественно, должно быть меньше, поскольку сочинения малого размера бывали в сборных рукописях и тематических сборниках). В эту статистику не вошло около 30 тыс. списков, содержащих сочинения по истории, географии и космографии, агио- и биографии, хадисы, документы, сочинения по религиозному праву, белой и черной магии, поэмы (числом 10 004), музыка (277) и т. п. Указанные 30 447 копий А. Мунзави распределил по 24 рубрикам (в действительности 23 рубрики, так как рубрика «литературные дисциплины» (№ 7) включает в себя повторно рубрики № 15, 17, 18, 19, 20, 23, и тем самым число рукописей ошибочно увеличивается на их сумму — 1794) по числу копий (в нисходящем порядке): 1) диваны — 6192; 2) суфизм — 5758; 3) этика, политика, домострой — 2483; 4) астрономия и астрология — 2385; 5) философия — 1887; 6) медицина — 1768; 7) литературные дисциплины — 1794 (эта рубрика нами не учитывалась, см. выше); 8) лексикография — 1563; 9) коранические дисциплины — 1504; 10) богословие — 1347; 11) математика — 728; 12) изучение природы — 726; 13) куллийаты — 704; 14) энциклопедии — 637; 15) письмовники — 375; 16) химия и алхимия — 344; 17) грамматика — 335; 18) риторика — 334; 19) аруз и рифма — 304; 20) логогрифы — 296; 21) логика — 278; 22) бабидство и бегахитство — 236; 23) художественное письмо — 150; 24) секты — 113. К этому числу мы добавляем 277 списков сочинений по музыке, вошедших в т. 5 и не получивших отражения в статистике, в результате получаем 30 724. Сумма списков религиозно-богословского содержания, включая мистику (т. е. № 2, 5, 9, 10, 21, 22, 24), дает цифру 11 123, остальное — 19 601.

Таким образом, с учетом всего вышесказанного эта статистика дает нам процентное соотношение светской и религиозной тематики по спискам 55,5 и 44,5. Мы не учитывали 10 004 списка поэм (кстати, также не учтенных в статистике А. Мунзави, но вошедших в т. 4 его труда), поскольку произведения, которые они содержат, требуют тематического анализа. Делать какие-либо выводы на основе даже 30 тыс. списков несколько рискованно, принимая во внимание, что Коран и основная масса богословских и богослужебных сочинений писалась на арабском языке. Все же учитывая данные справочника Ч. А. Стори по произведениям и материалы статистики А. Мунзави по спискам-копиям, можно, видимо, заключить, что сочинений (а следовательно, и рукописей) светского характера, написанных на персидском языке, было не меньше, чем религиозно-богословского [54, с. 284, 287, 290].

ПЕРЕПИСЧИК РУКОПИСИ. СТАТУС И СОЦИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Выше мы уже отметили, что в средние века в Иране производство рукописей на двух языках достигло внушительных размеров и, судя по такому их числу, спрос на книжную продукцию был достаточно широким и постоянным в течение очень длительного времени.²⁴ Этот спрос (его с полным правом следовало бы назвать социальным заказом) породил армию переписчиков-профессионалов, способных быстро, но при этом аккуратно и грамотно переписать требуемую книгу. Эта армия рекрутировалась различными путями, один из них отмечен А. Мецем [48, с. 158], когда писцами становились люди с образованием, не получившие места и вынужденные добывать себе средства к существованию перепиской книг. Чтобы стать профессиональным переписчиком, недостаточно грамотности и умения писать, нужны такие навыки, как быстрота переписки, четкость и аккуратность почерка, т. е. его «удобочитаемость».

К сожалению, мы не можем сейчас сказать, каким образом готовились переписчики средней руки, хотя в общих чертах знаем, как обучалась элита переписчиков, мастера художественного письма — каллиграфы. Но ведь основная масса книжной продукции создавалась не ими, а обычными переписчиками, а именно о них ничего не сообщают доступные нам источники.²⁵

Мы знаем, что рукописная продукция была громадной по своим масштабам, а содержание рукописной книги отличалось

исключительным разнообразием (чтобы убедиться в этом, достаточно открыть оглавление любого каталога персидских рукописей или перелистать справочники А. Мунзави и Ч. А. Стори). Разнообразие репертуара и количество списков, свободно циркулировавших на книжном рынке несомненно отражали интересы и потребности различных сословий и социальных групп тогдашнего персидского феодального общества. Они отражали не только культурный уровень общества, но и его грамотность и образованность. Читательский и рыночный спрос на книгу удовлетворял переписчик, фигура которого по мере роста спроса играла все более заметную роль в жизни города. Хотя переписчики весьма редко писали книги, так сказать, впрок, без определенного заказа, все же они в известной степени формировали «моду» на произведение, поднимали к нему интерес. Любой грамотный житель знал не только адрес каллиграфа, к которому он мог обратиться, если ему хотелось приобрести образец его художественного письма (источники очень часто указывают точное местожительство этих мастеров), но он также знал, где он может заказать либо купить требуемую книгу. В этом отношении мы наблюдаем устойчивую и многовековую традицию: арабский историк ал-Йа'қуби (вторая половина IX в.) пишет, что в одном только Багдаде имелось не менее ста продавцов — переписчиков книг, а их лавки находились на особой улице, носившей название Сўк ал-варракин;²⁶ согласно же сообщению А. А. Семенова, в конце XIX— начале XX в. в городах Средней Азии существовали особые ряды книжных торговцев (*раста-йи китабфурушан*) [67, с. 90].

Следовательно, труд переписчика имел общественное звучание, а социальный статус самого переписчика, видимо, как-то отличался от положения его коллеги по профессии в Европе и России. Действительно, как в Европе (по XVI в.), так и в России (по XVIII в.) производство рукописных книг было сосредоточено в особых мастерских (скрипториях), функционировавших при церквях и монастырях. Основной контингент переписчиков составляли монахи. Это, конечно, не означает, что не было «мирских» писцов, работавших по найму или на рынок, но их число значительно уступало монастырским. Очень любопытный и примечательный факт сообщает известный знаток русской рукописной книги Н. Н. Розов. Он пишет, что «среди 94 известных по именам писцов книг Софийской библиотеки XI—XIX вв. оказалось 22 монаха, 30 священников и диаконов; 42 остальных не указали своей принадлежности к духовному сану.

Стало быть, книги старейшей из сохранившихся русских библиотек, в подавляющем большинстве своем богослужебные, почти наполовину обязаны своим существованием отнюдь не духовенству». ²⁷ Концентрация производства почти всей массы рукописей в подобных мастерских давала возможность церковной организации как устанавливать и определять книжный репертуар, так и проводить строгую идеологическую цензуру. Кроме того, известная монополия на грамотность позволяла церкви использовать книгу в первую очередь для своих нужд. В этой связи знаменательно, что только 3% произведенных в Южной Италии в XI в. рукописей составляли сочинения светского характера. ²⁸

На мусульманском Востоке наблюдается несколько иная картина. Те мастера, что работали постоянно в дворцовых и государственных библиотеках, в штате частных библиотек светских феодалов, обычно были заняты выполнением заказов своего патрона, как правило, связанных со светскими произведениями (не считая переписки Корана). Специальных центров переписки при мечетях и медресе, подобных тем, что мы видим в монастырях Европы и России, не было. Правда, имеются сведения о библиотеках при суфийских обителях (*ханака*) в городах Мерве (XII—XIII вв.) [48, с. 148, прим. 9] и Бухаре (XV в.), ²⁹ где создавались рукописи, а в последней также редактировались сочинения богословского и суфийского содержания, строго выдержанные в рамках догматов ислама. Но отмеченные факты были единичными. ³⁰ Вместе с тем в общедоступных библиотеках при ряде мечетей и медресе существовала традиционно устойчивая практика, при которой частным лицам разрешалось переписывать для себя безвозмездно те или иные сочинения из этих библиотек. Более того, известны случаи, когда владельцы личных собраний, завещавшие их таким библиотекам, в своих дарственных специально оговаривали суммы, которые выделялись ими от доходов соответствующего вакфа на покупку бумаги и писчих принадлежностей. Они должны были бесплатно выдаваться тем, кто пожелает снять копию с какого-либо списка из числа пожертвованных владельцем книг.

Категория переписчиков, работавшая на постоянной службе, составляла незначительную часть от всей армии занятых этим ремеслом. Но справедливости ради отметим, что и они имели право или возможность по выполнению регламентированной нормы брать заказы со стороны. По всей видимости, положение книгописца было достаточно свободным — книгописец, вероят-

но, зависел не столько от государственного или религиозного контроля, сколько от потребительского спроса на его продукцию.

Отчасти это заключение подтверждается чрезвычайно широкой географией мест переписки книг, которая включает практически все более или менее известные (как большие, так и малые) города средневекового Ирана, а также значительное число селений и деревень. Данное обстоятельство фиксируют каталоги персидских рукописей, приводя сведения колофонов, и это, несмотря на то что писцы гораздо чаще не отмечали место переписки, чем указывали его.³¹ Последнее трудно объяснить, так как здесь не прослеживается даже слабого намека на закономерность.

Столь широкая и повсеместная практика производства рукописей не получила отражения в известных нам нарративных источниках и официальных документах. Эти источники (первые скупы, вторые более пространно) отмечали «собственные» мастерские по производству высокохудожественных списков, функционировавшие при дворах местных правителей, наместников, крупных феодалов и т. п. в Ширазе, Герате, Тебризе, Мешхеде, Исфахане, Бухаре, Самарканде, Йезде и других городах — центрах исторических провинций и столицах феодальных государств, возникавших на территории этого региона. Рукописи, произведенные в этих мастерских, не определяли масштабы книжной продукции в стране, поскольку они не выходили за стены дворца, а их судьба была известна заранее — занять место на полке в личной библиотеке патрона и владельца. Кроме того, их производилось немного, они были очень дороги и доступны чрезвычайно ограниченному кругу богатых меценатов и любителей.

Следовательно, основная, так сказать, товарная масса рукописей создавалась вне стен подобных мастерских, а лаконичные фразы в колофонах «переписано там-то», отмечая широту географии мест переписки, лишний раз убеждают нас в этом. Видимо, географические рамки мест переписки рукописей еще более расширятся, если мы примем во внимание и *нисбу* (прозвище по месту происхождения) писца, дающую многообразный материал. Сразу оговоримся, что мы далеки от мысли утверждать, что такая *нисба* помимо места, откуда переписчик родом, обязательно указывает и на место его работы. Мы также учитываем и имевшую место практику, когда *нисба* нередко переходила к мастеру от отца или деда. Принимая во внимание все эти обстоятельства, мы все же допускаем возможность того, что *нисбы* переписчиков все же расширяют наши представления о местах работы персидских писцов.

Выше уже отмечалось, что в «собственных» мастерских работала (практически без исключений) элита мастеров рукописной книги, составлявшая незначительную часть от их общего числа. Например, Кази Ахмад Куми в своем биографическом словаре мастеров книжного дела «Гулистан-и хунар» («Розовый сад искусства»), написанном около 1015/1605—1606 г., отмечает 148 мастеров художественного письма (в почерковых стилях насх, сулс, та'лиқ и наста'лик) и 35 художников-миниатюристов, художников-оформителей и иллюминаторов образцов письма. Причем бóльшая часть этих мастеров не были современниками автора — он отметил их согласно сложившейся традиции, следуя за своими предшественниками.

Профессиональный переписчик в средневековом Иране — это ремесленник, занятый перепиской заказанных книг и работавший в одиночку. В этом отношении он напоминает нам лиц «свободной» профессии в Европе.

Из-за отсутствия сколько-нибудь достоверных сведений мы не можем в настоящее время сказать, существовали ли в их среде организации или корпорации, объединявшие их по ремесленно-профессиональному признаку, т. е. цехи или гильдии. Следует заметить, что большинство специалистов, исследующих проблемы средневекового города на мусульманском Востоке, склоняются к мысли, что ремесленные объединения, отдаленно напоминавшие цеховые организации, начали складываться в первой трети XIV в. в Малой Азии.³² Иран также не являлся исключением. В данный момент не имеется сколько-нибудь веских доказательств в пользу существования в стране корпоративных объединений цехового типа до XIV в. [91, с. 103], хотя сообщение Ибн Баттуты о наличии ремесленных объединений в Ширазе и Исфахане позволяет допустить определенную традицию их существования. Мы далеки от мысли высказывать суждения по этому запутанному и сложному вопросу, но доступные нам материалы (разрозненные и, видимо, далекие от полноты) пока не расходятся с приведенной выше точкой зрения. Вместе с тем это обстоятельство не исключает возможности работы переписчиков по найму в отдельных частных мастерских, где производились рукописи на рынок.³³ Если мы наблюдаем такое положение в случаях с переписчиками, то, видимо, производство художественно оформленных и украшенных миниатюрами рукописей требовало объединения мастеров «книжного рукоделия» в одном месте. Правда, источники сообщают нам о случаях, когда один и тот же мастер выступал в роли каллиграфа, оформителя,

миниатюриста и переплетчика.³⁴ Но это всегда являлось исключением, а не правилом. И действительно, давно уже обратили внимание на то, что в 20—60-х годах XVI в. значительное число хорошо оформленных рукописей, весьма сходных по почерку, убранству, стилю и цветовой гамме миниатюр, происходило из Шираза. Это обстоятельство само собой уже наталкивало на мысль о, возможно, функционировавших в то время в городе одной или нескольких мастерских, объединявших мастеров различных специальностей и связанных одним трудом — производством рукописей на продажу.

Весьма колоритное пояснение этому факту мы встречаем у автора «Джавāхир ал-ахбār» («Перлы известий») Будага Казвини (984/1576), который пишет: «Пишущих наста'ликом в Ширазе много, все подражают друг другу. Посему никоим образом нельзя отличить их почерки. Ширазские женщины переписывают книги, а если они неграмотны, то они выписывают как вырисовывают. Автор <сих строк> отправился в Шираз и проверил: действительно, в Ширазе в каждом доме жена — переписчик, муж — миниатюрист, дочь — оформитель рукописи, а сын — переплетчик. Какую бы книгу они ни захотели, она создается в одном семействе. Если у кого-нибудь появится желание <получить> тысячу украшенных книг, то в течение года из Шираза непременно поступит — все на один манер, так что ни в чем <их> нельзя отличить. Вот шутка Бахрām-мирзы, который говорил: “В Ширазе каллиграфы сидят без дела, одни — из-за того что их много, другие — по причине того, что <своей работой> все они похожи друг на друга”» [25, л. 109аб].

Вместе с тем, хотя мы не располагаем прямыми указаниями источников о существовании организаций цехового типа среди переписчиков и мастеров рукописной книги и после XIV в., распоряжение (*парванче*) шаха Тахмаспа I от ша'бана 983/ноября—декабря 1575 г. на имя известного оформителя рукописей устада Хасана ал-музаххиба ал-Багдади дает возможность предположить, что нечто подобное существовало в Тебризе в то время.

Видимо, нет смысла приводить полностью весь текст, написанный весьма многословно, цветисто и достаточно напыщенно; мы ограничимся лишь двумя самыми существенными фразами: «...мы пожаловали неповторимому мастеру <нашего> времени маулане Хасану музаххибу Багдади первенствующее положение и начальствование над группами людей (*джама'ат*) профессий золотильщиков (*музаххибан*), переписчиков (*катибан*), переплетчиков (*муджалладан*), декораторов-оформителей (*наккашан*),

златобитов (*тилакубан*) и продавцов — производителей бумаги (*кагазфурушан*) стольного города Табриза... и пусть указанные люди (*джама'ат*), полагая отмеченного <выше> неповторимого мастера эпохи своим начальником и главенствующим <над ними>, повинуются <ему>, и подчиняются, и не перечат, и не преступают его указаний» [58, с. 24—26]. Данное распоряжение — единственный случай, известный нам, касающийся мастеров различных специальностей, объединенных производством рукописной книги. Здесь любопытно следующее обстоятельство. Все эти мастера не состояли на государственной службе и работали либо в частных мастерских, либо индивидуально, а распоряжение составлено таким образом, как будто они работают в придворной мастерской и должны подчиняться новому руководителю, назначенному патроном. Известна практика для Исфахана в XVII в. и позднее, когда глава дворцовой мастерской, в которой работали ремесленники определенной профессии, в то же время являлся членом аналогичного цехового объединения ремесленников в городе и одновременно государственным контролером, следившим за их работой. Однако в 1575 г. Тебриз уже давно не был столицей государства, а Хасан музахиб Багдади, хотя и считался фаворитом шаха, не был *китабдаром*, т. е. главой придворной библиотеки-мастерской по производству рукописей; обязанности *китабдара* исполнял в то время маулана Йусуф — известный мастер почеркового стиля сулс [2, с. 32].

Итак, книжная продукция, производимая в Иране на двух языках в средние века, была очень значительной по своему объему и насчитывала многие сотни тысяч рукописей, а их создателей — профессиональных переписчиков — было много. Этот факт отмечал уже в 30-х годах XVII в. секретарь голштинского посольства Адам Олеарий, заметивший мимоходом: «...в Персии есть несколько тысяч людей, добывающих себе пропитание писанием таких книг...» [62, с. 792]. Мы установили, что, как правило, они работали индивидуально, выполняя заказы потребителей-читателей, а также в составе дворцовых и частных мастерских, причем последние обычно работали на рынок. Что же касается профессиональных объединений переписчиков, то доступные в настоящее время источники не дают нам возможности сколько-нибудь обоснованно говорить, что таковые были распространены в средневековом Иране.

Духовная культура средневекового Ирана находила свое проявление прежде всего (не считая архитектуры и живописи) в широком и разнообразном репертуаре словесности, который

отражался в громадном по своим масштабам числе произведенных списков. Уже неоднократно упоминавшаяся нами статистика А. Мунзави показывает непрерывный рост количества изготовленных рукописей на персидском языке с XI по XVII в. включительно, и это невзирая на политические и военные бури, пронесшиеся над страной, особенно в годы монгольского нашествия и завоеваний Тимура.³⁵ Как и чем можно объяснить столь высокий уровень культуры, ее подъем? Вряд ли ответ будет однозначным. Здесь, видимо, можно отметить три, с нашей точки зрения основных, фактора. Во-первых, рост и развитие городов и связанное с этим процессом появление на политической арене новых социальных слоев, составивших среднее городское сословие — низшее и среднее духовенство, мелкие государственные чиновники, торгово-ремесленная среда, купцы средней руки и т. п. Именно эти слои, как и город в целом, сыграли основную роль в формировании, создании и потреблении духовной культуры, с одной стороны, расширили ее социальную базу, а с другой — были той питательной средой, в которой она создавалась.

Следует, видимо, также учитывать тот факт, что на мусульманском Востоке в отличие от Европы и России мы не наблюдаем, кроме города, других центров формирования культурных ценностей. Монастырей на Востоке не было. Правда, были дервишские обитатели — *ханака*, которые, несомненно, сыграли определенную роль в этом отношении. Но сколь существенной она была, нам в настоящее время неизвестно. Поэтому, видимо, не будет преувеличением сказать, что практически вся персидская книжность создавалась в городе усилиями горожан. Когда мы читаем у А. Оллария: «Редко найдется персиянин, какого бы состояния он ни был, который бы не умел читать и писать, ибо вообще дети посещают там училища с весьма раннего возраста...» [62, с. 809], то, конечно секретарь голштинского посольства отнюдь не имел в виду жителей сельской местности: он мог так говорить о тех, с кем ему приходилось постоянно сталкиваться во время пребывания в Иране, т. е. о горожанах.

Во-вторых, после того как в IX в. новая религиозная идеология — ислам — окончательно утвердилась в Иране, в стране начался глубокий и интенсивный процесс создания новой культуры на базе новой идеологии и новой письменности, вызвавший к жизни большое число произведений первоначально на арабском языке. Процесс этот был сложным и длительным. Сколь трудным и болезненным он был, показывает нам такое своеобразное

идеологическое движение, возникшее сугубо на иранской почве, как шу'убийа.³⁶

В-третьих, духовная культура уже обслуживает не только феодальный замок, двор правителя или династа. Она по-прежнему связана с феодальной верхушкой общества, но с ростом города ее социальная база расширяется, а она сама прочно утверждается на городском базаре, в худжах медресе и домах городского «бюргерства» [22, с. 254 и сл.].

Возможно, что были и другие причины, обусловившие рост образованности и грамотности,³⁷ а отсюда — и потребности в широком распространении и производстве книг в средневековом Иране, но отмеченные нами выше мы полагаем наиболее существенными.

ОБУЧЕНИЕ И ПОДГОТОВКА

Главным действующим лицом в процессе производства и распространения рукописной книги был переписчик, трудом которого были созданы сотни тысяч рукописей на мусульманском Востоке. К сожалению, все известные нам источники уделяют внимание только элите переписчиков — мастерам художественного письма, каллиграфам, отбор которых в пантеон признанных нам не всегда понятен, поскольку до нас дошли первоклассные подписанные работы мастеров каллиграфии, чье искусство так и не получило признания современников и последующих поколений.³⁸ В этом отношении весьма примечательна вышедшая в 1969 г. работа наиболее тонкого знатока персидской каллиграфии — иранского ученого Махди Байани.³⁹ В своем труде он собрал сведения о 1526 каллиграфах в почерковом стиле наста'лик, тогда как все известные нарративные источники не дают нам в общей сложности и 300 имен.

То, что мы знаем о подготовке и обучении профессионального переписчика, не может нас удовлетворить, так как сведения эти чрезвычайно скудны и разбросаны во времени. Даже специальные трактаты по искусству художественного письма, которые создавались признанными авторитетами в этой области, не показывают нам последовательности учебного процесса. В них излагаются сложившиеся в течение многих веков каллиграфической традиции правила, рецепты и навыки этого искусства, а также богатый, накопленный годами творчества опыт авторов этих трактатов (советы, как выбирать бумагу и трост-

ник, рецепты составления туши и цветных чернил, методы очинки калама, упражнения в различных почерках, приемы написания отдельных букв, пояснения профессиональной терминологии и т. п.). Отчасти этот факт можно объяснить обычным для средневековья ревнивым отношением каждого мастера-профессионала к своим индивидуальным навыкам и секретам: ведь это ремесло его кормило. Но думается, все обстояло несколько проще. Видимо, это был, по мнению авторов, настолько обыденный и повседневный процесс, что они просто проходили мимо него: он не вызывал интереса.⁴⁰ Единственно, что они отмечали, так это необходимость таких качеств, как упорство в упражнениях, трудолюбие и усидчивость.

Как правило, школы, в которых готовились профессиональные переписчики, содержали мастера-каллиграфы или признанные авторитеты в области художественного письма.⁴¹ Обучение начиналось с очень ранних лет,⁴² и, как сообщают источники, состав таких школ в социальном плане был достаточно разнообразным, но, в основном, обучались дети состоятельных родителей, которым не обязательно было становиться писцами или каллиграфами, но которые должны были обладать красивым почерком, что диктовалось правилами хорошего тона тогдашнего общества. В биографии знаменитого гератского каллиграфа 'Абдаллаха Харави Таббаха (ум. ок. 873/1468—1469), например, говорится, что когда он, снедаемый страстным желанием научиться красивому письму, заглянул в подобную школу, то увидел группу из сыновей аристократов и крупных купцов, занятых упражнениями. В ответ на просьбу послать его в такую школу ему резонно заметил его отец — держатель закусочной: «...там учатся дети государей, а ты — бедняк» [13, II, с. 360]. В школе другого известного каллиграфа, Мир Сайида Ахмада Машхади (ум. 986/1578—1579), по понедельникам и четвергам обучались, согласно словам Кази Ахмада Куми, молодые люди Мешхеда; причем, судя по контексту, это были горожане [29, с. 91]. Сын ученика Мир 'Имāда Хасани — Абу Тураба, каллиграф Мухаммад-Сāлих Исфахани (ум. 1126/1714), отмечает в своем «Тазкира-йи хаттāтāн» («Памятка о каллиграфах»), что он около 40 лет обучал всех, кто обращался к нему «из благородных и бедных, тюрок и таджиков и из жителей любой страны, которые приезжали в сей город (т. е. Исфахан. — О. А.)» [13, III, с. 771—772].

Ученики весьма долго и кропотливо изучали и осваивали особенности и основные принципы написания отдельных букв и их сочетаний в разных почерках, повторяя их под наблюдением

мастера сотни и тысячи раз, чтобы добиться определенного автоматизма в движении руки и калама. Практическое освоение каждого почеркового стиля (некоторые исследователи насчитывают 36 таких стилей) базировалось на закономерностях, которые были разработаны представителями арабской каллиграфии (Ибн Муқла — Ибн Баввāб — Йақūt Муста‘сими) в X—XIII вв. Суть состояла в том, что один почерковый стиль отличался от другого строгой математической пропорцией написания как отдельных букв, так и их элементов. Основу пропорции составляла окружность и ромбовидная точка, т. е. знак, который оставляет на бумаге калам при однократном нажатии. За основу отсчета брался алиф (первая буква алфавита), а остальные буквы, имеющие как подстрочный росчерк (*даура*), так и надстрочный (*маддат*), соотносились с ним по числу точек в каждой. При обучении письму обычно использовали две системы упражнений: *калами* и *назари*. *Калами* — это многократное копирование образцов почерка (зачастую одного и того же образца) известных мастеров с целью выработки у ученика твердой и верной руки, терпения и усидчивости, внимательности и собранности.⁴³ *Назари* — это сравнение под руководством наставника образцов письма различных мастеров определенного почеркового стиля, их разбор и анализ. Эта система показывала ученику, как эти мастера применяли те или иные сочетания букв или их элементов [41, с. 142—144].

Это был упорный, длительный и тяжкий труд, и лишь очень немногие становились в результате звездами первой величины в каллиграфии. Но все известные источники, говоря о мастерах художественного письма, непременно отмечают их трудолюбие и стремление к совершенству.⁴⁴ Такие мастера и теоретики каллиграфии, как Мир ‘Али Харави (ум. 951/1544—1545) и Маджун Рафйкй (первая половина XVI в.), в своих трактатах призывали в процессе обучения использовать достижения старых мастеров с учетом своей творческой индивидуальности, с тем чтобы каллиграф обладал своим, оригинальным почерком, а не копировал слепо своих предшественников. Впоследствии у Мира ‘Имāда Хасани (уб. 1024/1615) этот метод получил теоретическое обоснование в термине *машк-и хийали* («творческое упражнение») (ср. [75, с. 15—16]). В больших по числу обучавшихся школах главному руководителю помогали его заместители (*халифа*). Обычно это были его любимые и наиболее талантливые ученики. Например, в Исфахане в школе Мира ‘Имāда Хасани вновь поступивших принимал и пестовал его ученик Абу Тураб, впо-

следствии возглавивший школу после гибели патрона. Однако, как правило, школы были небольшими, около полутора десятков учащихся. После выполнения экзаменационной работы переписчик получал от мастера разрешение на право самостоятельной работы⁴⁵ и работал уже индивидуально.⁴⁶

ТРУД ПЕРЕПИСЧИКА, ОСОБЕННОСТИ ЕГО РАБОТЫ

Трудно согласиться с тем представлением, которое сложилось в отечественной литературе об интенсивности труда и темпах работы как рядового писца, так и каллиграфа: считается, что интенсивность была невысокой, а темпы — медленными. Между тем источники — и нарративные, и официальные документы — дают нам весьма разнообразный материал, в своей массе не подтверждающий это мнение. Материал этот отчасти носит, видимо, легендарный характер, в котором истина и вымысел причудливо сплелись. Через сообщения всех нарративных источников красной нитью проходит стремление отыскать в работе переписчика (или каллиграфа) только крайности: либо очень медленная работа, либо очень быстрая. Обычные темпы переписки авторов этих сочинений не интересовали. Они отмечали то, что их удивляло или восхищало в труде писца, то, что не укладывалось в рамки привычного, т. е. что было присуще очень немногим. Вместе с тем мы можем проверить сообщения источников. С одной стороны, такую возможность дают нам пометы и записи переписчиков, сделанные во время и по окончании работы, а с другой — наши собственные подсчеты, произведенные с использованием около ста списков сочинений различных жанров.

Будаг Казвини в «Джавāхир ал-ахбār» (окончено в 984/1576 г.) пишет, что известный мастер художественного письма Кāсим Шāдишāх, его современник, «обычно писал в день пять бейтов, исправляя и подчищая <их> весьма» [25, л. 1106]. То же самое сообщает Кази Ахмад Куми в «Гулистāн-и хунар» (завершено ок. 1015/1606 г.), следуя за своим источником [29, с. 90]. Бухарский историк Мухаммад-Йусуф ал-мунши в «Тарих-и Муқим-хани» («Мукимханова история») помещает рассказ, который мы приводим ниже в переводе А. А. Семенова: «“Хаджи, — спросил однажды бухарский хан Абд ал-Азиз (1645—1680) своего придворного каллиграфа Хаджи Ядгара, — сколько можно за день переписать из того, что ты пишешь?” (Каллиграф был занят перепискою сборника стихов Хафиза.) —

“Если я постараюсь, то за день перепишу десять двойных стихов” (т. е. десять строк). Абд ал-Азиз на это сказал: “Я слышал, что на Дальнем Востоке в течение сорока лет делают одну фарфоровую чашку и сотню за один день — в Багдаде. Какова цена тех и других, ты, несомненно, представляешь. Так же и в этом искусстве. Ты — каллиграф у нас, и мы тебе приказали переписать эту книгу; если за день будет переписано десять двойных стихов, то какое изящество может быть в таком почерке? Если хватит терпения, пиши только два двойных стиха, а если нет, то — один!”».

И, подчиняясь этому приказанию, Хаджи Ядгар закончил переписку «“Дивана” Хафиза через семь лет» [66, с. 154].

Три с половиной года понадобилось выдающемуся мастеру каллиграфии Шах-Махмуду Нишапури, чтобы переписать «Хамсе» Низами для библиотеки шаха Тахмаспа I. Согласно колофону, он начал работу в джумада II 946/октябре—ноябре 1539 г. и закончил ее в шаввале 949/январе—феврале 1543 г. Украшенный впоследствии миниатюрами выдающихся мастеров дворцовой мастерской, этот список стал подлинным шедевром книжной продукции средневекового Ирана.⁴⁷ Сын Виṣāла Ширази — Махмуд Хакīm по заказу правителя Фарса Мухаммад-Қули-хана Ильхани в течение пяти лет работал над произведением Мирхонда «Раузат ас-сафā» («Сад чистоты»), завершив переписку 3 зу-л-ка‘да 1265/20 сентября 1849 г. и рассказав о своей работе в колофоне.⁴⁸

Приведенные выше примеры из жизни и работы мастеров каллиграфии показывают, что на создание безукоризненной с точки зрения канонів письма рукописи, в которой бы гармония буквенных соединений сочеталась с твердостью и уверенностью почерка, требовалось не меньше времени, чем на написание композиционно сложной картины.

Вместе с тем в среде переписчиков и каллиграфов высоко ценилась быстрота переписки при обязательном сохранении ясности и четкости письма.

Источники в какой-то степени отразили и эту сторону работы каллиграфа. Гийас ад-Дин Хвāндамир (ум. ок. 942/1535—1536), рассказывая в «Хабīb ас-сийяр» («Друг жизнеописаний») о мастере Ма‘рўфе Багдади, замечает, что он прибыл в Шираз к Искандар-султану, сыну ‘Умар-Шайха, и вошел в состав его придворной мастерской, подрядившись переписывать в день 500 бейтов стихотворного текста. Как-то патрону сообщили, что Ма‘рўф Багдади уже два дня, как ничего не пишет. Бу-

лучи вызван к Искандар-султану, тот ответил, что выполнит трехдневную норму в один день: полторы тысячи бейтов были написаны им в присутствии султана к вечеру.⁴⁹ Даулатшах Самарканди (ум. 900/1494—1495) пишет в своей антологии «Тазкират аш-шу‘ара’» («Памятка о поэтах»), что мастер Джа‘фар Байсонгури (ум. ок. 856/1452) отличался быстротой переписки и мог в течение дня написать тысячу бейтов [110, с. 350].

Кази Ахмад Куми, посвятив короткую новеллу мастеру Сїмї Нишабури, служившему при дворе ‘Алā’ ад-Даула, сына Байсонгура (ум. 863/1458—1459), говорит: «Известно, что маулана Сими Нишабури в один день сочинил по своей прихоти две тысячи бейтов и написал <их>. И этот предел еще никто из поэтов и переписчиков не преступил» [29, с. 59; 37, с. 131]. Об этом же каллиграфе, согласно труду шейха Мухаммад-Бақā (ум. 1094/1683) «Мират ал-‘āлам» («Зеркало мира»), ходила легенда, что однажды, работая от зари до зари, он сочинил и написал 120 писем различного содержания, каждое в десять строк (цит. по [13, III, с. 750]).

Можно привести много подобных примеров, но мы ограничимся лишь еще двумя. Каллиграф Султан-Мухаммад б. Нураллах (ум. ок. 940/1533—34) мог в день переписать до 600 бейтов [13, I, с. 275], ученик Мира ‘Имāда Хасани — Михрāб-бек (ум. 1061/1650—1651) переписывал за день до 500 бейтов [13, III, с. 619].

Вместе с тем сами переписчики очень редко говорят о быстроте, с которой они пишут. И если в колофоне какого-либо списка мы читаем, что список был переписан очень быстро, то это скорее следует понимать как извинение за ошибки, которые писец мог допустить, чем как саморекламу. Аналогичная помета под образцом письма означает только одно — мастер, исполнивший этот образец, сам видел допущенные в нем огрехи.

Необходимо заметить, что каллиграфы и переписчики, работавшие в составе придворной мастерской по производству художественно оформленных рукописей (*китабхане*), выполняли определенную норму переписки — число строк или бейтов в день. Во всяком случае, такой порядок мы наблюдаем в XV в. при династиях Ак-Койунлу и Тимуридов. Очевидно, подобная практика сохранялась и при Сефевидях. Захїр ад-Дїн Бāбур (1483—1530) в своих «Записках» сообщает, что Султан ‘Али Машхади ежедневно переписывал для Султан-Хусайна Байкары тридцать бейтов, а для ‘Алишера Навои — двадцать [12, с. 210]. Вполне вероятно, что такая практика имела давнюю традицию, поскольку Будаг Казвини замечает в рассказе о знаменитом

арабском каллиграфе Йākūте Муст‘асими (ум. 699/1299), что он «каждый день писал... сто арабских бейтов для халифа и семьдесят для вазиров» [25, л. 1076].

До наших дней дошел очень интересный документ, хранящийся ныне в Стамбуле в библиотеке Архива вакуфных актов. Этот документ, написанный Шайх-Махмудом Харави (ум. после 894/1488—1489 г.) на имя главы династии (видимо, Йа‘қуба Ак-Койунлу), указывает точную норму переписки в день, принятую в *китабхане*:

«Нижайший из праха возвышенных, Шайх-Махмуд, почтительно прикладываясь к высочайшему порогу, имеет честь доложить, что вышел августейший указ о переписке рукописей, выполняемой рабом <государева> двора и <его> учениками, а именно — сколько каждый может писать ежедневно... Ныне, поскольку об этом вышел указ, коему подчиняется мир, пусть они будут писать ежедневно: маснавī — 80 бейтов, а газелей — 50 бейтов художественным письмом. А сей, возвышенный <монаршей милостью> из праха, полностью занят перепиской и по мере возможности старается, хотя еще имеется остаток, <не выполненный> из-за слабости по болезни. Затем по воле Аллаха, как только воздух станет несколько более свежим, он (т. е. Шайх-Махмуд. — О. А.) перепишет то <необходимое> количество <бейтов>, которое получит одобрение благостного взора» [13, III, с. 892].

Норма переписки маснавī была выше потому, что обычно текст переписывался в четыре колонки (реже — в шесть или две), шел он подряд и почерк был мельче. При переписке газелей, т. е. диванов, требовалось больше внимания, так как текст шел в две колонки, почерк был крупнее, кроме того, переписчик прерывал свою работу, чтобы наметить расположение газелей на странице.⁵⁰

Выведенная нами эмпирическим путем⁵¹ на основе почти ста списков различных сочинений норма дневной переписки несколько выше. Это наиболее популярные и, естественно, наиболее читавшиеся в средневековом Иране. В качестве примера мы приведем только несколько следующих наших расчетов.

1. «Хамсе» Низами (Национальная библиотека, Suppl. pers., 1817, Париж), список завершен 1 рамазана 763/24 июня 1362 г., переписчик не указан. В день писалось 166—167 бейтов.

2. «Хамсе» Низами (Библиотека восточного ф-та ЛГУ, MSO 345), список завершен в 777/1375—1376 г., переписчик не указан. В день писалось от 190 до 204 бейтов.

3. «Хамсе» Низами (ГМИНВ, № 1659 II, Москва), закончен перепиской 14 раби' II 896/24 февраля 1491 г., переписчик не указан. В день писалось 293 бейга.

4. «Хамсе» Низами (ИВ АН СССР, С 1735), завершён перепиской 30 шаввала 899/3 августа 1404 г., переписчик не указан. В день писалось около 160—162 бейтов.

5. «Шāх-нāме» Фирдоуси (Венская национальная библиотека, N.F. 18), дата завершения списка 9 раби' II 1026/16 апреля 1617 г., переписчик не указан. Часть вторая «Шāх-нāме» переписывалась в среднем по 186 бейтов в день.

6. «Бустāн», или «Са'дй-нāме», Са'дй Ширази (ГПБ им. Салтыкова-Щедрина, D 380, Ленинград), был завершён знаменитым каллиграфом Баба-шахом б. Султан-'Али Исфакхани в конце рамазана 986/конец ноября 1578 г. В день Баба-шах писал около 130 бейтов.⁵²

7. «Хамсе» Низами (Ин-т рукописей АН ГрузССР, Тбилиси), переписан в середине шаввала 831/конец июля 1428 г. каллиграфом Байазидом ат-Табризи, который писал в день приблизительно 150 бейтов.⁵³

8. «Хабиб ас-сийяр» Хвāндамира (ИВ АН СССР, D 77, I—II), список завершён 3 шаввала 930/15 августа 1524 г. Дарвиш-Мухаммадом б. 'Али, который в день писал почерком насх почти лист (52 строки).

9. «Мавāхиб-и 'Алийа» Хусайна Вā'иза Кāшифй (ГПБ, ПНС 149); писец Нур ад-Дин Хусайн б. Мухаммад отметил начало (л. 6а) и конец (л. 321а) переписки, что встречается очень редко; переписка длилась с 21 джумада I 935 по 14 раби' I 936/31 января — 16 ноября 1529 г. В среднем в день он переписывал чуть более листа (около 50 строк).

10. «Матла' ас-са'дайн» («Место восхода двух светил») 'Абд ар-Разака Самарканди (ГПБ, ПНС 231/1—2), переписчик 'Абди б. 'Али-мирза, именующий себя «жителем города Кума», закончил работу 6 шавалла 991/23 октября 1583 г. В среднем он переписывал шесть листов в день.

11. «Маджма' ат-тāварйх» («Собрание историй») Хафиз-и Абру (ГПБ, ПНС 58), переписчик Мухаммад-Тахир б. 'Абд ал-Джавад, называющий себя «китабдаром усыпальницы шейха Сафи ад-Дина в Ардебиле», завершил переписку 10 джумада II 1236/15 марта 1821 г., он писал почти полтора листа в день.

Весьма трудно вывести обычную норму выработки переписчика в день; в каждом конкретном случае это зависело от многих причин и, конечно, от индивидуальных способностей того

или иного мастера. Тем не менее приведенные примеры убеждают в том, что писали они достаточно быстро.

В своей работе переписчик практически всегда зависел от заказчика и исполнял то, что последний хотел иметь. Исключения составляли случаи, когда клиент просил сделать для него подборку стихотворений любимых им поэтов, полагаясь на вкус исполнителя. Такие сборники вначале назывались просто *маджму'а*, впоследствии в зависимости от формы, размера и конкретного содержания их начали называть *байаз*, *джунг* или *сафине*.⁵⁴ Мода на подобные сборники привилась в Иране с середины XIV в., причем такие списки составлялись не только профессиональными писцами, но также поэтами и отдельными любителями и знатоками поэзии.

Иногда источники как бы мимоходом сообщают нам такие сведения, из которых мы можем сделать заключение, что в среде мастеров наблюдалось явление, отдаленно напоминающее специализацию в переписке определенных сочинений. Мы не беремся утверждать, что именно так и было, скорее, это объяснялось личными склонностями переписчика, а также его профессиональными навыками. Кроме того, любимое произведение, видимо выученное наизусть (еще одна причина ошибок), переписывается быстрее и охотнее.

Мирза Тахир Насрāбādī в своей антологии (завершена в 1091/1680 г.),⁵⁵ говоря о поэте и переписчике Шукӯхī Хамаданī, замечает: «Поскольку существует такая традиция, что, когда хотят, чтобы “Ҳамсе” Низами и “Ҳамсе” Амир Хусрау были в одном томе, тогда они пишут стихи Низами в центре страницы, а произведения Амир Хусрау — на полях...» [70, с. 240]. Мирза Хабиб Исфাহани в сочинении «Хатт ва хаттатан» («Почерк и каллиграфия»), составленном в 1305/1887—1888 г., пишет, что он видел очень много списков произведений Джами работы мастера ‘Абдаллāха б. Мир-и Калāна (ум. после 1000/1591—1592) [51, с. 38].

Известный индийский каллиграф времени Аурангзеба I (1658—1707), при котором он состоял в должности *китабдара* и писца, Хидāйаталлāх по приказу патрона главным образом переписывал мелким почерком «Диван» Хафиза [13, III, с. 960].

По словам ‘Али-Қули-хана Дагистани Вāле (1712—1756), переписчик ‘Али Кусари Исфাহани, владевший десятью почерками, переписывал обычно Коран, причем писал наизусть без единой ошибки [13, II, с. 476].

Мухаммад-Ибрахим Куми (ум. 1115/1703—1704 г.) занимался исключительно перепиской Корана, списки которого он же

иллюминировал и переплетал. Эти списки ценились высоко, и он получал за них большие вознаграждения [13, III, с. 625]. Добавим к этому свидетельство Адама Олеария: «Алкоран... писанный стоит 15—20 и более рейхсталеров» [62, с. 792], т. е. 2—2,5 тумана — цена, чрезвычайно высокая для 1637—1639 гг.

Каталоги персидских рукописей показывают, что, например, в Ширазе в конце XV и начале — середине XVI в. работали два превосходных мастера каллиграфии — Мун'им ад-Дин ал-Аухади и Мухаммад-и Қāwām Ширази (от последнего до нас дошло около трех десятков списков различных произведений персидской литературы, от первого — немногим меньше). В число переписанных ими произведений входят «Хамсе» Низами, «Шах-наме» Фирдоуси, «Куллийат» Са'ди, «Диван» Хафиза и произведения Джами. Видимо, этот репертуар не случаен. Все эти произведения, за исключением «Дивана» Хафиза, большие по объему, а почерк этих мастеров (средний наста'лик — очень четкий, компактный и ясный) как нельзя лучше подходил для переписки поэтических произведений.

Именно в Ширазе усилиями целой плеяды мастеров в течение XV—XVI вв. создается особая школа в почерковом стиле наста'лик, отличная от хорасанской (центры — Герат и Мешхед) и западноиранской (центр — Тебриз), к которой ее обычно относят. Эта школа отличалась меньшей декоративностью письма, большей компактностью и округлостью его элементов, большим рационализмом и меньшей фантазией мастера. Видимо, она выработалась исходя из чисто утилитарных целей — быстрее, четче и яснее переписывать книги. Конечно, такая манера письма, безусловно, лишала представителей школы значительной доли творческой индивидуальности, а именно: в ширазской школе это самовыражение каллиграфа проявлялось меньше, чем в других школах (о чем и говорит цитированный выше Будаг Казвини), но зато она имела те преимущества, которые ценились потребителями, — стоили такие списки дешевле при сравнительно высоких общих художественных достоинствах письма. Возможно, поэтому в трактатах по каллиграфии мы не встречаем имен ширазских мастеров XVI в.

Несколько слов о почерковом стиле наста'лик. Считается, что этот почерк появился в результате органического соединения наиболее ярких черт, присущих двум почерковым стилям, развившимся на арабской почве, — насха, принятого при переписке книг, и та'лиқа, используемого в деловой и официальной канцелярской переписке. Если насх — это четкий, ясный, мате-

матически пропорциональный и удобочитаемый почерковый стиль, то та'лиқ курсивен, и им быстро пишут. Соединение именно этих компонентов, наиболее характерных для названных почерковых стилей, породило новый, возникший уже на иранской почве почерковый стиль, получивший название «наста'лик». Наста'лик очень скоро завоевал популярность, трудившиеся над его совершенствованием целые поколения переписчиков и каллиграфов придали ему красоту пропорций и декоративность. Традиция, принятая в среде мастеров каллиграфии, приписывает создание наста'лика таланту Мира 'Али б. Хасана Табризи (ум. первая треть XV в.). Однако на самом деле все обстояло несколько иначе. Дело в том, что рукописи, дошедшие до нас от середины XIV в., показывают, как постепенно на западе Ирана среди писцов начал получать распространение новый почерковый стиль, в котором можно проследить начатки будущего наста'лика; он еще не был столь декоративен и пропорционален, но это был уже курсив и была скоропись.

Появление почерка наста'лик было вызвано всем предшествующим этапом развития персидской книжности. Росло число грамотных людей, рос спрос на книгу, распространение которой сдерживалось медленными темпами переписки. Нужен был новый почерк — курсивный и четкий; этим требованиям отвечал наста'лик. По всей видимости, Мир 'Али из Табриза был одним из последних мастеров, который ввел в него определенные новшества и обосновал его теоретически в своем трактате. Кроме того, очевидно, он применил новый способ очинки калама для письма этим стилем. Далее произошло то, что нередко случается в жизни: поколения забыли тех лиц, которые создавали этот почерковый стиль, например Сāлиха б. 'Али ар-Рази, переписавшего «Диван» Ахмада Джалаира в Багдаде 1 джумада II 800/19 февраля 1398 г., и прочно связали создание почерка с именем Мир 'Али Табризи.

Наста'лик быстро распространился по всему иранскому миру. В силу своих особенностей наста'лик казался специально созданным для передачи поэтических строк; он чрезвычайно наглядно выделял рифмы и редифы (повторы в рифмах одинаковых слов): написанные наста'ликом, они в рукописи производили впечатление графически абсолютно совпадающих [40, с. 189]. Хотя наста'лик безраздельно господствовал в рукописях поэтических сочинений, весьма сузив сферу применения другого почеркового стиля — насха, последний все же не вышел из употребления, как это случилось с другими почерками (напри-

мер, с сулсом). Убедительным доказательством этому служат великолепные списки, выполненные блестящим персидским каллиграфом, работавшим в почерковом стиле насх, Ахмадом Найризй (XVIII в.). Насх остался почерком, которым переписывались Коран и другие богословские и богослужебные книги, а также значительная часть исторических сочинений. Правда, разными переписчиками в разное время делались попытки переписывать Коран почерком наста'лиқ, но подобная практика не получила широкого распространения и не привилась, хотя источники сообщают нам об этих попытках: Будаг Казвини в «Джавāхир ал-ахбār», а вслед за ним Кази Ахмад в «Гулистан-и хунар» сообщают, что Дуст-Мухаммад Харави написал Коран наста'лиқом [25, л. 111а; 29, с. 99; 37, с. 151]. Последний из указанных авторов говорит, что такую же попытку предпринял каллиграф Малик Дайлами (ум. 969/1560—1561), но не успел закончить работу [29, с. 97; 37, с. 150]. Шах-Махмуд Нишабури переписал тем же почерком Коран для шаха Тахмаспа I в Тебризе [13, I, с. 302]. В Библиотеке Салтанати (Тегеран) хранится Коран, переписанный наста'лиқом в 1093/1682 г. мастером Мухаммад-Хусайном Наурасом Димавадй. В 1268/1851—1852 г. придворный каллиграф Насир ад-Дин-шаха Каджара Асадаллах Ширази (ум. 1307/1889—90) переписал в Тегеране Коран, который был иллюминирован два года спустя 'Абд ал-Гаффаром Табризи.

Некоторые переписчики по окончании работы над очередным списком писали в колофоне о своих радостях и горестях, успехах и неудачах. В отдельных случаях писцы приводили от себя дополнительные сведения об авторе, его произведении, уточняли «адрес» места переписки, указывали точную (привлекая астрономические термины) дату переписки, с гордостью писали о проделанной работе над текстом сочинения, отмечали высокое качество письма и т. п.⁵⁶ Иногда переписчики сообщают нам также о своей предыдущей работе. Так, некий Мухаммад-Риза исполнивший по заказу Исма'ил-султана в дер. Мухаммадабад 10 ша'бана 1187/27 октября 1773 г. список «Шах-наме» Фирдоуси (Биб-ка Салтанати, № 12299), отметил, что перед этим он переписал «Хамсе» Низами, «Куллийат» Са'ди, «Диван» Хафиза, «Хафт авранг» («Семь планет») Джамии, «Анвār-и Сухайлй» («Сияние Канопуса») Кашифи.

Когда же переписчику приносили дефектные списки с просьбой дописать недостающее или заполнить лакуны либо завершить работу, начатую до него, то в этих случаях, как пра-

вило, он всегда скрупулезно указывал, какая часть выполнена им, а если было известно, кто начал эту работу, то переписчик обязательно указывал имя предшественника.⁵⁷

Очень рано в практике персидских писцов появились стихотворные обращения к читателю в колофоне, сочиненные самими мастерами. Обычно они были анонимными и, кочуя из одного списка в другой, постепенно превратились в трафарет. Появление этих «бродячих» стихов-трафаретов в колофонах связано с известным периодом времени, и с точки зрения определения недатированных рукописей они могут оказать вкупе с другими элементами известную помощь. Несколько примеров. Запись, фиксированная в списках XIV—XVI вв.:

Написал я книгу, потратил время.

Не будет меня — памятью обо мне останется <эта> книга.

Четверостишие, отмеченное в рукописях XV—XVII вв.:

Читатель! Не порицай меня и не хули,

Если в книге допущена будет ошибка.

Исправь ту содеянную ошибку

По великодушию своему. Аллах лучше ведает, в чем истина.

С этим четверостишием удивительно перекликаются слова русского писца XVII в.: «А ще где в книге сей грубостию моею пропись или же небрежением писано, молю Вас: не зазрите моему окаянству, не клените, но поправьте, писал бо не ангел божий, но человек, грешен и зело исполнен неведения» [44, с. 84].

Наконец, последний пример, отмеченный в списках XV—XVIII вв.:

Устала душа, и сломалось перо.

Написано здесь худым почерком [11, с. 10—15].

Как известно, в ремесленной среде дети обычно продолжали занятия своих родителей, осваивая под их руководством профессиональные навыки и секреты ремесла. Переписчики, равно как и каллиграфы, а также мастера художественного оформления рукописей, не составляли исключения из этого правила. К сожалению, источники (Кази Ахмад Куми, Искандар Мунши, 'Али Эфенди и др.), как правило, просто ограничиваются указанием на то, что сын такого-то был также каллиграфом. И вновь

в данном случае неоценимую помощь оказывают нам колофоны рукописей, в которых оставленные переписчиками записи позволяют выявить их родословную и приблизительные временные рамки их жизни. В этом отношении особенно интересны рукописи, переписанные в Ширазе во второй половине XV—XVI вв. Они позволяют проверить цитированное выше сообщение Будага Казвини и убедиться в его достоверности и точности. В это время в Ширазе работали три семьи потомственных переписчиков.⁵⁸ О результатах их деятельности мы вполне можем судить, по крайней мере, по тем спискам (более 120), которые исполнили представители не менее трех их поколений. Кроме имен, указания на место переписки рукописи, даты завершения этой работы и названия сочинения, которое они переписали, мы не располагаем никакими сведениями о них, так как источники хранят абсолютное молчание.

1. Семья, общими компонентами имени которой были ал-Аухадī ал-Хусайнī аш-Шйрāзй. Отец — Мун‘им ад-Дин Мухаммад-Ибрахим, сын — На‘им ад-Дин Ахмад и внук — Садр ад-Дин. Деятельность их относится к 80-м годам XV в. — 40-м годам XVI в. Нам известно 28 списков, изготовленных ими в эти годы.

2. Семья, которую мы условно назвали Қавām и представители которой обычно в конце своего имени писали «...ал-кātиб аш-Ширази» («переписчик из Шираза»). Деятельность этой семьи продолжается в течение всего XVI в. Отец — Қавām б. Мухаммад, сын — Мухаммад б. Қавām и внук — Қавām ад-Дин Мухаммад. Известны 47 списков их работы, представленные в различных древлехранилищах мира. Мухаммад б. Кавам, безусловно, был неординарным мастером, если в конце списка «Шах-наме» Фирдоуси (Музей изящных искусств, Бостон, № М.А. 14.691—692: только два последних листа), переписанного им, оформитель и иллюминатор Мухаммад б. Тāдж ад-Дин Хайдар музаххиб-и Ширази, сам занятый работой над этой рукописью более двух лет (начало 970 — конец 972/сентябрь 1562 — июнь 1565), следующим образом отозвался о нем: «...чудо <своего> времени маулана Мухаммад-и Кавам, что знаменит в искусстве переписки книг, а в переписке стихов Фирдоуси — бесподобен, прославлен среди людей пера <своим> художественным почерком и известен как “золотое перо”».

3. Семья, общим основным компонентом имени которой было Муршид. Отец — шейх Муршид ад-Дин Мухаммад,

сын — Хәмдаллāх, сын — Муршид ал-Кāтиб аш-Ширази, известный как ал-‘Аттар, сын — ‘Абдаллах (ум. в Казвине в 982/1574—1575 г. при дворе Тахмаспа I). За исключением последнего сына, ‘Абдаллаха, все они работали в Ширазе, и их деятельность приходится на 90-е годы XV—70-е годы XVI в. От них дошло 56 списков самых различных персидских сочинений в прозе и стихах. В большей части своих помет они называли себя «писец из Шираза». Второй сын, кроме того, иногда указывал свою профессиональную нисбу — ‘Атṭār («парфюмер»), что, возможно, свидетельствует о его второй специальности.⁵⁹

Говоря о семействах каллиграфов и переписчиков, нельзя не сказать несколько слов о семье Виṣāла Ширази,⁶⁰ сыгравшей заметную роль в культурной жизни не только родного Шираза, но и всего Ирана XIX в. Абу Мухаммад Мухаммад-Шафи‘ б. Мухаммад-Исма‘ил Ширази, известный как Мирза Кучик с литературным именем Висал (1197— раджаб 1262/1783— июль 1846), был знаменитым профессиональным поэтом, литератором и каллиграфом, снискавшим себе общеиранскую славу искусством писать семью почерками. Обычно по понедельникам в доме Висала собирались на литературные вечера представители интеллигенции Шираза. Известен указ (*фарман*) Мухаммад-шаха Каджара от раби‘ I 1261/марта — апреля 1845 г., в котором Мухаммад-Шафи‘ устанавливается ежегодная выплата в 300 туманов по финансовому ведомству провинции Фарс. Эти деньги были выделены дополнительно к такой же сумме, назначенной всей семье. Висал Ширази имел шестерых сыновей, пятеро из которых впоследствии пошли по стопам отца. Первый сын — мирза Ахмад Ваққār (1232—1298/1816—1881) был писателем, поэтом и каллиграфом; второй — Махмūd Хākīm (1234—1274/1818—1858) стал поэтом и каллиграфом и также занимался врачебной практикой; третий — Мухаммад Дāvирī (1238—1282/1822—1866) прославился как каллиграф в почерковых стилях наста‘лик и шикасте-йи наста‘лик; четвертый — Абу-л-Касим Фарханг (1242—1308/1928—1891) занимался литературной деятельностью и профессионально каллиграфией; шестой — ‘Абд ал-Ваххāб Йаздāнī (1252—1328/1836—1910) считался непревзойденным мастером в стиле наста‘лик. Указанные выше 300 туманов после смерти Висала Ширази, согласно фарману Мухаммад-шаха Каджара от раби‘ I 1263/февраля — марта 1847 г., были распределены между его сыновьями как ежегодная дотация.

КАЧЕСТВО РАБОТЫ, ОПЛАТ ЗА ТРУД

В каком бы районе или городе Ирана ни работал переписчик, всякий раз, получая заказ на изготовление рукописи, он обговаривал с потребителем-заказчиком условия оплаты выполняемой работы. Обычно оплачиваемая работа сводилась к двум видам: либо переписка выполнялась целиком, за твердо установленную плату *макту*, поэтому такой подряд получил название *муката*, либо каждая часть переписываемого сочинения оплачивалась сдельно (*уджрати*).

В обоих случаях для недобросовестного переписчика открывался широкий простор для обмана заказчика. В первом случае мастер, стремясь как можно скорее выполнить заказ, сокращал по своему усмотрению текст сочинения, содержащегося в рукописи, а во втором он поступал противоположным образом: в текст вносились значительные по объему дополнения, поскольку оплата была по количеству листов. В известной мере (помимо широкой популярности) мы, видимо, обязаны подобной практике тем, что если в XV в. число газелей «Дивана» Шамс ад-Дина Мухаммада Хафиза Ширази (ум. 792/1389—1390) не превышало пятисот, в XVI в. колебалось в пределах шестисот, то в XIX в. мы встречаем списки, в которых число газелей достигает восьмисот. Подобных примеров можно было бы привести великое множество — история текстологии дает нам для этого богатый материал. Особенно повинны в обмане заказчика известные мастера и знаменитые каллиграфы. Ведь не секрет, что в практике современных текстологов при подготовке к изданию текста какого-либо сочинения в качестве основного еще никогда не привлекался список, переписанный признанным мастером художественного письма. Шедевры каллиграфического искусства, радуя взор знатока и ценителя красотой и четким ритмом почерка, гармонией его линий и форм, в то же время вызывают досаду у специалистов-филологов засоренностью и ненадежностью текста представленных в них сочинений. Естественно, что особенно тяжкая судьба в этом отношении выпала на долю тех сочинений, что были особенно популярны в средневековом Иране: «Шах-наме» Фирдоуси, «Маснави́-йи ма'нави́» Джалал ад-Дина Руми, «Гулистан» и «Бустан» Муслих ад-Дина Са'ди Ширази, «Диван» Хафиза. Каждое из этих сочинений дошло до нас в нескольких сотнях копий.⁶¹

Текстологические исследования показывают, что обычно наиболее близко к оригиналу воспроизводились сочинения по

алгебре и геометрии, астрономии и химии, медицине и минералогии и т. п., т. е. то, что мы сейчас бы назвали точными и естественными науками, а также труды по различным вопросам богословия. Последние проверялись знатоками-богословами, которые в случае необходимости ставили на них помету, подтверждавшую их соответствие оригиналу и разрешавшую ими пользоваться (*иджаза*).⁶²

Иначе обстоит дело с текстами других жанров персидской рукописной книжности — поэзией,⁶³ «художественной» прозой, историей, космографией, агио- и биографией и т. п. Когда известный современный иранский ученый Муджтаба Минуви пишет: «...иранские переписчики (за исключением ничтожного числа) имеют обыкновение, когда снимают копию с какой-либо книги, писать все, что заблагорассудится их каламу. Впоследствии они уже не сверяют написанное с оригиналом, который копировали, и оставляют неисправленными ошибки, возникшие в процессе переписки» [50, с. 5], — этот упрек в адрес писцов в одно и то же время справедлив и несправедлив. Он справедлив с позиций современного отношения к письменному наследию и требований к человеку наших дней, справедлив также в отношении небрежных, невнимательных и малограмотных средневековых переписчиков.⁶⁴

Но справедлив ли будет такой подход к средневековому переписчику или грамотному человеку вообще (рукописи переписывались не только профессионалами)? Можно ли к нему подходить с нашими мерками: ведь мы практически весьма слабо и туманно представляем себе тот комплекс оценок, которыми он руководствовался в своей повседневной духовной жизни.

Думается, что все «исправления», искажения и ошибки, которые мы встречаем в рукописных текстах, можно было бы свести в принципе к двум группам. Первая — ошибки и описки, связанные с технической стороной работы и совершенные случайно: по недосмотру, при переписке на слух, под диктовку,⁶⁵ по небрежности или непониманию текста и т. д. Вторая — «исправления», внесенные в текст сознательно, по сути своей имеющие уже редакционный характер (мы не касаемся в данном случае преднамеренных идеологических подновлений). Действительно, как бы ни был добросовестен переписчик, как бы ни был он грамотен и образован, копируя сочинение, написанное за сто, двести, а то и более лет до него, он не мог — чисто психологически — не вносить в текст отдельных изменений. В известной степени этого от него требовали как представления и

критерии его эпохи и среды, так и такая всеобъемлющая система, как родной язык. Осовременивая своими «исправлениями» язык памятника, упрощая синтаксис и обороты, вводя пояснительные бейты к тексту, переписчик отнюдь не считал, что он искажает текст автора, наоборот, он полагал, что приближает его к своим современникам, облегчая им его восприятие [68, с. 160—161]. Известно, что на мусульманском Востоке понятие авторского права было весьма и весьма туманным. Подобной практике способствовала и сама литература, в которой благодаря широко используемым методам заимствования, подражания и ответа-*назире* стиралась разница между прошлым и настоящим.

Неудивительно, что недоброкачественные списки, вышедшие из-под калама писца, вызывали как нарекания заказчиков, так и недовольство авторов. Весьма колоритный рассказ приводит ‘Алишер Навои (1441—1501) в «Маджāлис ан-нафā’ис» («Собрание утонченных») о случае с известным гератским мастером нанесения золотого крапа в рукописи ‘Абд ас-Самадом Машхади,⁶⁶ который время от времени выступал в качестве переписчика. Однажды ‘Алишер Навои поручил ему переписать «Диван» ‘Абд ар-Рахмана Джами. Когда каллиграф закончил свою работу, Навои передал список автору, с тем чтобы тот проверил текст. Спустя несколько дней Джами сказал Навои: «Писец так переписал книгу, что похоже, он обязался не написать ни единой строки без ошибки». В свою очередь, Навои попросил Джами собственноручно выправить копию. Джами выразил согласие и, внося необходимые исправления, написал поверх списка своей рукой следующее *кит’а*:

Каллиграф, как ланиты красавиц,
украсил слова мои прекрасным почерком.
Но вот <беда> — повсюду в них из-за ошибок переписки
то что-либо добавлено, то <чего-то> недостает.
Внес я в них исправления своей рукой,
хотя и не получилось так <красиво>, как мне бы хотелось.
Я выправил все, что он сотворил
с моими стихами своим письмом [13, II, с. 402].

Известный поэт XVI в. Мухаммад б. Сулайман Фузūлӣ (ум. 963/1555—1556) в предисловии к своему сборнику азербайджанских стихов просил защиты «...от того глупого писца, круглого невежды, чье дурное перо является киркой, разрушающей здание просвещения, а калам, наводящий тоску, служит зодчим,

димо <только> после должного рассмотрения <текста оригинала> постараться переписать его так, дабы <все> пером его удивительного письма было бы охранено от огорчения ошибками и порчею <текста> и страницы книги тех желаний, которые вложил в нее автор, были бы свободны от необходимости их исправления. <Поэтому> все, что бы он (Султан 'Али) ни написал, пусть постарается представлять <нам> лишь по надлежащем сличении <с оригиналом>, чтобы <это> могло стать <своего рода> возмещением того, что было прежде. Только» [66, с. 163—165].⁶⁷

Приведенные примеры, сколь бы ни были они эффектны и красочны, нехарактерны для персидской рукописной книжности. Они являются исключением, уже хотя бы потому, что единичны и редки. Конечно, книги, переписанные от руки, не могли не содержать описок и ошибок: их переписывал человек. Но это отнюдь не означает, что вся персидская словесность, дошедшая до нас через посредство рукописи, оказалась очень далекой по своему содержанию от авторских оригиналов,⁶⁸ поскольку была искажена многократным копированием [17, с. 178—179]. Горькая шутка, ставшая затем крылатым выражением, что персидское сочинение, трижды переписанное, становится арабским, была сказана по поводу тех произведений, которые были особенно популярны, имели широкое хождение и распространялись в сотнях и сотнях списков. Это обстоятельство, безусловно, сыграло решающую роль в том, что их текст был засорен позднейшими вставками, пояснениями, «исправлениями». Но подобных сочинений было очень мало, всеобщее признание и популярность оказались весьма тяжким бременем для текста этих произведений, первое место среди которых, несомненно, занимает «Шах-наме» Фирдоуси. Именно это обстоятельство имел в виду Лутф-'Али-бек Исфажани Азар (1722—1781), когда мимоходом заметил в своей антологии «Аташкаде» («Капище огня»): «В настоящее время нельзя сказать, сохранилась ли в этой книге хотя бы одна <подлинная> строка Фирдоуси» [22, с. 181].

Разумеется, погрешности, которые допускали в своей работе персидские переписчики и каллиграфы, не являются характерными лишь для Ирана. Схожие или абсолютно идентичные явления мы наблюдаем в практике всех народов, прошедших этап рукописной книжности, будь то в Европе, России или Индии.⁶⁹ Любопытный штрих: можно встретить различную по степени и силе экспрессии критику в адрес нерадивого писца, исказившего текст сочинения, а с ним и мысль автора, но до сих пор нам не

приходилось сталкиваться с похвалой в адрес переписчика, выполнившего свою работу грамотно, четко и в полном соответствии с оригиналом. Последнее считалось само собою разумеющимся и, видимо, обычным явлением. Большая часть переписчиков не только сверяла переписанный текст с протографом, что являлось одной из основных их обязанностей и практически никогда специально не оговаривалось в колофоне, но если в процессе копирования у них под рукой оказывался более надежный текст (автограф, авторская копия или копия с автографа), они, как правило, сверяли исполненное с этим списком и, как правило, отражали этот факт в колофоне. Более того, почти всегда переписывался колофон старого протографа, особенно если он был сверен с другим списком. Примеров этому в истории персидской рукописи предостаточно.⁷⁰

Иногда подобные пометы писцов приобретают исключительное значение, оказывая текстологам и историкам литературы помощь, которую трудно переоценить. Например, известно, что к числу сочинений, наиболее читаемых и чтимых в Иране (а следовательно, и наиболее засоренных позднейшими «исправлениями» и «пояснениями»), относится «Маснавй-йи ма'навй» («Поэма о скрытом смысле») Джалал ад-Дина Руми. Рукопись же этого сочинения, переписанная в Конии в 677/1278—1279 г., т. е. спустя пять лет после смерти автора, завершается заключением (*хатиме*) переписчика, содержащим ценнейшую для историков литературы информацию. Писец Мухаммад б. 'Абдаллах ал-Кунавй сообщает, что в последние годы жизни Руми перечитывал и проверял свой труд в присутствии «своего потомка», т. е. сына Султан-Валада, и «своего халифе», т. е. Хусām ад-Дина Челеби. Если мысль или образ можно было выразить двояко, то основной вариант (со слов Руми) они оставляли в тексте, а другой записывали на полях. Во всех случаях, когда специфика произношения Руми отличалась от общепринятой, они специально фиксировали огласовками своеобразие языка поэта. В результате был подготовлен текст, копией с которого и является список 677 г. х., хранящийся ныне в Конии в мавзолее Руми.⁷¹ Наконец, некоторые переписчики с большим стажем и опытом проделывали весьма кропотливую и сложную работу, чтобы выполнить заказ и передать читателю надежный список.⁷²

Как мы уже отмечали выше, переписчики работали индивидуально, по найму в частной мастерской, на государственной службе в составе придворной библиотеки-мастерской (в последнем случае переписчик не обязательно должен был жить в сто-

лице, он мог состоять на службе, находясь в другом городе⁷³). С материальной точки зрения в наилучшем положении находились мастера, работавшие при дворе, поскольку распоряжением шаха у них была твердо фиксированная заработная плата (либо поденно, либо помесечно, либо погодно), состоявшая обычно из трех частей — наличные, продукты и одежда. Причем была широко распространена практика выплаты дополнительного вознаграждения за особо понравившуюся патрону работу.

В настоящее время мы не можем даже сколько-нибудь приближенно сказать, какую сумму получал рядовой переписчик (вне зависимости от того, работал ли он в частной мастерской или индивидуально) за выполненную им работу. Правда, известно, что в халифате X в. переписчики относились к тем социальным группам, чей доход был весьма низким,⁷⁴ а высказывание нишапурца Абу Хātима, занимавшегося в течение 50 лет этим ремеслом, как будто бы подтверждает сложившееся представление об их материальном положении. Он говорил: «Изготовление копий — занятие жалкое и проклятое, оно не дает ни куска хлеба для жизни, ни савана для смерти» [48, с. 158]. Спустя семь веков А. Олеарий, посетивший Иран в 1637—1639 гг., отметил, что благодаря высоким ценам на книги «многие персияне, особенно у кого много детей, стараются обучить их хорошему письму» [62, с. 792], т. е. иными словами, приобщить их к доходному ремеслу и профессии, которая достаточно обеспечит их.

Вполне вероятно, что рост числа грамотных людей вызывал большой спрос на книгу и ее производство, что, в свою очередь, повышало доходы переписчиков.⁷⁵ Но как конкретно это выразилось, мы не знаем, так как доступные нам материалы чрезвычайно скудны, хронологически разрозненны и скорее иллюстративны. Так, владелец списка «Тазкира-йи ула ал-албāб» («Памятка, лучшая из сердевин») на л. 1а пишет, что в тот момент (XVII в.), когда он, Мухаммад-Хусайн ат-табīb, отправлялся в Мекку на поклонение святым местам, его учитель Мухаммад-Му'мин Танкабуни попросил снять для него копию или купить список этого сочинения. В связи с тем, что Мухаммад-Хусайн задержался на некоторое время в Сирии, он отправил в Египет человека со специальным заданием купить эту рукопись или снять копию с нее. Книга была приобретена за семь туманов, составивших оплату переписчику, продавцу бумаги и переплетчику. Танкабуни на обороте того же листа написал, что он видел этот список и он стоил уже 20 туманов.⁷⁶

Мухаммад Дāvирӣ б. Висал Ширази в течение пяти лет работал над «Шах-наме» Фирдоуси, причем он не только переписал поэму, но и иллюстрировал ее и изготовил художественный переплет. Рукопись предназначалась для Мухаммад-Кули-хана Кашкā'и (глава племен Фарса), который дал за работу Мухаммаду Давири 700 туманов наличными, два комплекта шалей кашмири и две лошади [13, III, с. 713—714].

В среде переписчиков и каллиграфов ходило множество легенд, одна фантастичнее другой, в которых рассказывалось о громадных суммах, полученных тем или иным мастером за удачно исполненную работу. Для примера мы остановимся на двух. Зайн ад-Дин Вāсифӣ в своих «Бадā'и' ал-вакā'и'» («Удивительные события») пишет, что последний аббасидский халиф ал-Муста'сим би-ллах (1242—1258) заплатил Йакуту Муста'сими за переписанный им Коран около тысячи дирхемов [28, с. 133—137].

Знаменитый персидский каллиграф Мир 'Имāд Хасани (уб. 1615) стал героем другой легенды. Однажды шах 'Аббās I (1587—1629) прислал Мир 'Имāду семьдесят туманов и потребовал, чтобы каллиграф переписал для него «Шах-наме» Фирдоуси. Минув год, и шах направил нарочного за рукописью. Мир 'Имāд вручил тому семьдесят начальных бейтов поэмы и добавил на словах, что это соответствует полученной им сумме. Недовольный шах возвратил мастеру его работу. Тогда Мир 'Имāд разрезал написанное на семьдесят частей по одному бейту в каждой и предложил их своим ученикам. Они отдали по туману за каждый фрагмент, и Мир 'Имāд вручил всю сумму сполна шахскому посланцу [4, с. 65].⁷⁷ Современный иранский ученый М. Бастани Паризи, касаясь покупательной способности тумана того периода, высчитал, что за один туман можно было купить 800 манов (т. е. 2400 кг) пшеницы в Систане [15, с. 550]. Следовательно, оплата по одному туману за бейт работы Мир 'Имāда просто фантастична.

Выше уже отмечалось, что более точными сведениями мы располагаем об оплате труда придворных мастеров, содержание которым устанавливалось специальным указом на их имя.⁷⁸ Для XVI в. известны точные данные из реестра по дворцовой библиотеке османских султанов, согласно которому «дневной заработок» наиболее оплачиваемого художника составлял 24 *акча*, средняя сумма оплаты менее известных мастеров — 10 *акча*, а самая низкая, возможно учеников-детей, — 2,5 *акча*. Приблизительно в этих же размерах оплачивалась работа мас-

теров *китабхане* Исма‘ила I [111, с. 24]. Каллиграф Шах-Касим Табризи (ум. 948/1541—1542 г.), уведенный Салимом I в 1514 г. в числе тысячи тебризских ремесленников в Турцию, ежедневно получал 50 *секке* установленного жалованья [13, I, с. 289]. Каллиграф Хаджж Мухаммад Табризи, ученик Шах-Махмуда Нишабури (был жив в 995/1586—1587 г.), уехал в Стамбул и, работая при дворе, получал в день 40 *акча* вознаграждения [13, III, с. 665]. Переписчик Абд ар-Раззак Казвини (ум. между 1060—1063/1650—1653), известный также как превосходный декламатор «Шах-наме», получал в год от ‘Аббаса I триста туманов [74, с. 67].

Ученик Мира Имада, ставший впоследствии придворным переписчиком при ‘Аббасе II (1642—1666), Мухаммад-Салих Хātунāбādī (ум. после 1071/1660—1661), неоднократно, кстати, переписывавший истории правления ‘Аббаса I, Сафī I (1629—1642) и ‘Аббаса II, получал от своего патрона ежегодную пенсию в размере 500 туманов. А другой писец, Мухаммад-Такī б. Абд ал-Джаббār, живший в Казвине, получал от Нāдир-шаха Афшара ежемесячную дотацию в 20 туманов [13, III, с. 668, 774, 969]. Для сравнения укажем на Мухаммад-Амина Хорасани, который, уехав из Мешхеда в Индию, работал в библиотеке Хāнхāнāна и за свою работу по оформлению рукописей получал от последнего в месяц 400 рупий, т. е. 12 туманов.

Но иногда случалось, что даже представители элиты переписчиков — каллиграфы, получавшие установленную «заработную плату», лишались ее в силу самых различных причин, в которых не последнюю роль играла бюрократическая волокита. Источники, сообщаящие нам так много легенд о вознаграждениях мастерам, обычно молчат о лишении того или иного мастера пенсии. Одним из редких исключений является случай с Мир Саййид Ахмадом Машхади, приведенный Кази Ахмадом (см. сноску 73). Сохранился ряд документов, в которых мастера обращаются к власти имущим, напоминая о себе и говоря о своих финансовых и материальных заботах, возникших вследствие того, что им не выплачивалось положенное. Например, каллиграф Султан ‘Али Кā’инī (ум. 914/1508—1509) писал, обращаясь к одному из династов Ак-Коюнлу: «...ныне дом, в котором проживает сей раб, продают по частям, и нет у меня ничего, кроме надежды на то, что семь тысяч динаров, что остались невыплаченными из положенного сему рабу еще давно, <выплатят>. Если его величество проявит сострадание по поводу пожертвования, то <сей раб> не погибнет. Да будет воля божья» [13, I, с. 239].

Спустя более чем триста лет, 4 джумада I 1297/14 апреля 1880 г., Саййид 'Али-Риза Ширази в сходных выражениях обрисовал свое положение в колофоне списка сочинения своего деда мирзы Мухаммада калантара «Рӯзнāме» («Дневник»), переписанного им для наместника Фарса Фархад-мирзы Каджара: «Соборазно приказу Хаджж Фархад-мирзы, наместника Фарса, я, 'Али-Риза ал-Хусайни аш-Ширази, внук мирзы Мухаммада, прежнего *калантара* Фарса и автора сей книги назидания, приступил к ее переписке. И хотя я полностью лишен со своей семьей пенсионных сумм со стороны его величества и государевых пожертвований продуктами, которые были выделены моим преданным <династии> родителям, и несмотря на то что имеются приказы султанов и распоряжения наместников <в этом отношении>, нет у меня ни единого динара из утвержденных <нам> сумм, тем не менее...» [13, II, с. 462]. Содержание этой приписки показывает, что традиция выплаты мастерам рукописной книги положенных им пенсий наличными и натурой (продукты, одежда) сохранялась весьма долго и была устойчивой. Из истории персидской литературы известно, что подобная же практика оплаты распространялась как на поэтов, так и на прочих мастеров слова.

СТОИМОСТЬ РУКОПИСНОЙ КНИГИ

Обращаясь к вопросу о стоимости рукописной книги, тесно связанному с вопросом об оплате труда переписчика, следует иметь в виду, что на ее цену помимо стоимости использованного материала (бумага, кожа для переплета, краски и чернила) и труда мастера, потраченного на нее, большое влияние оказывал рыночный спрос. Отчужденная книга превращалась в товар, предмет купли-продажи, цены на который в разных областях Ирана и в разное время были далеко не одинаковы. Приведенный нами выше пример с «Газкира-йи ула ал-албаб», когда рукопись, выполненная за 7 туманов в Египте, спустя несколько лет стоит в Иране уже 20, весьма показателен.

Помимо источников, которые сообщают нам только о стоимости книг, переписанных известными каллиграфами, мы располагаем рядом записей, произведенных маклерами или коллекционерами на форзацных листах рукописей. К сожалению, то, что мы имеем в настоящее время в своем распоряжении, очень неполно и разрозненно, но тем не менее и эти данные позволят

нам составить некоторое представление о цене рукописи, как богато оформленной, лицевой, доступной единицам, так и более скромной, рассчитанной на менее состоятельного покупателя.

Будаг Казвини приводит весьма любопытные данные о ценах на рукописи и отдельные образцы письма (*қит'а*) известных каллиграфов. Пожалуй, он единственный автор, который в своем сочинении, завершённом в 984/1576 г., отмечает цену, по которой продавалась та или иная рукопись при жизни ее создателя, переводя ее на цены своего времени (ниже приводим данные этого автора). Тысяча бейтов работы каллиграфа Мухаммад-Хусайна Бахарзи (ум. после 976/1568—1569 г.) стоила в Казвине 5 тыс. динаров [25, л. 1106].⁷⁹ Следовательно, «Хамсе» Низами, переписанное им, стоило бы 18 туманов (из расчета 10 тыс. динаров в тумане и число бейтов Хамсе — 36 тыс.).

Каждое *қит'а* работы Мир Саййид Ахмада «покупают по пять *шāхī*, и <это> установленное правило» [там же].⁸⁰ «Письмо этих двух Султан-Мухаммадов⁸¹ почитают чрезвычайно. Тысячу бейтов <работы> каждого из них, которую едва только кто-либо выставит на продажу, они покупают по три тумана, так что каждый бейт пойдет за 30 динаров. А если это будет *қит'а*, то каждое *қит'а* по цене тысяча динаров» [там же].⁸²

«Каждый из них⁸³ имеет в <кругу мастеров> художественного письма <достойное> положение, и <ныне> их *қит'а* покупают за две-три тысячи <динаров>, будь то богач или нищий. В ту пору, когда они были живы, *қит'а* <в их исполнении> отдавали <лишь> за одно-два...»,⁸⁴ что равно половине *шāхī*. В Бухаре *қит'а* муллы Мир-Али покупали за один *хани*, что ныне два *шāхī*» [25, л. 1096].⁸⁵

Последние слова Будага Казвини подтверждаются другим источником, правда написанным в Турции в 995/1586—1587 г. 'Али-эфенди в «Манāкиб-и хунарварāн» сообщает: «В наше время покупатели альбомов *қит'а* и образцов письма приобретают одно из *қит'а* Мир-<Али> за пять-шесть тысяч, а *дубайт*⁸⁶ <письма> Султан-Али не более чем за 400—500 османских *акча*... Я не знаю, сложилось ли такое положение в результате явного предпочтения и спроса любителей на произведения Мира либо из-за редкости <появления на рынке> его письма» (цит. по [13, II, с. 508]). Это свидетельство турецкого современника персидского автора, с нашей точки зрения, справедливо и не противоречит истине. Дело в том, что Султан 'Али за свою долгую (более восьмидесяти лет) жизнь создал очень много художественно переписанных книг, которые, к сожалению, не все одина-

ково высокого качества. Считается, что лучшее из созданного им приходится на тридцатилетний период его жизни — между тридцатью и шестьюдесятью годами. Мир 'Али ал-Хусайни ал-Харави прожил около семидесяти лет, кроме того, он, в основном занимался перепиской рукописей (*китабат*) и значительно реже обращался к созданию образцов письма (*қит'а*), которые писались крупным почерком (*джали*). Наконец, в Иране, Турции и Индии любители и знатоки художественного письма в своем большинстве отдавали предпочтение работам этого мастера, о чем свидетельствуют многочисленные исторические анекдоты, донесенные до нас источниками.

Таки ад-Дин Мухаммад Кашани (был жив в 1016/1607—1608 г.) сообщает в своей антологии «Хулāsат ал-аш'ār» («Квинтэссенция стихов»), что каллиграф из Кашана Мир Му'из ад-Дин Мухаммад (ум. 995/1586—1587) пользовался такой известностью и был столь популярен, что любители каллиграфии «покупали тысячу бейтов его работы за 10 тысяч <динаров>» [13, III, с. 818].⁸⁷

Амин <б.> Ахмад Рази, составивший в Индии в 1002/1593—1594 г. широко известную антологию «Хафт иклім» («Семь климатов»), говорит, что в Индии за тысячу бейтов, переписанных мастером Баба-Шахом Исфакхани (ум. в Багдаде в 996/1587—1588 г.), платили три тумана, что «эквивалентно 100 индийским рупиям» [13, I, с. 87].⁸⁸

Когда покупалась рукопись, содержащая стихотворный текст (*диван*, *маснави*), платили из расчета за каждую тысячу бейтов, не считая, естественно, украшений, миниатюр и переплета, что оценивалось отдельно. Если же покупатель приобретал образец художественного почерка (*қит'а*) какого-либо мастера, то к рыночной цене за этот образец добавлялась определенная цена за каждое полустушише (*мисра'*).

Один из пионеров изучения на Западе персидской рукописной книги и книжной миниатюры, Ф. Мартин, шведский дипломат и ученый, совершенно справедливо отмечал, что цены, которые платили на Востоке за каллиграфически исполненные рукописи или миниатюры, всегда были выше тех, что существовали в Европе. Например, превосходный лицевой список, за который Великий Могол Джахангир (1605—1627) «заплатил 3000 рупий золотом — сумма, эквивалентная 10 000 фунтов стерлингов, ныне в Париже не достигает и 2000 фунтов» [101, с. 58].⁸⁹

Около 984/1576 г. списки Корана работы известного мастера, специализировавшегося в почерковых стилях *насх* и *сулс*,

муллы Шайх-Мухаммада Сабзавари (работал в составе *китабхане* Султан-Ибрахим-мирзы, погибшего в 984/1577 г.) покупались по три или четыре тумана [25, л. 112б]. Адам Олеарий сообщает, что «Алкоран... писанный стоит 15—20 и более рейхсталеров» [62, с. 792]. Поскольку он сам замечает: «60 туманов, или 460 рейхсталеров» [62, с. 501], то не составляет труда вычислить, что во время пребывания Олеария в Иране в 1637—1639 гг. список Корана в Исфахане стоил от двух туманов и выше. Последнее согласуется с только что приведенным сообщением Будага Казвини. Тот же Олеарий пишет: «...но между всеми этими писателями превосходнейшим и добросовестнейшим считается Мирхонд, написавший изящным языком Персидскую летопись, во множестве томов, которые стоят 200 и более рейхсталеров» [62, с. 815—816]. Если исходить из того же расчета, то сочинение Мирхонда (имеется в виду «Раузат ас-сафā»), обычно представленное двумя списками большого формата, стоило 26 туманов и более, что, следует признать, составляло весьма значительную сумму.⁹⁰ Правда, вполне возможно, что Олеарий имеет в виду превосходные, богато орнаментированные миниатюрами списки, которые действительно были очень дороги и доступны немногим, а не скромные, рассчитанные на менее состоятельного читателя списки. В том, что это было именно так, нас убеждает просто оформленный, но четко и аккуратно переписанный список третьего тома «Раузат ас-сафā» (рук. ИВ АН, С 406 I), законченный 28 сафара 1018/2 июня 1609 г. Абу-л-Хасаном б. Мухаммад-Кули ал-Кумра. На л. 1а имеется приписка, из которой мы узнаем, что в сафаре 1079/июле-августе 1668 г. некий Мухаммад-Таки, «известный как Табризец», приобрел его «куплей законной за семь тысяч динаров у Хаджи-китабфуруша (книготорговца. — О. А.) в присутствии <свидетеля> Баба Шарифа».⁹¹

В 1677 г. на берегу Босфора в Стамбуле австрийскими дипломатами было куплено свыше десяти персидских рукописей, за которые было уплачено венецианскими дукатами, имевшими хождение в Османской империи (ныне эти рукописи находятся в Венской национальной библиотеке). Мы остановимся на некоторых из них, с тем чтобы специалисты смогли сопоставить суммы, заплаченные за них, с ценами на рукописи, существовавшими в то же время в Иране и частично приведенными нами выше:

список XVI в., содержащий «Интихāб-и Хадйка» («Извлечения из “Хадйка”») Сана’и и первую часть «Силсилат аз-захаб»

(«Златая цепь») Джамии, украшенный пятью миниатюрами, был продан за 36 дукатов, что равно 360 золотым маркам, или 5,2 тумана;

список начала XV в. «Джавāхир аз-зāt» («Драгоценные камни сущности») Фарид ад-Дина Атгара Туни; на л. 149а имеется помета, удостоверяющая, что первоначально он находился в библиотеке тимурида Шахруха, а затем поступил в библиотеку Баязида II (ум. 918/1512); при продаже рукопись была оценена также в 36 дукатов;

список «Бустана» Са‘ди, переписанный в 40-е годы XVI в. и украшенный пятью миниатюрами, был приобретен за ту же цену;

список «Дивана» Камал ад-Дина Худжанди; лицевой, превосходно исполненный и орнаментированный экземпляр с тремя миниатюрами большого формата, переписанный неким ‘Абд ар-Рахимом в начале XVI в. для библиотеки Мухаммада б. Сулаймана Кануни(?); этот список был продан за 68 дукатов, что равно 680 золотым маркам, или 9,85 тумана;

рукопись «Йūsuf ва Зулайхā» Джамии, переписанная неким Шараф ад-Дином аш-Шарифом ал-Хваразми в «граде благочестия» Йезде в 982/1574 г. и украшенная семью миниатюрами (судя по описанию, вклеенными позднее переписки). Рукопись была продана за 20 дукатов, что эквивалентно 200 золотым маркам, или 2,88 тумана [92, № 510, 518, 533, 581, 593].⁹²

Несколько особняком стоят два списка, пометы на которых, оставленные их прежними владельцами, вызывают большой интерес содержанием сообщаемых сведений. Оба списка были изготовлены в Иране (Хорасан и Герат) и там же впоследствии проданы. Первый — список «Тарйх-и гузйде» («Избранная летопись») Хамдаллаха Мустауфи Казвини (собрание ИВ АН СССР, С 503) был переписан Ибн ‘Али Исхаком ал-Ханафи ал-Катибом ал-Казвини 21 зу-л-ка‘да 847/13 марта 1444 г. для библиотеки какого-то весьма высокопоставленного лица. В розетке (*шамса*) — экслибрисе (л. 2а) этого некогда превосходно оформленного списка имя патрона соскоблено каким-то книжным маклером, но остальное читается: «Для хранилища книг величайшего султана... в мире... султана амира...» Неизвестный владелец этой рукописи оставил на л. 2а следующую запись: «Куплено в 910 (1504—1505) году за сумму тысяча динаров, что соответствует 55 *тангаче* нынешнего курса». Мы не располагаем данными о курсе тумана в этом году в золотых марках, но в 1510 г. он был равен 270 [95, с. 95]. Если допустить, что курс тумана в указанном году колебался в этих же

пределах, то тогда эта «Летопись» была приобретена за 27 золотых марок и, следовательно, 55 *тангаче* равны 27 маркам.

Спустя четыре года в Гератском округе переписчик и владелец полного списка (четыре части в одном томе) «Хидāйя» («Руководство <на пути истинной веры>») Афзал ад-Дин Кутб-и хвādжагй сообщает в колофоне этого списка (собрание ГМИНВ, 1761 II), что «он продал вышеозначенный экземпляр Хидāйи 19-го числа месяца раби' I 914 (18 июля 1508) года за сумму в 450 *танга* одной пятой полновесного чекана 'Абд ал-Вахибу б. Насраллаху б. Са'ид-'Абиду куплей правильной, дозволенной, законной, в присутствии группы мусульман». Исходя из приведенного выше расчета, 450 танга эквивалентны 22,09 золотой марки. Это не дешево, даже если не принимать во внимание, что переписанное сочинение по религиозному праву было широко известно и часто копировалось. Высокую цену можно объяснить либо тем, что список весьма объемист, значительного формата, аккуратно переписан и переплетен, либо тем, что переписан он был (согласно помете на полях рядом с колофоном («одним из числа великих улемов — средоточий знаний, возвращенных <милостями> Султан-Хусайн-мирзы»), который его тщательно выверил после копирования, и, следовательно, текст мог считаться надежным и правильным.

Приведенные материалы приводят нас только к одному выводу — рукописная книга в Иране, Средней Азии и Индии в XIV—XVII вв. была дорогой и из-за своей высокой стоимости была доступна далеко не всем представителям городской интеллигенции (мы не говорим о сельской местности, где число грамотных было просто ничтожным). В этой связи заключение Ш. Инайатуллаха, отметившего, что простые писцы, профессионально занимавшиеся перепиской книг, производили их по ценам, доступным ученому среднего ранга, так что последние могли составить себе библиотеки [96, с. 157],⁹³ представляется нам недостаточно обоснованным и далеким от истинного положения.

В данном случае дело не столько в том, что не была принята во внимание высокая стоимость рукописной книги, в значительной степени обусловленная относительно медленными темпами переписки, сколько в том, что представители средних городских слоев не только покупали и заказывали книги, но и сами часто их переписывали для своих личных библиотек. Возможно, этим обстоятельством можно объяснить тот факт, что определенная часть рукописей, дошедших до наших дней без сигнатуры лиц,

их переписавших, была скопирована этой категорией грамотных людей для своих нужд. Ведь каллиграф почти всегда ставил свою подпись, простой профессиональный писец делал это уже реже, а еще реже ставили такую помету любители книг.

Конечно, на стоимость рукописных книг, которые свободно циркулировали на рынке, известное воздействие оказывали самые различные факторы: это и редкость сочинения, и возраст списка, и его сохранность, и имя переписчика, и наличие украшений и миниатюр, и пометы «мужей пера и меча» — словом, то, что и ныне заставляет замирать сердце библиофила и знатока. В частности, на увеличение стоимости богословских и богослужебных книг воздействовала практика *иджаза*, при которой признанные авторитеты — богословы ставили на первом листе рукописи помету, подтверждавшую ее соответствие оригиналу и разрешавшую ею пользоваться.

Наконец, следует обратить внимание и на такое явление, как применение института *вакфа* в отношении отдельных книг и целых библиотек, составлявших пожертвования в пользу различных медресе, мечетей, *мазаров*, *ханака* и т. д. Такие библиотеки, переданные на строго оговоренных условиях пользования книгами, входившими в ее состав, меняли свое социальное лицо и из частных и закрытых превращались в публичные и общедоступные. На всем мусульманском Востоке представители интеллигенции широко пользовались подобными библиотеками. Любопытно, что источники, как правило, отмечают библиотеки в тех случаях, когда они были размещены в отдельных зданиях и являлись как бы особыми учреждениями.⁹⁴

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ФОРМАТЕ РУКОПИСНЫХ КНИГ

Весьма трудно говорить об определенных стандартах, которыми бы руководствовались мастера «книжного рукоделия», устанавливая тот или иной формат для каждого данного списка. Тем не менее можно сказать, что обычно формат рукописи колебался между 20×12 и 30×20 см. Это, конечно, не означало, что, как показывает практика, не производились рукописи больших или меньших размеров, но эти форматы преобладали.⁹⁵ Вместе с тем нам известны случаи, когда каллиграфы или переписчики создавали рукописи очень малых или очень больших размеров. Так, Кази Ахмад Куми в краткой новелле, посвященной мастеру 'Умару Акта' («Однорукий»), передает такой эпи-

зод: когда Акта' написал Коран столь мелким почерком, что тот мог уместиться под гнездом перстня, Тимур отказался принять этот дар и не одобрил подобную работу. Но когда этот же мастер написал Коран, в котором длина каждой строки составляла один *зар'* (49,875 см [78, с. 64]⁹⁶) и таким образом получился громадный по размерам список, Тимур похвалил мастера за такую работу [29, с. 25; 37, с. 115].

Тот же автор сообщает, что мирза Ибрахим-Султан б. Шахрух (ум. 838/1435 г.) написал Коран почерком сулс «в формате два *зар'* а длины и полтора *зар'* а ширины» и отдал его в вакф мазара Баба Лутфаллаха 'Имад ад-Дина (ныне этот список находится в Музее Парс в Ширазе).⁹⁷ В Мешхеде в Библиотеке Астан-и кудс хранятся семь листов еще более громадного Корана (177×101 см), переписанного почерком сулс его братом мирзой Байсонгуром (ум. 837/1433). Эти рукописи, безусловно, впечатляли своими необычно большими размерами.⁹⁸

Источники не сообщают нам о случаях, когда изготовлялись рукописи очень большого формата светского содержания. Видимо, нужды в этом особой не было, так как такие рукописи были чрезвычайно неудобны для пользования. Но они имели значительное преимущество: в них можно было поместить много произведений. Именно такой библиотекой в одном томе является список из собрания ИВ АН СССР Е 12, названный его составителем и переписчиком «Гулшан» («Цветник»). Эта действительно уникальная рукопись (459 листов форматом 69×48,5 см) переписывалась около восьми лет (с зу-л-ка'да 1191 по ша'бан 1199/декабрь 1777 — июнь 1785), причем в течение двух лет над списком никакой работы не велось.⁹⁹ Рукопись не была переписана ее создателем на одном месте: Мухаммад-Казим б. Мухаммад-Риза — переписчик, составитель репертуара вошедших в свод произведений и автор шести поэм (*маснави*), включенных им в книгу, — сопровождая патрона, видимо, возил с собой отдельные листы, которые он время от времени заполнял. Мы не знаем имени заказчика либо патрона Мухаммад-Казима, но, несомненно, он обладал достаточными средствами, чтобы оплатить работу не только переписчика, но и миниатюриста, который украсил список ста миниатюрами. Эти миниатюры позднензендского и раннекаджарского периодов сами по себе заслуживают отдельного исследования не только с точки зрения истории миниатюрной живописи в Иране в конце XVIII в., но и дают очень интересный материал для этнографа — историка иранской одежды указанного времени.

Ничего нам не известно и о личности переписчика этой рукописи, за исключением того, что он был поэтом и носил литературное имя (*тахаллус*) Махджур. Вместе с тем он был хорошо знаком с персидской и отчасти с тюркской поэзией, о чем говорит состав созданного им сборника. «Гулшан» содержит газели 58 поэтов XI—XVIII вв., касыды 15 поэтов, *қит'а* 24 поэтов, руба'и 117 поэтов, а также 103 маснави и отдельные большие произведения либо извлечения из них (например, из «Шах-наме» Фирдوسی, «Хамсе» 'Алишера Навои и др.). Но основная заслуга составителя, на наш взгляд, состоит в том, что он поместил в сборнике большое число маснави поэтов XVII—XVIII вв. (не обойдя, впрочем, и себя), т. е. то, что было более всего ему знакомо.

В заключение хотелось бы отметить, что в рамках настоящего очерка мы коснулись только некоторых вопросов, возникающих в связи с проблемой роли и значения рукописной книги в истории культурной жизни Ирана и ряда сопредельных стран в средние века. Мы попытались с разной степенью полноты, в чем мы целиком зависели от доступного материала, разобрать вопросы, связанные с проблемами создания рукописной книги (переписка, тематика и репертуар, оформление, почерки и т. п.) и ее распространения (стоимость и торговля), а также роль, которую при этом играл переписчик, оставив незатронутыми многие другие аспекты ее бытования и роли в обществе.

СОКРАЩЕНИЯ

ГМИНВ (Москва)	— Государственный музей искусств народов Востока
ЛПБ	— Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград)
ИА АН СССР	— Институт археологии Академии наук СССР
ИВ АН СССР	— Институт востоковедения Академии наук СССР
ИИЯЛ	— Институт истории, языка и литературы (Душанбе)
ИФЖ	— Историко-филологический журнал (Ереван)
КСИНА	— Краткие сообщения Института народов Азии
ЛГУ	— Ленинградский государственный университет
НАА	— Народы Азии и Африки (журнал) (Москва)
ПВ	— Проблемы востоковедения (Москва)
ПЛНВ	— Памятники литературы народов Востока
ПНС	— Персидская новая серия
ПП и ПИКНВ	— Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока
ППВ	— Письменные памятники Востока (Москва)
УЗИВАН	— Ученые записки Института востоковедения Академии наук СССР

- AI — Ars Islamica
 IC — Islamic Culture
 IQ — Islamic Quarterly
 GMS — Gibb Memorial Series
 JRAS — Journal of the Royal Asiatic Society
 ZDMG — Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Leipzig

ЛИТЕРАТУРА

1. Айн-и шахрдари дар карн-и хафтум. Тихран, 1347[1968].
2. *Акимушкин О. Ф.* Искандар Мунши о каллиграфрах ваменти шаха Тахмаспа // КСИНА. 1965. № 39.
3. *Акимушкин О. Ф.* К истории редакции первого дивана Джами // НАА. 1965. № 4.
4. *Акимушкин О. Ф.* Мир Имад // Альбом индийской и персидской миниатюры и каллиграфии. М., 1962.
5. *Акимушкин О. Ф.* Редкое сочинение по истории Ирана из библиотеки Вазир в г. Йезде // ППиПИКНВ. IX. М., 1973.
6. *Акимушкин О. Ф.* и *Иванов А. А.* О мавераннахрской школе миниатюрной живописи XVII в. // НАА. 1968. № 4.
7. *Акимушкин О. Ф., Кушев В. В., Миклухо-Маклай Н. Д., Мугинов А. М., Салахетдинова М. А.* Персидские и таджикские рукописи Института народов Азии АН СССР: Краткий алфавитный каталог. Ч. I—II. М., 1964.
8. *Алиев Р. М.* Воля исследователя и проблема метода составления критического текста // ППВ. 1968. М., 1970.
9. *Аринпур Й.* Аз Саба та Нима (Тарих-и 150 сал-и адаб-и Иран) Чап-и дувум. Дж. I—II. Тихран, 1351[1972].
10. *Афшар И.* Китабшинаси-йи Фирдоуси. Тихран, 1347[1968].
11. *Афшар И.* Ши'рха-йи пайан-и нусхе // Хунар ва мардум. Дж. 12. Тихран, (1353/1974). № 139.
12. Бабур-наме (Записки Бабура) / Пер. М. Салье. Ташкент, 1958.
13. *Байани М.* Ахвал ва асар-и хушнависан. Наста'ликнависан. Бахш 1—3. Тихран, 1345—1348 [1966—1969].
14. *Байбурди Ч. А.* Новые данные о переработке письменных памятников в ханаке Ходжа Мухаммада Парса // Тезисы докладов VI Всесоюзной конференции по иранской филологии. Тбилиси, 1970.
15. *Бастани Паризи М.И.* На-йи хафтбанд. Тихран, 1350[1971].
16. *Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.
17. *Бертельс Е. Э.* История персидско-таджикской литературы // Бертельс Е. Э. Избранные труды. М., 1960.
18. *Бертельс Е. Э.* Пятое муназаре Асади Тусского // УЗИВАН. 1958. Т. XIX.
19. *Бертельс Е. Э.* Низами и Физули // Бертельс Е. Э. Избранные труды. М., 1962.
20. *Бертельс Е. Э.* Навои и Джами // Бертельс Е. Э. Избранные труды. М., 1965.
21. *Беруни Абу Рейхан.* Индия // Беруни Абу Рейхан. Избранные произведения. Т. 2. Ташкент, 1963.
22. *Болдырев А. Н.* Зайнадин Васифи — таджикский писатель XVI в.: (Опыт творческой биографии). Сталинабад, 1957.

23. *Большаков О. Г.* Средневековый арабский город // Очерки истории арабской культуры V—XV вв. М., 1982.
24. *Борщевский Ю. Е.* Персидская народная литература // Плутовка из Багдада. М., 1963.
25. *Будаг Казвини.* Джавахир ал-ахбар: рук. ГПБ, Dorn 288.
26. *Булгаков П. Г.* Жизнь и труды Беруни. Ташкент, 1972.
27. *Булатов М. С., Долинская В. Г.* Пропорции рукописных книг Среднего Востока XV—XVIII вв // Из истории искусства Великого города. Ташкент, 1972.
28. *Васифи Зайн ад-Дин.* Бада'и' ал-вака'и'. Дж. 2 / Изд. А. Н. Болдырева. Тихран, 1351[1972].
29. *Гулистан-и хунар.* Та'лиф-и Кази Мир Ахмад-и Мунши-йи Куми. Ба тасхих ва ихтимам-и Ахмад Сухайли Хансари. Тихран, 1352[1973].
30. *Гулчин-Ма'ани А.* Тарих-и тазкираха-йи фарси. Дж. 1. Тихран, 1348[1969].
31. *Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры. М., 1972.
32. *Гюзальян Л. Т.* Исправления в тексте древнейшей рукописи «Шах-наме» // ИФЖ. 1972. № 2(57).
33. *Даниш-Пажух М. Т.* Дабири ва нависандаги // Хунар ва мардум, 1349[1970]. № 101—103; 1350[1971]. № 106, 109.
34. *Дарский Э.* Среднеазиатский устав цеха живописцев // ПВ. 1959. № 3.
35. *Джахан-наме аз Мухаммад ибн Наджиб Бакран.* Ба мукаддама-йи Борщевский, ба кушиш-и Мухаммад Амин Рийахи. Тихран, 1342[1963].
36. *Каждан А. П.* Книга и писатель в Византии. М., 1973.
37. *Кази Ахмад.* Трактат о каллиграфях и художниках. 1596—1597/1005 / Введение, пер. и коммент. Б. Н. Заходера. М.; Л., 1947.
38. *Казиев А. Ю.* Миниатюры рукописи «Хамсе» Низами 1539—1543 гг. Баку, 1964.
39. *Казиев А. Ю.* Художественно-технические материалы и терминология средневековой книжной живописи, каллиграфии и переплетного искусства. Баку, 1966.
40. *Костыгова Г. И.* Из истории среднеазиатской и иранской рукописной книги XIV—XVI вв // Книги, архивы, автографы. М., 1973.
41. *Костыгова Г. И.* Трактат по каллиграфии Султан-Али Мешхеда // Труды ЛГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1957. Вып. 2 (5).
42. *Лихачев Д. С.* Текстология. На материалах русской литературы X—XVII вв. М.; Л., 1962.
43. *Ма'ил Харави.* Лугат ва истилахат-и фанн-и китабсази. Тихран, 1353[1974].
44. *Мальшев В. И.* Искатель старинных рукописей // Звезда. 1970. № 10.
45. *Мастера искусства об искусстве. Т. I: Средние века.* М., 1966.
46. *Матини Дж.* Расм ал-хатт-и бахши аз Шарх-и та'аруф // Revue de la Faculté des Lettres. Machhad, 1976. Т. 12, No 1.
47. *Матини Дж.* Тухфат ал-гара'иб мансуб ба Мухаммад б. Аййуб ал-Хасиб Табари // Revue de la Faculté des Lettres. Machhad, 1972. Т. 7, No 4.
48. *Мец А.* Мусульманский ренессанс: 2-е изд. М., 1973.
49. *Минуви М.* Аз-хаза'ин-и туркийе // Маджалла-йи данишкада-йи адабийат. Дж. 4. Тихран, 1335[1956]. № 2.
50. *Минуви М.* Фирдоуси-сахтаги ва джунун-и ислах-и аш'ар-и кудама // Маджалла-йи данишкада-йи адабийат. Тихран, 1352[1973]. № 80.
51. *Мирза Хабиб Эфенди Исфохани.* Хатт ва хаттаган. Истанбул, 1305[1887—1888].

52. *Мукминова Р. Г.* Очерки по истории ремесла в Самарканде и Бухаре в XVI в. Ташкент, 1976.
53. *Мунзави А.* Барраси-и амари аз нусхаха-и хатт-и диван-и Хафиз ва Са'ди // Вахид. IX. 1350[1971]. № 2.
54. *Мунзави А.* Намудар-и нусхаха-и хатти-и фарси // Рахнама-и китаб. 1351[1971]. XIV, № 4—6.
55. *Мунзави А.* Фихрист-и нусхаха-и хатти-и фарси. Дж. I—VI. Тихран, 1348—1355[1969—1976].
56. *Мыльников А. С.* Чешская книга: Очерк истории. М., 1971.
57. *Наби-хан А.* Захира-и надир аз китабха-и хатти-и Музе-и милли-и Пакистан // Хилал. Карачи, 1345 [1966]. № 61.
58. *Нава'и А.* Шах Тахмасб Сафави. Маджму'а-и аснад ва мукатаат-и тарихи. Тихран, [1350/1971].
59. *Наваби М.* Хандан-и Висал Ширази. Табриз, 1335 [1956].
60. *Насави Шихаб ад-Дин Мухаммад.* Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны / Пер. с араб., предисл., коммент., прим. и указатель З. М. Бунятова. Баку, 1973.
61. *Омар Хайям.* Трактаты / Пер. Б. А. Розенфельда. Вступит. статья и коммент. Б. А. Розенфельда и А. П. Юшкевича. М., 1961 (ПЛНВ. Тексты. Малая серия. III).
62. Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 годах, составленное секретарем Посольства Адамом Олеарием / Пер. с нем. Павел Барсов. М., 1870.
63. *Полосин В. В.* Об одной неизученной категории разночтений в арабских рукописях // ПП и ПИКНВ. М., 1973. IX.
64. *Розов Н. Н.* Русская рукописная книга. Л., 1971.
65. *Сафа З.* Тарих-и адабийат дар Иран. Дж. I—IV. Тихран, 1335—1355 [1956—1976].
66. *Семенов А. А.* Гератская художественная рукопись и ее творцы // Алишер Навои. М.; Л., 1946.
67. *Семенов А. А.* Рецепты оформления старинных восточных рукописей // Труды ИИЯЛ Тадж. ФАН СССР. 1951. Т. 29.
68. *Смирнова О. И.* Некоторые вопросы критики текста // ППВ: Ежегодник. 1968. М., 1970.
69. *Стори Ч. А.* Персидская литература: Библиографический обзор. В 3 ч. М., 1972.
70. Тазира-и Насрабади та'лиф-и мирза Мухаммад-Тахир Насрабади Исфохани. Тихран, 1317 [1938].
71. *тани Бинеш.* Равиш-и тасхих-и мутун-и фарси // Revue de la Faculté des lettres et sciences humaines. Tebriz, hiver 1976. Т. XXXVII, 116.
72. *Тахири Ираки.* Танкид бар гарджума-и ас-Савад ал-а'зам // Рахнама-и китаб. 1350 [1971]. Дж. 14. № 4—6.
73. *Тихрани Ака Бузург.* Аз-зари'а ила тасаниф аш-ши'а. Кисм I—III. Неджеф, 1355—1357 [1936—1938].
74. *Фалсафи Н.* Зиндагани-и шах Аббас-и кабир. Дж. 2. Тихран, 1334 [1955].
75. Ал-Фихрист та'лиф-и Мухаммад б. Исхак ан-Надим. Гарджума-и М. Риза Таджаддуд. Чап-и дуввум. Тихран. 1346 [1967].
76. *Фрай Р. Н.* Наследие Ирана. М., 1972.
77. Хабиб ас-сийар фи ахбар афрад башар. Та'лиф-и Гийас ад-Дин Хондамир. Дж. 3. Тихран, 1333 [1954].

78. Хинц В. Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему. М., 1970.
79. Чайкин К. И. Асади Старший и Асади Младший // Фердовси. 934—1934. Л., 1934.
80. Чиллаев К. Народный дастан «Абу Муслим-наме» (Опыт историко-филологической характеристики рукописного памятника): Автореф. канд. дис. Душанбе, 1973.
81. Щеглова О. П. Каталог литографированных книг на персидском языке в собрании Ленинградского отделения ИА АН СССР. Ч. I—II. М., 1975.
82. Abbot N. Review of Arabic Paleography // AI. 1941. Vol. VIII.
83. Arnold T. W., Grohmann A. The Islamic Book: A Contribution to its Art and History from VIIth to the XVIIth Century. Paris, 1929.
84. Binyon L. Poems of Nizami. London, 1928.
85. Buchkunst der Morgenlandes: Katalog der Ausstellung im Prunksaal, Wien, 1953.
86. Gahen C. Ya-t-il eu des corporations professionnelles dans le monde musulman classique? // The Islamic City / Ed. by A. H. Hourani, S. M. Stern. Glasgow, 1969.
87. Creswell K. A. S. A Bibliography of the Architecture, Art and Crafts of Islam to the 1st January 1960. Cairo; London, 1961; Supplement to January 1972. London, 1973.
88. Daneche-Pajouh T. M. Catalogue des manuscrits de la Bibliothèque de la Faculté des lettres. Tehran, 1960.
89. Diringer D. The Hand-produced Book. London, 1958.
90. Diringer D. The Illuminated Book, its History and Production / New ed., revised and augmented with the assistance of Dr. R. Regensburger. London, 1967.
91. Floor W. M. The Guilds in Iran — an Overview from the Earliest Beginnings till 1972 // ZDMG. 1975. Bd 125, Hft. 1.
92. Flügel G. Die arabischen, persischen und türkischen Handschriften der kaiserlich-königlichen Hofbibliothek zu Wien, 1865. Bd II.
93. Guillou A. Production and Profite in the Byzantine Province of Italy (tenth and eleventh centuries): an Expending society // Dumbarton Oaks Papers. 1974. T. 28.
94. Hidayat al-Muta'allimin fi-t-tibb. By Abu Bakr Rabi' b. Ahnad al-Akhawaini al-Bukhari / Ed. by Jalal Matini. Mashhad, 1965.
95. Hinz W. The Value of the Toman in the Middle Ages / Yad-name-ye Irani-ye Minorsky. Tehran, 1969.
96. Inayatullah Sh. Bibliophilism in mediaeval Islam // IC. 1938. Vol. XII, No 2.
97. Jabbar-Beg M. A. A Contribution to the Economic History of the Califate // IQ. 1972. Vol. 16, No 3—4,
98. Lazard G. A quelle vécu l'astronome Mohammad Ayyub nabari? / Yad-name-ye Irani-ye Minorsky. Tehran, 1969.
- 98a. Lazard G. Langue des plus anciens monuments de la prose presane. Paris, 1963.
99. Mahdavi Y. Bibliographie d'Ibn Sina. Tehran, 1954.
100. Martin F. B. The Miniature Painting and Painters of Persia, India and Turkey from 8th to the 18th century. Vol. 1. London, 1912.
101. The Mathnawi of Jalálu'ddin Rumi. Vol. III / Ed. from the oldest Manuscripts available with critical notes, translation and commentary by R. A. Nicholson. Leiden; London, 1929 (GMS).

102. *Pearson J. D.* Index Islamicus. London, 1958, 1962, 1967, 1972.
103. *Pinto O.* The Libraries of the Arabs during the Time of the Abbasides // IC. 1929. Vol. III, No 2.
104. *Rashid al-Din.* The Successors of Genghis Khan / Transl. from the Persian by J. A. Boyle. New York; London, 1971.
105. *Ritter H.* Autographes in Turkish Libraries // Oriens. Vol. 6, pt 1. 1953.
106. *Robinson B. W.* Royal Asiatic Society Manuscript 178: An unrecorded Persian Painter // JRAS. 1970. No 2.
107. *Simsar M. A.* Oriental Manuscripts of the John Frederick Lewis Collection in the Free Library of Philadelphia: A Descriptive Catalogue. Philadelphia, 1937.
108. *Sirat C.* Ecriture et civilisations. [Paris], 1976.
109. *Tadhkirat ul-shu-'ara* by Daulat-Shah b. Ala al-daula Bakhti-Shah al-Ghazi al-Samarqandi / Ed. by E. G. Browne. London; Leiden, 1901 (Persian Historical Texts. Vol. I).
110. *Welch St.* A King's Book of the Kings: The Shah-nameh of Shah Tahmasp. New York, 1972.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Материалы, которыми на сегодняшний день располагает иранистика, позволяют отнести время сложения литературы на новоперсидском языке, включая, естественно, и поэзию, к первой трети — середине IX в. [65, I, с. 162—177]. Поэт Ханзала Бадгиси (ум. 836), согласно источникам, уже имел «диван» (там же).

² Первая отпечатанная наборным шрифтом в Тебризе книга датируется июлем 1818 г. (Джихадийа — сочинение Мирзы 'Иса Ка'им Макама о войне Ирана с Россией). Как показала О. П. Щеглова, сообщение И. Афшара о том, что первая наборная книга «Фатх-наме» («Книга о победе») — была напечатана в Тебризе в 1812 г., недостоверно [81, с. 26]; ср. также [9, I, с. 229—234].

³ Заметим, что с введением литографского способа книгопечатания рукопись в Иране не только продолжает существовать, но даже успешно конкурирует с печатными изданиями — явление, характерное вообще для периода начальных шагов книгопечатания как в Западной Европе, так и в России.

⁴ Общие проблемы производства рукописной книги рассмотрены в книгах: [89; 90] (оба исследования снабжены подробнейшей библиографией вопроса) [36; 42; 56; 64]. О мусульманской рукописи в общем плане см. [83]. Библиография (соответствующие разделы) см. [87]; также [103].

⁵ За последние двадцать лет значительный вклад в изучение персидской рукописи и книжности в целом внесли иранские ученые М. Минуви, С. Нафиси, И. Афшар, М. Байани, М. Т. Данишпажух, Дж. Матини, К. Ра'на Хусайни, Р. Хумайунфаррух, а также афганский специалист А. Хабиби. Из советских иранистов к общим проблемам рукописи обращались А. А. Семенов, А. Ю. Казиев и Г. А. Костыгова.

⁶ Вместе с тем следует отметить, что исследования, которые развернулись в этом направлении в Иране и других странах в 70—80-е годы XX в., позволяют надеяться, что, если эти работы будут вестись с той же интенсивностью, мы получим в результате (пусть в отдаленном будущем) относительно полный корпус названий сочинений на персидском языке, т. е. репертуар персидской словесности. Работа эта чрезвычайно многообразна — публикация описаний и

списков отдельных рукописных собраний, издание био- и библиографических словарей, библиографий отдельных ученых и поэтов, исследование отдельных жанров словесности и т. п.

⁷ Здесь кажется уместным более подробно рассказать о той исключительной полезной, трудоемкой и нелегкой работе, которую проводит большой патриот и тонкий знаток персидской словесности Ахмад Мунзави, составляя краткий каталог каталогов персидских рукописей «Фихрист-и нусхаха-йи хатти-йи фарси» («Каталог персидских рукописей»). К настоящему времени вышло шесть томов в семи книгах, в которых зафиксировано 49022 списка. Критическая оценка труда — это дело будущего, так как он еще не получил завершения. Но нам бы хотелось обратить внимание на один недостаток, с нашей точки зрения — основной. Известно, что существует более 500 каталогов персидских рукописей, хранящихся в различных собраниях мира. В конце т. 4, вышедшего из печати в 1972 г. (с. 3425—3439), А. Мунзави приводит список 118 томов каталогов и близкой к ним литературы, использованных им при составлении «Фихриста», в конце же т. 6, вышедшего в свет в 1974 г. (с. 4721—4726), он добавляет к этому числу еще 28 томов, использованных им в томах 5 и 6, доведя общее число томов до 146. При проверке оказалось, что Иран представлен 31 каталогом в 97 томах (Тегеран — 11 и 64 соответственно, Тебриз — 2 и 3, Кум — 3 и 4, Кашан — 2 и 2, Мешхед — 8 и 16, Исфахан — 2 и 2, Йезд — 1 и 3, Решт — 1 и 1, Шираз — 1 и 2); кроме того, были использованы 4 библиографических исследования и 6 томов специального издания Центральной библиотеки Тегеранского университета «Нусхаха-йи хатти» («Рукописи»), вышедшие в 1340—1348/1961—1969 гг., которые содержат очень много сведений не только о провинциальных и частных собраниях в самом Иране, но и за его пределами (например, в т. 5 помещены сведения о библиотеках и древлехранилищах Ирака и Саудовской Аравии). Остальные страны в списке А. Мунзави были представлены следующим образом: Египет — один каталог в трех томах; Индия — 5 и 13; Ирак — 6 и 6; Пакистан — 7 и 10; Турция — 1 и 1; Англия — т. 2—3 Каталога Британского музея, подготовленного Ч. Рье (1881—1883), и его же «Дополнение» (1895); СССР — Каталог персидских и таджикских рукописей ИНА АН СССР (1964); использована также библиографическая работа Г. Аввада по астрономии. Таким образом, А. Мунзави использовал в своей работе 53 каталога, посвященных главным образом персидским рукописям, хранящимся в Иране, и части собраний некоторых стран Востока; европейские страны практически не представлены, а собрания СССР — только одним каталогом. Соотношение — более 500 и 53 — показывает, сколь не полон его краткий каталог каталогов и сколько рукописей еще не получило в нем отражения. Думается, что если бы каталог А. Мунзави был ограничен рамками собраний собственно Ирана, то мы бы получили очень полезный и ценный справочник по рукописной книжности этого региона, который время от времени нуждался бы только в дополнении и отчасти исправлении в связи с выявлением и описанием новых собраний. Более того, он дал бы нам (как, впрочем, и дает сейчас — т. 4 и 5 содержат 4590 названий в 13420 списках) репертуар этой книжности. Однако в связи с тем, что в него были включены данные о рукописях, хранящихся за пределами Ирана, географические границы справочника оказались несколько размытыми и неопределенными. Тем не менее данные А. Мунзави, сообщившего еще в 1971 г., что он зафиксировал на базе только 105 томов каталогов (ср. с. 75) около 60 тыс. персидских рукописей, подтверждают, что цифра 200 тыс. персидских рукописей не только вполне реальна, но, возможно, и менее действительно существующей.

⁸ Источники сообщают, что арабский мир знал еще более внушительные цифры. Например, частная библиотека фатимидского халифа ал-Хākима (996—1021) насчитывала 2 млн рукописей, а у халифа Хакама II (961—976) в Кордове хранилось около 400 тыс. [96, с. 162—163; 104, с. 226—228]. Приведенные цифры скорее фантастичны, чем реальны, они явно многократно завышены средневековыми авторами.

⁹ Так называет себя Асадī в колофоне этого списка. Перевод колофона: «И переписал <е> ‘Али б. Ахмад ал-Асадī ат-Тусī, поэт, в месяце шаввале 447 года хиджры пророка (январь 1056), за благословит его Аллах» (текст: [79, с. 121]).

¹⁰ О нем и его трудах см. [98, с. 119—159].

¹¹ Об авторе, сочинении, рукописи, исследованиях и изданиях см. [178, с. 45—48].

¹² Именно древность списка делала его уникальным и первоклассным памятником в различных аспектах: он был детально исследован медиками и историками восточной медицины Р. Зелигманом (1830—1833 и 1859) и А.-Х. Ахундовым (1893); язык сочинения вызвал интерес у П. Хорна (1893) и был обстоятельно разобран в монографии Ж. Лазара (1963); в плане палеографии он фиксирует, как отмечает Н. Аббот, вклад, который внесли персы в развитие арабского письма, его «демократизацию», используя коранический (в те времена) курсивный почерк в сочинениях светского (в данном случае научно-го) характера [82, с. 82]. О персидских изданиях сочинения и его исследованиях, а также сведения о втором известном списке [55, I, с. 463—464]. В 1932 г. в сборнике «Гāх-нāме» («Время»), издаваемом саййидом Джамал ад-Дином Тихрани, появилось сообщение последнего о том, что ему принадлежит список сочинения «Шиш фасл» («Шесть глав») Мухаммада б. Аййуба, Табари, датированный 25 раби‘ I 372/17 сентября 982 г. Это сообщение до сих пор не подтвердилось и, как показал Ж. Лазар, было, судя по всему, ошибочным [47, с. 887—889; 99, с. 97—98].

¹³ К. И. Чайкин весьма точно определил Гаршāсб-нāме как «типичную героико-эпическую поэму, представляющую собой в персидской литературе последний образец жанра, высшим выражением которого является «Шāх-нāмэ» [79, с. 158—159].

¹⁴ Следует заметить, что именно персидским переписчикам обязано арабское письмо широкому введению в повседневную практику округлого и курсивного почерка, каковым является почерк насх. Впоследствии эта практика была распространена на переписку Корана. Тем самым попытка пуристов-богословов, требовавших канонизации угловатых почерков, которыми писались ранние Кораны, и распространения этого положения на всю последующую практику их переписки (требование богословов было выдвинуто вслед за кодификацией текста Корана и канонизацией его чтения), потерпела неудачу. Последнее открыло двери широкому совершенствованию и развитию почерков, поскольку, если бы почерк стал каноном, он не мог бы развиваться и модифицироваться. Напомним, что самый ранний известный нам список Корана, исполненный почерком насх, происходит из Ирана. Он датирован 427/1036 г. [82, с. 83].

¹⁵ [98, с. 69]; этот список содержит комментарии к т. II и началу т. III труда ал-Калабади и в настоящее время находится в Карачи, в Национальном музее Пакистана [98, с. 20—25; 89, с. 3—4].

¹⁶ [98, с. 48—49].

¹⁷ [94, с. 6—11 и 45—46 (предисловие)].

¹⁸ [98, с. 36—118]. Ж. Лазар [там же, с. 33] совершенно справедливо, как впоследствии показал Ч. А. Байбурди, не включил в свою работу персидский перевод арабского сочинения «Ас-савад ал-а'зам фи-л-калам», написанного в Бухаре имамом Абу-л-Касимом Самарканди (ум. 342/953—954) (подробнее см. [14, с. 154—155]). Сочинение было издано в Тегеране в 1969 г. афганским ученым 'Абд ал-Хайем Хабиби [72, с. 374—388].

¹⁹ Я. Махдави считает, что из 244 произведений Ибн Сина принадлежит 131 [100, с. 102, 225].

²⁰ В первом дошедшем до нас библиографическом справочнике-путеводителе по литературе на арабском языке — «ал-Фихрист» («Перечень») ан-Надй-ма (составлен в 377/987 г.) отмечается 7727 сочинений. Было бы интересно выяснить, сколько произведений из этого числа сохранилось до дней другого мусульманского библиографа — Хаджжи Халифы и получило отражение в его труде «Кашф-аз-зунун» (составлен в XVII в.), в котором имеются сведения о 15 007 произведениях на арабском, персидском и тюркских языках. Сравнив затем полученные данные с библиографическими сводами К. Брокельмана и Ф. Сезгина (арабская часть), Ч. А. Стори и А. Мунзави (персидская) и Р. Хофмана (тюркская), мы получили бы (пусть неполную и приближенную) картину книжной продукции на мусульманском Востоке, сохранившейся до наших дней, если не по числу списков, то по числу отдельных произведений — по крайней мере за 13 веков. Как стало известно, за эту работу взялся в 1978 г. иранский археограф С. А. Анвар.

²¹ В частном собрании д-ра Нурани-йи Висала в Ширазе имеется список, датируемый, по палеографическим данным, началом XII в.

²² Четвертый список был обнаружен в 1969 г. В настоящее время он находится в личном собрании Хасана Атифи. См. журн. «Фарханг-и Иранзамин», 1348/1969. Т. 16, с. 191—192. Прим. 2.

²³ Подробнее о жанре дастана см. [24; также 80].

²⁴ Согласно сообщению историка ал-Йа'куби, в его время (вторая половина III / вторая половина IX в.) в Багдаде функционировало около ста книжных лавок, которые держали местные переписчики-продавцы (*варракун*) [82, с. 72]. Статистика Мунзави дает нам лишь один период резкого падения книжного производства, приходящийся на XII/XVIII в. Падение спроса объясняется всей ситуацией в стране — афганское нашествие, разорительные войны Надир-шаха (1736—1747) и лихолетье междоусобной войны между Зендами и Каджарами.

²⁵ Помимо переписчиков, занятых перепиской книг, существовал другой контингент профессионалов, работавших в государственных канцеляриях. Это был особый вид специалистов — чиновники-секретари, о находчивости, образованности и подготовленности которых ходили легенды и которым Низамй 'Арузй из Самарканда посвятил целый ряд этюдов и новелл в первой главе «Маджма' ан-навадир» («Собрание редкостей»), известном в обиходе как Чахър мақале («Четыре беседы») и составленном им в 551/1156—1157 г. Это был особый разряд чиновников на придворной службе, которого мы не будем касаться в данном очерке, но отметим, что, несмотря на значительное число трактатов и руководств, посвященных их профессии, ни в одном из них не говорится о процессе подготовки секретаря-делопроизводителя; в них мы встречаем массу рекомендаций и советов по поводу того, что должен он знать и уметь, но в многочисленной литературе на эту тему, берущей, кстати, свое начало на арабской почве, нет ни одного трактата, в котором бы был описан процесс обучения.

²⁶ См. выше, прим. 24, также [96, с. 166; 104, с. 214].

²⁷ [64, с. 32]. Этот факт показателен и тем, что светские писцы, нанятые со стороны, возможно временно, никоим образом не повлияли на репертуар производимых книг.

²⁸ [93, с. 101]. Из этих трех процентов два составляли грамматические сочинения и лексикография и один — древние авторы. (Данная статья была любезно указана нам О. Г. Большаковым.)

²⁹ [14, с. 154]. Попутно отметим, что в *ханака* создавались рукописи не только религиозного, но и светского характера. Например, каллиграф Султан-Хусайн Харави, нашедший себе пристанище в такой обители, переписал в 963/1556 г. поэму 'Арифий «Хāl-nāме» («Книга о экстатичном состоянии»), заметив в колофоне, что «переписал быстро» (рук. Библиотеки Салтанати, № 456).

³⁰ К числу таких редких случаев, видимо, можно отнести и широко известный факт, связанный с деятельностью везира Рашид ад-Дина Фазлаллаха (1247—1318), направленной на увековечение своей памяти как историка и богослова. Он распорядился, чтобы его труды, сведенные в «Таснифāt-и Рашидй» («Рашидовы сочинения»), оригиналы которых хранились в одной из двух библиотек справа от его мавзолея в квартале Рашидийе в Табризе, переписывались бы ежегодно в двух экземплярах по-персидски и в двух экземплярах по-арабски на средства выделенного для этой цели вакфа. После переписки их следовало рассылать бесплатно в основные центры мусульманской учености. Согласно Бойлю, «...для переписки, переплета, иллюстрирования и снабжения картами различных своих произведений он (Рашид ад-Дин. — О. А.), как сообщают, выделил сумму в 60 000 динаров, эквивалентную 36 000 фунтам в британской валюте» [105, с. 5].

³¹ В качестве примера: только в колофонах 756 персидских рукописей из их общего числа 3080 в собрании ИВ АН СССР переписчики указали свое имя (703 имени), лишь в 279 случаях они поместили место переписки (123 названия), т. е. 25 и 9% соответственно от числа списков.

³² [86, с. 51—64]. Менее категоричную и более осторожную точку зрения высказал О. Г. Большаков [16, с. 298—300].

³³ Например, каллиграф Мухаммад-Хусайн Дār ал-Марзй отметил в колофоне переписанной им рукописи «Хамсе» Низами, что эту работу он выполнил 1 раджаба 1034/9 апреля 1625 г. в Ширазе в мастерской (*кархане*) Лутфаллаха музаххиба. О других частных мастерских, функционировавших в Казвине, в которых одновременно обучались и работали (видимо, на рынок) не каллиграфы, а художники, сообщает Искандар Мунши в «Тарих-и 'āламара-йи 'Аббāси» («Мироукрашающая Аббасова хроника»). Говоря о художнике Мир Зайн ал-'Абидине, он замечает: «Его ученики, открыв художественную мастерскую (*кархана-йи наккаши*), работали <в ней>, однако сам он, работая всегда для царевичей, эмиров и вельмож, пользовался их расположением». В данном случае противопоставление положения мастера и его учеников поясняет, почему они создали мастерскую.

Тесно связанный со двором, мастер не нуждался в заказах, а его ученики были вынуждены добывать себе пропитание, работая на рынок. В другом месте, сообщая о художнике 'Абд ал-Джаббāре, тот же автор отмечает: «Хотя он и открыл художественную мастерскую (*кархана-йи наккаши*), однако в связи с тем, что большую часть времени он проводил в обществе эмиров и вельмож, лично он мало уделял внимания этому занятию. Его сын хвādжа Насйр... работал вместе с учениками».

Сказанному выше как будто не противоречит отсутствие каких-либо сведений об объединениях переписчиков в трактатах о деятельности *мухтасиба* (государственного чиновника, призванного осуществлять надзор за соблюдением предписаний ислама), в функции которого входил также контроль за ремеслом и торговлей (подробнее [16, с. 301—304, 331]). Лишь в одном из них, «Ма‘алим ал-қурбат фӣ аҳкам ал-ҳисбат», принадлежащем перу Мухаммада б. Мухаммада б. Ахмада Карши, известного как Ибн Ихва (или Ибн Ухува) с почетным прозвищем Зийа ад-Дин (648—729/1250—1329), нам удалось найти небольшой невывделенный раздел в конце 69-й главы сочинения, посвященный, правда, не писцам, а наккашам — специалистам, которые расписывали орнаментами керамику, фаянсовые и лаковые изделия и т. п., а также занимались оформлением книг: «...они (наккаши. — О. А.) должны то, что продают людям, трижды покрывать лаком и выставлять на солнце, так чтобы перед тем, как передать хозяевам, <товар> был полностью высушен солнцем. Потому что очень часто они один раз или два покрывают лаком, вследствие чего, когда малое количество воды или влаги попадает на вещь, она портится. Они также должны воздерживаться от рисования живых существ, ибо посланник божий их проклял» [1, с. 231].

В 1959 г. Э. Дарский опубликовал перевод «Устава цеха живописных дел мастеров» [34, с. 106—109; 2-е изд.: 45, с. 147—152]. Перевод слова *рисала* («трактат») как «устав» мы рассматриваем как недоразумение, поскольку этот трактат не устав, а обрядник, содержащий определенный комплекс религиозно-этических предписаний, и только. Никаких регламентаций, определяющих положение, права и обязанности членов профессионально-корпоративного объединения, в нем не содержится. Представляется также сомнительным относить время его возникновения к концу XIV в., поскольку язык его не дает таких оснований, равно как и реалии, содержащиеся в нем. Вероятнее всего, этот обрядник бытовал в устной форме с конца XVI— начала XVII в. в среде мастеров-наккашей и был записан в XIX в. Кстати отметим, что в названии обрядника нет слова, переведенного Э. Дарским как «цех». Ср. [52, с. 25—26], где высказана эта же точка зрения.

³⁴ Примеры см. [6, с. 131—136]. Приведем еще один пример. Каллиграф Мухаммад-Хусайн Наурас Димавандӣ, выполнив заказ сефевидского вельможи в конце ша‘бана 1090/октябре 1680 г., отметил в колофоне списка «Тазкира-йи Шāх Тахмасб» («Памятная записка шаха Тахмасба»), что он не только отредактировал и переписал его, но и украсил миниатюрами (Библиотека Салтанати, № 708, Тегеран). Другой мастер, по имени Маджд-и музаххиб, переписав в раби‘ II 851/июне—июле 1447 г. рукопись сочинения «Тарджума-йи Рашф ан-наса‘их» («Перевод Рашф ан-наса‘их»), заметил в колофоне, что помимо переписки им еще художественно оформлен список (Библиотека Салтанати, № 611).

³⁵ Ср. [54, с. 288]: с 12 рукописей в XI в. до 6150 в XVII в. (в статистике использовано около 31 тыс. рукописей).

³⁶ Р. Н. Фрай совершенно справедливо говорит о том, что в это время происходил процесс рождения литературы на новоперсидском языке и что «создавалась новая мусульманская персидская культура. Зороастрийские элементы в стихах персидских поэтов отражали только моду этого времени; они не могут считаться выражением подлинных зороастрийских представлений или верований. Госка по прошлому давала себя знать, особенно в поэзии, где такого рода настроения нередки, но возврата к прошлому уже не могло быть» [76, с. 344].

³⁷ О. Г. Большаков отмечает: «Горожане составляли в среднем одну шестую часть всего населения, но эта шестая концентрировала в себе подавляющую часть грамотных» [23, с. 201].

³⁸ В качестве примера можно отметить таких известных мастеров (по количеству и качеству произведенных списков), как ширазские каллиграфы Мун'им ад-Дин ал-Аухадй (конец XV — первая треть XVI в.), Кавъм б. Мухаммад (середина XVI в.) или гератский каллиграф первой половины XVI в. Мухаммад Харавай, в определенной степени специализировавшийся на переписке произведений 'Абд ар-Рахмана Джемй (1414—1492).

³⁹ [13, I—III]. Махди Байани не был пионером в этой области, до него такую попытку предпринял индийский ученый М. Шафи в 30-х годах XX в. на страницах основанного им журнала «Oriental College Magazine» (ср. 1934. Vol. X, No 1—6), где он свел в корпус сведения, почерпнутые им из нарративных источников. Но М. Байани сделал значительный шаг вперед, соединив сведения источников с данными колофонов просмотренных им самим рукописей. Число каллиграфов и хороших мастеров почеркового стиля наста'лик, по нашему мнению, возрастет втрое, если к данным М. Байани добавить материалы о мастерах, содержащиеся в каталогах персидских рукописей. Последнего по неизвестным нам причинам М. Байани не сделал.

⁴⁰ Следует заметить, что точно так же ни один персидский автор не говорит о приемах работы переписчика: это было таким обычным делом. Писец, расположив протограф на специальной подставке около себя, справа или слева, садился на подстилку и, положив дощечку под лист бумаги на колено, принимался за работу. Исключение составляли каллиграфы, которые, создавая шедевры художественного письма, предпочитали в таком случае работать за низким, достаточно широким столиком. Иногда они для удобства подставляли под ноги низкую скамеечку. Такое положение писца во время работы было известно всем современникам, но только сведения западных путешественников, посетивших Иран в XIV—XVII вв., а также несколько миниатюр того времени позволяют утверждать, что переписчики работали именно так, а не сидя за столом. Одним из ранних изображений переписчика может считаться миниатюра из рукописи на арабском языке, переписанной в Багдаде в 1287 г.: это изображение святого, который пишет на колене. Ныне этот список находится в библиотеке Süleymaniye в Стамбуле (Ms. Esad Efendi 3638, f. 3 v) (воспроизведение [109, fig. XL]).

⁴¹ Ср. также выше, прим. 33.

⁴² Главный каллиграф последних представителей династии Ак-Койунлу 'Абд ал-Карйм б. 'Абд ар-Рахман ал-Хваразмй получил известность еще в детском возрасте. В альбоме (*муракка'*), составленном для Султан Йа'куба Ак-Койунлу (1478—1490), ныне хранящемся в библиотеке Стамбульского университета, имеется несколько образцов его письма с пометами: «Переписал 'Абд ал-Карим ал-Хваразми в десятилетнем возрасте», «Переписано 'Абд ал-Каримом ал-Хваразми в возрасте одиннадцати лет» и т. д. Мир 'Имъд Хасани переписал целую рукопись в одиннадцать лет.

⁴³ Подобные упражнения постоянно делали не только начинающие переписчики, но и мастера, обладавшие большим опытом. Избирая как образец для подражания произведение какого-либо мастера, копиист стремился к абсолютному сходству. Удавалось, конечно, это не всем. Но если оригинал не был отличим от копии даже знатоками, то в этом случае автор последней ставил следующую помету: «Упражнение такого-то по образцу такого-то». Некото-

рые добивались удивительных успехов в копировании и подделке образцов письма крупнейших мастеров калама. Известно, например, что шах Тахмасп I (1524—1576) запретил своему придворному художнику Музаффар-‘Али воспроизводить *қит‘а* работы Мир-‘Али Харави, поскольку ни один эксперт не мог отличить одно от другого, а торговцы на базаре продавали их как подлинные образцы письма Мир-‘Али, стоившие весьма дорого.

⁴⁴ Так, Кази Ахмад со слов первого каллиграфа и фаворита шаха Тахмаспа Шах-Махмуда Нишапури (ум. 972/1564—1565) сообщает, что последний работал над *қит‘а* даже летними лунными ночами [29, с. 89]. Об учебе Мир ‘Имāда Хасани см. [4, с. 9]. Сын каллиграфа Абу Тураба из Исфахана рассказывает, что его отец, упражняясь в каллиграфии, просидел в углу на одном ковре 12 лет, пока не протер его до дыр [13, II, с. 529].

⁴⁵ Иногда колофоны рукописей сообщают нам, под чьим наблюдением начинающие переписчики выполняли свою работу. Так, переписавший «Маснави-йи ма‘навӣ» Джалал ад-Дйна Румӣ (Библиотека Маджлис, без номера) 1 рамазана 893/9 августа 1488 г. Мухйи б. Махмуд-Шах указывает, что это осуществлено «старанием великого устада <Султан> Мухаммад-Нура». А каллиграф Джамал Машхади, исполнивший в Мешхеде в 989/1581 г. «Диван-и Джāхӣ» (Библиотека Салтанати, без номера), отмечает, что работу он выполнил «благодаря стараниям старинного слуги, почившего в бозе, Султан-Ибрахим-мирзы мастера ‘Абдаллаха ал-музаххиба аш-Ширази».

⁴⁶ О том, какой инструментарий должен быть всегда под рукой у переписчика и каким образом он должен им пользоваться, превосходно изложено в наставлении профессионального секретаря Мухаммада б. Хиндўшаха Нахчевани (XIV в.): «Писцу в письме надобны некоторые принадлежности, как, например, <тростниковое> перо, перочинный нож, чернильница, мешалка (*михрак*), чернила и бумага. Все это должно быть заготовлено <самим писцом>, и <их> не следует брать во <временное> пользование; но если другой <писец> захочет одолжить <у тебя>, то не отказывать <ему>!»

Калам всегда надо держать отточенным, и кончик его должен быть расщепленным. Каждый калам, который сегодня был в употреблении, на следующий день вновь следует очинить, дабы влажность чернил с него сошла полностью... Перочинный нож нужно всегда держать острым, и им в чернильнице не помешивать! Потому-то блаженный ученый, наставник каллиграфов Джамал ад-Дин Йакут Муста‘сими, да будет над ним милость божья, говаривал, если замечал в письме какого-либо писца какой-нибудь изъян или небрежение: «Его перочинный нож затупился!». Следует также иметь <при себе> мешалку и пластинку из кости: <первая> для того, чтобы не приходилось перемешивать <чернила> перочинным ножом или каламом, <вторая> для того, чтобы не обрезать <кончик> калама на другом каламе... Также нужно в чернильницу добавлять для благовония немного мускуса или розовой воды. Равно как нужно иметь и тряпочку для вытирания <кончика> калама. Чернила же должны быть не густыми, а текучими и блестящими, дабы писец не утомлялся при письме...» [39, с. 16].

Любопытно, что эта памятка для переписчика остается в течение очень длительного времени (вплоть до XIX в.) практически без изменений — лишь незначительно варьируясь — в трактатах специалистов.

⁴⁷ Можно говорить о целой библиографии, посвященной этому списку (издание миниатюр и описание списка [38; 84], относительно еще трех миниатюр, входивших ранее в список, см. [111]).

⁴⁸ Рукопись из собрания Библиотеки Милли в Тегеране (см. [13, III, с. 871—872]).

⁴⁹ [77, с. 816]. Кази Ахмад передает этот же рассказ с некоторыми изменениями, сохраняя общую канву [37, с. 72]. Текст первой редакции — рук. ГМИНВ (Москва); текст второй редакции — [29] (на с. 26 ошибочно — 4500 бейтов).

⁵⁰ Любопытно также упоминание жаркой погоды как обстоятельства, нарушившего ход нормальной работы переписчиков. Пояснение этому мы находим в трактате Маджнӯна б. Махмӯда ар-Рафйкй «Расм ал-хатт» («Правила письма»), составленном в 909/1503—1504 г.:

Потому что, если воздух становится жарким,
От жары сохнет бумага мягкая,
Чернила густеют, расплывчатым
Становится письмо, а пальца потеют [43, с. 147].

Трактат занимает в книге с. 141—163 и ошибочно назван издателем (Ма'ил Харави) «Савад ал-хатт» («Умение писать»).

⁵¹ Поскольку известны только единичные случаи, когда писец называл дату начала своей работы, первая дата бралась нами из колофона первой поэмы (например, «Махзан ал-асрар») либо первой части труда (например, «Раузат ас-сафā»). Дата завершения была известна по колофону всего списка, таким образом мы получали количество дней работы писца. Норму дневной выработки мы выводили среднюю, путем деления числа бейтов (строк) на число дней. Производя подсчет, мы исходили из предположения, что переписка велась без перерыва.

⁵² Этот же мастер переписал «Бустан» Са'ди (ГПБ, Dom 375) в рамазане 986/ноябре 1578 г.

⁵³ Этот же каллиграф закончил в Ширазе в раби' I 831/декабре 1427—январе 1428 г. «Хамсе» Низами для тимурида Ибрахим-Султана (частное собрание Кеворкяна, Нью-Йорк).

⁵⁴ По мнению Таки Бинеша, эти названия пришли в Иран из Индии. Как правило, они имели форму узких альбомов и помещались в кармане. Этот же современный иранский ученый сообщает нам интересную деталь: оказывается, авторы в ряде случаев указывали переписчикам на форму требуемого списка, исходя из назначения и условий использования самого сочинения [71, с. 563—564, 601].

⁵⁵ О дате окончания труда см. [30, I, с. 399—401].

⁵⁶ Вот некоторые из таких помет. Переписчик Султан-Махмуд ас-Сафи б. Султан переписал рукопись «Шарх-и Диван-и 'Али» («Комментарий на Диван Али») (собрание ИВ АН СССР, С 1532), отметив, что работу он выполнил в Герате в доме Хаджжи Низам ад-Дина 'Ата'аллаха со списка, принадлежавшего этому лицу. Другой переписчик, закончив рукопись «Шāх-nāме» Фирдоуси (Музей Иран-и бастан, № 3590, Тегеран) 12 джумада I 895/4 апреля 1490 г. в Герате, заметил, что перепиской он был занят лишь два месяца — хамал и саур, т. е. март и апрель. Мухаммад-Риза б. Султан-Мухаммад, завершив перепиской «Куллийāt» Мушфйкй (Гос. публичная библиотека им. Фирдоуси, Душанбе) в Бухаре, заметил, что это имело место «в среду месяца раби' I 1003 (ноябре — декабре 1594) года, когда солнце находилось на девятом градусе созвездия Стрельца». 29 рамазана 1070/8 июня 1660 г. в Исфахане был переписан

список произведения Сана'и «Хадйқат ал-хақйқат» (Библиотека Салтанати, № 365, Тегеран). Каллиграф, имя которого оказалось, к сожалению, затерто, записал в колофоне: «Переписано в то время, когда <я> был занят мирскими работами. Чтобы удалить тоску, пришел туда, где портят бумагу и чернила».

⁵⁷ В качестве иллюстрации укажем на два случая. В 935/1528—1529 г., видимо, в Герате был завершен хорошо оформленный список «Шах-наме» Фирдоуси с миниатюрами (Библиотека Салтанати, № 12162, Тегеран). Спустя три века этот список, в котором уже не хватало начала и конца и имелись значительные лакуны, был восстановлен переписчиком 'Али-Асгаром ал-Хамадани, отметившим в колофоне, что работа была выполнена по приказу Мирзы Мухаммада, что частично дописывал он сам, частично Хаджж 'Али-Акбар Ширази, а «один-два листа переписал другой его ученик». Аналогичную работу проделал некий Ахмад Махдикар 2 зу-л-ка'да 1211/26 мая 1797 г. с богато оформленным и украшенным миниатюрами списком «Хамсе» Низами (ГПБ, ПНС 370), созданным в Ширазе в середине XV в. Переписчик (л. 170а и 294б) отметил, что эта работа была им исполнена по распоряжению Файзаллах-шаха в сел. Сагадин.

⁵⁸ Естественно, что этими переписчиками не исчерпывается число мастеров, работавших в Ширазе.

⁵⁹ По мнению Б. В. Робинсона, только этот мастер изготовил между 1521—1552 гг. 25 датированных списков [107, с. 203, прим. 4].

⁶⁰ Этому семейству была посвящена специальная работа М. Навваби [59].

⁶¹ Согласно статистике рукописей «Шах-наме», приведенной И. Афшаром, до нас дошло 229 датированных списков и 232 не имеющих дат (но определяемых по палеографическим данным), переписанных между концом XIII и концом XVII в. [10, с. 131—160, 161—185 (из 461 рукописи украшены миниатюрами 243)]. Согласно А. Мунзави [55, 4, с. 2935—2956], до нас дошло 525 списков «Шах-наме». Этот же автор в своем справочнике отмечает 373 рукописи «Маснави-йи ма'нави» [т. 4, с. 3144—3164], 138 списков «Бустана» [т. 4, с. 2663—2668], 323 — «Гулистана» [т. 5, с. 3602—3616] и 335 списков «Диван» Хафиза [103, с. 303—309] (в числе последних не учтены 54 списка из собрания ИВ АН СССР, что составит с приведенной выше цифрой А. Мунзави 389 рукописей). Рукописей указанных сочинений дошло до наших дней, несомненно, больше. Например, только в «Индексе миниатюр рукописей «Шах-наме»» (ч. 1), подготовленном под руководством О. Грабаря, отмечено почти 300 иллюстрированных списков. Халеки Мутлак из 16 рассмотренных им списков «Шах-наме», чей текст считался весьма достоверным, выделил две группы-пучки близких, или родственных изначально по протографу:

1) Флоренция (614 г. х.), Лондон (675 г. х.), Каир (741 г. х.), Ватикан (848 г. х.), Лондон (891 г. х.), Стамбул (903 г. х.), Лондон (841 г. х.), Ленинград (849 г. х.).

2) Стамбул (731 г. х.), Ленинград (733), Каир (796), Лейден (840), Париж (844), Оксфорд (852), Берлин (894), Бундари (675 г. х.). Эти две группы внутри можно разбить на «родственные» связи по стеммам. Эти группы составлены им не на базе двух редакций 384 и 400 г. х. Фирдоуси, а на основе искажений, внесенных в текст поэмы в конце V — начале VI в. х. Он полагает, что авторская редакция 400 г. х. отличается только тем, что а) Фирдоуси ввел новые дастаны, но б) не увеличивал число старых бейтов, конечно, он исправлял и «влезал в текст 384 г. х.», но очень редко (Иран-наме. 1365 / 1986. Vol. 4, № 2. С. 250—252).

⁶² Рукопись при этом повышалась в цене, и это была одна из статей дохода как для давшего разрешение, так и для продавцов книг. Укажем на одного такого богослова — известного грамматиста и *кади* Багдада Абу Са'ида Хасана б. 'Абдаллаха б. Марзбана (ум. 368/979), перса, родом из г. Сираф на побережье Фарса. Он часто брал книгу, которую переписал кто-либо из его учеников, и, не сверяя ее, в конце делал приписку: «Говорит ал Хасан б. 'Абдаллах, сия книга прочитана <мною>, правильная» ([106, с. 63], а также [75, с. 106], где приведена биография этого факиха и указан список его трудов).

В 706/1306—1307 г. знаменитый историк Рашид ад-Дин Фазлаллах разослал свои трактаты по различным вопросам мусульманского богословия 102 наиболее авторитетным факихам-теологам. Все их *иджаза* (одни пространные, другие краткие), подтверждавшие правильность взглядов и суждений автора трактатов, были впоследствии включены им в свое собрание сочинений — «Таснифāt-и Рашидī» (полный перечень лиц, давших *иджаза*, см. [88, с. 482—485]).

В библиотеке Вазири в г. Йезде (Иран) хранится «Сборник *иджазат*» (№ X 1708), содержащий около 100 разрешений на «публикацию» богословских сочинений разных авторов. Сборник начал составлять Хусайн б. 'Абд ас-Самад в Мешхеде в 971/1564 г. (л. 2а), а продолжил его сын — знаменитый впоследствии шиитский богослов Баха ад-Дин Мухаммад 'Амили (1547—1621). См. его автограф, датированный 1003/1594—1595 г. (л. 2а).

⁶³ Еще в средневековом Иране образованные и читающие круги обратили внимание на засоренность текстов некоторых наиболее популярных сочинений. Здесь налицо прямая связь: чем чаще сочинение переписывается, тем более в него вкрадывается ошибок. Были сделаны попытки улучшить текст этих произведений, сопоставляя его по многим спискам. Если в отношении редакции «Шāх-нāме» 829/1425 г., предпринятой в Герате при Байсунгур-мирзе, и двух редакций «Диван» Хафиза, выполненных в Герате в 907/1501 г. по приказу Фарйдун-мирзы и в Бухаре в 1069/1658—1659 г. для одного из джуйбарских шейхов по имени Сиддик-ходжа, трудно судить о методах и принципах, которыми руководствовались кодификаторы, составляя текст, то о редакции «Хадйкат-и Сана'и» и «Маснавй-йи ма'навй» Джалал ад-Дина Руми мы можем сказать более определенно. Текст этих сочинений следует, видимо, отнести к разряду критически разобранных, поскольку персидский ученый 'Абд ал-Латиф б. 'Абдаллах ал-'Аббаси не только указал количество привлеченных им списков, но и все разночтения по ним вынес на поля, и мы, таким образом, имеем возможность оценить его работу. Редакции эти были выполнены в Индии в 1039/1629 и 1030/1622 гг. соответственно.

⁶⁴ Но ведь и в наши дни изредка случается нечто подобное. Например, в 1970 г. в Иране вышло в свет коммерческое издание «Шāх-нāме» Фирдоуси. В конце печатания издатель узнал, что четыре последние страницы останутся пустыми. Тогда он пригласил местного поэта и предложил ему, конечно, небезвозмездно «дописать» Фирдоуси в размере поэмы (*мутакариб*). Предложение было принято — Фирдоуси «дописан», и издание разошлось без какого-либо сообщения о дополнении.

Еще один пример недопустимого вмешательства в текст источника. В 1945 г. в Тегеране был издан перевод «Сйрат ас-султāн Джалāl ад-Дин Манкбурнь» («Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурнь»), подготовленный Мухаммад-'Али Насихом. Переводчик «весьма вольно обошелся с текстом ан-Насави, добавив к нему большое количество своих собственных стихов» [60, с. 16].

⁶⁵ В основном эти ошибки касались слов арабского происхождения и написания определенного артикля перед так называемыми солнечными буквами, т. е. тех случаев, когда орфография не отражала произношения [63, с. 74—77].

⁶⁶ Этот мастер нанес золотой крап в рукописи «Хāl-nāme» 'Арифид (список ГПБ, D 440), переписанной Зайн ад-Дином Махмудом ал-Катибом в Герате в 901/1495—1496 г. для библиотеки Му'изз ад-Дина Ахмада (о нем см. также [13, II, с. 402; 20, с. 232; 22, с. 262, 350, прим. 384; 29, с. 147].

⁶⁷ Еще один экземпляр этого указа хранится в библиотеке Литературного факультета Тегеранского университета (рук. № 133 Муншаат, л. 816—826).

⁶⁸ В этой связи представляется уместным высказать здесь следующее соображение по поводу расхождений между различными списками собрания стихов (*диван*) одного и того же поэта, абстрагируясь от сознательных «исправлений», подновлений, добавлений и интерполяций. Дело в том, что поэты, сами составившие сборники своих лирических стихов в строго определенном порядке рифм, тем самым как бы кодифицировали это собрание. Но вместе с тем они продолжали писать стихи, которые расходились. Вполне допустимо, что не каждый любитель поэзии вписал в свой экземпляр все стихи, созданные данным поэтом уже после составления дивана. Вместе с тем имеющиеся материалы показывают, что большинство поэтов заносили новые стихи в личный сборник. Списки эти продолжали жить, они регулярно переписывались. В результате «тиражировались» как кодифицированный диван, так и диваны стихов данного поэта с разной степенью полноты. Отсюда проистекает еще одна причина, вызвавшая (не по вине переписчика) расхождение между рукописными копиями одного и того же дивана. Именно такая ситуация сложилась с ранним диваном 'Абд ар-Рахмана Джамии, который впоследствии создал из него три дивана, имевшие хождение наряду с его ранним диваном и дополненными вариантами последнего [3, с. 151—154].

Нечто подобное случилось, видимо, и с диваном Шамс ад-Дина Хафиза. Поэт не составил свой диван, и эта работа была выполнена, как гласит традиция, после его смерти мифическим Мухаммадом Гуландом. Кстати, вопреки установившемуся мнению, Хафиз имел при себе сборник, куда он заносил свои стихи, о чем он говорит в нескольких газелях. Правда, это был не диван, а альбом стихов — *сафине*.

⁶⁹ Абу Рейхан Бируни, например, пишет в «Индии»: «<Индийские> переписчики невнимательны к языку и мало заботятся о точности... Вследствие этого гибнет вдохновенный труд автора, его книга искажается уже при первом или повторном переписывании, и текст ее предстает чем-то совершенно новым, в котором не могут разобраться ни знаток, ни посторонний, будь он индеец или мусульманин» [21, 2, с. 65].

⁷⁰ Несколько примеров в качестве иллюстраций. 5 раби' II 936/7 декабрь 1529 г. неизвестный переписчик завершил «Зафар-наме» («Книга победы») Шараф ад-Дина 'Али Йазди (ум. 858/1454 г.), пометив в колофоне: «Скопировано с экземпляра, писаного автором мауланой Шараф ад-Дином 'Али ал-Йазди» (л. 367а). Несколько десятилетий спустя список этот оказался в Индии у известного вельможи и государственного деятеля Мубариз ад-Дина хвādжи Абу-л-Хасана (ум. 1042/1632—1633 г.). Из приписки на том же листе (367аб) мы узнаем, что этот вельможа приказал сверить настоящий список еще раз с автографом, бывшим в его распоряжении. Указание было выполнено в Бурханпуре в 1022/1613—1614 г. (рук. Астан-и кудс, № 4254, Мешхед).

Некий 'Али б. Хусайн, переписавший список из собрания ИВ АН СССР С 432 «Тарих-и Табари» («История Табари») в раджабе 972/феврале — марте 1565 г., сохранил и колофон протографа, исполненный в раджабе 668/марте 1270 г. писцом Ахмадом <б.> Байазидом Захидом аш-Ширази.

Начав переписывать труд Абу Хамида Мухаммада ал-Газали (1058—1111) «Ихйа 'улум ад-дин» («Оживление наук о вере») в селении Натанз (округ Исфахана), Фазлаллах б. Абу Бакр в 725/1324—1325 г. выверил вначале свой протограф, оконченный перепиской в раби' II 677/августе — сентябре 1278 г. писцом Ахмадом б. Мухаммадом б. Ахмадом Бухари. О проделанной работе он оставил помету на последнем листе (частное собрание Джавади, Казвин).

Известный ширазский каллиграф Шайх Муршид ад-Дин (отмечается источниками только как отец знаменитого орнаменталиста и миниатюриста 'Абдаллаха Ширази, работавшего при дворе Тахмаспа I и его племянника Ибрахим-мирзы) переписал в Шираз в 900/1494—1495 г. произведение Абу-л-Маджда Сана'и (ум. 535/1140—1141 г.) «Хадикат ал-хакикат» («Сад истины») (Библиотека Салтанати, № 367, Тегеран), сохранив при этом колофон протографа, гласящий: «Закончено перепиской во вторник 12 раби' I 584 (11 мая 1188) года. Сверен и выправлен текст и комментарии в месяце раби' I того же года».

⁷¹ Колофон этого списка опубликован [102, табл. I].

⁷² Так, каллиграф XIX в. Мир 'Али аш-Ширази, известный как Шамс-Удаба, ученик знаменитого ширазского поэта и литератора Висала Ширази (1197—1262/1783—1846) и его племянник по сестре, оставил ремарку в конце списка «Дивана» Рашид ад-Дина Ватвата о том, что когда он служил в Хамадане при 'Изз ад-Даула 'Абд ас-Самад-мирзе, последний выразил желание иметь в своей библиотеке такой же «Диван». Тогда Мир 'Али сделал копию со списка, полного ошибок, стараясь по мере возможности выправить его. Это он выполнил в шаввале 1282/феврале — марте 1866 г. [13, II, с. 470]. Мас'уд б. Мухаммад б. Мас'уд ал-Кирмани, переписавший 28 рамазана 663/15 июля 1265 г. географическое сочинение Мухаммада Бакра «Джахан-наме» («Книга о мире»), пометил по-арабски, слева от колофона, что эту копию он переписал верно, но с плохого протографа (рук. С 612, собрание ИВ АН СССР, л. 27а).

Подобная работа не всегда оговаривалась. Зачастую переписчики, имевшие перед собой в качестве оригинала неполные, перебитые или с другими изъянами списки, привлекали другие, руководствуясь только наличием в них текста, отсутствующего в рукописи-оригинале. Это была своего рода компилятивно-редакторская работа. Суть ее, содержание и конечный результат превосходно показал Л. Т. Гюзальян на примере второго старейшего известного нам списка «Шах-наме» Фирдоуси, который обычно датируется 675/1276 г. [32, с. 77—80].

⁷³ Известный каллиграф Саййид Ахмад Машхади (ум. 986/1578—1579) работал при дворе Тахмаспа I, затем ему было разрешено удалиться в Мешхед с непременным условием переписывать книги для шаха. В этой связи ему была положена пенсия, которую он получал из хорасанских доходов казны, и союргал в Мешхеде. Так продолжалось «около десяти лет», как вдруг отношение к нему Тахмаспа круто изменилось, от него потребовали возратить всю полученную им сумму пенсии и лишили права на союргал. Благодаря помощи ряда мешхедских купцов Мир Саййид Ахмад выплатил все сполна, но остался нищим [29, с. 91; 37, с. 143]. Тебризский каллиграф 'Али-Султан, переехав из родного города в Стамбул, не был введен в состав придворной мастерской, но

занимался перепиской книг для библиотеки, живя в достатке на пенсию, которую ему по приказу султана Сулеймана (926—974/1520—1566) ежегодно выплачивали [13, II, с. 468]. Ср. также приведенный выше документ о выплате ежегодной дотации Висалу Ширази и его семье.

⁷⁴ Джаббаг-Бег пишет, что «варракун — переписчики находились в числе группы с малым доходом. В “Истории Багдада” ал-Хатиба говорится о некоем человеке, который, переписывая десять листов в день, получал за работу десять дирхемов... Поденный заработок переписчика, видимо, включал в себя стоимость чернил и бумаги. Отмечалось, что 4 ратля чернил (= 1625 гр.) стоили 1 дирхем» [97, с. 163]; ср. также [106, с. 68].

⁷⁵ Как отмечает анонимный автор «Зайл-и Тāрих-и Табаристāн ва Руйāн ва Мазандарāн» («Продолжение Истории Табаристана, Руйана и Мазандарана»), составленного до 1096/1685 г., старший сын Мир Тимура, представителя династии саййидов Мар‘аши, Мирза Ибрахим добывал себе средства к существованию, переписывая учебники для студентов медресе. Видимо, доход его был немалым, поскольку из этих же сумм он платил еще за учебу [5, с. 50] (шифр списка X 648).

⁷⁶ Рук. Исфаханского университета, № 6625.

⁷⁷ Эта легенда впервые встречается у Ахмад-‘Али-хана Хашими в его труде «Махзан ал-гарā’иб» («Сокровищница редкостей») — рук. Бодлеянской библиотеки в Оксфорде (Эллиот, № 359, л. 283б). М. Бастани Паризи пишет о 3 тыс. туманов [15, с. 248], следуя за своим источником «Рисала дар тарих-и Исфахан» («Трактат по истории Исфахана»), составленным Хайдар-‘Али б. Мухаммад-Махди Исфахани в конце джумада II 1345/январе 1927 г. (рук. Публичной библиотеки г. Исфахана, № 11465).

⁷⁸ Об указе ‘Аббāса I на имя каллиграфа Мирзы Махди, в котором указана сумма пенсии, положенной ему на 1036/1626—1627 г., см. «Рахнама-йи китаб», т. 10 (1346/1967), № 2, с. 184—185. Очень интересен указ того же шаха на имя «живописца его величества» Ака-Ризы, впервые опубликованный Ахмадом Хансари [29, с. 151—152, прим.]. Он вызывает интерес с двух сторон: во-первых, с точки зрения проблемы «художника Риза», во-вторых, он должен был содержать указание на сумму, предназначенную этому выдающемуся персидскому художнику, но конец указа утерян.

В сборной рукописи, хранящейся в библиотеке Тегеранского университета (№ 4736, л. 264а), имеется копия распоряжения (*фарман*) Малик-Хамза-хана об установлении ежегодной пенсии оформителю рукописей и художнику Мирзе ‘Имād-наккашу.

⁷⁹ Все приведенные ниже расчеты были сделаны нами, исходя из данных В. Хинца [95, с. 90—95]. В. Хинц строил свои расчеты, основываясь на том, что венецианские дукат и цехин, а также флорентийский флорин, имевшие широкое хождение на Среднем Востоке в средние века, никогда не изменяли своего золотого содержания и были равны 10 золотым германским маркам 1913 г., или половине английского фунта стерлингов того же времени по цене 2,81 марки за грамм чистого золота. В тумане было 10 тыс. динаров, или 200 шахи (по 50 динаров в каждом шахи). Между 1550—1576 гг. один туман был равен 133 золотым маркам [95, с. 95]. Следовательно, тысяча бейтов работы этого мастера стоила 66,5 золотой марки

⁸⁰ Т. е. *қит‘а*, выполненное Мир Саййид Ахмадом, стоило 250 динаров; в тумане 200 шахи. В 1576 г., когда было завершено это сочинение, туман был равен 133 золотым маркам, отсюда каждое *қит‘а* стоило 3,325 золотой марки.

⁸¹ Речь идет о двух выдающихся каллиграфях — Султан-Мухаммаде Нуре (ум. ок. 940/1533—1534 г.) и Султан-Мухаммаде Хандане (ум. после 958/1551 г.).

⁸² Следовательно, тысяча бейтов стоила 399 золотых марок, один бейт — 0,399, *қит'а* — 13,3.

⁸³ Будаг Казвини говорит здесь о двух выдающихся мастерах художественного письма, чьи имена стали нарицательными в определении подлинного каллиграфа, — Султан-‘Али Машхади (ум. 926/1520) и Мир ‘Али Хусайни Харави (ум. 951/1544—1545).

⁸⁴ Слово не прочитано нами в тексте: это не *бисти*, равное 20 динарам, так как половина шахи равна 25 динарам, т. е. 1,25 бисти.

⁸⁵ Следовательно, в Казвине в 1576 г. *қит'а* их работы стоило от 26,6 до 39,9 золотой марки, в то время как при их жизни платили значительно дешевле: согласно данным В. Хинца [95, с. 95], в 1510 г. туман был равен 270 золотым маркам, в 1522 г. — 195, в 1530 г. — 165, а в 1550 г. — 133. Отсюда полшахи, т. е. четырехсотая часть тумана, равнялось (с точностью до трех знаков) соответственно в указанные годы 0,675 золотой марки, 0,487, 0,401 и 0,303. Чтобы получить, чему равнялось шахи, вычисленные стоимости следует увеличить вдвое. Любопытное соотношение: при жизни Мир ‘Али (мастер прожил в Бухаре с 1529 по 1544 г.) бухарское *хани* оказалось равным двум шахи (т. е. 100 динарам), имевшим хождение в Казвине в 1576 г., т. е. 1,33 золотой марки.

⁸⁶ Т. е. четыре стихотворные строки.

⁸⁷ В 1580 г. туман (т. е. 10 тыс. динаров) был равен 129 золотым маркам, а в 1593 г. — 100 [95, с. 95].

⁸⁸ Следовательно, в 1594 г. в Индии за тысячу бейтов этого мастера платили около 300 золотых марок (в таком случае индийская рупия того времени оказывается эквивалентной 3 золотым маркам).

⁸⁹ В Публичной библиотеке г. Филадельфии (США) хранится рукопись «Хамсе» Низами (№ 62), переписанная Хаджи Мухаммадом ал-Джурбадакәйи в 1036—1037/1626—1627 гг. Рукопись богато иллюстрирована: на полях всех листов трафаретные орнаменты (*'акс*) в золоте, пять двойных фронтиспиров предваряют каждую поэму, список украшают 13 миниатюр исфаханской школы в манере Риза-йи ‘Аббәси. На форзацном листе имеется запись на персидском языке, которая сообщает, как оценивались подобные рукописи книжными маклерами на мусульманском Востоке (в данном случае в Индии) [108, № 62]:

«Полная стоимость “Хамсе” Мавланы Низами Ганджави, да освятит Аллах его душу, руки Хушнавий-хана Ширази, в 357 рупий состоит из следующего:

1. Стоимость переписки 36 000 бейтов по 5 рупий за 1000	180
2. Стоимость линования листов и аппликаций в золотых листочках	90
3. Стоимость 14 миниатюр по 3 рупии за каждую	42
4. Переплет и орнаментирование	20
5. [Стоимость] материалов, пошедших на изготовление рукописи	25

357 рупий

⁹⁰ Полный список «Раузат ас-сафа» Мирхонда стоил, таким образом, 2158 золотых марок (ср. [95, с. 95]). Эта очень значительная сумма не должна удив-

лять: во-первых, она состояла из оплаты труда мастеров нескольких специальностей, работавших над изготовлением рукописи в течение продолжительного времени (не менее 1,5—2 лет), во-вторых, в нее вошла также стоимость израсходованных материалов (кожа, бумага, картон, тушь, золото, краски).

⁹¹ В 1660 г. туман был эквивалентен 77 золотым маркам. Следовательно, этот ничем не примечательный, но добротнo сделанный список был продан за 53,9 золотой марки.

⁹² Эти списки были экспонированы на выставке в Вене в 1953 г. [85, с. 43, 45].

⁹³ Неясно также, на каком основании сделал вывод Ф. Кренков о том, что «в XIII в. книги, должно быть, были очень дешевы и цена их зависела главным образом от их размера» (см. [85, с. 215, прим. 2]).

⁹⁴ О библиотеках Ирана, имевших статус публичных, см. [48, с. 148, прим. 9].

⁹⁵ Попытку определить закономерность в вариациях формата мусульманских рукописей предприняли М. С. Булатов и В. Г. Долинская [27, с. 170—184]. Их вывод о том, что эти пропорции выражаются «прямоугольниками: 1:1, 2:1, 3:2, 4:3, 7:5, 8:5, 9:5» (с. 184), представляется нам малоубедительным, так как он основан на ничтожном числе привлеченных списков. В замерах было использовано 96 рукописей и 12 миниатюр, причем замеры этих рукописей производились 55 раз по размерам миниатюр, 30 — по *джадвалу* (рамка из нескольких цветных линий, окаймляющая текст в рукописи) и 11 раз — по размерам листа. Далее, подавляющая часть указанных списков была произведена как подарочные экземпляры. Такие рукописи практически не отражали книжной продукции, представленной простыми, неукрашенными и скромными списками, которые были предназначены для средних слоев города и которые были им по карману. С нашей точки зрения, чтобы говорить более или менее обоснованно об определенных закономерностях в размерах рукописей (которые были, видимо, выведены эмпирическим путем, а затем обоснованы математически), необходимо измерить во много раз большее число списков.

⁹⁶ Нами взят здесь зар'и шар'й, т. е. «канонический арабский локоть». Зар'и исфхани составляет $\frac{8}{5}$ канонического и равен 79,8 см.

⁹⁷ Следовательно, его размеры 99,75x74,8 см. Другой Коран, переписанный этим же мирзой в 827/1423—1424 г., хранится в Мешхеде в Библиотеке Астан-и кудс (№ 414) [29, с. 31; 94, с. 77—78;].

⁹⁸ Мраморный поупитр, расположенный во дворе мечети Биби-ханым в Самарканде [датируется временем Улуг-бека (ум. 1449)], был изготовлен для списка Корана еще более внушительных размеров: «...при толщине 54, ширине 110 и длине 220 см» [27, с. 182—183].

⁹⁹ Мухаммад-Казим б. Мухаммад-Риза Махджур в 25 местах рукописи указывает даты переписки той или иной части, а в шести случаях — свое имя.

ИСКАНДАР МУНШИ О ХУДОЖНИКАХ ВРЕМЕНИ ШАХА ТАХМАСПА I САФАВИ *

ТЕКСТ И ПЕРЕВОД

Заметки о художниках, написанные Искандаром Мунши (969—1044/1561—1634)¹ и выделенные им в особую главу первого тома (сахи́фа I) «Та'рйх-и ālāmārā-йи 'Аббāсий» («Мирукрашающая Аббасова история»), достаточно широко известны исследователям персидской миниатюры XVI в.² Эти биографические зарисовки составляют как бы серию портретов, вышедших из-под его пера. Они не только показывают нам обширную эрудицию автора и его тонкий художественный вкус, проявляющийся в оценках творчества или дарования того или иного мастера, но живо и ярко воссоздают перед нами характеры художников со всеми их человеческими слабостями и достоинствами. Искандар Мунши подробно останавливается главным образом на тех мастерах, с которыми ему приходилось встречаться и которых он, безусловно, знал лично. При чтении этих заметок невольно создается впечатление, что он видел в них, прежде всего, людей, а мнения его о них и суждения, хотя, без сомнения, скрашены его личными и субъективными чувствами, когда он отмечает их профессиональное умение, талант, мастерство и достоинства, безусловно, опосредованно отражают эстетические представления и оценочные категории той эпохи. Его свидетельство тем более ценно, что в нем художники, о которых он пишет, выступают просто мастерами, а не канонизированными традицией авторитетами, какими их представляли и рисовали себе более поздние поколения.

Эти зарисовки были сделаны Искандаром Мунши независимо от известного трактата Кази Ахмада Куми, который он, видимо, читал. Простое сличение биографий, написанных нашим автором, с соответствующими пассажами в труде его старшего современника наглядно подтверждает наш вывод. Если Кази Ахмад Куми составлял каждую биографическую заметку по определенной схеме и не отступал от нее, то свободная манера изложения биографий художников, оценки их как людей и мастеров, написанные языком уверенного в себе и

* Статья впервые опубликована в: Труды Тбилисского гос. ун-та. 1983. Т. 241. С. 259—272.

независимого по своим взглядам человека, выгодно отличают язык нашего автора от стиля Кази Ахмада Куми. Этот раздел ближе по своему стилю к импровизации, чем к выдержанной схеме, и оттенен человеческим отношением к сказанному. В этой связи, видимо, не следует рассматривать биографические зарисовки Искандара Мунши как простую дань традиции, сложившейся в персидской историографии с конца XV в. и получившей отражение в трудах его предшественников и современников — Хвандамира, Будака Казвини, Хасана Румлу и Кази Ахмада Куми.³

Впервые рассказы Искандара Мунши о художниках времени Тахмаспа I (1524—1576) были опубликованы в переводе на английский язык в 1928 г. Т. В. Арнольдом;⁴ на последнего обычно ссылаются все исследователи, включая отечественных. Вместе с тем не лишним будет заметить, что еще в 1923 г. в Ташкенте вышла статья А. Л. Троицкой, где было пересказано содержание интересующего нас раздела.⁵ Переводы нескольких биографий мастеров были выполнены К. Д. Каримовым.⁶

Ниже мы предлагаем вниманию специалистов полный перевод заметок о художниках Искандара Мунши на русский язык, выполненный по составленному нами критическому тексту этого пассажа. Необходимость последнего была вызвана тем, что отмеченные выше переводы и пересказы были неполностью сделаны по рукописям, содержащим частью первую редакцию труда Искандара Мунши, а частью — вторую.⁷ В основу настоящего текста было положено наборное издание Тārīḫ-и ‘ālamārā-йи ‘Аббāsī, предпринятое И. Афшаром в 1956 г. на базе тегеранского литографированного издания 1313—1314/1896—1897 г. с добавлениями и дополнениями (в сносках — ИА).⁸ Для коррекции мы привлекли два списка второй редакции из ленинградских собраний. Первый список — Ленинградская государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина ПНС 77 (л. 159б—162а), переписан 12 шавала 1084/18 января 1674 г. (ГПБ),⁹ второй — из собрания Института востоковедения (Ленинградское отделение) АН СССР с 1665 г. (л. 51а—56а), список не датирован; он, видимо, переписан в Индии в конце XVIII в.¹⁰ Таким образом предлагаемый вниманию специалистов текст представляет собой вторую редакцию заметок о художниках из труда Искандара Мунши «Тārīḫ-и ‘ālamārā-йи ‘Аббāsī».

ذکر

نقاشان بدائع نگار و مذهبان زرین قلم سحرآثار¹ که هنرمند روزگار بودند
و در آن حین اوراق زمانه بوجود ایشان تذهیب و تریب داشت

شعر

نگارنده نقاش بهزاد دست حریر² سخن را چنین نقش بست که حضرت
شاه جنت مکان علیین آشیان³ نقاش نادره کار و مصور نازک قلم سحر نگار بودند⁴
هرچند اسم شریف آنحضرت را تعداد هنروران روزگار در آوردن نوعی از⁵
گستاخی است اما چون صحیفه⁶ حال خیر مالش⁶ بدین نقش بدیع⁷ آراستگی داشت
بذکر آن جرات نمود. آنحضرت شاگرد استاد سلطان محمد مصور⁸ مشهور
بودند⁹ ظراحی و تراکت قلم را بمرتبه¹⁰ کمال رسانیده بودند در آغاز جوانی ذوق
و شغف بسیار باین کار داشتند و استادان نادره کار این فن¹¹ مثل استاد بهزاد و استاد
سلطان محمد¹² که در این فن شریف طاق¹⁰ و در تراکت قلم شهره آفاق بودند¹¹
و در کتابخانه¹³ معموره کار می کردند و آقا میرک نقاش اصفهانی که از اکابر
سادات آنجا بود و در این فن منفرد¹² انیس خاص و مونس بزم اختصاص داشت¹³
آنحضرت با این طبقه الفت تمام داشتند هر گاه از مشاغل جهانداری و تردّدات
مملکت آرائی فراغی حاصل می شد بمشوق نقاشی ترطیب¹⁴ دماغ می کردند
در اواخر از کثرت مشاغل فرصت آن کار نمی یافتند و استادان مذکور نیز که صور¹⁵
هستی را از رنگ آمیزی حیات برداشتند آن حضرت کمتر متوجه آن کار می شدند.
اصحاب کتابخانه را بعضی که در حیات بودند مرخص با ساخته بودند که بجهت خود کار
می کردند و در اواخر ایام حیات مولانا یوسف غلام خاصه شریفه¹⁶ که خط ثلث
خوب می نوشت و تریب از آنحضرت یافته بود کتابدار کرده کتب سرکار خاصه
شریفه تحویل او بود و جمعی از استادان این فن¹⁷ که بعد از ارتحال شاه جنت
مکان زینت افزای صحایف زمان بودند اول نادره دوران و وحید زمان.

مولانا مظفر علی است که بقلم موی شکاف چهره گشای صور اهل انصاف ست وی نسبت خوبی با استاد بهزاد دارد و در خدمت او کسب هنر می نمود¹⁷ بمرتبۀ کمال ترقی کرد¹⁸ و جمیع¹⁹ استادان نادره کار و چهره گشایان بدایع نگار او را در این فن بیعیدیل مسلم می دانستند مصور خوب و ظراح بیبدل²⁰ بود تصویرات²¹ دولخانه همایون و مجالس²² ایوان چهلستون ظراحی مشارالیه بود²³ و اکثر نگاشته ارقام زرین فام اوست بعد از واقعه هایله شاه جنت مکان بر صحیفه هستی طرح ممان انداخت.

میر زین العابدین دختر زاده²⁴ سلطان محمد مصور و استاد شاه جنت مکان بغایت مرد سلیم النفس نیکو اخلاق بود و با کیزه روزگار بود²⁵ آهسته روی و حسن ادب شیوه و شعار خود گردانیده در خدمت وضع و شریف معزز بود و نقاش خوب مجلس ساز و مصور بیقرینه با کیزه کار چهره برداز بود شاگردانش کارخانه نقاشی دایر ساخته کار می کردند اما خود همیشه جهت شاهزادگان و امرا و اعیان کار کرده رعایت می یافت و انوار²⁶ توجه و مرحمت اکابر بر صحیفه حالش می یافت در زمان اسمعیل میرزا که ابداع کتابخانه مجدد نمود مشارالیه نیز ز اصحاب کتابخانه گردید²⁷.

صادق²⁸ یك افشار²⁹ از اترک طایفه افشار³⁰ مرد رنگین صاحب طبیعت بود اصادقی تخلص می کرد و از آغاز جوانی ذوق مشق نقاشی یافته ملازمت شبانروزی قادرالمصری والزمان³¹ استاد مظفر علی اختیار نمود و آثار قابلیت و ترقی³² از ناصیه احوالش مشاهده نموده همت بر تربیت او مصروف داشت و در شاگردی او بمرتبۀ کمال ترقی نمود مدتی از غرور نفس و سرکشی طبیعت که در کار نقاشی رواجی نبود و زمانه برحسب آرزویش دوران نمی نمود ترک آن کار کرده از لباس ظاهرپرستی عریان* شده شیوه قلندری در پیش گرفته³³ با زمهره قلندران سیاحت و دوران می نمود امیر خان موصولو³⁴ در حینی که حاکم همدان بود از او خبر یافته او را از لباس قلندری بیرون آورده ملازم خود کرد³⁵ و با او سلوک آدمیانه می کرد³⁶ بمقتضای طبع ترکیت و شیوه قزلباشی دعوی جلادت و شجاعت نموده

شجمان آن زمان را بیاد بروتش³⁷ در نمی آورد در زمان نواب سکندر شان ملازمت اسکندر خان افشار و بدر خان برادرش³⁸ اختیار نمود و در معرکهٔ بقعهٔ ترکمان³⁹ استرآباد جلادتهای بیعقلانه از او بظهور رسیده اما هیچوقت از مشق⁴⁰ نقاشی غافل نبود در آخر⁴¹ ترقی عظیم کرده مصور بیدل⁴² نازک قلم و طراح بیقرینه شد و بقلم موی شکاف هزاران بیکر بدیع بر لوحه⁴³ مقصود می نگاشت و بزور قابلیت و استعداد آراسته و بحیلهٔ شاعری و سخنوری بپراسته قصاید و غزل و مثنویات مرغوب دارد این بیت را در مثنوی⁴⁴ جنگ نامه بسیار خوب گفته.

شعر

ملیخهای پیکان زبیرندگی شده مزرع آفت زندگی
 تبرزین همی گشت از رو زبشت یکی را بیغ و یکی را بمشت
 و چون در سلك شعراء از ایات او چند بیتی مرقوم خواهد شد در اینجا بهمین قدر اکتفا نمود⁴⁵ در زمان اسمعیل میرزا از اصحاب کتابخانه بود اما در زمان اعلی شاهى ظلّ اللہی⁴⁶ منصب جلیل القدر کتابداری یافته مورد شفقت و منظور نظر عاطفت⁴⁷ گردید اما بغایت بدمزاج و غیور و تنگ حوصله بود⁴⁸ خوی زشت و بدمزاجی هرگز او را از اغراض نفسانی آسوده نمی گذاشت و همیشه با یاران و ابائی جنس بمقتضای طبع عمل نموده بدسلوکی را از حد اعتدال می گذرانید و ایشان این متاع کاسد را که در⁴⁹ بازار اهلیت بس نارواست از او بجان خریدار بودند و او پای از دایرهٔ انصاف و اعتدال⁵⁰ بیرون نهاده در درشت خوئی با همه کس افراط می نمود بدینجهت از بساط قرب و منزلت دور و از خدمت مرجوعه مهجور بود اما تا آخر ایام حیات تغییر در منصب او نشد و مواجب کتابداری از دیوان اعلی می گرفت.

مولانا عبد الجبار ولد حاجی علی منشی⁵¹ استرآبادی تعلیق نویس است در اوایل حال کسب فنون نقاشی نموده در آن فن رتبهٔ عالی و مهارت تمام⁵² یافت⁵³ مشق خط نیز کرده کتابت نویس خوب بود و بسیار مرد رنگین خوش صحبت بذله گوی شیرین زبان بود اکابر و اعیان بصحبش رغبت نموده فرصت کارش

نمی‌دادند مدنی بگیلان رفته در سلك ملازمان وندما و مجلسیان⁵⁴ خان احمد والی
 گیلان منسلك بود بعد از شورش آن ملك و گرفتاری خان احمد بدار السلطنه
 قزوین آمده رحل اقامت خود را انداخت اگرچه کارخانه نقاشی دایر ساخته بود
 اما اکثر اوقات خود را صرف مجلس امرا و اعیان نموده خود بان کار کمتر پرداختی
 خواجه نصیر پسرش که مانند پدر بلکه از پدر خلف یافته نسب⁵⁵ استمداد نموده
 بود باشاگردان کار می نمود⁵⁶ و زیاده از دیگران با حسین⁵⁷ بيك يوز باشی که
 سر کرده سلطانه‌چیدریان بود مربوط و مخلوط⁵⁸ بود بنا بر آن در زمان اسمعیل
 میرزا از خدمت کتابخانه مهجور گشته پسرش در سلك اصحاب کتابخانه منسلك
 گردید در زمان نواب سکندرشان که خان احمد به حکومت گیلان نصب شد
 مجدداً ملازمت او اختیار کرده بگیلان رفت و در آن ولایت بعالم آخرت پیوست
 سیاوش بيك گرجی غلام شاه جنت مکان بود و آنحضرت آثار قابلیت از
 اطوار او مشاهده فرموده او را بکسب⁵⁹ نقاشی دادند شاگرد استاد حسن⁶⁰ علی
 مصور بود و چون بقدر مهارتی در آن علم یافته تراکت قلمش پسند خاطر⁶¹ اشرف
 گردید بنفس نفیس متوجه تعلیم او گشته در⁶² شاگردی آنحضرت که بر حسب
 احسن صور کُم تصویر یافته قلم قدرت مصور الاشیاء بود ترقی عظیم کرده بسیار
 نازك قلم و دقیقه کار و مصور بقرینه بود سیاه قلم و گونه بردازی و تشعیر⁶³
 او را هیچ استادی بدست نمی توانست گرفت مجلس سازی او بی عیب بود در
 زمان اسمعیل میرزا اصحاب کتابخانه شد و در زمان نواب سکندر شان او و برادرش
 فرخ بيك در سلك معتمدان شاهزاده جوان بخت کامسکار سلطان حمزه میرزا
 منتظم بودند و در زمان حضرت اعلی شاهی مدتها ملازمت اشرف نموده در رکاب
 مقدس آنحضرت پیکر عمرشان نابود گشت.

مولانا شیخ محمد سبزواری مرد بذله گوی شیرین⁶⁴ قیافه⁶⁵ و خوش اختلاط بود
 و در فن تصویر⁶⁶ و رنگ آمیزی بکه صورت دم از یکنثائی می زد و الحق در آن

دعوی صادق و همه استادان نقش پرداز⁶⁷ در این ماده با او موافق بودند نستعلیق ر بسیار خوب می نوشت و نقل قطعات استادان چنان می کرد که تمیز آن از منقول عنه نزد دیده‌وران خطاط بسیار دشوار بود و صورت فرنگی را در عجم او تقلید نمود و شایع ساخت اما کسی بهتر از او گونه‌سازی و چهره پرداز می نکرد در سبزوار ملازمت سلطان ابراهیم میرزا اختیار نموده در خدمت او بعراق آمد در زمان اسمعیل میرزا از اصحاب کتابخانه شد و بعد از آن بخراسان رفته ادراک ملازمت⁶⁸ فرخنده نشان حضرت اعلی شاهی ظلّ اللّهی کرده در ملازمت آنحضرت در عمارت نودولتخانه مبارکه قزوین⁶⁹ کار می کرد در بندگی این⁷⁰ استان جان داد. مولانا علی اصغر کاشی استاد بقرینه و مصور پاکیزه‌ساز⁷¹ در پرداخت و رنگ آمیزی منفرد و در کوه پرداز می و درخت‌سازی از اقران در پیش بود او نیز در خدمت سلطان ابراهیم میرزا می بود در زمان اسمعیل میرزا از اصحاب کتابخانه شد پسرش آقا رضا در فنّ تصویر و بکه صورت و چهره گشائی ترقی عظیم کرده اعجوبه زمان گشت و در این عصر وزمان مسلم الثبوت است از جهالت⁷² نفس بان تراکت قلم همیشه زور آزمائی و ورزش کشتی گیری کرده از آن شیوه محفوظ بودی و از صحبت ارباب استعداد کناره بسته با آن طبقه الفت داشتی و در این عهد فی الجمله از آن هرزه‌درائی باز آمده اما متوجه کار کمتر می شود او نیز بطریق صادقی یک بدمزاج تنگ حوصله و سرد اختلاط است و الحق استغنائی در طبیعتش هست در خدمت حضرت اعلی شاهی ظلّ اللّهی مورد اعطاف و الطاف⁷³ گردید و رعایت‌های کلی یافت اما از اطوار ناهنجار صاحب اعتبار نشد و همیشه مفلس و پریشان حال است و این بیت مناسب حال او اقتاده

بیت

طالب من همه شاهان جهانند و مرا در صفاهان جگر از بهر معیشت خون شد
میرزا محمد اصفهانی مصور نازک قلم و شاگرد خواجه عبد العزیز کاکا بود و در پرداخت

و مجلس‌سازی بقرینه و در ریزه‌کاری هیچکس از طبقه او برابری نمی نمود در زمان اسمعیل میرزا در سلك اصحاب کتابخانه منسلک گردید.⁷⁴

مولانا حسن بغدادی در فن تذهیب فرید عصر و یگانه‌روزگار و وحید دوران⁷⁵ و در مجملات فن تذهیب را بسر حد اعجاز رسانیده بود جمیع استادان این فن او را در این امر مسلم می داشتند⁷⁶ تذهیب⁷⁷ مولانا یاری که این شیوه را بر طاق بلندی⁷⁸ نهاده بود و در برابر ریزه‌کاری و دقیقه‌پردازی او آب و رنگی ندارد و در اواخر زمان⁷⁹ شاه جنت مکان او را بان متهم ساختند که تقلید مهر اشرف کرده و الحق در آن کار ید بیضا نموده بود⁸⁰ شاه جنت مکان او گیرانیده همواره تهدید قطع ید او می فرمود⁸¹ اما بالاخره بجهت آنکه در گنبد مبارک حضرت ابو⁸² عبدالله الحسین کار کرده زیب و زینت آن روضه مقدسه داده بود از سیاستش اغماض نموده توبه‌اش دادند که دیگر مرتکب چنین امری نگردد و در زمان اسمعیل میرزا داخل اصحاب کتابخانه شد و پسرش نیز از هنرمندی پدر بهره یافته تذهیب و تصویر را با یکدیگر جمع کرده بود.

مولانا عبدالله شیرازی او نیز مذهب خوب بود اما رتبه مولانا حسن نداشت مرد خوش صحبت بذله‌گوی شیرین زبان بود و در خدمت سلطان ابراهیم میرزا می‌بود در قرب و مترات از دیگران⁸³ در پیش بود بعد از واقعه میرزا از جمله اصحاب کتابخانه اسمعیل میرزا گردید و در آن عصر دیگر نقاشان و مصوران⁸⁴ بودند مثل محمدی هروی و نقدی⁸⁵ بیک کوسه و غیرهما اما بذکر چند نفر که از مشاهیر این طبقه و شهره⁸⁶ این فن بودند اختصار رفت.⁸⁷

РАЗНОЧТЕНИЯ

- 1) ИА — оп. 2) ИА — صریح. 3) — بارگاه. 4) ГПБ — بود. 5) ЛО — оп. 6) ЛО — سعادت‌المش. 7) ИА — بدایع. 8) ГПБ — منصور. 9) ЛО, ИА — بود. 10) ИА — طاقند. 11) ИА — оп. 12) ЛО, ГПБ — оп. 13) ЛО, ГПБ — بود.

14) ИА — تربیت. 15) ИА — صورت. 16) ИА — оп. 17) ИА — نموده. 18) ИА — رسید. 19) ИА — جمعی از. 20) ИА — بی بدیل. 21) ИА доб. — دولت. 22) ИА — انواع. 23) ИА — оп. 24) ГПБ доб. — استاد. 25) ИА — оп. 26) ИА — کردند. 27) ГПБ — مشارالیهرا. 28) ИА — صادقی. 29) ГПБ, ЛО — оп. 30) ИА — оп. 31) ИА — او. 32) ГПБ — оп. 33) ИА — оп. 34) ИА — موصولی. 35) ГПБ, ЛО — ساخت. 36) ГПБ, ЛО — می نمود. 37) ИА — بیابروت. 38) ИА — оп. 39) ИА — ترکمانان. 40) ИА — نقش. 41) ГПБ — درواخر. 42) ЛО — بی بدیل. 43) ИА — چون از زمره این فن بوداسم او. 44) ИА — این بیت مثنوی در. 45) ИА — توجیه. 46) ИА — در سالک شعرا مرقوم نشد وبهین اکتفافت. 47) ИА — شاه جنت مکان. 48) ИА — منظور تربیت. 49) ИА — بد. 50) ИА — از. 51) ИА — оп. 52) ИА — оп. 53) ИА — داشت. 54) ИА — ندمای مجلس. 55) ГПБ — بهتر خلف یافته کسب. 56) ИА — می نمودند. 57) ИА — حسینی. 58) ИА — مختلط. 59) ИА — سپاه و کوه پردازی. 60) ИА — نسب. 61) ИА — оп. 62) ИА — خاطر نشان. 63) ИА = از. 64) ИА доб. — کوه پردازی. 65) ИА доб. — سخن. 66) ИА — آن. 67) ГПБ — نقاش. 68) ИА — ساخت. 69) ИА — زمان. 70) ИА — оп. 71) ИА — آن. 72) ИА — جهت. 73) ИА — عواطف. 74) ИА — оп. — весь фрагмент от бейта. 75) ИА — بلند. 76) ИА — داشتند. 77) ИА — مذهب. 78) ИА — روزگار و دهر. 79) ИА — ایام. 80) ИА — оп. 81) ИА — نمود. 82) ГПБ, ЛО — آبا. 83) ГПБ доб. — اقتصار نمود. 84) ГПБ — ماهر. 85) ИА — قصری. 86) ИА — بهره مند. 87) ИА — واز اقران.

ПЕРЕВОД

РАССКАЗ О ХУДОЖНИКАХ-СОЗДАТЕЛЯХ УДИВИТЕЛЬНЫХ ОБРАЗОВ И ИСКУСНЫХ ОРНАМЕНТАЛИСТАХ-ЧАРОДЕЯХ, ЧТО БЫЛИ ВИРТУОЗАМИ (СВОЕГО) ВРЕМЕНИ, И В ТУ ПОРУ ЛИСТЫ ВРЕМЕНИ БЫЛИ УКРАШЕНЫ И РАСЦВЕЧЕНЫ ОРНАМЕНТОМ ИХ БЫТИЯ

Грамотей-художник с талантом *Бехзада* таким образом разрисовал шелковую ткань речи,

что его величество государь, чье место обитания рай (<Тах-масп I>), равный своим положением небесам, был искусным художником и живописцем, создавшим тонкой кистью волшебные образы. Хотя помещать благородное имя его величества в ряду виртуозов его эпохи является своего рода дерзостью, однако в связи с тем, что белая страница его счастливой жизни была разрисована столь удивительными картинами, отважились <мы>

рассказать о ней. Его величество был учеником знаменитого живописца мастера *Султан-Мухаммада*, он довел до степени совершенства художественный рисунок и тонкость работы кистью. Еще в раннем возрасте он испытал сильное влечение и любовь к сему занятию; и такие искусные в сем деле мастера, как мастер *Бехзад* и мастер *Султан-Мухаммад*, которые в сем благородном ремесле единственны и прославлены во всех горизонтах тонкостью <своей> кисти, работали в <его> прекрасно оборудованной дворцовой мастерской; и в ней работал *Ака Мирак-наккаш Исфакхани*, что происходил из знатнейших саййидов, а в сем искусстве был единственным; он принадлежал к числу близких и интимных друзей и наперсников государя.

Его величество был очень расположен к этой категории людей. Всякий раз, когда выпадал досуг от забот по управлению и от трудов по устройству государства, он обычно получал удовольствие, упражняясь в живописи. В конце концов, поскольку по причине обилия <государственных> дел он не находил времени для того занятия, да к тому же упомянутые мастера перестали смешивать краски жизни для изображения <своего> бытия, его величество уже в меньшей степени обращался к тому занятию; тех из состоявших в придворной мастерской, которые еще были живы, он распустил, чтобы они работали сами по себе. Под конец своей жизни он назначил на должность управляющего дворцовой библиотекой-ателье раба личного домена мавлану *Иусуфа*, который хорошо писал почерком *сулс* и обучился <этому> у его величества. Книги же личного государева собрания были поручены ему.

Среди мастеров сего искусства, которые после кончины шаха Тахмаспа раскрасили <своим бытием> листы эпохи, первым <мастером> является уника своего времени и единственный в свой период мавлана *Музаффар-‘Али*, который кистью, расщепляющей волос, рисует портреты справедливых людей. Он находится в родственных отношениях с мастером Бехзадом. Состоя при нем, он обучался <сему> искусству, пока не преуспел до степени совершенства. Все искусные мастера и портретисты — создатели удивительных образов — безоговорочно признавали его в сем ремесле бесподобным. Он был прекрасным живописцем и несравненным рисовальщиком. Изображения в августейшем *давлатхане* и групповые сцены портика <дворца> Чихил Сутун нарисованы им и бóльшая часть мастерски расписана в красках. После вызывающей скорбь кончины шаха Тахмаспа он набросал рисунок смерти на белом листе бытия.

Мир Зайн ал-'Абидин — сын дочери мастера *Султан-Мухаммада*, живописца и учителя шаха *Тахмаспа*: он был мужем крайне кротким, благонравным и скромным. Поскольку он отличался деликатным и благовоспитанным образом жизни и обхождением, его <одинаково> чтили как люди низкого происхождения, так и благородного. Он был прекрасным художником, писавшим многофигурные композиции и бесподобным, чистым в работе живописцем, который выписывал лица. Его ученики, открыв художественную мастерскую, работали (там). Однако сам он, всегда работая для царевичей, эмиров и вельмож, пользовался их расположением, и лучи милости и внимания знатных людей сверкали на белом листе его обстоятельств. Во время правления *Исма'ил-мирзы*, который восстановил придворную библиотеку-мастерскую, он также вошел в ее состав.

Садик бек Афшар происходит из тюрков племени афшар. Муж яркой природы и талантливый, он взял «Садика» своим литературным именем. В ранней юности он, обнаружив влечение к занятиям живописью, избрал день и ночную службу при уникального времени мастеру *Музаффар-'Али*. И тот, узрев следы дарования и успеха на челе его деяний, приложил старание к тому, чтобы обучить его, и он <Садик-бек>, находясь у него в ученичестве, преуспел до степени совершенства. Одно время он из-за заносчивого нрава и упрямого характера бросил то занятие в связи с тем, что в живописном деле наступил застой, а судьба не обращалась сообразно его желаниям. Отказавшись от всех земных благ и приняв образ жизни бродячего дервиша, он странствовал и путешествовал в обществе каландаров. *Амир-хан Мусулу*, в бытность свою хакимом *Хамадана*, разузнав кое-что о его положении, извлек его из одежд бродяжничества и, приняв его к себе на службу, обращался с ним достойно. Сообразно тюркскому характеру и кызылбашскому обыкновению он выступил с притязанием на отвагу и смелость и держал себя гордо с храбрецами того времени. В правление наместника, равного положением *Искандару* <*Тахмасп I*>, он поступил на службу к *Искандар-хану Афшару* и его брату *Бадр-хану* и в битве с астрабадскими туркменами *Йаке* проявил безрассудную храбрость. Вместе с тем он никогда не предавал забвению упражнения в живописи и в конце концов, значительно преуспев, стал несравненным тонкой кисти живописцем и бесподобным рисовальщиком. Кистью, что тоньше волоса, он изображал тысячи изумительных образов на скрижалях <своего> желая. Он был украшен способностями и талантами и наряжен в убор поэтического дарования и

красноречия. Он — автор прекрасных *касид*, *газелей* и *маснави*; сей бейт в поэме «Джанг-наме» он превосходно сложил:

Стрелы, как саранча в полете,
Стали напастью для нивы жизни,
Секира мелькала то спереди, то сзади,
Этого (сбивали) мечом, того — кулаком.

Поскольку в ряду поэтов будет приведено несколько бейтов из его стихов, то здесь удовлетворились только этим. В правление *Исма'ил-мирзы* он состоял в придворной библиотеке-мастерской. Однако в правление его величества шаха-тени Аллаха <шаха 'Аббāса I> он получил почетную должность управляющего библиотеки мастерской и пользовался августейшим расположением и вниманием. Вместе с тем он был крайне раздражительным, ревнивым и неуживчивым. Дурной и несносный характер никогда не оставлял его в покое от своекорыстных целей. Всегда он держал себя со своими друзьями и коллегами сообразно своему нраву и в грубости преступал всякие границы. Они же искренне покупали <у него> сеи ничего не стоящие товары, которые не имеют никакого сбыта на базаре человечности. А он, выйдя за рамки справедливости и умеренности, излишествовал в грубом обращении со всеми. По сей причине он лишился расположения <государя> и места <при нем>, был отставлен от службы, которая была ему поручена. Однако до последних дней жизни в его официальном положении изменений не произошло, и он получал жалование управляющего дворцовой библиотеки-мастерской из государственной канцелярии.

Мавлана 'Абдал-Джаббар сын хаджжи *'Али мунши Астрабади*, работает в почерке *та'лиқ*. Первоначально он обратился к живописи и достиг в этом искусстве высокой степени и совершенного мастерства. Наряду с этим он упражнялся в письме и был прекрасным переписчиком книг. Он был мужем весьма яркой натуры, приятен как собеседник, весел и сладкоречив. Так как вельможные и сановные люди <постоянно> искали его общества, то они <тем самым> не давали ему возможности Работать. Он уехал одно время в Гилян, где оказался в ряду придворных, доверенных слуг и близких друзей *Хан-Ахмада*, правителя Гиляна. После восстания того правителя и пленения *Хан-Ахмада* он возвратился в столичный город Казвин и остановился там. Хотя он и открыл художественную мастерскую, однако в связи с тем, что большую часть времени проводил в об-

шестве эмиров и вельмож, лично он мало уделял внимания тому занятию. Его сын *хваджа Насир*, который, подобно отцу, — поскольку от отца заимствует сын врожденные качества, — проявил талант, работал <вместе> с учениками. Больше всего он <‘Абд ал-Джаббар> водил дружбу и общался с *Хусайн-беком* Юзбаши, который возглавлял сторонников *Султан Хайдара*. Потому-то в правление Исма‘ил-мирзы он лишился службы в придворной библиотеке-мастерской. А сын его оказался в ряду ее мастеров. Во время правления *Мухаммад-Худабанде*, когда *Хан-Ахмад* был посажен управлять Гиляном, он, вновь поступив к нему на службу, уехал в Гилян и в той провинции отправился в мир потусторонний.

Сийавуш-бек Грузин был рабом шаха Тахмаспа I. Его величество, узрев в его деяниях признаки дарования, определил к занятиям живописью; он был учеником мастера *Хасана ‘Али Мусаввира*. Когда он достиг некоторого мастерства в том деле, тонкость его кисти получила одобрение его величества, он стал лично наблюдать за его обучением. Находясь в ученичестве у его величества, он, согласно изречению «и образы дает вам красивые», постиг живопись; кисть его могла изобразить любую вещь, и он чрезвычайно преуспел. Он рисовал очень тонко, выписывая мельчайшую деталь, и был бесподобным живописцем. Ни один мастер не мог овладеть его умением рисовать тушью и придавать персонажам позу; многофигурные его композиции были безупречны. В правление *Исма‘ил-мирзы* он вошел в состав дворцовой библиотеки-мастерской; в правление *Мухаммад-Худабанде* он и *Фаррух-бек*, его брат, вошел в число доверенных лиц счастливого и могущественного царевича *Султан-Хамзамирзы*; а в правление шаха *‘Аббāса* они оба длительное время находились на службе его величества, и на священной службе ему исчезло изображение их бытия.

Мавлана Шайх-Мухаммад Сабзавари был мужем остроумным, приятной наружности и занимательным собеседником. Он претендовал на то, что не имеет себе равного в искусстве подбора красок и колорита и изображений отдельных персон. И воистину, в сем притязании он справедлив, и все мастера-художники согласны с ним в этом. Он прекрасно писал почерком наста‘лийк и столь <искусно> копировал образцы почерка мастеров каллиграфии, что их с великим трудом отличали от оригиналов опытные знатоки каллиграфы. Именно он в Иране подражал европейской манере <живописи> и распространил ее. Однако никто не изображал лучше его позу персонажей и не рисовал лица.

В Себзеваре он поступил на службу к *Ибрахим-мирзе* и приехал в Ирак, находясь при нем. В правление *Исма'ил-мирзы* он состоял в придворной библиотеке-мастерской, после чего уехал в Хорасан. Когда наступило славное правление шаха *'Аббаса*, он работал при его величестве в новом здании благословенного *давлатхане* в Казвине, и скончался, состоя на той службе.

Мавлана 'Али-Асгар Каши. Он несравненный мастер и совершенный живописец. В отделке и создании колорита он — уника. Он превзошел своих коллег в изображении горного ландшафта и деревьев. Он также состоял при *Султан Ибрахим-мирзе*, а в правление *Исма'ил-мирзы* вошел в число мастеров придворной библиотеки-мастерской.

Сын его, *Ака-Риза*, чрезвычайно преуспев в искусстве живописи, изображении отдельных персон и рисовании портретов, стал <настоящим> чудом своего времени. В сию пору и эпоху он — бесспорный авторитет. Несмотря на <такую> тонкость кисти, он из-за недостатка своей интеллигентности постоянно занимался атлетическими упражнениями и мерился силою в борьбе, и получал от такого занятия удовлетворение. Устранившись от общения с людьми интеллигентными, он водил дружбу с простыми людьми. В настоящее время он, в общем-то, отказался от того пустого времяпрепровождения, но вместе с тем меньше <чем необходимо> уделяет внимание делу. Подобно *Садики беку*, он также раздражителен, неуживчив и необщителен. Воистину, в его природе живет независимость. На службе у шаха *'Аббаса* он сделался предметом милостей и добился полного уважения и внимания. Однако он не был приближен из-за <своих> дурных привычек, и постоянно он <был> беден и нестроен. Сей бейт отражает его положение:

Меня требуют все государи мира, а мне
В Исфахане из-за <нехватки> средств к
существованию приходится терпеть тяготы.

Мирза Мухаммад Исфакани — живописец тонкой кисти и ученик *'Абд ал-'Азиза Кака*. Он несравним в отделке и рисовании многофигурных композиций, а в тщательности исполнения никто из сей категории с ним не сравнился. В правление *Исма'ил-мирзы* он оказался в ряду мастеров придворной библиотеки-мастерской.

Мавлана Хасан Багдади в искусстве орнаментирования был уникай <своего> времени, единственным и непревзойденным

мастером <своей> эпохи. Короче говоря, он довел свое искусство до границ чуда. Все мастера орнаментирования полагали бесспорным его превосходство в сем деле. *Тазхиб* мавланы *Йари*, который возвел сие искусство на высочайшую ступень, не выдерживает сравнения с его тонкостью отделки и тщательностью исполнения. В последние годы своего правления шах Тахмасп I заподозрил его в том, что он подделал августейшую печать. Воистину, в сем деле был он чрезвычайно искусен. Государь бросил его в темницу и постоянно угрожал отрубить ему руку. Однако, в конце концов, по причине того, что он работал в благословенном мавзолее его святости *Абу 'Абдаллах ал-Хусайна* и расписал, и расцветил ту священную могилу, он посмотрел сквозь пальцы на то, чтобы наказать его и потребовал дать обет, что впредь он не будет браться за подобное дело. В правление *Исма 'ил-мирзы* он вошел в состав придворной библиотеки-мастерской. Его сын же извлек пользу из искусства отца и совместил <в себе> орнаментику и живопись.

Мавлана 'Абдаллах Ширази также был хорошим орнаменталистом. Однако он не достиг степени <совершенства> мавланы *Хасана*. Он был хорошим собеседником, остроумным и сладкоречивым. Он состоял на службе у *Султан Ибрахим-мирзы* и опередил прочих и подобных себе своей близостью к нему и положением при нем. После гибели мирзы он оказался среди мастеров придворной библиотеки-мастерской *Исма 'ил-мирзы*.

В ту эпоху были и другие художники и живописцы, такие как *Мухаммади Харави*, *Накди-бек Кусе* и прочие. Однако <здесь> ограничились рассказом лишь о нескольких мастерах, наиболее известных из сей категории и пользующихся наибольшей славой в сем искусстве.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мы не видим необходимости останавливаться как на биографии этого выдающегося стилиста, личного секретаря и историографа *'Аббаса I* (1587—1629), так и на его трудах, а отсылаем интересующихся к специальным исследованиям: *Стори Ч. А.* Персидская литература: Библиографический обзор. В 3 ч. Ч. II. М., 1972. С. 873—883, где приведена исчерпывающая библиография; *Миклухо-Маклай Н. Д.* Описание персидских и таджикских рукописей Института востоковедения. Вып. 3: Исторические сочинения. М., 1975. С. 168—175.

² Мимо заметок Искандара Мунши не прошел ни один специалист, занимавшийся изучением миниатюрной живописи этого периода. Из последних работ отметим монументальное исследование И. С. Щукина (*Stchoukine I. Les Peintures des manuscrits safavis de 1502 à 1587. Paris, 1959. P. 26—51*), а также

исследование Энтони Уэлча (*Welch A. The Painters for the Shah. Ann Arbor, 1976*).

³ *Стори Ч. А.* Персидская литература. Ч. I. С. 379—393, 415—416; Ч. II. С. 859—862, 862—965; см.: *Акимушкин О. Ф.* Искандар Мунши о каллиграфах времени шаха Тахмаспа I // Краткие сообщения Ин-та народов Азии АН СССР. 1963. № 39. С. 20—22.

⁴ *Arnold Th. W.* Painting in Islam: A Study of the Place of Pictorial Art in Muslim Culture / With a New Introduction by B. W. Robinson. New York, 1965. P. 141—144.

⁵ *Троицкая А.* К биографиям некоторых художников эпохи сефевидов // ал-Искандарийат: Сб. Туркестанского Восточного института в честь проф. Н. Д. Шмидта (25-летие его первой лекции 15(28) января 1898—1923). Ташкент, 1923. С. 134—137.

⁶ *Каримов К. Д.* Азербайджанский художник XVI в. Мухаммади // Искусство Азербайджана. 1964. X. С. 32—59.

⁷ *Миклухо-Маклай Н. Д.* Описание персидских и таджикских рукописей... С. 176—182.

⁸ Тарйх-и 'аламārā-йи 'Аббāси та'лиф-и Искандар бег Туркмāн. Исфахан, джилд 1. 1334/1956. С. 184—187.

⁹ Подробнее см.: *Костыгова Г. И.* Персидские и таджикские рукописи «Новой серии» ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина: Алфавитный каталог. Л., 1973. С. 37. № 113; см. также: *Акимушкин О. Ф.* Искандар Мунши о каллиграфах... С. 24.

¹⁰ *Миклухо-Маклай Н. Д.* Описание персидских и таджикских рукописей... № 341.

НАУЧНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ТЕКСТА ПАМЯТНИКА И «КРИТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ» *

Прежде чем непосредственно приступить к теме, вынесенной в заглавие, представляется необходимым остановиться на некоторых общих и частных проблемах, связанных с текстологическими исследованиями. Очевидно, излишне будет повторить здесь некоторые положения общей текстологии,¹ с тем что-

* Статья впервые была опубликована в сб.: *Источниковедение и текстология средневекового Ближнего и Среднего Востока. М., 1984. С. 13—29.*

В статье рассматриваются текстологические вопросы изучения и издания памятников на материале только персоязычных литературных и исторических повествовательных источников. В основу статьи положен доклад, прочитанный 4 апреля 1981 г. на Бартольдовских чтениях в Москве. Автор приносит свою искреннюю признательность Е. А. Давидович, по инициативе и предложению которой был написан сначала прочитанный доклад, а затем настоящая статья, в которой учтены пожелания участников дискуссии, вызванной упомянутым докладом.

бы в дальнейшем уже не обращаться к ним, касаясь, например, того, что понимается под техническим термином «критический текст». К сожалению, различные востоковеды (и филологи, и текстологи) вкладывают в этот термин разный смысл, толкуя его обычно с субъективно-формальных позиций, внося тем самым ненужную сложность в понимание конкретного результата изучения и научного исследования текста. Естественно, оговоримся сразу, мы не претендуем на всестороннее и исчерпывающее объяснение затронутых в сообщении вопросов и проблем. Конечно, в статье прозвучат и критические замечания в адрес тех или иных изданий (а значит, и их подготовителей). Но очень хотелось бы, чтобы эти замечания не были восприняты как критиканство, поскольку, только критически осмысляя свои успехи и неудачи, достижения и ошибки, мы можем увидеть перспективу и дальнейший путь научного исследования.

Широко признано, что текстология является специальной областью знания, научной дисциплиной, результатами которой широко пользуются литературоведение и историческое источниковедение и которая в силу своего комплексного характера и полиаспективных методов исследования требует от специалиста обширных историко-филологических знаний и значительного опыта в работе над разнообразными текстами. Как всякая наука, она имеет объект исследования, свои цели и методы, свой научный инструментарий. Текстология — это наука, которая в первую голову занимается историей, процессом сложения текста дошедших до нас памятников. Она не есть «прикладная филология» по преимуществу, не сумма филологических технологий и не набор технических приемов, применение которых даст «подлинный» текст в руки исследователя. Издание памятника является лишь одной из целей этой науки. Академик Д. С. Лихачев отмечает: «Текстология ставит себе целью изучить историю текста памятника на всех этапах его существования в руках у автора и в руках его переписчиков, редакторов, компиляторов, т. е. на всем его протяжении, пока только изменялся текст памятника».²

В основе современной текстологии лежит принцип историзма. Этот принцип означает, что если памятник, возникший под пером его автора в определенных общественно-исторических условиях, дошел до наших дней, подвергшись всякого рода «исправлениям», «пояснениям» и «подновлениям» книжников, переписчиков и редакторов (последние чаще сознательно, а иногда чисто рефлекторно и просто психологически не могли не внести изменения в текст, как бы выполняя этим социальный заказ своей

эпохи), то всю «жизнь» текста этого памятника, т. е. историю его дошедшего до нас конечного варианта, следует обязательно увязывать с конкретно-исторической действительностью, с социально-политической и идеолого-мировоззренческой атмосферой, в которой жили автор памятника, его последующие модификаторы и «соавторы». Совершенно справедливо в этой связи замечает Д. С. Лихачев: «История текста явилась в известной мере историей их создателей... На первое место в текстологии выступает человек и общество в том их новом понимании, которое дает исторический материализм».³

Таким образом, задача текстолога не ограничивается только изданием текста памятника, который был бы понятен современнику. Эта задача значительно шире и сложнее: сначала воссоздается картина жизни текста, т. е. его история, а затем уже сам текст, который был бы наиболее близок либо к авторскому оригиналу, либо к определенной редакции, представленной в наиболее надежных и аутентичных списках. Такой подход отнюдь не исключает в известной степени формальной классификации привлеченных к исследованию списков, выявления сходства и расхождений между ними, установления общих протографов и вычеркивания стемм. Но установление такой классификации не является теперь основной задачей современной текстологии. Без тщательного учета результатов и выводов проделанной над текстом памятников текстологической работы в настоящее время немислимы последующие их исследования литературоведами, источникововедами, историками. Словом, работа текстолога — это основание и фундамент для их работ.

Естественно, с расширением понимания задач и целей текстологии в связи с тем, что они теперь уже не ограничивались только прикладным характером издания «правильного» текста, изменились и требования к научной «вооруженности» специалиста-рукописника. «Хороший текстолог обязан широко “охватывать” предмет своего изучения. Чем больше он привлекает данных из области палеографии, археографии, литературоведения, истории, искусствоведения и пр., тем более убедительные выводы он строит, тем неопровержимее его построения».⁴ И еще: «Текстолог должен быть историком и историком литературы, историком общественной мысли и историком быта; он должен знать историю церкви, палеографию, археографию, историю языка. Это минимум».⁵

С приведенными словами Д. С. Лихачева синхронно перекликаются выводы Е. Э. Бертельса: «Издание памятника — ра-

бота не механическая и не чисто техническая. Это особый вид сложной исследовательской работы. Прежде чем начинать ее, нужно постараться изучить издаваемого автора, установить его место в истории литературы и место подготавливаемого памятника среди всего его творчества, надо получить представление о словаре данного автора, о характерном для него стиле... Филолог должен быть и историком, и литературоведом, и лингвистом; без необходимых знаний его работа будет обречена на неудачу».⁶ Это абсолютно верные и справедливые слова. Весь опыт востоковедов, работающих над текстами рукописных памятников, подтверждает эти положения. Не секрет, что не всякий научный работник-филолог может быть текстологом, т. е. специалистом, овладевшим всем необходимым инструментарием для исследования текста, его истории и тех изменений, которые он претерпел за время своего существования. Здесь можно привести немало примеров, когда эту азбучную истину просто игнорировали либо от нее отмахивались: считали, что издание памятника — дело несложное, что это прежде всего механическое выписывание разночтений по одному или нескольким спискам. И текстологическую работу, архисложную и тонкую, кропотливую и изнурительную поручали молодым специалистам, только что со студенческой скамьи, совершенно к подобной работе неподготовленным, полагая, что в процессе работы над текстом они постигнут тайны этой науки. В результате такая работа с самого начала была обречена на неудачу.

Обратимся к тем знаниям, которые (не в идеале) необходимы текстологу. Он должен:

1) обладать хорошим знанием языка, особенно языка той эпохи, когда был создан памятник, выбранный для исследования, а также разбираться в особенностях (иногда диалектологических) языка региона, где памятник был написан;

2) уметь читать тексты, написанные различными почерками, употребительными в разные эпохи, в связи с их функциональным назначением, т. е. знать палеографию, а также систему орфографии этих почерков. Для иранистов, например, это прежде всего классическая арабская «шестерка» (мухаққак, рейхан, сулс, рика', тауки' и насх), та'лиқ и наста'лиқ с их скорописными модификациями шекесте-йи та'лик и шекесте-йи наста'лиқ;

3) знать историческую лексикологию и диалектологию (особенно лексику региона в ту эпоху, когда был создан изучаемый памятник), знать язык памятников, современных отобранному им, т. е. быть начитанным, а также хорошо представлять себе

жанровые особенности памятника и литературный этикет времени его создания;

4) знать стилистические и фразеологические тонкости языка данного автора, а также всего круга памятников или литературного направления, представленного им;

5) четко знать историю текста памятника, его авторские и неавторские дополнения, варианты, версии и редакции, чтобы отобрать лучшие списки для подлинно научного издания;

6) знать исторические условия, приведшие к появлению новой авторской (или неавторской) редакции варианта (расширенного или сокращенного) и т. п.;

7) знать историческую топонимику, бытовые реалии, специальную (например, поэтологическую), социально-экономическую, теолого-богословскую, религиозную терминологию.

Наконец, при всем этом текстолог обязан также учитывать:

а) этико-моральные позиции автора, его поведенческие принципы и оценочные категории; эти же факторы должны учитываться, когда сочинение дается в списках, весьма отдаленных во времени от даты его создания; б) источники, использованные автором, их происхождение и среду; в) также те источники, в которых был использован рассматриваемый труд, поскольку сочинения, современные ему (особенно в ранних списках), весьма помогают при анализе текста, существенно его корректируя.⁷

Вот каким должен быть инструментарий текстолога — исследователя рукописей.

Приступая к исследованию памятника, текстолог должен четко представлять себе цели и задачи исследования, а затем и адресат, т. е. «потребителя» издания этого памятника. Споры нет, что совершенно различные цели ставят перед собой, а затем их и реализуют, с одной стороны, исследователь-лингвист, для которого, например, старейший список будет отражать древнейшие нормы языка и который заинтересован в воспроизведении всех списков памятника, чтобы говорить об истории языка и об эволюции орфографии и графики, а с другой — литературовед и историк, для которых древнейший список не решает проблемы, так как им важно выяснить движение текста, его историю; следовательно, публикация древнейшего списка не является для них наиболее приемлемым выходом, поскольку древнейший список не всегда дает старейший текст памятника (что в полной мере относится и к редакциям сочинения). Если для языковеда лучшее решение вопроса — прямое воспроизводство текста, т. е. факсимильное издание памятника, которое отразит все осо-

бенности письма (и языка), то для литературоведа и историка нужен аппарат решений, где бы отмечались стилистические, лексические, фразеологические и другие особенности текста по привлеченным к исследованию спискам. Кроме того, вряд ли чтение первого удовлетворит последних, так как перед ними стояли разные задачи.

Словом, научные издания даже одного и того же памятника должны отличаться своим адресатом, а подготовители не должны смешивать или сводить воедино в одном издании принципы и основы изданий, применяемые как лингвистами, так и литературоведами и историками. Это разные издания по своей направленности. Поэтому не следует пытаться вводить как вготавливаемый текст, так и в аппарат сноска фиксацию орфографических отличий в написании тех или иных слов в использованных списках, так как последнее, кроме утяжеления и усложнения аппарата, а следовательно, и усложнения работы с таким изданием, ничего не принесет.⁸ Тем более что (как показали работы иранского проф. Дж. Матини по исторической орфографии персидского языка) подавляющее большинство старых (IX—XIV вв.) манускриптов, дошедших до нас, имеют неустойчивую и нечетко фиксированную орфографию.⁹

Подготовка к изданию памятника художественной прозы существенно отличается от работы над нарративным же историческим трудом, точно так же как работа над эпосом или стихотворным сочинением больших форм (маснави) — от подготовки к изданию собрания стихотворных произведений малых форм (диван). Особенно возрастают трудности в последнем случае, когда до нас не дошел диван, составленный самим автором, и когда эту миссию выполнили за него (обычно после кончины поэта) его друзья, коллеги по профессии или почитатели его таланта. В подобной ситуации у нас уже не будет никакой уверенности (если в их распоряжении не находился авторский сборник — *сафине*, *байаз* или *джунг*), что они собрали все стихотворения, вышедшие из-под калама поэта. Сделать это было, конечно, очень сложно, так как поэт писал стихи, они расходились, их собирали любители и ценители его поэтического дара, собраты по поэзии и т. п. Одни из них собирали все его стихи в своих альбомах, другие записывали только то, что им более всего приходилось по душе, третьи же подбирали стихи на определенную тему, сюжет, фигуру и т. п. С этих альбомов снимались копии, с последних делались другие списки, которые широко распространялись по всей стране. Словом, шел обычный процесс культурной «цепной реакции».

Остановимся в качестве примера на диване Шамс ад-Дина Мухаммада Хафиза (ум. 1389). Известно, что сам поэт не составил при жизни полного дивана. Он был составлен за него неким (скорее мифическим) Мухаммадом Гуланджомом из Шираза, который в предисловии сетует на то, что Хафиз мало обращал внимания на фиксацию своих стихов и что ему пришлось собирать их повсюду с помощью друзей и почитателей таланта поэта. Вместе с тем заметим, что в семи своих газелях поэт ссылается на сборник (*сафине*) принадлежащих ему стихов. Вполне допустимо, что именно этот сборник послужил основой для составления дивана. В настоящее время известны 14 датированных списков дивана и различных по объему подборок стихотворений Хафиза, содержащих от 43 (список ИВ ТаджССР, № 555) до 496 (список Библиотеки Нури Османийя, № 3822) газелей и переписанных между шаввалем 805/апрелем 1403 г. (ИВАН ТаджССР) и 825/1421—1422 г. (Нури Османийя). Расхождения между целыми диванами по числу газелей весьма значительны. Например, диван раджаба 813/ноября 1410 г. (Айя-София, № 9945) содержит 455 газелей, диван 822/1419 г. (Реван Кушкю, № 948) — 442 газели, а упомянутый диван 825/1421—1422 г. — 496 газелей.¹⁰ В то же время 11 остальных списков¹¹ дают нам некоторые (уже не столь значительные) дополнения, что позволяет говорить, во-первых, о наличии устойчивого ядра газелей «Диван-и Хафиз» и, во-вторых, о том, что по мере нахождения новых стихов это ядро пополнялось (видимо, в прямой зависимости от места переписки) в течение первых 30 лет XV в. различными темпами, достигнув устойчивой цифры в пределах 480—500 газелей, о чем свидетельствуют наиболее компетентные научные издания «Диван-и Хафиз», предпринятые в Иране в 1941 г. А. Гани и М. Казвини (495 газелей), в 1977 г. — Р. Уйузи и А. Бехрузом (507) и в 1980 г. — П. Нателханлари (486 газелей).

Отсюда и происходит основная сложность в работе текстолога-хафизоведа, который просто не может отмахнуться от каждой газели, имеющей *тахаллуф* Хафиз. Ведь поэт, говоря современным языком, не подписал «в печать» свой диван. Поэтому необходим весь комплекс литературоведческого (включая фразеологический, лексический и стилистический), текстологического и историко-филологического анализа, чтобы можно было ответить на вопрос, подлинное, оригинальное ли это стихотворение Хафиза. А сколько за этим стоит мучительных раздумий, длительных поисков, отвергнутых гипотез, скрупулезных разы-

сканий! К счастью, большинство представителей классической литературы на персидском языке тщательно собирали свои стихи, намереваясь составить собственный диван. Тем самым они сами подписывали в печать свои произведения, вошедшие в него. Если же поэт продолжал писать стихи, то он пересматривал старый состав с учетом новых произведений, и таким образом появлялась новая редакция (либо вариант) дивана, содержащая все стихи, написанные до определенного времени, после которого на базе того же хронологически-возрастного принципа создавался следующий диван, и т. д. Трудности в исследовании подобных памятников возникают перед текстологом тогда, когда выясняется, что автор по каким-то личным мотивам не включил в новую редакцию ряд своих произведений, представленных в ранней редакции. Причины, коими он руководствовался, могли быть самыми разнообразными: чисто конъюнктурные, политические, идеологические, самокритика, наконец. Кроме того, поэт мог включить в новый состав дивана и прежние стихи, но в весьма переработанном виде. Вместе с тем заметим, что мы до сих пор точно не знаем, насколько состав стихотворений хронологических диванов соответствовал времени их действительно создания. Во всяком случае, четкое исследование покойного проф. Х. Сулеймана, посвященное лирике 'Алишера Навои (1441—1501), показало, что «возрастное» деление тюркских стихов поэта совершенно условно и что каждый из его четырех диванов содержит стихи, созданные им в разные периоды жизни.¹² По всей видимости, так обстоит дело со всеми «возрастными» диванами тех поэтов, которые провели такое разделение своих стихов на отдельные сборники уже в достаточно зрелом возрасте; назовем, например, Амира Хосрова Дихлави (1253—1325) и 'Абд ар-Рахмана Джамии (1414—1492).

Думается, что наиболее целесообразный выход из такого положения — это исследование и издание раннего дивана, подвергнувшегося впоследствии разукрупнению. Только после того как исследователь памятника самым тщательным образом изучил, сравнил и сопоставил дошедшие до нас его списки (в идеале, конечно, лучше бы все), установил их взаимосвязь, вычертив стеммы, выяснил историю текста, его редакции и т. п., он сможет определить, каким будет подготавливаемый текст. Цель, которую в данном случае ставит перед собой текстолог, состоит по вариантам, видимо, в том, чтобы подготовить: 1) текст, наиболее близкий к авторскому (особый случай — наличие автографа либо копий, сверенных с автографом, либо копий, непосредственно вос-

ходящих к нему¹³); 2) текст какой-либо точно установленной авторской редакции (либо версии, варианта), если же последняя не вычленяется, то неавторской точно установленного периода; 3) текст, документально приближенный к тексту, представленному в списках определенного века, скажем XIII (*Фирдоуси. Шахнаме. Т. 1—9. М., 1960—1971*). В данном случае важную роль играют дошедшие до этого времени списки (либо группы списков), которые могли бы составить прочную базу для всей последующей работы над исследованием текста; 4) выявление как первый этап позднейшей из серии обработок, редакций и сокращений текста-основы (это равным образом относится и к переводам), т. е. первоначального авторского текста памятника, когда авторский текст не дошел до нас, равно как не дошла до нас и одна (или более) промежуточная редакция или обработка. Это наиболее сложный вид подготовки текста памятника, и задача состоит не столько в том, чтобы как-то сразу приблизиться к авторскому тексту; конечная цель достигается поэтапно: сначала необходимо установить позднейшую редакцию или обработку, опираясь на которую можно будет вычленить предшествующую ей, и т. д. Наиболее ярким примером является многослойный текст персидского перевода арабского сочинения «Гарйх-и Бухарā» Наршахи, подвергшийся многочисленным (не менее чем четырем) обработкам, сокращениям, дополнениям и редакциям.¹⁴

Особо следует остановиться на понятии «редакция текста». С моей точки зрения, акад. Д. С. Лихачев дает четкое, стройное и, видимо, на сегодняшний день единственно верное определение этого понятия: «...редакции объединяются не общими механическими ошибками и сходными местами, а определенными проведенными в них идеями, стилистическими принципами и т. д. Каждая редакция памятника — это отнюдь не механический этап в его жизни, не результат общих ошибок, передававшихся от архетипа к спискам, как это думают текстологи, применяющие механические приемы анализа, а результат сознательной, целеустремленной деятельности одного из книжников».¹⁵

Итак, редакция — это определенный и устойчивый этап в развитии текста. В силу хотя бы этого обстоятельства нельзя сводить воедино несколько редакций одного и того же памятника. Это недопустимо уже потому, что в принципе текст каждой редакции имеет право на отдельное и специальное исследование, а затем и издание. К сожалению, все известные мне крупные и масштабные проекты, предпринятые нашим Институтом, такие, как подготовка и издание текстов «Джāми' ат-таварйх»

Рашид ад-Дина, «Хамсе» Низами Ганджави и «Шах-наме» Фирдоуси, а из менее крупных — издания «Гулистана» и «Бустана» Са'ди, выполненные Р. М. Алиевым (не считая ряда других, выпущенных в свет у нас в стране), нарушили это основное методологическое правило критики текста и текстологии. Как бы ни были эти издания скрупулезно выполнены, сколь бы ни был в нем продуман и удобен аппарат ссылок, как бы ни было в них много установлено правильных чтений, разгадано текстовых загадок и выявлено интерполяций, с точки зрения этого основного положения, они не выдерживают серьезной критики.¹⁶

Не останавливаясь на вопросе отбора списков для последующей работы над изучением текста памятника, хочу сказать, что именно в этой области советские востоковеды-текстологи (Е. Э. Бертельс, А. Н. Болдырев и их ученики, главным образом иранисты и тюркологи) выработали весьма стройную и научно строгую систему. Хорошо известно, что наиболее популярные и широко читавшиеся памятники классической персидской литературы, дошедшие до нас в нескольких сотнях списках каждый, содержат изрядно испорченные тексты, иногда весьма далеко отстоящие от вышедших из-под пера их создателей. Тексты этих сочинений не выдержали груза популярности и времени. Но как должен поступить текстолог, если наипервейшее правило текстологии требует обязательного изучения всех известных списков памятника для того, чтобы затем отобрать из их числа списки с наиболее удовлетворительным текстом, а перед ним — десятки и сотни его списков? Как начать, например, работу над «Шах-наме», если известно, что в мире существует около 600 списков разного времени переписки; над «Диван-и Хафиз» — около 450 списков, над «Хамсе» Низами — около 220—230 списков (вместе со списками отдельных поэм около 600), над «Бустаном» и «Гулистаном» Са'ди — около 150 и 330 списков соответственно? Выход, до известной степени новаторский, был найден А. А. Ромаскевичем (см. прим. 16) и развит и обоснован Е. Э. Бертельсом в процессе работы над текстами «Хамсе» и «Шах-наме».¹⁷ Основная идея заключается в том, что анализируются все старейшие списки, а для проверки привлекаются лучшие из списков, переписанные в более поздние века, скажем, в XV и XVI. Конечно, этот принцип не дает стопроцентной гарантии того, что упущений не будет. (Пример: удивительное сходство и близость текста флорентинского «Шах-наме» 1217 г. и «Шах-наме» из музея Западного Берлина 894/1489 г.) Тем не менее в этом принципе — я бы назвал его «принципом коррек-

ции» — заложена правильная методологическая основа текстологической науки: сначала изучается текст по всем отобраным старейшим спискам, устанавливается его история (этапность редакций, устойчивых обработок, подновлений т. п.), отбираются лучшие списки и выбирается вариант подготовки текста или тип издания. К сожалению, этот принцип был в известной степени декларирован, но не более, поскольку, как было показано выше (прим. 16), во всех отмеченных изданиях выявленные и отмеченные редакции, что поразительно, были сведены воедино. Меньше всего в этом отношении пострадало издание «Джāми‘ ат-тавāрийх» Рашид ад-Дина.

Подводя некоторый итог сказанному выше, отметим общие недочеты и ошибки, характерные как для упомянутых изданий, так и для тех, на которых я специально не останавливался: 1) недостаточное внимание на первом этапе работы к тексту отобранных априори старейших списков; практическое изучение истории текста представленного в этих рукописях памятника начиналось тогда, когда уже составлялся сам текст, в то время как, начиная составление текста, подготовитель уже должен был знать, какую редакцию, вариант или обработку и по каким спискам он будет составлять; 2) магия старейших списков, стремление собрать их как можно больше и полное забвение истории текста; а так как старейшие списки часто давали (и, как правило, для многослойных памятников) разные редакции, то, будучи выявленными, они, тем не менее сводились вместе; 3) текст памятника не изучался комплексно; при таком изучении важны не столько отдельные факты, сколько их взаимосвязь, их сочетание и их система; последнее помогает уловить взаимосвязь между разночтениями отдельных редакций памятника; 4) декларирование в ряде изданий «объективно-пассивного и субъективно-активного подхода к тексту» (*Алиев Р.* Воля исследователя и проблема метода составления критического текста // ППВ: Ежегодник 1968. М., 1970. С. 9) приводило лишь к усилению субъективизма в выборе «правильных» чтений, не подкрепленных соответствующей филологической базой исследования.

Всего этого можно было бы избежать без особых усилий, если бы не «ломиться в открытую дверь» текстологических проблем, которые давным-давно разрешены текстологами-русистами и классицистами. Нужно было только обратиться к их опыту, столь отменно суммированному Д. С. Лихачевым в его «Текстологии», и использовать его с учетом специфики и особенностей восточных памятников письменности.

Продлав всю необходимую аналитико-исследовательскую работу над текстом, текстолог (будь он лингвист, литературовед или историк) обязан избрать вид или тип, которому он в дальнейшем при издании должен следовать без малейших отклонений. Очевидно, классификация подобных видов или типов будет выглядеть следующим образом: 1) отбор только одного, признанного по всем своим данным лучшим, списка. В тексте допустимы исправления лишь явных ошибок и огрехов, сделанных писцом (практически без конъектур), т. е. следует отказаться от «воли исследователя»; 2) определение и отбор списка с лучшим и наиболее удовлетворяющим исследователя текстом как основного и базового. При этом допустимо вводить в подготовленный текст предпочтительные чтения и коррективы по другим отобраным спискам и тщательно отмечать имеющиеся варианты чтения в аппарате ссылок и разночтений. (Заметим, что число положительных рецензий при издании одной редакции бывает весьма незначительным; ср. издания, например, Рашид ад-Дина, Фирдоуси и др.); 3) отбор в базовую группу нескольких списков, очень близких как по своему тексту, так и по времени переписки либо восходящих к одному протографу списков, с привлечением других рукописей для коррекции и уточнения чтений и обязательной фиксации их существенных различий в аппарате; 4) составление текста (в результате критического анализа и изучения) и отбор лучших чтений по многим спискам ввиду невозможности отдать предпочтение какому-либо одному из них. Классический пример — издание «Мемуаров» Васифи, превосходно выполненное А. Н. Болдыревым. После длительной и скрупулезной работы над текстом Васифи он убедительно доказал, что Васифи написал несколько черновых вариантов редакционного характера своих «Мемуаров», но так и не успел создать одну беловую авторскую редакцию.

Я хочу еще раз подчеркнуть, что выбору этих видов или типов предшествует тщательная работа по изучению текста памятника для выявления его истории (редакций, вариантов, обработок и т. п.). При этом, конечно, широко используется тот инструментарий текстолога, о котором речь шла выше. Для всех этих типов, следовательно, характерно одно обстоятельство, один важнейший фактор — критика текста, представленного в отдельных списках памятника, которая заключается в критическом отборе, сличении, анализе и синтезе возможных чтений, и их обязательная строгая документация.

Если мы обратимся к нашим отечественным изданиям (впрочем, не только к нашим), то увидим на их титульных листах следующие определения изданных текстов: 1) критический, 2) научно-критический, 3) сводно-критический, 4) сводный. Давайте посмотрим, что скрывается за этими определениями, имеются ли — и если имеются, то каковы — критерии, которые позволяют подготовителям давать подобные дефиниции составленным ими текстам. Соответствуют ли эти определения тем методам, о которых речь шла выше?

Что же такое «критический текст»? Это технический термин, применяемый в текстологии, означающий, что предлагаемый вниманию специалистов текст в зависимости от задачи, поставленной исследователем, доведен (или составлен) до определенного этапа его истории (ср. выше). При этом используется весь необходимый текстологический инструментарий для критического отбора, анализа, сопоставления, синтеза лучших и предпочтительных чтений с обязательной и строгой фиксацией непринятых чтений в аппарате ссылок и разночтений. Таким образом, этот термин показывает, какая научная работа была проведена над текстом памятника, представленным в отдельных списках. Следовательно, этим термином обозначают текст, который прошел через сито тщательной научной критики текстолога. И только! Но научный подход обязателен при любом методе подготовки текста из четырех упомянутых нами выше. Без такого подхода не может быть научного издания. Вместе с тем мы не можем сказать, что именно такому-то определенному методу соответствует понятие критического текста, а вот такому-то — сводно-критического, и т. д. Кто и когда определил, что текст, составленный на основе одного базового списка или двух — это критический, а на основе трех-четырёх или на группе базовых списков — это сводно-критический, а если он составлен с привлечением многих списков (без базового), то тогда этот текст — сводный?! А почему пять или, скажем, семь списков, взятых за основу, не могут дать критического текста? Поэтому, как мне представляется, этот технический термин, отражающий работу над текстом, т. е. научную работу, не следует смешивать с методом исследователя текста или с типом его издания, как, впрочем, и с другими указанными методами. Точно так же не следует противопоставлять сводный текст какому-то критическому, поскольку, во-первых, сводный текст есть результат критического подхода к тексту памятника, а во-вторых, мне не известно ни одного издания текста памятника (как бы

при этом он ни был определен), чтобы в его аппарате ссылок и разночтений не было бы представлено положительных рецензий, т. е. вынесенных под строку в аппарат чтений списка (списков)-основы. На это обстоятельство указывали как Е. Э. Бертельс,¹⁸ так и А. А. Ромаскевич.¹⁹ Как это ни печально, тем не менее следует признать, что каждый подготовленный текст все же несет в себе элементы разных чтений.

О дефиниции «научно-критический текст» можно сказать, что это есть не что иное, как чистая тавтология типа «масло масляное», ибо научный подход к подготовке текста — это есть критический подход. Итак, с точки зрения подхода к исследованию и подготовке текста памятника, все указанные выше методы должны быть научными, а, следовательно, и критическими. Разница существует только в методах подготовки текста и в типе его издания, а подход только один — научный. Исходя из изложенного выше, видимо, следует отказаться от субъективных определений, которые составители дают подготовленным текстам по своему усмотрению, поскольку эти определения (за исключением понятия «сводный») не имеют под собой реальной и объективной научной почвы. Думается, что если мы будем писать и говорить «издание текста такого-то (таких-то)»,²⁰ памятуя, что это издание сугубо научное, в предисловии к которому обязательно отмечается метод критики текста, освещается вся работа текстолога по выяснению его истории (редакций, слоев, обработок, вариантов и т. п.) от дней автора до времени издания (либо до определенного этапа в его истории) и который снабжен надлежащим аппаратом²¹ для фиксации разночтений, интерполяций и огрехов писцов, то мы избавимся не только от явной путаницы, но и от вредного в науке субъективизма. Что же касается факсимильных изданий, т. е. фототипического воспроизведения текста по одному списку, то их следует, видимо (если, конечно, оно не снабжено предисловием, в котором рассмотрены цель и адресат издания, прослежена и исследована история текста и т. д.) называть «публикация текста такого-то (таких-то)».²² Это же определение можно распространить и на наборное издание текста памятника только по одному списку, которое не предваряется соответствующим текстолого-филологическим, литературоведческим или историческим исследованием.

В заключение хотелось бы заметить, что просчеты и ошибки, допущенные нами в текстологических исследованиях (наряду с несомненными значительными успехами и достижениями), представляются мне естественными и закономерными. Вспом-

ним, что каких-нибудь 30—40 лет назад исследование текстов было уделом исключительно узкого круга филологов. А теперь над памятниками работают сотни специалистов. Ныне, когда развивающиеся страны Востока, обретя независимость, стали глубоко, живо и всесторонне интересоваться своей историей, национальной культурой и ролью последней в мировом культурном процессе прошлого, они, естественно, обратились к своему национальному наследию, которое сохранилось и дошло до наших дней в письменных памятниках, памятниках их словесности. Понятно, что ныне роль текстологии как науки, призванной раскрыть эти памятники, удовлетворить этот законный громадный интерес восточных народов к своему национальному достоянию, чрезвычайно возрастает, а некогда «кабинетная» наука становится исключительно актуальной.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Общая теория восточной текстологии (во всяком случае в виде специального исследования монографического плана) в востоковедении еще не сформировалась в полном и законченном виде. В то же время имеются все основания говорить о том, что усилиями двух поколений советских востоковедов (главным образом работами А. А. Ромаскевича, Е. Э. Бертельса, А. Н. Болдырева, Л. Н. Гюзальяна, О. И. Смирновой, М. Н. Османова и др.) были установлены специфические черты и особенности, отличающие ее, например, от классической или древнерусской. Тем самым фундамент (и весьма основательный) заложен. Имеются в виду: а) «метод коррекции» предложенный А. А. Ромаскевичем, развитый и обоснованный Е. Э. Бертельсом; б) теоретическая разработка А. Н. Болдыревым проблемы сводного текста при отсутствии белой авторской редакции; в) постановка вопроса о социальной и индивидуальной психологии переписчика на мусульманском Востоке, который по своему общественному статусу весьма отличался от своего собрата по профессии в Европе, Византии и на Руси. Проблемы, возникающие при исследовании текста любого памятника, практически одни и те же, и они в своей основе (за исключением специфических моментов) не зависят от того, на каком языке написан тот или иной текст и в каком культурном регионе. Поэтому у меня не возникает никаких сомнений в том, что общие положения теории текстологии, разработанные нашими специалистами в области древнерусской литературы (Б. Б. Томашевский и особенно Д. С. Лихачев), вполне эффективно действуют в основных чертах и при текстологическом исследовании восточных памятников (по крайней мере, на арабском, персидском, таджикском и тюркских языках).

² *Лихачев Д. С.* Текстология: На материале русской литературы X—XVIII вв. М.: Л., 1962. С. 23.

³ Там же. С. 24—25.

⁴ Там же. С. 28.

⁵ Там же. С. 549.

⁶ *Бертельс Е. Э.* Вопросы методики подготовки критических изданий классических памятников литератур народов Ближнего и Среднего Востока //

Первая всесоюзная конференция востоковедов: Тезисы докладов и сообщений. Ташкент, 1957. С. 237—242.

⁷ В качестве примера такой коррекции можно указать на чтение бейта в «Гулистане» Са'ди, предложенное Р. М. Алиевым, и чтение этого же бейта (точнее, одного слова), приведенного Шихаб ад-Дином 'Абдаллахом Ширази, широко известного как Вассаф, в своем историческом труде «Гаджзийат ал-амсар ва тазджийат ал-а'сар» (712/1313 г.). Р. М. Алиев предложил читать *махдуми* («некий прислужник»). В. Ф. Минорский же, указав на ошибочность толкования бейта, приводит правильное чтение, отмеченное Вассафом, — *махбуби*, где это слово понято как «некое милое существо». Причем Вассаф привел этот же бейт в полном стихотворении Са'ди, переведенным на арабский язык. См.: *Минорский В. Ф. Тексты персидских классиков // КСИНА. 1964. № 65. С. 105—111.*

⁸ Примером может служить издание «Джами'ат-таварих» Рашид ад-Дина, когда в подготовленном тексте были «сохранены встречающиеся в рукописях раннего периода старые формы некоторых слов» (*Али-заде А.* От составителя научно-критического текста // *Фазлуллах Рашид-ад-Дин. Джами ат-таварих. Т. 3. Баку, 1957. С. 3*); в то же время графемы персидского алфавита, приведенные в списках в арабизированной форме, даются в современном написании (там же. С. 3—4). Первое решение не увязывается со вторым.

⁹ Исследования и выводы проф. Дж. Матини вызывают большой интерес у палеографов еще и тем, что он убедительно доказал, что, основываясь и опираясь на «старую орфографию», датировать рукописи с большой степенью точности (25—50 лет) практически невозможно. Взятый сам по себе этот способ датировок является очень ненадежным и неточным. См.: *Матини Дж.* 1) Расм ал-хатт-е фарси дар гарн-е панджом-е хиджри // *Маджалле-йе данешкаде-йе адабийат-е данешгах-е Машхад, сал-е севвом. 1346/1367. № 2—3. С. 159—206*; 2) Тахаввол-е расм ал-хатт-е фарси аз гарн-е шешом та гарн-е сиздахом-е хиджри // *Маджалле-йе данешкаде-йе адабийат -е данешгах-е Машхад, сал-е чахаром. 1347/1968. № 3. С. 125—162.*

¹⁰ См.: *Диван-и Хафиз Бар асас-е се носхе-йе камел-е кохан-е му'аррих ба салха-йе 813, 822 и 825 хиджри-йе камари. Ба тасхих-е д-р Рашид 'Уйузи и д-р Акбар Бехруз. Табриз, 1977. С. 15—21.*

¹¹ Списки эти следующие: 807/1404—1405, раби'II 808/октябрь 1405, 810/1407—1408, 811/1408—1409, раджаб 813/ноябрь 1410, 813—814/1410—1412, 816/1413—1414, 12 раби'I 818/20 мая 1415, 821/1418, 822/1419, 824/1421 гг. Кроме того, имеются три более поздних списка: 827/ 1423—1424 г. (список Халхали), 836/1432—1433 г. и 817—838/1414—1435 гг.

¹² *Сулейман Хамид.* Текстологическое исследование лирики Алишера Навои: Автореф. докт. дис. Ташкент, 1961. С. 27—29.

¹³ Видимо, лучшим способом издания текста по автографу будет его факсимильная публикация, предваренная введением-исследованием. Именно такой путь избирает подавляющее большинство исследователей. Вместе с тем есть исключения (правда, редкие). Мы имеем в виду издание трех поэм из первой «Хамсе» («Пятерица») весьма плодovitого персидского поэта 'Абди-бека Ширази (1515—1580), предпринятое азербайджанским исследователем его творчества Абу-л Фазлем Рагимовым по автографу от 13 мая 1578 г. с привлечением текста поэм по «Куллийату» («Полное собрание»), переписанному в 969/1561—1562 г. Последний привлекается для того, чтобы «довести до читателя оба варианта и показать последующую работу поэта над своими произведениями» (см.: *Абдибек Ширази. 1) Хафт ахтар / Подгот. текста А. Рагимова. М., 1974. С. 11;*

2) Айн-и Искандари / Сост. текста и предисл. А. Г. Рагимова. М., 1977. С. 7). Но вот именно этого-то читатель и не видит. А. Рагимов дал без изменений текст по автографу 1578 г., что абсолютно верно. Вместе с тем формальная регистрация разночтений, а также добавленных и опущенных бейтов по тексту поэм, содержащихся в «Куллийате», представляется необоснованной, хотя на первый взгляд это выглядит фундаментально. Дело в том, что подготовитель текста трех этих поэм («Маджнун ва Лайли», «Хафт ахтар» и «Айн-и Искандари»). М., 1966; 1974; (1977) был обязан проследить в своем предисловии историю текста двух вариантов каждой поэмы, раскрыть и объяснить их отличия (не только количественные), а не оставлять всю эту работу литературоведам и текстологам. В результате нужное и полезное издание не было доведено до конца в своей исследовательской части.

¹⁴ Смирнова О. И. Некоторые вопросы критики текста («Сборник летописей» Рашид-ад Дина, «Шах-наме» Фирдоуси и «История Бухары» Наршахи) // ППВ: Ежегодник 1968. М., 1970. С. 164—165.

¹⁵ Лихачев Д. С. Текстология... . С. 15, 116—117, 120, 122, 124.

¹⁶ Согласно А. А. Ромаскевичу, работа над текстом “Джами” ат-таварих” Рашид ад-Дина была начата в 1936 и завершена в 1940 г. К работе было привлечено семь списков, которые (после их детального изучения) образовали три группы: 1) рукопись ГПБ Ташкента (ныне находится в ИВ АН УзССР, № 1620) XIV в. и рукопись из библиотеки Реван Кушкко, № 1518 (Стамбул), переписанная в октябре—ноябре 1317 г.; 2) рукопись ГПБ № V.3.1 (Ленинград), датированная 20 июня 1407 г., рукопись Британского музея. Add. 7628 (Лондон), датированная не позднее 1433 г.; рукопись Тегеранского музея, датированная 25 мая 1596 г.; 3) рукопись ИВ АН СССР D 66, датированная 1576 г., и рукопись Парижской национальной библиотеки, которую Э. Блоше датирует XIV в., хотя, видимо, она переписана не ранее середины XV в. (см.: Ромаскевич А. А. Предисловие // Фазлуллах Рашид-ад-Дин. Джамии-ат-таварих. Т. 3. С. 7—14).

Группа 1 представляет первую авторскую редакцию, завершенную Рашид ад-Дином 25 апреля 1305 г., группа 2 — вторую авторскую редакцию 1310 г., а группа 3 — редакционную обработку, выполненную историком времен Шахруха (1405—1447) Шихаб ад-Дином Хафиз-и Абру (ум. 1430). Хотя подготовители текста составляли его главным образом на базе рукописей первой группы, тем не менее они неоднократно вводили в текст чтения, предлагаемые группами 2 и 3. Судя по их исследованию, следовало бы вообще отказаться от регистрации чтений группы 3 в аппарате сносок, так как эти чтения лишь усложнили его, фиксируя чтения неавторской редакции. То же самое необходимо было бы проделать с регистрацией чтений в аппарате по рукописям группы 2, и при этом обратить особое внимание в исследовательской части «Предисловия» на историю ее создания и указать на ее редакционные отличия (стилистические, а также на те особенности, кои пополняют фактологическую часть сочинения новыми материалами). Но эта редакция не была установлена в процессе работы над текстом памятника, представленным в рукописях группы 2.

Приблизительно так же обстоит дело и с подготовленным текстом пяти поэм («Хамсе») Низами Ганджави. Эта работа была выполнена в 1939—1941 гг. группой сотрудников АзФАН ССР под руководством Е. Э. Бертельса. В процессе изучения этих поэм последним был сделан весьма принципиальный и исключительно важный вывод для истории их текста: «рукописи, переписанные после XVI в., в сущности, для работы над текстом практически бесполезны» (Бертельс Е. Э. Работа над текстом Низами // Избранные труды Низами и Фузули. М., 1962. С. 459). Поэтому к подготовке текста были привле-

чены десять списков (четыре из них — XIV в.) и издание Вахида Дастгирди (Тегеран, 1934—1938). В основном же были использованы шесть рукописей, которые составили две группы, текст которых представлял две редакции, бытовавшие уже в XIV в. Первая группа состояла из трех списков XIV в. (1362, 1365, 1375/76) и одного списка XV в. (1493), вторая — из одного списка XIV в. (1366) и одного списка XV в. (1411). Мы не даем их описания: это сделано в указанной статье Е. Э. Бертельса. Хотя базовым списком при подготовке текста был установлен датированный 1362 г., в данном случае мы наблюдаем нарушение методологического принципа: обе редакции сведены воедино. Результат: был получен сводный текст двух редакций XIV в. и только.

В настоящее время Президиум АН АзССР принял решение о новой подготовке текста всех поэм Низами. Решение это своевременное, поскольку мы сейчас обладаем куда более широкой базой для подготовки текста: в древлехранилищах мира зафиксировано 13 списков XIV в. «Хамсе» Низами, датированные: 718/1318—1319, 763/1362, 765/1364, 766/1365, 767/1366, 773/1371—1372, 777—778/1375—1376, 779/1377—1378, 786—788/1384—1386, 788/1386—1387, 788—790/1386—1388, 790—793/1388—1390, 796/1393—1394 г. Заметим, что, видимо, давно уже настало время отказаться от подготовки текста всей «Хамсе» только по ее спискам. Сам Низами не замыслил написать «Пятерицу» сразу: она выходила из-под его пера и складывалась в течение достаточно длительного времени. Отдельные поэмы были объединены в одно целое, как бы в «собрание сочинений» не им самим, а после его смерти. Совсем другой вопрос, что поэты, писавшие ответы и *назира* на его поэмы, стремились писать таковые на полную «Хамсе». Думаю, что дело с текстами Низами значительно продвинется в сторону их большей близости к авторскому оригиналу, если мы начнем привлекать к изданию отдельных поэм Низами наиболее старые списки отдельных же поэм. Кстати, самый старый список «Искандар-наме», датирован 27 джумада II 631/30 марта 1234 г., т. е. спустя около четверти века после кончины поэта, а старейший список «Махзан ал-асрар», известный мне, переписан 9 мухаррама 710/8 июня 1310 г.

«Шах-наме» Фирдоуси. В начале 50-х годов началась подготовка к изданию текста этого грандиозного эпоса, которое было осуществлено группой сотрудников Института востоковедения АН СССР. Вся подготовка велась под руководством Е. Э. Бертельса, а после его кончины (1957) — коллективной редакцией. Для издания были отобраны четыре списка. Это — рукописи: 675/1276—1277 г. (Британский музей Add. 21103, Лондон); 733/1333 г. (ГПБ Домп, 329, Ленинград); 849/1445 г. (ИБ АН СССР С 1654); середины XV в. (ИБ АН СССР С 822). Подробное текстологическое описание этих рукописей см.: *Бертельс А. Е., Гюзальян Л. Т., Смирнова О. И.* Новое издание «Шах-наме» // КСИВАН. 1955. № 13. С. 3—12. Кроме того, был широко использован арабский перевод эпоса Фирдоуси, выполненный в 1218—1227 г. ал-Фатхом ал-Бундари. Как показала последующая работа над текстом, база для его подготовки была достаточно солидной, хотя ее можно было подкрепить двумя-тремя датированными списками XIV в. Цель издания — текст, бытовавший в XIII в. У меня язык не повернется назвать нарушением текстологического принципа то, что не было просмотрено большинство списков «Шах-наме». В то время, да и сейчас это невыполнимая задача. Ведь в мире известно почти 600 списков. Все же составители, видимо, недостаточно основательно и углубленно ознакомились с отобранными списками, так как они установили наличие лишь двух редакций (см.: *Бертельс Е. Э.* Вопросы методики... С. 240), но какие это были редакции — авторские или неавторские либо авторская и неавторская — установлено не

было. Только уже в процессе работы над текстом отобранных списков М. Н. Османов в статье «Относительно некоторых дат жизненного пути Фирдоуси» (КСИНА. 1964. № 65. С. 132, 134) выделил две авторские редакции — 384/994—995 и 400/1009—1010 гг. А. Е. Бертельс, отметив расхождение в двух редакциях, полагает, что они дают материал для выявления «двух принадлежащих самому Фирдоуси редакций “Шах-наме”» (*Бертельс А. Е. От составителя // Фирдоуси. Шах-наме. Критич. текст. Т. 9. М., 1971. С. 8*). Это сказано в предисловии к последнему, завершающему тому! А это следовало сказать в предисловии к первому тому. Но ведь дело обстояло значительно сложнее. Помимо двух авторских редакций четко выделялась одна редакция, назовем ее условно “южной”, текст которой представлен списками ГПБ (Dorn, 329) и ИВ АН СССР (С. 1654). Это — неавторская редакция Фирдоуси 400/1009—1010 г. Наконец, самое основное: как убедительно показал Л. Т. Гюзальян (Исправления в тексте древнейшей рукописи Шах-наме // ИФЖ. 1972. № 2. С. 77—98), писец, переписавший лондонский список 675/1276—1277 г. имел перед собой два списка протографа, один из которых являлся краткой авторской редакцией Фирдоуси 384/994—995 г., а второй — его же расширенной редакцией 400/1009—1010 г.

Следовательно, чтения этой рукописи не могут служить, строго говоря, основой для составления текста памятника. Таким образом, можно сказать, что в нашем издании «Шах-наме» (1960—1971), по крайней мере, сведены воедино три редакции. В результате мы не имеем текста «в том состоянии, в котором он находился в начале XIII в.» и который стремились составить его подготовители. Это скорее сводный текст начала XIV в. Тем не менее я могу смело утверждать, что этот текст — лучший, который когда-либо подготовлялся в иранистической практике, он значительно надежнее текста прежних изданий. Думается, что сейчас, когда накоплен столь богатый (просто колоссальный) опыт, эту работу необходимо продолжить. Для этого нужно собрать все 15 датированных списков XIV в. и два списка XIII в.: упомянутый лондонский и недавно найденный во Флоренции (к сожалению, только первый том «Шах-наме»), датированный 30 мухаррама 614/9 марта 1217 г. К этим рукописям я добавил бы список «Шах-наме» из музея Западного Берлина, переписанный в 894/1489 г., текст которого чрезвычайно близок флорентийской рукописи. Сопоставив и изучив текст, представленный в этих списках, опираясь на многолетний опыт работы над текстом «Шах-наме», исследователь, как мне представляется, сможет подготовить текст одной из авторских редакций (видимо, 400/1009—1010 г.) в том виде, в каком он был известен во всяком случае во второй половине XIII в.

«Гулистан» Са’ди. Текст этого популярнейшего сочинения был подготовлен Р. М. Алиевым и опубликован в 1959 г. в Москве. И в этом случае — забвение основной задачи текстологии — исследования истории текста памятника, его редакций и обработок. Хотя формально девять списков, привлеченных Р. М. Алиевым к изданию, были рассмотрены с точки зрения редакции, все же должного и необходимого их исследования сопоставления проведено не было. Опять сработала магия поиска «старейшего» списка с лучшим текстом, вместо того чтобы остановиться на одной из выявленных трех редакций и ее издать, т. е. издать редакцию начала XIV в. (не конца XIII в., как полагает издатель), или сводную редакцию 1385 г., или отдельную редакцию XIV в., представленную в ряде списков XVI в. Вывод Р. М. Алиева: все «привлеченные списки не могут быть признаны носителями первоначальной авторской редакции текста, хотя и являются наиболее близкими к ней» (*Алиев Р. М. Гулистан Са’ди и критика текста // УЗ ИВ АН СССР, 1958. Т. 19. С. 97*). По-

этому издатель избрал «принцип активного критического отбора наилучшего чтения из всех предлагаемых вариантов в каждом отдельном случае» (там же. С. 97). Словом, в подготовленном и изданном тексте были перемешаны чтения всех выделенных редакций. Произведение Са'ди относится к числу памятников с многослойным текстом разных редакций, подновлений, обработок и исправлений, которые мы выделили в четвертую, наиболее трудную для работы текстолога группу. Приближение к авторскому тексту ввиду отсутствия автографа должно идти от самой поздней, неавторской редакции к более ранней и т. д., пока не появится возможность говорить о редакции, близкой к авторской.

То же самое можно сказать и об издании текста «Бустана» Са'ди, выполненном Р. М. Алиевым в Тегеране в 1968 г. Составитель текста не удержался от искушения привлечь все самые старые списки памятника и, зная, что в них представлен текст четырех неавторских редакций (первая и вторая добисутуновская, первая бисутуновская 726/1326 г. и вторая бисутуновская 734/1333—1334 г.), тем не менее свел их воедино, хотя и в данном случае нужно было остановиться на одной из редакций с наиболее четким и устойчивым текстом и, оговорив в исследовании цели, задачи и полученный результат, ее издать (ср.: *Алиев Р. М. Предисловие // Са'ди-наме (Бустан). Тегеран, 1968. С. 13—57.*

¹⁷ *Бертельс Е. Э. «Шах-наме» и критика текста // СВ. 1955. № 1. С. 90, 94—95.*

¹⁸ *Бертельс Е. Э. Вопросы методики... С. 240—241.*

¹⁹ *Ромаскевич А. А. Предисловие. С. 12—13.*

²⁰ Например: *Фазлуллах Рашид ад-Дин. Джамии' ат-таварих. Ч. 3 / Изд. текста А. Али-заде.*

²¹ Кстати, считается, что основным признаком «критического текста» является наличие ссылочного аппарата разночтений. А разве такой аппарат не представлен в «сводном тексте» или в «сводно-критическом» и разве в нем не фиксируют некорректные чтения? Подобный аппарат есть элемент и показатель критики текста памятника, дающий возможность проверить предпочтенное составителем чтение, с одной стороны, а с другой — он отражает историю и этапы жизни текста, изменение его стиля, языка и т. п. во временном ракурсе от дней автора до определенной исторической эпохи.

²² Например: *Фазлуллах Рашид ад-Дин. Джамии' ат-таварих. Т. 2. Факсимиле / Публ. текста К. Яна.*

СОКРАЩЕНИЯ

ГПБ	— Государственная публичная библиотека
ИВ	— Институт востоковедения
ИФЖ	— Историко-филологический журнал (Ереван)
КСИВАН	— Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР
КСИНА	— Краткие сообщения Института народов Азии
ППП	— Памятники письменности Востока
СВ	— Советское востоковедения
УЗ	— Ученые записки

ХАЙДАРАБАДСКИЙ «АВТОГРАФ» «ТРАКТАТА О КАЛЛИГРАФАХ» КАЗИ АХМАДА КУМИ *

«Трактат о каллиграфах» — замечательное произведение (оно было закончено в 1004/1596 г.), которое ныне не нуждается в подробной характеристике. Отметим только, что, хотя труд Кази Ахмада сравнительно недавно вошел в широкий научный обиход, он благодаря емкости сообщаемых сведений получил заслуженное признание у специалистов и стал надежным первоисточником для исследователей персидской миниатюры, каллиграфии и — шире — искусства рукописной книги. Известно, что Кази Ахмад долго и обстоятельно работал над своим детищем, дополняя, исправляя и расширяя его, а также меняя композиционную структуру. Он приступил к работе над «Трактатом» в конце 1002/1594 г. в Иране, а поставил завершающую точку в нем, видимо, в начале 1016/1607 г. в Индии. Таким образом труд дошел до нас в двух редакциях (назовем их условно иранской и индийской соответственно).

В этой связи понятен тот интерес, который вызвал опубликованный в 1966 г. т. 2 «Каталога» персидских рукописей собрания Саларджанг в Хайдарабате. В «Каталоге» под № 598 (с. 242—248) была подробно описана рукопись «Трактата» (шифр Т-К. 1.). Составитель данного тома Мухаммад Ашраф на основании авторского колофона (л. 45а), датированного 9 зу-л-хиджжа 1004/4 августа 1596 г., и авторской пометы рядом с последним, датированной 4 сафара 1005/27 сентября 1596 г., пришел, казалось бы, к логически неоспоримому выводу: «редкий труд, представленный автографом».

Поскольку я уже значительное время занимаюсь изучением всего творчества Кази Ахмада и в особенности его «Трактатом», то естественным было желание ознакомиться с его автографом в виде микрофильма либо фотокопии. Благодаря любезной и оперативной помощи бывшего посла Республики Индия в СССР ныне покойного проф. С. Нурул Хасана фотокопия рукописи Т-К.1 из Музея Саларджанг поступила в Рукописный отдел СПб. Филиала Института востоковедения АН России. Однако детальное изучение текста рукописи привело к совершенно неожиданному и прямо противоположному выво-

* Впервые статья была опубликована в: Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XX (1985). М., 1986. С. 98—102.

ду: хайдарабадский список «Трактата» (шифр Т-К.1) не является автографом. Это список-копия с автографа и не более.

Чем же был обоснован этот вывод? Дело в том, что в эссе, посвященном выдающемуся каллиграфу — мастеру художественного письма в стиле наста'лиқ маулане Малику Дайлами (ум. в 969/1561—1562), Кази Ахмад в ряду других фактов его биографии сообщает о двух солидных по объему стихотворных надписях (часть газели Хафиза Ширази и целая газель Хусām ад-Дина Маддāха), выполненных этим мастером. Обе надписи находились в крытом портике-террасе (*айван*) во дворе государственной резиденции Чихил-сутун в Казвине. И вдруг совершенно неожиданно, но в полном соответствии с ходом изложения затронутой темы, в основном тексте «Трактата», его корпусе, появляется следующий пассаж (л. 26а):

اما بخاطر فاتر كاتب اين صحايف علاء الدوله موسوى چنين
مى رسد كه كتابه بالا خط بندگان مالك نيست چرا كه بيش از
حد و اندازه تفاوت است ميانه خط كتابه بالا و كتابه پايين و
در مجلس بهشت آيين جنت برين كه بوده ايم بكرات اين
حكايه گذشته و از بعضى شنيده كه كتابه بالا مهر خط
مولانا مالك است بهر تقدير كتابه پايين اين غزل حسامست
شعر ————— تاريخ آن ست و ستين و
تسعمايه ۹۶۶ بوده آنچه در حاشيه نوشته شده ازين غزل
داخل كتابه ايوان چهل ستون نيست و آنچه در متن نوشته شده
كتابه ايوان عالى بنيان است فقير محرر اين گستاخى كرد
واين تفرقه نمود كه بر مطالعه كندگان ظاهر باشد كه كتابه
كدامست و غير كتابه كدام.

«Вместе с тем слабому уразумению переписывающего сей страницы 'Ала' ад-Доула Мусави кажется таким образом, что верхняя <надпись> не является письмом одного из числа рабов <государя> Малика, поскольку различие между письмом верхней надписи и письмом нижней превышает предел и норму. На равном вышним небесам и горнему раю *маджлисе* <государя>, где мы присутствовали, неоднократно касались этой истории, а от некоторых приходилось слышать, что <только> верхняя надпись суть письмо мауланы Малика. Как бы то ни было, нижняя надпись содержит газаль Хусамы... Дата ее <переписки> —

966/1558—1559 год. Те <бейты> из этой газели, что вынесены на поля <сей страницы>, не входят в надпись на портике-террасе Чихил-сутуна. Те же <бейты>, что записаны в <данном> тексте, суть надпись на прекрасно возведенном портике. Я смиренный переписчик с той целью совершил сею дерзость и указал на различие, чтобы читающим стало ясно: какая надпись <работы Малика>, а какая не его».

Таким образом, мы встретились в данном случае с пассажем-вставкой, равным целой странице рукописного текста, которого не писал Кази Ахмад и которого, естественно, нет ни в одном из девяти остальных известных нам списков «Трактата» обеих редакций. Кроме того, просто невозможно себе представить, чтобы автор (в данном случае Кази Ахмад) включил в текст своего сочинения мнение, оспаривающее его собственное суждение (к тому же переданное от первого лица), и в таком виде передал свой труд на шахское заключение. Что же произошло? Но прежде чем дать ответ на этот вопрос, остановимся на личности автора вышеприведенного пассажа. Результаты предпринятых разысканий дали пока весьма незначительные итоги. Судя по его ремарке, он имел доступ в общество шаха, а если имя 'Ала' ад-Доула не является его личным именем, а почетным прозвищем (*лакаб*), то в этом случае мы можем полагать его чиновником чуть выше среднего ранга, работавшим в центральной администрации Сефевидов. 'Ала' ад-Доула Мусави был современником Кази Ахмада и, возможно, его знакомым. Семейная нисба Мусави указывает на то, что он был саййидом. Он профессионально занимался изучением искусства каллиграфии и, согласно «Джāми'-и муфйдī» (составлено в Индии между 1082—1090/1671—1680 гг. Мухаммад Муфидом Мустоуфи), ему принадлежит сочинение «Рисāла-йи хатт» («Трактат <по искусству> письма»). Он умер в 1029/1620 г. либо немногим позднее.

Вернемся к хайдарабадскому списку. Представляется, что 'Ала' ад-Доула Мусави снял копию с личного авторского экземпляра «Трактата» Кази Ахмада (можно только гадать как этот экземпляр попал ему в руки). Переписал он его полностью, включая авторский колофон и авторскую же помету, с исключительной точностью и тщательностью. Не согласившись с мнением Кази Ахмада (только в единственном случае!) по поводу указанных выше надписей, исполненных Маликом Дайлами, он изложил в тексте свое понимание вопроса. Он не вынес свое суждение на поля сочинения (как в редких аналогических случаях обычно поступали профессиональные переписчики), так как пе-

реписывал труд своего коллеги по профессии исключительно для собственных нужд и занятий, т. е. не на продажу или по заказу. При этом он, правда, не применул отметить там же, что он излагает собственное мнение. Вот собственно и все. Итак, следует признать, что хайдарабадский список не является автографом «Трактата о каллиграфях и художниках» Кази Ахмада Куми. Это — семейный извод. В текстологии — это копия, сделанная только для личного пользования и включающая в текст переписанного сочинения личные пометы, мнения, суждения и замечания лица, его переписавшего.

Вместе с тем можно утверждать, что благодаря тщательности, внимательности и точности переписки эта копия с автографа все же уступает по своему значению самому автографу, пока еще не дошедшему до нас. Любопытна история этого списка. Судя по пометам, оставленным его владельцами на форзацном листе 1а, а также оттискам их печатей, от 'Алā' ад-Доула Мусави в 1029/1620 г. он перешел к его сыну Ибн-и 'Алā' ад-Доула Нур ад-Дахру. (Помета скреплена печатью с указанной датой, отсюда сделанный выше вывод о смерти 'Алā' ад-Доула в этом году либо немногим позднее.) Ниже идет запись о покупке этой рукописи «куплей законной» в городе Ширазе. Покупатель — Мир Хаджи Мухаммад б. Мухаммад Хусайни. Запись скреплена двумя оттисками двух печатей лиц—участников сделки: покупателя, уже отмеченного нами, и Джавада ал-Мусави с датой 1277/1860—1861 г. Слева внизу у края листа помета: «Из занимательных книг Мухаммад-'Али ал-Хусайни». И, наконец, внизу справа у самой кромки листа помета Мухаммад-Джавада б. саййид Ахмада ал-Мусави с датой — месяц раби' I 1281/август 1864 г.

Словом, рукопись была переписана 'Ала' ад-Доула Мусави в конце XVI — начале XVII в. и бережно хранилась в одной семье почти 275 лет, переходя от поколения к поколению. После 1281 г. х. она была продана Мир Хаджи Мухаммад-Хусайну б. Мухаммаду Хусайни в Ширазе, затем она на время оказалась в руках некоего Мухаммад-'Али ал-Хусайни, от которого поступила в Хайдарабад в библиотеку Мир Йусуфа 'Али-хана Саларджанга в 1306/1888—1889 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Кази Ахмад*. Трактат о каллиграфях и художниках 1596—1597/1055 / Введение, пер. и коммент. проф. Б. Н. Заходера. М., 1947; *Calligraphers and Painters: A Treatise by Qadi Ahmad Son of Mir-Munshi (circa A.H. 1015/A.D.*

1606) / Translated from Persian by V. Minorski, Washington, 1959; Гулистан-и хунар талиф-и Кази Мир Ахмад Мунши Куми. Ба тасхих ва ихтимам-и Ахмад Сухайли-Хансари. Техран, 1352/1973.

² Акимушкин О. Ф. «Трактат о каллиграфиях и художниках» Кази Ахмада Куми. Первая редакция // Письменные памятники и памятники культуры народов Востока. Т. XVII, ч. I. М., 1983. С. 63—68.

³ A Concise Descriptive Catalogue of the Persian MSS in the Salar Jang Museum and Library / Compiled by Muh. Ashraf. Vol. 2. Hyderabad, 1966. P. 248. Точку зрения составителя каталога разделяет также французский иранист Ив Портер. См. его весьма полезную статью: *Porter Yves. Notes sur le «Golestan-e Honar» de Qazi Ahmad Qomi // Studia iranica. (1988). Т. 17. Fasc. 2. P. 207—223.*

⁴ Мы опустили здесь текст газели Хусам ад-Дина.

⁵ 'Ала' ад-Доула Мусави вынес на поля л. 26а из контекста газели Хусаматри байта, которые Кази Ахмад посчитал частью надписи.

⁶ Джāми'-и Муфйди. Талиф-и Мухаммад-Муфид Мустауфи Бафки. Джилд-е сийум. Ба кушеш-е Ирадж Афшар. Техран, 1340/1961. С. 395. Здесь его имя приведено в форме: Мир 'Ала' ад-Доула Хусайни.

АРХЕОГРАФИЯ И КОДИКОЛОГИЯ *

Считаю своим долгом сразу же сказать, что в данном сообщении, которое касается места и значения блока кодикологической информации в структуре описания любой рукописи, т. е. чисто практического вопроса, я буду опираться на материалы, которые дают описания арабографичных рукописей главным образом на персидском, таджикском и тюркских языках.

При этом же оговорюсь, что я далек от мысли локализовать и определять, так сказать, сферы влияния — предмет научного исследования целой группы специальных или же самостоятельных научных дисциплин, каковыми являются палеография, источниковедение в целом, археография, кодикология и текстология. Все эти дисциплины взаимодополняют друг друга и тесно связаны, как вы все превосходно знаете, письменностью, книгой и, шире, книжной культурой. Все они дают нам возможность комплексного изучения и исследования рукописи вообще, как, впрочем, и книги.

* Впервые статья была опубликована в: *Archaeographia orientalis: Материалы всесоюзного рабочего совещания по проблемам восточной археографии.* Ленинград. 1—4 марта. М., 1990. С. 5—9.

Вместе с тем должен сказать, что мне не представляется корректным следующее определение археографии: «Археография — вспомогательная историческая дисциплина, занимающаяся изучением вопросов издания письменных исторических источников. Принципы и методы издания, организация публикаторской работы, история публикации документов — основные проблемы, разрабатываемые археографией» (Советская историческая энциклопедия. Т. 1. М., 1961. С. 810). С таким определением трудно согласиться, поскольку, в сущности, в нем такая научная дисциплина, какой является текстология, полностью поглощена археографией. Мы же хорошо знаем, что текст невозможно издать без сколько-нибудь предварительного текстологического изучения. Поэтому археографию, видимо, следует понимать (кстати, именно это отражено и в названии нашего рабочего совещания) как науку, основными задачами которой является сбор, учет, хранение, систематизация, каталогизация и научное описание всего того огромного рукописного материала, сохранившегося и дошедшего до наших дней.

В принципе, кодикологию можно определить как науку, которая занимается историей как данной рукописи (книги), так и рукописи вообще. Ведь предметом ее изучения является не текст, не содержание сочинения, им представленного, а производство рукописи, присущие только ей формальные особенности (т. е. формат, размер листа и текста, количество листов и строк на странице, дата и место переписки, имя переписчика, почерк, дефекты, пометы с фиксацией протографа и имени заказчика, приписки владельцев и книжных маклеров, библиотекарей и любителей, исторических личностей и деятелей культуры, экслибрисы, легенды печатей, их размеры и формы), история коллекций, современное место хранения, каталоги, в которых рукопись была отмечена, ее репродукции, репертуар писцов и книжников, мастеров «книжного рукоделия» и переплетчиков. Словом, вся история рукописи от первого слова, выведенного книжником-писцом, давшем ей жизнь, до последней пометы сотрудника древлехранилища, где она находится и по сей день. Напрашивается аналогия кодикологии с текстологией: в первом случае жизнь рукописи, во втором — списка, т. е. текста сочинения.

Таким образом, кодикология занимается теми аспектами книги, которые в общем книговедении составляют вопросы производства, распространения и функционирования книги как рукописной, так и печатной. Это молодая дисциплина, которая отпочковалась, выделилась из палеографии в начале 50-х годов

XX в. в самостоятельную науку, оказывает просто неоценимую помощь всем специалистам, занятым в своей работе исследованием текстов, подготовкой их к научному изданию. Но эта помощь может быть действенной лишь при условии, когда мы, археографы, отмечаем в своих научных опубликованных описаниях комплекс данных о каждой рукописи, о которой шла речь выше. Эти данные во много раз облегчают работу текстолога, занятого отбором надежных списков сочинения, избранного им для научного издания. Только одна фиксированная, например, помета, что данная рукопись находилась в библиотеке персидского поэта, члена литературного движения «Бāзгашт» и историка этого движения Мухаммад-Казима Исфাহани Вāле (ум. 1229/1814 г.), скажет специалисту-текстологу очень много и он, естественно, немедленно обратит на нее внимание. То же самое можно сказать о значении помет личной библиотеки превосходного персидского поэта Мухаммад-‘Али Сā’иба Табризи Исфাহани (ум. 1676 г.) — большого знатока и ценителя творчества Шамс ад-Дина Хафиза Ширази (ум. 1389 г.) на сборниках со стихами последнего.

Конечно, здесь (собственно, как и в других случаях) возникает проблема полноты, надежности и известной осторожности в передаче этого блока кодикологической информации. Но это уже вопрос научной компетенции археографа и его научной добросовестности. В то же время помета или печать вакфа обители (*ханагах*) Хваджи Мухаммада Пāрсā в Бухаре сразу же поставит перед текстологом несколько вопросов, один из которых — не подверглось ли сочинение, представленное данным списком, редактированию в этой обители.

Если бросить ретроспективный взгляд на традицию научно-го описания мусульманских рукописей в Европе (первые каталоги появились там в XVII в., но основная масса рукописей была описана в XIX в.), то мы увидим преобладание только одного подхода (кстати, вполне понятного и объяснимого) — дать как можно полнее, раскрыть содержание сочинения, представленного в данной рукописи. Формальный момент — описание рукописи — был выражен в нескольких позициях, сводившихся к числу листов, строк, размерам текста и листов, даты переписки, места, почерка и иногда имени переписчика. Этот подход, шлифуясь в течение трех веков, достиг своего совершенства в серии каталогов арабских, персидско-таджикских и тюркских рукописей Британского Музея (ныне библиотеки) в Лондоне, выполненных в 70—90-х годах XIX в. Чарльзом Рье. В своей массе это хорошие и точные описания. Рье добавил к описанию рукописей

такие позиции: наличие печатей и наличие экслибрисов придворных библиотек, изредка он указывал на пометы исторических личностей, но, к сожалению, последнее он проводил непоследовательно. Система Рье с некоторыми модификациями стала эталонной для археографов Европы и России. В 20-х годах XX в. усилиями известного отечественного востоковеда ираниста и исламиста В. А. Иванова (1886—1970) возникло направление в описании мусульманских рукописей (я бы назвал его рационалистическим). Исходя из того факта, что репертуар сочинений в различных древлехранилищах в подавляющей массе весьма близок, а редкие или уникальные списки не превышали в каждом нескольких единиц или десятков, нецелесообразно было ни давать, ни пересказывать содержания сочинений, так как они или были раскрыты в других каталогах, или попали в истории соответствующих литератур народов Востока, или же частично были изданы. Решено было ограничиться в такой ситуации кратким описанием, уделив особое внимание библиографии вопроса (специальные исследования, каталоги, издания текста и т. п.) и особенностям как данного списка (т. е. текстологическим), так и данной рукописи (т. е. кодикологическим). В случае же появления редкого или уникального сочинения сохранялся принцип монографического описания.

Лично мне этот подход к научному описанию представляется наиболее логичным и удачным. В самом деле: текстолог получает максимум информации об интересующем его списке известного уже сочинения, то же самое имеет в своем распоряжении специалист по истории книги, источниковед (равно литературовед или историк): сведения о наличии еще одного экземпляра-копии нужного ему сочинения. При этом описание не загромождается уже известной специалистам хрестоматийной информацией, почерпнутой из других каталогов или специальных исследований. Уникальные же списки раскрываются со всей доступной археографу полнотой.

В настоящее время в связи с публикацией в странах Востока памятников письменной национальной культуры, вызванной стремительным ростом внимания к своему культурному наследию, работа археографа значительно усложнилась. Ведь куда легче пересказать содержание сочинения в описании, используя при этом опыт своих предшественников, чем сличить и сверить текст списка с научным изданием и сказать, что данный список текстуально совпадает с изданием, либо имеет расхождения, обычные для рукописных книг, либо отличается тем-то и тем-то.

Исходя из всего выше сказанного, я предлагаю, так сказать, повернуться лицом к кодикологии и тем самым оказать самую существенную помощь восточной (арабской, персидской, таджикской, узбекской, татарской, туркменской и др.) текстологии. Для этого просто нам нужно обменяться мнениями, договориться и составить информационный блок кодикологических позиций, которые при описании указанных рукописей будут обязательно включаться в научном описании в соответствующем месте, например, перед библиографией вопроса, либо принять уже готовые методики, разработанные русистами или классицистами. Вот и все мое чисто практическое предложение.

В качестве примера не совсем уважительного отношения к вопросам кодикологии уже при издании, причем научном, так сказать критическом, укажу на случай с изданием произведения классика таджикской литературы 'Абд ар-Рахмāна Джāми (1414—1492) «Бахаристан», выполненного известным таджикским специалистом Алахоном Афсахзодом и изданного в Москве в 1987 г. Суть в следующем: в качестве базисного, т. е. основного списка при издании текста А. Афсахзод избрал рукопись из собрания Института востоковедения АН Узб.ССР № 9780 (Собрание восточных рукописей. 1963. VI. С. 354—355). Как в описании каталога, так и в аннотации на этот список в издании указано, что он переписан в 895/1490 г., т. е., как отмечено в помете на форзацном листе начала рукописи, три года спустя после завершения сочинения и при жизни автора, умершего в 1492 г. Переписчиком указан Камал ад-Дин Махмуд б. Джалал ад-Дин Джузкани (в тексте исследования, видимо, опечатка. — Джуракани). По всем приведенным параметрам это, несомненно, почтенный и хороший список. Но дело все в том, что он не был переписан указанным писцом в указанном году, поскольку данный, несомненно, хороший мастер письма еще не появился на свет божий в том 895/1490 г. Он родился, видимо, в 40-х годах XVI в., поскольку все известные мне его работы, такие как «Хирад-наме» Джами (Ленинградское отделение Института востоковедения, В 202), дата 10.06.1575; «Хамсе» Низами (Торкарі Sarayi Muzesi, № Н. 1873), дата 11.03.1583 г., были переписаны в 70—80-х годах XVI в. Я думаю, комментарий после этого не требуется, кроме одного. Использованный список был переписан во 2-й половине XVI в. с протографа, датированного указанным годом, т. е. 895/1490 г. и только (либо мастер сделал описку и следует читать 985/1578). Следовательно, вопрос о базовом списке издания остается открытым и требует пересмотра.

В качестве предмета для обсуждения ниже предлагается оптимальная схема кодикологического описания рукописи. Естественно, в полном объеме эта схема будет заполняться по всем пунктам весьма редко: количество листов; размеры листа, текста; количество строк на странице (стихотворных колонок); пагинация (восточная, европейская); бумага (восточная или европейская); тушь или чернила (цветные, черные); почерк (почерки); переписчик, дата и место переписки. Переплет (восточный или европейский, кожаный, картонный, полукожаный). Количество миниатюр (их размеры, школа), украшения рукописи (виньеты, заставки, картуши, фронтисписы, экслибрисы, украшения на полях, розбрызг, цветные рамки текста и т. п.); наличие подписей (дат) на миниатюрах и в рукописных украшениях. Пометы и записи владельцев, маклеров, библиотекарей, легенды печатей (с указанием размеров и формы), экслибрис в медальоне, колофон переписчика приводятся полностью в графике и на языке оригинала. Отмечаются дефекты (отсутствие начала или конца сочинения, лакуны, оборванные листы, расшитость), а также поздние дополнения или исправления текста; реставрация (восточная, европейская); репродукции (отдельные миниатюры, часть украшения, образец письма, крышки переплета; весь список).

ИСТОЧНИКИ «ТРАКТАТА О КАЛЛИГРАФАХ И ХУДОЖНИКАХ» КАЗИ АХМАДА КУМИ *

Почти 45 лет тому назад в научный обиход был введен замечательный памятник персидской письменной культуры «Трактат о каллиграфах» Казии Ахмада Куми (род. 17 раби' 953/18 мая 1546 г.), представляющий собой в сущности биографический словарь мастеров «книжного рукоделья»: каллиграфов, живописцев, декораторов и мастеров орнаментики.¹ Появление этого сочинения явилось подлинной сенсацией, поскольку специали-

* Впервые статья была опубликована в: Изв. Академии наук республики Таджикистан. Серия: востоковедение, история, филология. Душанбе. 1993. № 1—2 (29—30). С. 30—39.

сты впервые получили в свое распоряжение оригинальный труд, в котором в хронологически связанном виде были приведены сведения о персидских мастерах калама и кисти по конец XVI в. Данные «Трактата» значительно расширили наши знания о масштабах книжного дела, об объеме книжной продукции, о престижности труда мастеров, занятых производством рукописной книги, и о степени популярности художественной рукописи в Иране и сопредельных странах в средние века.

Следует заметить, что имя автора — Кази Ахмада — было известно специалистам задолго до выхода в свет двух переводов «Трактата» на русский и английский языки. О нем и его двух трудах («Трактат» и т. V исторической хроники «Хулāсат аттавāрīх») говорилось с разной степенью точности и полноты в статьях В. Хинца, Б. Заходера, Клары Эдвардс, Зохры Да‘и-заде, Ш. Кадири, Г. Сарвара, Х. Нахчевани и А. Сухайли-Хансари.² Автору этих срок уже приходилось писать о поэтапном процессе создания этого произведения,³ дошедшего до нас в двух редакциях (1004/1596 г. — «Трактат» и около 1016/1607—1608 г. — «Гулистин-и хунар»), условно названных нами иранской и индийской.⁴ Отметим при этом, что первая редакция представлена двумя версиями: 1004/1596 г. (первоначальная) и 1007/1598—1599 г. (значительно расширенная первоначальная).⁵

В настоящее время нам известны три списка «Трактата», т. е. первой редакции, в двух версиях (Музей Салар Джанг, Хайдарабад, Индия, шифр Т-К. 1; ГМИНВ, Москва, Россия, шифр М. Ог. 156; СПб. филиал ИВ РАН, шифр В 4722; два последних списка содержат расширенную версию) и восемь списков «Гулистан-и хунар», т. е. второй редакции (Музей Салар Джанг, Хайдарабад, Индия, шифр Т-К. 2; бывш. Библиотека Салтанати. Тегеран, Иран, шифр 2286;⁶ шесть списков из частных собраний З. Да‘и-заде (Индия), А. Икбала, Х. Нахчевани, М. Байани, А. Сухайли Хансари и А. Гулчин-е Ма‘ани в Иране. Три последних являются копиями со списка Х. Нахчевани).⁷

По своему содержанию, как уже отмечалось выше, «Трактат» является биографическим словарем творцов рукописной книги (исключение составляют мастера переплета).⁸ Кази Ахмад включил в него в полном соответствии со сложившейся среди профессионалов традицией наиболее прославленных мастеров предыдущих поколений, добавив к этому пантеону и своих современников. Но добавил он лишь тех, чье искусство еще при их жизни получило среди ценителей, знатоков и меценатов всеобщее признание и широкую известность. Заметим,

что по своей композиционной структуре «Трактат» весьма близок предисловиям, нередко открывавшим альбомы (*муракка*) — собрания, выполненные по принципу «гармошки» или составленные из отдельных листов (*кит'а*), на одной из сторон которых были искусно скомпонованы образцы художественного почерка одного или нескольких каллиграфов, а на другой размещалась миниатюра, либо опять же образцы каллиграфии. Причем поля подобных листов, как, впрочем, и свободные места между образцами, заполнялись декоративной орнаментикой тончайшей работы. Известно, что практика составления подобных альбомов получила широкое распространение среди элитарных кругов современного нашему автору общества.

Словом, четкая схема композиции, структуры и архитектоники «Трактата» (мастера классической «шестерки», та'лиқа, наста'лика, художники, мастера «книжного рукоделья») со всей очевидностью показывает, что Кази Ахмад создал свой труд в рамках уже сложившегося жанра. Но несмотря на то обстоятельство, что весь труд весьма напоминает пространное, изобилующее многими фактами и подробностями предисловие к обширному, но так никогда и не составленному альбому, Кази Ахмад первым на персидской почве создал новое направление в рамках жанра биографической литературы — биографический словарь мастеров рукописной книги в широком контексте.⁹

Давно установлено, что эвристика является одним из основных элементов в процессе источниковедческого анализа письменного памятника вне зависимости от его жанра. Она призвана выявить источники памятника, степень его зависимости от предшественников, объем и масштаб почерпнутых у них сведений и фактов, влияния данного источника на последующие и т. п. Для средневековых письменных памятников на персидском языке, в частности, данные положения обретают особую тональность, поскольку большинство средневековых авторов в силу специфики существовавшего в ту пору понятия авторского права и интеллектуальной собственности во многих случаях просто не упоминают своих предшественников, чьи труды они использовали, черпая из них свои материалы. Примеров тому в истории персидской словесности очень много, хотя немало и примеров обратного порядка (число последних растет по мере приближения к нашим дням). Не явился исключением из правил и наш автор, в сочинении которого мы не находим указаний на источники заимствованных сведений,

поиски которых он как бы предоставил последующим поколениям. Правда, он ссылается на труд по искусству каллиграфии, созданный в стихах Султан-‘Али Машхади, да и то, видимо, по той причине, что полностью включил его в свой «Трактат».¹⁰ Ниже мы рассмотрим те сочинения, которые использовал Кази Ахмад и которые нам удалось установить.

1. «Рисāла» («Трактат-послание»). Сочинение не имеет авторского названия и известно под атрибутивными названиями «Рисāла-йи Ādāb ал-хатт» и «Сирāt ас-сутūr». «Рисāла» был написан в 920/1514 г. в Мешхеде для племянника автора Мухаммад-Хашима Хусайни, когда Султан-‘Али Машхади уже исполнилось 84 года. Знаменитый и выдающийся персидский каллиграф в стиле наста‘лīқ Султан-‘Али Машхади, чье имя стало нарицательным для обозначения подлинного мастерства художественного письма, родился в Мешхеде в 836/1432—1433 г.¹¹ и там же умер 10 раби‘ II 926/29 февраля 1520 г. Он оставил значительное наследие в виде каллиграфически переписанных списков и отдельных образцов (*қит‘а*).

Автограф «Рисāла» Султан-‘Али Машхади, согласно рукописи, хранящейся в ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в С.-Петербурге (шифр Dorn 454), содержит 273 бейта и разделен на 34 главы.¹² Это же сочинение, инкорпорированное Кази Ахмадом в свой «Трактат», т. е. в первую редакцию, содержит по 269 бейтов как в списке ГМИНВ (л. 316—42а), так и в списке СПб. филиал ИВ РАН (л. 366—486). Текст «Рисāла» в этих списках отличается тем, что в нем опущены семь бейтов (81, 97, 104, 184, 188, 207, 212) по сравнению с автографом и после бейтов 11, 33 и 137 добавлены три бейта. Текст в списке ГМИНВ разбит на 30 глав, а в списке СПб. филиала ИВ АН СССР — на 28. В «Гулистāн-и хунар» же, т. е. во второй редакции «Трактата» Кази Ахмада, текст «Рисāла» Султан-‘Али Машхади содержит 278 бейтов и разделен на 30 глав. В нем по сравнению с автографом добавлены шесть бейтов (по изданию Ахмада Сухайли Хансари 34, 112—113, 124—125, 143)¹³ и опущен один бейт — восьмой (согласно указанному изданию между бейтами 210 и 211).¹⁴ В настоящее время сложно установить — появились ли эти интерполяции и пропуски бейтов по воле автора либо изменение авторского текста всецело лежит на совести книжников и переписчиков. Вместе с тем вполне допустимо, что список ГПБ не единственный чистовой автограф Султан-‘Али Машхади. Тогда в этом случае можно объяснить авторскими коррективами те разночтения, которые мы наблюдаем между

текстом «Рисāла» Султан-‘Али Машхади, дошедшего до нас в виде недатированного автографа, текстом его, введенным Кази Ахмадом в обе редакции своего труда, и текстом тех списков, что представлены в различных древлехранилищах мира.

2. «Мукаддима-йи муракка‘-и Амїр Ғайб-бек» («Введение к альбому Амира Ғайб-бека»). Приведенное название атрибутивно и впервые было предложено известным иранским ученым и знатоком каллиграфии Махди Байани.¹⁵ Работая в библиотеках Стамбула, он обнаружил перемешанные разрозненные части этого «Введения» в двух альбомах (*муракка‘*), хранящихся в древлехранилище Топкапы-сарая (Хазине 2156 и Хазине 2161). Он же выборочно «в точности» опубликовал некоторые фрагменты из «Введения» и «Заключения» (*хатима*).¹⁶ Согласно М. Байани, именно известный мастер каллиграфии из Мешхеда мир Саййид-Ахмад (ум. 986/1578—1579)¹⁷ был не только составителем альбома и лицом, несшим в течение трех лет (971—973/1563—1566) бремя ответственности за весь процесс его изготовления, но более того «он также добавил к нему *дибача* («предисловие»), *мукаддима* («введение») и *хатима* («заключение»), которые он сочинил и переписал своим изящным почерком».¹⁸

Вместе с тем по чисто формальным причинам, и вопреки мнению М. Байани мы не можем назвать мир Саййид-Ахмада Машхади автором «Введения», поскольку образцы каллиграфии и живописи, как указано в тексте опубликованных фрагментов, подбирали влиятельный при дворе Тахмаспа I (1524—1576) Амїр Ғайб-бек с помощью плеяды авторитетных знатоков и признанных мастеров.¹⁹ В то же время из последнего пассажа «Введения» (непосредственно перед пометой Саййид-Ахмада в коллофоне)²⁰ явствует, что Ғайб-бек является автором этого «Введения». Вместе с тем заслуживает быть отмеченным тот факт, что сам каллиграф трижды в своих пометах-подписях²¹ указывает, что он только переписал (*катабаху*) этот текст, и нигде не говорит, что он его еще и составил.

Мир Саййид-Ахмад величает Амїр Ғайб-бека «вдохновителем и инициатором» создания альбома. Скорее всего, так оно и было, когда Амїр поручил каллиграфу его составить. При этом он мог, конечно, высказать свои пожелания по части его состава и временных рамок, а по завершении альбома он преподнес его Тахмаспу I, в присутствии которого нередко поднимались и обсуждались вопросы истории каллиграфии и живописи. Процесс работы над заказом Амира Ғайб-бека представляется следую-

щим: 971/1563—1564 г. — мастера декоративной орнаментики (*наккашан*) и реставраторы-дизайнеры (*вассалан*) завершили убранство и компоновку образцов художественного письма и живописи (*қит'а*) и расположили их в требуемом композиционном порядке. 972/1564—1565 г. — Саййид-Ахмад завершил переписку «Введения», о чем он сообщил в своей помете в колофоне. 973/1565—1566 г. — он же составил и лично переписал «Заключение» (*хатима*) ко всему корпусу альбома, зафиксировав в хронограмме (*тарих*): *итмам-и ин зиба мураққа* ²² дату завершения работы над ним.²³

Не возникает сомнений в том, что Кази Ахмад имел возможность как держать в руках альбом, так и детально ознакомиться с «Введением», которое он впоследствии полностью использовал в своем труде. Правда, на сей раз он как бы размыл «Введение», поместив отдельные его части, фрагменты и пассажи в разных разделах своего «Рисāла» преимущественно в *дибача*, *мукаддима* и *хатима* (см. сравнительную таблицу на с. 200).²⁴ При этом Кази Ахмад провел определенную редакторскую и, в основном, стилистическую обработку, а также композиционную состыковку, хотя в то же время он ни разу не упомянул источник почерпнутых сведений.

Однако самое замечательное состоит в том, что ни Амӣр Ғайб-бек, ни Саййид-Ахмад не трудились над «Введением» и ни один из них не является автором. Просто кто-то из них совершил, как бы мы сказали сейчас, литературное воровство. По всей видимости, эта акция лежит на совести Амӣра Ғайб-бека, поскольку он указан автором в переписанном Саййид-Ахмадом «Введении».

Дело в том, что в 964/1557 г. в Казвине придворный чтец-декламатор, или же рассказчик эпико-героических произведений (*киссахван*) Кутб ад-Дин Мухаммад завершил предисловие-введение²⁵ к альбому, который он составил по собственной инициативе для шаха Тахмаспа I, расположил в нем в хронологическом порядке образцы художественного письма и миниатюры современных Кутб ад-Дину мастеров калама и кисти.²⁶ Что стало с альбомом, мы не знаем, а вот введение Кутб ад-Дина Мухаммада-киссахвана дошло до нас в трех списках,²⁷ один из которых (список библиотеки Мелли 691 в Тегеране)²⁸ был опубликован Х. Хадивджамом в Иране в 1967 г.²⁹ В тексте сочинение никак не обозначено, но перед басмалой (с. 393) оно названо «Рисāла-йи хатт ва хаттātān ва накқāшān» («Трактат о письме, каллиграфах и живописцах»), в котором Кутб ад-Дин перечис-

ляет 60 мастеров каллиграфии и живописи, практически не приводя каких-либо биографических данных.

Сравнение фрагментов «Введения», опубликованных М. Байани, с текстом «Рисāла» (по рукописи Милли 691) показало, что они идентичны³⁰ и отличаются только тремя существенными моментами. Во-первых, в тексте М. Байани опущена ремарка Кутб ад-Дина о его встрече с Бехзадом (ум. 942/1535—1536 г.); во-вторых, там же в авторском колофоне имя Кутб ад-Дина заменено именем Амйр-Гайб-бека и, в-третьих, опущена заключающая «Трактат» *kit'a* с хронограммой (*тарих*) завершения — *фархандаги*, что в числовом значении дает 964.³¹ Естественно, последнего мы не встречаем в тексте Кази Ахмада, который не обращался к сочинению Кутб ад-Дина, а воспользовался «Введением» Амйра Гайб-бека.

Еще один любопытный штрих. Трудно сказать — знал ли Кази Ахмад, либо был в неведении, что через посредство «Введения» он ввел в свой «Трактат» фрагменты двух произведений, о которых ничего не говорит уже его источник и которые удалось установить нам. Это, во-первых, 33 бейта из поэмы 'Абдибека Ширази (921—988/1515—1580 г.) «Айин-и Искандари», завершенной в 950/1543—1544 г.,³² и, во-вторых, фольклорный, индийский по своим корням, рассказ о вероломстве, проявленном золотых дел мастером (*заргар*) по отношению к своему другу художнику (*наккаш*), и отмщении последнего. Рассказ этот приобрел известность благодаря труду 'Имāда Наари «Джавāхир ал-асмāр»³³ и особенно благодаря его стилистико-этикетной обработке, произведенной Зийа ад-Дином Нахшаби и получившей название «Тўтй-нāме» (730/1329 г.).³⁴

3. «Джавāхир ал-ахбār» («Перлы известий») Будака-бека мунши Казвини.³⁵ Будака-бек (родился в 916/1510—1511 г.) не был профессиональным историком либо литератором, равно как не был он и придворным летописцем-секретарем, который имел бы доступ к официальным документам и актам общегосударственного значения. Будучи секретарем-делопроизводителем (*мунши*) и чиновником податного ведомства, он обладал соответствующим его рангу и положению, необходимым кругом знаний и уровнем практической подготовки, что позволяло ему с успехом исполнять функции *мунши* либо в различных государственных учреждениях сефевидской административной системы, либо при ее высших представителях. Словом Будака-бек был типичным представителем чиновничьей бюрократии средней руки. Свой труд Будака-мунши начал писать

еще при жизни Тахмаспа I (1524—1576) и, видимо, завершив его в авторском черновом варианте в 982/1574—1575 г.,³⁶ был всецело занят исполнением белой копии, когда монарх скончался (16 сафара 984/15 мая 1576 г.).³⁷ В связи с вступлением на престол нового шаха — Исма‘ила II (1576—1577) он переадресовывает свой труд (л. 2б—3а) на имя последнего, вносит дополнения и уточнения на полях к тем местам в корпусе сочинения, которые он по каким-то соображениям не захотел переписывать (таковых более 20, причем часть из них весьма значительна по объему); как очевидец рассказывает о тех событиях, что последовали сразу же за известием о кончине Тахмаспа I (л. 136б, 335а—336а); наконец, небольшой специально по случаю написанной главой о шахе Исма‘иле II (л. 336б—339б) он завершает подновление «Джавāхир ал-ахбār». Исма‘ил II вступил на престол 27 джумада I 984/22 августа 1576 г. (л. 339б), а рукопись автографа датирована концом указанного месяца. Следовательно, автограф был завершён перепиской не позднее 30 джумада / 25 августа указанного года.³⁸

«Джавāхир ал-ахбār» — сжатый компендий по всеобщей истории, к тому же сугубо компилятивный, основанный на 90% на материалах, почерпнутых автором как у предшественников, так и у современников. Как исторический памятник он не оставил сколько-нибудь заметного следа в сефевидской историографии XVI в. Конечно, в компендии Будака Казвини содержится оригинальный, свежий и интересный материал — его собственные наблюдения, а также рассказы участников описываемых событий. Но, к сожалению, подобного материала немного и весь он сводится к следующему: а) суждения Будакамунши о личных качествах и характере шаха Тахмаспа I (л. 296а—297б), навеянные, кстати, суждениями ‘Абди-бека Ширази в «Такмилат ал-ахбār»;³⁹ б) рассказ о ситуации, сложившейся при дворе сразу же после смерти Тахмаспа I и о последовавшем за этим дворцовом перевороте, возглавленном Перихан-ханум (л. 135б, 335а—336а); в) рассказ об Исма‘иле II и его вступлении на престол (л. 336а—339б); г) автобиографический очерк Будака Казвини о собственной карьере чиновника (л. 315а—316а, 317а); д) мимоходом сделанные ремарки о финансах государства, о доходах должностных лиц и размерах денежных вознаграждений чиновников, о стоимости рукописей и т. п. (л. 284б, 296а—297а, 315а—316а, 317а—334а-б, 109б—113б); е) заметки о мастерах «книжного руко-

делья» (л. 106а—113б). В данном случае особый интерес для нас представляют последние, поскольку в них говорится о 57 мастерах искусства художественного письма и 14 живописцах.

Эти заметки были закончены Будаком-мунши в 980/1572—1573 г. (л. 113б). Они написаны писцом-профессионалом, который не только любил, но и грамотно разбирался во многих тонкостях и нюансах столь чтимого в Иране искусства каллиграфии. Несмотря на то что ряд его суждений дискуссионен и окрашен тонами личного восприятия и субъективного ощущения, подкупает его непосредственность и независимость, с которыми он излагает свое мнение о современных ему мастерах калама и кисти. Под его пером эти мастера предстают перед нами обычными людьми со своими пристрастиями, а не иконописными ликами, авторитетами, канонизированными традицией. Из всех персидских средневековых авторов только один Искандар-бек Мунши писал о мастерах рукописной книги в аналогичной же независимой манере.⁴⁰

Кази Ахмад полностью использовал заметки Будака Казвини в двух редакциях своего труда. При этом он не указал источника своей информации, которая составила более трети его сочинения. Кази Ахмад не ограничился пересказом либо стилистической обработкой заметок, в подавляющем числе случаев он просто переписал их практически слово в слово.

Известно, что Будака Казвини поднес труд Исма'илу II в 984—985/1576—1577 г. в единственном авторском экземпляре, который находился в придворной библиотеке до 1017/1608—1609 г. Известно также, что Кази Ахмад закончил расширенную версию первой редакции «Трактата» около 1007/1598—1599 г. А в связи с тем, что он благодаря своему отцу имел доступ в придворную библиотеку, он несомненно имел время и возможности детально проработать заметки Будака-мунши, а то и просто их списать.⁴¹

4. «Хабйб ас-сайяр фй ахбār афрād ал-башар» («Друг жизнеописаний относительно известий о представителях рода человеческого») Гийас ад-Дина б. Хумам ад-Дина Хвандамира.⁴² Из этого широко известного историко-биографического сочинения, завершено в Индии в третьей редакции около 936/1530 г., Кази Ахмад заимствовал исторический анекдот о притязании Байсунгур-мирзы, внука Тимура (799—837/1397—1433), на поэтическое имя (*таҳаллуґ*) Шāхй, которое уже носил его современник знаменитый поэт Амйр Ак-Малик Сабзавари (ум.

857/1453 г.),⁴³ и рассказы о выдающемся каллиграфе в почерковых стилях сулс и насх Ма'руфе Хаттāt-и Багдади, отличавшемся быстротой переписки и работавшем сначала в Ширазе у Искандар-султана (уб. 818/1415 г.), а затем в Герате в качестве личного каллиграфа Шахруха (807—850/1405—1447), у которого по приезде в Герат не сложились отношения с всемогущим Байсунгур-мирзой.⁴⁴ Эти пассажи были несколько сокращены и стилистически отчасти обработаны Кази Ахмадом.

5. «Тухфа-йи Сāmī («Самов дар») — известная и популярная антология (*тазкира*) персидской поэзии, составленная братом шаха Тахмаспа I Сам-мирзой Сафави (21 ша'бана 923 — джумада II 975/10 сентября 1517 — декабрь 1567).⁴⁵ Кази Ахмад весьма основательно проштудировал этот труд, собирая материал для собственной антологии поэтов. Попутно он отобрал из сочинения Сам-мирзы и материалы о каллиграфах почеркового стиля наста'лик: о Шах-Махмуде Нишапури, 'Абди Нишапури, 'Абд ал-Кариме Харазми, Хафизе Баба-Джане, Дуст-Мухаммаде Харави и Маджнуне чапнависе «левше» (в последнем случае Кази Ахмад сослался на источник своей информации).⁴⁶

Естественно Кази Ахмад, работая над своим детищем в течение почти пятнадцати лет (1002—1016/1593—1608 г.), не мог не использовать в своих изысканиях о мастерах «книжно 44-го рукоделья» труды и заметки предшественников. Видимо, он использовал все то, что ему оказалось доступным. Что же касается вопроса документирования почерпнутой информации и ее источников, то он не был исключением из правил, поскольку точно так же поступали практически все его коллеги по литературному цеху, как предшественники, так и современники. При этом проблема прямого «анонимного» заимствования информации и материалов, их присвоения и, так сказать, «приватизации» не очень-то порицалась тогдашним общественным мнением и не считалась далеко выходящей за рамки этических норм, принятых в среде литераторов. Особенно в тех случаях, когда речь шла о прозаических трудах, а тем более о трудах уже ушедших в иной мир авторов. Средневековое мусульманское общество так и не определилось в этом отношении, в нем так и не сложилось общепринятого представления об этом явлении, не говоря уже о правовом механизме.⁴⁷

**СООТНОШЕНИЕ ТЕКСТА «ВВЕДЕНИЯ» КУТЬ АД-ДИНА
И СООТВЕТСТВУЮЩИХ МЕСТ В ТЕКСТЕ «ТРАКТАТА»
И «ГУЛИСТАН-И ХУНАР» КАЗИ АХМАДА,
т. е. ПЕРВОЙ И ВТОРОЙ РЕДАКЦИЙ ЕГО ТРУДА**

«Введение»	Рук. ГМИНВ	Рук. Салар Джанг	Издание Хвансари
с. 393	л. 16: 4—7, 11; л. 2а: 1, 4—5	л. 16: 4—7, 9—11, 13—15, лакуна	с. 3: 4—8, 12—14; с. 4: 2—3, 18; с. 8: 12—15
с. 393	л. 26: 2; л. 56: 9—14; л. 6а: 1—5		с. 9: 1—8
с. 394	л. 6: 6—14; л. 66: 1—8	лакуна	с. 9: 9—12; с. 10: 3—8
с. 395	л. 66: 9—12; л. 76: 10—11, 13—14; л. 8а: 1—2; л. 9а: 1—2	л. 2а: 1, 3—6	с. 10: 8—14; с. 12: 20—21; с. 13: 3—6; с. 16: 3—7
с. 396	л. 29а: 4—5	л. 18а: 1—2	с. 59: 16—17
с. 397	л. 21а: 11—12; л. 21б: 1—7	л. 156: 9—10, 13—19; л. 16а: 1—3	с. 42: 3—4, 9—12; с. 43: 1—4; с. 128: 4—11
с. 398	л. 65а: 8—14; л. 65б: 1—14; л. 66а: 1—6	л. 366: 1—19 и 7 строк на полях; л. 37а: 1—5	с. 128: 14—16 с. 129: 1—16
с. 399	л. 66а: 7—14; л. 66б: 1—6	л. 37а: 5—19; л. 37б: 1—5	с. 129: 17—22; с. 130: 1—9
с. 400	л. 66б: 7—14 л. 67б: 1—7	л. 37б: 5—17; л. 38а: 1—8	с. 130: 10—22; с. 131: 1—5
с. 401	л. 67б: 7—14; л. 68а: 1—7; л. 68б: 1—2; л. 69а: 1—6	л. 38а: 8—16; л. 38б: 1—13	с. 131: 5—22; с. 132: 1—5
с. 402	л. 69а: 6—9; л. 69б: 1—8; л. 70а: 4—6	л. 38б: 13—17 и 4 строки на полях; л. 39а: 1—6, 15—17	с. 132: 5—21; с. 133: 1—4, 10; с. 134: 12—14
с. 403	л. 70б: 11—14; л. 71а: 1—3	л. 40а: 10—16	с. 138: 3—9
с. 405	Лакуна. См. рук. СПб. филиала ИБ В 4722 Л. 8б: 1—2; 9а: 1—12	л. 40б: 12—17; л. 41а: 1—2	с. 144: 5—22; с. 145: 1—2

¹ *Кази Ахмед Куми*. Трактаат о каллиграфях и художниках. 1596—1597/1005 / Введение, перевод и комментарии проф. Б. Н. Заходера. М.; Л., 1947. Перевод неполный. В нем опущены семь страниц текста из «Дибāча» и «Мукаддима», а также лакуна в две страницы между л. 71б и 72а. Справедливости ради отметим, что еще в 1919 г. покойный проф. А. А. Семенов начал писать статью с превосходным названием «Персидский Вазари XVI века», посвященную рукописи «Трактата» из собрания московского музея (ныне — ГМИИВ), куда она поступила в 1918 г. в составе коллекции К. Ф. Некрасова. Список этот был приобретен последним в Иране. Статья была практически только начата А. А. Семеновым, содержит вступление к теме, самой же рукописи посвящено лишь шесть строк. Я ознакомился с этой статьей благодаря любезности научного сотрудника АН Тадж. ССР Малохат Азамовой, за что и приношу ей искреннюю признательность. Ср. также: *Литвинский Б. А., Крамов Н. М.* Александр Александрович Семенов. М., 1947. С. 70—71, где она отмечена как законченная. 12 лет спустя в США вышел полный английский перевод «Трактата» с дополнениями и исправлениями согласно «Гулистан-и хунар», т. е. второй редакции. Своему переводу проф. В. Ф. Минорский предпослал сделанный им же перевод на английский язык «Введения» проф. Б. Н. Заходера. См.: *Calligraphers and Painters: A Treatise by Qadi Ahmad Son Mir-Munshi (circa A.H. 1015/A.D. 1606) / Translated from the Persian by V. Minorsky.* Washington, 1959.

² *Hinz W.* Eine neuentdeckte Quelle zur Geschichte Irans in XVI Jahrhundert // ZDMC. 1935. Bd. 14 (89), Hft 3/4. S. 315—328; *Заходер Б. Н.* Из истории художественной культуры Ирана XVI века // Искусство. 1935. № 5. С. 121—136; *Edwrds C.* Calligraphers and Artist a Persian Work of the Late 16th Centure // BSOS. 1940. Vol. X, pt 1. P. 199—212; *Да'и-заде*. 1) Тазкира-йи хушнависан ва наккашан // Армаган, 1317/1938. XIX. № 5—6. С. 344—345; 2) Али-Риза ва Риза-йи Аббаси // Рузгар-и нау. 1324/1945. IV. № 5. С. 68—61; *Хвансару Сухайли А.* Мактуб ба Бану-йи фазила Зухра Да'и-заде // Армаган. 1317/1938. XIX. № 5—6. С. 437—440; *Sarwar Kh.* History of the Shah Isma'īl Safawī. Aligarh. 1939. P. 11—12; *Кадирӣ Шамсаллах.* Хуласат ат-таварих-и Казми мир Ахмад б. мир Мухаммад Куми // ОСМ. 1943. XIX. № 3. С. 43—44; *Нахчивани Х.* Му'аррафи-йи китаб-и «Гулистан-и хунар» // Нашрийа-йи данишкада-йи адабийат-и данишгахи Табриз. 1336/1957. IX. № 1. С. 1—12; Йак нусха-йи хатти-йи кадими-йи ирани (Рисала-йи илми дар бара-йи хушнависан ва наккашан-и Казми Ахмад) // Пайам-и нау. 1327/1948. № 4. С. 32—36.

³ *Акимушкин О. Ф.* 1) Трактаат о каллиграфях и художниках Казми Ахмада Куми. Первая редакция // ПП и ПИКНВ. (1982). XVII, ч. I. М., 1983. С. 63—68; 2) Хайдарабадский «автограф» Трактата о каллиграфях Казми Ахмада Куми // ПП и ПИКНВ. (1985). XX, ч. I. М., 1986. С. 98—102.

⁴ См.: *Акимушкин О. Ф.* Хайдарабадский «автограф»... С. 98. Заметим, что под редакцией мы понимаем сознательное вмешательство в текст памятника, произведенное как самим автором, так и любым другим лицом (лицами) с целью а) изменить его идеологическое содержание и идейную ориентацию; б) осовременить (либо архаизировать) его лексический состав, когда это действие носит не случайный, а последовательно преднамеренный характер и проводится в значительных объемах (если не от начала и до конца) с явной задачей приведения памятника в соответствии с требованиями литературного этикета эпохи; в) увеличить объем сочинения за счет значительного количест-

ва новых данных, которые не были представлены в авторском варианте и которые существенно изменяют или расширяют предмет, тему либо сюжет данного памятника (вариант — сокращение текста). Ср.: *Лихачев Д. С.* Текстология: На материале русской литературы X—XVIII вв. М.; Л., 1962. С. 116—117.

⁵ См.: *Акимушкин О. Ф.* Трактат... Первая редакция. С. 77. Ср. также: *Porter Y.* Notes sur le "Golestan honar" de Qazi Ahmad Qumi // *Studia Iranica*. 1988. Vol. 17, n. 2. P. 207—223. Автор этой статьи пришел к тем же выводам, что и мы ранее.

⁶ *Атабай Б.* Фихрист-и нухсаха-йи хатти-йи Китабхана-йи салтанати. Асар-и адабийат. Тихран, 1970. С. 483, № 170. Принадлежность фрагмента не установлена и он описан под названием «Шарх-и хāl-и хаттātān»: («Биографии каллиграфов»). Фрагмент, содержащий сведения о 40 мастерах художественного письма (последним указан Мухаммад-Шариф), соответствует с. 50—61, 84—121, 132—133 тегеранского издания «Гулистан-и хунар» (1973). Кроме того, рукопись Центральной библиотеки Тегеранского университета инв. № 4283:2 (см.: *Даниш-Паэсх М. Т.* Фихрист-и нухсаха-йи хатти-йи Китабхана-йи маркази-йи данишгах-и Тихран, дж. 13. Тихран, 1961. С. 3252—3253) содержит две выписки из «Гулистан-и хунар»: фрагмент «Рисāла» Султан-‘Али Машхади и «Хātима» («Заклучение») труда Кази Ахмада. Ср. соответственно л. 46а—55а указанного списка и с. 68—72, 161—170 упомянутого издания (1973 г.).

⁷ Вторая редакция, т. е. «Гулистан-и хунар», была издана на базе списка из собрания Х. Нахчевани. См.: Гулистан-и хунар. Та’лиф-и Кази мир Ахмад мунши Куми. Ба тасхих ва ихтимам-и Ахмад Сухайли Хвансари. Тихран, 1352/1973. С. XI. Заметим, что первоначальная версия первой редакции (Хайдарабад, Т-К. I) содержит сведения о 144 каллиграфах и 40 художниках и мастерах орнаментики; расширенный вариант этой редакции (ГМИИВ, СПб. филиал ИВ РАН) — 153 и 42 соответственно. А во вторую редакцию вошли данные о 168 мастерах калама и 39 мастерах кисти и декоративного оформления рукописной книги. Ср.: *Porter Y.* Notes... P. 216—221.

⁸ В альбомах (*мураққа*), естественно, не были представлены образцы художественных переплетов. Отсюда и отсутствие в них сведений о мастерах-переплетчиках.

⁹ Удивительно, но факт, что первоначально аналогичное по жанру произведение, в котором значительное внимание было уделено персидским мастерам «книжного рукоделья» (отмечены 130 каллиграфов: 26 мастеров «шестерки», 89 — в стиле наста’лиқ и 15 — в стиле та’лиқ, а также 43 мастера миниатюрной живописи, орнаментики, декора и переплета; всего — 173 человека), возникло на османской почве. В 995/1586—1587 г., т. е. на десять лет ранее Кази Ахмада, турецкий литератор, поэт, биограф и историк Мустафа-‘Али Челеби эфенди (948—1008/1541—1600) завершил свой труд «Манākиб-и хунарварān («Деяния наделенных талантом»). Справедливости ради отметим, что побудительной причиной, вызвавшей к жизни этот труд, послужил написанный в 994/1585—1586 г. трактат о 52 мастерах каллиграфии «Рисāла-йи кутбийа». Его автором был известный знаток художественного письма, перс по происхождению мавлана Кутб ад-Дин Мухаммад Йазди, живший с 974/1566—1567 г. в Багдаде. Это сочинение попало на глаза султану Мураду III (982—1003/1574—1595), который пожелал иметь его в переводе на турецкий язык. Мустафа-Али исполнил пожелание султана, дополнил и расширил трактат Кутб ад-Дина в несколько раз, не избежав при этом серьезных ошибок и многих огрехов. См.: *Huart Cl.* Les Calligraphes et les Miniaturistes de L’Orient

musulman. Paris, 1908, 6—7, 86—87, 235; *Мустафа-Али*. Манакиб-и хунарваран. Издание Махмуд Камал бека. Стамбул, 1926. С. 12, 53.

¹⁰ Кази Ахмад полностью инкорпировал сочинение Султан-‘Али Машхади в текст расширенной версии первой редакции своего «Трактата» в 1007/1598—1599 г. В первоначальной версии, представленной Хайдарабадским списком, его нет.

¹¹ Подробнее о нем см.: *Байани Махди*. Ахвал ва асар-и хушнависан. Наста‘ликнависан (Бахш-и аввал). Дж. I, II. Тихран, 1345/1966. С. 241—266. Дата рождения мастера устанавливается, исходя из его собственных слов: в год написания труда ему минуло 84 года.

¹² *Костыгова Г. И.* Трактат по каллиграфии Султан-Али Мешхеда. Факсимильное воспроизведение и перевод // Труды ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, II (5). Восточный сборник. Л., 1957. С. 112—163.

¹³ Гулистан-и хунар. С. 66, 70, 71, 73.

¹⁴ Там же. С. 75.

¹⁵ *Байани Махди*. Ахвал... I. С. XV. № 26; С. 49.

¹⁶ Там же. С. 50—54.

¹⁷ См. о нем: *Акимушкин О. Ф.* Кази Ахмад о списке сочинения Абд ар-Рахмана Джами «Лава’их» // Страны Переднего и Среднего Востока. М., 1968. С. 23—24; *Байани Махди*. Ахвал... I. С. 44—49.

¹⁸ *Байани Махди*. Ахвал... I. С. 49.

¹⁹ Там же. С. 54.

²⁰ Там же. С. 54.

²¹ Там же. С. 53—54.

²² Числовое значение букв фразы дает в сумме цифру 973 (482+61+20+410).

²³ *Байани Махди*. Ахвал... I. С. 54.

²⁴ Ср. соответствие текста «Введения» Амира Гайб-бека тексту «Введения» Кутб ад-Дина (сначала идет страница издания М. Байани, а затем страницы по рукописи Милли 691): С. 50:395, 396; С. 51:396, 397; С. 52:397, 401, 402, 403; С. 53:402, 404, 405, 406.

²⁵ «Введение» было несомненно написано Кутб ад-Дином после завершения составления альбома. На это указывает его фраза — «йадгар-и ишан дар ин муракка’ст», т. е. «Память о них в сем муракка’».

²⁶ Их общее число (без повторов) — 60 человек: 20 каллиграфов — мастеров классической «шестерки», 18 мастеров в стиле наста‘лик, 7 мастеров в стиле та‘лиқ и 15 художников.

²⁷ Об этих списках см.: *Даниш-Пажух М. Т.* Саргузашт-и намаха-йи хушнависан ва хунармандан // Хунар ва мардум. Техран, 1348/1960. С. 38—39.

²⁸ Рукопись Китабхана-йи Милли № 691. С. 393—406. Переписчик — Мухаммад-Риза сын Хаджжи Тахмасб-Кули-бека, дата переписки — 8 мухаррама 1057/13 февраля 1647 г. (с. 406). См.: *Анвар А.* Фихрист-и нусах-и хатти-йи китабхана-йи Милли. II. Техран, 1347/1968. С. 196—197.

²⁹ «Сухан». 1346/1967. Т. XVII, № 6—7. С. 667—676. См. также: *The Houghton Shahnameh. Vol. I / Introduced and described by Martin B. Dickson and Stuart C. Welch.* Harvard; Cambridge (Mass.); London, 1981. P. 242. Note 3; P. 245. Note 3. Публикация Х. Хадивджама оказалась нам недоступной, и мы пользовались ксерокопией рукописи № 691 библиотеки Милли (с. 393—406).

³⁰ См. табл. 1.

³¹ См. «Введение» Кутб ад-Дина. С. 402 низ, 405 низ, 406 верх; *Байани Махди*. Ахвал... I. С. 52, 53.

³² См.: *Абди-бек Ширази*. Айн-и Искандари / Составление текста и предисловие А. Г. Рагимова. М., 1977. Кутб ад-Дин заимствовал 34 бейта из этого сочинения, Кази Ахмад — 33. Ср.: 'Абди-бек. С. 103, бейты 1879, 1883—1886; 1889, 1891—1892, 1895; С. 104—105, бейты 1914—1918, 1920, 1922—1923, 1925, 1929; С. 106—107, бейты 1945—1959; с. 109, бейт 2003 и соответственно «Введение» Кутб ад-Дина. С. 394, 398, 402—403 и «Гулистан-и хунар» (издание А. Хвансари). С. 9, 128—129, 132, 134, 138, 143.

³³ *Имад Ибн Мухаммад ан-Наари*. Жемчужины бесед / Пер. с персидского М. Н. Османова. М., 1985. С. 51—55.

³⁴ *Зийа ад-Дин Нахшаби*. Книга попугая (Тути-наме) / Пер. с персидского Е. Э. Бертельса. М., 1979. С. 37—42. У Нахшаби точно так же, как, впрочем, и у Наари, контрагентом золотых дел мастера выступает столяр (*дурудгар*).

³⁵ *Dorn B. Catalogue des manuscrits et xylographes orientaux de la Bibliothèque Impériale Publique de St.-Petersbourg*. SPb., 1852. P. 288—289, No. 288. См. также: *Стори Ч. А.* Персидская литература: Био-библиографический обзор. В 3 ч. / Перевод с англ., перераб. и дополнил Ю. Э. Брегель. М., 1972. Ч. 2. С. 415—416. О Будаке-мунши см.: *Петров П. И.* Об одном редком источнике по истории Сефевидов // СВ. 1956. I. С. 111—120; *Savory R. A Secretarial Career under Shah Tahmasp I (1524—1576)* // *Islamic studies*. Karachi. 1963. Vol. 11, 3. P. 343—352. Список Dorn 288, хранящийся в ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в СПб., является полным списком-автографом. О втором списке, дефектном и неполном, вошедшем в справочную литературу под названием «Хулāsат ат-таварīх» (ныне в Публичной библиотеке г. Лахора в Пакистане) см. нашу статью «Второй список исторического труда Будаке-мунши Казвини «Джавахир ал-ахбар» // ПП и ПИКНВ. XVI-годовая научная сессия ЛО ИВ АН СССР. Ч. 2. М., 1982. С. 90—95.

³⁶ Рук. Dorn 288. Л. 296а.

³⁷ Там же. Поля. Л. 296а.

³⁸ Там же. Л. 339б.

³⁹ Сочинение завершено в 978/1570 г. См.: *Стори Ч. А.* Персидская литература. Ч. I. С. 404—406; Ч. III. С. 140а.

⁴⁰ См.: *Акимушкин О. Ф.* 1) Искандар-мунши о каллиграфях шаха Тахмаспа I // КСИНА. 1963. № 39. С. 20—32; 2) Искандар-мунши о художниках времени шаха Тахмаспа I Сафави // Труды Тбил. гос. ун-та. 1983. № 241. С. 259—273.

⁴¹ Ср. заметки Будаке-мунши (рук. Dorn 288. л. 106а—113б) и соответствующие пассажи «Трактата» Кази Ахмада (рук. ГМИНВ 156): л. 8а—б, 9а—12б, 13а, 14а—17а, 28б—29а, 29а—31б, 42б—45б, 46а—53б, 54а—58а—б, 61а, 70а—б, 72а—73а, 18а, 21б, 23а—б, 24а—б; ср. также перевод Заходера: с. 66—68, 70, 71, 73, 74, 74—76, 76—78, 79, 82, 89—90, 90, 91, 91—92, 94, 104, 105, 106—110, 131—137, 137—138, 143, 144—146, 139—140, 140—143, 151, 151—152, 152—153, 155, 156—159, 162—163, 168, 182, 182—183, 185, 185—186, 186, 187, 82, 187.

⁴² Об авторе, рукописях его трудов и сочинений см.: *Стори Ч. А.* Персидская литература. Ч. I. С. 379—393; Ч. III. С. 1298—1399.

⁴³ Ср.: Гийас ад-Дин б. Хумам ад-Дин Хвандамир. Хабиб ас-сийяр фй ахбар афрād ал-башар. Ба ихтимам-и Джалал Хума'и. Тихран, 1333/1954. Дж. 4, 18—19; *Кази Ахмад*. Трактат...: Рук. ГМИНВ. Л. 15а; перевод Заходера. С. 75—76.

⁴⁴ Хабиб ас-сийяр, изд. Хума'и, 3, 616—617; *Кази Ахмад*. Трактат...: Рук. ГМИНВ. Л. 13а—14а; перевод Заходера. С. 71—73. Заметим, что рассказы о Ма'руфе Багдади Хвандамир заимствовал у 'Абд ар-Раззака Самарканди. Ср.: *Матла' ас-са'дайн ва маджма'ал-бахрайн*. Талиф-и маулана Камал ад-Дин 'Абд

ар-Раззак Самарканди, Джилд-и дуввум. Ба тасхих-и Мухаммад Шафи'. Чап-и дуввум. Лахур, 1368/1949. С. 589—590. Ср. также красочное эссе на эту же тему у Даулатшаха Самарканди: *The Tadhkiratu sh-Shu' ara* ("Memoirs of the poets") of Dawlaftshah bin Ala'ud-Dawla Bakhtishah al-Ghazi of Samarqand / Ed. by E. G. Browne. London; Leide, 1901. P. 429.

⁴⁵ Подробнее см.: Ахмад Гулчин-Ма'ани. Тарих-и тазкираха-йи фарси. Дж. 1. Тихран, 1348/1969. С. 155—157; также: *Storey Ch. A. Persian Literatur: A bio-bibliographical Survey*. London, 1953. Vol. 1, pt. 2. P. 797—800, 1395.

⁴⁶ Ср.: Тазкира-йи Тухфа-йи Сāми. Талиф-и Сāм-мирза Сафави. Тасхих ва мукаддима аз Рукн ад-Дин Хумайунфаррук. Тихран, [б. д.]. С. 133—134, 134, 135—136, 137, 142; Трактат... : Рук. ГМИНВ. Л. 46а—48а, 45б—46а, 28б—29а, 52б—53а, 52а, 45б.

⁴⁷ В области поэтического творчества взгляд общества на эту проблему был кардинально иным. Ср.: *Фон Грюнебаум Г. Э. Концепция плагиата в арабской теории* // Фон Грюнебаум Г. Э. Основные черты арабо-мусульманской культуры: Статьи разных лет. М., 1981. С. 127—156.

СОКРАЩЕНИЯ

ГМИНВ	— Гос. музей народов Востока (Москва)
ГПБ	— Гос. публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград)
КСИНА	— Краткие сообщения Института народов Азии
ЛО ИВ АН	— Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР
ИВ АН СССР	— Институт востоковедения АН СССР
ПП и ПИКНВ	— Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока
BSOS	— Bulletin of the School of Oriental Studies
ZDMG	— Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft

«ДИВАН-И ХАФИЗ»: ТЕКСТОЛОГИЯ И РЕДАКЦИИ *

1. Как известно, Шамс ад-Дин Мухаммад Ширази с литературным именем Хāфиз (ум. 792/1389—1390) не составил при жизни «Диван» своих поэтических произведений. Вместе с тем также известно, что поэт записывал свои стихи в личную поэти-

* Впервые статья была опубликована в: *Культурное наследие Ирана на пороге XXI века: Материалы международной конференции по фундаментальным проблемам иранистики (философия, литература и искусство)*. Москва, 15—16 февраля 2001. М., 2001. С. 17—23.

ческую тетрадь (возможно, черновой авторский сборник) — *сафине* («ковчег»). Можно предположить, что в *сафине* они появлялись по мере того, как он их создавал, т. е. в хронологическом порядке, а не по алфавиту рифм. На эту тетрадь Хафиз ссылается в своих газелях несколько раз (четыре раза — согласно изданию Ханлари 1980 г., Тегеран).

Судьба этого сборника нам не известна: он пока до нас не дошел (но рукописи ведь не горят!). Поэтому невозможно с определенностью судить о его составе, т. е. содержал ли он только собственные стихи Хафиза либо последний заносил в него также и стихи других авторов — своих предшественников и современников, привлечших его внимание необычностью формы, оригинальностью мысли или неординарностью композиции. Подобные *сафине*, видимо, следует рассматривать как нечто напоминающее творческую лабораторию любого поэта. В частности, такую работу проводил в течение всей своей творческой жизни Мухаммад-‘Али Табризи Сā’иб (1011—1086/1601—1676), составивший *сафине*, содержавшее 20 тыс. бейтов других авторов и 5 тыс. его собственных.

2. По мере роста популярности Хафиза, естественно, рос и интерес к его произведениям и соответственно наоборот. Оба процесса взаимно дополняли друг друга. Почитатели его таланта переписывали его стихи в свои личные сборники (временами на слух, под диктовку); друзья, вполне допустимо, пользовались его *сафине*; переписчики начали получать заказы от ценителей поэзии на сборники, в которые последние просили включать все известные произведения поэта. В этих случаях, как правило, стихи располагались ими в алфавитном порядке представленных рифм — первый шаг к составлению полного «Дивана».

Вместе с тем поэт продолжал творить: появлялись его новые газели, он возвращался к ранее написанным, переделывал те, которые чем-то его не удовлетворяли. Все это вновь широко расходилось по тетрадям любителей и заказным сборникам, созданным писцами-профессионалами. Подобная цепная реакция, обычная для культурно-литературного процесса, продолжалась вплоть до его смерти и заняла значительный период после нее.

Объяснение лежит на поверхности: при жизни автор не собрал свои произведения в полной «кодифицированный “Диван”», не было «авторского издания “Дивана”», в который бы вошли стихи, лично им отобранные из всего созданного и включенные в «Диван». При этом следует учитывать и то обстоятельство, что сборники, в которых находились произведения

Хāфиза, составлялись в разные периоды его жизни и ожидать, что они дадут нам все сочиненное им, было бы, по крайней мере, чистой иллюзией. Наконец, те же почитатели его творчества представляли различные социальные слои и группы тогдашнего общества, которые при отборе и записи его газелей руководствовались личными оценочными категориями, своими взглядами, интересами и вкусами.

3. То, чего не сделал сам Хāфиз, исполнили его почитатели. Более чем сомнительна традиция, сообщающая, что честь составления полного «Дивана» выпала на долю некоего ширазца Мухаммада Гуландāма — какого-то мифического лица, который взялся за это предприятие по поручению своего духовного пастыря сайида Кавам ад-Дина 'Абдаллаха (историчность последнего сомнений не вызывает).

Заметим, что самый ранний список «Дивāн-и Хāфиз» с широко известным предисловием находится в составе сборника, переписанного в 824/1421 г. (частное собрание Сабзпуш, Индия, Гуркахпур). В предисловии имя составителя не указано. «Диван» содержит 432 газели, 27 руба'и, 5 фардов. Самый же ранний список «Дивāн-и Хāфиз», в предисловии к которому составителем указан Мухаммад Гуландāм, согласно Касиму Гани и М. Казвини, датирован 1047/1631—1632 г. Думается, что к числу первых, кто стремился систематизировать газели Хāфиза, следует отнести известных и неизвестных переписчиков заказных сборников, включавших подборки стихов поэта и располагавших их в алфавитном порядке рифм. Например, ширазский каллиграф Хасан ал-Хāфиз переписал в середине раджаба 813/середина ноября 1410 г. сборник (Стамбул, библиотека Сулейманийе, № 9945), в который включил (двумя частями) 467 газелей Хāфиза, а в сборник (библиотека Худабахш, № 5758/2478, Патна, Индия), переписанный им же 20 зул-хиджжа 816/12 марта 1414 г., — 49 газелей.

Статистика «Диван-и Хāфиз» показывает, что до настоящего времени обнаружено 17 списков, переписанных между шаввалем 805/апрелем 1403 г. и 9 джумада II 843/17 ноября 1439 г.: 805 (НФР Таджикистана, № 555, в сборнике, 43 газели), 811 (бывшая коллекция А. Кипрюлю в Стамбуле, в сборнике, 36 газелей), 813 (библиотека Сулейманийе в Стамбуле, № 9945, в сборнике, 467 газелей, включая 12 повторов), 813—814 (Британская библиотека, № Add. 27, 261, в сборнике, 152 газели), 816 (библиотека Худабахш в г. Патна, Индия, № 5753/2478, в сборнике, 49 газелей), 816 (библиотека мечети Айя-София в Стамбу-

ле, в сборнике, 153 газели), 818 (библиотека Саркари в г. Хайдарабад, Индия, в сборнике, 358 газелей), 819 (Музей г. Конья, № 107/4, в сборнике), 821 (коллекция Махдави в Тегеране, в сборнике), 822 (библиотека Сулейманийе. Реван Кёшкю, № 947, кодекс, 443 газели), 824 (коллекция Сабзпуша в г. Гуркахпур, Индия, в сборнике, 435 газелей), ок. 825 (библиотека Маджлиса в Тегеране, в сборнике, 350 газелей), 825 (библиотека Нури Османийе в Стамбуле, № 3822, в сборнике, 498 газелей), 827 (бывшая коллекция А. Халхали в Иране, в сборнике, 495 газелей), 836 (коллекция Махдави в Тегеране, в сборнике), 838 (коллекция Султана Кура'и в Тегеране, в сборнике, 47 газелей), 843 (Бодлейская библиотека в Оксфорде, Англия, № Аузли 148, кодекс, 486 газелей).

Число газелей: от 36 (в сборнике собрания А. Кипрюлю, Турция, дата переписки 811/1408—1409 г.) до 496 (сборник библиотеки Нур Османийе, № 3822, Стамбул, датирован 825/1422 г.). Любопытно, что отдельным кодексом «Диван-и Хāфиз» представлен в списке 822/1419 г. (библиотека Сулейманийе, Реван Кёшкю, 947, Стамбул) и в списке от 9 джумада II 843/1 ноября 1439 г. (Оксфорд, Аузли 48). Остальные же находятся в составе заказных сборников (*байаз, джунг, маджму'а, сафине*).

Анализ указанной статистики даёт основание предположить, что основной корпус «Дивāн-и Хāфиз» оформился к началу 20-х годов XV в. с общим числом газелей в пределах 480—500.

4. Главные трудности, которые возникают перед каждым специалистом, обращающимся к текстологическому изучению «Дивāн-и Хāфиз», видимо, можно свести к следующим:

а) расхождение в количестве газелей от списка к списку (либо изданию соответственно);

б) различие в порядке последовательности газелей, т. е. в архитектонике корпуса газелей;

в) расхождение в числе бейтов одних и тех же газелей в зависимости от списка;

г) нарушение порядка последовательности бейтов в одних и тех же газелях в разных списках;

д) несовпадение отдельных слов (или нескольких слов) в *мисра'*, иногда — целых *мисра'* и отдельных бейтов — в одних и тех же газелях в зависимости от списка.

5. Помимо изданий отдельных списков «Дивāн-и Хāфиз» с соответствующим аппаратом (М. Камалиан. Техран, 1958; список 818/1415 г. содержит 358 газелей; И. Афшар. Техран, 1969, 2-е изд.: 1973; список ок. 825/ок. 1422 г. содержит 350 газелей;

Н. Ахмад и М. Р. На'ини. Мешхед; Техран, 1971, 2-е изд., 1973; список 824/1421 содержит 435 газелей) среди громадного числа публикаций за последние 60 лет подлинно научных можно считать едва ли более трех.

Последнее из них было предпринято крупнейшим иранским ученым и литератором Н. Ханлари в 1980 г. (2-е изд., 1983). При подготовке текста были использованы 14 списков, переписанных в 805—838 гг. х. Издание Н. Ханлари содержит 5 касыд (в том числе одна арабская), таркиббанд, 3 коротких маснави, 7 Сākī-nāме, 54 *қит'а*, 43 *руба'и*, 5 фардов, 486 газелей, которые составитель считает подлинными, и еще 38, авторство Хāфиза которых он считает сомнительным. К сожалению, Н. Ханлари не избежал субъективной оценки, полагаясь на свой литературный вкус и интуицию, включив в разряд сомнительных 2 газели Хāфиза, вошедшие в знаменитый «Байāз-и вазйр» («Вазиров альбом»), который собирал в Ширазе везир Тадж ад-Дин Ахмад. Обе записи газелей датируются раджабом 782/октябрем 1380 г. (см.: Байаз-и Тадж ад-Дин вазир. Исфахан, 1353/1974. С. 433, 437, 796—797).

6. Чтобы поставить издание текста «Дивāн-и Хāфиз» на строго научную базу, мало издавать старейшие списки. В настоящее время крайне важно комплексное научное исследование не только всей лексики Хāфиза, представленной в его произведениях — скрупулезный статистико-лексический инвентарь (ср. компьютеризированный авторский словарь Хāфиза: *Meneghini Correale D. The Ghazals of Hafiz: Concordance and Vocabulary*. Rome, 1988), а также исполнение аналогичной работы с диванами его ближайших предшественников, современников и непосредственных преемников. Такая масштабная работа (спокойно решаемая с помощью компьютера) не только создаст прочную базу для определения как круга лексем, бывших в ходу среди ширазских поэтов конца XIII — начала XV в., но и поможет вместе с тем более рельефно очертить те социокультурные и политические идеи и настроения, которые циркулировали в их среде, питая и обогащая их произведения.

7. Неавторская кодификация «Дивана» открывала широкий простор для разного рода дополнений, уточнений, «находок» и интерполяций, так как трудно предположить, чтобы составитель (или составители) сумели собрать воедино все написанное Шамс ад-Дином Мухаммадом и рассеянное по многочисленным альбомам и сборникам. В этом отношении весьма примечательны два дошедших до нас списка «Газалийāt-и Хāфиз» и «Дивāн-и Хāфиз».

Первый список из собрания мечети Аяя-София (№ 3945, переписанный в Ширазе для библиотеки Джалал ад-Дин Искандар-султана в середине раджаба 813/середина ноября 1410 г. в составе сборной рукописи) состоит из двух частей: основной, содержащей 252 газели, и «дополнительной» (*татамма*) в 215 газелей.

Второй список хранится в Национальной библиотеке г. Табриза, который был переписан в первой трети XV в. В нем вслед за основным «Диваном», содержащим 393 газели в алфавитном порядке рифм, следует дополнение, названное «Газелият-и джадид» («новые газели»), числом 49. Простая статистика показывает, что если в XV в. число газелей «Дивана» практически не превышало 500, а в XVI в. колебалось в пределах 600, то в XIX в. мы иногда встречаем списки, в которых число газелей достигает 800 или его превышает.

Отмеченная тенденция роста числа стихотворений «Дивана», а также его явная засоренность газелями, не принадлежавшими перу поэта, была замечена сравнительно рано. В 907/1501—1502 г. в Герате по распоряжению сына Тимурида Султан-Хусайна Байкары (1438—1506) Фаридун-Хусайна мирзы (уб. 915/1509) была создана специальная комиссия в составе наиболее эрудированных *адипов*, которая, согласно предисловию, занялась упорядочиванием и очищением «Дивана». Для этой цели было привлечено «свыше пятисот (так!) отдельных кодексов, сборников и собраний газелей, которые были переписаны еще до смерти ходжи Хāфиза».

Результатом деятельности этой комиссии явилась вторая (?) редакция «Дивāн-и Хāфиз», отличавшаяся от первой как структурой (частично), так и тем, что в ней уже отсутствовало старое предисловие, известное нам по списку 824/1421 г. Вместо него знаменитый гератский мастер этикетно-образцового эпистолярного стиля Шихаб ад-Дин ‘Абдаллах б. Мухаммад Кирмани, известный как Марвāрйд (ум. 922/1516), составил новое, содержащее глоссарий суфийских терминов и трудных для понимания арабских слов (пояснения заимствованы из «Истилāхāt ас-суфийя» ‘Абд ар-Раззака Кашани). Составленный «Диван» получил название «Лисāн ал-гайб» («Язык сокрытого»).

К сожалению, располагая только переписанными набело списками гератской редакции, мы практически лишены возможности сказать, какими критериями пользовались тамошние знатоки творчества Хāфиза, отдавая предпочтение при отборе тому или иному стихотворению, отдельному бейту, *мисра‘* или

слову. Вместе с тем сравнение списков двух редакций показывает, что исполненная в Герате отличается от первой некоторым увеличением числа касид, газелей и строфических форм, а также сравнительно небольшим расхождением в порядке следования газелей, числа и последовательности бейтов в ряде из них.

В настоящее время мне известно пять списков гератской редакции 907/1501—1502 г. Это списки: СПб. филиала ИВ РАН, А 47; Библиотеки Маджлис, № 2414. (Тегеран), Британской библиотеки, От. 3457; Библиотеки Стамбульского университета, F 87; Публичной библиотеки г. Кабула (Афганистан). Только список Британской библиотеки достаточно почтенный — переписан в 60-х годах XVI в. в Средней Азии, остальные исполнены в разные годы конца XVIII — конца XIX в. Любопытно, что следующая попытка очистить «Диван» великого поэта от наносного была предпринята в Бухаре в 1069/1658—1669 г. для джуйбарского шайха Сиддйк-хваджи.

II. История, историческое источниковедение

КАШГАРСКИЙ ПОХОД УЗБЕКОВ ПРИ 'АБДАЛЛАХ-ХАНЕ *

Широкая экспансия, которой придерживался в своей внешней политике шибанид 'Абдаллāх-хāн (1532—1598) не миновала и Могольского государства. В самом конце 1002/1594 г. или во второй половине 1008/1595 г., спустя три года после смерти 'Абд ал-Карим-хāна, совершенно неожиданно для его брата и преемника Мухаммад-хāна узбекские войска вторглись в государство, имея первоначальной целью Кашгар.¹ Известные нам источники просто фиксируют сам факт похода и не касаются причин, его вызвавших. Безусловно, эта акция узбеков для авторов-современников была действительно неожиданной, поскольку дружественные отношения и союз между моголами и узбеками Мавераннахра стали традиционными с начала правления 'Абд ар Рашид-хāна (1538—1560). Правда, сто лет спустя после этих событий местный историк и биограф Шāх-Махмūd Чурас в одном из своих сочинений попытался как-то объяснить этот односторонний акт 'Абдаллах-хāна, в котором он усматривал стремление шибанида восстановить права Шāх-Хайдар-Мухаммад-султана, сына 'Абд ал-Карим-хāна как законного наследника престола, которых его лишил его дядя-узурпатор (*Шāх-Махмūd Чурас. Анīs ат-тāлибйн. Л. 107а*). Однако в этом наивном объяснении скорее усматривается предлог, чем причина.

О кашгарской кампании узбеков сообщают местные, среднеазиатские и индийские авторы, но наиболее обстоятельные и

* Впервые статья была опубликована в: Иранская филология: Краткое изложение докладов научной конференции, посвященной 60-летию проф. А. Н. Болдырева. М., 1969. С. 5—9.

изобилующие деталями и подробностями рассказы мы нашли у трех авторов: Махмұда б. Вали, Шāх-Махмұд Чураса и анонима «Истории Кашгарии», поэтому ниже весь ход этой кампании излагается на основе их сообщений.

Известие о нападении узбеков застало Мухаммад-хāна в местности Каракир недалеко от Кашгара (у Махмұда б. Вали — в Яркенде), куда хан направлялся, чтобы лично наказать не в меру строптивного и несговорчивого *хакима* и *аталыка* Абу Са'ид-султана Тенгри-Берды-мирзу Барласа. По прибытии в Кашгар был тотчас же собран военный совет, навстречу узбекам был отправлен разведывательный отряд в сорок человек, а также гонцы в основные центры страны с требованием войск. На военном совете эмиры высказались за то, чтобы оставить Кашгар и расположиться в укреплении Чурлык, где и ждать подхода противника. Решение не понравилось хану, и он пригласил на совет опального Тенгри-Берды-мирзу, который отверг мнение эмиров и предложил, чтобы войска приготовились к сражению вблизи от города на заранее выбранных позициях. К этому времени прибыли разведчики и доложили, что узбекское войско появилось в Сариг-Язи.

Это войско шло из Ферганы через один из перевалов Алайского хребта, ведшего в Алайскую долину, и оттуда по караванной дороге на Кашгар. Источники указывают только две цифры, определяющие численность вторгшихся, а именно около 50 000 и около 100 000 человек. Первую приводит Мухаммад-‘Аваз и следующий за ним Мухаммад-Садык Кашгари, а вторую — Шāх-Махмұд Чурас и анонимный автор. По всей видимости, никто из них не знал точного числа узбеков, но называя эти цифры, они, вероятно, просто хотели сказать, что это была многочисленная армия. Нам представляется, что цифра, приведенная Мухаммад-‘Авазом, значительно ближе к истине, потому что он писал свое сочинение в Самарканде лет десять спустя после этих событий и у него как очевидца еще должны были сохраниться свежие впечатления. Также не единодушны источники при определении узбекских военачальников. Например, Шāх-Махмұд Чурас называет Узбек-султана и Ходжам-Кули *кошбеги*, анонимный автор и тот же Чурас (на сей раз в Анīs ат-тāлибйн) — только Ходжам-Кули *кошбеги*, Махмұд б. Вали — Узбек-султана, Достум-султана и Ходжам-Кули *кошбеги*; Мухаммад-‘Аваз — Достум-султана и Узбек-султана, а Мухаммад-Садык — Рустам-султана (здесь, по-видимому, неточность, связанная с нечетким написанием имени Достум-султана). В дальнейшем события развора-

чивались следующим образом. Узбекское войско, видимо, шло достаточно медленно, так как моголы успели подготовиться к предстоящим боевым действиям, и к кашгарским отрядам успело присоединиться ополчение из Хотана. Боевой порядок могольской армии был таковым: хан взял на себя руководство центром, левое крыло было поручено Абу Са'ид-султану, а правое — хотанскому ополчению во главе с Шāх-Хайдар-султаном и мирзой Шахом (у Махмūда б. Вали — Гийасом Сагричи). Несколько дней противники прощупывали друг друга, не доводя, однако, дело до серьезного сражения, и ограничивались мелкими стычками передовых отрядов. На пятый (по Махмūду б. Вали — на второй) день узбеки атаковали своим левым крылом правое крыло моголов, смяли его и начали энергично теснить. В результате, центр и левое крыло начали отступление. Нависла угроза поражения, и узбеки, стремясь развить успех, усилили нажим. В этот момент отряд в полторы тысячи человек под командованием мирзы Хайдар-бека Чураса, снятый ханом с левого крыла, произвел успешную контратаку, остановил узбеков и до некоторой степени восстановил положение, позволив расстроенным отрядам моголов в порядке отступить в Кашгар и там закрепиться, причем узбеки не преследовали отступавших. Согласно Махмūду б. Вали, во время отступления к Кашгару от Мухаммад-хāна отделился Шāх-Хайдар-Мухаммад-султан, который под предлогом сбора войск ушел в Хотан (*Махмūd б. Вали. Бахр ал-асрār. Л. 84а*). Осаждавшие провели еще несколько дней под стенами города в вялых и неэнергичных попытках взять его, а затем они внезапно снялись и ушли в глубь страны, направляясь к Яркенду.

Их путь пролегал через Богра-Кули, который Махмūd б. Вали называет «Кратчайшей дорогой». Спустя сутки, Мухаммад-хан был оповещен об уходе узбекского войска и, не теряя времени, выступил по другой дороге, ведущей в Кок-Рабат, стремясь помешать узбекам захватить столицу. На третий день пути узбекская армия подошла к городу и расположилась вблизи от него в местности Бурдж-и бустан. В тот момент в Яркенде не оказалось воинского начальника, так как он сбежал в Хотан («История Кашгарии». Л. 70б), и всеми делами в городе руководили главный судья кази Ризā и глава гражданской администрации (*сар-и дивāн*) Зийа ад-Дин. На требование узбеков немедленно сдать город они ответили, что сдадут его на следующий день в пятницу после *намаза*. Такое содержание ответа вполне удовлетворило узбекских военачальников, которые отказались от намерения окружить столицу со всех сторон. Однако ближе к ночи

в город вошел Мухаммад-хан, сразу же начавший подготовку к завтрашнему сражению. После утреннего *намаза* хан вывел войско из города, поручив своим братьям Абу Са'ид-султану и 'Абд ар Рашид-хану левое и правое крыло соответственно, а центр армии оставил за собой. Согласно всем источникам (исключение составляет Бахр ал-аср̄ār), в результате упорного и ожесточенного сражения моголы добились победы. Однако Махмūd б. Вали пишет, что в начале битвы успех битвы сопровождал моголам, но затем узбеки добились перелома в ходе сражения и, в конечном итоге, нанесли поражение моголам, которые отступили и укрылись за стенами Яркенда. Победители отказались от осады города и, удовлетворившись разгромом яркендской области, ушли в Мавераннахр (Бахр ал-аср̄ār. Л. 846). По словам Шāх-Махмūd Чураса, моголы преследовали разбитое узбекское войско вплоть до Алайской долины.

Подводя итог вышеизложенному, следует отметить, что кашгарская кампания не принесла тех результатов, которые, видимо, ожидалась. Узбеки не добились ощутимого преимущества под Кашгаром, хотя, вероятно, и взяли реванш под стенами Яркенда, нанеся поражение Мухаммад-хану, все же решающего перевеса не получили. При сопоставлении сведений источников, в которых с равной степенью полноты отмечается этот поход, обращает на себя внимание быстротечный характер всей операции. По существу, эта кампания была либо грабительским набегом, либо разведывательным походом. Именно поэтому узбеки не утруждали себя осадой городов, которая таила в себе опасность затянуться на длительный срок, что, по всей видимости, не входило в планы их военачальников. В общем, этот поход оказался неудачным для узбеков, хотя мы не можем со стопроцентной уверенностью сказать, что они потерпели поражение. В этой связи вызывает удивление абсолютное молчание авторов среднеазиатских хроник, из поля зрения которых выпал столь значительный факт, как кашгарский поход почти пятидесяти тысячной узбекской армии. Естественно, что в сочинениях, составленных в Яркенде и Кашгаре, быстрый уход узбеков мог быть расценен только как их поражение.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Только биограф 'Абд ал-Маннана указывает дату похода узбеков: «Был тысячный год, узбек пришел в год собаки», а из его последующих слов вытекает, что 'Абд ал-Карим умер либо в конце 998/1590 г., либо не позднее середи-

ны 999/1591 г. Указанная дата похода узбеков представляется ошибочной как в свете сообщений других источников («Хроника» и «Анйс ат-талибйн» Шāх-Махмūd Чураса, «История Кашгарии» и «Тāрих-и аманийе», которые отмечают либо 999 г. х. как год смерти ‘Абд ал-Карима и 1000/1591—1592 г. — как год вступления на престол Мухаммад-хāна, либо приводят этот же 1000 г. х. как год смерти первого и вступления на престол второго), так и в связи с тем, что в словах этого автора содержится фактическая неточность — год собаки приходился на 1007/1598—1599 г. Ср.: Шāх-Махмūd б. Амир Фазил Чурас. 1) Хроника: Рук. ГПБ им. В. И. Ленина. В. Перс. II. Л. 50а, 53а, 55б; 2) Анйс ат-талибйн: рук. Бодлеанской б-ки Ms. Ind. Inst. Pers. 45. Л. 94а; *Ибн Саййид ‘Али ал-Гурбати*. Тазкире-йи ‘Абд ал-Маннāн: Рук. Института востоковедения АН СССР. А 231. Л. 14б; анонимная «История Кашгарии»: Рук. Института востоковедения АН СССР. С 57б. Л. 69а; *Таарих-и эмэние*. История владетелей Кашгарии / Сочинение муллы Мусы, бен муллы Айса, сайрамца, изданная Н. П. Пантусовым. Казань, 1905. С. 19—20. Узбекское войско могло прийти только в указанный период года, так как в это время перевалы свободны от снега и льда и доступны для прохождения крупных сил.

К ВОПРОСУ О ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ СВЯЗЯХ МОГОЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВА¹ С УЗБЕКАМИ И КАЗАХАМИ В 30-е ГОДЫ XVI в. — 60-е ГОДЫ XVII в.*

I

16-го зу-л-хиджжа 939/9 июля 1533 г., возвращаясь из похода на Малый Тибет (Ладак), умер основатель государства Чагатаидов в Восточном Туркестане Султāн-Са‘йид-хāн.² Первого мухаррама 940/23 июля 1533 г.³ в Яркенде на престол взошел его старший сын ‘Абд ар-Рашид, который едва ли не в первые годы своего правления круто изменил традиционный внешнеполитический курс — союз с узбек-казахами против узбеков Шибанидов.⁴ Известные в настоящее время источники не поясняют причин, вызвавших столь резкое изменение политической ориентации, а из современников хана только Мухаммад-Хайдар сообщает нам о самом факте разрыва с узбек-казахами: «Ото дней Эсен-Буги-хāна до времени ‘Абд ар-Рашид-хāна между могола-

* Впервые статья была опубликована в: Палестинский сборник. Вып. 21(84): Ближний Восток и Иран. Л., 1970. С. 233—248.

ми и казахами существовали в общем дружеские отношения, но Рашид-хан вскоре порушил такое положение». ⁵ В другом месте он замечает: «Затем он установил отношения дружбы и мира с узбек-шибанами, что были исконными недругами (как об этом уже говорилось), и это помогло ему уничтожить узбек-казахов, что были исконными друзьями. И тем и другим узбекам Рашид-хан дал своих сестер в жены. Но поскольку узбек-шибаны были старыми врагами, то, выдав свою сестру замуж, а это было серьезным делом, он положил конец этой вражде. Словом, объединившись в союзе с <узбек->шибанами, он совершенно разгромил узбек-казахов». ⁶ Последующие события показали, что молодой хан (он родился в 915/1509—1510 г.) правильно оценил конкретную обстановку, сложившуюся в том районе, в силу чего смена ориентации оказалась его удачным и стратегически верным внешнеполитическим шагом. Дело в том, что длительная борьба могольских ханов-чагатаидов и казахов против Шибанидов, привела к тому, что моголы почти всегда оказывались в роли обороняющихся и в результате потеряли Туркестан и Ташкент, опорные пункты на Сырдарье, и область Ферганы. ⁷ Однако ко времени, когда бразды правления перешли в руки 'Абд ар-Рашида, казахский союз в результате ряда внутренних неурядиц, смут и коллизий частью рассеялся и утратил свою былую силу и мощь, которой он обладал каких-нибудь 10—15 лет тому назад во времена Касим-хана (ум. 924/1518 г.) ⁸ и его сына и преемника Мамаш-хана, когда, по словам Мухаммад-Хайдара, число казахов доходило до миллиона. ⁹

Таким образом, перед моголами со всей остротой встала проблема оказаться один на один с грозным противником, каким являлись Шибаниды в то время. Видимо, эта перспектива вынудила 'Абд ар-Рашид-хана отказаться от своих прежних союзников и заключить соглашение с «исконными врагами». Выгоды такого союза были очевидны: во-первых, до известной степени ликвидировалась угроза нападения со стороны Шибанидов, а во-вторых, с помощью Шибанидов появлялась возможность если не присоединить к Могольскому государству территорию северо-западной и центральной частей Моголистана, где кочевали казахи со времени Эсен-Буги-хана (1434—1462), то распространить на нее свое преобладающее влияние. Отметим, что 'Абд ар-Рашид всегда рассматривал западную и центральную части Моголистана как свой наследственный юрт. Определенную выгоду из этого соглашения извлекали и Шибаниды, так как при его заключении и вступлении в силу распадалась коали-

ция, противостоявшая и угрожавшая им на восточной границе Мавераннахра.

В настоящее время мы не располагаем прямыми сообщениями источников о точной дате заключения союза. О том, что он был заключен между 'Убайдаллāх-хāном и 'Абд ар-Рашид-хāном до 944/1537 г.,¹⁰ мы узнаем со слов очевидца и современника событий Зайн ад-Дина Васифи,¹¹ который в своей «Реляции о победе над казахами» («Фатх-нāме-йи казāk») указывает на этот факт. Он сообщает, что 'Убайдаллāх-хāн решил выступить в поход против казахов в связи с тем, что последние проливали кровь мусульман и отдавали на поток и разорение их имущество. С этой целью он сосредоточил у подножья горы Казкурд (верховья р. Бадам в районе Сайрама) свои войска и готовился к походу, когда от 'Абд ар-Рашид-хāна прибыл гонец с посланием, в котором тот предлагал 'Убайдаллāх-хāну совместно выступить, объединив свои силы, против казахов согласно договору и соглашению о совместных действиях, заключенному ранее у подножья перевала Ак-Богуз и скрепленному клятвой. В четверг 26 мухаррама¹² 'Убайдаллāх-хāн оставил берега реки Сайрам и, направившись «в сторону Казакстана», расположился лагерем в месте نكین («один из древних городов, ныне в разрушенном состоянии»). Отряд, высланный отсюда к поместью (*чахāрбāг*) Узун-Ахмада, выяснил, что казахи находятся на летовке Сугун-Сусамыр около мазара Кочкар-ата. Два узбекских бия Кушай-бий и Турды-Мухаммад-бий, отряженные вперед, чтобы захватить перевал Сунак и тем самым перекрыть путь отхода казахов, взяв языка, выяснили, что казахи направились к Иссык-Кулю, оставив долину Кочкар-ата. Узбеки погнались за отступающим неприятелем и настигли его около крепости جتن, «которую построил еще Тāхир-хāн у подножья горы для отражения калмаков». Но казахи, укрепившие вначале крепость дополнительными завалами камней и деревьев, на закате, когда узбеки подошли к подножью горы, оставили крепость и отступили к برکچ. 16 сафара на берегу реки Узунлук пришло известие о подходе 'Абд ар-Рашид-хāна, с которым узбеки не могли в течение двадцати дней установить связь; несмотря на то что гонцы отправлялись с обеих сторон, ни один из них не достиг цели. 17 сафара оба войска соединились в местности Сан-таш. Под вечер того же дня узбеки и моголы настигли казахов в برکچ, «а это искусственный ров, широкий и глубокий, и на дне его вода». Неприятель, укрывшись за этим рвом и поднявшись на его высоты, завалил проходы камнями и деревьями. Поутру 18

сафара (в четверг¹³), после восхода солнца, «славнейший старший брат ‘Абд ар-Рашид-хāн» сказал ‘Убайдаллāх-хāну: «В этой стороне вы по сравнению с нами являетесь гостями. Будет уместным и справедливым, если мы раньше вас обнажим мечи и сразимся». Он долго настаивал, и в конце концов порешили на этом. В результате упорного и ожесточенного сражения казахи дрогнули и обратились в бегство, а их движимое имущество, лошади, верблюды и скот достались победителям.¹⁴

В сражении, в котором им противостояли объединенные силы ‘Убайдаллāх-хāна и ‘Абд ар-Рашид-хāна, казахи потерпели поражение. Из слов Васифи, однако, трудно сделать вывод о сокрушительном поражении, которое дало возможность говорить Мухаммад-Хайдару о том, что казахи «были совершенно искоренены» и что «от них и следа не осталось на земле».¹⁵

Когда же произошло это сражение?

По словам академика В. В. Бартольда, эта битва имела место в 944/1537—1538 г., в ней погибли казахский хан Тугум — брат Тахира — и еще 37 султанов и царевичей.¹⁶ Вероятно, эту дату В. В. Бартольд устанавливает на основании косвенного указания Мухаммад-Хайдара («Под конец эта вероломная судьба учинила такое, что вот уже четыре года сейчас, как от всего народа и следа-то нигде не осталось. В <9>30 году казахов насчитывалось тысяча тысяч, а в <9>44 от этого скопища на земле ничего не осталось»),¹⁷ поскольку он не ссылается на какой-то определенный источник, где эта дата была бы указана. Отметим, что это замечание Мухаммад-Хайдара относится к 948/1541—1542 г.

Вывод В. В. Бартольда, по нашему мнению, подтверждается приведенными выше словами Васифи, поскольку день недели — четверг 26 мухаррама — приходится только на 944 г. х., согласно таблицам И. А. Орбели, с 940 по 946 г. х. правления ‘Убайдаллāх-хāна. Правда, четверг 18 сафара, согласно тем же таблицам, будет пятницей в 944 г. х.

Конечно, можно предположить, что сражение было не в этом году; тогда, принимая во внимание, что узбекскими войсками в нем руководил ‘Убайдаллāх-хāн, оно могло иметь место в промежуток между 941—946/1534—1539 гг.

Если в настоящее время мы знаем, что во главе могольских войск стоял ‘Абд ар-Рашид, а во главе узбекских — ‘Убайдаллāх, которые «испили напиток победы», то, кто противостоял им, руководя казахскими силами, нам точно неизвестно. Сообщение В. В. Бартольда базируется единственно на словах та-

тарского анонима, в котором не сказано, когда и в битве с кем погибли Тугум-хан и 37 казахских султанов.¹⁸ Посему это заключение В. В. Бартольда остается, как нам представляется, только предположением и не получило еще прямого подтверждения других источников.

II

До 951/1544—1545 г. известные источники ничего не сообщают о дальнейшем развитии узбеко-могольско-казахских отношений. Но вот компилятор начала XVII в. Хайдар б. 'Али в Та'рих-и Хайдарй сообщает, что в 951/1544—1545 гг. узбекский Барāk-хāн (т. е. Науруз-Ахмад-хан) и могольский 'Абд ар-Рашид-хāн нанесли совместными усилиями поражение казахам в районе Иссык-Куля. Этот пассаж никем не приводился полностью, у В. В. Бартольда имеется только резюме со слов Э. Катрмера, на которого он ссылается и в котором нет ни слова о битве с казахами, а говорится о заключении соглашения и союза. В связи с этим мы приводим его в переводе: «Сначала он (Барāk-хāн. — О. А.)» по причине соседства и территориальной близости вступил в мирные переговоры с 'Абд ар-Рашид-хāном — правителем Кашгара, чтобы <в случае заключения союза> со спокойной душой заняться затем завоеванием других вилайетов, и благодаря стараниям Мир Мухаммад Барласа между ними был заключен мир.

Свидевшись на перевале Ак-Богуз <в тексте — Ак-Бокур>, они уселись на одном ковре, а договор и соглашение между ними были скреплены клятвой. <При этом> Барāk-хāн¹⁹ взял в жены сестру 'Абд ар-Рашид-хāна и возвратился назад. Барāk-хāн самодержавно властвовал в Туркестане и Мавераннахре. В 951 году <хиджры> Барāk-хāн вместе с 'Абд ар-Рашид-хāном — правителем Кашгара — выступили в степь на войну с казахами. Встретившись на Иссык-Куле, они сошлись на том, что 'Абд ар-Рашид, как более знакомый с теми местами, отправится впереди. И 'Абд ар-Рашид-хāн во исполнение договоренности стремительно пошел вперед, настиг казахов и после победоносного сражения бросился их преследовать. Барāk-хāн подошел следом. Все имущество и скот казахов, брошенные во время битвы, попали в руки их воинов. После победы 'Абд ар-Рашид повернул обратно, и каждый из них отправился восвояси.²⁰

При сопоставлении этого пассажа с приведенным выше в пересказе «Фатх-наме-ий казāk» Васифи бросается в глаза его

явная зависимость от последнего, что не оставляет никакого места сомнениям в том, что автор был знаком с «Реляцией» Васифи, изложенной весьма конспективно, но с сохранением основных моментов Фатх-наме. Однако Хайдар б. ‘Али называет победителем казахов вместе с ‘Абд ар-Рашїд ташкентского хана Науруз Ахмада и приводит 951/1544—1545 г. как дату сражения.

Хотя все сообщение Хайдара б. ‘Али выглядит исключительно правдоподобно, тем не менее оно не представляется нам, особенно в свете сообщения Васифи, достоверным. Конечно, мы не исключаем возможности контактов между Барāk-хāном и ‘Абд ар-Рашїдом, направленных на укрепление союза узбеков и моголов, и в этом смысле дату их встречи (но не совместной победы) можно признать вероятной. Однако, учитывая, что этот в общем-то добросовестный компилятор внес много неточностей и ошибок, особенно в сведения, сообщаемые им о событиях на территории Средней Азии и Восточного Туркестана, в данном случае с ним согласиться нельзя. По-видимому, до него дошли известия о союзе и совместных действиях против казахов Барак-хāна и ‘Абд ар-Рашїда, о которых говорит анонимный автор «Истории Кашгарии» (к ней мы обратимся ниже), и в этом случае он либо не располагал проверенными данными, либо сознательно «подправил» Васифи, потому что только этим можно объяснить как более позднюю дату, приводимую Хайдаром б. ‘Али, так и появление имени Барак-хāна, который отмечен как один из победителей.

Видимо, союз моголов и узбеков Шибанидов в период правления в Яркенде ‘Абд ар-Рашїд-хāна был достаточно прочным и поддерживался обеими сторонами.²¹ Что же касается рассказа Хайдара б. ‘Али о том, что ‘Абд ар-Рашїд в 953/1546—1547 г. в связи с ложным известием о смерти Барāk-хāна выступил на Андижан и разгромил его, который как будто бы противоречит нашему только что высказанному выше предположению,²² то он не соответствует действительности, так как и в этом случае Хайдар б. ‘Али вновь «подправил» сообщения других источников о походе, предпринятом Султāн-Са‘ид-ханом на Андижан в связи со смертью в 932/1525—1526 г. Суйюндж-Ходжи-хāна, о котором нам известно, во-первых, со слов современника и очевидца Мухаммад-Хайдара,²³ а во-вторых, из более пространного и содержащего большее количество деталей и подробностей рассказа Махмūда б. Вали,²⁴ опиравшегося при этом на то же Тāрїх-и Рашїдї.

В более поздних источниках, написанных главным образом в Могольском государстве в XVII и начале XVIII в. (мы имеем в виду Тазкире-йи хвādжа Мухаммад-Шариф,²⁵ Бахр ал-асрār Махмӯда б. Вали, «Хронику» Шах-Махмуда б. амир Фазил Чураса и анонимного автора конца XVII в., посвятившего значительную часть своего труда истории Могольского государства), с разной степенью полноты сообщаются такие подробности сражения 'Абд ар-Рашида с казахами, которые без всякого сомнения говорят о других, более поздних по времени акциях 'Абд ар-Рашида, следовательно, о другом поражении, которое потерпели объединенные на этот раз силы казахов и киргизов. Ниже мы даем краткое изложение их сведений: 'Абд ар-Рашид-хāн назначил своего старшего сына 'Абд ал-Латифа наместником в Аксу и Уч, чтобы тот, опираясь на Аксу, следил за положением в Моголистане, вмешивался во внутренние дела и активными действиями сдерживал и препятствовал движению киргизских племен в юго-западном направлении (что выражалось в постоянных набегах и грабительских походах). Ответная реакция киргизов и казахов не заставила себя ждать, и после того как 'Абд ал-Латиф в проведении такой практики «перешел границы», казахи и киргизы объединили свои силы. Возвращаясь из похода (пятого, по словам Махмӯда б. Вали), он был настигнут силами казахов и киргизов (Шāх-Махмӯд Чурас, Махмӯд б. Вали, Аноним), во главе которых стоял казахский хан Хакк-Назар (Буйдāш-султан у Махмӯда б. Вали). Начальник арьергарда Тохтамыш-Йирук из племени балыкчи был оповещен о подходе вражеских войск к лагерю султана, но не предупредил его о надвигающейся опасности и бежал (за что впоследствии поплатилось все племя — оно было уничтожено 'Абд ар-Рашид-ханом). Казахи и киргизы неожиданно для султана и его войск ночью атаковали их лагерь и совершенно его разгромили. В ночном сражении был тяжело ранен 'Абд ал-Латиф-султан, умерший вскоре после того, как его доставили к Хакк-Назару.

По получении сообщения о гибели сына 'Абд ар-Рашид-хāн обратился за помощью к Науруз-Ахмад-хану и стал готовиться к походу. После пятимесячной подготовки он выступил и настиг казахов с киргизами в местности Артыш (Иртыш?). В результате сражения Хакк-Назар-хан был взят в плен и убит, с ним и шесть царевичей со знаменем. (Махмӯд б. Вали. Л. 81а: 'Абд ар-Рашид-хāн, получив известие о гибели сына, столь стремительно вы-

ступил в поход, что авангард его войска настиг арьергард спокойно уходившего Буйдāш-хāна в окрестностях Иссык-Куля. Казахский хан ударился в бегство, и 'Абд ар-Рашид после двадцатидневного преследования настиг его в местности Кйлмит Кāджвре и наголову разбил, но Буйдаш-хан спасся бегством. Победителям, помимо добычи, достались девять знамен.

Тазкире-йи хвāджа Мухаммад-Шариф. Л. 1476: 'Абд ар-Рашид разбил казахов и киргизов на Иссык-Куле после двадцатидневных сражений и стычек.

Шах-Махмуд Чурас. Л. 476: хан три месяца шел по следам Хакк-Назар-хāна и, настигнув его в Эмиле, разбил после длительной осады укрепления, в котором тот укрылся. Причем, «Хакк-Назар и прочие царевичи были перебиты, а киргизские эмиры были взяты в плен», помимо добычи в руки моголов попали семь знамен и бунчуков.)

Следует отметить весьма интересный факт: все эти источники, как и Мухаммад-Хайдар, говорят об одном-единственном сражении между 'Абд ар-Рашид-хāном и казахами. Опираясь при этом на сообщение «Тārīх-и Рашидй», они несомненно имели в виду другую битву, в которой победа также досталась моголам. Для всех сообщений наших источников характерны следующие сходные элементы: 1) поход 'Абд ар-Рашид-хāна был вызван известием о гибели сына; 2) сражение имело место где-то в Моголистане; 3) победа досталась моголам; 4) поражение потерпели объединенные силы казахов и киргизов; 5) во главе этих сил стоял казахский хан (Хакк-Назар или Буйдāш).

Когда же произошла эта битва?

По всей видимости, она имела место между 959/1551—1552 и 963/1555—1556 гг., когда старшим среди узбекских ханов был Науруз-Ахмад, имевший личным доменом Ташкент. Естественно предположить, что 'Абд ар-Рашид вел переговоры, как и в случае с 'Убайдаллāх-ханом, со старшим ханом среди узбеков, каковым в то время являлся Науруз-Ахмад, умерший в 963/1555—1556 г. Кроме того, 'Абд ал-Латиф-султан был уже взрослым, а 'Абд ар-Рашид-хан всецело полагался на его опыт, если доверил наместничество Аксу ему одному и не назначил руководителя-аталыка. Заметим, что Хайдар б. 'Али дважды отмечает, что он погиб в возрасте двадцати девяти лет.²⁶ Во главе объединенных казахско-киргизских сил стоял, по нашему мнению, не Хакк-Назар-хан, а его двоюродный брат Буйдāш-хан, издавна связанный с киргизами,²⁷ действовавший в этом районе Моголистана. Но если этим предводителем был Хакк-

Назар, то он не погиб, как сообщают Шāх-Махмūd Чурас и Аноним, а спасся и еще более четверти века с переменным успехом вел борьбу с сыновьями Науруз-Ахмада в районе Туркестана и Ташкента, пока не погиб, став жертвой собственной интриги в 988/1580 г.²⁸ Наконец, то, что в отмеченных выше источниках наряду с казахами упоминаются и киргизы, подтверждает еще раз, по нашему мнению, предположение о другом военном успехе ‘Абд ар-Рашида. Вполне допустимо, что после поражения 944/1537—1538 г., понесенного казахами от союзных войск, последние могли противопоставить объединению моголов и узбеков свой союз с киргизскими племенами, которые уже со времени Султāн-Са‘ид-хāна выступали против стремления могольских ханов установить свою гегемонию в Прииссыккулье и распространить свое господство на восток тогдашний Моголистан. Этот союз сложился около 931/1524—1525 г., но окончательно оформился в 40-х годах XVI в. и был противопоставлен союзу моголов и узбеков Мавераннахра.

Таким образом, ‘Абд ар-Рашид-хāн изменил традиционный внешнеполитический курс и, заключив союз с Шибанидами, первоначально направленный своим острием против казахов, добился несомненного успеха. Вместо опасного врага у него появился сильный союзник, в то же время в отношении казахов он получил свободу действий и инициативу, которую, видимо, не упускал из рук, о чем свидетельствуют его военные успехи.

Этой политики, которую в отношении казахов (а затем и киргизов) можно было бы назвать наступательно-сдерживающей, ‘Абд ар-Рашид придерживался все время своего правления (он умер в 967/1559—1560 г.²⁹). Несомненно, она предполагала одновременно и походы в Моголистан, однако в имеющихся источниках, кроме уже отмеченных нами акций ‘Абд ар-Рашид-хāна и ‘Абд ал-Латиф-султана, ничего об этом не говорится.

В этой связи несомненный интерес представляла бы позиция могущественного дяди ‘Абд ар-Рашида Мансūr-хāна (ум. 950/1543—1544 г.) — правителя Джалыша и Турфана, но приходится с сожалением констатировать, что источники единодушны в своем молчании в этом отношении. Несмотря на то что ‘Абд ар-Рашид-хан проводил весьма активную внешнюю политику, нам неизвестны какие-либо шаги, направленные им против Джалыша и Турфана, хотя в первые годы его правления Мансūr-хāн неоднократно водил войска (правда, безуспешно) против ‘Абд ар-Рашида. В правление ‘Абд ар-Рашид-хāна Восточный Туркестан был разделен на два практически независи-

мых государства, одно с центром в Яркенде, другое с центром в Турфане. Безусловно, что негативная позиция правителей восточной части страны по отношению к яркендскому хану не могла не снижать эффективности действий 'Абд ар-Рашида в Моголистане, так как ему всегда приходилось помнить о восточном соседе и быть начеку.

Все источники основной результат союза 'Абд ар-Рашида с Шибанидами усматривают в военных успехах хана и прежде всего отмечают этот факт. Другой своей цели — подчинить тогдашний Моголистан — он так и не добился, поскольку для этого там необходимо было создавать опорные пункты, держать гарнизоны и т. п., что было просто неосуществимо с армией в 40—50 тыс. человек (да и то при напряжении всех сил). Отдельные военные походы и экспедиции не могли привести эту область к подчинению, так как киргизы всякий раз «при невыгодных для них условиях удалялись в Или-Иртышское междуречье, а при благоприятной обстановке снова возвращались на старые земли».³⁰ Вместе с тем ему удалось, следуя своей политике, превратить районы, лежащие непосредственно к северу от границ государства, в «сферу своего влияния» и тем самым временно обезопасить границы и приостановить ненадолго движение киргизских племен в западном и юго-западном направлении.

IV

Внешнеполитический курс, проложенный 'Абд ар-Рашидханом, не претерпел видимых изменений при его сыне и преемнике 'Абд ал-Кариме (967 — конец 999/1559—1591 гг.). Согласно Махмуду б. Вали, он поддерживал дружеские отношения с узбеками и обменивался с ними частыми посольствами. Наряду с этим он много раз водил войска в Моголистан и сражался с казахскими султанами и киргизскими предводителями, причем, по замечанию того же автора, добивался успеха во всех сражениях.³¹ Немногочисленные источники, которыми мы располагаем, к сожалению, не дают нам возможности судить о характере действий 'Абд ал-Карим-хана, а также о причинах, которыми они были вызваны, иными словами, кто был в этих событиях иницирующей стороной. Этот вопрос весьма существен для определения его политики в отношении Моголистана, т. е. была ли она активна и наступательна либо пассивна и сводилась к отражению постоянных приливов киргизских племен, подтал-

квиваемых сначала казахами, а затем калмаками, и постепенному отступлению в пределы своего государства.

Сообщение «Джалйс ал-муштākйн», а также мимоходом оброненное замечание Шāх-Махмūd Чураса показывают, что к концу правления 'Абд ал-Карима киргизы уже заняли северный Тянь-Шань и находились на территории от Джалыша до Чу-Таласского междуречья.³²

Таким образом, к концу правления 'Абд ал-Карима моголы были окончательно вытеснены из северного Тянь-Шаня киргизами, которые стали их непосредственными соседями на севере и северо-западе. Этому обстоятельству способствовали два основных фактора — постоянное давление калмаков на киргиз и ослабление Могольского государства. Правда, центральная ханская власть в государстве была еще достаточно сильна, чтобы подавить еще редкие сепаратистские всплески отдельных представителей династии, имевшие место в конце жизни 'Абд ал-Карим-хāна, или же выдворить из столицы столь могущественного *ишана*, каковыми был Мухаммад-Исхак Вали (ум. 1008/1599 г.) — основатель черноморской линии ходжей, но процесс упадка уже наметился и центробежные силы уже начали расшатывать фундамент власти яркендского хана.

Словом, приходится констатировать, что к концу правления 'Абд ал-Карим уже не смог проводить политику своего отца во всем ее объеме, ему не удалось воспрепятствовать продвижению киргизов в юго-западные районы Моголистана, а оттуда далее в Ферганскую и Алайскую долины. В дальнейшем его преемникам нужно было решать внешнеполитические вопросы с учетом возникшей ситуации, когда на северных и северо-западных границах Могольского государства обосновались киргизские роды и объединения.

Судя по сообщению Махмūда б. Вали, союз моголов и узбеков Мавераннахра сохранял свою силу и не был аннулирован, хотя ни один источник не приводит примеров его конкретного проявления в период ханствования 'Абд ал-Карима. Безоблачная атмосфера мира и согласия была совершенно неожиданно для моголов нарушена узбеками, которые односторонним актом разорвали союз, двинув свои войска против Могольского государства, три года спустя после смерти 'Абд ал-Карим-хāна.³³ Чем было вызвано это мероприятие 'Абдаллах-хāна (ум. 1006/1598 г.), нам неизвестно, во всяком случае все доступные источники, за единственным исключением, обходят молчанием эту сторону вопроса. Этим исключением является труд Шāх-

Махмūd Чураса «Анйс ат-талибйн», в котором поход узбеков объясняется тем, что, по мнению 'Абдаллах-хāна, Мухаммад-хан,³⁴ ставший преемником 'Абд ал-Карима и вступивший на престол в конце 999/1591 г. или начале 1000/1591 г., попрал законные права Шāх-Хайдар-Мухаммад-султана сына 'Абд ал-Карим-хāна как наследника престола.³⁵ Вряд ли это наивное объяснение следует рассматривать как причину акции 'Абдаллах-хāна, скорее всего в нем можно усмотреть попытку как-то объяснить неожиданное вторжение узбеков. По всей видимости, 'Абдаллах-хан, достигший к этому времени зенита своего могущества, был хорошо осведомлен о состоянии внутренних дел в Могольском государстве и решил воспользоваться сложившейся в нем ситуацией.

Кашгарская кампания не дала тех результатов, на которые, видимо, рассчитывали узбеки. Они не добились ощутимого преимущества под Кашгаром и, хотя взяли реванш под стенами Яркенда, нанеся поражение Мухаммад-хану, решающего перевеса не получили; к тому же они не смогли захватить основных центров страны. Узбекское войско быстро ушло, ограничившись разорением районов, лежавших на их пути. При сопоставлении сведений источников, в которых с разной степенью полноты отмечается этот поход, обращает на себя внимание быстротечный характер всей операции. По существу эта кампания была разведывательным походом или набегом с целями грабежа и захвата пленных. Именно поэтому узбеки не утруждали себя осадой городов, которая грозила затянуться, что, видимо, не входило в планы их военачальников.

В общем, этот поход оказался неудачным для узбекского войска, хотя мы не можем сказать, чтобы оно потерпело поражение. Любопытно, что столь значительное событие, когда в поход ушла армия в 50 тыс. человек, выпало из поля зрения авторов среднеазиатских хроник.

Естественно, что в сочинениях, составленных в Кашгаре и Яркенде, быстрый уход узбеков был расценен как их поражение. Об этом же сообщает нам индийский автор 'Абу-л-Фазл 'Алламй. Только Махмūd б. Вали говорит о военных успехах узбеков.³⁶

Не приходится сомневаться в том, что союз между узбеками и моголами распался в результате односторонних действий 'Абдаллах-хāна. Неизвестно, каким образом разрыв отношений отразился во внешнеполитическом аспекте, но несомненно, что сложившаяся ситуация сделалась более благоприятной как для казахов, так и для киргизов. Вплоть до 1072/1661—1662 г. ис-

точники не отмечают каких-либо попыток восстановления отношений.³⁷ В указанном году яркендский 'Абдаллах-хан (1048—1078/1639—1667) направил в Бухару к 'Абд ал-Азйз-хану подчеркнуто пышное посольство, которое явилось ответом на инициативу Аштарханида.³⁸ К сожалению, источники не отмечают, вылилась ли эта инициатива, как и последующий за ней обмен посольствами, в какую-либо конкретную форму взаимоотношений.

V

Выше говорилось, что при 'Абд ар-Рашид-хāне в Восточном Туркестане было два практически независимых государства — одно с центром в Яркенде, другое с центром в Турфане, где еще при жизни Мансур-хāна правителем стал старший сын Шāх-хāн. Шāх-хāн, по сведениям источников, погиб в 1570 г. во время очередного своего набега на калмаков. Анонимный автор замечает, что после его смерти в Турфане не стало хана.³⁹ Это замечание можно понимать в двух аспектах: либо в разгоревшейся междоусобной борьбе за власть после смерти Шāх-хāна, у которого не было наследника, погибли все остальные сыновья Мансур-хāна, которых было не менее трех, и таким образом прекратилась мужская линия правителей Турфана, либо ни один из претендентов на верховную власть не мог одолеть или подчинить своих соперников. Так или иначе этим обстоятельством воспользовался брат 'Абд ал-Карим-хāна Курайш-султан и, утвердившись в Турфане, объявил себя независимым.⁴⁰ В 996/1588 г. он был разбит Мухаммад-ханом, действовавшим по приказу 'Абд ал-Карима, схвачен и выслан в Индию, где и умер в начале 1000/конец 1591 г.⁴¹

Видимо, воспользовавшись неопределенной обстановкой, которая сложилась в стране в связи со смертью 'Абд ал-Карим-хāна и отсутствием Мухаммад-хāна, ушедшего еще до смерти брата в поход против киргизов в Чу-Таласское междуречье, Худāбанде-султан, сын Курайш-султана, объявился в Джалыше и Турфане и захватил власть с помощью Тауке-хāна казаха.⁴² Правда, он не сумел там закрепиться и в 1004/1595—1596 г.,⁴³ потерпел неудачу, разбитый 'Абд ар-Рахйм-хāном, которому Мухаммад-хан пожаловал эту область в удел уже после того, как там обосновался Худāбанде-султан. Племяннику и дяде пришлось решать спор оружием, в результате чего удел достался дяде. В событиях, развернувшихся в пределах Турфана и

Джалыша, весьма примечателен факт помощи, оказанной ханом Тауке Худабанде-султану. По существу это была поддержка выступления против центральной власти. Как мы увидим впоследствии, она не была случайным и единичным актом, а носила характер определенной закономерности, и в этом случае можно говорить о существовании союза или договора о совместных действиях между казахскими ханами и правителем восточной части Могольского государства против преемников Мухаммад-хана, правивших в Яркенде. Показательно, что в критические моменты упорной сороколетней борьбы, которую вел 'Абд ар-Рахым-хан, опираясь на Джалыш и Турфан, против Яркенда, на его стороне всегда выступали казахи. В этой связи следует заметить, что, по-видимому, поддержку ему оказывала одна из соперничавших группировок внутри казахского союза, поскольку известно, что казахский хан Турсун-Мухаммад,⁴⁴ правивший в Ташкенте и признававшийся ханом значительным числом казахов (но не всеми) в начале 20-х годов XVII в., установил непосредственные отношения с яркендскими правителями, а его сестра Ханым-падшах была замужем за сыном Мухаммад-хана Шуджа' ад-Дин Ахмад-ханом (1018—1028/1610—1619). Примечательно, что сын Турсун-Мухаммада после гибели отца, бежав из Ташкента, находит себе приют в Яркенде.⁴⁵

'Абд ар-Рахым-хан, утвердившись в Джалыше и Турфане, очень скоро почувствовал себя независимым правителем. После же смерти Мухаммад-хана он недолго сохранял лояльность⁴⁶ по отношению к центральной власти в Яркенде, где сидел Шуджа' ад-Дин Ахмад-хан, тем более что ему удалось относительно успешно отразить две попытки сына последнего Зийа ад-Дин Ахмад-султана присоединить к своим владениям Джалыш и Турфан. Прочно обосновавшись в Джалыше и Турфане,⁴⁷ он настойчиво, пользуясь любым случаем, начал прибирать к рукам уделы Кусана и Бая, и последующая борьба развернулась, в основном, вокруг этих городов. Судя по источникам, весьма заметную роль в этой длительной и шедшей с переменным успехом борьбе сыграл состоявший на службе у 'Абд ар-Рахым-хана со своим отрядом казахский султан Искандер, который погиб в решающем сражении с Шуджа' ад-Дин Ахмад-ханом, обеспечив победу 'Абд ар-Рахым. На стороне 'Абд ар-Рахым-хана в его борьбе с Яркендом постоянно выступали некоторые казахские султаны. Вскоре после гибели Искандар-султана в лагере 'Абд ар-Рахыма объявился известный Ишим-хан сын Шигая — соперник уже упомянутого нами Турсун-Мухаммад-хана в борьбе

за первенство среди казахов.⁴⁸ Если Турсун-Мухаммад-хан поддерживал дружеские отношения с яркендским ханом и состоял с ним в родстве, то не может вызывать удивления, что Ишим-хан поддерживал соперника последнего, на стороне которого он воевал более пяти лет. На этот раз военный союз был скреплен брачными узами: Ишим-хан взял в жены дочь 'Абд ар-Рахима Падшāх-ханым, от которой у него была дочь Ай-ханым, а 'Абд ар-Рахīm женился на дочери брата Ишим-хāна Кучук-султана.⁴⁹ Последующие пять лет были заполнены обоюдными походами, сражениями и мелкими стычками. После того как положение в какой-то мере стабилизировалось, Ишим-хан ушел в Ташкент и, убив в 1038/1628 г. Турсун-Мухаммад-хāна, стал старшим казахским ханом.

Мы уже отмечали, что при Шуджā' ад-Дин Ахмад-хане Яркенд потерял контроль над восточной частью государства, а попытки восстановить его привели лишь к усилению 'Абд ар-Рахīm-хāна, который умело пользовался внутренними неурядицами. После гибели Шуджā' ад-Дин Ахмада в правление его сына 'Абд ал-Латифа (ум. ок. 1040/1631 г.) экспансия 'Абд ар-Рахīm в западном направлении продолжалась, причем его деятельно поддерживали в этом казахские султаны. Все усилия центральной власти были направлены к тому, чтобы отразить его попытки обосноваться в Бае и Аксу. Источники достаточно ясно показывают, что это давалось 'Абд ал-Латиф-хану и его окружению значительным напряжением всех сил и средств. Отразить наступление 'Абд ар-Рахīm-хāна все же не удалось, так как практически Бай, например, все время оставался в его руках и был ставкой Ишим-хāна. После упорной, продолжавшейся более пяти лет борьбы наступило, видимо, какое-то равновесие, и обе стороны решили переселить жителей Бая каждая к себе. В действиях центральной власти наметился некоторый успех в правлении энергичного Султāн-Махмūd-хāна, но он вскоре умер.⁵⁰

Подводя некоторый итог, можно отметить, что ко времени своей смерти (1044/1634—1635 г.) 'Абд ар-Рахīm-хāн не только стал независимым правителем восточной части страны, но и объективно его позиция выглядела сильнее позиции яркендского хана, что и доказал его сын и преемник 'Абдаллах-хāн, который в 1048/1638—1639 г. подчинил себе Яркенд и таким образом объединил все государство под своим правлением. В Джалыше и Турфане от его имени правил его брат Абул-Мухаммад.

Союз, который был заключен 'Абд ар-Рахīm-хāном и Ишим-ханом, не распался с их смертью. Их сыновья 'Абдаллах-хāн и

Джахāнгīр-хан поддерживали добрососедские отношения и обменивались посольствами. Например, Шāх-Махмūd Чурас сообщает, что во главе одного казахского посольства стоял сын Джахāнгīра — знаменитый впоследствии Тауке-султан, а другого — старший его сын Апак-султан. По сведениям того же источника, дочь Джахāнгīр-хāна была выдана замуж за сына 'Абдаллах-хāна Юльбарса.⁵¹ К сожалению, мы не знаем, какие цели преследовались обеими сторонами при обмене посольствами, так как источники ничего не сообщают нам в этом плане.

Выше мы пытались проследить узбеко-моголо-казахские отношения на протяжении 100—130 лет и выяснить, каким образом изменение этих отношений отражалось на внешнеполитическом курсе правителей Могольского государства. Нам остается только заметить, что сведения, которые встречаются в источниках об их взаимоотношениях, носят чрезвычайно фрагментарный и мозаичный характер, что и является основной трудностью при любой попытке конструирования, выяснения последовательности событий. Именно поэтому нами были привлечены разные по характеру источники на персидском, таджикском и тюркском языках, составленные в Могольском государстве, Мавераннахре, Иране и Индии в XVI—XVIII вв.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Под Могольским государством мы понимаем государство, образованное Султāн-Са'йд-ханом в 920/1514 г. с центром в Яркенде, в состав которого входили Кашгар, Янги-Хисар, Хотан, Аксу, Бай и Кусан (Куча), а также восточную часть Могольского государства с центрами в Джалыше и Турфане, которая практически была независимой и на которую лишь временами распространялась власть яркендского хана (например, конец XVI в. — 40—60-е годы XVII в.). Это номинально единое, но фактически разделенное на две независимые части государство авторы конца XVII—XVIII в. именовали Мамлакат-и мутūлиййе, или Мутūлиййе, или Вилайат-и мутūлиййе, т. е. Могольское государство (см.: *Шāх-Махмūd Чурас*. 1) Хроника: Рук. ГБЛ, перс. В. 11. Л. 85а; 2) Анис ат-талибин: Рук. Бодлеанской библиотеки. Ms. Ind. Inst. Pers. № 45. Л. 91б, 107а; Анонимное сочинение по истории Кашгарии: Рук. ИВ АН СССР. С 576. Л. 69а, 75б, 77б (далее — Аноним); *Мир Хал ад-дин Катиб Яркенди*. Хидāйат-наме: Рук. ИВ АН СССР, С 560. Л. 12а, 42б, 70б, 76б, 98б, 109а, 110а. Впервые на этот факт совершенно справедливо и обоснованно указал В. П. Юдин (см.: *Юдин В. П.* [Рец. на:] Мугинов А. М. Описание уйгурских рукописей собрания Института народов Азии АН СССР. М., 1962 // Изв. АН КазССР. 1965. № 2. С. 81—82).

В русской и европейской литературе эта область обычно называлась и называется (в этно-территориальном отношении) Кашгарией, Малой Бухарией или Восточным Туркестаном, что равнозначно содержанию названия Могольское государство.

² Мухаммад-Хайдар Дуглат. Та'рих-и Рашидӣ: Рук ИВ АН СССР. С. 395. Л. 3176; *The Tarikh-i-Rashidi of Mirza Muhammad Haidar, Duglát. A History of the Moghuls of Central Asia: An English Version / Edited by N. Elias. The Translation by D. Ross. London, 1895* (в дальнейшем — Мухаммад-Хайдар, пер. Росса). Р. 446.

³ Мухаммад-Хайдар: Рук. Л. 322б; пер. Росса. Р. 450. Однако в первой части своего труда, окончательно завершённой в 953/1546 г., после второй части Мухаммад-Хайдар приводит другую дату — 10 мухаррама / 1 августа (Рук. Л. 98б; пер. Росса. Р. 143).

⁴ При жизни Султāн-Са'ид-хāна этот союз был скреплен также династийным браком. Первой, а затем старшей женой его сына 'Абд ар-Рашид-хāна стала Чў-чўк-ханым — младшая дочь казахского Адик-султана (впоследствии хана).

⁵ Мухаммад-Хайдар: Рук. Л. 58а.

⁶ Там же. Л. 100б. По сведениям, которые находим у Махмуда б. Вали, 'Абд ар-Рашид-хāн выдал замуж не своих сестер, а дочерей Хаджи-ханым и Джалал-ханым по имени, причем обеих за Шибанидских султанов (Бахр ал-асрар: Фотокопия рукописи № 7418 из собрания ИВ АН Уз ССР им. Бируни в Ташкенте, хранящаяся в рукописном отделе ЛО ИВ АН СССР. № ФВ 82. Л. 81а). Хайдар б. Али в своей обширной компиляции Тарйх-и Хайдарй сообщает, что замуж за Барāк-хāна была выдана одна дочь 'Абд ар-Рашида (рук. ГПБ. ПНС 230. Л. 4176). Выше было указано, что, по словам Мухаммад-Хайдара, одна из сестер была выдана замуж за казахского султана. Этим султаном был Буйдāш. Любопытно, что впоследствии 'Абд ар-Рашид вынудил его дать развод сестре (Бадй' ал-Джамал-ханым), пригрозив ему смертью в случае отказа (Рук. Л. 323б).

⁷ О битвах и сражениях Махмūd-хāна и Ахмад-хāна с узбеками из Мавераннахра см.: Мухаммад-Хайдар, пер. Росса, 118 и сл., 130 и сл. Султāн-Са'ид-хан уже после захвата Кашгара и Яркенда дважды водил войска⁷ против узбеков. Об одном из этих походов, предпринятом в 932/1525 г., см.: Мухаммад-Хайдар: Рук. Л. 287а—288а; пер. Росса. Р. 375—376; Бахр ал-асрār. Л. 2176; Семенов А. А. Первые Шибаниды и борьба за Мавераннахр // МИТУСА. 1954. Вып. 1. С. 146—147.

⁸ В. В. Вельяминов-Зернов, ссылаясь на «Раузат ат-тахирйн» (ср. рук. ИВ АН СССР. С. 400. Л. 290а), приводит другую дату его смерти — 930/1524 г. (*Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о Касимовских царях и царевичах. Ч. 2 // ТВОРАО. 1864. X. С. 266*).

⁹ Мухаммад-Хайдар: Рук. Л. 206а. Махмūd б. Вали отмечает в этой связи, что Кāсим-хāн обладал войском в 200 тыс. человек (Бахр ал-асрār. Л. 1516).

¹⁰ 'Убайдаллāх стал ханом всего Мавераннахра во второй половине 940/1533 г., а в начале 944/1537 г. силы обоих ханов выступили против казахов в исполнение договора.

¹¹ *Зайн ад-дин Васифи*. Бадā'и' ал-вакā'и' / Крит. текст, введение и указатели А. Н. Болдырева (ПЛНВ. Тексты. Большая серия, V). М., 1961. С. 1308—1323; рук. ИВ АН СССР. В 653. Л. 4316—436а.

¹² Согласно таблицам И. А. Орбели, четверг приходится на 26 мухаррама 944/4 июля 1537 г.

¹³ Согласно таблицам И. А. Орбели, 18 сафара был в 944 г. х. пятницей (= 27 июля 1537 г.).

¹⁴ Ср. пересказ с цитатами в кн.: *Болдырев А. Н. Зайнаддин Васифи: Таджикский писатель XVI в. (Опыт творческой биографии)*. Душанбе, 1957. С. 346—347. Прим. 349.

¹⁵ Мухаммад-Хайдар: Рук. Л. 58а, 206а.

¹⁶ Бартольд В. В. 1) Очерки истории Семиречья // Бартольд В. В. Соч. Т. II, ч. 1. М., 1963. С. 94; 2) Киргизы: Исторический очерк // Там же. С. 516; Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о Касимовских царях и царевичах. Ч. 2. С. 274—275, 363—366.

¹⁷ Мухаммад-Хайдар: Рук. Л. 2056—206а.

¹⁸ Текст см.: Сборник летописей / Изд. Н. Березина. Казань, 1858. С. 163. Перевод этого пассажа у В. В. Вельяминова-Зернова: «Тугум вместе с Башибек-султаном сыном Малика и со всеми Токузарьями погиб на границе Джагатаева усуса (слово *جفات* читаю *جفاتای*); их было человек тридцать семь (вместо *اوتوزیتی* читаю *اوتوزیتی*) султанов» (Исследование о Касимовских царях и царевичах. Ч. 2. С. 274). Думается, что выражение Кадир-‘Али-бия *جفات حد ینده* следует переводить как «на границе Чагата» или «около Чагата», понимая под Чагатом определенную местность, на которую указывает автор Джамй аттаварйх, тем более что источник конца XVI в. Шараф-наме-йи шахи определенно говорит о Рабат-и Чагат недалеко от берега р. Келес, правого притока Сырдарьи. Не исключено, как часто случалось, что название рабату могло дать название этой местности (см.: Шараф-наме-йи шахи: Рук. Л. 3316). Отметим также, что написание в обоих случаях весьма схоже: *جفات* и *جغت*. Итак, мы понимаем сообщение Кадир-‘Али-бия следующим образом: хан Тугум и 37 султанов погибли в местности Чагат, и только.

¹⁹ В тексте Будӓг-хан.

²⁰ Та’рих-и Хайдари: Рук. ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ПНС 230. Л. 4176.

²¹ Ср. сообщение Хафиз-и Таныша о том, что Науруз-Ахмад-хан отправил в ссылку к ‘Абд ар-Рашиду в горы Карангу-Таг в 962/1554—1555 г. Шибанида Султӓн-Са’йд-султана, попавшего к нему в немилость. Этот султан находился там до 964/1556—1557 г., когда уже после смерти Науруз-Ахмада был освобожден могольским ханом и отправлен обратно в Самарканд (Шараф-наме-йи шахи: Рук. ИВ АН СССР. D-88. Л. 86а, 94б, 102б).

²² Тарих-и Хайдари: Рук. Л. 4716.

²³ Мухаммад-Хайдар: Рук. Л. 287а—288а; пер. Росса. С. 375—376.

²⁴ Бахр ал-асрар. Л. 2176; Семенов А. А. Первые Шибаниды и борьба за Мавераннахр. С. 146—147.

²⁵ Тазкире-йи хваджа Мухаммад-Шариф: Рук. ИВ АН СССР, А 237, С. 782. О списках см.: Мугинов А. М. Описание уйгурских рукописей Института народов Азии АН СССР. М., 1962. С. 79—80.

²⁶ Тарих-и Хайдари: Рук. Л. 4286.

²⁷ См.: Махмуд б. Вали. Бахр ал-асрӓр. Л. 152а, где сказано, что он был одно время ханом киргизов.

²⁸ Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о Касимовских царях и царевичах. Ч. 2. С. 292; Махмуд б. Вали. Бахр ал-асрӓр. Л. 256а.

²⁹ Шӓх-Махмуд Чурас. Хроника. Л. 48а; Аноним. Л. 64а.

³⁰ Петров К. И. Очерки феодальных отношений у киргизов в XV—XVIII вв. Фрунзе, 1961. С. 54.

³¹ Бахр ал-асрар. Л. 82а.

³² Маулана Пайрави. Джалис ал-муштӓкйн: Рук. ИВ АН СССР. А 232. Л. 46а—49а; Шӓх-Махмуд Чурас. Хроника. Л. 52б.

³³ Следовательно, поход был предпринят в конце 1002/лето 1594 г. См.: Шӓх-Махмуд Чурас. Хроника. Л. 53а; Аноним. Л. 69а.

³⁴ Мухаммад-хан был братом 'Абд ал-Карим-хана; при жизни брата наместник Кашгара, Янги-Хисара, Уча и Аксу. См.: *Шāх-Махмūd Чурас*. Хроника. Л. 506, 52а.

³⁵ *Шāх-Махмūd Чурас*. Анис ат-талибин. Л. 107а.

³⁶ Краткое изложение рассказа о походе на основании сведений анонимного тюркского источника из истории Могольского государства (Аноним. Л. 696—71а) и «Бахр ал-асрār» Махмūда б. Вали (Л. 83а—84б); см.: *Бартольд В. В.* Отчет о командировке в Туркестан // ЗВРОАО. 1903. XV. С. 238—239. Источники, в которых говорится о походе: *Мухаммад-Аваз Самарканди*. Зийā ал-кулūб: Рук. ИВ АН СССР. А 1615. Л. 306—33а, 1026—103а; *Маулана Пайрави*. Джалис ал-муштакйн. Л. 34а—б; *Ибн маулана сайид Али ал-Гурбати*. Тазкире-йи 'Абд ал-Маннан: Рук. ИВ АН СССР. А 231. Л. 146; *Шāх-Махмūd Чурас*. 1) Хроника. Л. 53а—54а; 2) Анис ат-талибин. Л. 107а; *Мухаммад-Садик-Кашгари*. Тазкире-йи х'аджагāн: Рук. ИВ АН СССР. D 126. С. 20; *The Akbar-nāma of Abu-l-Fazl*. Vol. III / Transl. from the Persian by H. Beveridge. Calcutta, 1910. P. 844. Подробнее см. в нашей статье «Кашгарский поход узбеков при 'Абдаллах-хане» (*Иранская филология: Сб. в честь 60-летия проф. А. Н. Болдырева*. М., 1969. С. 5—9).

³⁷ Можно предположить, что они оставались холодно-натянутыми, так как высланные из пределов Могольского государства за мятежи против центральной власти отдельные представители династии и военно-кочевой знати неизменно находили в Мавераннахре радушный прием и «теплые» места. См.: *Шāх-Махмūd Чурас*. Хроника. Л. 56а, 61б, 65а, 67б, 68а и др.

³⁸ *Шāх-Махмūd Чурас*. Хроника. Л. 77б; *Мухаммад-Бади ' Самарканди*. Музакир ал-асхāб: Рук. ИВ АН СССР D 710. Л. 380а.

³⁹ Аноним. Л. 71а.

⁴⁰ *Махмūd б. Вали*. Бахр ал-асрār. Л. 82б; *Маулана Пайрави*. Джалис ал-муштакйн. Л. 51б—54а.

⁴¹ В Индию он прибыл в 997/1589 г. и 8 шавваля/21 июля того же года был принят Акбаром в г. Шадишапуре (*The Akbar-nāma*. III, 840, 844, 931).

⁴² *Шāх-Махмūd Чурас*. Хроника. Л. 55а; *Махмūd б. Вали*. Бахр ал-асрār. Л. 82б—83а; *Маулана Пайрави*. Джалис ал-муштакйн. Л. 54а—56а; Аноним. Л. 71а—72а. Видимо, Тевеккел-хан, который, оказав помощь, вероятнее всего ушел обратно, так как Худāбанде-султан, готовясь к борьбе с 'Абд ар-Рахīm-ханом, обратился на этот раз за помощью к калмакам.

⁴³ Согласно Анониму (л. 85б), 'Абд ар-Рахīm-хан умер в возрасте 77 лет после 40-летнего правления в Турфане и Джальше. В таком случае дата его смерти приходится на 1044/1634—1635 г. (он родился в 967/1559—1570 г.) и, следовательно, он нанес поражение Худāбанде-султану в указанном году.

⁴⁴ Подборка сведений см.: *Вельяминов-Зернов В. В.* Исследование о Касимовских царях и царевичах. Ч. 2. С. 372—375; *Абдураимов М.* Очерки аграрных отношений в Бухарском ханстве XVI — первой половине XIX в. Т. 1. Ташкент, 1966. С. 114—115.

⁴⁵ *Шāх-Махмūd Чурас*. Хроника. Л. 65а и 66б.

⁴⁶ Согласно Махмūду б. Вали, это произошло еще при жизни Мухаммад-хана, когда 'Абд ар-Рахīm разграбил Бай и Кусан. Против него были посланы Тимур-султан и Мухаммад-Хашим-султан, сын Худабанде-султана, разбившие после двухдневного сражения 'Абд ар-Рахīма, который бежал в Турфан, оставив Джальш победителям, где обосновался Мухаммад-Хашим. См.: *Бахр ал-асрār*. Л. 84б—85а.

⁴⁷ Косвенное указание на это мы находим у Шāх-Махмūd Чурас, у которого в перечень владений Мухаммад-хāна входят и Джальш, и Турфан, но уже в списке владений Шуджā' ад-Дин-хāна они отсутствуют (Хроника. Л. 556, 666).

⁴⁸ Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о Касимовских царях и царицах. Ч. 2. С. 348—379; Абдураимов М. Очерки. С. 115.

⁴⁹ Махмūd б. Вали. Бахр ал-асрār. Л. 906; Аноним (л. 79а) сообщает, что Ишим-хан стал зятем 'Абд ар-Рахīма; Шāх-Махмūd Чурас. Хроника. Л. 72а.

⁵⁰ В 1045/1635—1636 г. См.: Шāх-Махмūd Чурас. 1) Хроника. Л. 68а; 2) Анис ат-тāлибин. Л. 996—100а; Аноним. Л. 83а.

⁵¹ Хроника. Л. 25а. О Джахангир-хане и Тауке-хāна см.: Baddeley J. F. Russia, Mongolia, China, being Some Record of the Relations between Them from the Beginning of the 17th Century: In 2 vols. Vol. II. Londres, 1919. P. 124—125.

СОКРАЩЕНИЯ

ГБЛ	— Государственная библиотека им. В. И. Ленина (Москва)
ГПБ	— Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград)
ЗРОАО	— Записки восточного отделения императорского русского археологического общества
ЛО ИВ	— Ленинградское отделение Института востоковедения
МИТУСА	— Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии. Ташкент
ПЛНВ	— Памятники литературы народов Востока
ПНС	— Персидская новая серия
ТВОРАО	— Труды восточного отделения императорского русского археологического общества (СПб.)

LE TURKESTAN ORIENTAL ET LES OIRATS *

Avant d'aborder le sujet de notre communication, nous nous attacherons à trois faits qui éclaireront le compte-rendu ultérieur.

а) Aux XVI et XVIIe siècles le territoire du Turkestan oriental (l'actuelle province du Sinkiang de la République populaire chinoise) était occupé par un Étaст indépendant fondé par un Chaghatai Sultan-Said-khan en 1514, avec Yarkand come centre. À l'origine il comprenait les villes de Kashgar, Yangi-Hisar, Uch, Aqsu et Khotan et les districts avoisinants, c'est-à-dire la région connue plus tard sous

* Впервые статья была опубликована в: *Études mongoles*. 1974. Cahier 5. P. 157—163.

le non d'Altysahr (les six villes); à partir des années 1560 il comprenait également les villes de Bai et Kusan (Kucha) qui formaient une entité administrative indépendante. Nous considérons les provinces s'étendant à l'est de cette vaste région comme faisant partie du même État, avec pour centres Chalysh (Qarashahr) et Turfan; pratiquement indépendantes et sous une même loi souveraine pendant une longue partie de l'histoire de l'État, ces provinces tombèrent sous l'autorité du khan de Yarkand à certaines époques (par exemple, dans les années 1570 à 1590 et 1630 à 1670). Des auteurs de chroniques historiques locales et d'écrits hagiographiques aux XVIIe et XVIIIe siècles appelaient cet État uni nommément mais virtuellement divisé en deux, Mamlakat-i moghūliye, Moghūliye, Wilāyet-i moghūliye, etc., c'est-à-dire l'État Moghūl. Le terme Kashgarie ou Turkestan oriental, utilisé par les étrangers correspond à la notion d'État Moghūl, employé dans les sources aux plans territorial et ethnique.

b) À travers nos sources musulmanes les auteurs appellent les Mongols occidentaux les «Qalmaq» et c'est le nom turc que nous utiliserons ici nommer les Oirats (Djungars).

c) Nous devons noter que lors de la préparation de cette communication, consacrée uniquement aux événements politiques relatifs à la pression «Qalmaq» sur l'État Moghūl depuis le début du XVIIe siècle, nous n'avons utilisé que des sources persanes, tadjiks et turques. Nous n'avons pas utilisé les matériaux chinois car «ils n'éclairent pas l'histoire du Turkestan oriental excepté celle des principautés de Hami et Turfan du début du XVIIe siècle à la moitié du XVIIIe, relatant des faits épars souvent fort éloignés de la vérité». ¹ À titre d'exemple, nous pouvons remarquer que les sources chinoises induisent en erreur le célèbre sinologue français P. Pelliot, en donnant deux chefs à Turfan, Chalysh et Hami au lieu d'un seul: Sultān-Sa' id-Bābā-khan; prétendant que l'un d'eux, Sultān-Sa' id, était l'héritier de son frère aîné Abul-Muhammed à Turfan, tandis que l'autre, Bābā-khan établissait sa forteresse à Hani. ²

Il est communément admis que la pénétration «Qalmaq» au Turkestan oriental résultait finalement de leur conquête totale et de la soumission de la région; les chemins de cette pénétration restent en grande partie non-étudiés et ont toujours présenté des difficultés énormes pour les savants; M. Hartmann, ³ M. Courant, ⁴ J. F. Baddeley, ⁵ P. Pelliot ⁶ sont tous extrêmement laconiques sur le sujet; et dans une oeuvre aussi fondamentale sur l'histoire des Djungars que les recherches du professeur I. Zlatkin, on trouve fort peu de détails concernant l'invasion. Des pages de chroniques et d'annales

locales donnent un rapport plus ou moins complet du mouvement qui amena l'effondrement de l'État Moghūl. Parmi ces sources, il existe des oeuvres en persan et en tadjik:

1) Djalīs al-mushtaqīn de Shāh-Muhammad Pairavī, Yarkand 1609—1610.⁷

2) Bahr al-asrār fi manāqib al-akhyār de Mahmūd b. Valī, compilé en Balkh 1640—1641.⁸

3) Le chronique de Shāh-Mahmūd Churās, compilée à Yarkand 1673—1676.⁹

4) Anīs at-talibīn, du même auteur, compilé à Yarkand 1695—1696.¹⁰

5) Hidāyat-nāmeḥ de Mir Hāl ad-Din kātib al-Yārqendi, compilé à Yarkand en 1730—1731.¹¹

D'autres sources sont en turki oriental local:

1) Anonyme «Histoire de Kashgarie», composé probablement à Yarkand 1700.¹²

2) Tadhkireh-i khwājagān de Muhammad-Sādiq Kāshgharī, compilé en 1768—1769.¹³

Il faut signaler que les faits contenus dans ces écrits sont différents par la présentation et le but poursuivi, ce qui n'aide pas toujours la savant qui tente d'avoir une vue générale sur les relations entre l'État Moghūl et les Qalmaqs. Quelques-unes des données sont douteuses et nécessitent des corrections (en particulier, les informations données par Muhammsd-Sādiq Kāshgharī). Quoiqu'il en soit, les deux oeuvres de Shah-Mahmud Churas et l'«Histoire de Kashgaris», anonyme, sont des écrits originaux dont l'information peut être difficilement surestimée, puisque leurs auteurs étaient contemporains et témoins oculaires des événements décrits.

Les chefs de l'État Moghūl, y compris ceux qui résidaient à Chalysh et à Turfan, n'avaient pas de grandes difficultés dans leurs rapports avec les Qalmaqs durant le XVIe siècle. Les relations pourraient être appelées unilatérales, dans la mesure où elles se manifestent par les incursions des chefs de Chalysh et de Turfan dans les régions frontalières Qalmaq. Comme les sources ne parlet pas d'actions Qalmaq similaires, les raids des chefs peuvent difficilement être interprétés comme retardant l'avance Qalmaq. Ils étaient plus probablement de simples incursions destinées à s'emparer de butin et de prisonniers, déguisées en expéditions à finalité religieuse. Quoiqu'il en soit, Shah-khan (1542—1570), fils de Mansur-khan, conduisit un grand nombre de raids et d'attaques couronnés de succès contre les Qalmaqs jusqu'à sa mort au cours d'une expédition en 1570, rapportée dans nos sources.

Cependant, le tableau change au cours des années, les chefs de Chalysh et de Turfan, enfoncés dans un long conflit interne, ne songent plus à s'emparer des possessions Qalmaq mais recherchent plutôt l'aide des seigneurs féodaux Qalmaqs dans tentatives pour vaincre leurs rivaux dans la lutte pour le pouvoir. Assez bien disposés envers de telles invitations, les Qalmaqs, cependant, ne se précipitèrent pas pour apporter leur appui militaire à tel ou tel autre chef en mal de leur aide. Ils prennent leur temps jusqu'à ce que la victoire définitive favorise un parti afin de gagner sans tenir compte de la chance aveugle de la bataille.

Datant environ de la même époque (la deuxième décade du XVIIe siècle), les compte-rendus font état d'un certain nombre de seigneurs féodaux Qalmaqs venant servir le khan de Yarkand avec leurs forces militaires et prenant de hauts postes dans le commandement militaire de l'État Moghūl; les auteurs locaux les appelaient *qarayanchuqs*.

À mesure que la force et l'autorité du khanat djungar croissait, l'intervention Qalmaq dans les affaires domestiques de l'État Moghūl devient plus importante qu'auparavant, comme sous le règne de Bator-qungtaidji (1631—1653). En rassemblant toutes les forces de l'État, 'Abdallāh-khān (1638—1668) repousse les attaques Qalmaqs et réattaque, comme durant les campagnes de Sumer et Tseren contre Aqsu ou le raid sur Khotan et Keria (Kerih) (1660). Les batailles suivantes, bien que quelquefois couronnées de succès, furent affectées par la lutte et le déclin de l'autorité et du prestige du khan; 'Abdallāh-khān ne put s'opposer plus long temps à la pression grandissante de l'avance qalmaq. Il faut noter que la graduation des raids sapant l'autorité du khan de Yarkand n'était pas une petite affaire. Ainsi, durant la seule année 1665, les Qalmaqs attaquèrent, parfois de façons répétées, Keria (Kerih) dans l'est, Chalysh dans le nord-est, Aqsu et Kashgar dans le nord. 'Abdallāh-khān avait depuis longtemps quitté Yarkand et s'était réfugié en Inde (1668); les Qalmaqs aidaient activement ses adversaires qui cherchaient refuge dans les tentes Qalmaqs. Par exemple, Eldan-taishi donna refuge à Isma'il-sultan et à Ibrahim-sultan, suspectés par 'Abdallāh-khān; ils rejoignirent naturellement les Qalmaqs dans la lutte qui les opposaient à leur frère aîné. De la même façon, Ochirtu-taishi et Senge, fils et successeurs de Bator-qungtaidji, hébergèrent Yulbars-khan après sa défaite contre 'Abdallāh-khān.

Après la fuite d'Abdallah, deux groupes rivaux de seigneurs Qalmaqs, conduits par Senge et Eldan-taishi, favorisaient deux prétendants différents au trône de Yarkand, respectivement Yulbars-

khan et Isma'il-khan. Les sources décrivent la situation comme étant radicalement différente des crises précédentes et la violence de la lutte pour le pouvoir déclencha un conflit armé entre les deux groupes, les chefs Qalmaqs supportant chacun leur candidat au trône.

Finalement ce fut Yulbars-khan qui vauquit en gagnant un point d'appui à Yarkand et Kashgar. il fut proclamé khan, l'autorité absolue appartenait à Senge. Mais lorsque Yulbars-khan, mené au désespoir par des échecs répétés, décida d'abdiquer en faveur de Senge, le seigneur Qalmaq intronisa Abu-Sa' id-sultan, le fils mineur du chef né sous une mauvaice étoile et s'empara des emblèmes de l'autorité de khan. Après avoir placé des hommes loyaux aux postes-clé et laissé une garnison d'un millier de Qalmaqs sous les ordres d'Erka-bek à Yarkand, Senge regagna son pays natal.

Cepenfant Isma'il-khan était conduit par Eldan-taishi à Aqsu, où à son tour il fut proclamé khan de Moghūlie. Depuis Aqsu où il était installé, il mena un certain nombre d'expéditions contre Yarkand et Kashgar, mais les batailles qu'il gagna à l'approche des villes sur les troupes de Yulbars-khan ne lui permirent pas de s'emparer des villes. Lorsque quelques mois plus tard Erka-bek et Ushka-dzaisan utilisèrent la garnison Qalmaq pour soutenir Yulbars-khan dans une révolution de palais à Yarkand, Isma'il-khan, Sidé par les Qalmaqs d'Eldan taishi, entra à Yarkand et s'empara du trône le 2 avril 1670. Après environ douze ans de règne, il fut détrôné par les Qalmaqs vers 1681 et fut emmené, prisonnier, à Ili. Les événements relatifs à la chute d'Isma'il-khan sont assez bien connus et furent discutés dans un certain nombre d'articles, en URSS et dans d'autres pays. Ce qui nous intéresse ici est la date de la conquête Qalmaq de Yarkand et la soumission de l'État Moghūl.

Bien que Ch. Valikhanov, R. Shaw et M. Hartmann aient tous utilisé le Tadhkireh-i khwādjagān de Muhammad-Sādiq Kāshgarī, seul Ch. Velixanov note que l'État des Moghols fut conquis en 1678.¹⁴ Il n'est pas improbable qu'il ait utilisé une copie donnant cette date. Les manuscrits que nous avons consulté laissent l'événement non daté. Cependant nous pouvons trouver des dates autres que 1678 pour la prise de Yarkand et Kashgar et la chute d'Isma'il-khan; I. Bičurin, par exemple, donne 1679;¹⁵ un officier suédois prisonnier rapporte l'événement et le l'année du singe (1680), boshoktū-khān<...> ayant passe date en 1683,¹⁶ tandis que Solbon Ratnabarda, un biographe du prêtre bouddhiste d'origine qalmaq, Zaia-Pandita, note que «au printemps de l'année du singe (1680)? Boshoktū-khān <...> ayant passe l'été à Koukougoya, vint avec son armée à Yarkand et s'en empara».¹⁷

Ces divergences de datation de l'événement par différents auteurs peuvent être expliquées par le fait que toutes ces années virent de nombreuses invasions de l'État Moghūl par les Qalmaqs. Selon nous les Qalmaqs obtinrent une victoire décisive en 1680, l'année de la chute de Yarkand selon le biographe de Zaia Pandita.

Il faut aussi garder à l'esprit qu'après cette campagne victorieuse les Qalmaqs retournèrent dans leur pays, satisfaits par un début de dépendance politique de l'État Moghūl. Pour obtenir une dépendance complète du pays entier, ils entreprirent de nombreuses campagnes similaires. Par exemple, Galdān Boshoktū-khān conduisit ses armées contre l'État Moghūl au moins quatre fois entre 1679 et 1685.

Traduit par N. Bassanoff.

NOTES

¹ *Duman L. I.*, Agrarnaja politika Cinskogo (Man'čžurskogo) pravitel'stva v Sin'czjane v konce vosem'nadcatogo veka // Trudy Instituta vostokovedenija AN SSSR. Moskva; Leningrad. (1936). XX. P. 17—18; pour un examen des sources chinoises, voir *ibid.* P. 18—54.

² *Pelliot P.* Notices critiques d'histoire kalmouke. Paris, 1960. P. 49.

³ *Hartmann M.* Der Islamische Orient // Berichte und forschungen. Berlin, 1905. Bde VI—X. S. 195—394.

⁴ *Courant M.* L'Asie centrale aux XVIIe et XVIIIe siècles, empire kalmouk ou empire mandchou. Lyon; Paris, 1912.

⁵ *Baddeley J. F.* Russia, Mongolia, China, being Some Record of the Relations between Them from the Beginning of the 17th Century: In 2 vols. Londress, 1919.

⁶ *Pelliot P.* Notices critiques d'histoire kalmouke.

⁷ Sur l'auteur, l'oeuvre et le manuscrit, voir: *Mikluxo-Maklaj N. D.* Opisanije persidskix i tadžiksikx rukopisej // Institut narodov Azii AN SSSR. Moskva, 1961. Vyp. 2: biografičeskije sočinenija. № 181

⁸ Voir: *Storey C. A.* Persidskaja literatura: bio-bibliografičeskij obzor. V treh častjah // Traduction russe, revue et augmentée de Ju. E. Bregel. II. Moscou, 1972. P. 1135—1138 (plus loin, Storey-Bregel).

⁹ Il existe une copie unique connue de cet ouvrage (Bibliothèque d'État V. I. Lenine, № B. Pers. 11., voir: *Akimuškin O. F.* Xronika Shah-Mahmud b. Mirza Fazil Churasa. Leningrad, 1970; également Storey C. A. Persidskaja literature. II. P. 1206—1207; III. P. 1510.

¹⁰ Catalogue of Persian, Turkish, Hundustani and Pushtu Mss // The Bodleian Library. III / Additional Persian Mss by A. F. L. Beeston. Oxford, 1954. № 2494 (de l'avis du compilateur, l'ouvrage a été rédigé entre 1693 et 1713), mentioné pour la première fois dans: *Beveridge H.* The Khojas of Eastern Turkestan (dépassé et partiellement erroné) // Journal of the Bombay Branch of the Royal Asiatic Society. 1902. LXXI. I. P. 45.

¹¹ Sur les trois copies connues, voir: *Mikluxo-Maklaj N. D.* Opisanije persidskix i tadžiksikx rukopisej. № 196; Materialy po istorii kazaxskix xanstv XV—XVIII vekov. Alma-Ata, 1969. P. 371, n. 9; *Meredith-Owens J. M.* Handlist of Persian Manuscripts, 1895—1966. Londres, 1968. P. 21.

¹² Voir: *Barthold V. V.* Otčet o komandirovke v Turkestan // *Barthold V. V.* So-branije sočinenij. Vol. VIII. Moscou, 1973. P. 173—191; *Hartmann M.* Der Islamische Orient. P. 290—302.

¹³ Cf.: *Hartmann M.* Der Islamische Orient. P. 195—288.

¹⁴ O sostojanij Altyšara ili šesti vostočnyx gorodov kitajskoj provincii Nan'-lu «Maloi Buxarii» v 1858—1859 godax // *Sobranije sočinenij. II.* Alma-Ata, 1962. P. 300—301.

¹⁵ *Bičurin N. Ja.* (Jakinf). Istoričeskoje obozrenije oiratov ili kalmakov s XV stol-tija do nastojaščego vremeni. Saint-Pétersbourg, 1834. P. 67.

¹⁶ Zemlevedenije: *Rittera K.* Geografija stran Azii, naxodjaščisja v nepos-redstvennyx snošenijax s Rossijeju, Vostočnyj ili Kitajskij Turkestan / Perevel c prisovokuplenijem kritičeskix primečanij i dopolnil po istočnikam, izdannym v te-čenije poslednix tridcati let, V. V. Grigor'ev. Vyp. 2. Saint-Pétersbourg, 1873. P. 353, n. 1.

¹⁷ *Rumjancev G. N.* «Lunnyj svet»: istorija Rab-Zam Zaja-Pandit // Archives ori-entalistes de l'Institut d'orientalism de 'Académie des sciences de l'URSS. 1/3/44, p. 86; voir également: *Zlatkin I. Ja.* Zaja-Pandita kak političeskij dajatel' // IIe con-grès international des mongolisants. Ulan-Bator, 1972. P. 200—206.

МОГОЛИСТАН, МОГОЛЫ И КИРГИЗЫ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVI в.*

(ЗАМЕТКА ПО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РЕГИОНА)

Совместное выступление правителей Моголистана¹ Султāн-Махмūd-хāна и Султāн-Ахмад-хāна, объединивших свои силы, чтобы остановить расширяющуюся экспансию узбек-шибанов Шейбāни-хана в направлении удела Султāн-Махмūда, не принесло ожидаемого результата. Сравнительно короткая кампания завершилась полным разгромом моголов² в местности Архийан под Ахси в ша'бāне 908/май 1503 г., а оба хана попали в плен. Отпущенные вскоре после поражения на родину, они практически вернулись в Моголистан без своих войск, так как Шейбāни-хан оставил моголов при себе,³ а затем переселил их ближе к Хорасану, «дабы они (моголы. — О. А.) были подалее от ханов и Моголистана». ⁴ В итоге моголы потеряли Туркестан и Ташкент, опорные пункты по Сырдарье и вынуждены были оставить пределы Ферганы. Узбек-шибаны стояли на западных границах

* Впервые статья была опубликована в: Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. X, 1. М., 1975. С. 6—11.

Моголистана. И хотя в 917/1511—1512 г. Султāн-Са'їд-хан б. Султāн-Ахмад-хан возвратился в Фергану,⁵ а в 919/1513—1514 г. совершил удачный набег на Ахенгеран,⁶ силы были явно неравны, а положение хана весьма шатким. Именно поэтому он, не доводя дело до столкновения с узбеками, чьи отряды выступили весной 920/1514 г. на Андижан, и желая сохранить свои силы, отправился в Моголистан.⁷ По пути хан в Йатикенде встретился с мирзой Саййид-Мухаммад Дуглатом, который убедил его выступить в поход на Кашгар против мирзы Аба Бакра.⁸ Султан Са'їд так и поступил, забрав с собой всех моголов, кочевавших в западной части Моголистана. Численность его войска составляла 4700 воинов.⁹

Незадолго до упомянутых выше событий пресеклась старшая линия моголистанских ханов. После того как в конце зимы 909/1504 г. умер от паралича решительный и суровый воин Султāн-Ахмад-хан, твердой рукой правивший в центральной и восточной частях Моголистана,¹⁰ его брат, номинальный всемогольский хан Султāн-Махмūd — полнейшая ему противоположность — не сумел овладеть положением в стране и очень скоро оставил Аксу, избрав своим местом пребывания город Йатикенд.¹¹ Сюда к нему, видимо, в конце этого года или в начале 910/1054 г. прибыл бежавший из Самарканда с 16 спутниками Султāн-Са'їд-хан,¹² который, однако, не ужился с дядей и покинул его, направившись к своему младшему брату Султāн-Халїлу в Моголистан.¹³ К этому времени Султāн-Халїл, бежавший после смерти отца от старшего брата — Мансур-хāна, — был хāкимом у киргизов,¹⁴ которые провозгласили его своим государем¹⁵. Четыре последующих за этим года (910—914/1504—1508), проведенных Султāн-Са'їдом у брата среди киргизов, были заполнены их постоянными стычками и столкновениями то с Султāн-Махмūd-ханом, в которых горечь поражений сменялась радостью побед, но никому не удалось испытать чашу окончательной победы. Первым не выдержал Султāн-Махмūd. Напряжение борьбы его сломило, и он, забрав всех домочадцев, в надежде на благосклонный прием отправился к Шейбани-хану.¹⁶ Весть о его прибытии застала Шейбани-хāна в районе Туса. Он немедленно отрядил нарочного, который во исполнение его приказа перехватил ханский кортеж во время следования около г. Ходжента, убил Султāн-Махмūда с пятью малолетними сыновьями на берегу Сырдарьи и предал его земле в мазāре шейха Кутб ал-Дина Маслахат Худжандї.¹⁷ Событие это имело место в 914/1508—1509 г.¹⁸

Едва только известие о том, что Султāн-Махмūd-хан отказался от дальнейшей борьбы и покинул пределы Моголистан, дошло до Мансūr-хāна, сидевшего в Чальше и Турфане, он, собрав все свои силы, выступил вскоре против своих младших братьев в Моголистан, где «оба были там султанами киргизов и остатков моголов».¹⁹ Последние несомненно понимали, что дело движется к решительному сражению, и готовились к нему в свою очередь. Приблизительно месяц спустя после гибели Султāн-Махмūd-хāна стороны сошлись в местности Чарун-Чулак²⁰ (либо Алма-ту²¹), чтобы на сей раз окончательно разрешить спор за власть в Моголистане.

В итоге Мансūr-хан одержал победу, а оба брата потерпели сокрушительное поражение и бежали порознь, каждый своим путем. В связи с тем, что Султāн-Халїл не имел никаких представлений о конце, постигшем Султāн-Махмūда, он решил направиться в Мавераннахр, чтобы присоединиться к нему. Но по прибытии в Андижан он был схвачен и по приказу шейбанидского правителя Ферганы Джāнїбек-султана утоплен в реке Ахси.²² Судьба оказалась более благосклонной к Султāн-Са'їду. После ряда приключений и перипетий он, попав месяц спустя после гибели брата в руки правителя Андижана Ходжи 'Али Бахадура, по счастливой случайности избежал участи брата и при помощи этого правителя ушел в Кабул к Захир ад-Дин Бабуру, переодетый в платье ученого, которое внешне походило на одежду бродячего дервиша (*каландара*).²³ В Кабул он прибыл в месяце ша'бāне 914 / ноябрь—декабрь 1508 г.²⁴

После одержанной победы Мансūr-хан насильно увел в Чальш и Турфан «всех, кто был в Моголистане из киргизов и прочего люда», и хотя он коварным путем перебил бōльшую часть киргизов, усматривая в них главных зачинщиков всех смут, все же меньшей их части удалось уйти обратно в Моголистан.²⁵ Именно к этому периоду относится замечание автора «Та'рїх-и Рашїдї» Мухаммад-Хайдар Дуглата: «Все моголы держались у Чальша и Турфана».²⁶

Киргизы, судя по всему, очень скоро оправались от ударов, нанесенных им Мансūr-ханом, и стали играть главенствующую роль в этот период в Моголистане, что и отметил Мухаммад-Хайдар Дуглат: «В 916<= 1510—1511> г. никто из моголов не мог находиться в Моголистане из-за киргизов».²⁷ Вместе с тем анализ сообщений «Та'рїх-и Рашїдї» показывает, что власть киргизов распространялась, в основном, на области Иссык-Куля и Семиречья. В этом регионе противостоять киргизам могли

только моголы, но они были частью уведены в 904/1503 г. Шейбāни-ханом, частью переселены Мансур-ханом в 914/1508 г. в Чалыш и Турфан, частью в два этапа были уведены Султāн-Са'йд-ханом в Кашгар и Яркенд в 920/1514 г. и 932/1525—1526 г., а оставшиеся не представляли реальной силы, будучи рассеянными и не собранными воедино.

Таким образом, к началу 30-х годов XVI в. в результате отмеченных выше событий в Моголистане сложилась чрезвычайно любопытная и примечательная ситуация. Дело в том, что в этой стране не оказалось моголов — народа, давшего ей свое этническое имя. И этот факт был точно зафиксирован уже в 952/1546 г. Мухаммад-Хайдар Дуглатом, отметившим: «Что же касается моголов, то <их>, может быть, осталось около тридцати тысяч в пределах Турфана и Кашгара. Моголистан отняли <у них> узбек<-казаки> и киргизы».²⁸ Действительно, на западе Моголистана и юго-западе (Иссык-Куль, Нарын и Чу-Таласское междуречье) кочевали племена и роды киргизов, в Семиречье — те же киргизы, а с 928/1521—1522 гг. — узбек-казаки, откочевавшие из Дашт-и Кипчака, восточные же его пределы испытывали постоянное давление калмаков. Над этой частью Моголистана пытался сохранить контроль Мансӯр-хан регулярными и, в основном, успешными набегами на калмакские кочевья. Единственная известная нам его попытка распространить свой контроль на Семиречье потерпела неудачу, так как узбек-казаки разгромили его в 928/1521—1522 гг. в битве при Арысе.²⁹ Словом, моголы были вытеснены из Моголистана узбеками, киргизами и узбек-казаками. Бóльшая их часть оказалась вне его пределов, а меньшая, оставшаяся, видимо, была ассимилирована новыми хозяевами Моголистана.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О границах этого обширного региона и их модификациях в течение XIV—XVI вв. см.: Та'рйх-и Рашидй: Рук. ИВ АН СССР. В 648. Л. 1626, 195а, а также: Юдин В. П. [Рец. на:] Мугинов А. М. Описание уйгурских рукописей собрания Института народов Азии АН СССР. М., 1962 // Изв. АН КазССР. 1965. № 2. С. 81—82.

² Та'рйх-и Рашидй: Рук. ИВ АН СССР. В 648. Л. 66а, 676, 100а, 181а; ср.: Нусрат-наме (рук. ЛО ИВ АН СССР. В 745. Л. 91а), где приведена эта дата. Описание похода Шейбани-хāна см.: Там же. Л. 896—92а.

³ Там же. Л. 66.

⁴ Там же. Л. 137а (отмечается 20 000 переселенных моголов).

⁵ Там же. Л. 736, 1406, 1496 (указана дата отъезда хана — 14 сафара 917/12 мая 1511 г.), 1516.

⁶ Там же. Л. 154б.

⁷ Узбек-шибаны выступили на Андижан с двух сторон: весной из Хисара, где 'Убайдаллāх-хāн разгромил моголов, ушедших туда после поражения Шейбāни-хāна под Мервом в 916/1510 г. (их остатки присоединились затем в Фергане к Султāн-Са'йд-хану и ушли с ним в поход на Кашгар), и летом из Ташкента; см. Та'рїх-и Рашидї: Рук. ИВ АН СССР. В 648. Л. 157а—158а.

⁸ Там же. Л. 74а, 158б—159а.

⁹ Там же. Л. 167а.

¹⁰ Там же. Л. 67б.

¹¹ Там же. Л. 101а, 181а.

¹² Там же. Л. 101а.

¹³ Там же. Л. 101а—б.

¹⁴ Там же. Л. 72а.

¹⁵ Там же. Л. 101б.

¹⁶ Там же. Л. 101б.

¹⁷ Там же. Л. 66а. 91б, 122б.

¹⁸ Там же. Л. 106а, 122б.

¹⁹ Там же. Л. 68б—69а.

²⁰ Там же. Л. 69а, 72б—73а; рук. ИВ АН СССР. С 395. Л. 248б.

²¹ Там же. Л. 101б—102а.

²² Там же. Л. 69а, 72б—73а—б, 102а, 149б, 202б.

²³ Там же. Л. 73а—б, 78а, 129а—132б.

²⁴ Там же. Л. 133б.

²⁵ Там же. Л. 69а, 182б.

²⁶ Там же. Л. 173а; рук. С 395. Л. 236а.

²⁷ Рук. С 395. Л. 279б; рук. В 648. Л. 195б — описка — 926 г. х.

²⁸ Рук. В 648. Л. 84а.

²⁹ Там же. Л. 70б.

«ПРОДОЛЖЕНИЕ» ИСКАНДАРА МУНШИ И «КРАТКАЯ СУТЬ ЖИЗНЕОПИСАНИЙ» МУХАММАД МАСУМА*

В 1038/1629 г., завершая трехтомную «Мироукрашающую 'Аббāсову историю» («Та'рїх-и 'āламāрā-йи 'Аббāсї»), Искандар Мунши отметил в заключительных строках труда, которому он отдал 35 лет жизни, что еще в процессе работы над первым томом «Истории» у него появилась мысль при благоприятном

* Впервые статья была опубликована в сб.: Иран: сб. статей / Отв. ред. Н. А. Кузнецова. М., 1976. С. 97—114.

стечении обстоятельств написать книгу, полную рассказов о редкостных явлениях и об удивительных событиях и происшествиях, подобно тому как это делали его предшественники. Ведь в своей жизни он, перешагнувший к моменту окончания труда за 70 лет, много видел и слышал. Получившийся таким образом альбом (*сафине*) или компендий (*маджму'а-йи мухтасарӣ*) дополнил бы, по его мысли, третий том «Истории». Этому намерению не было суждено осуществиться, поскольку всецело занятый составлением основного труда, Искандар Мунши не мог отвлекаться и думать о каком-либо другом деле. Тогда он решил составить нечто вроде антологии поэтов и красноречивцев — современников 'Аббаса I, чтобы украсить их именами «Заключение» своего произведения, и даже начал собирать их стихи и высказывания, но ко времени окончания «Хātима» у него не оказалось под руками всех материалов, и он был вынужден отложить осуществление своих замыслов до лучших времен, уповая на то, что «вероломная жизнь сохранит верность», если же этого не произойдет, то «ведь как много желаний, что пошли прахом».¹

Остается только сожалеть, что замыслам превосходного мастера слова и выдающегося стилиста не удалось воплотиться в задуманной форме, однако ему всё-таки снова пришлось на закате своей жизни взяться за калам и приступить к составлению истории царствования внука и преемника своего патрона Сām-мирзы, принявшего при вступлении на престол имя Сафӣ I (1038—1052/1629—1642).² Свое согласие престарелый историк дал не сразу, а после весьма длительных колебаний и раздумий, уступив, в конце концов, настойчивым просьбам друзей и близких, чьи доводы, видимо, отнюдь не сняли его сомнений в том, что он сможет довести до конца это предприятие. Предоставим слово Искандару Мунши: «Его величество шах еще очень молод, а у ничтожной пылинки никчемные годы перевалили за семьдесят, а кто знает, как долго жизнь дарует <мне> пощаду, чтобы, хотя бы в течение нескольких лет, освещая события его царствования, написать об этом книгу».³ Думается, что немалую роль в том, что ему было предложено вновь стать историографом и бытоописателем династа, сыграла традиция, сложившаяся в течение многих лет, когда просто трудно было бы представить, чтобы кто-либо другой, кроме Искандара Мунши занимался бы этим ответственным делом. Словом, дав свое согласие, где-то в конце 1038 г. х. или в начале 1039/1629 г. он приступил к труду, который первоначально никак не озаглавил, а назвал просто «Зайл» («Продолжение»)⁴

Судя по всему, находившийся в преклонном возрасте историк не кривил душою, когда высказывал свои сомнения, потому что смерть прервала его работу над описанием событий пятого года правления Сафӣ I.⁵ Сочинение осталось незавершенным и в таком виде дошло до наших дней, по крайней мере, в шести списках.⁶

Казалось бы, все ясно и просто, если бы не случай, внесший известную путаницу в историю персидской историографии этого периода. Дело в том, что одному из любителей истории в Иране в последней четверти XVII в. пришла в голову вполне закономерная и объяснимая мысль собрать в одном переплете и иметь под рукой сочинения по истории Ирана времени царствования Сафӣ I и 'Аббāса II (1038—1077/1629—1666). Начав с неоконченного «Продолжения» Искандара Мунши, неизвестный составитель дополнил его (как это стало известно специалистам много позднее) большей частью труда Мухаммад-Ма'сūма б. Ходжагӣ-йи Исфакхāнӣ, также посвященного правлению Сафӣ I, а завершило подборку произведение мирзы Мухаммад-Тахира Казвӣнӣ «'Аббāс-нāма», доведенное до событий 1074/1663—1664 г.⁷ Этот сборник, переписанный от начала до конца одной рукой, находился в дворцовой библиотеке, а ныне хранится в Рукописном отделе Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.⁸

Хотя в науке и утвердилось мнение, что неизвестный составитель был редактором, действовавшим, видимо, по собственному почину, таковым он, конечно, не был. Он просто механически присоединил к «Зайл» Искандара Мунши описание событий десяти последующих лет правления Сафӣ I, заимствовав их из сочинения, принадлежавшего перу Мухаммад-Ма'сūма.⁹ Судя по всему, неизвестного составителя прежде всего интересовало связное изложение событий, вопросы же авторства его явно мало трогали. Только таким подходом составителя мы можем объяснить то, что описание событий 1043—1044/1634—1635 гг. повторяется в части Мухаммад-Ма'сūма, что он оставил автобиографический раздел в конце сочинения этого автора, ремарки последнего личного характера, разбросанные в труде, и, наконец, «Заключение», где приводится название сочинения — «Хулāсат ас-сийяр» («Краткая суть жизнеописаний») и история его написания.

Академик Б. Дорн при описании этого списка¹⁰ не обратил должного внимания на указанный выше факт, приписав Искандару Мунши авторство также и механически присоединенной

части, принадлежавшей Мухаммад-Ма'сӯму. Правда, впоследствии в «Каспии» он после посещения Мюнхена и знакомства там с другим списком труда Мухаммад-Ма'сӯма заметил: «Может быть, Петербургская рукопись содержит историю, начатую Искандаром Мунши и оконченную Мухаммадом-Ма'сӯм».¹¹ Много позднее к исследованию рукописи обратился А. А. Ромаскевич, который, отметив промах, допущенный Б. Дорном, установил в списке Государственной Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина сочинения двух авторов, посвященные истории Сафӣ I, — Искандара Мунши и Мухаммад-Ма'сӯма и определил название труда последнего. Однако он не счел возможным точно установить соотношение авторства в механически соединенных частях текста этих двух произведений.¹² Данное соотношение было окончательно установлено уже в наши дни Н. Д. Миклухо-Маклаем в «Описании исторических рукописей собрания ИВ АН СССР», находящемся в настоящее время в печати и полностью использованного при подготовке русского издания первой части первого тома труда Ч. А. Стори.¹³

Интересующихся подробностями разрешения вопроса мы отсылаем к соответствующим работам Б. Дорна и А. А. Ромаскевича.¹⁴ Для нас же важен тот установленный уже факт, что перу Искандара Мунши принадлежит «Зайл» и что Мухаммад-Ма'сӯм не дописывал труда, начатого его предшественником на поприще историографа, и что он является автором самостоятельного произведения, часть которого была кем-то присоединена к «Зайлу». Осторожное предположение, высказанное с некоторой долей сомнения А. А. Ромаскевичем, что история первых четырех лет правления Сафӣ I, написанная Искандаром Мунши, в своей последующей части (еще десять лет) была дописана Мухаммад-Ма'сӯмом,¹⁵ основано, видимо, лишь на истолковании следующей фразы этого автора: «Когда я благодаря счастью могущественной державы закончил (букв. сотворил) писанием десять лет из событий <царствования Сафи>, произошло неожиданное несчастье с тем центром круга могущества»,¹⁶ т. е. только он завершил описывать события первых десяти лет царствования, как государь преставился. А из дальнейшего изложения явствует, что автор настолько был потрясен смертью своего покровителя, что в течение длительного времени не обращался к своему труду и завершил его четыре года спустя, когда был назначен шахом 'Аббасом II гражданским управителем (*вазир*) Карабага при Муртазā-Кулихане Зийād-оглу Каджаре.¹⁷

Выше мы пытались показать, как благодаря совершенно случайному стечению обстоятельств с незавершенным трудом Искандара Мунши оказалось теснейшим образом связано другое произведение, часть которого, дошедшая до нас в двух полных и одном неполном списках,¹⁸ также посвящена 14-летнему периоду правления Сафӣ I. Об авторе этого сочинения Мухаммад-Ма‘сӯме б. Ходжагӣ-йи Исфahanӣ (если не считать очень краткой заметки о нем, приведенной Мухаммад-Тāхиром Насрāбāди¹⁹) мы не располагаем сколько-нибудь полными сведениями, кроме тех, что он сам счел необходимым поместить в предисловии, предваряющем описание правления Сафӣ I, и в автобиографическом разделе в его конце («Изхār-и шамма аз ахвāl-и рākим-и хурӯф»).²⁰ Видимо, он происходил из потомственного чиновничьего рода средней руки, отдельные представители которого достигали значительных постов.²¹ Мухаммад-Ма‘сум, говоря о своих молодых годах, пишет, что «он, крайне стесненный в средствах, под руководством своего отца занимался изучением книг²² и <достижением> писательского ремесла (*шугл-и навӣ-сандагӣ*)». Так продолжалось до той поры, пока «скакун <его> жизни не ступил в начало четвертого десятка», т. е. ему исполнилось 30 лет.²³ В это время он оставляет отчий дом и отправляется ко двору, ибо он считает, что пришло время проявить себя на государственной службе именно при дворе, поскольку, по его мнению, «в тесте его бытия были замешаны высокие таланты». При посредничестве «дорогих братьев» он удостоился аудиенции у ‘Аббāса I и в тот же самый день «поместился в ряду его мулазимов», получив должность «контролера верблюжьего поголовья (*ширāф-и шутурхāн*)». В этой должности он пребывал при шахе в течение 12 лет. А так как он был старателен и обязателен, то в дополнение к уже исполняемой должности ему поручили пост «контролера шахских конюшен» (*ширāф-и тавйла*)²⁴ — пост весьма важный в ведомстве главного конюшего двора.²⁵ Словом, шахское расположение к нему росло, и он стал получать задания то составить сборник стихов для чтения патрона, то наладить канцелярские дела дивана. Такова его карьера при ‘Аббāсе I. После смерти ‘Аббāса I в ночь на 23 джумада 1038/30 января 1629 г. наш автор сохранил при его внуке как свои должности, так и шахское благоволение. Точно так же, как и для деда, он составил стихотворную антологию для молодого шаха, которая была благосклонно принята, что, казалось, предвещало дальнейшее продвижение по службе. Однако никаких изменений в его служебном положении не про-

изошло, так как, видимо, вскоре после этого Сафӣ I умер 12 сафара 1052/12 мая 1642 г.). При новом шахе, 'Аббāсе II, положение Мухаммад-Ма'сӯма уже не было таким прочным. Более того, спустя два года на пути из Казвина в Исфахан 'Аббās II снял его с должности, в которой он столь долго состоял. Наш автор, следует признать, не без оснований видит в этом решении шаха наветы и происки завистников и недругов. Действительно, трудно предположить, чтобы малолетний шах (ему в то время минуло 12 лет) самостоятельно заинтересовался деятельностью чиновника средней руки.

Подобное проявление шахской немилости глубоко потрясло Мухаммад-Ма'сӯма, поскольку, по его словам, он не знал за собой какой-либо провинности или проступка. Желая выяснить причину своей опалы, он «ничего, кроме своей несчастливой судьбы, не уяснил». Хотя он и пишет, что «просидел два года в укромном углу неизвестности, прикрыв ногу полой терпения», в искренность его слов трудно поверить. Безусловно, он обращался к сильным мира сего, и у него нашлись заступники и покровители. Словом, шах вспомнил о впадшем в немилость контролере своих конюшен и назначил его на должность гражданского правителя Карабага (*ба хидмат-и визāрат-и Карābāg*), т. е. везирем при беглербеге Карабага, главе племени уймаков каджар Муртāза-Кулӣ-хане Зийād-оглу Каджаре, истории рода которого, равно как и достоинствам города Ганджи, он посвящает последнюю главу сочинения («Шамма аз зикр-и ахвāl-и Зийад-угли ва аусāф-и Ганджа»),²⁶ следующим образом поясняя ее появление: «Поскольку сей ничтожный стал одним из нахлебников за накрытым столом того счастливого... счел я для себя обязательным изложить кое-что о деяниях предков того высокостепенного хана», замечая также ниже: «Так как сия рукопись была завершена на службе и при его высокостепенстве, было <признано> необходимым изложить <его обстоятельства>, дабы он <в противном случае> не расценил это как провинность».²⁷ О дальнейшей судьбе Мухаммад-Ма'сӯма нам ничего не известно, только Тāхир Насрāбādӣ отмечает, что он скончался в Карабаге.²⁸

К вышесказанному остается только добавить, что Мухаммад-Ма'сӯм б. Ходжагӣ-йи Исфахāнӣ был несомненно человеком образованным, начитанным и не лишенным поэтического дара. Ему особенно удавались стихотворные хронограммы, а Мухаммад-Тāхир Насрāбādӣ приводит два его ставших известными руба'и.²⁹

Если предположение Б. Дорна о том, что труд, начатый Искандаром Мунши, пришлось завершить Мухаммад-Ма'сӯму, бы-

ло практически опровергнуто А. А. Ромаскевичем, указавшим на чисто механический характер соединения (в списке Государственной Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина) воедино двух различных сочинений, то убедительные и аргументированные доказательства Н. Д. Миклухо-Маклая, поправившего выводы А. А. Ромаскевича, как-то незаметно подводят читателя к вопросу: что же написал Мухаммад-Ма'сӯм? В настоящее время, располагая списками сочинения как Искандара Мунши, так и Мухаммад-Ма'сӯма, мы можем сказать,³⁰ что, во-первых, Мухаммад-Ма'сӯм не продолжал незавершенного труда своего предшественника; во-вторых, свое сочинение он написал самостоятельно, приступив к нему по прямому приказу Сафӣ I, вынужденный отложить труд по всеобщей истории, которым он занимался также с ведома шаха; в-третьих, сочинение Мухаммад-Ма'сӯма, посвященное событиям царствования Сафӣ I, зафиксировано в каталогах и справочнике Ч. А. Стори под названием «Хулāsат ас-сийяр». Для сравнения мы приводим ниже начала произведений обоих авторов, затем начала вводных частей и далее название первых глав «Зайл», а ниже — «Хулāsат ас-сийяр»:³¹

بسمله ستایش و نیایش رحیمی را سزاوارست (سزاست) که سرورش عنایتش
 نوای بشارت ادای الخ

بسمله آرایش عنوان جراید اخبار و فزایش دیباچه صحایف سیر و آثار
 حمد و ثنای مالک الماک الخ

و بعد بر طبق عرض می نگارد حقیر کم بضاعت مهموم محمد معصوم
 بن خواجگی اصفهانی که در زمان دولت ابد مقرون بخدست اشراف اصطلب
 مامور است که یکچند قبل ازین در خاطر حزین جلوه گر بود که بجهت
 اطلاع حالات ما سبق بمطالعه کتب تواریخ پردازد الخ

اما بعد باعث بر تنمیق این کلمات پریشان و تحریر این مقالات
 بیسامان آنکه مسود اوراق اقل العباد اسکندر الشهیر به منشی شرح
 وقایع ایام دولت و فرمانروایان پادشاهان عظیم القدر جلی الشان صفیه
 صفویه که شموع شبستان خاندان الخ

گفتار در سبب ارتقاء دولت بر مدارج رفعت و حصول مقاصد چند که
 ذکر آنها از متحماتست تا بر مطالعه کنندگان ظاهر شود

ذکر جلوس نواب کامیاب شاهی بر تخت سلطنت و سریر پادشاهی

بعون عنایت الهی

Думается, что приведенные примеры вполне убеждают в том, что мы имеем дело с различными сочинениями. Выше мы уже говорили о том, как Искандар Мунши начал свою работу над «Зайл», а о том, как Мухаммад-Ма'сӯм приступил к составлению истории правления Сафӣ I, он сам рассказывает во введении, предваряющем описание: снедаемый желанием написать всеобщую историю со дня сотворения мира до времени правления Сафӣ I, наш автор страшился сказать об этом открыто, так как сомневался в своих возможностях написать книгу, даже отдаленно напоминающую труды Искандар-бека или 'Абу-л-Фазла, боясь обраться. Друзья доложили о его желании шаху, и тот одобрительно отнесся к задуманному им предприятию. К тому времени Мухаммад-Ма'сӯм уже прочел много книг и сделал из них обширные выписки. В 1047/1637—1638 г. в касаве Тāкустāн³² шах вызвал его к себе и предложил ему оставить успешно продвигавшуюся работу и заняться исключительно историей его царствования.³³ В заключительном разделе (*хāтима*) Мухаммад-Ма'сӯм вновь обращается к этой теме: занятый по приказу шаха работой по составлению всеобщей истории, он брал в этой связи книги из дворцовой библиотеки, делал из них выписки и составлял конспекты. «Каждые несколько дней он представлял благодатному взору <завершенные> части и получал одобрение до тех пор, пока не была написана набело <история> от сотворения мира до начала воцарения амира Тимура Гуракана. Когда повествование дошло до сих пор, его величество тень Аллаха речью, рассыпающей жемчуг, соизволили сказать: “Оставь-ка сейчас те байки (букв. разговор), изобрази <лучше> на листах события и деяния дней нашей державы, упрочающейся день ото дня, чтобы осталась <о нас> память на будущее”. Согласно повелению, равному предопределению, повязался я душою, как поясом, и приступил к тому делу.³⁴

Следовательно, почти через четыре года после смерти Искандара Мунши Сафӣ I поручил Мухаммад-Ма'сӯму приступить к истории своего царствования, которое он завершил, как было уже отмечено выше, лишь спустя четыре года после смерти шаха в правление его сына 'Аббāса II. Вместе с тем Мухаммад-Ма'сӯм, видимо, не расставался с мыслью о своем большом труде и, считая поручение шаха временным, рассматривал этот экскурс как часть всеобщей истории. Такой вывод нам позволяет сделать мешхедский список, переписанный весьма известным каллиграфом Мухаммад-Сāлихом Хатунāбādӣ в рамазане

1070/май—июнь 1660 г. В этом списке после басмалы и перед началом мы читаем:

مقصود سیم از مطلب چهارم در ذکر مناقب پادشاه جم جباه فلك
بارگه شاه صفی الحسینی الموسوی الصفوی بهادر خان خلد الله
سلکه

‘Третий *максад* из четвертого *матлаба* в упоминание о добродетелях государя, равного достоинством Джамшиду, судьба коему слуга, шаха Сафӣ ал-Хусайнӣ ал-Мусавӣ ас-Сафавӣ Бахадур-хāна, да сделает Аллах вечным его царствование’.³⁵

Последнее благопожелание очень важно, так как оно определенно указывает на то, что, начав историю царствования Сафӣ I еще при его жизни, наш автор уже тогда видел в ней, как подтверждает указание на раздел, часть своего труда по всеобщей истории. Хотя наличие вводной части, содержащей инвокацию и объяснение побудительной причины, приведшей к написанию сочинения и предворяющей основной текст, характерно (согласно нормам архитектоники мусульманских сочинений) только для сочинения в целом, а не для его отдельных частей. Впрочем, как это обычно бывает, введение пишется после завершения труда и вполне вероятно, что Мухаммад-Ма‘сум к тому времени уже отказался от мысли довести свой, столь обширно задуманный и частично написанный труд до конца и написал это введение.³⁶ Характерно, что список Мюнхенской библиотеки, переписанный тем же каллиграфом Мухаммад-Сāлихом Хāтунабādӣ в 1074/1663—1664 г., уже не имеет после басмалы указанного выше раздела.³⁷ Очевидно, это можно объяснить тем, что труд Мухаммад-Ма‘сūма по всеобщей истории так и не был завершен, а раздел, посвященный правлению Сафӣ I, как по своей структуре, так и по построению выглядел полным и законченным и как самостоятельное и завершенное сочинение вошел в историю персидской историографии. Таким образом, в силу различных стечений обстоятельств над желанием исполнителя возобладаало требование заказчика. Своеобразная ампутация названия раздела была произведена переписчиками практически безболезненно, что лишило на весьма длительное время исследователей персидской историографии вещественного подтверждения замысла автора, изложенного им в предисловии и заключении. Вместе с тем, принимая во внимание все изложенное выше, следует сказать, что, по нашему мнению, Мухаммад-

Ма'сӯм название «Хулāsāt ас-сийяр» прикладывал не к части, посвященной правлению Сафӣ I, а ко всему так и не завершеному труду. Потому что только этим допущением можно объяснить факт того, что название отсутствует в вводной части, где ему надлежит быть, и встречается в заключении, где оно на практике появляется значительно реже.³⁸

В заключение несколько выводов. Во-первых, «Зайл» Искандара Мунши и сочинение Мухаммад-Ма'сӯма — это два самостоятельных сочинения, которые не имеют между собой ничего общего, за исключением общей темы, на которую они написаны (история правления одного и того же династа), и сходства композиции (погодное изложение событий). Труд Мухаммад-Ма'сӯма отличается от «Зайл» значительно меньшим вниманием к частностям и второстепенным фактам, к тому же автор крайне редко обращается к официальным документам и записям секретарей. Это обстоятельство не должно вызывать удивления, так как перед авторами стояли различные задачи и цели. Если Искандар Мунши составлял официальную историю отдельного царствования, то Мухаммад-Ма'сӯм писал о том же самом, но в рамках своей всеобщей истории. Стиль нашего автора весьма цветист и претенциозен. Конечно, он не был таким тонким знатоком слова, каковым является Искандар Мунши, который, как известно, также тяготел к подобной манере изложения, но у него факты не приносились в жертву красотам стиля, что мы наблюдаем у Мухаммад-Ма'сӯма и у последних сефевидских историков.

Во-вторых, известные в настоящее время два полных списка сочинения Мухаммад-Ма'сӯма (Мешхед, Мюнхен) и один неполный (Ленинград, в соответствующей части) практически идентичны и отличаются лишь небольшими расхождениями, обычными для рукописных экземпляров. Полные списки содержат только указанное сочинение, незавершенный труд Искандара Мунши в них не представлен.

В-третьих, история Сафӣ I, написанная Мухаммад-Ма'сӯмом б. Ходжагӣ-йи Исфаканӣ, является частью его незавершенного труда, существовавшего, вполне вероятно, лишь в незаконченном варианте, которому сам автор дал название «Хулāsат ас-сийяр» («Краткая суть жизнеописаний»). И поэтому последнее обстоятельство следует всегда иметь в виду, коль скоро это название утвердилось за частью всего труда.

В-четвертых, на с. 173 издания «Персидские и таджикские рукописи Института народов Азии АН СССР. Краткий алфавит-

ный каталог» (М., 1964) (Рук. ИВ АН СССР. С 448. Л. 390а—439б) вместо ошибочно указанного названия «Хулāsат ас-сийар» следует читать «Зайл» автор — Искандар Мунши.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Ta'riḫ-i 'ālamārā-yi 'Abbāsī*. Та'лиф-и Искандар бек Туркамāн. Дж. П. Тихран, 1335/1956. С. 1095.

² Можно допустить, что поручение Сафй I сыграло не последнюю роль в том, что Искандару Мунши не удалось осуществить задуманного.

³ *Зайл-и Та'риḫ-и 'ālamārā-yi 'Abbāsī*. Та'лиф-и Искандар бен Туркамāн шахир ба Мунши ва Мухаммад Йусуф му'аррих. Ба таских-е Сухайли Хансāри. Тихран, 1317/1938. С. 5 (Зайл); рук. ГПБ. Dorn 303. Л. 16—2а; рук. ИВ АН СССР. С 448. Л. 391а.

⁴ Так он неоднократно называет свой труд в процессе изложения; см., напр.: Рук. ГПБ. Dorn 303. Л. 4а, 5б; рук. ИВ АН СССР С 448. Л. 396, 392б.

⁵ Последняя приведенная дата — 19 сафара 1044/14 августа 1634 г. (см.: Рук. ГПБ, Dorn, 303. Л. 72б; ИВ АН СССР не хватает последнего листа).

⁶ О пяти списках см.: *Стори Ч. А.* Персидская литература: Библиографический обзор. В 3 ч. Ч. II: История Ирана, Курдистана, Средней Азии, Афганистана, Турции, Кавказа <...>. М., 1972. С. 882. Ч. III: Указатели. М., 1972. С. 1470. О шестом списке см.: Зайл. С. «б» (список из собрания Амира Фирузкухи).

⁷ В колофоне этого сочинения приведена хронограмма с датой окончания — 1074/1663—1664 г., но в колофоне списка дата переписки не указана; по палеографическим данным список датируется 70-ми годами XVII в., кахих-либо авторских помет в нем не встречается. Ср.: *Стори Ч. А.* Персидская литература. Ч. II. С. 890.

⁸ *Dorn B.* Catalogue des MSS et xylographes orientaux de la Bibliothèque Impériale Publique de St.Pétersbourg. SPb., 1852. P. 291, № 303. Порядок сочинений в сборнике: Л. 16—72б — Зайл; Л. 73б—127а — Хулāsат ас-сийар; Л. 128б — до конца — 'Аббās-намā.

⁹ *Ромаскевич А. А.* Иранские источники по истории туркмен XVI—XIX вв. // Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. II: XVI—XIX вв. Иранские, бухарские и хивинские источники. М.; Л., 1938. С. 12. Словом, он сделал приблизительно то, что спустя 170 лет выполнил в 1938 г. в Тегеране издатель текста «Зайл» (по двум спискам) Ахмад Сухайли Хансари, присоединивший к «Зайл» Искандара Мунши описание событий, недостававших годов правления Сафй I, заимствованных им из Хулд-и барйн Мухаммад-Йусуф Валиха.

¹⁰ *Dorn B.* Catalogue... P. 291, № 303.

¹¹ *Дорн Б.* Каспий: О походах древних русских в Табаристан, с дополнительными сведениями о других набегах их на побережья Каспийского моря. СПб., 1875. С. 98—99; ср. также: С. 41, прим. 4.

¹² *Ромаскевич А. А.* Иранские источники... С. 11—13.

¹³ *Стори Ч. А.* Персидская литература. Ч. II. С. 882, 887.

¹⁴ См. выше, прим. 8, 11, 12.

¹⁵ *Ромаскевич А. А.* Иранские источники... С. 12—13. Заслуживает быть отмеченным тот факт, что в «Зайл» Искандар Мунши ссылается на свой прежний труд «Та'риḫ-и 'ālamārā-yi 'Abbāsī, в то время как ссылки абсолютно

отсутствуют в сочинении Мухаммад-Ма'сūма. Ср.: Рук. ГПБ. Dorn 303. Л. 5а—б, 70а; Рук. ИВ АН СССР. С 448. Л. 292а—б, 421а, 438а.

¹⁶ Рук. ГПБ. Dorn 303. Л. 127а; Рук. Астан-е годс (Мешхед), № 194 (Та'рих). Л. 188б.

¹⁷ Рук. Мешхед, № 194 (Та'рих). Л. 188а—б; Рук. ГПБ. Dorn 303. Л. 126б, 127а.

¹⁸ *Стори Ч. А.* Персидская литература. Ч. II. С. 886; четвертый список — в Библиотеке Меджлиса (№ 10223, Тегеран).

¹⁹ *Тазкира-йи Насрāбādī.* Та'лиф-и мирзā Мухаммад-Тахир Насрāбādī Исфахани. Ба тасхих-и Вахид Дастргарди. Тихран, 1317/1938. С. 77.

²⁰ Рук. Мешхед № 194 (Та'рих). Л. 1б—4б, 179б—183а; Рук. ГПБ. Dorn 303. Л. 120б—123а. См. также его ремарки личного характера: Рук. ГПБ. Dorn 303. Л. 74б—75а, 81б, 88а, 89б.

²¹ Его родственник по имени 'Абдаллах, согласно Тахиру Насрāбādī (*Тазкира-йи Насрāбādī.* С. 77), был везирем Лахиджана.

²² К сожалению, в автобиографическом разделе наш автор не упоминает книг, которые он штудировал, готовя себя к карьере чиновника. В этой связи известный интерес представляет список исторических сочинений, в которых он будто бы не смог найти описания победы, равнозначной взятию Еревана сефевидскими войсками в 1044/1634 г. Он указывает на труды Табары, Ибн Джаузи, Джувайни, Вассафа, Шараф ад-дина Йазди, Мирхонда (6 т.), Хондамира (3 т.) и Ахмада Татави; см.: Рук. ГПБ. Dorn 303. Л. 88а.

²³ Этому замечанию как будто бы противоречит утверждение, сделанное им по поводу приказа 'Аббāса II о его отстранении от службы, что он служил с 20 лет при дворе (Рук. ГПБ. Dorn 303. Л. 122а; Рук. Мешхед, № 194 (Та'рих). Л. 182б).

²⁴ В предисловии он говорит, что был «назначен на должность контролера дворцовых конюшен (ба хидмат-и ишрāф-и истабл ма'мūr аст); см.: Рук. Мешхед, № 194 (Та'рих). Л. 2а; *Aumer J.* Die persischen Handschriften der K. Hof- und Staatsbibliothek in München. München. 1866. S. 80, № 231; *Дорн Б.* Каспий. С. 97. В описании Й. Аумера ошибочно «нāмвār аст». То же самое в справочнике Ч. А. Стори (см.: *Стори Ч. А.* Персидская литература. Ч. II. С. 88б).

²⁵ О ведомстве см.: *Tadhkirat al-mulūk.* A manual of Safavid administration (circa 113/1725). Persian text in facsimile (В. М. Or.9496) / Transl. and expl. by V. Minorsky. London, 1943 (G. M. S., NS, XVII). С. 138, также с. 120—121.

²⁶ Рук. Мешхед, № 194 (Та'рих). Л. 183—188б; Рук. ГПБ. Dorn 303. Л. 123а—126б; Рук. Мюнхен № 231. Л. 177а—182а.

²⁷ Рук. Мешхед, № 194 (Та'рих). Л. 188б; Рук. ГПБ. Dorn 303. Л. 126б.

²⁸ *Тазкира-йи Насрāбādī.* С. 77.

²⁹ Там же. Заметим также, что построение в хронологическом порядке тех отрезков времени, которые приводит от случая к случаю в своем труде наш автор, дает возможность с точностью до одного-двух лет установить как дату его рождения, так и год завершения сочинения. Словом, ему было тридцать, когда после длительной подготовки он поступил на государственную службу, двенадцать лет он состоял в звании контролера дворцового верблюжьего стада, а затем в добавление к этой должности его назначили контролером дворцовых конюшен. Если предположить, что вскоре после этого повышения 'Аббāс умер, так как наш автор весьма скрупулезно отмечает хронологию своих успехов и неудач и сразу вслед за своим повышением говорит о смерти шаха, то в этом случае в 1038/1628 г. ему было 42 или 43 года и, следовательно, он ро-

дился где-то в 995/1586—1587 г. Остальные даты вывести столь же несложно: в год смерти Сафй I (1052/1642 г.) ему было уже около 57 лет; два года спустя, когда он был отстранен от должности (1054/1644), ему — около 59 лет, а еще два года спустя он — везир Карабага (1056/1646 г.) и ему — около 61 года, И, уже будучи везирем, он закончил описание правления Сафй I, во всяком случае это произошло не ранее 1056/1646 г. См.: Рук. Мешхед, № 194 (Та'рих). Л. 1776—183а; Рук. ГПБ. Dorn 303. Л. 1206—123а; см. также: *Ромаскевич А. А. Иранские источники...* С. 12; *Стори Ч. А. Персидская литература. Ч. II. С. 887.*

³⁰ Ср.: *Стори Ч. А. Персидская литература. Ч. II. С. 887, прим. 36.*

³¹ Рук ИВ АН СССР. С 448. Л. 391б, 392а; рук. ГПБ. Dorn 303. Л. 1б, 2а, 4а; рук. Мешхед, № 194 (Та'рих). Л. 1б; 2б, 4б; *Дорн Б. Каспий. С. 97*

³² Рук. Мешхед, № 194 (Та'рих). Л. 2б.

³³ Там же. Л. 2б—4б. О его близости к шаху см.: *Тазкира-йи Насрāбādй. С. 77.*

³⁴ Там же. Л. 188б; Рук. ГПБ. Dorn 303. Л. 126б—127а.

³⁵ Рук. Мешхед, № 194 (Та'рих). Л. 1б. Судя по мимоходом сделанному замечанию (тот же список. Л. 5а) автора, первый и второй максады того же матлаба были посвящены Сефевидам, так как максад второй содержал (или должен был содержать) описание правления 'Аббāса I.

³⁶ Любопытно, что Мухаммад-Тахир Насрāбādй говорит только о поручении шаха Сафй I: *Тазкира-йи Насрāбādй. С. 77.*

³⁷ *Aumer J. Die persischen Handschriften...* С. 80—81.

³⁸ Рук. ГПБ. Dorn 303. Л. 126б; рук. Мешхед, № 194 (Та'рих). Л. 188б; *Дорн Б. Каспий. С. 97; Aumer J. Die persischen Handschriften...* С. 81.

ХРОНОЛОГИЯ ПРАВИТЕЛЕЙ ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ ЧАГАТАЙСКОГО УЛУСА (ЛИНИЯ ТУГЛУК-ТИМУР-ХАНА)*

Введение

В 747/1346 г. в борьбе с военно-кочевой аристократией тюркских племен Мавераннахра погиб Қазāн-хан — последний из Чагатайдов, чья власть признавалась во всем улусе Чагатая. Спустя год (в 748/1347 г.) эмиры восточной части улуса возвели на престол Туглук-Тимура, объявив его внуком Дувā-хāна.¹

* Впервые статья была опубликована в: *Восточный Туркестан и Средняя Азия: История, культура, связи / Отв. ред. Б. А. Литвинский. М., 1984. С. 156—164, 224—225.*

Восточная часть этого удела состояла из собственно Моголистана («страны монголов»), который в исторических хрониках конца XIV—XV в. на персидском языке именуется Джете или страной Джете, т. е. страной разбойничьей вольницы [5, с. 154, 265]. В территориальном отношении этот обширный регион был ограничен Сырдарьей, Сарысу, Балхашем, Иртышом и южными склонами Центрального Тянь-Шаня. Именно эти оптимальные пределы Моголистана находим мы у мирзы Мухаммад-Хайдара Дуглата в его труде «Та'рих-и Рашидӣ», окончательно завершённом 3 марта 1546 г.: «Вместе с тем то, что в настоящее время называют Моголистаном, как в длину, так и в ширину <— это есть страна> на семь-восемь месяцев пути. На востоке она граничит со страной калмаков, это — Барс-Куль, Эмиль и Иртыш; на севере она ограничена Кукче-Тенгизом <т. е. Балхашем>, Бум-Лишеш и Караталом; на западе ее находятся Туркестан и Ташкент; а на юге — область Ферганы, Кашгар, Чалыш и Турфан» [13, I, л. 195а; 18, с. 365; 4, с. 170; 9, с. 219].

Следовательно, в пределы Моголистана никогда не входила культурная область Восточного Туркестана со своими древними городами (видимо, за исключением Аксу). Это разделение было известно авторам персоязычных хроник XV в., которые его четко зафиксировали в своих трудах [1, л. 1086; 12, № 407]. Однако с течением времени в более поздних источниках (например, у того же Мухаммад-Хайдар Дуглата) под воздействием определенных исторических событий наблюдается ретроспективное смещение: границы региона значительно сужаются, и он практически сводится к территории Семиречья и Или-Иртышского междуречья.²

Другой составной частью улуса Чагатая на востоке была область Манглай-Субе («Авангардная область»), которая, по утверждению Мухаммад-Хайдара Дуглата, являлась наследственным владением дуглатских эмиров-вассалов чагатайских ханов и границы которой он определяет следующим образом: «Ее восточной границей является Кухистан и <она продолжается> до Букура; западной границей — Самгур и Чакирман, что есть конец области Ферганы; на севере ее находится Иссык-Куль, а на юге — Черчен и Сариг-Уйгур» [13, I, л. 7а; 18, с. 7]. Таким образом, владение дуглатов практически включало в себя значительную по размерам область, которая в этнотерриториальном отношении обычно называлась в отечественной и зарубежной литературе Кашгарией, Алтышаром («Шестиградье») или Вос-

точным Туркестаном, что одинаково равнозначно. При этом северные границы области заходили в пределы собственно Моголистана.³

Следует иметь в виду, что приведенные выше оптимальные границы восточной части улуса, где правили подлинные либо мнимые потомки Чагатая, не были всегда строго фиксированными и постоянными. Политические бури, вызванные походами Тимура и его мавераннахрских преемников, движением калмаков, миграцией узбек-казаков и киргизов, наконец, походами узбеков, сменивших Тимуридов, расшатывали и ослабляли ханскую власть, сужали и размывали границы территории улуса, пока, в конце концов, полностью не вытеснили Чагатаидов из Моголистана. Последний был поделен между узбеками, узбек-казаками и киргизами, а Чагатаиды почти на два века закрепились в Восточном Туркестане.⁴

В этом сравнительно коротком по времени (около 60 лет) процессе необходимо отметить следующие моменты.

1. Вплоть до 885/1480—1481 г. Чагатаиды (иногда номинально) управляли всей восточной частью улуса, т. е. Моголистаном, Турфанским округом (включая Кусан) и Манглай-Субе. Однако в указанном году дуглатский эмир Абā Бакр б. Саннмирза воссоединил под своей властью все наследие дуглатов и дважды нанес поражение объединенным силам Йūнус-хāна (873—892/1468—1487) и своего дяди Мухаммад-Хайдар-мирзы, вследствие чего власть могольского хана распространялась теперь только на две первые отмеченные области.

2. После смерти Йūнус-хāна (892/1487 г.) власть его старшего сына Султāн-Махмūда — номинального всемогольского хана — признавалась только в западной части Моголистана (районы, граничащие с Ферганой, Ташкентом и Туркестаном), а в центральной и восточной частях (Семиречье и Или-Иртышское междуречье), а также в Турфанском округе прочно утвердился после десятилетней борьбы с калмаками и узбек-казаками пришедший сюда около 890/1485 г. младший сын Йūнус-хāна Султāн-Ахмад-хан. Любопытный штрих: среди могольских эмиров он слыл поборником старых степных традиций в отличие от своего отца и старшего брата, тяготевших к городам. Когда Йūнус-хан направился к Сайраму, большинство моголов откололись от него и вместе с Султāн-Ахмадом ушли на восток в степи. Этот акт не вызвал каких-либо карательных акций со стороны Йūнус-хāна, поскольку моголами правил его младший сын.

3. После смерти Султāн-Ахмад-хана (909/1504 г.), захвата в том же году Аксу — зимней резиденции покойного хана — эмирами мирзы Аб̄а Бакра, которые изгнали оттуда Мансӯр-хāна — старшего сына и преемника Султāн-Ахмад-хана, гибели в 914/1508—1509 г. около Ходжента Султāн-Махмӯд-хана, поражения в битве при Чарун-Чулане, понесенного Султāн-Са'йдом и Султāн-Халїлем от старшего брата Мансур-хāна, и последующей гибели Султāн-Халїла в Андижане в том же году Чагатаиды в лице представителя младшей линии, т. е. Мансӯр-хāна, смогли удержать власть только на востоке Моголистана и в Турфанском округе (включая Кусан).⁵

4. В 920/1514 г. Султāн-Са'йд-хан разбил мирзу Аб̄а Бакра Дуглата и образовал новое государство с центром в Яркенде, которое впоследствии получило название Могольское государство, либо Могӯлийа, и в которое вошли все области Восточного Туркестана, кроме Турфанского округа. Статус-кво был закреплен в соглашении между двумя братьями Султāн-Са'йд-ханом и Мансӯр-ханом в 922/1516 г., согласно которому весь регион был разделен на два независимых владения с центрами в Яркенде и Турфане, причем старшим ханом номинально признавался Мансӯр-хан [13, I, л. 69б]. До 928/1521—1522 г. когда в Центральный и Восточный Моголистан возвратились откочевавшие из улуса мангытов узбек-казаки, первый относился к владениям Султāн-Са'йд-хāна, а второй — Мансӯр-хāна. Вместе с тем после 944/1537—1538 г. в результате побед, одержанных 'Абд ар-Рашид-хāном в союзе с узбеками над узбек-казаками, Прииссыккулье и б́ольшая часть Семиречья, видимо, вновь вошли в сферу влияния могольских ханов, которому они не давали ослабнуть до начала 90-х годов XVI в., постоянно отправляя в эти районы военные экспедиции.⁶ Сказанное выше, конечно, не означает, что Центральный Моголистан был подчинен ханами Могольского государства. Для этого у них не было ни сил, ни средств, ни опоры на местах.

5. В истории Могольского государства мы можем отметить только два периода, когда власть хана, сидевшего в Яркенде, распространялась также и на Турфанский округ, в состав которого до начала 70-х годов XVI в. входил Кусан (Куча). Это 70—90-е годы XVI в. — время правления 'Абд ал-Карїм-хāна б. 'Абд ар-Рашид-хāна и 40—60-е годы XVII в. — время правления 'Абдаллāх-хāна б. 'Абд ар-Рахїм-хāна. Остальное же время Турфанское владение было по существу независимым ханством, которым правили ханы — представители той же младшей линии Чагатаидов.

Имеющиеся источники позволяют проследить хронологию Чагатаидов линии Туглук-Тимур-хана от 748/1347—1348 г. до 1107/1695—1696 г. После гибели в 1107/1695—1696 г. Мухаммад-Му‘мин (Акбаш)-хана вся борьба за власть велась между двумя группировками ходжей — белогорскими, опиравшимися на Кашгар, и черногорскими, владевшими Яркендом. Эта шедшая с переменным успехом борьба продолжалась до завоевания маньчжурскими войсками в 1756 г. Восточного Туркестана.

Источники

Основными и наиболее надежными источниками для всего этого периода являются: 1) «Тарїх-и Рашїдї» Мухаммад-Хайдара Дуглата, завершенная в 1546 г.; 2) «Хроника» местного автора Шāх-Махмūd б. мирза Фāзил Чурāса, составленная между 1673 и 1676 гг. и задуманная автором как продолжение «Тарїх-и Рашїдї»; 3) «Анїс ат-тāлибїн» того же автора — агиографическое сочинение (в своей последней части⁷), завершенное, видимо, в 1107/1696 г.; 4) Анонимная «История Кашгарии», или «Та’рїх-и Кāшгар», написанная на местном тюрки вскоре после 1107/1696 г. Ее содержание было подробно изложено В. В. Бартольдом [6, с. 174—181] и через посредство последнего широко использовано М. Хартманом [17, с. 195—288].

Для самого раннего периода сведения Мухаммад-Хайдара Дуглата, отличающиеся определенной сбивчивостью хронологии, существенно корректируются данными персидских источников эпохи Тимуридов. Это труды Му’їн ад-Дїна Натанзї,⁸ Шараф ад-Дїна ‘Алї Йаздї, ‘Абд ар-Раззāка Самаркандї, который в интересующем нас аспекте следует за сочинением Натанзи и «Маджма’ ат-тавāрїх» (четвертый том) Хафиз-и Абру,⁹ Гийас ад-Дина Хвандамира, который в 3-м томе «Хабїб ас-сийяр» широко пользуется материалами, почерпнутыми у своих предшественников и у Захїр ад-Дїна Бабура.¹⁰

Для более позднего периода (после 1546 г.) сведения Шāх-Махмūда Чураса и анонимного тюркского историка дополняются и корректируются данными труда Махмūда б. Вали и хрониками на персидском языке, написанными в Индии в XVI—XVIII вв. Такими, как «Акбар-нāме», «Пādшāх-нāме», «‘Āламгїр-нāме», «Ма’асир-и ‘Āламгїрї» и др.¹¹

СПИСОК ПРАВИТЕЛЕЙ

№ п/п	Годы правления	Имя правителя, территория
1	748/1347—1348	Туглук-Тимур б. Эмил-ходжа ¹
2	764/1362—1363	Илийас-ходжа б. Туглук-Тимур (убит дуглатским эмиром Камар ад-Дином в 765/1363—64 г.); ² смуты после гибели хана
3	Не позднее 791/1389	Хизр-ходжа б. Туглук-Тимур ³
4	Ок. 802/1399—1400	Шам'-и Джахан б. Хизр-ходжа ⁴
5	810/1407—1408	Мухаммад б. Хизр-ходжа
6	818/1415—1416	Накш-и Джахан б. Шам'-и Джахан
7	821/1418	Вайс (Увайс) б. Шир-'Али оглан
8	824/1421	Шир-Мухаммад б. Мухаммад-хан
	828/1424—1425	Вайс (Увайс) б. Шир-'Али оглан (вторично; убит в 831/1428 г.) ⁵
9	Ок. 833/1429—1430	Эсен-Буга б. Вайс (Увайс)-хан ⁶
10	866/1461—1462	Дуст-Мухаммад б. Эсен-Буга (Центральный и Восточный Моголистан, Турфанское владение)
	873—877/1468—1473	Кебек-Султан оглан б. Дуст-Мухаммад (Турфанское владение)
11	873/1468—1469	Йунус б. Вайс (Увайс)-хан (862—873/1458—1469 г., правитель Западного Моголистана) ⁷
12	892/1487	Султан-Махмуд б. Йунус-хан (Западный Моголистан, убит в 914/1508—1509 г.) ⁸
	Не позднее 890/1485	Султан-Ахмад (Алача-хан) б. Йунус-хан (Центральный и Восточный Моголистан, Турфанское владение, умер в 909/1504 г.) ⁹
13	907/1501—1502	Мансур б. Султан-Ахмад (Алача)-хан (Восточный Моголистан (до 928/1522 г.), Турфанское владение, умер в 950/1543—1544 г.) ¹⁰
14	13 раджаба 920/3 сентября 1514	Абу-л-Фатх Султан-Са'ид б. Султан-Ахмад (Алача)-хан (Центральный Моголистан (до 928/1522 г.), Могольское государство) ¹¹
15	1 мухаррама 940/23 июля 1533	Абу-л-Музаффар 'Абд ар-Рашид б. Султан-Са'ид (Центральный Моголистан (с 944/1537—1538 г.), Могольское государство) ¹²
	949/1542—1543	Шах-хан б. Мансур-хан (Турфанское владение) ¹³

№ п/п	Годы правления	Имя правителя, территория
16	967/1559—1560	‘Абд ал-Карим б. ‘Абд ар-Рашид (Центральный Моголистан, Могольское государство, Турфанское владение (с 70-х годов XVI в.)) ¹⁴
	978/1570	Мухаммад б. Мансур-хан (Турфанское владение) ¹⁵
17	1000/1591—1592	Мухаммад б. ‘Абд ар-Рашид (Могольское государство) ¹⁶
18	1018/1609—1610	Шуджā‘ ад-Дин Ахмад б. Мухаммад ¹⁷
19	Ок. 1028/1619—1619	‘Абд ал-Латиф-хан (Апак-хан) б. Шуджā‘ ад-Дин Ахмад ¹⁸
20	Ок. 1040/1630—1631	Султāн-Ахмад (Фулад-хан) б. Зийа ад-Дин Ахмад-султан (Тимур-султан) ¹⁹
21	1042/1632—1633	Султāн-Махмūd (Клыч-хан) б. Зийа ад-Дин Ахмад-султан (Тимур-султан) ²⁰
	1045/1635—1636	Султāн-Ахмад (Фулад-хан) б. Зийа ад-Дин Ахмад-султан (вторично)
22	1048/1638—1639	‘Абдаллах б. ‘Абд ар-Рахīm-хан (Могольское государство, Турфанское владение (до 60-х годов XVII в.)) ²¹
23	1078/1668	Йулбарс-хан б. ‘Абдаллах (часть государства с Кашгаром и Яркендом) ²²
24	11 зу-л-ка‘да 1080/2 апреля 1670	Исма‘ил-хан б. ‘Абд ар-Рахīm (с 1078/1668 г. владел Учем, Аксу, Баем и Кусаном) ²³
25	1091/1680	‘Абд ар-Рашид б. Султāн-Са‘ид Баба-хан
26	?	Мухаммад-Эмин б. Султāн-Са‘ид Баба-хан (убит ок. 1104/1692—1693 г.)
27	Ок. 1106/1694—1695	Мухаммад-Му‘мин (Акбаш-хан) б. Султāн-Са‘ид-Баба-хан (убит в 1107/1695—1696 г.) ²⁴

КОММЕНТАРИИ К СПИСКУ ПРАВИТЕЛЕЙ

¹ Дата — [8, с. 300; 19, с. 272]. О появлении Туглук-Тимура на политической арене и его правления [7, с. 79—80].

² О его гибели от руки Камар ад-Дина говорят Му‘ин ад-Дин Натанзи [10, л. 248а] и Махмūd б. Вали [11, л. 356—36а]. Первый приводит также год гибели. Согласно Мухаммад-Хайдару [13, I, л. 266], Илийас-ходжа-хан умер малолетним и его правление было столь кратковременным, что о нем нет упоминаний в могольских преданиях. Дата гибели не приводится ни у Лэн-Пуля [8, с. 300], ни у Цамбаура [19, с. 272].

³ О «чудесном» спасении, жизни и деятельности Хизр-ходжи-хāна [7, с. 82—84] (изложено по Мухаммад-Хайдару). Шараф ад-Дин Йазди отмечает его как хана в описа-

нии событий 791/1389 г. [10, с. 141—142]. Согласно Натанзи [10, с. 129], он умер в 799/1396—1397 г. после 30 лет правления. У Шараф ад-Дина Йазди и 'Абд ар-Раззак Самарканди известие о его смерти помещено в описании событий 802/1399—1400 г. [10, с. 146, 157]. Хондемир [20, с. 484] следует за последним. Лэн-Пуль [8, с. 300] и Цамбаур [19, с. 272] указывают на 791 г. х. — вступление на трон, 801 г. х. — год смерти.

⁴ Лэн-Пуль [8, с. 300] и Цамбаур [19, с. 272] дают дату восшествия 801/1399 г. Ср. выше, прим. 3.

⁵ Даты приведены согласно Лэн-Пулю [8, с. 300] и Цамбауру [19, с. 272]. О политических событиях [7, с. 84—87]. Цамбаур [19, с. 272] приводит дату гибели Вайс (Увайс)-хана.

⁶ Дата предположительна, выведена из следующего: Мухаммад-Хайдар [13, I, л. 41а] сообщает, что он был провозглашен всемогольским ханом после того, как его старший брат Йунус был уведен своими сторонниками в Самарканд к Улугбеку. Йунусу в то время было 13—14 лет, а родился он в 818/1415—1416 г. [1, I, л. 626]. Лэн-Пуль [8, с. 300] и Цамбаур [19, с. 272] дают 838/1434—1435 г.; см. также [7, с. 87—88]. Японский ученый Мано Эйджи полагает, что Вайс (Увайс)-хан умер не в 1428 или 1429 г., а в 1432 г.; см. [17а, с. 47, прим. 4].

⁷ Даты по Лэн-Пулю и Цамбауру [8, с. 300; 19, с. 272]. У Цамбаура ошибочно: Йусуф б. Увайс. После того как Йунус был разбит под Кашгаром Эсен-Бугой, его резиденцией стал г. Ятикент на границе с Ферганой, откуда он управлял Западным Моголистаном [13, I, л. 456]. После смерти Дуст-Мухаммад-хана в 873/1468—1469 г. Йунус занял Аксу и был признан ханом моголов [13, I, л. 48а—486]. О перипетиях его жизни см. [7, с. 88—89]. Ко времени своей смерти в Ташкенте в 892/1487 г. он управлял практически лишь Западным Моголистаном, поскольку владения дуглатов (Манглай-Субе) были им потеряны в 885/1480—1481 г., а в Центральном и Восточном Моголистане и Турфанском округе ханствовал его младший сын Султāн-Ахмад с 890/1485 г.

⁸ Родился в 868/1463—1464 г. [13, I, л. 576], после смерти отца был признан как старший в роде номинальным всемогольским ханом, управлял только западной частью Моголистана. О всех перипетиях его жизни и правления см. [7, с. 89—91; 2, с. 6—11]. Следует отметить, что под Ходжентом в 914/1508—1509 г. по приказу Шейбани-хана были убиты не все его дети. Старший сын по имени Султāн-Мухаммад-султан находился в то время в Дашт-и Кипчак у Бурундук-хана и Касим-хана. Его нукеры, полагая, что при Шейбани ему будет лучше, привезли его в Ташкент, где он и был убит [13, I, л. 916].

⁹ Родился в 870/1465—66 г. [13, I, л. 66а]. В 890/1485 г., в то время, когда Йунус-хан направлялся к Сайраму, он был уведен большинством могольских эмиров в степи Моголистана, где после десятилетней борьбы с калмыками (ойратами) и узбек-казаками восстановил ханскую власть в Центральном и Восточном Моголистане. В 907/1501—1502 г., направляясь на помощь старшему брату — Султāн-Махмūd-хану против Шейбани-хана, назначил своего сына Мансура полномочным ханом всех своих владений. Мансур-хан сидел в Турфане. Вскоре после возвращения из неудачного похода против Шейбани-хана Султāн-Ахмад-хан умер. Согласно Мухаммад-Хайдару [13, I, л. 676], это произошло в конце зимы 909/1504 г. в Аксу. По Лэн-Пулю [8, с. 300] и Цамбауру [19, с. 272], он правил до 908/1502—1503 г. В источниках нет сведений о том, что после возвращения в Аксу Султāн-Ахмад-хан вновь взял в свои руки бразды правления и, хотя Мухаммад-Хайдар [13, I, л. 906], перечисляя его детей, замечает, что Мансур-хан начал править в 909/1504 г., мы склоняемся к указанной в «Списке» дате начала его правления.

¹⁰ В 922/1516 г. во время встречи Султāн-Са'ид-хана и Мансур-хана последний как старший в роду, был признан главным ханом причем Султāн-Са'ид даже обязался бить монету с его именем и упоминать его в хутбе [13, I, л. 696]. Согласно тому же автору [13, I, 61а], Мансур-хан назначил старшего сына — Шāх-хана своим преемником и ото-

шел от дел. Он умер в 950/1544 г. По Лэн-Пулю [8, с. 300] и Цамбауру [19, с. 272], он правил до своей смерти и соответственно та же дата вступления на престол Шāх-хāна.

¹¹ Лэн-Пуль [8, с. 300] и Цамбаур [19, с. 272] приводят только годы правления, у последнего ошибочно: Sauyid Khan. Полное имя [13, I, л. 56]. О перилетях его жизни [7, с. 90—93; 2, с. 8—9]. Мухаммад-Хайдар приводит две даты его смерти: первая — последний день (салх) зу-л-хиджжа 939/22 июля 1533 г. [13, I, 76а]; вторая — 16 зу-л-хиджжа 939/9 июля 1533 г. [13, I, 816]. Последняя дата нам представляется предпочтительней. Как известно, он умер от приступа астмы в горах, возвращаясь из похода на Малый Тибет (Ладак), а ‘Абд ар-Рашид уже 1 мухаррама 940/23июля 1533 г., т. е. на следующий день, вступил на престол. Он мог сделать это лишь по получении известия о смерти отца. Принимая во внимание дальность расстояния, за сутки получить такое сообщение он не мог. Правда, тот же автор [13, I, л. 786] указывает другую дату вступления ‘Абд ар-Рашида на престол — 10 мухаррама 940/1 августа 1533 г. Султāн-Са’ид-хан вступил на престол в Кашгаре в месяце раджаб 920/августе—сентябре 1514 г. [13, I, л. 746].

¹² О дате вступления на престол см. выше, прим. 11, также у Чураса [15, с. 258—259, № 38]. Полное имя [13, I, 56]. Дата смерти выведена из сообщения Чураса о числе лет его жизни и правления [15, с. 137]. О других датах, приводимых в различных источниках, см. [15, с. 271, № 69]. Лэн-Пуль [8, с. 300] и Цамбаур [19, с. 272] отмечают, что он правил до 978/1570—1571 г.

¹³ О дате вступления на престол см. выше, прим. 10, о дате смерти [8, с. 300; 18, с. 272]; см. также: Чурас [15, с. 282, № 123 и с. 283, № 124]. На правлении этого хана заканчиваются хронологические таблицы этой династии у Лэн-Пуля и Цамбаура.

¹⁴ Вступил на престол после смерти отца [15, с. 165]. Источники приводят две даты его смерти: конец 999/1591 г. и начало 1000/1591 г. Подробнее см. [15, с. 279, 280, 283, 290, № 117, 118, 127, 164].

¹⁵ Захватил власть в Турфане после гибели брата. Подробнее см. [15, с. 282, № 123].

¹⁶ Вступил на престол спустя три месяца после смерти брата, так как находился в походе на киргизов [15, с. 170, 177, 290, № 164]; см. также [6, с. 175].

¹⁷ Вступил на престол сразу после смерти отца [15, с. 178], правил десять лет и был убит эмирами из семейства Шахи [15, с. 194]. Следовательно, он погиб в 1028/1618—1619 г. Источники приводят также две другие даты: 1024/1615 г. и 1026/1617 г. [6, с. 180]. Разбор и сопоставление сведений источников см. [15, с. 297, № 204].

¹⁸ Сразу же после убийства Шуджā’ ад-Дин Ахмад-хāна заговорщики провозгласили ханом в Яркенде Курайш-султана б. Йунус-султана б. ‘Абд ар-Рашид-хāна. Но он был разбит сторонниками погибшего хана и убит, а его правление длилось девять дней [15, с. 195—199, 297—298, № 208—209].

‘Абд ал-Латиф-хан был младшим сыном Шуджā’ ад-Дин Ахмад-хāна, старшим был Зийа ад-Дин Ахмад-султан, известный как Тимур-султан и умерший ок. 1023/1614—1615 г. [15, с. 293, № 185]. Источники расходятся, определяя дату смерти, на четыре года: от 1036/1626—1627 г. до 1040/1630—1631 г.

Мы принимаем хронологию Шāх-Махмūd Чураса [15, с. 205]. Разбор данных источников [6, с. 181—182; 15, с. 304, № 236].

¹⁹ Старший сын Зийа ад-Дина Ахмад-султана (см. прим. 18); взшел на трон сразу после смерти дяди [15, с. 206; 6, с. 182].

²⁰ Младший сын Зийа ад-Дина Ахмад-султана; выступил против старшего брата и в 1042/1632—1633 г. низложил его [6, с. 182; 15, с. 305, № 241]. Он умер в 1045/1635—1636 г. [15, с. 209]. После него вторично стал править Султāн-Ахмад-хан.

²¹ Потерпев поражение в борьбе за власть с сыном ‘Абд ар-Рахīm-хāна ‘Абдаллах-ханом, Султāн-Ахмад-хан в 1048/1638—1639 г. бежит в Мавераннахр к Имам-Кулихану. Последний оказывает ему воинскую помощь, но в том же году Султāн-Ахмад

погибает при осаде Андижана. На престол восходит 'Абдаллах-хан и объединяет под своей властью весь Восточный Туркестан от Турфана, где он до этого правил после смерти отца в 1044/1634—1635 г., до Бадахшана [15, с. 210—212, 306—307, № 256—259; 6, с. 182—183].

В 1078/1667—1668 г. 'Абдаллах-хан отказывается от власти и бежит в Индию. Эту дату приводят индийские источники, написанные на персидском языке [15, с. 318—319, № 338, с. 319—320, № 344]. Согласно Ма'асир-и 'Аламгири, 'Абдаллах-хан умер в Индии 10 ша'бана 1086/30 октября 1675 г. [15, с. 322, № 361].

²² Йулбарс-хан захватил власть в Яркенде и был объявлен ханом вскоре после бегства отца в Индию. Ему также подчинился Кашгар, где он до этого правил с титулом хана. Два года спустя он был убит эмирами, которых поддерживали калмаки [15, с. 241—244; 321, № 347].

²³ После бегства брата — 'Абдаллах-хана он пришел из Чальша и подчинил себе Уч, Аку и Бай. Дата вступления на престол — у Чураса [15, с. 248]. Исма'ил-хан был низложен знаменитым ойратским предводителем Галдан-Бошоку-ханом (1671—1687). Мы склонны считать, что это произошло в 1091/1680 г., когда ойраты захватили Кашгар и Яркенд [15, с. 323—324, № 363].

²⁴ Мы располагаем весьма скудными данными источников о правлении последних, отмеченных в данном «Списке» ханов. Известно, что 'Абд ар-Рашид был правителем Турфана, участвовал вместе с младшим братом Мухаммад-Му'мином (Акбаш-ханом) в походе Галдана на Яркенд и был посажен последним на ханский трон. В результате смут он бежал из Яркенда, время его правления неизвестно. Спустя некоторое время на курултае в Яркенде ханом был провозглашен другой сын Султāн-Са'ид-Баба-хана — Мухаммад-Эмин, который погиб в борьбе с белогорским ходжой Хидайаталлахом, более известным как Ходжа Афак (ум. 1105/1694 г.). Видимо, хан погиб в конце 1103 или начале 1104/1692 г., поскольку анонимная «История Кашгарии» сообщает, что Ходжа Афак умер спустя полтора года после убийства Мухаммад-Эмин-хана [6, с. 188—189]. Власть в Яркенде и Кашгаре захватили белогорские ходжи в лице Ходжи Афака и его сына Мухаммад-Йахйи, который был убит через полгода после смерти отца [15, с. 49—50, прим. 88]. Около 1106/1694—1695 г. в борьбу за власть включается Мухаммад-Му'мин (Акбаш-хан), он провозглашается ханом, но через год в 1107/1696—1697 г. погибает в сражении с кашгарскими киргизами и сторонниками белогорских ходжей под Янги-Хисаром [15, с. 49—50, прим. 88, с. 232—324, № 363]. В дальнейшем борьба за власть шла с переменным успехом между двумя группировками ходжей — белогорскими и черногорскими. Конец этой борьбе положило маньчжурское завоевание 1756 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. 'Абд ар-Раззāk Самаркандī. Матла' ас-са'дайн ва маджма' ал-бахрайн: Рук. ИВ АН СССР, С 443.

2. Акимушкин О. Ф. Моголистан, моголы и киргизы в первой половине XVI в. (Заметки по политической истории региона) // ППиПИКНВ. XI годичная сессия ЛО ИВ АН СССР. М., 1975. Ч. I.

3. *Бабур-наме*. Записки Бабура / <Пер. М. Салье>. Ташкент, 1958.

4. Бартольд В. В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии // Бартольд В. В. Сочинения: В 9 т. Т. 5. М., 1968.

5. Бартольд В. В. История Туркестана (Конспект лекций) // Бартольд В. В. Сочинения. Т. 2, Ч. 1. М., 1963.

6. Бартольд В. В. Отчет о командировке в Туркестан // Бартольд В. В. Сочинения. Т. 8. М., 1973.

7. Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья // Бартольд В. В. Сочинения. Т. 2. Ч. 1. М., 1963.

8. Лэн-Пуль С. Мусульманские династии: Хронологические и генеалогические таблицы с историческими введениями / Пер. с англ. с прим. и дополн. В. Бартольда. СПб., 1899.

9. Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII вв. (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата, 1969.

10. Материалы по истории киргиз и Киргизии. Вып. 1. М., 1972.

11. Махмуд б. Вали. Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахйар; Фотокопия ИВ АН СССР, ФВ-82.

12. Миклухо-Маклай Н. Д. Описание персидских и таджикских рукописей собрания Института востоковедения АН СССР. Вып. 3: Исторические сочинения. М., 1975.

13. Мухаммад-Хайдар Дуглат. Тарих-и Рашидй: Рук. ИВ АН СССР, В 648(I); рук. ИВ АН СССР. С 394(II).

14. Стори Ч. А. Персидская литература: Био-библиографический обзор. В 3 ч. / Перевод с англ., перераб. и дополнения Ю. Э. Брегель. М., 1972.

15. Шах-Махмуд б. мирза Фазил Чурас. Хроника / Крит. текст, перевод, комментарии, исследование и указатели О. Ф. Акимовской. М., 1976.

16. Юдин В. П. [Рец. на:] Мугинов А. М. Описание уйгурских рукописей собрания Института народов Азии АН СССР. М., 1962 // Изв. АН КазССР. 1965. № 2. С. 81—82.

17. Hartmann M. Der islamische Orient // Berichte und Forschungen. Berlin, 1905. Bds. VI—X.

17а. Mano Eiji. Moghūlistan // Acta Asiatica. Tokio, 1978. [Historical Studies on Central Asia in Japan (Special issue)].

18. The Tarkih-i Rashidi of Mirza Muhammad Haidar, Dughlat. A History of the Moghūls of Central Asia: An English Version / Ed. with Commentary, Notes and Map by N. Elias; The Translation by E. D. Ross. London, 1905.

19. Zambaur E. de Manuel de genealogie et chronologie pour l'histoire de l'Islam: Avec 20 Tableaux genealogiques hors texte et 5 Cartes. Nanovre, 1927.

20. Тарих-и хабйб ас-сийар фи ахбар афрād башар. Та'лиф-и Гийас ад-Дин ибн Хумам ад-Дин ал-Хусайнй Хвандамир. Ба мукаддима ба калам-и Джаллад ад-Дин Хумайи. Т. 3. Тихран, 1333[= 1954].

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Шараф ад-Дин Йазди, Гийас ад-Дин Хондамир и Махмуд б. Вали называют его сыном Эмил-ходжи сына Дува-хана, но Захир ад-Дин Бабури и мирза Мухаммад-Хайдар Дуглат считают его отцом другого сына Дува-хана — Эсен-Бугу. Последнее является явным анахронизмом, так как Эсен-Бугу умер задолго до рождения Туглук-Тимура. О всех указанных авторах и их трудах см. [3, с. 19; 9, с. 185—191; 10, с. 128—129; 11, л. 30а—32а; 12, № 465—466; 13, I, л. 6а—6б, 7б, 9а—9б, 14а; 14, ч. 1, с. 383—393, ч. 2, с. 797, 807, 828—838, 1202—1206, 1135—1138; 18, с. 6—9; 20].

² Подробнее см. [16, с. 81—82].

³ Отметим, что Турфанское владение было присоединено к улусу Хизр-ходжой-ханом в конце XIV в. [13, I, л. 426; 18, с. 52].

⁴ Подробнее см. [2, с. 9].

⁵ Подробнее см. [2, с. 6—9].

⁶ Последний известный нам поход в Центральный Моголистан был совершен ок. 1000/1591—1592 г. будущим ханом Мухаммадом [15, с. 169].

⁷ Издана [15, с. 331—344].

⁸ Сочинение этого автора известно в двух редакциях: первая (без названия) закончена в Ширазе в 816/1413 г. и посвящена правителю Фарса Искандар-султану, вторая завершена в Герате и поднесена Шахруху в 817/1414 г. Эта редакция получила название «Мунтахаб ат-тавāрїх-и Му‘їнї». Мы пользовались списком первой редакции по рукописи из собрания ИВ АН СССР, С 381 [12, № 242; 10, с. 112—113]. Об авторе сочинений и сохранившихся рукописях, а также литературе о них см. [14, с. 339—341].

⁹ Эта часть носит особое название — «Зубдат ат-тавāрїх-и Бāйсунгурї» [14, с. 341—349].

¹⁰ Об этих сочинениях см. прим. 1.

¹¹ Разбор и сопоставление этих источников см. [15, с. 112—119, 306—307, 318—323].

III. Литература, литературное источниковедение

КОММЕНТАРИЙ НА «ИСКУССТВЕННУЮ» ҚАСЫДУ ҚИВĀМЙ МУТАРРИЗЙ*

К началу XII в. узость тематики и шаблонность построения панегирической касыды стали преградой на пути ее дальнейшего развития. Стремясь преодолеть это препятствие, персидские поэты пытались в известных пределах разнообразить содержание своих касыд, ввести новые оригинальные и нешаблонные мысли и образы.¹ Наряду с этими поисками поэты обращались к самой форме классической касыды, старались усложнением поэтических изобразительных средств, изысканностью в их применении как-то украсить касыду, придать ей новизну, своеобразие и зависимость. Так в XII в. в персидской поэзии сложился особый вид касыды, который получил название «искусственная касыда». Такое произведение включало в себя большинство поэтических фигур, употребительных в поэтике, причем каждый бейт (в ряде случаев несколько бейтов) такой касыды служил иногда иллюстрацией применения одной, двух, а иногда и более фигур. Именно эту сторону отмечают источники как самый характерный и отличительный признак подобной касыды. Вместе с тем следует отметить, что использование такого количества фигур диктовалось отнюдь не содержанием произведения. Оно было вызвано стремлением поразить читателя умелым владением техникой стиха и отличным знанием риторических приемов. Последнее обстоятельство превращало любую «искусственную»

* Впервые статья была опубликована в: Краткие сообщения института народов Азии. Т. 69: Исследование рукописей и ксилографов Института народов Азии. М., 1965. С. 7—21.

касыду в своеобразный трактат по поэтике, где без каких бы то ни было пояснений демонстрировалось на примерах применение различных фигур.

Этот вид касыд, требовавших от поэтов виртуозного владения техникой, получил значительное распространение и привлек к себе внимание многих поэтов и любителей поэзии.²

Первой из дошедших до нас искусственных касыд является касыда Қивāmй Муṭарризй, названная им «Бадā'и' ал-асḫār фй санā'и' ал-аш'ār». Размеры ее сравнительно невелики для касыды подобного жанра. Она состоит из 100 бейтов и содержит 86 фигур и тропов.³

Согласно традиции, начало которой связано с именем Даулатшāха Самарканди,⁴ автор касыды Джамāl ад-Дйн Мухаммад ибн Абӯ Бакр ал-Қивāmй ал-Муṭарризй ал-Ганджй⁵ считался братом⁶ крупнейшего поэта XII в. Абӯ Мухаммада Илйāса Низāmй Ганджавй (536—599/1141—1203). Касаясь биографии Низāmй, исследователи его творчества с той или иной степенью подробности рассматривали этот вопрос, причем, если одни из них считали сообщение Даулатшāха достоверным и заслуживающим внимания, то другие отвергали его, видя в нем только вымысел.⁷ Вместе с тем каких-либо веских и аргументированных доводов в пользу того или иного мнения до сих пор не приведено, и каковы были родственные отношения между Низāmй и Қивāmй (если они вообще были родственниками), до сих пор неясно.⁸

Сведения, которые мы находим о Қивāmй Муṭарризй в источниках, крайне скудны. Поэт, судя по его нисбе, был уроженцем г. Ганджи в Северном Азербайджане. Ремесленная нисба «муṭарризй» указывает на то, что кто-то в его роду или семье был золотошвеем или занимался изготовлением канители. Сам же он, согласно Ризā-Қулй-хāну, был пекарем (хаббāз).⁹ По мнению же Са'ида Нафиси, хлебопечением занимался поэт Бадр ад-Дйн Қивāmй Рāзй — современник Қивāmй Муṭарризй.¹⁰ В этой связи интерес представляет замечание Ризā Қулй-хāна о том, что авторы некоторых антологий приписывают стихи ганджинца поэту из Рея.¹¹ Хронологические рамки жизни Қивāmй точно не установлены. Некоторую помощь здесь может оказать нам его искусственная касыда, которую он посвятил (бейт 89) правителю Ганджи атабеку Мухаммад-шāху Қзыл Арслāну (582—587/1186—1191). Исходя из этого обстоятельства, мы можем совершенно определенно сказать, что Қивāmй был современником Низāmй Ганджавй и что его литературная деятельность приходится, видимо, на вторую половину XII в.

Риза-Кули-хāн отмечает, что между ним и Хакīmом Сўзāнī имела место непристойная поэтическая перебранка (мухāджāt). Действительно, у Сўзāнī¹² есть несколько подобных сатир (*хаджв*), направленных против некоего Қивāmī, но установить, против какого из трех современных ему поэтов, писавших под этим литературным именем, не представляется возможным без детального исследования дивана стихов Сўзāнī. Известность Қивāmī снискал своими искусственными касыдами, в составлении которых он считался признанным авторитетом. Его диван, насчитывающий около 7000 бейтов, до нас, видимо, не дошел.¹³ Риза-Кули-хāн приводит пять фрагментов из различных его касыд и одно *қит'а* — всего 98 бейтов, включая 15 бейтов из упомянутой искусственной касыды.¹⁴ Еще три бейта находим мы у Шамс-и Кайса¹⁵ и автора «Сулам ас-самавāt».¹⁶

Большой успех выпал на долю касыды «Бадā'и' ал-асхār». Она не только дожила до наших дней, но почти сразу же после своего появления вызвала ряд подражаний, ответов и комментариев. Последнее вполне понятно: для неискушенного читателя, мало знакомого со всем арсеналом поэтической техники и символики, трудности, возникавшие при чтении подобных произведений, были практически непреодолимы без пояснений. В совокупности же с такими комментариями любая искусственная касыда превращалась в подлинный трактат по поэтике.

К числу таких комментариев относится трактат «Рисāла-йи пīрўзī ва макāла-йи наврўзī» («Счастливый трактат и новогоднее поздравление»),¹⁷ написанный Хамīд ад-Дīном Наджātī на касыду Қивāmī и посвященный им Гийās ад-Дīну Мухаммаду и Шараф ад-Дīну Ахмаду — сыновьям историка Рашид ад-Дīна Фазлаллāха (казнен в 718/1318 г.).

Об авторе рассматриваемого трактата нам известно очень немного. Несмотря на то что он, как мы увидим ниже, являлся автором нескольких прозаических сочинений и поэтом, его имя, по каким-то причинам не привлекало внимания составителей тазкире и не получило отражения на их страницах (во всяком случае тех, которые были нам доступны). Хамīд ад-Дīн Махмūd Абў 'Абдаллāх ибн 'Умар Нишāпūrī с поэтическим псевдонимом Наджātī¹⁸ по роду своих занятий был ученым-филологом и, видимо, профессиональным поэтом. Происходил он из Нишапура, где получил обычное для того времени образование. В этом городе он провел свою юность и сделал первые шаги на поэтическом поприще. Впоследствии Наджātī переехал в Тебриз, где, кажется, прочно обосновался. Впрочем, из тракта-

та (л. 226) мы узнаем, что он бывал также и в Ширазе. Много позднее в оставленном по просьбе мешхедца Мухаммада ибн 'Али, известного под именем Сивāk, кратком руководстве по поэтике «ал-Кāфийя фи-л-'арӯз»¹⁹ он называет своими учителями одного из лучших персидских лириков — предшественников Хāфиза Джамāl ад-Дйна Мухаммада Исфакāнӣ и известного авторитета в области персидского стихосложения Йӯсуфа 'Арӯзӣ-йи Нишапӯрӣ.²⁰ Относительно Джамāl ад-Дйна Исфакāнӣ слова Наджātӣ следует, видимо, понимать в переносном значении, т. е. в том смысле, что он учился поэтическому мастерству, изучая его произведения. Джамāl ад-Дйн Исфакāнӣ умер в 588/1192 г., и если наш автор на самом деле был его учеником, то мы должны были бы согласиться с тем, что ко времени завершения трактата его возраст значительно превышал сто лет, что маловероятно. Однако Йусуф Нишапури вполне мог обучать его стихосложению и риторике, и, возможно, на него намекает автор, рассказывая о том, как он однажды обратился к своему наставнику с просьбой разъяснить непонятную фигуру (л. 156). Точные хронологические рамки его жизни нам не известны, и мы можем восстановить только лишь некоторые ее эпизоды.

Самой ранней из известных нам работ Наджātӣ является арабский комментарий на исторический труд Абу Насра Мухаммада ал-'Утбӣ (350—427/961—1036) — «ал-Йамйӣ»,²¹ названный им Басātйн ал-'уламā ва рийāхйн ал-'укалā.²² Задача эта представляла известные трудности, поскольку сочинение 'Утбӣ славилось цветистым и вычурным арабским языком, насыщенном малоупотребительными и редкими словами. Кроме того, книга от начала до конца была написана рифмованной прозой. Не удивительно, что трудности чтения и понимания мыслей автора потребовали специальных разъяснений. Для работы над своим комментарием Наджātӣ помимо неоднократно штудирования сочинения 'Утбӣ привлек и детально изучил пять комментариев, написанных до него. Первую редакцию комментария он закончил в 709/1309—1310 г. в Тебризе. И, видимо, в том же году (или в начале 710/1310 г.) он прочел его шейху Кутб ад-Дину Мухаммаду ибн Мас'ӯду Шйрāзӣ, наиболее известному из учеников Насйр ад-Дйна Тусӣ. (Позднее это случиться не могло, так как Кутб ад-Дйн умер в середине 710/конце 1311 г.) По его указанию автор увеличил объем комментария и, надо полагать, переработал его, окончательно завершив в 721/1321 г.²³

Судя по словам самого Хамид ад-Дйна Наджәтӣ, он был близок со многими поэтами, подвизавшимися при дворе ильханов и их везиров. В частности, он посещал дом поэта Хумәм ад-Дйна Табризи (ум. в 714/1314 г.) и неоднократно встречался с Шамс ад-Дйном Кәшәнӣ. Их стихи и слышанные от них рассказы Наджәтӣ не раз приводит в «Счастливом трактате». Но сам он как поэт остался неизвестен. Диван, составленный им, до нас не дошел, а составителям *тазкире* его имя не было знакомо, так же, как и его стихи. Впрочем, сам Наджәтӣ ценил их очень высоко: «...ни в одном диване, как прежних <поэтов>, так и современных, нет столь остроумных образов, что встречаются в стихах самого немоощного, за исключением дивана Камәл ад-Дйна Исмә'ила, Асӣр ад-Дйна Умәнӣ и Сирәдж ад-Дйна Қамарӣ» (л. 276). Мы видим, что высказывания нашего автора не отличаются скромностью, хотя некоторое основание для этого он имел, понимая под «остроумными образами» искусное применение поэтических фигур, которое он исполнил с большим знанием дела. Вообще же поэт он был второстепенный, и стихи его (те, что он приводит для пояснений фигур), производят впечатление слабых и надуманных. Знаток поэзии и филолог Наджәтӣ стоял гораздо выше Наджәтӣ-поэта. В этом нетрудно убедиться, познакомившись с его трактатами, которые ясно показывают нам высокую степень эрудиции и образованности, позволявшие Наджәтӣ прекрасно разбираться во всех тонкостях схоластической поэтики. Пробовал он свои силы и в составлении искусственных касид. Начало одной из них приведено в его трактате (л. 156):

شباب رفت بکلی دریغ روز شباب * خراب کشت بکلی بنای عمر خراب

‘Совсем ушла молодость, увы, дни юности!

Совсем расшатался фундамент жизни, совсем.’

Принадлежал ли наш автор к окружению везира Гийәс ад-Дйна, и какую роль он играл при нем, остается неизвестным, как и дальнейшая судьба Хамид ад-Дйна Наджәтӣ. Есть сведения только, что он был еще жив в 738/1337—1338 г.²⁴

Трактат, к рассмотрению которого мы переходим,²⁵ был назван самим автором «Счастливый трактат и новогоднее поздравление». Как раз к этому времени подошел Новый год и «войско тепла и новогодней зелени победоносно одолевало армию холодного дыхания зимы» (л. 26). Наджәтӣ решил восполь-

зоваться этим, чтобы преподнести свой труд Гийās ад-Дīну, «поскольку в подобные дни среди многочисленных вассалов и подчиненных бытует <такой> обычай, чтобы каждый сделал своему покровителю и начальнику подношение или подарок» (л. 26). Таким «подношением» и явился комментарий на касыду «наставника мужей осведомленных и шейха поэтов» — Қивāmī. Далее Наджātī делает любопытное признание: «Я написал краткий комментарий, содержащий пояснения фигур (*санāйи*), и для всеобщей пользы привел персидские стихи в качестве примеров на <эти> фигуры, ибо большинство современников лишены драгоценностей <арабского> воспитания и не носят украшений <знания> языка арабского. Кроме того, поскольку комментируемая касыда была <написана> на персидском языке, то примеры и комментарий на нее были бы на персидском языке более подходящими и сообразными» (л. 36).

Хамид ад-Дīна Наджātī не указывает точной даты написания трактата. Однако мы можем установить крайние сроки, в пределах которых был составлен комментарий. Рассказывая о своих встречах с поэтом Шамс ад-Дīном Кāшāнī, Наджātī отзывается о нем как об уже умершем (*мархūм*). Дату же смерти Шамс ад-Дīна (между 728/1328 и 730/1330 гг.) устанавливает современник последнего Хамдаллāх Казвīнī. Гийās ад-Дīн занимал пост везира с 727/1327 по 736/1336 г. Таким образом, трактат мог быть написан между 728/1328 и 736/1336 гг. Вместе с тем следует отметить, что пышный титул, прилагаемый к имени автора в самом начале трактата, позволяет предположить, что текст сочинения не дошел до нас в том виде, в каком он вышел из-под пера Наджātī, и, видимо, подвергся некоторой редакции.

Хотя в комментарии нет деления на главы, все же в нем достаточно четко видны три части: введение автора с изложением причины, побудившей его составить этот труд (л. 16); подробный анализ и комментарий касыды Қивāmī и всех входящих в нее фигур (л. 4а); наконец, дополнения автора и пояснение поэтических терминов (л. 57б).

Начало (л. 16).

للحمد لله البديع المبدع للبدايع الصنائع المخترع للصنائع وصلوة

Начало комментария (л. 4аб):

قال الاستاد المطرزي الكنجي حسن المطلاع والترصيع
ای فلك را هوای قدر تو بار * وای ملک را ثنای صدر تو کار

Комментарий строится по следующей схеме: приводится бейт из касыды Қивāmī, затем поясняется фигура, заключенная в нем, и в качестве примеров привлекаются бейты из стихов различных персидских поэтов на эту фигуру.

Касыда Қивāmī, которая представлена нашим списком, насчитывает только 97 бейтов. Сравнение с текстом этой касыды, помещенном в транскрипции у Э. Г. Броуна и содержащим сто бейтов, выявляет значительное число текстуальных расхождений и разночтений, предпочтительность большинства которых в нашем списке не вызывает сомнений.²⁶ Это сравнение дает такую картину (порядок бейтов вашего списка по Броуну): 1, 2, 3, 5, 4, 6, 7, 8, 9, 30, 32, 31, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 10, 11, 12, 13, 14, пропуск, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 58, 57, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 67, 66, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 78, 79, 87, пропуск, 76, 75, 89, 85, 86, 83, 84, пропуск, 81, 82, 90, 91, 92, 94, 93, 95, 97, 98, 99, 100. По вине ли переписчика или вследствие того, что он располагал дефектным списком, в комментарии не приведены бейты 15 и 80, однако в первом случае имеются пояснения и примеры, а во втором даны только примеры. Далее, вместо двух бейтов (87—88 у Броуна), поясняющих фигуру *калām ал-джāми*, у Наджāтī приведен один (84 в порядке нашего списка), который не встречается у Броуна. Кроме того, наблюдается перестановка бейтов, когда один и тот же бейт, согласно комментарию Броуна, поясняет одну какую-нибудь фигуру, у Наджāтī же этот бейт иллюстрирует другую.²⁷

Анализируя одну за другой все фигуры, заключенные в касыде Қивāmī, Э. Г. Броун, как, впрочем, признает он сам, не смог объяснить и раскрыть четыре из них. А именно: *лугз* (б.53—62), *мувашиах* (б.66), *муджаррад* (б.70) и *му'амма* (б.73).²⁸ Двум фигурам — *лугз* и *муджаррад* — дает объяснение наш комментатор. Ответом на загадку (*лугз*) служит слово *'ишк* («любовь»); разновидностью фигуры *муджаррад* (всего их насчитывается 28). является фигура *муджаррад мин алиф* (т. е. в бейте нет ни одного слова с буквой алиф). Точно так же толкует эти фигуры и индийский ученый Шейх 'Абд ал-Кāдир Сарфарāз в упомянутой выше статье. Далее, по мнению Наджāтī, бейт (л. 40а):

دوست میدارمش که یار منست * دشمن آن به که خود نباشد یار

‘Я люблю его, потому что он мой друг.

Враг тогда хорош, когда сам не является другом’,

заключает фигуру *мувашиах*, которая дает следующую *мисрā*':

‘Друг — враг, когда он друг врага’.

دوست دشمن است دشمن يار

И, наконец, последняя фигура — логогриф (л. 44а):

موج و دود دل و دو دیده من * برد دریا و ابر را مقدار

Наджātī не сумел вывести из него искомого слова, но считает, что он содержит намек на имя возлюбленной поэта.

Касыда Қивāmī обнаруживает вполне очевидную зависимость от трактата Рашид ад-Діна Ватвāта «Хадā'ик ас-сихр ва дакā'ик аш-ши'р» Қивāmī сохраняет даже порядок поэтических фигур, принятый Ватвāтом. Таким образом и трактат Хамид ад-Діна Наджātī, комментирующий касыду Қивāmī, также оказывается в композиционной зависимости от поэтики Ватвāта. Кроме того, наш автор сознательно следовал Ватвāту, заимствуя из его труда стихи исключительно персидских поэтов, чтобы проиллюстрировать применение ими различных фигур.²⁹

Во всех случаях Наджātī строго придерживается введенных Рашид ад-Діном Ватвāтом определений, которые получили признание у авторитетов. Исключение составляют фигуры, появившиеся после того как Ватвāт написал свою поэтику. Всего в нашем списке комментария рассматриваются 95 фигур, из них одна фигура (*мурабба*’, л. 61б) не использована у Қивāmī в его касыде, а 11 и не могли быть использованы, так как были введены после написания касыды.

Значительный интерес вызывают в трактате многочисленные цитаты из касыд и газелей крупнейших поэтов X—первой трети XIV в., которые автор привлекает для иллюстрации различных фигур. Естественно, что Хамид ад-Діна Наджātī заимствовал большое число этих цитат из поэтики Ватвāта. Вместе с 14 примерами, взятыми из од самого Ватвāта, таких цитат насчитывается 52, что составляет 79 бейтов из касыд и газелей 15 поэтов, творивших в X—XII вв.³⁰ Вместе с тем Хамид ад-Діна Наджātī пополняет список поэтов, чьи имена мы находим у Ватвāта, цитируя (8 раз) как отдельные бейты, так и фрагменты касыд предшественников и современников Ватвāта, которые по различным причинам не получили отражения в его труде. Мы имеем в виду Абу-л-Кāсима Фирдоуси, Абу Маджда Санāи,

Муджира Байлакани, Афзал ад-Дйна Хакани и др. Из старших современников он чаще других цитирует Мушриф ад-Дйна Са'ди и Шамс ад-Дйна Кашани. По количеству цитат на первом месте стоит Рашид ад-Дйн Ватват (14), далее следуют 'Унсури (10), Са'ди (9), Мас'уд-и Салман (6). Однако высоко оценивая свои собственные стихи, Наджати очень часто предпочитает их чьим-либо другим. Всего он цитирует 34 персидских и одного арабского поэта X — первой трети XIV в. В это число не входит ни он сам, ни его патрон — великий везир Гийас ад-Дйн Мухаммад. Ниже помещен полный список цитируемых в комментарии поэтов, причем имя каждого из них дано в форме, приведенной Наджати. В скобках указывается более полное имя поэта и дата его кончины, если таковая установлена. Перечень составлен в хронологическом порядке дат смерти.

1. Абу 'Абдаллах Джа'фар ибн Мухаммад Самарканди Рудаки (ум. в 329/940—41 г.), л. 526* — 1 бейт.³¹

2. Мунджик Термези (Абу-л-Хасан 'Али ибн Мухаммад Термези (вторая половина X в. н. э.), л. 256, 306 — 2 бейта.

3. Мантики (Абу Мухаммад Мансур ибн 'Али, ум. между 367 и 380/977—980 гг.), л. 526 — 1 бейт.

4. Абу-л-Фарадж Вави-и Димишки (Абу-л-Фарадж ал-Вави Мухаммад ибн Ахмад ал-Гассани, ум. ок. 370/980—981 г.), л. 316 — 1 бейт.³²

5. Камари (Абу-л-Касим Зийад ибн Мухаммад ал-Джурдажани, современник Кабуса ибн Вашмгира, 366—403/976—1013), л. 19а, 476 — 3 бейта.

6. Абу-л-Касим Фирдоуси (Абу-л-Касим Мансур ибн Хасан, 329—411/940—1020 г.), л. 6а — 1 бейт из «Шах-наме».

7. Фаррухи (Абу-л-Хасан 'Али ибн Джулуг, ум. в 429/1037 г.), л. 23а, 31, 32а, 32б, 666 — 9 бейтов.

8. 'Унсури (ум. в 431/1039 г.), л. 186, 246, 38а, 496, 506, 51а, 526, 536, 546 — 14 бейтов.

9. Минучихри Дамгани (Абу Наджм Ахмад ибн Ка'ус, ум. в 432/1040 г.), л. 216 — 3 бейта

10. Зинати (или Зайнаби). 'Алави, современник Газневида Мас'уда (421—432/1030—1041), л. 16аб — 3 бейта.

11. Мас'уд Рази, современник Газневида Мас'уда (421—432/1030—1041), л. 196 — 2 бейта.

12. Катран (Абу Мансур Катран 'Азуди Табризи, ум. ок. 467/1074—1075 г.), л. 86, 9а, 10а, 55³³ — 5 бейтов.

13. Адиб Натанзи (Абу 'Абдаллах Хусайн ибн Ибрахим ибн Ахмад Натанзи, ум. в 499/1105—1106 г.), л. 14а — 1 бейт.

14. Мас'уд ибн Са'д-и Салман (Ляхури, ок. 438—515/ок. 1046—1121 г.), л. 116, 12а, 236, 24а, 296, 566—57а — 19 бейтов.

15. Амир Му'иззи (Абу 'Абдаллах Мухаммад ибн 'Абд ал-Малик (Нишапури, ум. между 518 и 521/1127 гг.), л. 8а, 96, 106, 39а, 39б, 59аб, 63а — 11 бейтов.

16. 'Ум'ак Бухари (Абу-н-Наджиб Шихаб ад-Дйн Бухари, ум. в 542 или 543/1147 или 1148 г.), л. 30а — 2 бейта.

17. Хвādжа Санā‘и (Абу-л-Маджд Мадждуд ибн Āдам, ум. в 545/1150 г.), л. 586, 63а, 64а — 5 бейтов.
18. ‘Абд ал-Васи’ Джабали (‘Абд ал-Васи’ ибн ал-Джāми Гурджастāни, ум. в 555/1160 г.), л. 33а — 1 бейт
19. Саййид Хасан Ашраф Газнави (Ашраф ад-Дйн Абу Махаммад Хасан ибн Мухаммад Хусайн Газнави, ум. в 556/1161 г., л. 5аб, 55б — 2 бейта.
20. Камāли (‘Амид Камāl ад-Дйн Камāли Бухāри Джамāl ал-куттāб, современник великого Сельджука Санджара, 511—552/1118—1157), л. 496 — 1 бейт.
21. Устād Рашид ад-Дйн Ватвāt (Рашид ад-Дйн Са‘д ал-Мулк Мухаммад ибн Мухаммад ибн Абу-л-Джалил ‘Умари Кāтиб Балхи, ум. в 573/1157 г.), л. 5а, 9а, 13а, 15а, 17а (дважды), 51б, 55а — 21 бейт.
22. Асир ад-Дйн Ахсикати (Асир ад-Дйн Абу-л-Фазл Мухаммад ибн Тāхир, ум. ок. 577/1181 г.), л. 5б — 1 бейт.
23. Анвāри (Авхад ад-Дйн Мухаммад ибн Мухаммад, ум. в 583/1187 г.), л. 63а, л. 63б — 2 бейта.
24. Муджир ад-Дйн Байлакāни (Абу-л-Макāрим Муджир ал-Дин, ум. ок. 586/1190 г.), л. 39б, 40а, 42б — 15 бейтов.
25. Шараф ад-Дйн Шафарва (Шараф ад-Дйн ‘Абд ал-Му‘мин Мухаммад ибн Фазлалāх Исфакāни, поэт конца XII — начала XIII в.), л. 32 — 3 бейта.
26. Хākāни (Афзал ад-Дйн Бадил ибн ‘Али Хākāни Ширāни, ум. в 595/1198—1199 г., л. 57б — 2 бейта.
27. Камāl ад-Дйн Исма‘ил ибн Джамāl ад-Дйн Мухаммад Исфакāни (ум. в 635/1237—1238 г.), л. 20а—21а, 45б, 48б — 28 бейтов.
28. Имāми (Абу ‘Абдаллах Мухаммад ибн Абу Бакр ‘Усман Харави, ум. в 676/1277 г.), л. 35 — 2 бейта.
29. Са‘ди Ширāзи (Мушриф ад-Дйн ‘Абдаллах ибн Муслих ад-Дйн, ум. в 691/1292 г.), л. 7б, 21б, 22а, 26б, 38б, 45а, 59а, 61а, 62а — 14 бейтов.
30. Хамām ад-Дйн Табризи (ум. в 713 или 714/1313—1314 или 1314—1315 г.), л. 6б — 1 бейт.
31. Шамс ад-Дйн Кāшāни (ум. в 728/1327—1328 г.), л. 14б, 43а, 43б — 11 бейтов.
32. Абу-л-Мафāхир Рāзи, л. 64б — 2 бейта
33. Шамс ад-Дйн Исфāраини, л. 16б — 3 бейта.
34. Махмуд ибн Музаффар Табризи, л. 6ба — 2 бейта.
35. «Один из талантливых мужей Самарканда», л. 37б — 3 бейта.

Чем же характерен этот перечень? Во-первых, тем, что Наджātī косвенно показывает в нем, творчество каких классических поэтов в его время по-прежнему привлекало к себе внимание, кто из них продолжал сохранять популярность в поэтической среде, у кого следовало учиться мастерству. Во-вторых, тем, что в нем сказывается (и достаточно ясно) зависимость комментария Наджātī от поэтики Ватвāта.

Заключительная часть трактата посвящена фигурам, которые не получили отражение в касыде Қивāmī, хотя большинство их было отмечено Ватвāтом. Наряду с этим в трактате комментируются технические термины, принятые в поэтической среде,

каковых Хамид ад-Дин Наджати насчитывает 12 (из общего числа 17 у Ватвата). Остальные пять — *мусарра*³⁴, *тарджи*³⁵, *акс*³⁶, *тадвир*³⁷, *мукаррар*³⁸ — он относит к разряду самостоятельных фигур. Это число он также пополняет еще тремя фигурами: *лафф-о-наир*³⁹, *музаммат*⁴⁰, *таджрид*⁴¹. Конец (л. 67а):

و طاعت و سنت ايشان بر جباران كيتي و قهرمان دنيا فريضه و واجب
كناد به محمد بقية البقيته و اهل بيته و ذويه عمته الرسالة بحمد الله و حسن توفيقه

Приведем необходимые данные о списке.

Рукопись В 568, старый шифр 488, принадлежит к коллекции Ж. Л. Руссо, приобретенной в 1818 г. Российской Академией наук, № 258; 67 листов, размером 22,3 × 15,5 см, размер текста 14,2 × 9 см, по 13 строк на странице, в рамке из двух черт, проведенных красной тушью. Пагинация европейская. Почерк очень четкий, довольно крупный, не лишенный изящества насх-и ирāни, весьма характерный для XIV — первой четверти XV в. Тушь черная, текст касыды Қивāми и названия фигур писаны почерком сулс красками и золотом, также красками вписаны некоторые поэтические цитаты, почерком насх писаны прозаические цитаты. В начале простой 'уввāн — прямоугольник, обведенный тремя красными чертами, без обычной раскраски. Бумага плотная, но невысокого качества, мало лощеная, слегка кремового оттенка, наощупь мягкая, волокнистая, багдадского или тебризского производства. На л. 67а затерта миндалевидная печать одного из владельцев списка. Переплет скромный, красной кожи, с центральным медальоном, видимо, того же времени, что и весь список.

Рукопись хорошей сохранности, была реставрирована одним из прежних владельцев. Дефекты: оборван угол л. 67 и затерто до дыры имя владельца на л. 16.

Скромный, лишенный убранства внешний вид списка производит впечатление, что каллиграф выполнил эту работу для себя, а не по заказу. На л. 67а имеются две приписки. Первая фиксирует факт покупки списка в г. Мар'аше неким 'Абд ал-Гаффāром 'Абд ал-'Азизом Челеби ибн шейх 'Усмāном у Мустафы Челеби ибн Мухаммада Челеби ал-Мударриса. Вторая представляет для нас больший интерес. Судя по почерку, она является припиской позднейшего владельца рукописи, в которой тот сообщает о рождении сына. Последнее обстоятельство помогает нам, правда, неполностью, восстановить его имя — Мухаммад ибн Хизр ибн ал- Мас'уд. Приписка:...

‘Относительно [рождения] сына — Мухаммада ибн Мухаммада ибн Хизра ибн ал-Мас‘уда... в месяце шаввāле года восемьсот... надцатого.’

К сожалению, угол листа оборван, и прочесть полностью эту приписку не представляется возможным. Дата написана не цифрами, а прописью. Сохранилось написание чисел восьмисот и десяти (‘ашара). Следовательно, рукопись была переписана не позднее шаввāля 819 г. х., т. е. ноября-декабря 1418 г.

В заключение следует отметить, что историка литературы не может не заинтересовать развитие такого раздела средневековой схоластической поэтики, как учение о поэтических фигурах. Искусственные касыды (совместно с комментариями) наряду со специальными трактатами по поэтике достаточно полно фиксировали характер и пути этого развития, выражавшиеся в постепенном усложнении поэтических изобразительных средств, когда простые фигуры и тропы уступали место технически более сложным и изощренным. Лучше всего этот процесс выявляется при сравнении любой искусственной касыды, или комментария на нее, или трактата по поэтике с предшествовавшими им по времени написания сочинениями этого же жанра. Но такое сопоставление выходит за рамки настоящей статьи и является предметом отдельного исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Бертельс Е. Э.* История персидско-таджикской литературы. М., 1960. С. 500—517.

² Интерес к этому виду касыд в литературе XV в. отмечает Е. Э. Бертельс; см.: *Бертельс Е. Э.* Навои: Опыт творческой биографии. М.; Л., 1948. С. 41—43.

³ О том, что касыда состоит из ста бейтов, сообщают Мухаммад Тарбийат دانشمندان آذربایجان تألیف محمد خان تربیت، چاپ اول، ۱۳۱۴ تبریز، ص. ۳۰۹ - ۳۱۰ (далее — Тарбийат). и ‘Абд ал-Кадир Сарфарāз (Descriptive Catalogue of the Arabic Persian and Urdu MSS in the Library of the University of Bombay by Khan Bahadur shaykh Abdu'l-Qadir-e Sarfaraz. Bombay, 1935. P. 15). Хотя Э. Г. Броун сообщает, что касыда состоит из ста одного бейта, однако, анализируя и комментируя ее строка за строкой, он приводит те же сто бейтов: *Browne E. G.* Literary History of Persia. Vol. II. Cambridge, 1951. P. 47—76.

⁴ *The Tadhkirat'ush-Shu'ara'* («The Memoirs of the Poets»), by Dawlatshāh bin 'Alā'u-d-Dawla Bakhtīshāh al-Ghāzī of Samarqand / Ed. by E. G. Browne. London, 1901. Vol. 1: Persian Historical Texts. P. 128.

⁵ В такой форме приводит полное имя Қивāmй автор комментария (л. 3а). Следуя за Таки ад-Дином Кāшāни (см.: *Sprenger A Catalogue of the Arabic, Persian and Hindustani Manuscripts of the Libraries of the King of Qudh. Vol. I. Calcutta, 1854. P. 16, № 24*), М. Тарбийат указывает другой вариант — Кивām ад-Дйн Ахмад Қивāmй ал-Мутарризи, а у 'Аббāса Икбаля мы находим третий вариант — Фахр ад-Дйн Қивāmй ал-Мутарризи. См.:

رشيد الدين وطواط, حديق السحر فى دقائق الشعر, باهتمام عباس اقبال, تهران, ١٣١٦
ص. سه

(далее — Ватват).

⁶ По другим сведениям — дядей, см. , تاليف رضا قلى خان هدايت, مجمع الفصحاء, جلد اول, تهران, ١٢٦٤, ص. ٢٧٨ : الذريعة الى تصانيف الشيعة, تاليف محمد محسن

نزىل سامراء الشهيد بالشيخ آغا بزرگ الطهرانى, الجز ثالث, نجف, ١٣٥٧, ص. ٦٢
(далее — Маджма' ал-фусахā').

⁷ Последние работы, в которых рассматривается этот вопрос: *Bertельс Е. Э.* Низами, творческий путь поэта. М., 1956. С. 68 и

ديوان قصايد وغزليات نظامى كنجوى, بكوشش استاد سعيد نفيسى, [تهران], ١٣٣٨, ص. ٣
(далее — Низāми. Диван).

⁸ Достоверность сообщения Даулатшāха не вызывала бы сомнений, если бы оно не исходило из столь ненадежного и полного ошибок и вымысла источника, каковым является его «Тазкират аш-шу'арā».

⁹ Маджма' ал-фусахā'. Т. I. С. 478.

¹⁰ Низāми. Диван. С. 3.

¹¹ Маджма' ал-фусахā'. Т. I. С. 478.

¹² Шамс ад-Дйн Мухаммад ибн 'Али Самарканди, носивший поэтический псевдоним Сузāни, скончался около 569/1173—1174 г.л

¹³ Тарбийат. С. 309.

¹⁴ Маджма' ал-фусахā'. Т. I. С. 478—479.

شمس الدين محمد بن قيس الرازى, المعجم فى معيار الاشعار المعجم, بسعى واهتمام
پروفيسور ادوارد برون وتصحيح ميرزا محمد بن عبد الوهاب قزوينى, بيروت, ١٩٠٩,

ص. ٣٨٨

¹⁶ Рук. Института народов Азии АН СССР, шифр А 684. Л. 101а. Об авторе и сочинении см.: *Миклухо-Маклай Н. Д.* Описание персидских и таджикских рукописей ИВ АН СССР. Вып. II. М., 1961. № 105.

¹⁷ Краткая заметка о трактате без указания на его название имеется у Хāджжи Халифы (*Kashf az-Zunun / Ed. by G. Flugel. T. II. Leipzig, 1837. P. 26, № 1704*), а также в каталоге Ж. Руссо (*Rousseau J. L. Catalogue d'une collection de cinqcents manuscrits orientaux. Paris, 1817. P. 16, № 256*). Некоторые сведения об авторе и его произведении помещены в коллективном докладе XXV Конгрессу востоковедов в Москве: *Миклухо-Маклай Н. Д., Акимушкин О. Ф., Кушев В. В., Салахетдинова М. А.* Некоторые редкие и уникальные персидские и таджикские рукописи в собрании Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР. М., 1960. № 16.

¹⁸ В такой форме приводится имя автора во втором томе «Каталога рукописей Тегеранского университета

عبدالله منزوى, فهرست كتابخانه اهداى آقاى سيد محمد مشكوة, جلد ٢ كتب ادبى
(далее — Муназави); без куньи по сыну — в трактате (л. 16).

¹⁹ В предисловии к этому руководству Наджāтӣ указывает, что пояснительные примеры извлечены им из трактата Рашид ад-Дйна Ватвāта

ابن يوسف شيرازى، كتابخانه مدرسه عالی سباهسالار، جلد ۲، تهران، ۱۳۱۸، ص. ۴۴۵ (далее — Ибн Йусуф).

²⁰ Там же. С. 445—446.

²¹ См.: Storey A. C. *Persian Literature: A bio-bibliographical Survey*. Vol. I. London, 1936. P. 250; Бертельс Е. Э. *История...* С. 375—376.

²² Имеется список «Басатин ал-фузала'» в Медине (см.: *Нусхахā*. 1346. № 5. С. 474, № 26): شرح تاريخ العتبى لمحمود بن عمر النجاتى: النيسابورى ابو عبدالله

(Басāтин ал-фузалā' (так!)).

²³ Мунзави. Т. II. С. 536.

²⁴ Переписчик, переписавший его краткое руководство (см. выше). в этом году, отзывается о нем как о здравствующем.

²⁵ Судя по каталогам, которыми мы располагаем, трактат этот не представлен в других хранилищах рукописей. О другом комментарии на касыду Кивāmӣ см.: Описание восточных рукописей Академии наук УзССР. Ташкент, 1954. Т. II. С. 55, № 851.

²⁶ Следует отметить, что число этих разночтений слишком велико на сто бейтов. Сравнение изданного текста с нашим списком дает 67 разночтений. Приведенные шейхом 'Абд ал-Кāдиром разночтения по списку, хранящемуся в библиотеке Бомбейского университета, указывают на его очень большое сходство и близость с нашим списком. См.: *Shaikh Abdul Qadir. Qiwami's Riddle // Journal of the Bombay Branch of the Royal Asiatic Society*. 1925. № 4. P. 262—267.

²⁷ Ср., напр., бейты, заключающие фигуры «игрāk» и «джам'м'а тафрик» (л. 256, 46); см.: *Browne E. G. Literary History of Persia*. Vol. II. P. 70, 71.

²⁸ *Browne E. G. Literary History of Persia*. Vol. II. P. 65, 66, 67, 68 (порядок бейтов по нашему списку).

²⁹ На эту особенность уже обратил внимание либо переписавший список каллиграф, либо позднейший владелец списка, который привел на полях 36 примеров из Ватвāта: 31 на арабском языке и 5 на персидском, опущенные за ненадобностью Хамид ад-Дйном Наджāтӣ. Несомненно, что во время переписки или изучения трактата кто-то из них имел под руками эту поэтику и сравнивал трактат с нею. Следы этого сопоставления, к сожалению, не проведенного последовательно до конца, мы видим на полях рукописи.

³⁰ В трех случаях он заменяет примеры, приведенные Ватвāтом, другими примерами, взятыми из стихотворений тех же поэтов; в ряде случаев он предпочитает им стихи своих современников или свои собственные.

³¹ Звездочка означает, что автор этого бейта в нашем списке комментария не указан.

³² Хамид ад-Дйна Наджāтӣ замечает, что этот бейт Вāvā-и Димишки приводит Абу Мухаммад ал-Кāсим ибн 'Али (ум. в 516/1122—1123 г.) ал-Харйрӣ в первой главе своих «Макāmāt». В действительности этот бейт находится во второй главе. Ср.: كتاب المقامات الادبية تاليف ابى محمد القاسم الحريرى. О поэте см. *Крачковский И. Ю.* Абу-л-Фарадж ал-Вава Дамасский: Материалы для характеристик поэтического творчества. Пг., 1914. С. 47, стих. № 74, перевод — с. 269, № 77.

³³ Авторство у Ватвāта (с. 82) не указано. Однако у Садй̄д ад-Дй̄на 'Ауфй̄ эти два бейта (л. 55а) отнесены 'Асджадй̄ (ум. в 432/1040—1041 г.). См.: *Muhammad Awfi. The Lubābu'l albāb / In the original Persian, with preface indices and variants by E. G. Browne. Vol. II. London, 1905. P. 52.*

³⁴ Все полустушия (*мисрā'*) бейтов, входящих в касыду, имеют одну и ту же рифму.

³⁵ Наш комментатор неправильно относит в данном случае к разряду фигур один из жанров персидской поэзии.

³⁶ Начальные слова первого полустушия повторяются в конце второго. Ср. с фигурой «радд ас-садр ила-л-'аджуз»; см.: *Вахид Табризи. Джāми'-и мухта-сар. М., 1959. С. 115, № 132 (далее — Вахид Табризи).*

³⁷ Полустушия, вписанное в круг, может читаться от любого места. Наджāтй̄, следуя за Ватвāтом, называет эту фигуру «детской забавой».

³⁸ В бейте в каждом полустушии дважды рядом повторяются какие-либо слова, которые в следующем бейте уже перечисляются трижды. См., напр.: *Бертельс Е. Э. История... С. 372.*

³⁹ В одном бейте или в одном полустушии перечисляются какие-либо предметы или лица, а во втором полустушии или следующем бейте приводятся их признаки и качества. Ср.: *Вахид Табризи. С. 119, № 148.*

⁴⁰ Предъявление претензий в весьма сильных выражениях с доводами своей правоты.

⁴¹ Нарочитое увеличение количества качества в каком-либо предмете или лице за счет уменьшения его в другом.

К ИСТОРИИ РЕДАКЦИИ ПЕРВОГО ДИВАНА ДЖĀМЙ*

До сего дня считалось, что все стихотворения, которые были написаны Джāмй до 884/1479 г., в этом году были впервые объединены самим поэтом в сборник, которому он придал определенную, традиционно обязательную для дивана структуру и композицию. В пространном, изысканном, но вместе с тем изящном предисловии, предпосланном этому дивану,¹ Джāмй высказывает свои взгляды на смысл и назначение поэзии, говорит о составе и структуре дивана и объясняет причину, побудившую его выбрать своим литературным именем имя Джāмй. Наконец, в форме *му'аммā* он указывает дату составления дивана. Во второй раз Джāмй называет эту же дату в предисловии ко второму по времени дивану, составленному в 894/1489 г.² По

* Впервые статья была опубликована в: *Народы Азии и Африки. 1965. № 4. С. 151—154.*

всей видимости, диван 884 г. х. не претерпел какой-либо авторской редакции или обработки в начале 897/1491 г., когда поэт по предложению своего друга Алишера Навои дал трем своим диванам самостоятельные названия, указывающие на определенный период создания стихотворений (отметим, что третий диван был составлен в 896/1491 г.).

Состав дивана 884 г. х., названного поэтом «Фāтихат аш-шабāб» («Первая глава юности») достаточно широко известен по каталогам персидских и таджикских рукописей и литографированным изданиям.

Он содержит: предисловие поэта; касыды, в том числе «Луджжат ал-асрār» и «Джалā'ар-рӯх», тарджи'банды, таркиб-банды, маснави (в прославление Аллаха, Мухаммада, 'Али, Султан Хусейна Байкары, Джаханшаха Кара-Койюнлу, Йа'кӯба Ак-Койюнлу и т. д.) и марсийа-элегии (всего 36 стихотворений); шесть газелей на религиозные темы; диван газелей, расположенных в алфавитном порядке рифм; мусаммат; мукатта'ат (42 кит'а) и рубā'ийят (около 120 рубā'и). Произведения обоих последних разделов также расположены в алфавитном порядке рифм. В многочисленных списках дивана варьируется число стихотворений, но структура его остается неизменной. Обратим теперь внимание на следующие слова предисловия к первому дивану Джāмī: «Короче говоря, всегда я записывал то слово, которое подходило по времени, и всегда заносил я в сборник (بیاض — байāз). любую удачную мысль, что возникала у меня сообразно обстоятельствам. Таким образом, постепенно получилось некое собрание (مجموعه — маджму'а)... и поскольку оно составилось в разное время и при различных обстоятельствах, то в нем, кроме расположения по алфавиту, никакого иного порядка <уже> не соблюдалось. В нем было множество того, что шло впереди, хотя место ему было позади, и без счета <случаев>, когда то, что располагалось позади, должно было идти впереди. Посему сейчас пришла мне в голову мысль изменить тот порядок и устроить такой новый, чтобы каждое стихотворение находилось на своем месте, а каждая газель заняла свое».³

Мимо этого замечания поэта прошли, по существу, все исследователи его творчества и большинство биографов,⁴ хотя списки упоминающегося в предисловии «сборника» или, точнее, раннего дивана Джāмī были введены в научный обиход составителями каталогов почти всех крупных собраний рукописей Европы, Индии, Ирана и СССР. Только беглый просмотр этих каталогов позволяет выделить 18 списков раннего дивана. Что-

бы не загружать перечнем данную заметку, мы ограничимся указанием на каталоги Ч. Рьё,⁵ Х. Эте,⁶ А. Муктадира⁷ и А. А. Семенова.⁸ Список этого дивана имеется и в собрании Института народов Азии АН СССР.⁹ Этому дивану предпослано предисловие,¹⁰ написанное также самим поэтом. В нем он называет свое имя — ‘Абд ар-Рахман ибн Ахмад ал-Джамй, и сообщает, что посвятил этот диван могущественному государю, имя которого мы находим несколько ниже в маснави—восхвалении (бейт 6):¹¹

شاه سلطان ابو سعيد كه هست آسمان پيش قصر قدرش پست	‘Государь Султан Абу Са‘ид, перед дворцом могущества которого <само> небо низко’.
---	---

Наконец, в самом конце предисловия поэт говорит в четверостишии (л. 4а):

تا ده بودم بسی زيون افتاده تا بيست و سي ز ره برون افتاده در چهل و عما داده چهل سال ز دست در پنجه پنجهم کنون افتاده	‘До десяти <лет> был я весьма глупый, До двадцати и тридцати слонялся не- путевым, Растратил я сорок лет в невежестве и слепоте Ныне попал в пятерню пятидесятого <года>.’
---	--

Если понимать слова «пятидесятого <года>» как год идущий (соответственно выражению «мне идет пятидесятый год»), то в этом случае дата составления приходится на 866/1461—1462 г. (напомним, что поэт родился в 817/1414 г.), а если эти слова означают, что Джамй уже исполнилось пятьдесят лет, то тогда диван был составлен в 867/1462—1463 г., т. е. за 17 лет до кодификации первого дивана.

В предисловии к этому собранию своих стихотворений Джамй никак его не характеризует, однако в четверостишии, следующем сразу за предисловием, он, как нам представляется, называет собрание просто «Диван-и газель» (л. 4а):

يا رَّبِّ كَرِّمِ بِحَكْمِ دِيوانِ اَزَلِ
 دِيوانِ عَمَلِ سِيه جَوِ دِيوانِ غَزَلِ
 دِيوانِ غَزَلِ چِه سَوَدِ خَالِ زِ خَلَلِ
 نَاشِستِه بابِ عَفْوِ دِيوانِ غَزَلِ

Сравнение различных списков этого дивана по их описаниям в каталогах с рукописью Института народов Азии АН СССР по-

казывает, что все они отличаются друг от друга как своим составом, так и числом заключенных в них стихотворений. Во всех них мы находим касыды, таркиббанды и тарджи'банды, кит'а, рубā'и и му'аммā, которые не могли войти в раннее собрание, учитывая дату их написания, но которые вошли в кодифицированный диван 884 г. х. В качестве примера можно указать на касыду «Луджжат ал-асрār» (сочинена в 880/1475—1476 г.), оду Султану Йа'кūбу, касыды, написанные во время хаджжа, и т. п. Это на первый взгляд серьезное затруднение сравнительно легко разрешается. В самом деле, после того как Джāmī составил диван, этот диван, естественно, получил хождение и начал переписываться любителями и знатоками поэзии. Но так как Джāmī продолжал сочинять стихи и постоянно создавал новые, то их либо он сам, либо, скорее всего, другие лица — те же любители — добавляли к уже составленному сборнику; получавшиеся таким образом новые собрания, в свою очередь, переписывались, тогда как предисловие, содержавшее указание на дату и посвящение, оставались без изменений.

Остается рассмотреть состав и структуру раннего дивана. Вопрос этот достаточно сложный и, по-видимому, может быть решен либо в случае находки автографа Джāmī, либо путем сопоставления самых ранних списков раннего дивана при подготовке критического издания диванов Джāmī. Вместе с тем я возьму на себя смелость высказать следующее соображение. Совершенно очевидно, что в ранний диван не входила подавляющая часть касыд, большинство которых может быть достаточно точно датировано, исходя из их тематики и назначения. Это предположение подкрепляется также, на наш взгляд, намеком Джāmī на характер собрания — «диван-и газель». Число газелей, кит'а, рубā'и было, очевидно, меньшим, в то время как му'аммā было больше, чем в кодифицированном диване. По всей вероятности, состав и структура раннего дивана были очень близки тому, с чем встречаемся в списке, описанном в каталоге А. Муктадира.¹²

В начале дивана было помещено предисловие с посвящением Абу Са'иду, содержащее также маснави в его честь; далее шли шесть газелей на религиозную тематику без соблюдения алфавитного порядка рифм (в диване 884 г. х. две из них были помещены в разделе газелей); тарджи'банд в прославление Мухаммада; касыды; маснави; раздел газелей в алфавитном порядке рифм; мусаммат; три тарджи'банда; две марсийа; раздел мукатта'ат; раздел рубā'ийят; раздел фардийят и раздел

му‘аммийят (эти разделы были расположены без учета алфавитного порядка рифм).

Ранний диван почти целиком был включен Джәмй в диван, составленный в 884/1479 г. и получивший название первого. Исключение могла составить небольшая группа газелей, кит‘а и рубā‘и, которые автор по каким-то причинам не счел возможным оставить и либо их изъяс, либо заменил другими. Относительно му‘аммā говорилось выше.

Таким образом, на основании всего вышеизложенного можно рассматривать раннее собрание стихотворений Джәмй как первую редакцию дивана «Фāтихат аш-шабāб», а кодификацию 884 г. х. как вторую редакцию этого же дивана.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Текст предисловий к диванам Джәмй впервые опубликовал В. Р. Розен по рукописи собрания Института народов Азии АН СССР, D 204; см.: *Rosen V. P. Collections scientifiques de l'Institut des langues orientales du Ministère des affaires étrangères. III // Les Manuscrits persans de l'Institut des langues orientales décrits par le Baron Victor Rosen. Saint-Petersbourg, 1886. № 80. P. 215—259.* Текст предисловий: С. 225—227, 227—232, 239—240, 245—246.

² Дата заключена в хронограмме جو تمته — Хикмат и Хашим Рази не учитывают جو, числовое значение которого равно 9, поэтому, по их мнению, датой составления является 885 г. х.; см.: متضمن تحقیقات جامی، در تاریخ احوال و آثار منظوم و منثور خاتم الشعراء نور الدین عبد الرحمن جامی

۱۸۱۷-۸۹۸» تالیف علی اصغر حکمت، تهران، ۱۳۲۰

(‘Али Асгер Хикмат Джәмй. Исследования о биографии, стихотворных и прозаических трудах Нур ад-Дйна ‘Абд ар-Рахмāна Джәмй, 817—898 гг. х.). Тегеран, 1320/1941. С. 208; دیوان کامل جامی ... با مقدمه یی وسیع در تاریخ ادبی و فلسفی و سیاسی قرن نهم ... هاشم رضی

(Хашим Рази. Полный диван Джәмй). Тегеран, 1341/1962. С. 285. В этом же предисловии Джәмй определяет число бейтов первого дивана — около 10 тысяч.

³ См.: *Rosen V. P. Collections...* С. 231; *Хашим Рази*. Полный диван Джәмй. С. 290.

⁴ Любопытно, что об этом собрании говорит младший современник Джәмй Гийās ад-Дйн Хвāндамир: «Во время [правления] султана Абу Са‘ида он [Джәмй] составил первый диван и написал несколько трактатов по суфизму». *См. حبيب السیر فی اخبار افراد بشر تالیف غیاث الدین بن همام الدین الحسینی المدعو به خواندمیر*

(«Друг жизнеописаний в известиях о роде человеческом — сочинение Гийās ад-Дйна б. Хамām ад-Дйна ал-Хусайни, изв. как Хвāндамир») / Издание и предисловие Джалāl ад-Дйна Хумā‘и. Т. 4. Тегеран, 1333/1954. С. 337—338.

⁵ См.: *Rieu Ch. Catalogue of the Persian Manuscripts in the British Museum. Vol. II. London, 1881. P. 644; Add. 7794.*

⁶ См.: *Ethé H.* Catalogue of the Persian Manuscripts in the Library of India Office. Vol. I. Oxford, 1903. № 1307—1309.

⁷ См.: *Muqtadir A.* Catalogue of Arabic and Persian MSS in the Oriental Public Library at Bankipore. Vol. II. Calcutta, 1910. № 185.

⁸ См.: Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР / Под ред. и при уч. А. А. Семенова. Т. VI. Ташкент, 1963. № 4498.

⁹ См.: *Миклухо-Маклай Н. Д., Акимушкин О. Ф., Кушев В. В. и Салахетдинова М. А.* Некоторые редкие и уникальные персидские и таджикские рукописи в собрании Ленинградского отделения Института Востоковедения АН СССР. М., 1960. № 22 (в брошюре список ошибочно принят за вторую часть дивана 884 г. х.).

¹⁰ Начало предисловия в нашем списке отсутствует, поэтому при чтении предисловия нам приходилось прибегать к списку собрания ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, шифр D 439. См.: *Dorn B.* Catalogue des Manuscrits et Xelographes Orientaux de la Bibliothèque Impériale Publique de St-Petersbourg. SPb., 1852. № 439. Начало: *موزنترین کلامی که غزل سرایان*

انجمن انس ومحبت وقافیہ سنجان ...

¹¹ Это маснави впоследствии вошло в первый диван в несколько измененном и расширенном виде (содержит 51 бейт вместо 36).

¹² Этот список не является автографом Джамӣ, как было доказано В. А. Ивановым. Скорее всего, это копия с автографа, выполненная очень аккуратно и тщательно. См.: *Ivanow W.* Genuineness of Jami's autographs // *Journal of the Bombay Branch of the Royal Asiatic Society.* Bombay, 1934. Vol. X, № 1—2. P. 1—7.

К ВОПРОСУ О ТРАДИЦИИ ЖАНРА ИСКУССТВЕННОЙ КАСЫДЫ В ПЕРСИДСКОЙ ПОЭЗИИ*

Е. Э. Бертельс, рассматривая поэтические жанры, к которым обращались персидские поэты XV в., отметил, что развитие жанра касыды «идет в двух направлениях: а) по линии развития касыды философской, не содержащей в себе элементов восхваления; б) по линии так называемой искусственной касыды (касыда-и масну), первые образцы которой дал... Салман Саваджи».¹ Это замечание Е. Э. Бертельса отнюдь не означает, что именно поэты XV в. внесли основной вклад в развитие этих направлений, поскольку известно, что они просто унаследовали их

* Впервые статья была опубликована в сб.: Иран: Сборник статей / Отв. ред. Н. А. Кузнецова. М., 1971. С. 158—168.

от предшествовавших веков и продолжили традиции, сложившиеся и оформившиеся значительно ранее, а его следует понимать в том смысле, что жанр касыды (хвалебной оды) дал два направления, два вида — философскую и искусственную касыды. Вместе с тем представляется возможным ретроспективно отнести приведенные слова Е. Э. Бертельса и к определению путей развития касыды XII в., не забывая, что хвалебная ода в тот период полностью сохраняет незыблемыми свои позиции.

Если в персидской литературе философскую касыду мы встречаем впервые у Насйр-и Хусрау (1003—1061) где-то в середине XI в., то искусственная касыда складывается в особый со всеми присущими ему чертами жанр, видимо, не ранее начала XII в.² Таким образом, в XII в. жанр касыды объединял в себе, по нашему мнению, три разновидности: хвалебную оду, философскую касыду и касыду искусственную.³

На протяжении четырех с лишним веков искусственная касыда неизменно привлекала к себе внимание любителей поэзии и снискала значительную популярность у персидских поэтов. В разное время в этом жанре пробовали свои силы как звезды первой величины поэтического небосклона, так и второстепенные поэты, о которых нам, в лучшем случае, известны лишь имена — *тахаллусы*. Главную причину этой популярности следует искать в узости и шаблонности темы панегирической касыды, в установившемся каноне ее построения и назначения. В этой связи поэты, исчерпав возможности в стремлении разнообразить ее содержание, обратились к ее форме, пытаясь путем усложнения последней как-то обновить касыду. Авторы средневековых персидских трактатов по стихосложению если недостаточно четко проводили грань, то, во всяком случае, видели различие между искусственной касыдой (*касиде-йи масну*) и просто касыдой, кыт'а, газелью и т. п., которые строились поэтом таким образом, чтобы каждый бейт от начального до последнего иллюстрировал только одну и ту же избранную им фигуру. Подобные стихи встречаются в диванах многих ранних персидских поэтов.⁴ Как правило, такие стихи не получали особого названия, а составители сборников и антологий просто называли их «касыда (или газель) такого-то на такую-то фигуру». В этой связи, чтобы избежать в ходе дальнейшего изложения возможных неясностей, мы условно называли такие стихи «стихами на заданную фигуру». Эти стихи могли писаться на любую тему; однако поэт намеренно усложнял задачу, стремясь к тому, чтобы каждый бейт содержал одну и ту же фигуру. Конечно, и в этом случае поэт

стремился сообщить читателю или слушателю свежую и оригинальную мысль или предложить его вниманию яркое описание, запоминающийся образ. Но в первую очередь он все же пытался разрешить сложную техническую задачу, показать отточенную технику стиха и совершенство мастерства.

Искусственная касыда, как показывает ее название, не являлась результатом творческого вдохновения поэта, в которой идея, форма и содержание сливались в единое органическое целое и где последующие бейты дополняли и развивали мысли, заложенные в предыдущих. Она создавалась иным путем, теснейшим образом связанным с той суверенной ролью, которую играет бейт как самостоятельная единица в персидском стихосложении. Эту свою отличительную особенность бейт сохранял, в какой-то мере являясь составной частью любого стихотворного произведения, будь то газель, касыда или месневи, что, конечно, не могло не облегчить воплощение замысла поэта в реальную форму — искусственную касыду. Дело в том, что под этим произведением понималась касыда, заключающая в себе большинство известных и употребляемых поэтических фигур, каждый бейт которой иллюстрировал применение одной, двух, а иногда и более фигур и тропов. Именно эту сторону подчеркивают все источники как самый характерный и отличительный признак подобного произведения, прилагая к нему название «искусственная касыда». При этом следует отметить, что наличие такого количества фигур совершенно не вызывалось содержанием касыды. Это естественно, потому что такая касыда не являлась цельным произведением, а была только суммой бейтов, каждый из которых создавался отдельно и должен был обязательно содержать какую-то определенную фигуру, после чего все бейты как бы нанизывались на нить рифмы и размера. Спору нет, техническое осуществление этого замысла требовало от поэта блестящего владения техникой стиха и отличного знания риторических приемов, и можно представить, сколько выдумки и труда вкладывал поэт в процесс такого формалистического творчества.

Техника и форма становятся здесь самоцелью, они абсолютно заслоняют содержание, которое отступает на задний план, а рассчитывать в данном случае на глубину мысли совершенно не приходится.

Немаловажным фактором, оказавшим заметное влияние на становление и развитие этого вида касыд, явились персидские средневековые поэтики. Можно сказать, что такие поэтики, как Тарджуман ал-балāгат Мухаммада б. ‘Умара Радуййāни (первая

половина XI в. н. э.)⁵ и Хадā'ик ас-сихр фи дакā'ик аш-ши'р Рашид ад-Дйна Ватвāта (ум. в 573/1173 г.),⁶ стояли у истоков искусственной касыды.⁷ В самом деле, авторы поэтик предлагали поэтам уже систематизированный и классифицированный материал, т. е. определенное количество риторических фигур, снабженных пояснениями и примерами, который последние использовали при написании подобных касыд.⁸ С середины XII в. широкую известность получил труд Рашид ад-Дйна Ватвāта, в котором он, учтя опыт своих как арабских, так и персидских предшественников, как бы подвел итог деятельности нескольких поколений поэтов в этом направлении, собрал большинство употребительных в его время риторических приемов и фигур⁹ и снабдил эти фигуры весьма обстоятельными комментариями.

Приблизительно 30 лет спустя ганджинский поэт — современник Низāmī Ганджавī — Джамал ад-Дйн Мухаммад б. Абу Бакр Кивāми Мутарризī написал первую дошедшую до нас искусственную касыду, благодаря которой имя этого второстепенного поэта получило широкую известность.¹⁰ Поэт посвятил касыду правителю Ганджи атабеку Мухаммаду Шах-Кызыл Арслāну (582—587/1186—1191)¹¹ и назвал «Бадā'и' ал-асхār фī санā'и' ал-аш'ār». Этим названием автор лишней раз подчеркнул зависимость касыды от поэтики Ватвāта. Размеры ее сравнительно невелики для касыды этого жанра — она состоит из 100 бейтов и содержит 86 фигур.¹²

Начало касыды:

ای فلک را هوای قدر تو بار
ای ملک را ثنای صدر تو کار

'О ты, любовь, к чьим достоинствам составляет ношу небес.

О ты, восхвалением чьего положения <только> и занят ангел'.

Оригинальность и новизна обеспечили касыде успех, она была замечена и вызвала к жизни помимо комментариев и толкований многочисленные ответы и подражания. Любопытный факт: авторы этих подражаний останавливали свой выбор только на ее рифме «ра» (вследствие чего произведение Кивами еще известно как касиде-йи рāйие), отдавая предпочтение не ее размеру (хафиф-и махбун-и максур), а размеру, которым написана касыда — ответ поэта Зӯ-л-Факāра Ширвāнī.

Ниже мы остановимся, прежде всего, на тех поэтах, чьи ответы снискали широкую известность и популярность, а затем

упомянем тех авторов, которые, по сообщениям источников, пробовали свои силы в этом жанре.

Саййид Кавām ад-Дйн Хусайн б. Садр ад-Дйн ‘Али Ширвāнӣ с поэтическим именем (тахаллус) Зӯ-л-Факār (ум. в Табризе в 679/1280—1281 г.) славился мастерством в составлении искусственных касыд и стихов на заданный размер, обычные же стихи удавались ему хуже. Наибольший успех выпал на долю искусственной касыды Зӯ-л-Факāра «Мафāтих ал-калām фӣ мадā’их ал-кирām», которую он написал в честь великого везира ширваншахов Мухаммада ал-Мастари. Согласно сообщению Даулатшаха,¹³ польщенный вельможа отблагодарил поэта семью харварами¹⁴ шелка-сырца. Эта касыда содержит почти все поэтические фигуры, употреблявшиеся тогда поэтами, и в то же время сама целиком представляет собой одну фигуру — *мувашишах*. Это означает, что если из каждых трех ее бейтов извлечь подчеркнутые слова, то образуется новый бейт, но уже иного размера. Например, если из первых трех ее бейтов извлекается новый бейт в размере хазадж-и сāлим, то из следующих трех бейтов выводится другой бейт, но уже в размере раджаз-и сāлим и т. д.¹⁵ Касыда написана размером муджтас-и мусамман-и махбӯн-и мактӯ’.

Начало:

لجمن شد از كل صدرك تازه دلبردار
بهار يافت بهارى ز باد در كلزار

‘Завлекла лужайка только что распутившейся столепестковой розой,
Капище стало весною, вдохнув аромат в цветнике’.¹⁶

Джалāl ад-Дйн Салмāн б. Мухаммад Сāваджӣ (ок. 700—778/ок. 1300—1376), прекрасный поэт и тонкий знаток поэтической техники, написал значительную по своим размерам (160 бейтов) касыду «Сарх-и мумаррад», посвятив ее сыну историка Рашӣд ад-Дйна, везиру ильхана Абу Са’ида Гийās ад-Дйну Мухаммаду (уб. в 736/1336 г.). Обиходное название этой, ставшей очень популярной касыды — «касиде-йи маснӯ’-и Салмāн-и Сāваджӣ». Она сравнительно детально разобрана Е. Э. Бертельсом в уже упоминавшейся нами монографии,¹⁷ поэтому мы не станем задерживаться на ее анализе, но, чтобы дать представление о блестящей технике стиха поэта, отметим, что только из ее первых двух бейтов извлекается один бейт в размере раджаз-и мусамман-и сāлим, который содержит десять (!) ритори-

ческих фигур. Вся касыда заключает 120 явных (джалӣ). и 281 скрытую (хафӣ) фигуру и написана размером муджтас-и мусамман-и махбӯн-и максӯр.¹⁸

Начало:

صفای صفوت رویت بیبخت آب بهار
هوای جنت کویت بیبخت مشک تثار

‘Блеск чистоты твоего лика пристыдил весну,
Воздух рая твоей улицы рассеял татарский мускус’.¹⁹

Перу крупного представителя гератского литературного круга последней четверти XV в. Мухаммада Ахли Ширази (859—942/1455—1536) принадлежат три искусственные касыды, одну из которых он написал по предложению Али-Шера Навои с целью превзойти упомянутую выше касыду Сāваджӣ. Поставленную задачу поэт блестяще выполнил. Сāм-мирза сообщает, что это было признано самим заказчиком — прекрасным знатоком поэзии.²⁰ Правда, касыда Ахлӣ несколько уступает салмановской как по своим размерам (она состоит из 150 бейтов), так и числом фигур, но значительно превосходит ее количеством преобразований и технической сложностью самих фигур. Из нее извлекается 66 дополнительных бейтов, иллюстрирующих 79 явных фигур, причем каждый бейт имеет свой размер и свою рифму. Взятые из разных мест подчеркнутые отдельные слова и буквы составляют шесть мисра‘, каждая из которых может читаться в девятнадцати размерах (!); первые буквы всех 150 бейтов составляют кыт‘а в три бейта, содержащее полное имя Али Шера Навои; другие подчеркнутые слова дают рубā‘и, читаемое как по-персидски, так и по-арабски (разумеется, смысл при этом получается разный); средние стопы (*хашив*) всех первых полустиший образуют семь бейтов, в которых не встречаются буквы алиф; из средних же стоп всех вторых полустиший составляется кыт‘а из семи бейтов, в которых замаскирована фигура *хусн-и та‘лил* («изыщное обоснование»)²¹

Начальный бейт:

نسیم کاکل مشکین کراست چون تو نکار
شمیم سنبل بحر پرچین کراست مشک تثار

‘Кумир! У кого же еще дыхание кудрей благоухает мускусом.
У кого аромат кудрей — это сам татарский мускус’.

Вслед за этой касыдой Ахлї создал еще две аналогичные касыды. Первую из них он посвятил Султан Йа'кўбу Ак-Койюнлу (ум. в 896/1490 г.). Касыда состоит из 154 бейтов, из которых посредством фигуры *мувашиах* извлекается 10 бейтов с разными размерами (19) и рифмами; кроме того, касыда представляет собой акростих, все первые буквы бейтов которой составляют кыт'а в три бейта, содержащее имя Йа'кўба и его прославление. Помимо большого числа фигур (явных и скрытых) она содержит восемь следующих преобразований: 1 — все подчеркнутые или написанные цветными чернилами слова в каждых два плюс два бейта или же три плюс три образуют один бейт месневи, причем каждый из этих вновь полученных бейтов имеет свой размер и особую рифму; 2 — все первые буквы всех бейтов касыды образуют кыт'а в три бейта; 3 — выделенные из всей касыды особо отмеченные слова дают газель из семи бейтов; 4 — из этой газели посредством фигуры *мувашиах* извлекается бейт, читаемый одинаково по-персидски и по-арабски; 5 — средние стопы (*хашв*) первых полустиший касыды составляют кыт'а в восемь бейтов, в котором не представлены слова с буквой алиф; 6 — средние стопы вторых полустиший образуют кыт'а в восемь бейтов, в котором не имеется букв с диакритическими знаками; 7 — средние стопы обоих полустиший первого кыт'а образуют рубā'й, в каждой строке которого имеется слово (لطف). ('милость'); 8 — средние стопы обоих полустиший второго кыт'а составляют еще одно рубā'й, в каждой строке которого находится слово (كرم) ('благородство').²⁰

Начало:

هوای جنت کویت نسیم عنبریار
فدای نکهت مویت شمیم مشک تتار

'Райский воздух улицы твоей — благоухающий амброй зефир.

В жертву аромату твоих волос <приносится> благоухание
татарского мускуса'.

Вторая (а всего — третья) касыда, посвященная сефевиду Исма'илу I (ум. в 930/1524 г.), была завершена в 912/1506—1507 г. По своим размерам (160 бейтов) она равна касыде Салмāна Сāваджи, но несколько уступает ей по числу риторических фигур, как явных, так и скрытых. Впоследствии она получила название «Мизāн-и хирад». Немногим отличается она и от предыдущей, разобранный нами выше. Отличия сводятся к сле-

дующему: посредством фигуры *мувашиах* из нее извлекается 120 дополнительных бейтов в 75 стихотворных размерах (основные и производные).

Из восьми преобразований пять также отличаются от преобразований первой касыды: 4 — вместо бейта выводится руба‘и, которое можно читать по-арабски и по-персидски; 5 — кыт‘а из восьми бейтов, которое не содержит букв с диакритическими знаками; 6 — кыт‘а из восьми бейтов, в котором нет слов с буквой алиф; 7 — каждая строка руба‘й имеет имя (على) (‘Али’); 8 — в каждой строке руба‘й находится слово (هنر) (‘доблесть’, ‘дарование’).²³

Начало:

هوای کلشن کویت نسیم باد بهار
دای خرمن مویت شمیم مشک تثار

‘Воздух цветника твоей улицы — дуновение весеннего ветра.
Нищий у копны твоих волос — благоухание татарского мускуса’.

Все три касыды написаны размером *муджтас-и мусамман-й махбун-и максур*.

Как уже отмечалось, вышеприведенные касыды пользовались каждая в свое время исключительным успехом, поэтому мы на их примере попытались проследить развитие и традицию жанра. Как нам кажется, они наглядно отражают тенденцию во все большей изошренности формы за счет содержания, выразившуюся в появлении новых фигур, усложнении старых, что отнюдь не вызывалось требованием содержания.

Авторами этих касыд, конечно, не ограничивается круг поэтов, которые пробовали свои силы в этом жанре. Имена части из них сохранили и донесли до нас различные источники. Бадрад-Дйн Джаджармй (ум. в 686/1287 г.), восхвалявший в своих стихах представителей известной иранской потомственной чиновничьей семьи Джувайнй — Шамс ад-Дйна Мухаммада (казнен в 683/1284 г.), его сына Баха ад-Дйна Мухаммада (ум. в 678/1279 г.) и брата-историка ‘Ала ад-Дйна ‘Ата Малика (ум. в 681/1283 г.). Его перу принадлежит хвалебная ода в честь Баха ад-Дйна Джувайни, содержащая только одну из разновидностей фигуры *муджаррад*, она была написана словами, в которых отсутствовали буквы с точками.²⁴ Известно также, что он составил касыду в 56 бейтов, в которой выделенные бейты образуют пять руба‘й с разными рифмами и размерами.²⁵

Историк и поэт Шамс ад-Дйн Кāшāни (ум. ок. 728/ок. 1328 г.), составивший по желанию Газан-хана (694—703/1295—1304) стихотворную историю монголов,²⁶ Хамдаллах Казвйнй сообщает, что «он воздал должное красноречию в искусственной касыде, содержащей большинство риторических фигур, которую и написал в прославление Баха ад-дина Джувайни».²⁷

Шараф ад-Дйн Фазлаллах ал-Хусайнй ал-Казвйнй (ум. около 740/1340 г.) — автор известной истории «ал-Му'джам фи āсār ал-'Аджам» также обращался к этому жанру, оставив нам искусственную касыду «ал-Абсār фи ма'рифат бухур ал-аш'ār».

Хамид ад-Дйн Абу 'Абдаллах Махмуд б. Умар Нишапури Наджати — современник везира Гийас ад-Дйна Мухаммада (убит в 736/1336 г.), уделял много времени составлению искусственных касыд. Как поэт он остался незамеченным, однако его труды в области стилистики и риторики дошли до нас.²⁸

Шамс ад-Дйн Мухаммад б. Фахр ад-Дйн Са'йд Фахрй Исфаканй известен прежде всего как автор обширного свода²⁹ по различным вопросам поэтики и лексикографии. Будучи в Исфакане, он около 732/1331—1332 г. сочинил для Гийās ад-Дйна Мухаммада искусственную касыду «Махзан ал-бухур».

Сām-мирзā сообщает о своем старшем современнике, некоем Хафизе 'Али Нуре, который снискал известность красотой своего почерка. По мнению же Сām-мирзы, особенное искусство он проявлял в риторике и стилистике. Им была написана искусственная касыда — ответ на касыду Салмāна Сāваджй.³⁰

Строго говоря, подобные стихи можно назвать поэзией с известной оговоркой. Изошренная техника, головоломные фокусы и различные риторические приемы заменяют в них живую мысль и почти лишают содержания, а художественный образ, живость восприятия и естественность сменяются формалистической игрой и надуманными стихами. Если для знатока поэзии смысл уже не представлялся существенным, а все его внимание сосредоточивалось лишь на технических приемах, когда он стремился разгадать и найти в чаще нарочито усложненных образов фигуру, запрятанную среди них, если понимание поэзии уже требовало специальной подготовки, чтобы распутать хитро-сплетение сложных фигур, то все это указывало на то, что, идя по такому пути, придворная поэзия как явление общественной значимости неуклонно приближалась к своему концу. Ведь такие стихи не предназначались для широкого круга читателей и могли удовлетворить только ограниченное число рафинированных знатоков, становились забавой.

Все изложенное выше представляется верным в отношении искусственных касыд, если их рассматривать как обычные стихи. Однако их авторы стремились в первую очередь показать в них свое умение пользоваться разнообразными изобразительными средствами. Последнее сразу же превращало любую подобную касыду в своеобразный «немой» трактат по поэтике, который наглядно иллюстрировал без каких бы то ни было пояснений применение поэтических фигур. Именно с таких позиций и воспринимались они знатоками и авторитетами. Отметим, кстати, что искусственная касыда, снабженная комментарием, уже становилась подлинным трактатом по поэтике.³¹ Вместе с тем историка литературы не может не заинтересовать развитие такого раздела средневековой схоластической поэтики, как учение о поэтических фигурах. Искусственные касыды наряду со специальными трактатами фиксировали это развитие, его характер и пути, его движение и эволюцию от сравнительно простых к более сложным фигурам и от более сложных к очень сложным. Лучше всего этот процесс можно наблюдать при сравнении каждой касыды с ей предшествовавшей и особенно при сопоставлении хронологически наиболее удаленных друг от друга касыд. Как правило, отличие их между собой ограничивается числом бейтов, иногда размером, которым написана та или иная касыда, количеством фигур и преобразований, а также сложностью последних, в чем и выражалась творческая индивидуальность поэтов, создававших эти произведения.

Можно сказать, что искусственная касыда достигла верхней ступени своего развития в головоломных фокусах Ахли Шйрай, превзойти которого не смог ни один поэт. Да, видимо, и нужды в этом никакой не было. Интерес к этому жанру был вызван и поддерживался все шире распространявшимся увлечением техникой, при котором содержание и смысл уже не играли первостепенной роли. Ярким доказательством тому служит столь формалистический жанр персидской поэзии, каким является лотогриф (*му'амма*). Доступные источники показывают, что начиная с XV в. былой интерес поэтов к искусственной касыде постепенно бледнеет и угасает, и если она не совсем исчезает с литературно-поэтического горизонта, то поэты вспоминают о ней очень редко. Возможно, объяснение этому явлению кроется в том, что развитие такого жанра, как искусственная касыда, всегда находилось в прямой зависимости от круга новых изобразительных средств, которыми располагал поэт. По-

давящее большинство фигур к тому времени уже было известно и нашло свое отражение как в самих касыдах, так и в специальных трактатах. Заниматься же эпигонством и повторением с вариациями в технически столь сложном жанре было делом весьма трудным и требовало от поэта незаурядного мастерства и известной изобретательности. Интерес, правда, чисто историко-литературный, сохранился к искусственным касыдам и до наших дней,³² но сколько-нибудь выдающегося произведения в этом жанре персидская поэзия, видимо, больше так и не дала. Во всяком случае, доступные источники не опровергают такого предположения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Бертельс Е. Э.* Навои // Бертельс Е. Э. Избранные труды. М., 1965. С. 36. К этому выводу Е. Э. Бертельс пришел в связи с тем, что, по его мнению, в XV в. «персидская хвалебная ода сходит почти на нет». Вполне возможно, что такое заключение справедливо для второй половины и конца XV в., но не для первой половины этого века. Ср.: *Йар-Шатер Э.* Ши'р-и фърси дар 'ахд-и Шâхрух (ниме-йи аввал-и карн-и нухум). Тегран, 1334/1955.

² Значительную лепту внес в развитие этого вида касыды знаменитый Афзал ад-Дйн Хакани (ум. в 1199 г.), до предела наполнивший свои хвалебные оды техническими сложностями и широко использовавший тропы и поэтические фигуры. Единственная дошедшая до нас от того времени искусственная касыда, написанная младшим современником Хакани Джамал ад-Дйном Кивами Мутарризи, представляет собой, несомненно, образец уже технически достаточно разработанного жанра.

³ В искусственной касыде сохраняются «элементы восхваления» — характерная черта всякой хвалебной оды, что, конечно, не может не сближать ее с последней. Однако в данном случае эти элементы рассматривались как прием, изящное владение которым необходимо каждому поэту.

⁴ Их писали: 'Унсури (ум. в 431/1039 г.), 'Асджади (ум. в 432/1040—1041 г.), Абу Мансур Катран (ум. ок. 465/1072 г.), Мас'уд-и Са'д-и Салман (ок. 438—515/1046—1121), Абу 'Абдаллах Му'иззи (ум. ок. 521/1126—1127 г.) и многие другие.

⁵ *Muhammad bin Omar ar-Raduyani.* Tarjumân al-balâghat, ba ihtimâm-i Ahmad Atesh. Istanbul, 1949.

⁶ *Rashidu'd-din Watwat.* Hadâ'iq as-sihr fi daqâ'iq ash-shi'r ba ihtimam-i Abbas Iqbal. Tehran, 1316/1937.

⁷ Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить количество и порядок фигур в поэтиках и первых по времени написания касыдах.

⁸ Безусловно, в процессе теоретического обоснования и систематизации результатов творчества и поисков многих поэтов в этом направлении не последнюю роль сыграли и сами поэты, которые, стремясь все более усложнить форму, создавали новые поэтические фигуры.

⁹ Рашид ад-Дйн Ватвât рассматривает в трактате 55 основных фигур (вместе с их разновидностями это число возрастает у него до 82).

¹⁰ О поэте см.: *Бертельс Е. Э.* Низами: Творческий путь поэта. М., 1956. С. 68; *Dīwān-i Kasā'id wa Ghazaliyāt-i Nizāmi Ganjawī' ba kūshish-i ustād-i Sa'īd Nafisī.* Tehran, 1338/1959. P. 5, прим. 11; *Акимущкин О. Ф.* Комментарий на искусственную касыду Кивāми Мутарризи // Краткие сообщения Института народов Азии. 1965. № 69. С. 8—10.

¹¹ Заметим, что этому же правителю Низами преподнес свою поэму «Хусрау ва Ширин».

¹² Мухаммад Тарбийат (*Dānishmandān-i Adharbāyjan, Ta'lif-i Muhammad 'Alī Tarbiyat, chāp-i awal.* Tehran, 1314/1935. P. 309—310) и Абд 'ал-Кадиp Сарфараз сообщают, что в касыде насчитывается 100 бейтов (*Descriptive Catalogue of the Arabic, Persian and Urdu MSS in the Library of the University of Bombay / By Khan Bahadur shaykh Abdu'l-Qadir-i Sarfaraz.* Bombay, 1935. P. 15). Несмотря на то что вначале Э. Броун говорит о том, что касыда состоит из 101 бейта, однако, комментируя ее строка за строкой, он приводит те же 100 бейтов (*Browne E. G. A Literary History of Persia. Vol. II. Cambridge, 1951. P. 47—76*).

¹³ *The Tadhkiratu' sh-Shu'arā («The Memoirs of the Poets'»).* by Davlatshah bin Ala'u -d-Dawia Bakhtishah al-Ghazi of Samarqand / Ed. by E. G. Browne. Vol. I. London, 1901. P. 131.

¹⁴ Мера веса, различная в разных местностях Ирана. Газан-хан (694—703/1295—1304) установил единую меру веса для всего государства — тебризский харвār, равный 100 манам, или 295 кг.

¹⁵ *Muhammad Ali Tarbiyat.* Chāp-i awal. Tehran, 1314/1935. P. 154—155; также: *Sachau Ed., Ethé H.* Catalogue of the Persian, Turkish, Hindustani and Pushtu MSS in the Bodleian Library. Pt. I: The Persian MSS. Oxford, 1889. № 1334, col. 821—824.

¹⁶ Можно предположить другое толкование — только тогда стала весною весна, когда повеял ветерок из этого цветника.

¹⁷ *Бертельс Е. Э.* Навои. С. 38—39.

¹⁸ См.: Рисāле-йи 'аруз Йусуфа Азизи в собрании Института востоковедения АН СССР, шифр А 341 (835а). Л. 776—1246. Значительная часть этого трактата является комментарием на касыду Салмана Саваджи; см. также: *Haft qulzum. jild V. Luknaw, 1230/1815.* P. 66, 116—122; *Ethé H.* Catalogue of the Persian Manuscripts in the Library of the India Office. Vol. I. Oxford, 1903. № 1241.

¹⁹ *Бертельс Е. Э.* Навои. С. 39.

²⁰ *Tuhfah-i Sāmī ba ihtimām wa tashīh-i Wahīd Dastgardī.* Tehran, 1314/1935. P. 102.

²¹ *Haft qulzum.* P. 116—122. См. также: Рук. ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, шифр Dorn 463. Л. 1146—127а. О рук. см.: *Dorn B.* Catalogue des Manuscrits et xylographes orientaux de la Bibliothèque Impériale Publique de St. Pétersbourg. SPb., 1852. № 463.

²² *Sachau Ed., Ethé H.* Catalogue... № 1027, 9. Рук. Dorn 463, 104а—113а.

²³ *Ibid.* Л. 896—103а.

²⁴ *Ātashkadah talīf-i Lutf 'Alī Bēg Adhar, bakhsh-i nukhust ba tashīh wa tahshīya wa ta 'līq Hasan Sādāt Nasīri.* Tehran, 1336/1957. P. 281.

²⁵ *Sachau Ed., Ethé H.* Catalogue... № 1333. С. 823.

²⁶ *Srorey Ch. A.* Persian Literature: A bio-bibliographical Survey. Vol. I, sect. II, fasc. 2. London, 1936. Col. 266.

²⁷ «The Ta'rikh-i Guzida... of Hamdu'llah Mustawfi-i Qazwini... reproduced in fac-simile from a manuscript dated A. H. 857 (A. D. 1453) with an introduction by Edward G. Browne». Leiden; London, 1910. P. 831.

²⁸ Ibn Yūṣuf Shirāzi, Fihrist-i Kitābkhanah-i madrasa-yi Ala'-yi sipahsalar, jild II, Tehran, 1318/1939. P. 445—446; см. также: *Акимушкин О. Ф.* Комментарий... С. 10 и сл.

²⁹ Этот свод состоит из четырех частей, четвертая часть — словарь — была издана К. Г. Залеманом: 'Sams-i Fachrii Ispahanensis lexicon persicum id est libri Mi'jār-i G'amali...inscripto edidet Carolus Salemann Textum et indices continens. Casani, 1887.

³⁰ Tuhfah-i Sāmī... P. 69.

³¹ См., напр.: Рисāле-йи пирузи ва макāле-йи наврузи Хамид ад-дина Наджати: Рук. Института востоковедения АН СССР, шифр В 574. Анализ сочинения см.: *Акимушкин О. Ф.* Комментарий... С. 5—21; также: Каталог восточных рукописей АН УзССР / Под ред. А. А. Семенова. Т. II. Ташкент, 1954. № 851; Рисāле-йи 'аруз Йўсуфа Азизи.

³² В 1336/1917—1918 г. в Мешхеде был издан стихотворный комментарий Бадā'и'-и нигār некоего мирзы Фазлаллаха на касыду Кивами Мутаризи. См.: *Shaikh Agha Bozorg.* Bibliographie des Ouvrages Shi'ites (Kitāb az-Zari'a ilā ta-sānīf ash- Shi'a). Т. III. Najaf, 1357/1938—1939. P. 62, № 175.

О ВТОРОЙ РЕДАКЦИИ «ДІВАН-И ХАФИЗ»*

1. Шамс ад-Дин Мухаммад Шйразй, широко известный под литературным именем (*тахаллус*). Хāфиз, не составил при жизни собрание своих стихотворений (дйвāн), как это сделали многие поэты — его предшественники и современники. Уже после смерти поэта, последовавшей в 792/1389—1390 г., эту задачу взяли на себя его ближайшие друзья и почитатели его таланта. Именно так говорят Даулатшах Самарканди в «Тазкират аш-шу'арā» (завершено в 892/1486—1487 г.) и турецкий комментатор Сўдй в «Шарх-и Дйвāн-и Хāфиз» (завершено в 1003/1594—1595 г.), хотя кодификация «Дивана», т. е. сбор стихотворений, расположение их в определенном порядке и придание собранию определенной структуры обычно связывают с именем Мухаммада Гуландāма. Вместе с тем заслуживает внимания тот факт, что наиболее ранние списки «Дивана», дошедшие до нас (см. изд. Халхали 1927 г., Гани и Казвини 1950 г., Камалына 1958 г. и Афшара 1969 г.), вообще не имеют предисловия, а в подавляющем числе списков второй половины XV в., которые имеют

* Впервые статья была опубликована в: Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. VIII. М., 1972. С. 143—145.

предисловие первой редакции, имя Мухаммада Гуландайвā не приводится. Старейший из наиболее полных «Дивāн-и Хāфиз» датирован 813—814/1410—1412 гг. и был исполнен в Ширазе для внука Тимура Джамāl ад-Дīна Искандар-султана (ныне в собрании Айа София Ms. № 3945 в Стамбуле).

2. Неавторская кодификация «Дивана» открывала широкий простор для разного рода дополнений и исправлений, так как трудно предположить, чтобы составитель (или составители) сумели собрать воедино все написанное Хафизом и рассеянное по многочисленным альбомам и сборникам. В этом отношении показателен «Диван-и Хāфиз» из собрания Национальной библиотеки г. Табриза, переписанный в первой трети XV в. В списке вслед за основным «Диваном», содержащим 393 газели в алфавитном порядке рифм, идет дополнение, названное «газалийāt-и джадīд» («новые газели»). Простая статистика показывает, что если в XV в. число газелей «Дивана» не превышало 500, а в XVI в. колебалось в пределах 600, то в XIX в. мы встречаем списки, в которых число газелей достигает 800.

3. Эта тенденция роста числа стихотворений «Дивана», а также его засоренность газелями, не принадлежащими перу поэта, была замечена сравнительно рано. В 907/1501—1502 г. в Герате по приказу Фарīдун-мирзы сына Хусайна Байкары была создана специальная комиссия, которая занялась упорядочением «Диванов», используя для этой цели свыше 500 отдельных «Диванов», сборников и собраний газелей, «которые были переписаны еще до смерти ходжи Хафиза». Результатом деятельности этой комиссии явилась вторая редакция «Дивана», отличавшаяся от первой как структурой, так и тем, что в ней уже не было старого предисловия. Вместо него было написано новое, которое содержало глоссарии суфийских терминов и трудных для понимания слов. Это предисловие, написанное известным мастером эпистолярного стиля и литератором 'Абдаллахом Марваридом (ум. в 922/1516 г.), вошло в состав его труда «Шараф-нāме», один из старейших списков которого находится в Тегеране (библиотека Сената № 521). Он датирован 959/1552 г. переписки. Этот «Диван» получил название «Лисāн ал-гайб» («Язык Сокрытого»). К сожалению, располагая только переписанными набело списками второй редакции «Дивана», мы практически лишены возможности сказать, какими критериями пользовались гератские знатоки творчества Хāфиза, отдавшие предпочтение при отборе тому или иному стихотворению, отдельному бейту, мисра' или слову. Вместе с тем сравнение двух

редакций показывает, что вторая редакция отличается от первой некоторым увеличением числа газелей и касыд, а также незначительным расхождением числа и порядка бейтов в ряде газелей.

4. В настоящее время мне известны пять списков второй гератской редакции «Дивāн-и Хāфиз». Это списки — Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР, А 47, Маджлис 2414 (Тегеран) и Британского Музея, Ог. 3457 (Лондон). Два первых переписаны в XIX в., а третий — в начале XVI в. (согласно археографическому описанию); четвертый список хранится в библиотеке Стамбульского университета (Ms. № F. 87), а пятый находился в 60-х годах XX в. в Публичной библиотеке г. Кабула.

5. Гератская редакция 907/1501—1502 г., имея определенное значение для изучения творчества Хāфиза, дает нам интереснейший материал для характеристики литературной жизни Герата того времени. Представляется знаменательным, что спустя 80 лет после байсонгуровской редакции «Шāх-нāме» Фирдоуси, была предпринята попытка составить новую редакцию «Дивāн-и Хāфиз» в том же Герате. Наконец, эта редакция говорит о широкой популярности стихов поэта (даже если приведенная цифра в 500 диванов и сборников является обычной для средневекового автора гиперболой) и, что тоже очень важно, показывает отношение тогдашних образованных кругов к наследию своего замечательного предшественника.

«ГЎТЎИ-НĀМЕ» И ПРЕДШЕСТВЕННИК НАХШАБЎ* **(К ВОПРОСУ ОБ ИНДО-ИРАНСКИХ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЯХ)**

В 730/1329—1330 г. выходец из мавераннахрского города Нахшаба Зийā ад-Дйн, переселившийся в молодости в Индию в г. Бадаун, завершил свой труд, названный им «Хикāйат ад-дирāйат» («Повествование о проницательности»). Так случилось, что авторское название не прижилось и сочинению было

* Впервые статья была опубликована в: Письменные памятники Востока: историко-филологические исследования: Ежегодник. 1976—1977. М., 1984. С. 4—21.

суждено получить известность и широко распространиться по всему мусульманскому Востоку под обиходным и менее вычурным названием «Тўти-нāме», т. е. «Книга попугая».¹

Интерес к этому произведению, повествующему о проделках, кознях, коварстве и уловках женщин, был велик и не снижался в течение всех последующих веков.² Сам Нахшабӣ следующим образом объясняет причину, побудившую его взяться за калам и приведшую к созданию знаменитого «Тўти-нāме»: «Как-то раз повествовал я о любовной истории из времен моей юности, рассказывая повесть о чарующем сердце горе из времен ранней молодости, и один вельможа сказал мне:

— “Недавно одна книга, заключающая в себе 52 рассказа была переведена с одного языка на другой, была переложена с языка индийского на язык персидский. При этом конь речи был пущен в поле многословия и изложению была придана чрезмерная длина. Основы требований хорошего вкуса и основные правила изящества не были соблюдены совершенно. Начало рассказов и окончания повестей были перемещены и опущены. Ко всем правилам красноречия составитель отнесся с полным пренебрежением, и посему читатель не достигает при чтении своей цели, т.е. наслаждения, а у слушателя ускользает та услада, к которой он стремится. Если бы ты взял это произведение, относящееся к числу индийских книг, и изложил его в сокращенной редакции и связной обработке, придав бы ему достойную форму и подобающий порядок, то и читатель и слушатель этой книги должны были бы считать себя безгранично обязанными тебе...” Я немедленно повиновался приказу этого вельможи, повелевающего моим сердцем, и покорился его велению, которого слушается моя душа. И хотя по поводу красноречия и говорилось слово, что слишком длинную речь надо, мол, сокращать, а слишком краткую удлинять, но слова этого раба не столь безыскусны и длинны, чтобы их не стали читать вельможи, и не столь искусны и кратки, чтобы простой люд не пожелал выслушать их. Нет, я придерживался повеления избирать середину, ибо, сказал Посланник, мир да будет с ним: “Лучшее из дел — это середина”...

Мною было составлено пятьдесят два рассказа в новой обработке, были сочинены новые притчи и повествования. Если рассказы были бессвязны, я придавал им связь, вступления и заключения каждого из них я украсил и разнообразил. Некоторые безвкусные рассказы заменил другими и таким образом украсил своей рукой эту райскую невесту изящества, эту матрону на троне остроумия, дабы порадовать царей искусства речи».³

В вышеприведенном пассаже Нахшабӣ особого внимания заслуживают следующие моменты: 1. До Нахшабӣ был выполнен перевод на персидский язык некой книги «из числа индийских книг». 2. Этот перевод содержал 52 дāстāна. 3. В предисловии Нахшабӣ не указал имени автора-переводчика. 4. Нахшабӣ обработал произведение своего предшественника, сохранив число дāстāнов — 52, изрядно их сократив, причем вместо исключенных он написал новые, а также изменил зачины и концовки рассказов-рамок каждой ночи. Вместе с тем мы не находим в тексте Нахшабӣ сведений о том, что он «переработал его в соответствии с индийскими источниками».⁴

Удивительно, что только В. Перч серьезно отнесся к вышеприведенным словам Нахшабӣ, где последний говорит, что он «составил пятьдесят два рассказа в новой обработке», внося значительную авторскую обработку в перевод, выполненный неизвестным лицом незадолго до него.⁵ Остальные же специалисты (за исключением А. Алимардонова), обращавшиеся к труду Нахшабӣ как до исследования В. Перча, так и после него, почти все считали «Тўти-нāме» Нахшабӣ прямым переводом с санскрита или хинди на персидский язык соответствующего индийского сборника рассказов, например «Шукасаптати», а самого Нахшабӣ первым переводчиком, осуществившим это предприятие.⁶

В качестве объяснения этого факта можно высказать предположение, что они, видимо, рассматривали указанные слова Нахшабӣ просто как литературный прием, призванный заинтриговать читателя, вызвать у него повышенный интерес. Но оказывается, Нахшабӣ не было нужды прибегать к подобному приему, поскольку такой перевод действительно существовал. Можно сказать, что именно от него, собственно, берут начало все последующие обработки-редакции⁷ и на их основе переводы⁸ «Тўти-нāме». На его долю выпала нелегкая судьба: вскоре,⁹ видимо, мастерски исполненная обработка Нахшабӣ — знаменитое «Тўти-нāме», полностью отвечавшая литературным вкусам и оценочным категориям своего времени, вытеснила его, и он был практически забыт последующими поколениями. Но первый перевод все-таки выжил и вопреки сложившемуся мнению¹⁰ сохранился и дошел до наших дней.

В 1973 г. в Тегеране Шамсад-Дйн Ал-е Ахмад издал по единственной известной в настоящее время рукописи XIV в. текст «Книги попугая. Самоцветы ночных бесед».¹¹ Этот труд был составлен в Индии неким 'Имāдом б. Мухаммадом ан-На'рӣ,¹² посвящен и поднесен делийскому султану из династии

Халджй 'Алā' ад-Дйну Мухаммад-султану (695— 715/1296— 1316). Точная дата составления неизвестна, но, по словам 'Имāда б. Мухаммада, когда его друзья стали порицать его за то, что он устранился от службы при дворе, «которая является <его> наследием, перешедшим от отцов и дедов», этот султан уже правил семнадцать-восемнадцать лет.¹³ В таком случае период, в который было составлено «Джавāхир ал-асмāр», очерчивается достаточно четко — это 713—715/1313—1316 гг.¹⁴

Те весьма скудные данные, которые известны нам об авторе, встречаются лишь в его труде,¹⁵ и все они были скрупулезно собраны и обобщены издателем в его «Предисловии».¹⁶ Отсылая интересующихся к этому разделу «Предисловия», заметим, что мы не знаем, когда и где родился в Индии 'Имāд б. Мухаммад, и можем только с известной степенью приближенности предполагать, из какой семьи он происходил и в каком возрасте создал свое произведение. По всей видимости, 'Имāд б. Мухаммад был родом из семьи дабиров средней руки, потомственных государственных служащих, к числу которых относились его дед, отец и брат.¹⁷ Сам же он, несомненно, готовя себя к работе на этом поприще, с детских лет обратился к изучению ряда дисциплин, знание которых обязательно для каждого профессионально подготовленного дабира. Стремясь как можно глубже овладеть тайнами этого ремесла, он постоянно искал общения с наиболее известными специалистами и знатоками секретарского искусства, нередко довольствуясь, как отметили его друзья, «сухой лепешкой и глотком горячей воды».¹⁸ Вместе с тем образование он получил отменное, свидетельством чему является его «Джавāхир ал-асмāр». В этом труде мы видим превосходное знание Корана и хадисов, а также связанного с ними всего комплекса «коранических» дисциплин, свободное владение персидской поэзией (Анвары, Хакани, Низами, Джалал ад-Дйн Руми, Са'ди и др.); не чувствовал себя наш автор новичком и в арабской литературе, он свободно и уверенно ориентировался в вопросах риторики и стилистики, этики и политики, истории и литературы, тонкостях музыки и астрологии; наконец, он несомненно был знаком с языками народов Индии. Словом, когда пришло время проявить себя, он по настоянию друзей «написал сию сшитую тетрадь, являющуюся переводом, как подношение для хранилища книг его величества халифского достоинства».¹⁹ Вот, что говорит 'Имāд б. Мухаммад о том, как пришла к нему мысль написать «Джавāхир ал-асмāр»: «Поскольку внимание к историям и сказаниям, рассказам и повествованиям является для уха

изящных натур и слуха тонких умов стремлением полным и желанием истинным и постоянно халифы и султаны, мудрецы и советчики той эпохи — будь то в своем узком кругу или в многолюдном обществе — широко практиковали чтение рассказов и следовали обычаю рассказывать истории, в особенности же это относилось к слушанию тех повествований, что были наряжены в костюм ясных выражений и платье выразительных уподоблений, украшены чистой воды самоцветами цитат из Корана и изречений Пророка, пересыпаны арабскими и персидскими стихами, нравоучительными притчами и примерами, пробуждающими мысль — а должно быть <их> непременно больше. И особенно это привлекательно, когда передаются они дикими зверями и птицами, представителями мира животных и мира камней, ибо хранить их в памяти не является тем, что вызывает удивление, а слушание их не привносит чувства скуки; тогда скрытый смысл того намека, что заключен в рассказе, постигается, и то, в чем состояла его цель, раскрывается, то именно по этой причине во всякую эпоху любой из признанных мудрецов <своего> времени переводил с индийского языка какую-либо книгу, посвятив <ее> властелину и благодетелю, дабы вознестись над равными себе и нижестоящими и прославиться среди коллег и друзей. Свиток тот он отдавал в хранилище правителя или амира того времени и <тем самым> он сохранял его имя до истечения времени и пресечения дней. Как <это произошло> с книгами «Калйла и Димна», «Синдбād», «Нафхат ар-райхāн»²⁰ и им подобными (с. 16). Ничтожный раб <сей> в счастливую пору такого государя и во время правления и царствования подобного миродержца, когда изящные науки имеют спрос, словно философский камень, а к знанию стремятся, как на <любовное> свидание, также захотел перевести с индийского языка какую-либо книгу (*дафтар*) и начало и конец ее, предисловие и заглавие, оглавление и разделы возвысить именем и титулами августейшего величества, прославить и расцветить <словами> его деяния и свершения. Поскольку книга сия по причине...²¹ то имя и титул его величества, да будет он постоянно счастлив и да будет ему сопутствовать величие и слава, останется навсегда. Тогда возможно, что имя его раба, подобно именам Рӯдакӣ и Хассана,²² сохранится и след его на скрижалях времени не исчезнет сразу же и не пропадет.

Короче говоря, с этим намерением просматривал я книги индусов и вникал в их рассказы и истории, но ни одна из них не возбуждала интереса в сердце сего немощного, а несовершенная

душа его ничего не признала стоящим. Если начало одной находил я прочным и основательным, то <на беду> конец ее оказывался слабым и зыбким. Если же конец другой был привлекательным и интересным, то начало ее не доставляло радости. Пока <наконец> после долгих поисков и исканий и бесчисленных розысков и хлопот нашел я книгу, чей зачин вызывал зависть у <всех> сборников рассказов, построена она была должным образом, содержала 72 истории, сочинили ее со слов попугая, а содержание же таково: У некоего купца жили в доме попугай и *шарак*.²³ Отправляясь в деловые и торговые поездки, он обычно наказывал хозяйке дома, чтобы без совета и разрешения тех птиц она ничего не предпринимала и ни за что не бралась, будь то дело праведное или нечистое. И правило это он в отношении молодой жены строго соблюдал.

Как-то купцу пришлось задержаться в пути, а жену <его> одолела любовь к одному юноше, и она пообещала сердечному другу <встретиться> ночью, т. е. когда небесный парикмахер распустит темные кудри вдоль щек мира (с. 17), прелестница, словно душа, взойдет в доме юноши. Словом, в ночную пору красавица поначалу испросила позволения в том деле у *шарак*. Несчастливая *шарак* неразумно взялась давать искренние советы и принялась увещевать. Эти хлопоты не пришлись по вкусу госпоже, охваченной любовным пылом, онахватила шарак оземь и направилась к попугаю. Попугай, бывший свидетелем случившегося, смекнул, что, если он даст честный совет, воистину с ним произойдет то, что с *шарак*, а если воздержится, то жена господина погрязнет в нечестии. Тогда он тонкими уловками и изящными словами <как бы> поощрил и побудил <ее> к сему поступку, показав себя ее доброжелателем. Вместе с тем он таким образом строил каждое повествование в течение всей ночи, что чаровница, увлеченная сказкой, <поневоле> воздерживалась от греха.

Таким образом каждую ночь возникало <в ней> влечение к юноше и разжигался огонь того соблазна. Жена купца подходила к попугаю за советом и разрешением и так увлекалась сказками и историями и во время рассказа она таким образом шла по пути совета и наставления, что ночь уже кончалась в совместной беседе, и красавица возвращалась к себе <уже> утром.

<И так это продолжалось>, пока спустя 72 ночи не вернулся купец, узнал эту тайну, восхвалил мудрость попугая, воздал должное его способностям, погоревал над убитой *шарак* и пролил над ней горячие слезы.

Короче говоря, когда презренный раб сей тщательно взвесил живость темперамента и возвышенность помысла в тех 72 историях и разглядел их зачины и концовки, поначалу форма <их> показалась ему прелестной. Захотел он одеть тот самый сборник в одежды персидского языка, а шею <его> и уши украсить жемчугами уподоблений. Но когда же я вгляделся повнимательнее и оком опыта разглядел в непонятном его фигуру и стан, я обнаружил <его> лишенным жемчужин изречений и лучшей части полезных советов, а также узрел, что в нем отсутствуют самоцветы нравоучений и драгоценные камни наставлений. Что же касается сказок в нем изящных и оригинальных (с. 18), то все они были в “Калйле и Димне” персидской и “Синдбаде”. Эти <сочинения> бытуют сами по себе и широко известны. Другие же истории были исключительно непристойны и мерзки и <для чтения> государям не подходят и не подобают. Как можно было предложить <их>, особенно его величеству государю? Разве что несколько сказок, что были чуточку лучше прочих. Они были переписаны. Остальные же истории, необыкновенные и удивительные, оригинальные и поразительные, были собраны из индийских книг и иных источников, и большей частью переписаны из индийской “Калйлы и Димны”, которую не перевели на персидский язык.²⁴ Форма же притч и каркас рассказов стали в результате прочными; пожалуй, прочнее прежнего. А золото фразы <вновь> залили в тот самый тигель, из которого его прежде извлекли, чтобы стало оно более чистым и свободным от примесей. Были записаны чары попугая и его завлекательные истории, которыми он, используя всевозможные хитрости и уловки, удерживал молодую жену купца и не позволял <ей> отправиться к возлюбленному. Всего этих историй как простран-ных, так и кратких, как длинных, так и коротких рассказано пятьдесят две, и переводу положено название “Самоцветы ночных бесед”. Оглавление сей книги написано с восхвалением и прославлением Искандара <сего> времени. Точно так же, как воздерживались <мы> от использования грубых выражений и непонятных слов, избегали мы <писать> чистейшим персидским языком, избрав руководителем <своим> мудрость изречения Пророка: “Лучшее в делах — срединное их”.

По воле всевышнего Аллаха и милости его облегчающей!».²⁵

Подводя итог сказанному ‘Имāдом б. Мухаммадом, отметим следующее. 1. Автор обнаружил сборник, названия которого он не приводит, состоящий из 72 историй (= ночей), переданных от лица попугая; сборник был написан по-индийски (на санскри-

те?). 2. Переведя полностью этот сборник, он отобрал из него только часть рассказов и дополнил его переводами из других индийских книг, главным образом из индийской «Калілы и Димны», которые не были до того времени известны в переводе на персидский язык. И следовательно, этот сборник не явился переводом какого-либо одного сочинения, а был составлен из фрагментов нескольких индийских книг. 3. Получившаяся в результате его работы книга содержала 52 дастана (= ночи). и была им названа «Джавāхир ал-асмār». 4. В мусульманских государствах Северной Индии достаточно широко практиковались переводы с индийского (санскрита ?) на персидский язык.

При сравнении слов 'Имāда б. Мухаммада, с тем, что сообщает Нахшабī, возникает естественное и закономерное предположение, не является ли его произведение тем самым трудом, который обработал Нахшабī? Но, прежде чем обратиться к этому вопросу, ниже мы приведем параллельно в двух колонках перевод названий историй в двух памятниках в той последовательности, в какой они идут в рукописи «Тутї-нāме» Нахшабī (Институт востоковедения АН СССР. С 121) и в издании «Джавāхир ал-асмār» (Техран, 1973).

«Джавāхир ал-асмār»	«Тутї-нāме»
1. Рассказ о ростовщике, его жене и о том, как жена ощипала попугая (<i>ночь первая</i>). С. 37	1. Рассказ о Маймуне и Ходжасте и о том, как попугай рассказывал историю о попугае купца и его жене (<i>ночь первая</i>). Л. 56.
2. Рассказ о государе Хузистана и воине, коего звали Джанбаз (<i>ночь вторая</i>). С. 47.	2. Рассказ о государе Табаристана и телохранителе и о том, как он пожертвовал своего сына призраку жизни государя (<i>ночь вторая</i>). Л. 126.
3. Рассказ о золотых дел мастере и плотнике, о том, как забрались они в капище и украли золотых идолов, как спрятали золотых дел мастер их, а плотник его детей и как вернул он их золотых дел мастеру (<i>ночь третья</i>). С. 59.	3. Рассказ о золотых дел мастере и плотнике, о том, как они унесли золотых идолов, как золотых дел мастер украл их и о хитрости плотника (<i>ночь третья</i>). Л. 17а.
4. Рассказ о воине, его добродетельной жене и о том, как дала она букет цветов мужу (<i>ночь четвертая</i>). С. 69.	4. Рассказ о воине, его добродетельной жене и о том, как она дала букет мужу, как букет остался свежим, а сын амира посрамленным (<i>ночь четвертая</i>). Л. 256.

«Джавāхир ал-асмāр»	«Тўтй-нāме»
5. Рассказ о царе Камру, попугае-врачевателе и о том, как лечил он тело царя Камру (<i>ночь пятая</i>). С. 81.	5. Рассказ о царе Камру, о том, как попугай лечил его и как курс лечения был доведен до половины (<i>ночь пятая</i>). Л. 316.
6. Рассказ о плотнике, золотых дел мастере, отшельнике и портном, о деревянной скульптуре и их распре из-за нее (<i>ночь шестая</i>). С. 95.	6. Рассказ об отшельнике, плотнике, золотых дел мастере и портном, о том как они влюбились в деревянное изображение и искали правосудия у дерева (<i>ночь шестая</i>). Л. 366.
7. Рассказ о царе Бходж-Раджа, дочери царя джиннов, колодце и влюбленном (<i>ночь седьмая</i>). С. 107.	7. Рассказ о царе царей, о влюбленном старце и о том, как царь хотел пожертвовать своей жизнью ради дервиша, влюбленного в дочь царя джиннов (<i>ночь седьмая</i>). Л. 41а.
8. Рассказ о царе Сирии и попугае, о том, как выпустил он попугая на волку и как тот принес ему плод жизни из страны Мрака (<i>ночь восьмая</i>). С. 119.	8. Рассказ о царевиче, семи вазирах и несчастье, постигшем его из-за прислужницы (<i>ночь восьмая</i>). Л. 466.
9. Рассказ о сыне везира, купце и о том, как говорил деревянный попугай с людьми (<i>ночь девятая</i>). С. 31.	9. Рассказ о сыне завульского амира, о том, как купил он доброе предзнаменование, как спас лягушку от змеи и как лягушка и змея доказали ему свою преданность (<i>ночь девятая</i>). Л. 59а.
10. Рассказ о царе Бходж-Раджа, о гостеприимстве сыновей его и о том, как пришло море на то пиршество (<i>ночь десятая</i>). С. 137.	10. Рассказ о сыне везира, купце, монахе и женах их и о том, как говорил деревянный попугай (<i>ночь десятая</i>). Л. 646.
11. Рассказ о метельшике, о том, как он нашел ценную жемчужину в пыли и как ее украли его спутники (<i>ночь 11-я</i>). С. 151.	11. Рассказ о метельшике, извлекавшем из котла масло и из пыли золото, о том, как он нашел ценную жемчужину как ее украли его спутники и вернула дочь Бходжа-Раджи (<i>ночь 11-я</i>). Л. 70а.
12. Рассказ о том, как собрались 80 ученых и как они распознали природные свойства сына исфаханского амира на пороге детства (<i>ночь 12-я</i>). С. 167.	12. Рассказ о купце и жене его Шахр-Арай, как она из страха перед мужем заговорила в присутствии своего возлюбленного (<i>ночь 12-я</i>). Л. 76а.
13. <Рассказ> о том, как пояснил попугай основы музыки и свойства музыкальных инструментов (<i>ночь 13-я</i>). С. 173.	13. Рассказ о павлине царя, о том, как жену брахмана обвинила ее названная сестра в убийстве павлина и какую хитрость придумала жена брахмана (<i>ночь 13-я</i>). Л. 80а.

«Джавāхир ал-асмār»	«Тўти-нāме»
<p>14. Рассказ о свирепом льве, кошке-караульщице, о том, как смело держали себя мыши со львом, как убил котенок мышей и его раскаянии (<i>ночь 14-я</i>). С. 181.</p>	<p>14. Рассказ о дочери отшельника и ее трех мужьях, о том, как была она похоронена, как мужья извлекли ее из могилы и она снова ожила (<i>ночь 14-я</i>). Л. 84а.</p>
<p>15. Рассказ о безобразии царевича Бенареса, красоте его молодой жены, о том, как влюбилась она в юного мошенника и пошла за ним, как украл мошенник ее дорогие наряды на берегу реки; разговор ее с шакалом (<i>ночь 15-я</i>). С. 193.</p>	<p>15. Рассказ о подложном муже, непорочности жены купца Мансура и о позоре, постигшем подложного мужа (<i>ночь 15-я</i>). Л. 88а.</p>
<p>16. Рассказ о купце Мансуре, его путешествии, о том, как пришел некто в его обличии к жене его и о добродетельности жены Мансура (<i>ночь 16-я</i>). С. 211.</p>	<p>16. Рассказ о государе Сирии, о том, как он выпустил на волю попугая и как тот принес ему плод жизни из источника Мрака (<i>ночь 16-я</i>). Л. 93.</p>
<p>17. Рассказ о сыне забулистанского амира, о том, как купил он счастливое предзнаменование у брахмана, как появились женщина, змея и лягушка, как спас сын амира лягушку от змеи и как воздали они ему добром (<i>ночь 17-я</i>). С. 223.</p>	<p>17. Рассказ о добром деянии царя, о том, как на пиршестве к нему пожаловало море и принесло дары, а царь отдал их брахману (<i>ночь 17-я</i>). Л. 98а.</p>
<p>18. Рассказ о государевом павлине и о том, как убила жена брахмана того павлина (<i>ночь 18-я</i>). С. 237.</p>	<p>18. Рассказ о собрании 80 ученых и о том, как они изучали природные свойства царевича игрой на музыкальных инструментах (<i>ночь 18-я</i>). Л. 104а.</p>
<p>19. Рассказ о дочери отшельника, о том, как сватались к ней трое мужчин и как умерла она в брачную ночь (<i>ночь 19-я</i>). С. 247.</p>	<p>19. Рассказ о происхождении музыки, свойствах музыкальных инструментов и о том, как они были изобретены и как ими пользовались (<i>ночь 19-я</i>). Л. 108а.</p>
<p>20. Рассказ о льве и его четырех везирях: павлине, куропатке, вороне и шакале (<i>ночь 20-я</i>). С. 257.</p>	<p>20. Рассказ о льве и кошке, о том, как котенок убил мышей и потом раскаялся в этом (<i>ночь 20-я</i>). Л. 112а.</p>
<p>21. Рассказ о том, как увидела нарцисс <жена амира>, как смеялась из-за этого жареная птица и как заливался хохотом в тюрьме сотрапезник амира Гулхандан (<i>ночь 21-я</i>). С. 267.</p>	<p>21. Рассказ о безобразии царевича Бенареса, о красоте его жены, о том, как она влюбилась в юного мошенника (<i>ночь 21-я</i>). Л. 116б.</p>

«Джавāхир ал-асмār»	«Тўғй-нāме»
<p>22. Рассказ о царе Бакрмагара, его жене Камджуй, и о том, как смеялись в ее присутствии рыбы, как объяснил их смех Машалла — мальчик, родившийся без отца, и убийстве 84 мужчин (<i>ночь 22-я</i>). С. 281.</p>	<p>22. Рассказ о льве, его четырех везирах и брахмане, которого два везира расхвалили, а два других очернили (<i>ночь 22-я</i>). Л. 1206.</p>
<p>23. Рассказ о государе Джамасбе, его жене Махнуш и о том, как разговаривали попугай и шарак при них о достоинствах и недостатках мужчин и женщин (<i>ночь 23-я</i>). С. 295.</p>	<p>23. Рассказ о жене амира, о том, как она увидела нарцисс, как смеялась жареная птица и улыбался сотрапезник (<i>ночь 23-я</i>). Л. 125а.</p>
<p>24. Рассказ о двух демонах пустыни, о том, как каждый из них расхваливал перед другим свою жену и как рассудил их тяжбу вор (<i>ночь 24-я</i>). С. 309.</p>	<p>24. Рассказ о Башире и о том, как он влюбился в Джанду, как был избит араб и как он достиг своей цели с помощью сестры Джанды (<i>ночь 24-я</i>). Л. 129а.</p>
<p>25. Рассказ о Шапуре — амуре лягушек, его побратимстве со змеей, о победе, одержанной родичами Шапура над ним, и его отмщении с помощью змеи (<i>ночь 25-я</i>). С. 317.</p>	<p>25. Рассказ о Камджуй, и о том, как смеялись рыбы, о пронизательности мальчика, у которого не было отца, и об убийстве 80 человек (<i>ночь 25-я</i>). Л. 1336.</p>
<p>26. Рассказ о ткаче Зарире, о том, как он отправился зарабатывать деньги в Нишапур и как он ни с чем возвратился в свой город (<i>ночь 26-я</i>). С. 327.</p>	<p>26. Рассказ о государе Джамасбе и его жене Ма'суме и о беседе попугая с шарак о достоинствах и недостатках женщин и мужчин (<i>ночь 26-я</i>). Л. 138а.</p>
<p>27. Лакуна в тексте</p>	<p>27. Рассказ об эмире лягушек Шапуре, о его победе над врагами, мести змеи, раскаянии Шапура и его разлуке с родными (<i>ночь 27-я</i>). Л. 143а.</p>
<p>28. <Рассказ о рыси и льве> (<i>ночь 28-я</i>). С. 337.</p>	<p>28. Рассказ о ткаче Зарире, о том, как он отправился за богатством, возвратился домой ни с чем и выслушал историю о лошади и шакале (<i>ночь 28-я</i>). Л. 147а.</p>
<p>29. Рассказ о женщине и детях ее, о том, как напал на них тигр и как она спасла себя и детей (<i>ночь 29-я</i>). С. 347.</p>	<p>29. Рассказ о гончаре, о том, как раскрылось его происхождение и как царь все же не лишил его своего покровительства (<i>ночь 28-я</i>). Л. 1516.</p>
<p>30. Рассказ о синем шакале (<i>ночь 30-я</i>). С. 355.</p>	<p>30. Рассказ о льве, рыси и обезьяне, о том, как рысь заняла логово льва и как благодаря хитростям и уловкам своим она спаслась от льва (<i>ночь 30-я</i>). Л. 155а.</p>

«Джавāхир ал-асмāр»	«Тўтй-нāме»
31. Рассказ о Хуршид, жене купца Сазда, чрезвычайная красота которой принесла ей тяготы в жизни (<i>ночь 31-я</i>). С. 365.	31. Рассказ о женщине и детях ее, о том, как на нее напал тигр и как она спасла себя и детей от него (<i>ночь 31-я</i>). Л. 1596.
32. Рассказ о трех везирях царя Махлара, о Хамидуне — сыне старшего везира, Сайаре — дочери второго везира и об их любви (<i>ночь 32-я</i>). С. 375.	32. Рассказ о синем шакале, о том, как он стал царем диких зверей и как постигла шакала неудача через его деяния (<i>ночь 32-я</i>). Л. 1636.
33. Рассказ о дочери кабульского купца, ее трех женихах и о том, как похитил джинн ту девушку у них (<i>ночь 33-я</i>). С. 381	33. Рассказ о Хуршид, жене 'Утарида, и трех юношах и о несчастье, что постигло Хуршид из-за ее красоты и совершенства (<i>ночь 33-я</i>). Л. 1676.
34. Рассказ о любви брахмана и дочери царя Вавилона и о том, как они достигли своей цели с помощью волшебника (<i>ночь 34-я</i>). С. 391.	34. Рассказ о государе и трех везирях, о сыне одного из них и двух дочерях двоих других и о любви и дружбе их между собой (<i>ночь 34-я</i>). Л. 173а.
35. Рассказ о царе Кашгара и тамошнем купце, как отдал он свою дочь за правителя города, как влюбился в нее царь и проявил при этом скромность (<i>ночь 35-я</i>). С. 399.	35. Рассказ о дочери кабульского купца и ее трех женихах, о том, как пери похитила девушку и как ее вновь возвратила женихам (<i>ночь 35-я</i>). Л. 1776.
36. Рассказ о сыне сеистанского амира, белом слоне, змее-гюрзе и о том, как служил ей сын амира (<i>ночь 36-я</i>). С. 405.	36. Рассказ о любви брахмана и вавилонской царевны и о том, как они достигли своей цели благодаря стараниям кудесника (<i>ночь 36-я</i>). Л. 1816.
37. Рассказ о дятле, корошке, лягушке, пчеле и слоне, о том, как погубил слон потомство корошка и как тот отомстил слону с помощью своих друзей (<i>ночь 36-я</i>). С. 411.	37. Рассказ о завульском царевиче, дочери купца, правителя города и о том, как государь и везир влюбились (<i>ночь 37-я</i>). Л. 1856.
38. Рассказ о купце из Нишапура, жене его по имени Шахр-Арай и о том, как купец застал ее с возлюбленным (<i>ночь 38-я</i>). С. 417.	38. Рассказ о сыне сеистанского амира, белом слоне, черной змее-гюрзе и о том, как служил ей сын амира и каков был результат (<i>ночь 38-я</i>). Л. 190а.
39. Рассказ о государе Китая, о том, как захотел он взять в жены румийскую царицу и как нарисовал везир его портрет в ее дворце (<i>ночь 39-я</i>). С. 423.	39. Рассказ о корошке, дятле, лягушке, слоне и пчеле и о том, как королек отомстил слону с помощью своих друзей (<i>ночь 39-я</i>). Л. 194а.

«Джавāхир ал-асмār»	«Тўтй-нāме»
40. Рассказ о том, как осел пел, а торговец хворостом танцевал (<i>ночь 40-я</i>). С. 430.	40. Рассказ о государе Китая, о том, как везир написал его портрет во дворце царицы Рума и как царица согласилась стать женой государя (<i>ночь 40-я</i>). Л. 197а.
41. Рассказ о сыне купца из Термеза, о том, как он увлекся своей женой и забросил торговлю (<i>ночь 41-я</i>). С. 439.	41. Рассказ о том, как осел пел, а торговец хворостом танцевал (<i>ночь 41-я</i>). Л. 202а.
42. Рассказ о дружбе утки и вороны, о том, как ворона пыталась стать уткой и как они разрешили спор четырех крестьян (<i>ночь 42-я</i>). С. 453.	42. Рассказ о купеческом сыне из Термеза, о том, как он увлекся своей женой и забросил торговлю, как давали ему совет попугай и шарак и как он снова обратился к своему занятию (<i>ночь 42-я</i>). Л. 206а.
43. Рассказ о том, как устроил пиршество царь Тархута, о его дочери и сыне и о старом музыканте (<i>ночь 43-я</i>). С. 461.	43. Рассказ о змие, его жене и о том, как царь мечом отрубил ему хвост, увидев, что она грубо обращается с детенышами (<i>ночь 43-я</i>). Л. 213а.
44. Рассказ об укушенном скорпионом слоне, старом опытным шакале и о том, как пришли лев, барс, шакал и обезьяна (<i>ночь 44-я</i>). С. 470.	44. Рассказ об индийском царе, у которого был один сын и одна дочь, и о том, как дети замыслили убить отца (<i>ночь 44-я</i>). Л. 213а.
45. Рассказ о четырех юношах из Балха и о том, как подарило им море восемь блестящих жемчужин (<i>ночь 45-я</i>). С. 479.	45. Рассказ об амире и змие, обвиняемому вокруг его пояса, о неблагодарности змия и погибели (<i>ночь 45-я</i>). Л. 222а.
46. Рассказ о правителе Мерва, о диве, овце и обезьяне и о жемчужном ожерелье (<i>ночь 46-я</i>). С. 487.	46. Рассказ о том, как Худжасте видела сон и как попугай его истолковал; история о том, как отправился в подземный город царь Уджайинни (<i>ночь 46-я</i>). Л. 226б.
47. Рассказ о хорезмийском купце и цирюльнике, о том, как он увидел во сне свою удачу в образе монаха, как повстречал он того монаха наяву и как монах стал золотым (<i>ночь 47-я</i>). С. 499.	47. Рассказ о том, как четверо верных друзей пошли к ученому, как дал тот им четыре волшебные бусинки, как трое добыли клад, а четвертый вернулся ни с чем (<i>ночь 47-я</i>). Л. 235а.
48. Рассказ четырех мужчинах из Балха, о том, как они получили по раковине от монаха и как они нашли четыре разных рудника (<i>ночь 48-я</i>). С. 507.	48. Рассказ о юноше из Багдада, о том, как он влюбился в рабыню-музыкантшу, затем продал ее юному хашимиту, раскаялся в этом и под конец все же достиг своей цели (<i>ночь 48-я</i>). Л. 238а.

«Джавāхир ал-асмār»	«Тūtī-нāме»
49. Рассказ о царе Бакрмаджара и сыне везира; о том как царь отправился в подземное царство, как вернулся в родной город и как привел дочь Фисагура (<i>ночь 49-я</i>). С. 517.	49. Рассказ о государе, о том, как он нашел колосья пшеницы, и трех братьях (<i>ночь 49-я</i>). Л. 244а.
50—52. Здесь и далее лакуна в тексте.	50. Рассказ о царе, неведавшем горя, о том, как он послал сватов к дочери кесаря, как тот отказал и как дело дошло до войны (<i>ночь 50-я</i>). Л. 248а.
	51. Рассказ о Бахраме, и его трех везирах, Хассе и Хуласе, и о том, как дочь Хуласе добилась справедливости (<i>ночь 51-я</i>). Л. 254а.
	52. Рассказ об отшельнике и его жене, история семицветной птицы, как ради любовника была зарезана семицветная птица, как вернулся отшельник и была посрамлена его жена (<i>ночь 52-я</i>). Л. 18а.

При сравнении текста 48 дāстāнов-ночей,²⁶ дошедших до нас в «Джавāхир ал-асмār», с 52 историями «Тūtī-нāме» выяснилось, что 43 из них (в порядке «Джавāхир ал-асмār»: 1—23, 25—26, 28—41, 43, 47—49). были заимствованы Нахшабī и включены в «Тūtī-нāме» после значительной обработки, которую можно назвать редакторско-авторской, с почти полным сохранением сюжета и фабулы. Отметим, что только пять из дāстāнов «Джавāхир ал-асмār» (24, 42, 44—46) были заменены другими, либо сочиненными самим Нахшабī, либо заимствованными из иных источников. Что же касается оставшихся четырех дāстāнов (27, 50—52), то мы можем только предполагать, как распорядился с ними Нахшабī, поскольку, как отмечалось выше, — изданный Шамс ад-Дīном Ал-е Ахмадом список был дефектным и мы лишены возможности судить о содержании последних историй. Таким образом, только девять дāстāнов (в порядке «Тūtī-нāме»: 8, 24, 29, 43, 48—52) не представлены в издании «Джавāхир ал-асмār», пять из них, несомненно, принадлежат перу Нахшабī, о четырех же других мы с подобной несомненностью говорить в настоящее время не можем.

Представляется вполне вероятным, что Нахшабī расположил по своему усмотрению дāстāны, отобранные им из произве-

дения своего предшественника. Согласно списку С 121 из собрания Института востоковедения АН СССР дāстāны из «Джавāхир ал-асмāр» идут в такой последовательности в «Тūtī-нāме»: 1—7, 17, 9, 11, 38, 18, 19, 16, 8, 10, 12—15, 20—23, 25—26, 28—37, 39—41, 43, 47, 49, 48. Соответственно, наоборот, дāстāны «Тūtī-нāме» соотносятся с историями в «Джавāхир ал-асмāр»: 1—7, 16, 10, 17, 11, 18—21, 15, 9, 13—14, 22, 23, 25—26, 27—28, 30—39, 12, 40—42, 44—45, 47, 46.

Ниже мы помещаем сводную таблицу соотношения дāстāнов «Тūtī-нāме» и «Джавāхир ал-асмāр» в порядке их последовательности в каждом сочинении.

«Тūtī-наме»	«Джавāхир»	«Тūtī-наме»	«Джавāхир»	«Тūtī-наме»	«Джавāхир»	«Тūtī-наме»	«Джавāхир»
1	1	14	19	27	25	40	39
2	2	15	16	28	26	41	40
3	3	16	8	29	Лакуна	42	41
4	4	17	10	30	28	43	Нет соотв.
5	5	18	12	31	29	44	43
6	6	19	13	32	30	45	47
7	7	20	14	33	31	46	49
8	Нет соотв.	21	15	34	32	47	48
9	17	22	20	35	33	48	Нет соотв.
10	9	23	21	36	34	49	Нет соотв.
11	11	24	Нет соотв.	37	35	50	Лакуна
12	38	25	22	38	36	51	Лакуна
13	18	26	23	39	37	52	Лакуна

Вполне допустимо, что порядок дāстāнов, заимствованных Нахшабī из «Джавāхир ал-асмāр», мог быть в его труде и несколько иным, чем тот, который мы привели выше, поскольку в основе его лежит порядок отдельного списка, а не критического издания. Вместе с тем заметим, что восемь списков «Тūtī-нāме» из собрания Института востоковедения АН СССР (В 258, В 2345, В 2438, В 3959, С 118, С 119, С 120 и С 121) дают значительные расхождения в порядке следования 52 дāстāнов.²⁷

В чем же заключалась работа Зийа ад-Дйна Нахшабӣ, после того как он согласился с предложением «одного вельможи» и приступил к обработке труда своего предшественника, стремясь «порадовать царей искусства речи»? Сохранив в своей основе сюжет обрамляющего вводного дāстāна (покупка сыном купца говорящего попугая стоимостью в 1000 динаров (3000 — у Нахшабӣ), предсказывающего будущее за десять дней вперед; предсказание последнего о прибытии через три дня каравана за благовонными травами и совет его скупить их все в городе, в результате чего сын купца разбогател; их разговоры о преимуществах заморской торговли и отъезд загоревшегося этой идеей хозяина); он изменил имена героев, так сын купца Са‘ид (سلمى) стал Маймуном, а его молодая жена Махшакар — Худжасте. Нахшабӣ значительно сократил все заимствованные дāстāны (не менее 43), освободив их от излишних повторов и тяжеловесных текстуальных длиннот, на которых, видимо, весьма сказалось влияние языка оригинала, и тем самым придал сочинению компактность и стройность как по форме, так и по содержанию. При этом сочинение в целом выиграло и в языке — он стал более легким и изящным. Однако, и это следует подчеркнуть особо, он не изменил ни основных сюжетных линий дāстāнов, ни фабулы каждого из них. Часть дāстāнов, которые, по его мнѐнию, не подходили, он исключил и сочинил новые (не менее пяти). Кроме того, в процессе обработки он опустил 17 вводных рассказов и притч из 14 дāстāнов (ср. дāстāны «Джавāхир ал-асмār»: 3, 5, 6, 8, 10, 15 (два), 17, 21, 22 (два), 26, 32, 33, 47 (два), 48) и добавил не менее трех вновь написанных (ср. «Тўтӣ-нāме»: 13, 31, 37).²⁸

Далее, он заменил своими собственными стихами все стихотворные цитаты из дāстāнов персидских поэтов, которые его предшественник обильно использовал с целью украсить и разнообразить повествование.²⁹ Арабские стихи постигла та же участь с той лишь разницей, что они не были заменены, а просто в подавляющем большинстве изъяты.³⁰ Также более чем наполовину подверглись сокращению 90 цитированных ‘Имāдом б. Мухаммадом стихов из Корана и 174 хадиса и прочих арабских изречений.

Нахшабӣ не грешит против истины, когда в предисловии к своему труду сообщает, что он «украсил и разнообразил вступление и заключение каждого рассказа». И действительно, зачины и концовки всех сохраненных им дāстāнов практически написаны заново, и лишь в единичных случаях он ограничивается

незначительной правкой (ср. дāстāны «Джавāхир ал-асмār»: 30, 49 и 33 (только концовка) и соответственно в «Тūtī-nāме»: 32, 46 и 35³¹). Вместе с тем в большинстве случаев он, подхватив идею зачина или концовки, столь искусно ее обрабатывает, что она приобретает совсем другие краски и иное звучание. Например, повсеместно Нахшабī, как, впрочем, и ‘Имād б. Мухаммад в зачинах и концовках, предшествующих каждому дāстāну и заключающих его, словно исполняет вариации на темы солнца, появления луны на небосклоне, наступления сумерек и ночи, утренней зари, первых лучей восходящего солнца, неуверенного шума просыпающегося города и т. п., но делает это он значительно увереннее, разнообразнее и изящнее последнего.

Под пером Нахшабī не избежали изменений и действующие лица. В одних случаях были изменены имена персонажей: помимо героев обрамляющего дāстāна отметим в «Джавāхир» (22) мальчика по имени Машалла, а у Нахшабī (25) этот персонаж носит имя Ибн ал-Гайб. В дāстāне 23-м «Джавāхир» дочь сирийского царя названа Махнуш, в первом вставном рассказе действуют Манучихр и Ференгис, во втором — жена купца Хазарназ, а в соответствующем дāстāна «Тūtī-nāме» (26) мы встречаем Ма‘суме, Мумтаза и Маймуне, Хамназ (ср. также дāстāны 8 и 16, 21 и 23, 31 и 33, 32 и 34, 33 и 35, 36 и 38 и др.). В других случаях он не только давал имена действующим лицам, но и заменил одних персонажей другими (ср. 10 и 17, где советниками моря выступают морской змей, кит, черепаха, краб, крокодил и лягушка; 20 и 22, где в роли везирей льва подвизаются газель, дикая коза, волк и шакал). Весьма часто Нахшабī изменял и место действия как всего дāстāна, так и более мелких вставных рассказов, входящих в него (ср. 2 и 2, где действие происходит не в Хузистане, а в Табаристане; 7 и 7, где говорится о царе Бихельзана, а не Пилестана; в обрамляющем рассказе караван приходит не из Баболя, а из Кабула; см. также 21 и 23, 23 и 26, 34 и 36 и др.). Следует заметить, что исходя из стремления сделать сюжет более занимательным, Нахшабī производил композиционные перестановки и менял порядок повествования-развертывания сюжета в самом дāстāне, очередность вставных рассказов (ср. 13 и 19, где изменен порядок вставных рассказов о происхождении музыки и музыкальных инструментов; 18 и 13, где введен новый рассказ со слов монаха, композиционно меняющий весь дāстāн; ср. также 23 и 26, 26 и 28, 41 и 42, 47 и 45).

Остановимся на любопытном штрихе, который в какой-то мере характерен для системы обработки, предпринятой Нахша-

бї. Мы имеем в виду временные и количественные категории, которые он в значительной мере оставил без изменений: число дней, месяцев, лет; количество действующих лиц; стоимость чего-либо и т. п. (ср. рамочный дāстāн — попугай обладает способностью предсказывать за десять дней, его же предсказание о приходе каравана на третий день; 18 и 13 — награда за убитого павлина объявлена в 10 000 динаров; 34 и 36 — подарок в лак рупий за «сноху»; 36 и 38 — шесть месяцев службы царевича у змеи, 1000 слонов у царя, 7 дней бешенства белого слона; см. также 40 и 41, 48 и 47 и др.).

Итак, подводя итог нашему краткому разбору обработки, проведенной Нахшабї с трудом своего предшественника, можно сказать, что Нахшабї столь мастерски, нешаблонно и профессионально справился с поручением «одного вельможи», что вряд ли допустимо говорить о его работе как о простой обработке, скорее, и это, видимо, будет ближе к истине, мы вправе рассматривать и квалифицировать его работу в двух аспектах: во-первых, как редактора, превосходно обработавшего написанное до него сочинение, и, во-вторых, как автора оригинальных рассказов и дāстāнов, сочиненных им взамен изъятых из «Джавāхир ал-асмār» ‘Имāда б. Мухаммада ан-На‘рї. В результате было создано «Тūtї-нāме», которое принесло его создателю мировую известность, но которое явилось второй, уже опосредованной обработкой на персидском языке индийских «Сказок попугая».

В заключение несколько слов о турецком переводе.³² Согласно В. Перчу и А. Алимардонову, он был выполнен неким Сārї-‘Абдаллахом эфенди (ум. 1661) по приказу одного из османских султанов.³³ Считается, что он содержит 30 дāстāнов-ночей («приблизительно 75 больших и малых рассказов»³⁴), переведенных из «Тūtї-нāме» Нахшабї. В принципе турецкий переводчик³⁵ не внес ничего нового в свой метод сокращенной обработки-перевода, знакомый нам по многим аналогичным переводам с одного языка на другой. Перевод содержит 40 дāстāнов-ночей, в которые вошли 73 вставных малых и больших рассказа (в том числе полностью 43-й дāстāн «Тūtї-нāме» Нахшабї, композиционно подчиненный переводчиком 42 дāстāну в качестве третьего вставного рассказа — ответ попугая сыну купца из Термеза ‘Убайду). Все эти дāстāны специально не выделены, а отличаются от прочих своим зачином — ответом попугая на вопросы Махшакар. Переводчик значительно сократил число вставных рассказов, в ряде случаев композиционно изменил построение ночей, заменил многие имена действующих лиц

и места действия по отношению к своему оригиналу. Все переведенные им дāстāны в числе 41-го с известными модификациями имеются в «Тūtī-nāме» Нахшабī. Их порядок в соответствии со списком С 121 следующий: 1—7, 16, 10, 17, 11, 18, 19, 21, 15, 9, 13, 14, 22, 23, 25—26, 28, 30—32, 34—37, 12, 40—43, 45—49, 52.

Вместе с тем сравнение турецкого перевода с «Джавāхир ал-асмār» и «Тūtī-nāме» дает все основания предполагать, что в процессе своей работы переводчик обращался не только к «Тūtī-nāме», но и к его предшественнику; отдавая предпочтение первому, он, безусловно, сверялся с последним. Только этим можно объяснить тот факт, что в обрамляющем, рамочном дāстāне сохранены имена героев, известные нам по «Джавāхир ал-асмār» и измененные в «Тūtī-nāме»; купец по имени Са'ид, его сын Сā'ид (в «Джавāхир» — Сā'ид) и жена последнего Махшакар. Далее, ряд имен персонажей в рассказах, равно как и мест, где они действуют, сохранен в переводе в соответствии с «Джавāхир ал-асмār» (ср. дāстāны 1, 2, 3 (первый вставной рассказ), 7, 8 и др.). Наконец, в заключительном дāстāне, когда купец Сā'ид возвращается и узнает всю правду, он все же прощает Махшакар, как это, видимо, и было в «Джавāхир ал-асмār», а не убивает ее, как об этом мы читаем в «Тūtī-nāме».³⁶

Определенную пищу для размышлений о действительном, принятом автором порядке следования дāстāнов в «Тūtī-nāме» дает их соответствующая последовательность в турецком переводе в сравнении с «Джавāхир ал-асмār». 34 дāстāна из последнего (1—13, 15—23, 26, 28—30, 32—35, 38—41). соответствуют 1—34 дāстāну перевода. Такой порядок в переводе наводит на мысль, что Нахшабī практически не изменил порядок следования дāстāнов в «Джавāхир ал-асмār». Видимо, сочиненные им дāстāны он поместил на места исключенных. Такая последовательность дāстāнов в турецком переводе, на наш взгляд, не может быть случайной, так как переводчик имел в своем распоряжении, по всей видимости, достаточно старые и надежные списки «Тūtī-nāме».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Впервые этот памятник персидско-таджикской развлекательной литературы XVI в. был детально проанализирован в обстоятельной статье В. Перча в 1867 г. Выводы, к которым пришел немецкий ориенталист, сохраняют свое научное значение и до сих пор (см.: *Pertsch W. Über Nachschabi's Papagaienbuch* //

Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. 1867. Bd XXI. S. 505—551). В наши дни А. Алимардонов посвятил Нахшабӣ и его сочинению специальное исследование — наиболее полное из всех посвященных этому вопросу (см.: *Алимардонов А. Зияуддин Нахшабӣ и его «Тӯтӣ-наме»*: Автореф. канд. дис. Душанбе, 1970). В реферате работа Перча не отмечена.

² Согласно разысканиям А. Алимардонова (Зияуддин Нахшабӣ и его «Тӯтӣ-наме». С. 15), в различных хранилищах мира насчитывается 85 списков «Тӯтӣ-наме» (в том числе в СССР — 37). Однако, по нашему мнению, эту цифру следует увеличить, по крайней мере, на 15—20 рукописей, хранящихся в государственных и частных собраниях Индии, Ирана, Пакистана, Турции и США, сведения о которых стали доступны специалистам через посредство каталогов, опубликованных после 1970 г. Ср. также данные, приведенные А. Монзави о списках «Тӯтӣ-наме» (*Monzavi Ahmad. A Catalogue of Persian Manuscripts. Vol. V. Tehran, 1973. P. 3729—3731*). Заметим при этом, что самый старый из ныне существующих списков «Тӯтӣ-наме» Нахшабӣ хранится в библиотеке Стамбульского университета (Халет эфенди, № 90) и переписан 13 мухаррама 955/23 февраля 1548 г. Что же касается указания А. Алимардонова на два списка, датированных 994/1588 г. (Зияуддин Нахшабӣ и его «Тӯтӣ-наме». С. 15), то здесь явное недоразумение: это одна и та же рукопись. Сначала она была отмечена в аукционном каталоге коллекции А. Шпренгера (*Sprenger A. A Catalogue of the Bibliotheca Orientalis Sprengeriana. Giessen, 1857. № 1617*), а затем описана В. Перчем (*Pertsch W. Verzeichniss der Persischen Handschriften. Berlin, 1888. S. 986, № 1027*), после того как в числе 1972 рукописей, составлявших коллекцию А. Шпренгера, была куплена в 1867 г. королевской библиотекой в Берлине (ныне в Тюбингене).

³ *Ziya ad-din* Нахшабӣ. Книга попугая (Тӯтӣ-наме) / Перевод с персидского Е. Э. Бертельса. М., 1979. С. 18—19. Ср. также: Рук. Института востоковедения АН СССР. С. 118. Л. 2а—б; *Алимардонов А. Зияуддин Нахшабӣ и его «Тӯтӣ-наме»*. С. 17.

⁴ *Алимардонов А. Зияуддин Нахшабӣ и его «Тӯтӣ-наме»*. С. 17.

⁵ См.: *Pertsch W. Verzeichniss der Persischen Handschriften. S. 506*.

⁶ *Алимардонов А. Зияуддин Нахшабӣ и его «Тӯтӣ-наме»*. С. 16, где приведена полная библиография вопроса, естественно ограниченная размерами представленного реферата.

⁷ Все известные обработки на персидском языке (за исключением Абу-л-Фазла б. Мубārака в XVI в.), в том числе и стихотворные, отмечены у В. Перча (см.: *Pertsch W. Verzeichniss der Persischen Handschriften. S. 506—507*); также: *Алимардонов А. Зияуддин Нахшабӣ и его «Тӯтӣ-наме»*. С. 30—32.

⁸ О переводах на восточные языки см.: *Pertsch W. Verzeichniss der Persischen Handschriften. S. 507—508* (неполные сведения); также: *Алимардонов А. Зияуддин Нахшабӣ и его «Тӯтӣ-наме»*. С. 30—33 (исчерпывающая сводка). О переводах на западные языки см.: *Pertsch W. Verzeichniss der Persischen Handschriften. S. 508—511* (с детальным разбором); также *Алимардонов А. Зияуддин Нахшабӣ и его «Тӯтӣ-наме»*. С. 33.

⁹ Единственный известный список, дошедший до нас и, к сожалению, дефектный, может смело датироваться серединой XIV в.

¹⁰ *Алимардонов А. Зияуддин Нахшабӣ и его «Тӯтӣ-наме»*. С. 17—18.

¹¹ Тӯтӣ-наме. Джаваҳир ал-асмār (Книга попугая. Самоцветы ночных бесед). Аз 'Имād б. Мухаммад ан-На'ри. Ба ихтимам-е Шамс ад-Дин Ал-е Ахмад. Интишарат-е Бунийад-е фарханг-е Иран. <Техран>, 1352/1973. Пред-

словие издателя занимает с. 19—60 (отдельная пагинация). Этот уникальный список, переписанный, без сомнения, в середине XIV в., хранится в настоящее время в библиотеке Маджлиса (инв. № 6680) в Тегеране. К сожалению, список дефектен: в середине — лагуна, содержащая конец 26-й ночи по начало 28-й; нет конца — от заключения 49-й ночи. Таким образом, полностью отсутствуют ночи 27, 50—52; частично ночи 26, 28, 49 (Джавāхир ал-асмāр. Предисловие. С. 31, прим. 1). В тексте (с. 18). сочинение названо «Джавāхир ал-асмāр»; «Тўти-нāме» — конъектура издателя.

¹² В тексте — (النعري). (Джавāхир ал-асмāр. Предисловие. Табл. 1). Издатель (Джавāхир ал-асмāр. Предисловие. С. 52), отмечая указанное написание нисбы, «с полной уверенностью» читает (النعري), полагая ее происходящей от города (النعري), что «недалеко от провинции Кирман на побережье». Мы склоняемся к чтению «ан-На'ри», возводя ее к имени арабского племени, осевшего в Иране вскоре после его завоевания арабами.

¹³ Джавāхир ал-асмāр. Предисловие. С. 32; текст. С. 12.

¹⁴ Джавāхир ал-асмāр. Предисловие. С. 33. Султан 'Алā' ад-Дйн умер 5 января 1316 г. Поэтому труд 'Имāда б. Мухаммада мог быть завершён в указанный нами срок.

¹⁵ Нам не удалось обнаружить каких-либо сведений о нашем авторе в исторических хрониках, написанных в Индии в XIV—XV вв., в том числе и в «Тārīх-и Фйруз-шахī», составленной Зийа ад-Дйнном Барани в 758/1357 г.; в этом труде имеется специальный раздел, посвященный различным деятелям эпохи 'Ала' ад-Дйна Мухаммад-султāна Халджи (1296—1316). См.: *The Tārīkh-i Feroz-Shāhī of Ziaa al-Dīn Barni* / Ed. by S. Ahmad Khan (Bibliotheca Indica). Calcutta, 1862 (text). P. 342—367.

¹⁶ Джавāхир ал-асмāр. Предисловие. С. 33—34.

¹⁷ Там же. С. 33; текст. С. 11.

¹⁸ Там же. С. 33; текст. С. 12.

¹⁹ Там же. С. 34; текст. С. 13.

²⁰ По всей видимости, наш автор говорит о а) прозаическом переводе «Калила и Димна» с арабского на фарси, выполненном Абу-л-Ма'али Насраллахом мунши в 1144 г. для газневида Бахрām-шаха (см. изд.: Тарджама-йи Калила ва Димна инша-йи Абу-л-Ма'али Насраллах мунши, тасхих ва таузих-е Муджтаба Минуви Тихрани. <Чап-и дуввум, Тихран>, 1343/1964); б) «Синдбād-нāме», созданном в XII в. Мухаммадом б. 'Али аз-Захири ас-Самарканди, который, вероятно, обработал перевод «Синдбād-нāме», сделанный еще в 951 г. по приказу Абу Мухаммада Нуха б. Насра Самани с арабского на фарси ходжой 'Амидом Фанāрузи (см. изд.: Мухаммад б. 'Али б. Мухаммад аз-Захири ас-Самарканди. Синдбād-нāме, ба ихтимам ва тасхих ва хаваши-йе Ахмад Атеш. Истамбул, 1948); о «Нафхат ар-райхāн» мы не располагаем сколько-нибудь точными данными.

²¹ Дефект рукописи.

²² Первый — знаменитый «патриарх персидской поэзии» Абу 'Абдаллах Джа'фар б. Мухаммад б. Хаким Рудаки Самарканди (ум. 329/941 г.). См.: *Tagirdžanov A. T.* Рудаки: Жизнь и творчество. История изучения. <Л.>, 1968. Это наиболее полное исследование с исчерпывающей биографией и критическим анализом восточных источников, а также многочисленных работ о поэте. Второй — Хассāн б. Сāбит б. Мукзир, родом из Ясриба (Медины) (ум. ок. 659 г.). Как поэт был широко известен еще до начала ислама, обычно считается «поэтом-лауреатом» при Мухаммаде, которого он прославлял в своих сти-

хах, зачинатель религиозной поэзии в исламе. Подробнее см.: *Arafat W. Hassān b. Thābit* // *El²*. 1966. Vol. III, fasc. 45—46. P. 271—273.

²³ Птица из породы скворцовых.

²⁴ Интересная ремарка нашего автора, лишний раз подтверждающая мнение о том, что в индийской литературе бытовало несколько подобных сборников.

²⁵ Джавāхир ал-асмār. Предисловие. С. 15—18.

²⁶ Всего в издании 48 дāстāнов, последний имеет номер 49, так как, естественно, был учтен № 27, не дошедший до нас из-за лакуны в тексте.

²⁷ Персидские и таджикские рукописи Института народов Азии АН СССР: Краткий алфавитный каталог. Ч. 1. Иркутск, 1964. С. 376—377, № 2883, 2885—2891. В качестве примера приведем соотношение порядка дāстāнов по рукописи С 121 сначала списка С 118 (даты нет, но имеется на л. 1а приписка о поступлении в библиотеку Великих Моголов, датированная джумādā II 1105/февраль 1694 г.), а затем списка С 120 (датирован 1273/1856—1857 г., Средняя Азия): 1—7, 10—15, 8, 16—21, 9, 25, 22, 24, 27—35, 37—39, 26, 40—48, 23, 49—52 (в С 118 в наличии 51 дāстāн, нет 36-го); 1—8, 16, 10, 17, 11, 18, 21, 15, 19—20, 9, 13—14, 22—23, 25, 24, 26—27, 29—36, 37—39, 28, 12, 40—52) (в С 120 представлены все 52 дāстана).

²⁸ В издании «Джавāхир ал-асмār» все водные рассказы имеют сквозную нумерацию, всего их отмечено 86. Согласно А. Алимардонову (Зияуддин Нахшабī и его «Тūtī-нāме». С. 22), «52 дāстāна “Тūtī-нāме” содержат более 110 больших и малых рассказов».

²⁹ В издании «Джавāхир ал-асмār» (с. 690—709 и 711—714) отмечены 531 (с учетом четырех повторов на с. 40 и 201, 57 и 116, 114 и 198, 149 и 508). отдельный байт, рубā'и и кит'а и маснави, а также 88 отдельных мисрā'. А. Алимардонов отмечает в «Тūtī-нāме» «308 кит'а, 11 байтов, 3 маснави и ряд мисрā' (Зияуддин Нахшабī и его «Тūtī-нāме». С. 28).

³⁰ В издании (с. 685—687) отмечены 84 арабских стихотворения: 15 кит'а и 69 байтов. А. Алимардонов (Зияуддин Нахшабī и его «Тūtī-нāме». С. 28). сообщает о наличии в «Тūtī-нāме» 1 кит'а и 6 байтов на арабском языке.

³¹ Далее при сопоставлении будут указываться только номера дāстанов, причем во всех случаях первыми будут идти дāстаны из «Джавāхир ал-асмār».

³² Мы пользовались двумя изданиями перевода: первое — Тūtī-нāме, мат-ба'ат Дар ас-салтанат ас-сания, 1256 <= 1840>; второе Китаб-и Тūtī-нāме. Казань. 1851.

³³ *Pertsch W. Verzeichniss der Persischen Handschriften*. S. 507; Алимардонов А. Зияуддин Нахшабī и его «Тūtī-нāме». С. 30. В указанных изданиях перевода ни имя переводчика, ни имя патрона не указано. Имя переводчика — *Sary Abdoullah effendī* указано в булакском издании (Каир). 1253/1838 г. (*Journal Asiatique*. 1843. Vol. 2. P. 48, № 138).

³⁴ Алимардонов А. Зияуддин Нахшабī и его «Тūtī-нāме». С. 31.

³⁵ См. издание 1840 г. С. 285.

³⁶ Там же. С. 3—8, 284—285; «Тūtī-нāме». Рук. С 118. Л. 1376

О ФУНКЦИЯХ ПОЭТИЧЕСКИХ СБОРНИКОВ И АЛЬБОМОВ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ПЕРСИДСКОЙ И ТАДЖИКСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ*

Своеобразным видом персидской и таджикской литератур являются джунги, байазы и маджмӯ'а, представляющие собой сборники как небольших стихотворных, так и прозаических произведений самого разного жанра и самой разнообразной формы. Их составляли главным образом любители, ценители и знатоки родной словесности, но нам известны случаи, когда сборники собирали известные поэты и литераторы. Например, Мухаммад ал-Джаджармӣ, Ахмад Джала'ир, Султан-Мухаммад Харави Фахрӣ, Сә'иб Табризи и др. Во всяком случае, историк начала XIII в. Абу Бакр ар-Равандӣ сообщает в «Рāхат ас-судӯр», что его дядя Зайн ад-Дйн Махмӯд составил в 580/1184—1185 г. поэтическое маджмӯ'а для Сельджукида Рукн ад-Дйна Тугрилы, а художник Джамал-наккāш Исфакхани иллюстрировал его портретами тех поэтов, чьи произведения вошли в его состав.¹ Сложная и детально разработанная композиционная архитектура байаза «Мунис ал-ахрār фи дакā'ик ал-аш'ār», собранного в 741/1341 г. Мухаммадом ал-Джаджарми,² дает все основания предположить, что его автор-составитель был отменно знаком с предшествовавшей ему традицией составления сборников, и, несомненно, его труд следует рассматривать, как продолжение этой уже сложившейся традиции. Составление сборников становится заметным явлением в литературной жизни Ирана (особенно Западного и Южного) с конца XIV в., а с середины XVII в. этот широко распространенный обычай приобретает черты определенной закономерности.

Не последнюю роль в повышении интереса к сборникам со стороны ценителей словесности (помимо подбора полюбившихся стихотворений) сыграла возможность помещать в них как стихотворные, так и прозаические произведения малых форм или фрагменты более крупных (короткие маснави, композиции орнаментированной прозы, строфические формы, небольшие развлекательные рассказы и т. п.), которые, как правило, фиксировались только в подобных рукописях и не имели хождения в виде отдельных списков, если не входили в состав «Дивана» или

* Впервые статья была опубликована в: Актуальные проблемы иранской филологии: Материалы VIII Всесоюзной научной конференции. Май 1982 г. Душанбе. Душанбе, 1985. С. 207—212.

«Куллията», или не являлись частью более крупного произведения того или иного автора. В данном случае мы сталкиваемся с основным достоинством сборника, чрезвычайно важным с точки зрения истории литературы. Известно, что все персидские поэты, имевшие полные «Диваны», т. е. собрания своих стихов, расположенных в строгой последовательности жанров и алфавитном порядке рифм в каждом из них, оформили такие собрания значительное время спустя после того, как выступили со своими первыми опытами; причем некоторые из них, как например, ‘Абд ар-Рахман Джәмӣ (1414—1492) в случае с «ранним» «Диваном» (1463-г.), пересмотрели ранее написанное, внесли в него изменения или не сочли возможным включить эти стихи в состав нового «Дивана». «Диваны» же других до нас просто не дошли, хотя имеются сведения, что они таковые имели, как в случае с Низами Ганджави (ум. 1209 г.). Наконец, третьи не успели при жизни составить личный «Диван», и эту задачу выполнили за них почитатели их таланта либо их друзья, как это произошло с «Диваном» Хафиза Ширази (ум. 1389 г.).³

В подобных ситуациях сборники оказывают значительную помощь филологу-текстологу или литературоведу. Эту помощь трудно переоценить особенно в тех случаях, когда их составители делали извлечения из прижизненных или близких до времени к жизни автора протографов (не говоря уже об автографах). Подчас такие альбомы дают в руки исследователей неизвестные стихотворения (равно как и их варианты и редакции) признанных классиков средневековой литературы. Например, в отмеченном выше «Мунис ал-ахрар» были помещены 13 подлинных руба’й ‘Умара Хайяма, а в «Сафйне» Са’иба Табризи несколько касид и газелей Низами Ганджави из его необнаруженного до сих пор «Дивана». Очень часто стихи, помещенные в сборники, помогают существенно уточнить чтение отдельных слов, мисра’, бейтов, либо порядок последних в том или ином стихотворении или фрагменте маснави. Например, две газели и два кит’а Хафиза Ширази, включенные в «Джунг-и Ахмад-и ва-зир»,⁴ составленный в Йезде в 783/1382 г. при жизни поэта, существенно выправили их текст, представленный в критическом издании Казвини-Гани 1941 г.⁵ и т. п. Во всяком случае простое сравнение материалов сборников с соответствующими им критическими изданиями, а также со старыми надежными списками неизданных сочинений только подтверждает высказанное положение. Вместе с тем всегда следует иметь в виду, что составители нередко вписывали в альбом привлечшие их внимание стихи

с сокращениями от одного до нескольких бейтов, выбирая те строки, которые более всего отвечали бы задуманному составу альбома, его тематической направленности либо которые просто понравились самому составителю. Если принять во внимание, что не все персидские и таджикские поэты претендовали на свой, личный, «Диван», а их произведения расходились только в записях современников, то станет ясно, что лишь благодаря сборникам последние сохранились и дошли до нас и имена их авторов, подчас совершенно забытые последующими поколениями, стали известными через те же сборники. Словом, сборники лишней раз показывают, что *тазкире* — эти своеобразные соединения антологии с биографическим словарем — далеко не отражают всего обилия персоязычной словесности.

Байазы, джунги и маджмӯ‘а составляли и собирали знатоки, любители и ценители поэзии и словесности вообще — выходцы из различных образованных слоев тогдашнего средневекового общества Ирана, Индии и Средней Азии — как непосредственно сами для собственных нужд, так и по их заказу профессиональные переписчики. В первом случае мы смело можем предположить, что в силу индивидуального подхода элемент случайности в подборе поэтов и в репертуаре их произведений будет минимальным для самого составителя. Любитель и знаток отбирал для себя именно то, что он наиболее ценил в произведениях предшественников и современников. В свою очередь, состав каждого сборника позволяет уже нам судить о его вкусах, литературных склонностях и привязанностях, сопоставляя выбранные им стихи классиков и современников. Во втором случае элемент случайности состава, видимо, значительно увеличивается (для индивидуального заказчика), но он, несомненно, более точно отражает запросы и интересы общества, так как профессионалу-составителю, каковым выступал переписчик, они были лучше известны, поскольку ему приходилось выполнять не один подобный заказ.

Следовательно, можно предположить, что сборники подобно стоп-кадру, фиксируют для нас (в определенное время и в определенном регионе) вкусы и оценочные категории составителей, а через них и той общественной среды, выходцами из которой они являлись. Альбомы и сборники, рассматриваемые под таким углом зрения, дают нам возможность установить (конечно, в определенных пределах) критерии, которые исторически сложились в образованных кругах на Среднем Востоке при оценке того или иного стихотворного произведения.

Думается, что только простая статистическая обработка (имя или *тахаллуc* поэта и количество стихотворений по жанрам состава всех расписанных к настоящему времени в каталогах сборников, расположенная строго по месту их составления в хронологическом порядке) даст уже такие результаты, анализ которых поможет нам как бы заглянуть в прошлое и вынести достаточно обоснованное суждение как о степени популярности современных составителю поэтов (или же его предшественников), так и о том, какие именно их произведения вызывали у читателей наибольший интерес.

Конечно, альбомы весьма редко дополняют фактологическим материалом (или исправляют) сведения, приводимые нарративными источниками, либо материалы, содержащиеся в сочинениях самих авторов. Однако они, взятые в массе, своим составом и подбором позволяют нам непосредственно судить о силе и степени воздействия таланта того или иного автора, а также его идей, как на своих современников, так и на последующие поколения. Таким образом, сам факт многократного повторения и течение определенного времени произведений тех или иных авторов или же представителей какого-либо литературного круга в каждом данном регионе сообщает нам имя (имена) «властителя дум» среди различных слоев местного образованного общества. И в этом смысле альбомы и сборники в известной степени имеют идеологическую окраску, так как своим специально подобранным составом отражают идеи и взгляды, господствовавшие в том обществе, в котором они составлялись, в каждом данном месте и в каждый данный момент.

Сборники, как правило, редко имеют авторское название. В своем большинстве они анонимны и отличаются друг от друга значительным разнообразием и несхожестью содержания. Например, подбор произведений только по жанрам (или газели, или рубā'и, или строфические формы, или образцы орнаментированной прозы и т. п.), подбор тематический (например, собрание бейтов, в которых восхваляется красота и телосложение кумира; собрание касид-элегий, посвященных событиям при Кербеле в 680 г., или мученичествам шиитских имамов), подбор произведений поэтов одного литературного круга (например, газнийский первой половины XI в., ширазский второй половины XIV в., гератские первой половины и конца XV в., кокандский первой трети XIX в. и т. д.). Но обычно задуманная схема редко выдерживалась либо доводилась до конца, и в большинстве случаев в результате получались альбомы весьма пестрого состава,

в которых перемешивались как личные увлечения и симпатии составителя с неизбежной данью «модным» и общепринятым литературным веяниям эпохи.

Очень трудно с определенностью говорить о внешнем виде сборников, который бы соответствовал только этому виду книжной продукции на всем регионе Среднего Востока. Сборники были самых разнообразных форм и размеров. И лишь только за небольшими альбомами закрепился строго определенный формат: их размеры по горизонтали вдвое, а то и втрое, превышали размеры по вертикали, т. е. они были узкие и небольшие по размерам, так как считалось, что списками такого формата легче и удобнее пользоваться, а также хранить их во внутренних карманах одежды во время поездок, путешествий и т. п. Некоторые исследователи называют такие альбомы байазами.

Столь же неопределенно и употребление терминов-названий⁶ (байаз, джунг, маджмӯ‘а), которые в персидском языке прилагают к сборникам и альбомам. Как показывает практика, их одинаково применяют, называя любой сборник, вне зависимости от его состава или содержания. Вначале каждый из терминов употреблялся в соответствии с определенным типом сборника и его размером, но, видимо, с течением времени их семантические рамки постепенно размылись и эти термины стали использовать для обозначения сборника вообще.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ The Rāhat-us-Sudur wa Ayat-us-Surur by Muhammad ibn Alí al-Rāwandí ed. by Muhammad Iqbal. London, 1921 (Gibb Memorial Series. New Series. II). P. 57.

² Мунис ал-ахрар фи дака’ик ал-аш’ар, та’лиф-и Мухаммад ибн Бадр Джаджарми. Ба ихтимам-и Мир Салих Табиби. Дж. I. Тихран, 1338/1958. Дж. II. Тихран, 1350/1971. Появившиеся в последнее время новые материалы позволяют предположить, что сборник был составлен в 702/1302 г. и что Бадр Джаджарми был его редактором, а не составителем оригинала.

³ В своей работе неизвестные до сих пор составители опирались на принадлежавший Хафизу байаз, в который поэт собственноручно вносил свои произведения как черновые, так и беловые. Ср.: *Акимушкин О. Ф.* О второй редакции «Диван-и Хафиз» // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. 1972. VIII. С. 143—145.

⁴ Байаз-и Тадж ад-Дйн Ахмад-и вазир. Зир-и назар-и Ирадж Афшар ва Муртаза Таймури. Исфахан, 1353/1974.

⁵ Ср.: Диван-и Шамс ад-Дйн Мухаммад Хафиз Ширази. Ба ихтимам-и Мух. Казвини ва дуктур Касим Гани. Тихран, 1320/1941.

⁶ Об этих терминах см. пояснение Таки Бинаша в: *Rahnema-ye ketab*. 1973. T. 16, № 4—6. С. 266.

ВДОХНОВЕННЫЙ ИЗ РУМА*

*Клянусь Аллахом, я никогда не питал
к поэзии никакой склонности, и в моих
глазах нет худшего занятия, чем она.*

Руми

Руми — один из литературных псевдонимов, под которыми известен величайший иранский поэт-мистик Джалаладдин Мухаммад. Это прозвание по месту жительства, оно означает «Румский», «из Рума», поскольку большую часть жизни поэт провел в Руме, т. е. в Малой Азии. Рассказывают, что, когда отец будущего поэта, решившись навсегда оставить родной Балх, отправился со своими чадами и домочадцами на поклонение святым местам в Мекку и Медину, по пути он сделал остановку в старинном городе Нишапуре. Там он встретился со знаменитым персидским поэтом-суфием Фаридаддином 'Аттаром. Заканчивая беседу, поэт заметил, указав на его малолетнего сына: «Не за горами время, когда сын твой возожжет огонь в сердцах скорбящих о мире». И он подарил мальчику свою поэму «Асрār-нāме» («Книга тайн»), с которой тот не расставался всю жизнь, постоянно перечитывал, находя в ней разъяснения мучившим его сомнениям, ответы на терзавшие душу вопросы. Как же сложилась жизнь этого ребенка из легенды, что в ней правда и что вымысел?

*Не пророк он,
а Книга-откровение у него имеется.*

Джāми

Джалаладдин Мухаммад, чье поэтическое творчество и философско-религиозные взгляды оставили глубокий след в литературе и системе взглядов народов Ближнего и Среднего Востока, который уже при жизни стал легендой, был провозглашен святым, которого так высоко и искренне превозносили и так же яростно опровергали, родился 30 сентября 1207 г. в г. Балхе. Этот ныне не очень приметный городок на севере Афганистана в те далекие времена был крупным и процветающим городом на перекрестке караванных путей из Китая и Индии в Иран и

* Впервые статья была опубликована в кн.: *Джалаладдин Руми. Поэма о скрытом смысле: Избранные притчи.* М., 1986. С. 215—231.

Мавераннахр, он подчинился власти Хорезмшаха 'Алааддина Мухаммада.

Отец будущего поэта Мухаммад ибн Хусайн ал-Хатиби ал-Балхи (1148—1231), более известный как Бахааддин Валад, принадлежал к весьма почитаемому в тогдашнем обществе избранному кругу знатоков мусульманского богословия, Корана и преданий о пророке Мухаммаде. Он был хорошим оратором и снискал себе славу проповедника. Вместе с тем Бахааддин не скрывал своих симпатий к суфизму — мусульманскому мистицизму и разделял идеи суфия-интеллектуала Ахмада ал-Газали (ум. 1126), чьим духовным последователем он себя считал, а также взгляды своего современника суфия-практика Наджмаддина Кубра (ум. 1220). Словом, обширные теологические познания, ученость по меркам того времени создали ему репутацию религиозного наставника и учителя, публичные выступления которого собирали многочисленную аудиторию и содействовали росту его авторитета. Впоследствии он объединил свои проповеди в сборнике, названном «ал-Ма'āриф» («Познания»). Этот сборник, а точнее, разработка им концепций господствовавшего в то время на Ближнем Востоке религиозного мировоззрения — ислама в сочетании с изложением положений суфийской доктрины о возможности познания единосущего бытия, т. е. бога, оказали непосредственное влияние на становление взглядов его сына Джалаладдина, неоднократно штудировавшего труд отца.

Судя по немногим, но достаточно прозрачным намекам, встречающимся в этом сборнике, между Бахааддином Валадом и суровым богословом-схоластом, победителем многих диспутов по вопросам веры при дворе Хорезмшахов Фахраддином Рази (1149—1210) возникли разногласия, в конце концов приведшие ко взаимной нетерпимости и вражде. Династ и его двор поддержали Рази. Враждебность влиятельного при дворе религиозного деятеля таила в себе немалую опасность: известна была зловещая роль, которую Фахраддин Рази сыграл в трагической судьбе мистика Мадждаддина Багдади, уопленного по приказу Хорезмшаха в Амударье в 1209 г. по обвинению в веротступничестве и ереси. Неудивительно, что у Бахааддина возникла мысль покинуть родину, но осуществить свое намерение он смог только после смерти Рази. Разрыв отношений между Хорезмшахом и багдадским халифом, волна гонений против сторонников халифа еще более укрепили Бахааддина в задуманном и побудили его под благовидным предлогом паломничества навсегда расстаться с родными местами. Точная дата отъезда из

Балха нам неизвестна. Предположительно Бахааддин с семьей в сопровождении 40 учеников и последователей выехал между 1214 и 1216 гг., поскольку засвидетельствовано, что в 1217 г. он уже находился в Руме (Малая Азия), где обосновался в г. Малатья — одном из городов государства румийских Сельджукидов. В это время Джалаладдину, будущему поэту, шел одиннадцатый год от роду.

Политическая карта Малой Азии того периода была весьма пестрой. В центре ее сложился Румский султанат Сельджукидов (1077—1307) со столицей в г. Конья (древний Икониум). Это было наиболее мощное государственное образование в регионе, достигшее расцвета в правление 'Алааддина Кайкубада I (1219—1236) и Гийасаддина Кайхосрова II (1236—1245). Именно этот далекий султанат представлялся землей обетованной, где царят покой и достаток, тем многочисленным беженцам из Мавераннахра и Ирана, что устремились туда в надежде обрести спасение от насилий степных орд, ведомых Чингис-ханом. В городах султаната нашли приют множество людей: ремесленники, ученые, деятели культуры. Но спокойствие, царившее, казалось, в этой части мусульманского мира, было обманчивым. Дело в том, что политико-экономический фундамент Румского султаната составляли две структуры: кочевые племена, располагавшиеся на периферии, и оседлое население военно-ленной системы, господствовавшей в земледельческих районах и городах страны. Сочетание этих структур определяло противоречия, возникавшие в процессе феодализации страны. Племена находились на различных стадиях перехода к оседлости и ослабления родо-племенных связей, и становление в их среде феодальных отношений протекало далеко не безболезненно. Настойчивые попытки центральных властей поставить их под свой контроль не привели к успеху: кочевая вольница контролю не поддалась. Военно-ленная структура, доставшаяся султанату в наследство от государства Великих Сельджуков, охватывала круги феодальной знати, объединившейся вокруг династии, оседлое (часто иноверческое) крестьянство и города с их ремесленным производством и торговлей. Противоречия между различными общественными структурами со всей наглядностью проявились в широком, разномастном по своему социальному составу восстании Баба Йсхака (1239 г.), до основания потрясшем весь султанат. Едва успели власти подавить эту яростную вспышку народного гнева, как далекие прежде татаро-монголы появились на границах Румского султаната. В битве при Кёседаге (1243 г.)

они наголову разбили сельджукские войска, султанат потерял самостоятельность, признав свой вассалитет; вся полнота власти сосредоточилась в руках монгольских военных наместников. Спустя три месяца татаро-монгольские отряды ушли в Иран, опустошив Рум, сровняв с землей и разрушив многие города и крепости этой страны, истребив и угнав в плен десятки тысяч жителей. В стране начался период междоусобиц. К концу XIII в. Румский султанат распался на десяток отдельных княжеств, а в 1307 г. окончательно прекратил существование.

Многие из описанных выше событий так или иначе отразились на жизни Джалаладдина. Вскоре после приезда в Рум семья Бахааддина переселилась из Малатьи в г. Сивас (в 1219 г.), затем в Акшехир, где они провели немногим более трех лет, после чего, видимо, в 1222 г. переехали в г. Ларенда (ныне Караман), где оставались около семи лет. В этом городе умерла мать Джалаладдина Мумине-Хатун, здесь же он в 1225 г. женился на Джаухар-Хатун — дочери Шарафаддина Лала Самарканди, и здесь же год спустя родился его первенец Султан-Велед, который впоследствии напишет поэму «Валад-наме» («Книга о Валаде»), стихотворную биографию деда и отца, и бережно, по крупицам соберет наставления, сентенции и изречения Джалаладдина, назвав их «Фйхи ма фйхи» («В нем то, что в нем»).

Ровно и размеренно текла жизнь в Ларенде, как вдруг снова перемена мест: к Бахааддину прибыл личный посланец правителя Румского султаната 'Алааддина Кайкубада I с предложением занять почетный и высокий пост руководителя одного из самых популярных медресе (высшего конфессионального училища) в Конье. Бахааддин недолго раздумывал: он принял это лестное приглашение. В 1228 г. он переехал в Конью и умер там 23 февраля 1231 г. Конья, где, по арабской легенде, когда-то был погребен прах древнегреческого философа Платона, ко времени приезда Джалаладдина уже более ста лет служила столицей султаната. В городе только что возвели новый, отличавшийся пышностью и великолепием дворец султана, отстроили новую цитадель. В 1220 г. Кайкубад завершил строительство соборной мечети, начатое еще его предшественником Кайкаусом I. Слава о благоустроенных и богатых медресе города привлекала туда студентов из Египта, Сирии и Ирака. Словом, культурная и религиозная жизнь в столице была ключом.

После смерти отца двадцатичетырехлетний Джалаладдин занял его пост в медресе и, таким образом, сразу же вошел в круг местных религиозных авторитетов. Однако, по представле-

ниям того времени, он был слишком молод, чтобы читать проповеди в соборной мечети по пятницам, обучать детей местной знати и богатых горожан основам богословия, религиозного права и толковать Коран. Мы не располагаем сведениями об объеме и систематичности образования, полученного Джалаладдином к этому времени. Скорее всего в связи с частыми переездами его воспитанием и обучением занимался сам отец, чью книгу «ал-Ма‘āриф» он постоянно перечитывал от первой до последней страницы. В Конье вокруг Джалаладдина собрались все наиболее влиятельные и известные ученики и последователи его покойного отца, чтобы поддержать словом и делом сына своего учителя. В 1232 г. приезжает из Термеза член мистического братства Кубравийа, единомышленник Бахааддина Саййид Бурханаддин Мухаккик и целиком посвящает себя духовному воспитанию Джалаладдина, который был его учеником-муридом около девяти лет. Бурханаддин посвятил его в сокровенные тайны мистического «Пути», раскрыл перед ним сущность концепций суфизма, основанных на идее постижения скрытого от непосвященных «знания» через собственный психологический опыт. Видимо, в этот период Джалаладдин встретил откровения Бурханаддина весьма прохладно, поскольку его больше привлекала мысль получить полное и систематическое религиозное образование, которое обеспечило бы ему материальный достаток и твердое положение в конийском обществе. С этой целью он отправился в Сирию, где в Алеппо и Дамаске — центрах мусульманской учености и религиозного знания — провел в общей сложности около семи лет. По возвращении в Конью он застал там на престоле Гийасаддина Кайхосрова II, сменившего Кайкубада I, который закрепил за ним должность главы медресе.

Последующие пять лет (1240—1244) жизнь Джалаладдина текла ровно, казалось, по раз и навсегда заведенному порядку. Он был обеспечен и устроен, имел дом и семью, читал лекции в медресе, солидные и добропорядочные проповеди в соборной мечети. Его часто можно было видеть на улицах Коньи, когда он степенно выступал или восседал на муле в почтительном окружении учеников и студентов, облаченный в традиционную одежду знатока мусульманского вероучения — широкую, просторную мантию, с внушительной чалмой на голове. Впоследствии он едко и зло высмеивал ту категорию тогдашнего общества, к которой когда-то принадлежал сам. В эти же годы до слуха его будто бы не доходили грозные раскаты социальных и политиче-

ских бурь, гремевших над страной. Он не слышал ни требований социальной справедливости восставших под руководством Баба Исхака, ни топота копыт монгольской конницы, ни плача угоняемых в рабство соотечественников. Все эти события пронеслись мимо, не затронув его: ни в его собственных произведениях, ни в поэмах его сына не встречается ни единого намека на них. Любопытно, что на это обстоятельство обратили внимание более поздние биографы Джалаладдина и поспешили украсить эти пустоты в его биографии легендами о том, как святая сила Джалаладдина помогала людям в их борьбе с монголами. Сам же Джалаладдин вполне был удовлетворен развернувшейся перед ним перспективой престижной по тем временам карьеры популярного и преуспевающего религиозного деятеля, окруженного вниманием общества.

Неоднократно обращался он к мысли написать свой комментарий на Коран или же начать кропотливую работу над собственным сборником изречений Пророка, снабженным обширными пояснениями, или сводом своих лучших проповедей, написанных элегантною прозой в полном соответствии с литературным этикетом. Но даже предположение о том, что он станет поэтом, видимо, показалось бы ему невероятным. Как сам Джалаладдин откровенно высказал в одной из записанных бесед с учениками, занятие поэзией не пользовалось ни малейшим уважением в кругах духовенства в его родном Хорасане. Он говорил: «...пребывая в состоянии столь всепоглощающей любви, что, когда друзья (т. е. хорасанцы. — *О. А.*) приходили ко мне, я в страхе, что они могут помешать мне, творил и читал стихи, дабы этим увлечь их. А иначе для чего мне нужна была бы поэзия? Клянусь Аллахом, я никогда не питал к поэзии никакой склонности, и в моих глазах нет худшего занятия, чем она <Но сейчас> она стала обязанностью, возложенной на меня <свыше>...» («Фйхи мĀ фйхи», § 16).

И вдруг все неожиданно изменилось. Наступил перелом, вызванный духовным взрывом, перелом резкий, для окружающих Джалаладдина выглядевший чуть ли не душевной болезнью: Джалаладдин, степенный проповедник и мусульманский богослов, исчез. Встреча с бродячим суфийским проповедником Шамсадином Мухаммадом Табризи всколыхнула его душу, перевернула всю его жизнь. Радость от общения с Шамсом, любовь к нему, искренняя и чистая, охватившая Джалаладдина, сделали его другим человеком, раскрыли в нем подспудно дремавшие чувства и страсти, существование которых никто,

включая и самого Джалаладдина, и не предполагал. Он признал Шамса Табризи своим духовным наставником, стал его послушником и учеником: Шамс олицетворял для него целый мир.

В личности Шамсаддина Табризи, тогда уже немолодого, шестидесятилетнего человека, много таинственного. В источниках его образ как бы соткан из тайн: он неожиданно возник и столь же внезапно (для большинства современников) исчез, чтобы больше не появиться. Многие исследователи вообще считали эпизод с исчезновением Шамсаддина, кардинально изменивший всю жизнь Джалаладдина и ставший для него подлинной душевной трагедией, кровоточащей раной сердца, еще одной красочной легендой, которыми полна классическая персидская литература. Однако Шамсадин Табризи — историческое лицо. Мистик, близкий по своим воззрениям братству каландаров, он бродил по странам Ближнего Востока, проповедуя идеи суфизма. Он отрицал любые ритуальные и культовые предписания, призывал к духовной чистоте и считал необходимым непосредственное общение с народом. Суфий, он яростно нападал на рационализм теологии и схоластической философии, не признавал религиозных различий и звал к миру между людьми разных вероисповеданий, утверждая, что сущность любой религии заключается в вере в бога, а не в ритуальных ее отправлениях. Такова вкратце суть его изречений, вошедших в недавно опубликованный сборник «Макālāt» («Речения»), составленный его учениками (Макалат-и Шамс-и Табризи / Изд. М. М. Мо'аххеда. Техран, 1358/1979).

26 ноября 1244 г. бродячий дервиш Шамсадин Мухаммад, уроженец Табриза, вдруг появился в Конье, куда пришел из Дамаска, и остановился на постоя в караван-сараях торговцев сахаром. Спустя некоторое время он вышел на улицу, сел около ворот. Еще издали он увидел, что в его сторону направляется верхом на муле процветающий, судя по внешнему виду, факих, окруженный толпой почтительно шествующих рядом учеников и студентов. Когда эта процессия поравнялась с дервишем, тот встал и, обратившись к Джалаладдину (а это был именно он), спросил: «Скажи мне, кто более велик из всех слуг Господа: пророк Мухаммад или же Байазид из Бистама?» Услышав в ответ, что и речи быть не может — конечно же, Мухаммад, поскольку в Коране записано, что он — «печать пророков», т. е. последний пророк, посланный к людям, он возразил: «Тогда как же понять слова Мухаммада, который изрек: “О боже, мы не знаем тебя так, как должно было бы знать на самом деле”».

А Байазид восклицал: “Преславлен я! Преславлен я! О, сколь велико мое могущество!”.

Джалаладдин был потрясен этими словами. В этом уже по-жилом дервише он вдруг увидел совсем иного человека: с такой судьба его еще не сводила. Он пригласил пришельца в свой дом при медресе и с той минуты практически отгородился от внешнего мира. 16 месяцев Джалаладдин, словно прилежный послушник, провел в долгих беседах с Шамсом, внимая его поучениям и откровениям. Шамсаддин стал для него олицетворением всеобъемлющей Любви, горячая дружба и духовная близость с ним открыли ему новый мир, неведомый доселе, — мир мистических переживаний, страстей и психофизических упражнений. Следует напомнить еще раз, что Джалаладдин жил в эпоху средневековья и что при всем своем таланте он был сыном своего времени, в котором господствовала лишь одна форма идеологии — религиозная. Именно так пишет об этом периоде истории человечества Ф. Энгельс: «Мировоззрение средних веков было по существу теологическим». И еще: «Средние века присоединили к теологии и превратили в ее подразделения все прочие формы идеологии: философию, политику, юриспруденцию. Вследствие этого всякое общественное и политическое движение вынуждено было принимать теологическую форму. Чувства масс вскормлены были исключительно религиозной пищей» (*Маркс К., Энгельс Ф. О религии. М., 1955. С. 203, 206.*)

Одной из разновидностей этого мировоззрения стал мусульманский мистицизм — суфизм, получивший, кроме того, широкое развитие и как выражение средневековой антифеодальной оппозиции на Востоке. Мы далеки от мысли предлагать здесь определение суфизма как системы, поскольку пока еще в науке не сложилось единого мнения относительно этого чрезвычайно сложного, многопланового и пестрого по своему составу течения, охватившего весь мусульманский мир и проникшего в Испанию, Сицилию и на Балканы. За исключением раннего этапа своего развития (VIII — середина IX в.), когда суфизм, отделившись от аскетизма, превратился в самостоятельное философско-религиозно-этическое учение, он никогда не был единой, четко сформулированной и строгой системой взглядов. Особенно это относится ко второму и последующему этапам его эволюции (X—XI — конец XI—XIV вв.), когда суфизм органически вобрал в себя и адаптировал идеи античной мистико-идеалистической философии и христианской теологии, сочетав их с местными культовыми традициями. Поэтому под суфизмом

обычно подразумевают не одно, а множество течений, школ и ответвлений, представленных целым спектром разнообразнейших положений и идей мистического «Пути», которые объединяет только концепция конечной цели. Методы же достижения этой цели (психотренинг, физические упражнения) были самыми разнообразными, а иногда просто полярными. Словом, суфизм — это особое религиозно-философское мировоззрение в рамках ислама, представители которого считали возможным непосредственное и прямое духовное общение (или же соединение) человека с божеством, достигаемое путем экстаза или внутреннего озарения, ниспосылаемых человеку, идущему по пути к богу с любовью к нему в сердце, через личный опыт. Подобные течения в эпоху средневековья не были редкостью, и мистика проникала практически во все крупные религиозные системы (иудаизм, христианство, буддизм, индуизм).

Цель жизни суфиев — мусульманских мистиков — мистическое познание божества. Этому религиозному идеалу были подчинены и все их помыслы и поведение. Их концепция мистического «Пути» исходила из идеи нравственного очищения и совершенства человека, который для этого должен был пройти серию устойчивых этико-моральных и кратковременных, возникающих как мгновенная вспышка света психических состояний. Идеи суфизма стремительно распространились по всему мусульманскому миру, несмотря на открытую (порой яростную) борьбу с ним официального духовенства. Эти идеи внесли в ислам известную духовность, смягчив его жесткий рационализм, заставили по-иному взглянуть на человека, его роль и место в обществе и природе. В этой связи многие исследователи склонны видеть в суфизме не только религиозную философию, но и массовую религию ислама. Одним из самых распространенных в нем является направление, основанное на концепции «единобытия», «единосущности» (*вахдат ал-вуджуд*), окончательная философская разработка которой связана с именем выходца из Андалузии мистика Ибн ал-'Араби (1165—1240) — старшего современника Джалаладдина Руми, проведшего почти всю жизнь в арабских странах Ближнего Востока.

В сущности, это теософская концепция «мистического монизма», но отнюдь не пантеизма, от которого она весьма далека. Это видно хотя бы из того, что пантеизм признает нераздельным существование бога в природе и природы в боге. А у Ибн ал-'Араби бог как высшая единосущная реальность трактуется в двух аспектах: в скрытой, неоощущаемой и непознаваемой форме

(*батин*), которую невозможно определить и которая не допускает никакой множественности, и в явной форме (*захир*), где эта реальность проявляется во всем многообразии и множественности существ, сотворенных ею по своему подобию. Следовательно, поскольку бог — единоличный творец, создающий мир по своей прихоти, то не может быть сосуществования бога и природы друг в друге; бог абсолютно непознаваем, он недоступен человеческому разумению, а природа — иллюзорна. Это — «интеллектуальный» суфизм, царство идеалистической теории.

Помимо «интеллектуального» существовал и суфизм «прагматический», представленный многими течениями и направлениями, которые сводятся к двум основным школам. Обе они разрабатывали идею возможности общения с божеством. Первая считала доступным общение человеческой души с богом в экстатическом трансе, который ниспосылался как результат углубленной медитации и постоянного повторения в состоянии созерцания имен бога. При этом душа личности не теряла своих субстанциональных качеств, хотя на какое-то мгновение и отключалась, теряла самое себя. Вторая же школа утверждала, что душа в эти мгновения полностью сливается с божеством, отождествляет себя с ним, теряет не только свои индивидуальные признаки, но и субстанциональные качества и приобретает божественные. Первая школа получила название школы «трезвости», т. е. трезвого, критического отношения к своим экстатическим состояниям-видениям и полного контроля над ними. Она в принципе признавалась нормативным исламом, но вот вторая — школа «опьянения», «экстатического восторга» — вызывала яростную реакцию у духовенства, которое обвиняло ее представителей в вероотступничестве, ереси и в претензии на тождество с богом.

Социальной базой суфизма служили бедные и средние городские слои: мелкие торговцы, среднее купечество, ремесленники, мелкие чиновники, низшее духовенство, студенты; из их числа рекрутировались ученики-послушники (*мурид*) суфийских братств и орденов. Тесная связь между суфийскими общинами и ремесленными и купеческими объединениями обеспечивала первым материальную поддержку и социальную опору в массах. Суфизм же стал выразителем идеологии средних и бедных городских слоев. Правда, это соотношение на разных этапах эволюции суфизма в разных регионах мусульманского мира допускало некоторые колебания. Но тот факт, что идеология суфизма привлекла к себе внимание и симпатии широчайших масс, что

суфизм, выдвинув ряд этико-религиозных положений и концепций, практически противопоставил себя официальному исламу, который был неразделим с феодальной государственной машиной, составляя с ней монолитную теократическую систему, позволяет говорить, что суфизм находился в оппозиции к правящей верхушке.

Многие братства и общины считали главной своей заповедью полный отказ от каких-либо контактов с властями. Подавляющее большинство народных восстаний, происходивших в Малой Азии, Иране, Мавераннахре в XII—XIV вв., возглавлялось суфиями. Что же касается мистического движения в Румском султанате (и — шире — в Малой Азии) в эпоху, когда там жил и творил Джалаладдин, то мы имеем полное основание утверждать, что, опираясь на поддержку широких городских слоев (а городов в регионе было много, и они обладали ощутимым влиянием) и имея тесные контакты и связи с тайными профессиональными объединениями ремесленников (*футувва*), суфизм выступал там как весьма влиятельное религиозно-философское движение с явными антифеодальными настроениями. Словом, до XVI в. вряд ли исторически оправданно считать суфизм реакционным социальным течением. Несмотря на ряд антисоциальных, по существу, положений (уход от мира, упование на бога, довольство малым, возведенные в абсолют, естественно, становились антисоциальными), суфизм долго сохранял свой оппозиционный характер, хотя порой и приобретал консервативные черты.

Но вернемся к Руми. Идеи и взгляды Шамсаадина упали на благодатную почву. Горячая и искренняя привязанность Джалаладдина к дервишу не позволяла ему разлучаться с последним. Джалаладдин забросил занятия в медресе, учеников, редко виделся с домочадцами. Это вызвало недовольство: сначала тихий ропот, а затем все более явственные угрозы по адресу Шамсаадина, закончившиеся неудачным покушением на его жизнь. Понимая, что ученики на этом не остановятся, Шамсаадин 11 марта 1246 г. тайно покинул Конью и бежал в Дамаск. Расстроенный Джалаладдин бросился на розыски и, узнав, что Шамсаадин в Дамаске, отправил за ним сына Султан-Веледа, единственного, кому он доверял, со страстной стихотворной мольбой вернуться. Шамс и Велед пешком возвращаются в Конью. Ученики встретили Шамса враждебно — угрозы физической расправы возобновились. Сам же Джалаладдин был на седьмом небе от счастья, так и светился радостью. Но недруги Шамсаадина не

дремали, и однажды он исчез — теперь уже навсегда. Это произошло в середине 1247 г. Источники сохранили несколько версий, объясняющих его исчезновение, в том числе и такую: он был заколот кинжалом по наущению (или при личном участии) младшего сына Джалаладдина — ‘Алааддина; тело дервиша, брошенное в колодезь, обнаружил Султан-Велед и предал его земле на конийском кладбище. Происшедшее скрыли от Джалаладдина. Он впал в полное отчаяние и, надеясь отыскать Шамса, дважды ездил в Дамаск. Мы знаем о переживаниях поэта со слов его сына Султан-Веледа, который трогательно и проникновенно описывает их в поэме «Валад-наме».

Отчаяние и ужас Джалаладдина, осознавшего, что он навеки потерял друга, были столь глубоки, что домашние всерьез боялись за его рассудок. Джалаладдин не сошел с ума, но и не вернулся к прежнему. Он стал поэтом. Подлинным поэтом, пережившим боль утраты и разлуку с другом и осознавшим свою трагедию. Джалаладдин Руми, видимо, и до встречи с Шамсадином Табризи пробовал свои силы в поэзии. Но именно дружба с Шамсом, а затем исчезновение друга, столь его потрясшее, высвободили дремавший гений. Руми тонко и обостренно воспринимал окружающее благодаря природной экзальтированности. Он стал слагать образные и красочные стихи, полные мистической символики, но проникнутые и искренним человеческим чувством. Большая часть этих стихотворений, вошедших в его «Диван», «подписана» именем Шамс: этим поэт хотел показать, что Шамс не исчез бесследно, он лишь сокрыт, живет в его душе, говорит его языком.

Неотъемлемой чертой таланта Джалаладдина была его музыкальная одаренность и необыкновенное чувство ритма. Особую склонность он проявлял к свирели, которой посвятил проникновенные строки в прологе к поэме. После исчезновения Шамса Джалаладдин все чаще устраивает общие собрания и совместные молитвы основанного и организованного, но никогда не возглавлявшегося им суфийского братства, где под музыку распевали его стихи-газели, написанные специально для этого ритуала либо навеянные атмосферой последнего. Таких стихов очень много. Впоследствии Джалаладдин ввел в этот ритуал танцы, символизировавшие для него поиски исчезнувшего Шамса, надежду на встречу с ним и крушение этих надежд. Подобные радения получили название *сама*’. В повседневную практику суфийских общин они вошли задолго до того, как Руми использовал *сама*’ в своем братстве. Суфии понимали силу

эмоционального воздействия музыки, ее влияние на настроения и чувства людей. Но Джалаладдин первым ввел музыку и танец в ритуал общих собраний дервишей Коньи и первым же применил ее в медресе. Отметим, что почти все поэтическое наследие Руми представляет собой результат переполнявших его экстатических чувств, возникавших в процессе радений под музыку.

Ритуал радения в братстве складывался постепенно и был канонизирован при потомке Руми Пир 'Адиле Челеби (ум. 1460). Радение стало своего рода театрализованным представлением с неизменными режиссурой и сценарием, строгим чередованием ритма танца, сопровождаемого пением, сменой направления вращений и прыжков, перемежающихся паузами. Весь этот сложный и детально разработанный ритуал приводил в конце концов к массовому экстазу и трансу, в который впадали как сами участники, так и многочисленные зрители. В Западной Европе братство «Мавлави», практиковавшее это радение, стало известно как «орден кружащихся дервишей».

Джалаладдин уже не мог жить без человека, который вдохновлял бы его, напоминал бы ему потерянного друга. И вот в 1249 г. он объявил, что Шамсаддин возвратился, приняв облик ученика золотых дел мастера из Коньи Салахаддина Фаридуна Заркуба. Скромный, приятный внешне молодой человек, не получивший никакого образования, был назначен им старшим среди учеников, своим заместителем (*халифа*). Последние возмутились, и уже возник заговор с целью его убийства, когда Джалаладдин пригрозил, что он навсегда покинет медресе и Конью, если Фаридуна причинят зло. Конфликт был улажен, зачинщики покаялись. Но 29 декабря 1258 г. Салахаддин умер. Поэт горестно замечает в одной из газелей: «Опустилось солнце, но поднялась луна, и ее тоже закрыли облака». Эта знаменитая строка завершается словами «но взошла звезда». Звездой оказался Хусамаддин Хасан, ставший младшим другом и искренним помощником поэта. Именно ему обязана персидская словесность появлением знаменитой поэмы в шести частях-тетрадах — «Маснавй». Он вдохновил Джалаладдина написать ее, обратившись к нему с просьбой от имени всех учеников. Хусамаддин как тень всюду следовал за своим учителем. При нем всегда были писчие принадлежности, и, что бы ни декламировал Джалаладдин днем или ночью, на улице, дома, в медресе, на радении, даже в бане, когда к нему являлось вдохновение, Хусамаддин тотчас записывал это. Затем он перечитывал записанное поэту, тот корректировал и шлифовал стихи, а Хусамаддин пе-

реписывал их набело. Поэма была начата не ранее 1258 г., и первая ее часть закончена к 1261 г.

Затем в работе наступил двухлетний перерыв: умерла жена Хусамаддина, и он долго не мог работать. В 1263 г. работа возобновилась и шла уже без остановок. Последняя, шестая тетрадь была завершена около 1270 г. Поэт отдал своему сочинению 12 лет непрерывного труда. Бытует мнение, что Джалаладдин сознательно недописал поэму, которая действительно обрывается на кажущемся незаконченным рассказе о человеке, завещавшем состояние самому ленивому из своих трех сыновей. Однако известно также, что незадолго до кончины он еще раз полностью скорректировал «Маснавӣ». Сын и Хусамаддин по очереди читали ему его произведение, а он уточнял чтение, исправлял неясности, устранял возможные расхождения в понимании того или иного пассажа или стиха, старался предусмотреть даже произношение отдельных слов.

Помимо великой поэмы, содержащей, по словам биографов, 26 640 бейтов (научное издание которой, предпринятое в 1925—1940 гг. известным английским востоковедом Р. Никольсоном в восьми томах, содержит 25 632 бейта), до нас дошли: 1) «Дивāн-и Шамс» («Собрание стихотворений Шамса»), изданный крупнейшим иранским знатоком творчества Руми Бади аз-Заманом Фарузанфаром в Тегеране в восьми томах в 1957—1963 гг. и содержащий около 60 тыс. строк; 2) три прозаических сочинения: бережно записанные сыном высказывания «Фйхи мā фйхи» («В нем то, что в нем»), «Мавайз-и маджлис-и сабā» («Наставления, произнесенные во время семи маджлисов») и «Мактубāt» («Письма»). Эти сочинения были изданы в Тегеране и Стамбуле в разное время.

Джалаладдин Руми скончался в Конье 17 декабря 1273 г. и был похоронен рядом со своим отцом в мавзолее, возведенном еще при 'Алааддине Кайкубаде I.

*'Аттар был духом, Санаи — его очами, —
Мы пришли вслед за 'Аттаром и Санаи.*

Руми

Джалаладдин не создал своей особой системы философских взглядов, равно как и оригинального мистического «Пути». Тропу, по которой он шел, проторили его предшественники. Но, вступив на нее блестяще подготовленным и превосходно образованным, он и поныне выделяется среди светил персидской поэзии своей интеллектуальной и поэтической одаренностью.

Он отлично знал поэмы Санаи и 'Аттара, свободно ориентировался в сочинениях ал-Мутанабби и ал-Халладжа, его волновали полные «божественного неистовства» мистические откровения Байзида Бистами. Он, несомненно, был знаком с трудами ал-Газали, который в своей эклектической религиозно-этической системе свел воедино с мистицизмом элементы исламского традиционализма и рационализма. Можно только гадать, слушал ли он в бытность свою в Дамаске и Алеппо лекции теософа и творца теории «экзистенциального монизма» Ибн ал-'Араби. Но идеи Ибн ал-'Араби, безусловно, были ему известны — это показывает его «Маснавӣ». В принципе Руми больше привлекала практика суфийского «Пути», хотя он и не чурался концепций «интеллектуального» мистицизма.

Естественно, Джалаладдин был глубоко религиозным человеком, хотя трудно назвать его сторонником или последователем какой-то определенной суфийской школы. Он жил в ту эпоху, когда человек лишь через призму религии и богословия осознавал свое предназначение, свое место в мире и в обществе. Поэтому Руми постоянно стремился соединить в своем творчестве земное и идеальное, человеческое и мистическое. Он, подобно всем мистикам, пытался понять и разрешить силой своего поэтического гения одну задачу — проблему взаимоотношения человека и божества. Увы, ему не дано было постичь, что такой проблемы просто не существует, она иллюзорна. С его точки зрения, совершенство всего созданного в мире воплощается в человеке, который, постигая Истину, завершает один период развития и тотчас же начинает другой. Но Джалаладдин обладал великим поэтическим даром. Его экстатические видения, которые он воспроизводил в поэтических образах, отнюдь не напоминают последовательный ряд логических суждений, выстроенных разумом. Его стихия — вдохновение и экстаз. Особенно это ощущается в его газелях. В этой связи точно подметил Р. Никольсон: «Руми — поэт и мистик, он не философ и мыслитель. У него нет системы, но он создает эстетическую атмосферу, которой претит анализ» (Mathnawî, VII, с. IX).

Коран это на персидском языке.

Джāми

*Сии слова — это лестница, ведущая в небеса.
Всякий, кто по ней пойдет, достигнет высот.*

Руми

Рассказывают, что однажды Хусаматдин, хорошо осведомленный о настроениях и думах учеников Джалалатдина, улучил момент и, обратившись к нему, сказал: «Господин наш, не могли бы вы создать произведение, похожее на поэмы Санаи и Аттара, в котором бы стихами рассказали все то, что вы поясняете ученикам во время занятий и бесед? В ваших газелях это имеется, но хотелось бы, чтобы положения мистического Пути были бы изложены последовательно в одной книге». Маулана тут же вынул из складок тюрбана сложенный лист бумаги, где он собственноручно написал первые 18 бейтов «Маснави́», и передал его Хусаматдину. Это был пролог «Маснави́» — знаменитая «Песнь свирели». Так начиналась поэма.

Это легенда, но, как считают, весьма близкая к действительности. Ее передают практически все наиболее достоверные источники, касающиеся жизни Джалалатдина Руми.

«Маснави́» — вершина творчества поэта, сочинение, задуманное и осуществленное им как стихотворное (для легкости усвоения) руководство для членов неформального братства, основанного им около 1240 г. Еще задолго до того, как ‘Абдаррахман Джамӣ (1414—1492) — сам поэт и мистик — назвал поэму «Кораном на персидском языке», не только ученики Джалалатдина и члены братства «Мавлави», но и многие другие приверженцы идеи эзотерического знания восхваляли и превозносили ее. Суфизм создал немало «вдохновенных» произведений, близких по содержанию, но мы можем смело утверждать, что ни одно из них не получило такого распространения (только рукописей на языке оригинала дошло до наших дней более 500), не изучалось так внимательно и не вызывало столь многочисленных откликов (в виде комментариев, переложений и переводов), как «Маснави́». Поэма содержит 25 632 бейта, что даже по меркам персидской классической поэзии позволяет считать ее весьма внушительной. Объем ее почти достигает «Илиады» и «Одиссеи» Гомера, вместе взятых, он вдвое больше «Божественной комедии» Данте, косвенно испытавшего на себе влияние эсхатологических представлений мусульманского мистицизма, но, конечно, уступает (также вдвое) объему «Шāх-нāме» Фирдоуси.

«Маснави́» поражает эрудицией Джалалатдина и разнообразием источников, откуда он черпал сюжеты своих притч и рассказов. Привлечено более полутора ста произведений! И это не считая непосредственных авторских обращений к фольклору различных народов. Например, сюжет притчи о мухе-кормчем был навеян двумя строками из сатиры арабского поэта Абӯ

Нувāса (IX в.) на Джа‘фара Бармакида. Джалаладдин, как уже говорилось, поэму не писал, он диктовал ее, начитывая по вдохновению, в состоянии эмоциональной приподнятости. Поэтому в «Маснавī», безусловно, присутствует импровизационный момент. Считается, что поэма создавалась импульсивно, без четкого плана, по наитию, что она лишена композиционного каркаса и единого сюжетного стержня, подобна лабиринту. Действительно, архитектоника «Маснавī» сложна и многопланова. Она еще более усложняется тем, что Руми, следуя за своими предшественниками Сааи и ‘Аттаром, создавал поэму в дидактическом жанре, излюбленной формой которого является притча, назидательный рассказ. Импровизационность «Маснавī» приводила к композиционной инверсии в порядке следования притч, которые должны были иллюстрировать многочисленные теоретические положения автора, но подбирались они по принципу ассоциативных связей, иногда нарочито затемненных. Иллюстрации образуют длинную цепь следующих друг за другом или вытекающих друг из друга остроумных и мастерски написанных притч-рассказов. В ряде случаев основная история, давшая начало серии притч, становится как бы рамкой, окаймляющей рассказы, а вся серия превращается в стихотворную обрамленную повесть. Подобных повестей можно насчитать в «Маснавī» более 30 (причем некоторые весьма значительны по объему). Иногда прерванное повествование такого рассказа возобновляется спустя много страниц (ср. серию толкований коранических преданий о библейском Моисее в кн. 2, 3—4, 6).

Следует помнить, что Джалаладдин, работая над «Маснавī», исполнял своеобразный социальный заказ — просьбу учеников написать версифицированное руководство по мусульманскому мистицизму. Естественно, что часто он обращается к Корану — фундаменту мусульманского эзотеризма и преданиям (*хадис*) о пророке Мухаммаде. 760 раз цитирует он стихи Корана, нередко переводя их на персидский язык, в 745 случаях приводит 703 *хадиса*. Аллегорически толкуя стихи Корана, прибегая для подкрепления своих пояснений к хадисам, он раскрывает перед читателем сокровенный, «тайный» смысл отдельных стихов Корана и легенд о пророках, признаваемых таковыми коранической традицией, в рамках и символах суфийских концепций. Большой частью схема объяснения того или иного морально-этического либо суфийского положения в «Маснавī» такова: теза (мистический постулат), затем ее подтверждение (коранический стих или *хадис*), затем иллюстративный пример (притча, рассказ, новелла

в миниатюре), затем вывод (в виде сентенции или наставления). Итак, творческий метод Руми в «Маснави» обнаруживает черты устойчивости.

В последние годы пересматривается и утверждение о хаотичности изложения в поэме основных идей и доктрин суфизма. Европейский ориенталист Ю. Болдик указал на тот факт, что по своей структуре (в мистическом контексте) «Маснави» очень близко к поэме 'Аттара «Илāхй-нāме» («Книга о божестве») и точно так же четко делится на три достаточно обособленные части, границы которых обозначил сам Джалаладдин названиями первых и последних историй в каждой части. Схема, предлагаемая Ю. Болдиком, такова. Первая часть «Маснави» посвящена чувственной душе, правящим человеком страстям, от которых ему, коли он встал на путь поисков бога и Истины, надлежит избавиться (это содержание первой тетради), поскольку низменные чувства суть зло и обман и наваждение Сатаны (содержание второй тетради). Вторая часть включает третью и четвертую тетради, которые сам Руми объединяет последним рассказом «О вероломном влюбленном» и общей рамкой пространного повествования о пророке Моисее. Основная тема этой части, в которой ангел сменяет Сатану, действующего в первой, — соотношение абсолютного Разума, человеческого ума и знания. Третья часть (тетради пятая и шестая) объединена темой утверждения единосущего Бытия и отрицания бытия человеческого. В ней объясняются мистические концепции абсолютного Духа и предвечного Света-Истины, положение о *фана* (полном исчезновении, растворении личности в божестве) и утверждается первостепенная важность фигуры шейха — наставника на мистическом «Пути» познания, которая у Руми, как представляется, до определенной степени замещает абсолютный Дух.

На первый взгляд это трехэтапная система «Пути», принятая у суфиев, но более всего предложенная схема напоминает триаду эллинистического философа-идеалиста Плотина — всеобщая Душа, всеобщий Разум, Единосущный. Таким образом, в «Маснави» наблюдается наличие трех взаимосвязанных и переплетающихся структур: мистической, общемусульманской, основанной на Коране, и художественно-иллюстративной, представленной множеством широко распространенных на Востоке притч, анекдотов и историй, которые несут основную нагрузку при объяснении понятийного аппарата Джалаладдина Руми.

Как известно, творение Руми получило исключительную популярность. И дело не только в том, что он создал емкое «руко-

водство», в котором обосновал теорию и практику мистицизма, но и в том, что он мастерски изложил весьма сложные философские концепции простым, изящным и доходчивым языком. Поэтическое мышление Руми неповторимо, он — истинно великий поэт. В языке его поэзии нет нарочитых украшений, нет надуманных и искусственных стилистических красот и тропов, нет той этикетности языка, которая столь обычна для большинства средневековых поэтов Востока, — он свеж и ясен. Однако творческий процесс создания «Маснави́» не был ровным, он шел скачкообразно. Джалаладдин сам неоднократно указывает на это обстоятельство. То он, не зная усталости, денно и нощно, запоем диктовал стихи Хусамаддину, то наступал эмоциональный спад, периоды вдохновения сменялись глубокой меланхолией, и он подолгу не возвращался к своему детищу. Он жалуется на муки, которые вызывают у него мысли о том, «как соблюсти рифму или построить стих». «Слово — враг мой, оно не подчиняется мне», — восклицает он. Строгие знатоки стиля, пуристы, конечно, замечали в ряде мест его поэмы несовершенство рифмы и размера, погрешности в стихотворной технике, разговорные стяжения, неточные или несовершенные грамматические обороты и т. п. Но все это с лихвой покрывалось общим поэтическим настроением его «Маснави́», в котором он видел средство для «пробуждения душ», рупор для своих идей и взглядов.

Творение Джалаладдина Руми по праву считается вершиной суфийской поэзии, непревзойденным и совершенным образцом ее дидактического жанра. Эта поэма — подлинная энциклопедия мусульманского мистицизма. Ее читали, затверживали наизусть и по ней учились на всем Ближнем и Среднем Востоке, но особую популярность она снискала себе в Иране, Северной Индии, Пакистане и Турции. В Турции, например, вплоть до начала XX в. «Маснави» читали и толковали для широкой аудитории в специально построенных для этой цели зданиях. На окраине мусульманского мира, в Восточном Туркестане, дервиши братства «Накшбанди-йи-ходжаган-и актаглик» считали обязательным знать наизусть не менее семисот бейтов поэмы.

Но «Маснави́» не только энциклопедия суфизма и источник мистических идей, из которого утоляли жажду многие поколения суфиев. В своих сочных и ярких притчах автор широкими мазками нарисовал красочное полотно жизни современного ему общества, в основном городского. Подавляющее большинство героев его рассказов, из которых и соткана художественная

ткань поэмы, на удивление реалистичны, обстоятельства, в которых они действуют, как будто взяты из повседневной жизни. Таковы, например, притчи о садовнике и воре, о четырех индусах, о четырех путниках и винограде, о суждениях о слоне, о воре и факихе; о попугае, пролившем масло; о казвинце, желавшем сделать себе татуировку, и т. д. Прозрачные аллегории притч животного цикла, естественно, были общедоступными в средневековом обществе. Все ясно понимали, какие социальные круги скрываются за личиной льва или волка, осла или лисицы, зайца или слона. Конечно, «Маснавй», формально создававшееся для суфиев, адресовано было всему обществу султаната, а не какому-то одному социальному слою, но ведь суфии «рекрутировались» практически из всех классов. Одни воспринимали поэму как пиршество для эстетов-гурманов, любителей мистических сюжетов. Других привлекали занимательность и динамичность повествования, калейдоскоп стремительно сменяющих друг друга сцен и ситуаций. Третьи наслаждались образностью и живостью языка, обилием разговорных оборотов, что в то время было, несомненно, новшеством в поэзии, россыпью народного юмора, афоризмов и поговорок.

Исключительно разнообразен по своей тематике мир притч, многие из которых объективно имеют острую социальную направленность. Автор говорит о безысходной нищете бедняков, о бесправии подданных и произволе властей, о страданиях, которые приносят войны мирным жителям, и мародерстве воинов и служилых людей. Не меньше внимания уделяет Руми обличению лжесуфиев-шарлатанов, лицемерных мулл, чванливых факихов, продажных судей и т. п. Эти лица — постоянные персонажи фольклора — длинной чередой проходят по страницам «Маснавй», образуя искрометный, но и умело организованный каскад рассказов, притч, сочетающих возвышенную патетику проповедей, мистические прорицания с едкими насмешками, фривольными шутками и солеными анекдотами, который и составляет величественное здание «Маснавй» Джалаладдина Руми.

Образные сравнения и емкие афоризмы, которыми так богата поэма Руми, широко распространились по всему мусульманскому Востоку, превратились в крылатые слова. Возьмем на себя смелость утверждать, что в этом отношении «Маснавй» сыграло в персидской словесности такую же роль, какую в русской «Горе от ума» А. С. Грибоедова. Цель, которую преследовал Джалаладдин, создавая свой труд, — в доступной и понятной форме, ясным и простым языком изложить положения и концепции как

«интеллектуального», так и «прагматического» суфизма. Эту задачу он с блеском выполнил. Но «попутно» он создал блистательное поэтическое произведение, в котором воспевал совершенство и красоту человека, веру в его разум; осуждал произвол властей, порицал узость догм официальной веры. Джалаладдин Мухаммад Балхи Руми — персидский поэт, но его творчество вышло далеко за рамки национальной литературы, оно принадлежит мировой культуре, включено в сокровищницу литературы мира.

IV. Культура

О ПРИДВОРНОЙ КИТĀБХĀНЕ¹ СЕФЕВИДА ТАХМАСБА I В ТАБРИЗЕ*

I

Вступив 19 раджаба 930/23 мая 1524 г. на престол малолетний¹ шах Тахмасб I унаследовал от отца также и придворную *китāбхāне*, во главе которой с 27 джумада I 928/24 апреля 1522 г.² стоял знаменитый Камал ад-Дин Бехзад. Мы не знаем, когда Исма'ил I создал при своем дворе это *китāбхāне*,³ но то, что она функционировала до появления Бехзада в Табризе и в ней уже работал художник Султан-Мухаммад, обучавший живописи Тахмасба, сообщает нам Будак-муншй Казвини в своем труде «Джавāхир ал-ахбār» («Драгоценные камни известий»)⁴ и следующий за ним Кази Ахмад Куми в своем широко известном трактате.⁵

Юный Тахмасб I был серьезно увлечен занятием живописью и каллиграфией, и в этой связи естественно то влияние, которое получили в это время при дворе мастера «книжного рукоделия». Ниже мы приведем сведения письменных источников, сообщающих нам об увлечениях шаха, заметив при этом, что авторы некоторых из них были его современниками и провели на шахской службе не один десяток лет.⁶ муншй Будак Казвини в своем труде по всеобщей истории, в разделе, посвященном живописцам и завершенном в 980/1572—1573 г., пишет:

چون بندگان نواب اعلى همايون شاه طهماسب حسینی را در طفولیت مهل
نصیر و نقاشی و خط بود از اطراف و بلاد ازین طبقه مردم را آوردند

* Статья впервые была опубликована в: Средний Восток: История, культура, история / Отв. ред. Е. А. Давидович. М., 1980. С. 5—19.

«Поскольку у раба величайшего наместника его величества Шаха Тахмāсба Хусайнī в детские годы было влечение к живописи, украшению книги и каллиграфии, то ото <всех> краев и стран привели людей такого разряда».⁷

Этот же автор в главе «Похвальные качества государя» пишет:

وبخط نوشتن وتصوير ميل تمام داشتند استادان عديم المثل که هر يك در فن خود يكتاي وبي همتا بودند آوردند از خوشنويسان ملا عبدی نيشابوری و استاد شاه محمود نيشابوری و ملا رستم علی هروی از نقاشان استاد سلطان محمد مصور و استاد بهزاد مصور و استاد ميرك اصفهانی و مير مصور // و دوست ديوانه پادشاهرا بدین طایفه توجه و التفات تمام بود و چنانچه بوق العشق این بيت گفت بی تکلف خوش ترقی کرده اند * کاتب و نقاش و قزوینی و خر

«Они имели полное влечение к <художественному> письму и живописи <и> подобрали бесподобных мастеров, каждый из коих в своем искусстве был единственным и не имел себе равного; из каллиграфов: мулла 'Абди Нишāбури, мастер Шāх Махмуд Нишāбури, мулла Рустам-'Али Харави, <а> из живописцев: мастер Султāн Мухаммад художник, мастер Бехзād художник, мастер Мирак Исфāхани, Мир Мусаввир // и Дуств Дивāне. К этой категории людей у государя было полное внимание и расположение. Так что Бук ал-'Ишк сочинил сей бейт: Превосходно процветали, не мешая друг другу * писец-каллиграф, живописец, казвинец и осел».⁸

Хасан-бек Румлу в томе 12 своего обширного сочинения «Ахсан ат-таварīх» («Лучшая из хроник») сообщает:

آنحضرت در اوائل شباب بخط نوشتن و نقاشی میلی تمام داشت و بعد از آن بخرهای مصری سوار میشد و بهمستان بازی میکرد بنابراین آن خوارا با زمینهای طلا و جلهای زربفت می گردانیدند بواسطه آن بوق العشق این بیت را گفته بی تکلف خوش ترقی کرده اند * کاتب و نقاش و قزوینی و خر

«Его величество в первые годы юности имел полное влечение к <художественному> письму и живописи, а после чего⁹ он бывало садился на египетских мулов и играл со сверстниками. Поэтому пони выводили под золотыми седлами и золототкаными попонами. По тому поводу Бук ал-'Ишк сочинил этот бейт:

«Превосходно процветали, не мешая друг другу, * писец-каллиграф, художник, казвинец и осел»». ¹⁰

Приведенным выше авторам вторит Кази Ахмад Куми в первой редакции «Трактата о художниках и каллиграфах», завершенной в 1004/1596 г.:

... در آن اوان کار خوشنویسان و نقاشان بدرجه اعلی رسیده بود
و تقرب تمام داشتند و همگنان در کتابخانه مسموره آن جنت مکان
علیین اشیان جمع آمده بودند در آن بابت شعراء زمان گفتند
بودند بی تکلف خوش ترقی کرده اند * کاتب و نقاش و قزوینی و خر

«В ту пору дело мастеров художественного письма и живописцев достигло наивысочайшей степени, они были полностью приближены и все собрались <для работы> в благоустроенном *kitābhāne* того, чье местопребывание — рай высших чертогов небес. По тому поводу тогдашние поэты сказали: “Превосходно процветали, не мешая друг другу, * писец-каллиграф, художник, казвинец и осел”». ¹¹

Тот же автор во второй редакции, получившей название «Гулистāн-и хунар» («Розовый сад искусства») и законченной, видимо, в 1015/1606—1607 г., говорит:

و در آن اوان که پادشاه عالمیان نقاشان و کاتبان را مقرب ساخته
بودند اتفاقاً در باغچه دولتخانه دار السلطنه تبریز خر الاغهای
مصری سوار شده سهر می فرمودند و ایام عروج قاضی جهان وکیل که
قزوینی بود با آنها جمع گشته و مولانا منوف دامغانی این بیسترا
فرمودند بی تکلف خوش ترقی کرده اند * کاتب و نقاش و قزوینی و خر

«В ту пору, когда государь <всех> мирян приблизил к <своей> особе художников и каллиграфов, он время от времени совершал в саду при Даулатхāне стольного города Табриза прогулки верхом на египетских мулах. Дни же возвышения Кāзй Джахāна вакила, что был казвинцем <по происхождению>, совпали с теми событиями. Маулана Манўф Дāmгāнй соизволил сочинить сей бейт: “Превосходно процветали, не мешая друг другу, * писец-каллиграф, художник, казвинец и осел”». ¹²

И наконец, последний источник, которым мы заканчиваем свидетельства письменных памятников — «Та’рйх-и ‘Āламāрāййи ‘Аббāsй» («Мироукрашающая Аббасова хроника») известного стилиста и муншй Искандар-бека Туркамāна:

در آغاز جوانی ذوق و شغف بسیار باین کار داشتند و استادان نادره کار
این فن مثل استاد بهزاد و استاد سلطان محمد ... در کتابخانه
معموره کار می کردند و آقا میرک نقاش اصفهانی ... آنجا بود ...
آنحضرت با این طیفه الفت تمام داشتند هر گاه از مشاغل جهانداری
و ترددات مملکت آرائی فراخی حاصل می شد بسوق نقاشی تروطیب
دماغ می کردند

«Еще в раннем возрасте они (т. е. Тахмасб. — О. А.) испытали сильное влечение и любовь к сему занятию; и такие искусные в сем деле мастера, как мастер Бехзād и мастер Султāн-Мухаммад... работали в <его> благоустроенной *kitābhāne*; и в ней работали Ākā Мирак-наккаш Исфакāни...¹³ Его величество был очень расположен к этой категории людей. Всякий раз, когда выпадал досуг от забот по управлению и от трудов по устройству, он обычно получал удовольствие, упражняясь в живописи».¹⁴

Несомненно, что шах Тахмасб не стремился стать в будущем профессиональным художником или каллиграфом, как несомненно и то, что эти занятия не прошли для него бесследно и способствовали выработке у него определенного профессионального навыка и опыта и развили его художественный вкус.¹⁵ Видимо, последнее обстоятельство сыграло решающую роль в его последующей меценатской деятельности, в которой явственно прослеживаются запросы и требования знатока, а не дилетантская дань уже установившейся традиции. Он значительно расширил унаследованное *kitābhāne*, собрав в нем лучшие художественные силы того времени. И мы имеем все основания не согласиться с сообщениями приведенных выше источников о том, что увлечение Тахмасба живописью и каллиграфией кончилось со днями его юности. Скорее наоборот, еще в зрелые годы, судя по «Мукаддима» Дуст-Мухаммада к «Муракка» Бахрам-мирзы (951/1544—1545 г.),¹⁶ его столь же живо интересовала и волновала работа этого коллектива, созданного им в общем-то для себя. И думается, потребовались какие-то чрезвычайные обстоятельства, заставившие его распустить созданное им *kitābhāne*.

II

Мы не знаем, какие мастера и сколько их работало в *kitābhāne* Исма'ила I, однако, опираясь на сообщения Будакумунши Казвини и повторяющего его Кази Ахмада Куми,¹⁷ мы

знаем, что в нем работали Камал ад-Дин Бехзад и Султан-Мухаммад Табризи. Вполне вероятно также, что вместе с Бехзадом в Табриз прибыла группа гератских мастеров, в частности Дуст-Мухаммад. Не знаем мы также, как и в какой последовательности подбирались мастера для *китābhāne* Тахмасба I. Но зато благодаря замечательному документу, отмеченному выше — «Мукаддима» Дуст-Мухаммада — свидетельству современника, работавшему при этом в *китābhāne*, мы точно знаем сколько в нем работало каллиграфов, художников, орнаменталистов-уборщиков, переплетчиков в 951/1544—1545 г. В специальных разделах он приводит следующие списки мастеров по специальностям.

Каллиграфы:¹⁸ 1. Маулана Шах-Махмуд Нишапури. 2. Маулана Камал ад-Дин Рустам-‘Али. 3. Маулана Низам ад-Дин Шах-Мухаммад. 4. Маулана Нур ад-Дин ‘Абдаллāх Ширази. 5. Дуст-Мухаммад Харави.

Художники:¹⁹ 6. Устад Камал ад-Дин Бехзад.²⁰ 7. Устад Низам ад-Дин Султан-Мухаммад. 8. Ака Джалал ад-Дин Мирак ал-Хасани ал-Исфахани. 9. Саййид Мир Мусаввир. 10. Маулана Мухаммад, известный как Кадими. 11. Устад Камал ад-Дин Хусайн. 12. Устад Камал ад-Дин ‘Абд ал-Гаффар. 13. Устад Хасан-‘Али.

Орнаменталисты:²¹ 14. Мирак ал-музаххиб. 15. Кавам ад-Дин Мас‘уд. 16. Устад Камал ад-Дин ‘Абд ал-Ваххаб, известный как Х^ваджа Кака.

Переплетчики:²² 17. Маулана Мухсин муджаллид.

Это наиболее полный поименный список состава *китābhāne* Тахмасба I. Сведения последующих авторов, таких как Будакмуншй Казвини, Кази Ахмад Куми, Садик-бек Афшар, Искандар-бек Туркман, значительно более скудны. Правда, называя ряд мастеров, отмеченных Дуст-Мухаммадом (№ 1, 5, 6, 7, 10), Кази Ахмад добавляет к ним художника мирзу ‘Али сына Султан-Мухаммада и художника маулану Назари Куми, ставшего впоследствии ключарем (*калй̄ддār*) в *китābhāne*.²³ А Садик-бек Афшар относит к числу лиц, работавших в *китābhāne*, художников Мир Саййид-‘Али сына Мир Мусаввира и ходжу ‘Абд ал-‘Азиза Кашани.²⁴ Не исключено, что эти мастера работали в *китābhāne* после 951/1544—1545 г. — года завершения «Муракка‘» Му‘из ад-Дина Бахрам-мирзы. Любопытно также, что упомянутые авторы добавляют только художников. Определенную пищу для размышлений дает соотношение профессий в составе *китābhāne*. Почему именно такое сочетание — пять кал-

лиграфов, восемь художников, три орнаменталиста и только один переплетчик? В настоящее время затруднительно дать более или менее удовлетворительный ответ на этот вопрос. Может быть, подобное соотношение просто дело случая или пять каллиграфов, возможно, своей работой вполне обеспечивали последующую занятость мастеров других специальностей. Вместе с тем некоторое недоумение вызывает наличие в составе лишь одного мастера переплетного дела, который, собственно, завершал своей работой труд всего коллектива над рукописью. Известно, что изготовление высокохудожественного переплета — дело весьма кропотливое и исключительно трудоемкое, включавшее иногда до 500 000 отдельных операций. Однако следует отметить, что источники, говоря о мастерах «книжного рукоделья», часто отмечают, что они были искусны в нескольких смежных профессиях. Например, в числе пяти названных каллиграфов трое могли в случае необходимости заняться другим делом, так как Дуст-Мухаммад был также превосходным живописцем, маулана Шайх-Мухаммад был отменным орнаменталистом и художником, а маулана Камал ад-Дин Рустам-‘Али славился как отличный исполнитель письма красками. Вместе с тем не исключено, что Дуст-Мухаммад назвал только известных мастеров, игравших основную роль в *kitābhāne*, и не упомянул подмастерьев и учеников, занятых, как правило, подготовительной и черновой работой.

Это подлинное созвездие талантов, собранное Тахмасбом в придворном *kitābhāne* в Тебризе, сыграло громадную роль в истории как персидской живописи, так и книжного искусства в целом. Достаточно при этом отметить также шедевры, вышедшие из-под калама и кисти этих мастеров и созданные для Тахмасба, как «Шāх-нāме», создававшееся почти в течение 20 лет (с конца 20-х по 40-е годы XVI в.),²⁵ или «Хамса» Низами (946—949/1539—1543 гг.),²⁶ о которой один из ее последующих владельцев восторженно отметил в колофоне — «Око времени никогда не видело подобного». Все ведущие художники, орнаменталисты и уборщики рукописей приняли участие в работе над этими замечательными и выдающимися образцами «книжного рукоделья», не имеющими, по нашему мнению, в мировой практике равных по своим художественным достоинствам и мастерству исполнения.

Естественно, что мастера *kitābhāne* должны были в первую очередь работать на своего патрона. Но вместе с тем дошедшие до наших дней рукописи и миниатюры позволяют прийти к вы-

воду, что они, видимо, имели возможность исполнить и другие заказы. Так, первый каллиграф шаха Шах-Махмуд Нишабури переписал в Тебризе (причем не для дворцовой *китāбхāне*) «Сто изречений ‘Алй» в 950/1543—1544 г.,²⁷ а на следующий год (951/1544—1545 г.) он там же переписал «Дйвāн» Амира Шахи Сабзавари. Далее, знаменитый «Дйвāн» Хафиза из бывшей коллекции Л. Картье (ныне в США в Fogg Museum of Art) был исполнен для Сам-мирзы, брата Тахмасба, в Герате, а три миниатюры в нем были созданы ведущим художником Тахмасба Султан-Мухаммадом (причем две из них имеют подпись мастера);²⁸ в переписанной в Герате в 933/1526—1527 г. каллиграфом ‘Али Хиджрани для этого же сефевидского принца рукописи «Дйвāн» Навои имеется одна миниатюра (из шести), которую специалисты единодушно относят к руке Султан-Мухаммада.²⁹

III

Вся работа *китāбхāне* проходила под наблюдением управляющего (*китāбдār*), полномочия которого, судя по известным нам шахским указам, были весьма широки и которому подчинялся весь штат этого дворцового учреждения. Роль его как в процессе изготовления рукописи, так и в налаживании подготовительных работ была очень велика. Он как бы совмещал в одном лице организатора работы и ее руководителя. К тому же он — непосредственный участник и исполнитель замыслов патрона. Словом, должность *китāбдāра* требовала от лица, ее занимавшего, не только выдающегося мастерства (это подразумевалось само собою), но также тонкого и глубокого знания всего процесса изготовления высокохудожественной рукописи. До нас дошло немало лицевых рукописей, изготовленных в дворцовых *китāбхāне* XVI в. как в Иране, так и в Средней Азии, в колофоне которых специально оговаривается, под наблюдением какого *китāбдāра* они были исполнены и кто был инициатором данной работы.

С 24 апреля 1522 г. дворцовым *китāбхāне* при Исмаиле руководил Камал ад-Дин Бехзад, назначенный на этот пост, видимо, сразу же по приезде из Герата. Думается, что в этот заключительный период своей жизни он работал не столь интенсивно и его творческая деятельность в Тебризе, где он умер в 942/1535—1536 г., вероятнее всего, сводилась более к роли наставника-руководителя, чем художника.³⁰ Правда, Будак-муншй (и следующий за ним Кази Ахмад)³¹ отмечают, что он исполнил

миниатюры «Хамса» Низами, переписанную Шах-Махмудом Нишабури почерком *губār*. Поскольку ни один из доступных нам в настоящее время источников не сообщают, что он был снят при Тахмасбе с должности управляющего *kitābhāne*, то, очевидно, он состоял в ней до своей смерти. Согласиться же с предположениями, переходящими впоследствии в утверждение, высказанными Г. А. Пугаченковой³² и вслед за ней К. Керимовым, как бы они ни были привлекательны и по своему логичны, мы не можем, ибо они построены на неточности в переводе Б. Н. Заходера и на последующей собственной интерпретации. К. Керимов пишет: «... а во время правления шаха Тахмасиба Бехзад вскоре был отстранен от занимаемой должности. Об этом свидетельствует Кази Ахмад: «Мастер (т. е. Бехзад. — К. К.) был на поприще деятельности от радостного времени Мирзы Султан Хусейна до некоторого времени от начальных дней правления Шаха... господина султанов шаха Тахмасиба»». Далее К. Керимов делает вывод: «Следовательно, с самого начала правления шаха Тахмасиба место Бехзада в должности руководителя шахской библиотеки и художественной мастерской переходит Султан Мухаммаду».³³ Следует заметить, что, во-первых, Кази Ахмад не был современником Бехзада и уже поэтому не может свидетельствовать, а во-вторых, Кази Ахмад пишет:

استاد از زمان عشرت نشان میرزا سلطان حسین تا چند مدت از اوایل
ایام سلطنت ... در عرصه بودند

«Мастер был на арене от радостного времени мирзы Султан Хусейна до некоторого времени начального периода правления...».³⁴ Итак, слово (*عرصه*) переведено Б. Н. Заходером как «поприще деятельности»; словари же классического персидского языка дают иное значение: «открытое место», «арена», «площадь», «поле», «поле сражения» и т. п. Значение «сфера деятельности» это слово приобрело лишь в наше время и в этом значении не могло употребляться в контексте средневекового источника. Во второй редакции Кази Ахмад³⁵ уже пишет:

استاد از زمان عشرت نشان پادشاه کامران سلطان حسین میرزا تا چند
مدت از اوایل سلطنت و پادشاهی ... در عرصه روزگار بودند

«Мастер был на арене времени...» и т. д. Иными словами, автор просто говорит, что Бехзад жил в указанный период — и только. Что же касается решительного утверждения, что Султан-

Мухаммад был назначен вместо отставленного Бехзада, то оно остается лишь недоказанным утверждением его автора, так как даже Дуст-Мухаммад, современник Султан-Мухаммада и его коллега по *китāбхāне*, работавший бок о бок с ним не над одним списком, ни словом не обмолвился по этому поводу. Более того, именно Дуст-Мухаммад сообщает нам имя *китāбдāра*, руководившего деятельностью *китāбхāне*, ходжи Нур ад-Дина Мухаммад-Му'мина — старшего сына известного муншй времени Султан-Хусайна Байкары ходжи Шихаб ад-Дина 'Абдаллāха Байани — с литературным именем Марварид, который к 951/1544—1545 г. уже был главою и руководителем всего состава *китāбхāне*.³⁶ Этот мастер славился как лучший каллиграф в почерке та'лик, а по сообщению Хондамира, был в Герате учителем Абу-н-Насра Сам-мирзы и пользовался расположением везира последнего ходжи Хабибаллаха.³⁷ Сам-мирза свидетельствует, что ходжа Нур ад-Дин был при нем в Герате и Ширазе в качестве *садра* двора наместника, затем состоял на службе при Тахмасбе, после чего отправился в Индию (до 957/1550 г. — года завершения сочинения Сам-мирзы).³⁸ Таким образом, мы можем определенно говорить только о двух управляющих *китāбхāне* — о Бехзаде с 922/1522 г. и ходже Нур ад-Дине Мухаммад-Му'мине, состоявшем в этой должности уже до 951/1544—1545 г. Можно, конечно, предположить, что он стал *китāбдāром* после смерти Бехзада, но отсутствие каких-либо сведений в источниках не позволяет нам сделать это. Вполне вероятно, что до приезда Бехзада в Тебриз всеми делами в *китāбхāне* вершил Султан-Мухаммад, так как Будак-муншй пишет: «... мастер Султан-Мухаммад наладил <работу> *китāбхāне*». ³⁹ Что же касается сообщения Сам-мирзы, которое приводит К. Керимов (по тегеранскому изданию текста «Тухфайи Сāmй» В. Дастгарди): «... теперь Ага Мирек является начальником *китāбхāне* и руководителем художников двора его величества шаха Тахмаспа», — то здесь следует иметь в виду два обстоятельства. Во-первых, по мнению современных персидских ученых, рукопись (XVIII в.) из частного собрания, положенная в основу издания, «полна ошибок и не заслуживает доверия», а отсюда и все издание, в которое, естественно, вкрались ошибки основного списка.⁴⁰ Во-вторых, после «официального» окончания своего труда в 957/1550 г. Сам-мирза несколько раз обращался к нему, дополняя, исправляя и переделывая отдельные места. Во всяком случае, две рукописи Института востоковедения АН СССР В 116 и В 118, переписанные первая в

Иране в конце XVI в., вторая в начале XVII в. в Индии, дают нижеследующий текст этого пассажира:

حاليا در خدمت صاحبقران پيشوا ومقتداى اين طايفه اوست

«ныне именно он на службе счастливого государя является главою и руководителем этой категории людей».⁴¹

IV

В научной литературе уже давно утвердилась точка зрения, что к моменту перевода столицы из Тебриза в Казвин (954/1548 г.) Тахмасб распустил дворцовое *kitābkhāne*, функционировавшее без малого почти полвека.⁴² Сам факт роспуска не вызывал сомнений, частные расхождения между специалистами касались только даты, поскольку в источниках она не приводилась. Во всяком случае событие это могло иметь место в период 951—954/1544—1548 гг., т. е. между годом завершения «Мукаддима» Дуст-Мухаммадом и годом перевода столицы в Казвин. В этой связи делался естественный и закономерный вывод — так как центр, объединявший многих художников, трудом которых была создана табризская школа персидской миниатюры, прекратил свое существование, то и эта школа вскоре распалась и стала достоянием истории живописи. С попыткой пересмотра этой точки зрения выступил в 1971 г. К. Керимов, по мнению которого «библиотека не была распущена в Табризе, а вместе с обслуживающим персоналом была перенесена в Казвин...», что «в последние годы своего правления, где-то в середине 60-х годов, шах Тасмасп распустил придворное *kitābkhāne*» и что «в доступных нам первоисточниках, в которых в той или иной степени затрагивается данный вопрос, нет прямого указания на то, что шах Тасмасп распустил *kitābkhāne*».⁴³

Если предположение К. Керимова верно и *kitābkhāne* действительно не было распущено в Табризе, а в полном составе было переведено в Казвин, где функционировало вплоть до 60-х годов XVI в., а табризские мастера из ее состава, «работая в новой столице, безусловно, продолжали развивать те же художественные традиции, те же стилистические черты, которые были ими выработаны еще в Табризе в 1530—1540-х годах»,⁴⁴ то, следовательно, отпадает вопрос о существовании казвинской школы миниатюры в 50—60-х годах XVI в. как особой школы, по-

скольку в таком случае она является простым продолжением столичного тебризского стиля. Вот, собственно, что стоит за вопросом: где было распушено дворцовое *kitābhāne*? Поэтому, чтобы проверить доводы и аргументы К. Керимова, мы обратились к нижеследующим первоисточникам, два из которых были, кстати, использованы К. Керимовым.

Итак, Будак-муншӣ в заметке о Дуст-Мухаммаде Харави пишет:

ونواب اعلى بدو لطفى بود چنانچه تمام كاتبان را بيرون كرد
اورا ننگه داشت

«у величайшего наместника (т. е. Тахмасба. — *O. A.*) к нему было такое расположение, что он выдворил всех каллиграфов, а его сохранил»;⁴⁵ Кази Ахмад о том же мастере:

... جميع كاتبان و نقاشان را از كتابخانه اخراج نمودند بغير از
مولانا / دوست محمد / كه بحال خود ماند

«... Они изгнали из *kitābhāne* всех каллиграфов и художников за исключением мауланы <Дуст-Мухаммада>, которого оставил при себе».⁴⁶ Тот же автор в заметке о каллиграфе Шах-Махмуде Нишабури:

... در آخر
كار كه آن پادشاه كيوان و قار از وادی خط و نقاشی دلگیر گشته
و بمهمات ملك و مملكت و معموری بلاد و رفاه حال رعیت مشغول
گشت مولانا رخصت کرده...

«... в конце концов,⁴⁷ когда тот государь, равный достоинством Сатурну, уже не находил удовольствия в письме и живописи и занялся важными делами государства, благоустройством страны и благопроцветанием <своих> подданных...».⁴⁸

Искандар-бек Туркамāн, завершая рассказ о любви молодого монарха к искусству (см. выше),⁴⁹ замечает:

در اواخر از كثرت
مشاغل فرصت آن كار نمى يافتند و استادان مذکور نيز كه مور هستى را
از رنگ آميزى حیات برداختند آن حضرت كمتر متوجه آن كار مى شدند
اصحاب كتابخانه را بعضى كه در حیات بودند مرخص ساخته
بودند كه بجهت خود كار مى كردند و در اواخر اهم حیات...

«в конце концов,⁵⁰ поскольку по причине обилия <государственных> дел он не находил для того занятия времени, да к тому же упомянутые мастера перестали смешивать краски жизни для изображения <своего> бытия, его величество уже в меньшей степени обращались к тому занятию. Так, из состоявших в *kitābhāne*, кои еще были живы, он распустил, чтобы они работали сами по себе. Под конец <своей> жизни...».

Таким образом, мы видим (как это сообщают приведенные выше источники), что шах Тахмасб распустил свое придворное *kitābhāne*. Когда же все-таки было распущено это учреждение? Опираясь на рассказ Казии Ахмада, мы склонны полагать, что Тахмасб решился на этот шаг накануне перевода столицы в Казвин в 1548 г. Говоря о каллиграфе Шах-Махмуде Нишабури, Казии Ахмад отмечает, что этот выдающийся мастер художественного письма, покинув Тебриз, поселился в Мешхеде, где он прожил до своей кончины, последовавшей в 972/1584—1585 г. «около двадцати (разрядка моя. — О. А.) лет»,⁵¹ Шах-Махмуд в 951/1544—1545 г. был первым каллиграфом *kitābhāne* шаха, находившегося в Тебризе, и уехал из Тебриза не по своей воле, а в связи с роспуском *kitābhāne* и по приказу Тахмасба, который, как известно, находился в Тебризе по конец 954/1548 г. Учитывая, что мастер прожил в Мешхеде неполные двадцать лет, а «около двадцати лет», а также то, что 951/1544—1545 и 952/1545—1546 гг. как даты его отъезда естественно отпадают, остается с большой долей уверенности предположить, что он уехал в Мешхед либо в 953/1546—1547 г., либо в 954/1547—1548 г. В свете вышеизложенного мы склоняемся к последней дате.

Что же касается вопросов табризской и казвинской школ, то, не вдаваясь в излишние подробности, заметим, что, наверное, ведущие мастера распущенного *kitābhāne* в силу разных причин, руководивших ими (хотя бы привычка близости ко двору), отправились в новую столицу и, конечно, продолжали там работать в обычной для себя манере и традиционном стиле. Иначе они и не могли, так как часто психологически не были готовы к тому, чтобы перестроиться в связи с новыми требованиями и, видимо, взглядом на живопись. Этим, как нам кажется, вполне можно объяснить появление в Казвине превосходных миниатюр, выполненных в рамках канона тебризской школы. Молодые же художники, появившиеся в Казвине, значительно острее реагировали на новые веяния при дворе, к тому же над их творчеством не довлели бывшие традиции, и они создали в 50—60-х годах XVI в. ту школу, которую И. С. Щукин, определяя ее стиль и канон, назвал «барочной».⁵²

¹ Мы не сочли возможным перевести на русский язык данный термин как будто бы адекватным ему по содержанию термином «библиотека». В средние века этим термином называли также функционировавшие при дворах правителей Ирана, Средней Азии и Индии специальные учреждения, состоявшие из собственно хранилища книг (*хазанат ал-кутуб*) и мастерской по производству высокохудожественных рукописей с соответствующим штатом мастеров рукописной книги, подмастерьями и учениками. Во главе *китābhāne* стоял управляющий (*китābdār*), назначавшийся особым указом (*нишāн, манишр*) и обладавший весьма широкими полномочиями. Под его наблюдением шел весь процесс создания списка; по согласованию с патроном он назначал каллиграфов, определял художнику сюжет миниатюры и ее место в рукописи, а оформителям — стиль украшения полей, заставок, фронтисписов и т. п. В ряде случаев под его надзором находились и мастерские по производству бумаги высокого качества, а также все то, что необходимо для работы мастеров; ингредиенты для составления чернил, туши и красок, сусальное золото и серебро, клеи разных сортов, тростник для калама, волос для кистей, кожа для переплета и т. п. Подобные *китābhāne*, но меньших размеров, были и при дворах удельных правителей, в домах крупных феодалов и вельмож и даже богатых купцов.

² Согласно Будаку-мунши Казвини (Джавāхир ал-ахбār: Рук. ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Dorn 288. Л. 291а; далее — Будак-мунши) и Хасан-беку Румлу (*Seddon C. N. A Chronical of the Early Safavis Being the Ahsanu't-tawārikh of Hasan-i Rūmlū. Vol. 1. Baroda, 1931, c. 142*), он родился 26 зу-л-хиджжа 919/22 февраля 1514 г. Более ранняя дата — конец 918/ январь—февраль 1513 г. — встречается у Хвандамира. См.:

تاریخ حبیب السیر فی اخبار افراد بشر تألیف غیاث الدین
بن همام الدین الحسینی المدعو بخواندمیر

Та'рйх-и хабйб ас-сийар фй ахбār афрād башар. Та'лиф-и Гийās ад-Дин б. Хамām ад-Дин ал-Хусайни ал-мад'увв ба Хвāндамир («Друг жизнеописаний в известиях о человеческом роде, сочинение Гийās ад-Дина б. Хамām ад-Дина ал-Хусайни, известного как Х'āдамир»). Т. 4. Тегеран, 1333/1954. С. 631 (далее — Хвандамир).

³ Текст указа Исма'ила I (нишāн-и калантари-йи *китābhāne*-йи хумāйун) был издан четырежды, имеются три перевода на французский, английский и русский языки. Издание текста: 1. *Qazvini M. et Bouvet L. Deux documents inédits relatifs à Behzad // Revue de Monde Musulman. 1914. T. 26. P. 141—161* (с франц. переводом); 2. *بیست مقاله لزویینی* Бист макāла-йе Казвйнй («Двадцать статей Казвини»). Т. 2. Тегеран, 1332/1953. С. 268—273 (также с франц. переводом); 3. *ماه اسمعیل صفوی اسناد و مکاتبات*

شاه اسمعیل صفوی اسناد و مکاتبات *Шах Исма'ил Сафавй*. Аснад ва мокатебат-е та'рйхй. Би ехтемам-е 'Абд ал-Хосайн Нава'и (*Шах Исма'ил Сафави*. Документы и историческая переписка Издание А. Нава'и). Тегеран, 1347/1968. С. 359—361; 4.

گستان هنر تألیف قاضی میر احمد منشی لکھی بتصحیح
وامتعام احمد مہدی خوانداری

Голестан-е хонар та'лиф-е Кази ахмад мунши-йе Кути. Ба ыфсхих ва ехтемам-е Сохайли Х'ансари («Розовый сад искусства». Сочинение Кāзи Мир Ахмада мунши Куми / Издание Ахмада Сухайли Хансари). Тегеран, 1352/1973. С. 135—136 (примечание) (далее — Кāзи Ахмад, изд. Хансари.). Переводы: 1. Французский (см. выше, № 1—2); 2. Английский: *Arnold Sir T. W. Painting in Islam*. New York, 1965. P. 150—151.

⁴ Во всяком случае это произошло не ранее 1501 г., когда Исма'ил I разбил султана Алванда Ак-Коюнлу, взял Табриз и с ним все достояние и казну этого султана. Видимо, основой *kitābkhāne* Исма'ила I стало *kitābkhāne* династии Ак-Коюнлу. Данное предположение подтверждает список «Хамса» Низами, хранящийся ныне в библиотеке Музея Топ-Капу-сарай в Стамбуле (шифр Н. 762). Эта великолепно исполненная и украшенная рукопись была начата изготовлением для Пир-Будада Кара-Коюнлу, продолжена для Султан-Халила и завершена перепиской в 1481 г. в Табризе для султана Йа'куба Ак-Коюнлу каллиграфом 'Абд ар-Рахимом ал-Х'аразми. Рукопись все же не была полностью завершена, так как из 19 ее миниатюр десять были либо дописаны, либо полностью созданы уже в *kitābkhāne* Исма'ила I, куда она могла попасть в числе прочих книг *kitābkhāne* Ак-Коюнлу (см.: *Welch S. W. A King's Book of Kings*. New York, 1972. P. 34, 37, 44). Также к числу уже завершенных в *kitābkhāne* Исма'ила I относят список поэмы Асафи «Дāстāн-и Джамāl ва Джалāl», переписанный каллиграфом Султан-'Али <Кā'ини> в Герате в 908/1502—1503 г. и украшенный двумя миниатюрами. Если первая, имеющая дату завершения 909/1503—1504 г. выполнена в Герате, то вторая с датой 910/1504—1505 г. «несет на себе все черты раннесефевидского стиля» (*Welch S. W. A King's Book of Kings*. P. 43—44). Укажем еще на две рукописи «Хамса» Низами, происходящих из *kitābkhāne* Исма'ила I. Первая, переписанная для шаха и имеющая его экслибрис, каллиграф Шāх-Махмуд Нишāпури, содержит 74 миниатюры, ныне в библиотеке Музея Топ-Капы-сарай в Стамбуле, шифр А. 3559 (см.: *Karatay F. E. Topkapı Sarayı Müzesi Kütüphanesi Farsça Yazmalar Katalođu* (№ 1—940). Istanbul, 1961. № 432. Вторая, хранящаяся там же под шифром Н. 957, оформленная знаменитым мауланом Йāри в 916/1510 г., имеет 24 миниатюры, приписываемые в колофоне руке Камāl ад-Дина Бехзāда. На л. 1а приписка, из которой явствует, что список был взят из казны Шейбāн-и-хāна (*Karatay F. E. Topkapı Sarayı Müzesi*, № 436; *Duda H. W. Ein angebliches Behzad-miniaturen Manuskript im Topkapu-Seraj zu Stambul // Archiv Orientalni*. 3 (1931), № 2, с. 358—361).

⁵ Будақ-мунши. Л. 112:

... در وقتى كه استاد بهزاد بمرای آمد استاد
سلطان محمد كتابخانه را گم کرده بود و استاد شاه دین پناه بود

⁶ Текст первой редакции — рук. ГМИНВ, с. 138—139, текст второй редакции — Кāзи Ахмад, изд. Хансари, с. 137; см. также: *Кази-Ахмад*. Трактат о каллиграфах и художниках. 1556—1597/1005 / Введение, перевод с комментариями проф. Б. Н. Заходера. М.; Л., 1947. С. 182—183; *Calligraphers and Painters: A Treatise by Qādī Ahmad, son of Mīr-Munshī (circa A. H. 1015/A. D. 1606) / Transl. from Persian by V. Minorsky*. Washington, 1959. P. 180—181. При сравнении указанных выше пассажей не возникает сомнений в том, что первоисточником Кāзи Ахмада был Будақ-мунши.

Вместе с тем Хвандамир (Т. 4. С. 553, 593), Будақ-мунши (Л. 2926; 298а) и Хасан Румлу (изд. Седдона. С. 154, 175) сообщает, что в конце 921/декабрь—

январь 1518 г. Тахмасб был назначен наместником Хорасана и прибыл в Герат со своим двором (согласно Хвандамиру. Т. 4. С. 553) в раби¹ I 922/апрель 1516 г., а вернулся он в Табриз спустя шесть лет, выехав из Герата (дер. Сăксалмăн) 8 сафара 928/7 января 1522 г. и передав место наместника своему дяде Абу Насру Сам-мирзе (Хвандамир. Т. 4. С. 593). Возникает вопрос, когда же Султан-Махаммад обучал живописи Тахмасба, если ученика не было в Тебризе более шести лет? (*Welch S. W. A King's Book of King. P. 60*). Конечно, можно предположить, что Исма'ил отправил его вместе с сыном в Герат. Но маловероятно, чтобы он на длительный срок расстался с лучшим художником своего *kitābhāne*.

В этой связи вышеприведенную фразу Будака-мунши можно понимать только следующим образом: «... в пору, когда мастер Бехзад прибыл в Ирак, мастер Султан-Махаммад уже вдохнул жизнь в <работу> *kitābhāne* и он был учителем государя-прибежища веры», т. е. Будак-мунши (как показывает и грамматическая конструкция предложения) отмечает, что перед прибытием Бехзада художник Султан-Махаммад уже работал в *kitābhāne*, а затем констатирует, что он был также учителем Тахмасба, но это отнюдь не значит, что Султан-Махаммад был учителем до приезда Бехзада. И именно таким образом понял эту фразу Кази Ахмад, правда, значительно ее расцветив и украсив в своем изложении. Русский перевод (Кази Ахмад, пер. Заходера. С. 182—183) нуждается в уточнении: «В то время когда мастер Бехзад прибыл из Герата в Ирак, мастер Султан-Мухаммад был в *kitābhāne* государя, чьи высокие палаты — райские сады, чье местопребывания — рай. И он занимался <также> обучением того Хосрова четырех климатов...». Здесь, как и в случае с Будак-мунши, для Кази Ахмада важен сам факт констатации того, что Султан-Мухаммад был учителем Тахмасба, и он не связывает этот факт с приездом Бехзада, который, возможно, приехал вместе с наследником престола из Герата. Очень уж близки даты. Для сравнения — выезд Тахмасба из дер. Сăксалмăн (под Гератом) 8 сафара 928/7 января 1522 г., а назначение Бехзада управляющим *kitābhāne* 27 джумада 1/24 апреля того же года.

⁷ Будак-мунши. Л. 111б, имя поэта — Бўк ал-'Ишк, видимо, вымышленное.

⁸ Там же. Л. 296а—б.

⁹ Т. е. после занятий живописью и каллиграфией.

¹⁰ Хасан Румлу, изд. Седдона. С. 499.

¹¹ Рук. ГМИНВ. С. 140; ср.: Кази Ахмад, пер. Заходера. С. 184.

¹² Кази Ахмад, изд. Хансари. С. 138.

¹³ Славословия нами опущены.

¹⁴ تاریخ عالم آرای عباسی تالیف اسکندر بیل منشی تورکمان Та'рих-е

'Аламара-йе 'Аббаси та'лиф-е Искандар-бек мунши-йе Туркаман («Мирукрашающая Аббасова история». Сочинение Искандар-бека мунши Туркамана. Тегеран. Т. I. 1333/1954. С. 174 (далее — Искандар мунши).

¹⁵ Кази Ахмад особо оговаривает, что в портике дворца Чихил сутун (в Казвине) имелись одна-две многофигурные композиции (*маджлис*) его работы (рук. ГМИНВ. С. 140; Кази Ахмад, пер. Заходера. С. 184; изд. Хансари. С. 138 — несколько). Известно, что миниатюра его работы открывает «Муракка'» Бахрам-мирзы (воспроизведения см.: *Welch S. W. A King's Book of King. P. 61*, и Кази Ахмад, изд. Хансари, вклейка между с. 138 и 139). В ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина хранится список «Гўй ва чоугāн» 'Арифй (Dorn,

441), переписанный им в Тебризе в 931/1524—1525 г. с посвящением его регенту Кāзи Джакхāну.

¹⁶ «Муракка'», составленное Дуст-Мухаммадом для Бахрām-мирзы, хранится в библиотеке Музея Топ-Капы-сарай в Стамбуле (шифр Н. 2154). Мы пользовались фотокопией «Предисловия» к этому «Муракка'». «Предисловие» («Мукаддима») было дважды издано: 1. **هنروران حالات** Хакат-е хонарваран. A Treatise on Calligraphists and Miniaturists by Dust Muhammad, the Librarian of Bahram Mirza (d. 1550) / Ed. by W. Abdullah Chaghatai. Lahor, 1936. 2. Значительная часть «Предисловия» в кн.: **مهدی بهائی، احوال و آثار خوشنویسان - نستعلیق نویسان** Махди Байани. Ахвал ва асар-е хушнависан. Наста'ликнависан (*Байани М.* Жизнь и творчество каллиграфов: Мастера стиля наста'лик). Ч. I. Тегеран, 1348/1967. С. 192—203.

Переводы: на английский — Dust Muhammad Account of Past and Present Painters // *Binyon L., Wilkinson J. V. C., Gray B.* Persian Miniature Painting. New York, 1971. С. 183—188; на русский — *Костыгова Н. И.* Глава о прежних живописцах и близких к ним мастерах // Мастера искусства об искусстве. Т. I. М., 1968. С. 169—180 (только о художниках).

¹⁷ См. прим. 5 и 6. Судя по указу на имя Бехзада (см.: Кази Ахмад, изд. Хансари, прим. к с. 136), *китабхāне* было немалым по своему составу и в нем уже работали «каллиграфы, художники, орнаменталисты, уборщики рукописей, изготовители золотых красок, золотобиты, изготовители ляпис-лазури и прочие лица, что относятся к означенным профессиям».

¹⁸ Дуст-Мухаммад. Рук. Л. 95; *Байани М.* Жизнь и творчество каллиграфов. С. 200—201.

¹⁹ Дуст-Мухаммад. Рук. Л. 10а—б; *Байани М.* Жизнь и творчество каллиграфов. С. 201—202.

²⁰ Дуст-Мухаммад. Рук. Л. 9а—б; *Байани М.* Жизнь и творчество каллиграфов. С. 202—203

²¹ Дуст-Мухаммад. Рук. Л. 10б; *Байани М.* Жизнь и творчество каллиграфов. С. 202.

²² Дуст-Мухаммад. Рук. Л. 10б; *Байани М.* Жизнь и творчество каллиграфов. С. 202—203.

²³ Кази Ахмад, изд. Хансари, с. 137; 139; пер. Заходера. С. 186.

²⁴ **ذکرہ مجسم الحوائی تالیف مادی کتآبادار بترکی جنغای ترجمہ**

دکتر عبد الرسول خایمپور Тазкира-йе Маджма' ал-хавас та'лиф-е садеки кетабдар ба торки-йе джатати'и. Тарджама-йе доктор Бабд ар-Расул Хайампур. («Тазкира Собрание благородных». Сочинение Сāдики *китабдāра* на чагатайском тюрки / Перевод д-ра А. Хайампура). Табриз, 1327/1948. С. 254.

²⁵ Этот список был прежде в коллекции Э. де Ротшильда, с 1959 г. он находится в частном собрании А. Хоттона (США). Эта действительно не имеющая себе равных в художественном отношении рукопись украшена 258 миниатюрами работы лучших мастеров *китабхāне*. Американский ученый С. К. Уелч в 1971 г. издал 78 миниатюр из этой рукописи, а в 1972 г. он же опубликовал скрупулезное и ценное исследование об этой рукописи с воспроизведением в цвете 27 миниатюр (в размере оригинала) и увеличенным воспроизведением наиболее ярких деталей каждой из них. Как выяснилось, этот описок был сделан для Тахмасба, но он не имеет даты переписки; дату окончания — 934/1527—1528 г. — имеет миниатюра (л. 516б), выполненная Мир

Мусаввиром. В конце исследования приведен список сюжетов миниатюр «Шāх-нāме» с указанием листа рукописи (*Welch S. W.* 1) 78 Pictures from a World of Kings, Heroes and Demons Shah-nameh // *Bull. of the Metropolitan Museum of Art.* 1971. April. P. 341—357; 2) A King's Book of Kings. P. 15—76). Он же установил, что именно этот список «Шāх-нāме» отмечает в своем «Мукаддима» Дуст-Мухаммад (см. с. 16). Об этой рукописи в советской научной литературе см.: *Керимов К.* Султан Мухаммад и его школа. М., 1970. С. 28—31.

²⁶ Работы, в которых говорится об этом списке «Хамса» составят, видимо, небольшую библиографию. Поэтому мы сошлемся только на последние работы: *Казиев А. Ю.* Миниатюры рукописи «Хамсе» Низами, 1539—1543 гг. Баку, 1964; *Керимов К.* Султан Мухаммад и его школа. С. 31—41; *Stchoukine I.* Les peintures des manuscrits safavis de 1502 à 1587. Paris, 1959. С. 69—75; *Gray B.* Persian Peinting. Lausanne, 1961. С. 138—141.

²⁷ *Байани М.* Жизнь и творчество каллиграфов. С. 299, 300.

²⁸ Об этом списке см.: *Керимов К.*, Султан Мухаммад... С. 21—28; *Stchoukine I.* Les peintures... P. 60—62; *Gray B.* Persian painting. С. 130, 136—137; *Welch S. W.* A King's Book of Kings. P. 58—60.

²⁹ *Stchoukine I.* Les peintures... P. 129, 131; *Welch S. W.* A King's Book of Kings. P. 58.

³⁰ *Welch S. W.* A King's Book of Kings. P. 51—52.

³¹ Будак-мунши. Л. 111а; Кази Ахмад: Рук. ГМИНВ. С. 90; изд. Хансари. С. 87.

³² *Пугаченкова Г. А.* Искусство Афганистана: Три этюда. М., 1963. С. 210.

³³ *Керимов К.* Султан Мухаммад... С. 20.

³⁴ Кази Ахмад: Рук. ГМИНВ. С. 138; ср.: пер. Заходера. С. 182.

³⁵ Кази Ахмад, изд. Хансари. С. 134.

³⁶ Дуст-Мухаммад: Рук. Л. 5а.

³⁷ Хондамир. Т. 4. С. 616.

³⁸ Тухфа-йи Сāми: Рук. Института востоковедения АН СССР. В 118. Л. 55а—б.

³⁹ См. выше, прим. 5.

⁴⁰ احمد گلچين معاني - تاريخ تذکروهای فارسی Ахмад Гоичин-е Ма'анию Тарих-е мазираха-йе фарси (*Гульчин Ма'ани.* История персидских биографических словарей-антологий). Т. 1. Тегеран, 1348/1909. С. 156.

⁴¹ Рук. Института востоковедения АН СССР. В 116. Л. 37б; В 118. Л. 37а—б.

⁴² См., напр.: *Gray B.* Persian Painting. P. 1136, 138.

⁴³ *Керимов К. Д.* Роль табризской школы в развитии миниатюрной живописи в Казвине // Искусство и археология Ирана: Всесоюзная конференция (1969 г.). Доклады. М., 1971. С. 164—165.

⁴⁴ Там же. С. 165—166.

⁴⁵ Будак-мунши. Л. 111а.

⁴⁶ Кази Ахмад, изд. Хансари. С. 99.

⁴⁷ В русском переводе неточность (Кази Ахмад, пер. Заходера. С. 141) — «в конце дела». Персидское *در آخر کار* (дар ахер-е кар) является калькой с арабского *آخر الامر* (ахер ал-амр), что переводится как «в конце концов», «наконец».

⁴⁸ Кази Ахмад: Рук. ГМИНВ. С. 91; изд. Хансари. С. 88.

⁴⁹ Искандар Мунши. Т. 1. С. 174.

⁵⁰ В переводе К. Керимова неточность: «в последние годы (дар авāхир)» следует переводить как «в конце концов» или «наконец», тем более, что тремя строками ниже Искандар мунши пишет, что сделал шах в последние годы жизни (см.: Керимов К. Роль табризской школы... С. 164)

⁵¹ Кази Ахмад: Рук. ГМИНВ. С. 91; изд. Хансари. С. 88; пер. Заходера. С. 141; пер. Минорского. С. 135.

⁵² *Stchoukine I. Les peintures...* . P. 88—90.

БИБЛИОТЕКА ШИБАНИДОВ В БУХАРЕ XVI В.*

В настоящее время мы не располагаем данными как нарративных источников, так и официальных документов, которые позволили бы нам точно определить, когда и кем была создана или образована библиотека при дворе удельного правителя Шибанидов в Бухаре. Конечно, придворная библиотека не могла спонтанно возникнуть на пустом месте. Известно, что подобные культурные институты, сочетавшие в себе хранилище рукописей и мастерские по их производству с соответствующим штатом мастеров рукописной книги, их создающих, функционировали в тимуридском султанате Мавераннахра в течение всего XV в. при дворах правителей в Бухаре и Самарканде.¹ Представляется вполне вероятным, что после разгрома узбеками Шейбани-хана тимуридского султаната придворная библиотека в Бухаре автоматически перешла в собственность победителей как законное наследие и престижный трофей.

Трудно сказать, занимался ли Махмуд-султан (858—911/1454—1505 г.) обустройством библиотеки при своем дворе в Бухаре, выделенной ему в удел Мухаммад-Шейбани-ханом в 1500 г.² Однако не подлежит сомнению, что его сын 'Убайдаллах-султан (892—946/1487—1540), культурный уровень которого вряд ли уступал уровню образованности тимуридской элиты,³ уделял своей библиотеке самое пристальное внимание. Страстный поклонник рукописной книжности, он постоянно пополнял ее книгами, захваченными узбеками во время многократных походов-набегов на соседний Хорасан, особенно на Мешхед и

* Впервые статья была опубликована в: Изв. Академии наук Республики Таджикистан. Душанбе. 1992. № 1. С. 14—23.

Герат. И следует отдать ему должное — он привозил после каждого набега подлинные шедевры, выполненные выдающимися мастерами «книжного рукоделья» (каллиграфами — катибāн, орнаменталистами — музаххибāн, миниатюристами — мусаввирāн, наккашāн, переплетчиками — муджаллидāн), творившими в указанных городах.

Однако вскоре (где-то около 1525 г.) выяснилось, что цель, поставленная Шибанидами, — захватить и присоединить к своему вновь образованному государству в Мавераннахре Хорасанский султанат Тимуридов, на который они «законно» претендовали как победители-правопреемники, далека от осуществления, поскольку иранские Сефевиды, в свою очередь, абсолютно не были склонны расстаться с этой наиболее плодородной и экономически сильной провинцией своей империи. В затянувшейся борьбе процесс выкачивания продукции принял другую форму — из Хорасана (с Гератом) столь же традиционно и планомерно стали выкачивать ремесленный люд, включая, естественно, мастеров книги. В итоге в течение полувека из Хорасана и Герата⁴ было вывезено и переселено в Бухару, Самарканд, Ташкент, Шахрухийю и другие города Мавераннахра весьма значительное число ремесленников разнообразнейших специальностей. Однако определенная (и не малая) часть из них добровольно оставила родные места и эмигрировала в Мавераннахр перед угрозой насильственной шиитизации, проводившейся временами сефевидскими наместниками особенно рьяно и жестоко.

В 940/1533 г. удельным правителем Бухары стал 'Абд ал-'Азиз-хāн (с 947/1540 г. всеузбекский хан, ум. в 957/1550 г. — сын 'Убайдаллах-хāна, чья известность страстного библиофила затмила отцовскую). В результате библиотека стала знаменита как своим собранием великолепно исполненных лицевых рукописей (наряду с редкими и уникальными сочинениями), так и сосредоточением мастеров «книжного рукоделия», работавших в ее составе (иногда помимо своего желания, как это случилось со знаменитым Мйр 'Али Харави⁵). Придворная библиотека-мастерская объединила в своих стенах признанных мастеров калама и кисти, первоначально в основном выходцев из Герата, а затем уже и их местных учеников. Она сыграла выдающуюся роль как в формировании бухарско-самаркандской школы художественного письма, отдельные представители которой (например, Мйр Кулангй) своим искусством и талантом ничем не уступали признанным иранским каллиграфам, так и в становлении и развитии мавераннахрской школы миниатюрной книжной

живописи 40—70-х годов XVI в. Эту школу иногда именуют также бухарской.⁶

К сожалению, подавляющее число источников обделили вниманием этот центр культуры. Отчасти это обстоятельство можно объяснить тем, что библиотека была придворной и создана для удовлетворения личных вкусов и прихотей патрона и, следовательно, доступ в нее для простых смертных был закрыт. Вместе с тем до наших дней дошло свидетельство бухарца по происхождению Бахā' ад-Дйна Хасана, носившего литературное имя Нисārй, который в своем труде «Музакир ал-ахбāб» («Взывающий к именам друзей»), составленном в 974/1566 г.,⁷ посвящает библиотеке специальную заметку. Касаясь периода правления в Бухаре 'Абд ал-'Азиз-хāна,⁸ он пишет: «И он ('Абд ал-'Азиз-хāн. — О. А.) имел такую библиотеку, что неизвестно, существовала ли в обитаемой четверти света в то время подобная ей. Царем (*малик ал-куттāб*) его каллиграфов был Мйр 'Алй Хусайнй, который бесподобно переписывал книги (*китāбат*), а его почерк доставлял наслаждение созерцающему.⁹ Остальные же мастера художественного письма (своим) лишенным огрехов почерком направляли живую воду в край вечной темноты.¹⁰ Его иллюминаторы — позолотчики (*музаххибāн*) и художник (*мусаввирāн*), доведя до степени совершенства расписное убранство рукописи (*тазхйб*) и живопись (*тасвйр*), кончиком волоска (кисти) таким образом расписывали лик, что в портрете и на гран не находилось изъяна. Всякий раз, когда они чародействовали, воспроизводя (образ) скакуна, они как бы вершили колдовство. Каждый из них был в своем искусстве вторым Мани и наделен талантом, лучшим, чем у Бехзāда. Маулана Султāн-Мйрак-муншй был главой (его) библиотеки (*китāбдār*). Сосредоточие достоинства, который столь сведущ и в практике, и в теории художественного письма, и убранства книги (*наққāшй*), что рассказ о нем невозможно вместить в писанные строки. Описание же начертанного им набело (*тахрйр*) и объяснение (созданного им) росписного убранства книги находится за пределами (возможности) речи. (Султāн-Мйрак) вырезал сей бейт на камне личной печати:

«Султāн-Мйрак по милости Творца и муншй и *китāбдār*».

Со времен 'Убайдаллах-хāна библиотека стала играть роль отменно устроенного культурного центра при дворе, в стенах которого первоклассные мастера-книжники создавали подлинные шедевры. Те отдельные экземпляры, что дошли до наших

дней, своим великолепием подтверждают истинность эмоций Хасана Нисārй, излившихся в восторженном отзыве о библиотеке.

Ниже мы остановимся на персональном штате мастеров, работавших в этой библиотеке, а также отметим в хронологическом порядке список тех рукописных книг, которые были созданы или дооформлены в ее стенах. При этом мы руководствовались исключительно сведениями, которые сообщают нам данные колофонов, *шамсе* (экслибрисов), а также пометы художников и оформителей, в благопожелательных надписях на миниатюрах с архитектурным декором и т. п. При этом мы сознательно отказались от рассмотрения сугубо атрибутированных списков, привлекая строго документированные.

СОСТАВ БИБЛИОТЕКИ. КИТАБДАРЫ

Во главе библиотеки, что традиционно для всего региона Среднего Востока, стоял управляющий — *китāбдār*, который назначался особым указом династа и который обладал весьма широкими полномочиями в деле руководства деятельностью этого учреждения, включая, естественно, мастерские по производству высокохудожественных рукописей. Основная его задача, вменявшаяся ему в первую очередь, заключалась в том, чтобы он, используя штат мастерской, пополнил библиотеку патрона подобными рукописными книгами. Под его наблюдением шел весь процесс создания любого списка. По согласованию с патроном он подбирал каллиграфов, определял художникам и их ученикам сюжеты миниатюр и их место в рукописи, а оформителям-декораторам — общую идею оформления полей, заставок, фронтисписов, унванов и колофонов. В некоторых придворных библиотеках под его надзором находились также мастерские по производству бумаги высокого качества. В его же функции входило распределение и снабжение мастеров всем тем, что было необходимо для их работы: ингредиенты для составления туши и красок; сусальное золото и серебро; клеи разных сортов, тростник для калама; волос для разного вида кистей; кожа для переплета и т. п.

В разное время библиотекой в Бухаре руководили три *китāбдāра*. Не исключено, что число их было бóльшим, но в настоящее время нам известны имена только трех:

1. Султāн-Мйрак ал-муншй ал-китāбдār.

2. Мавлānā 'Абдаллāх ал-муншй ал-китāбдār.
3. Мйр Хусайн ал-Хусайнй ан-Насафй ал-китāбдār.

По инициативе и под наблюдением (*ба са'и ва ихтимām*) Султāн-Мйрака были созданы или художественно дооформлены в библиотеке следующие списки.

1. «Гулистāн» Са'ди Герат, 1 мухаррама 906/28 июля 1500 г., каллиграф — Султāн-'Алй ал-Машхадй.¹¹ Список был иллюминирован и украшен 4 двойными миниатюрами, одна из которых (л. 45а) датирована месяцем мухаррамом 954/февраль—март 1547 г. (Geneva, Bodmer Foundation, Ms. Pers. 30).¹²

2. «Тухфат ал-Ахрār» Джāmй. Герат, 915/1509—1510 г., каллиграф — Мйр-'Али ал-Хусайнй. Имеются три миниатюры, одна из них (л. 37б) помечена 955/1548—1549 г. (Dublin, Chester Beatty Library, № 215).

3. «Хафт манзар» Хāтифй. Бухара, 944/1537 г., каллиграф — Мйр-'Али. В списке 4 миниатюры, две из них подписаны художником-миниатюристом Шāйх-зāде (New-York, Freer Gallery, 56.14).¹³

4. «Байāз-и газалхā» 946/1539—1540 г., каллиграф — Мир-'Али ал-Харави (бывш. кол. О. Homberg, № 86).

5. «Матла' ал-анвār» Амир Хусрава Дихлави. Бухара, середина ша'бāна 947/середина января 1540 г. Список содержит 4 двойных миниатюры, каллиграф — Мир-'Али ал-кāтиб (Bankipore Oriental Library, № 129).

6. Три поэмы («Сй-нāме», «Дах-нāме», «Раузат ал-мухиббйн») Авхādй Кирмāнй. Бухара, 950/1543—1544 г., каллиграф — Мир-'Али. Список содержит шесть миниатюр (Hydarabad, Salar Jang Museum, ANm 1116, № 988 Jade Room).

7. Четыре поэмы Джāmй. Бухара, 950/1543—1544, каллиграфы — Мир-Хусайн ал-Хусайнй ал-кāтиб ал-хākāнй, хваджа Джāн ал-кāтиб; музаххиб — Мйрак китāбдār. Список содержит девять миниатюр (Dublin, Chester Beatty Library, № 213).

К сожалению, этими данными пока и ограничивается круг наших сведений об этом несомненно выдающемся мастере и деятеле культуры Бухары XVI в. Мы можем лишь отметить, что он работал в библиотеке удельного правителя около 15—20 лет и не только руководил процессом создания высокохудожественных лицевых списков, но и сам время от времени принимал в нем посильное участие в качестве оформителя. Его сын Султāн б. Мйрак пошел по стопам отца и, по всей видимости, стал профессиональным каллиграфом. До нас дошли два списка, переписанные им: 1) «Музаккир ал-ахбāб» Нисārй.

Самарканд, 981/1572—1573 г. (Aligarh Muslim University Library, № 51/2244); 2) «Тухфат ал-ахрāр» Джāмī. Самарканд, 990/1582 г. В рукописи 12 рисунков тушью на полях внутри восьмиугольных картушей; часть из рисунков подписана: «ракама Бāкир».¹⁴

Второй китāбдār — Мавлāнā ‘Абдаллāх ал-муншī ал-китāбдār. Под его наблюдением проходили работы над списком «Бустāна» Са‘ди. Бухара, 961/1553—1554, каллиграф — Мир-Хусайн ал-Хусайнī ал-кāтиб ал-китāбдār ас-султāнī. 4 миниатюры, одна из которых (л. 181а) содержит посвящение с полным титулом ‘Абдаллāха и датой исполнения в надписи на фронтоне изображенного здания (Библиотека Салтанати, № 2197, Тегеран).

Третий китāбдār. Это отмеченный выше Мир-Хусайн ал-Хусайнī ал-кāтиб ал-китāбдār ас-султāнī. Единственное известное нам указание на то, что этот знаменитый бухарский каллиграф, известный как Мīр Кулангī (см. раздел «Мастера художественного письма»), занимал должность управляющего придворной библиотекой, приведено в колофоне переписанного им же тегеранского списка «Бустāна» Са‘ди, отмеченного выше.

ХУДОЖНИКИ

Можно с большой долей вероятности утверждать, что в мастерской в течение длительного времени работали выдающиеся мастера миниатюры, чье творчество, выдержанное первоначально в рамках гератского стиля, оказало значительное влияние на формирование бухарской (и шире — мавераннахрской) школы 1540—1570 гг., которая постепенно формировалась под двусторонним воздействием местных традиций и гератской школы. К их числу прежде всего относятся (1) Махмūd Музахиб¹⁵ и (2) ‘Абдаллāх.¹⁶ По мнению М. Ашрафи, в Бухаре работал также гератский мастер (3) Шайх-зāде, который был перевезен из Герата ‘Убайдаллāх-хāном, после одного из его походов — набегов на Хорасан.¹⁷ Это предположение пока еще не подкреплено какими-либо источниками. Но не подлежит сомнению, что в списках, изготовленных в стенах библиотеки, представлены миниатюры, выполненные в манере и стиле данного мастера. Вместе с тем эти миниатюры могли быть выполнены этим мастером по заказу *китāбдāра* и не обязательно в Бухаре, а, например, в том же Герате.¹⁸

МАСТЕРА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПИСЬМА

1. Мйр-‘Алй ал-Хусайнй ал-Харавй катиб ал-хаканй.
2. Хваджа Махмуд б. Исхак аш-Шихаби Сийавушани.
3. Мйр-Хусайн ал-Хусаинй ан-Насафй катиб ал-хаканй, известный как Мйр Кулангй.
4. Хваджа Джан ал-катиб.
5. Султан-Мас‘уд ал-катиб б. Султан-Махмуд.
6. Мухаммад-Хусайн б. ал-Мйрак ас-Самаркандй.
7. Мухаммад-Баки ал-катиб.
8. Мухаммад-‘Алй ал-катиб.
9. Мйр саййид ‘Ахмад-и Шам‘рйз-и Машхадй.

Пометы-подписи этих мастеров стояли в колофонах созданных ими списков. Все они в разное время работали непосредственно в библиотеке.

После смерти ‘Абд ал-‘Азйз-хана интерес к библиотеке у его преемников заметно угас. Но тем не менее по приказу его сына и наследника Абу-л-Фатха Йар-Мухаммад-хана был осуществлен замечательный проект, — видимо, рукопись всех поэм Навои. По всей вероятности, список этот впоследствии был расшит, и поэмы были проданы по отдельности. Одна из них — «Саб‘а-йи саййара» — находится в Бодлейской библиотеке в Оксфорде (Elliot, № 318). Бухара, 960/1553 г., каллиграф — Султан-Мас‘уд ал-катиб б. Султан-Махмуд. 11 миниатюр, шесть из которых в архитектурном декоре содержат указание на место исполнения и имя владельца.

Другая поэма — «Лисан ат-тайр» — из этого же сборника хранится в Национальной библиотеке Парижа. Имя хана отмечено в миниатюре в картуше на фронтоне здания.¹⁹ Для этой же библиотеки по распоряжению общеузбекского хана Навруз-Ахмада (Барак-хана), правившего в 959—963/1552 гг., был исполнен «Бустан» Са‘ди. Бухара, 963/1556 г., каллиграф — Мйр-Хусайн ал-Хусайнй катиб-и хаканй. 4 миниатюры того же времени (Paris, Bibliothèque Nationale, Suppl. Persan. 1187).

Не обошел своим вниманием это учреждение и знаменитый ‘Абдаллах-хан II, в чей удел с 964/1556 г. входила Бухара. Для него в библиотеке были исполнены или дооформлены и украшены миниатюрами следующие рукописные книги:

1. «Бустан» Са‘ди. Герат, 907/1501—1502 г., каллиграф — Мйр-‘Алй ас-Султанй. 5 миниатюр, миниатюра № 5 в архитектурном декоре содержит дату исполнения (970/1562—1563 г.), название библиотеки и имя заказчика — ‘Абдаллах-хана II. (Библиотека Салтанати, № 3140, Тегран).

2. «Шāх-нāме» Фирдоуси 972/1564—1565 г., каллиграф — Мухаммад-Бāкир ал-кāтиб. Шамсе — ex-libris (л. 1а). 28 миниатюр (Стамбул, Топкапы Сарай. Н, 1488).

3. «Йūsuf ва Зулайхā» Джāмī. 973/1565—1566 г., каллиграф — Махмūd б. 'Исхāк аш-Шихāбī ал-Харавī. 2 миниатюры с подписью Махмūда Музаххиба, на второй в архитектурном декоре указаны библиотека и имя хана (Нью-Йорк, бывшая коллекция Кеворкяна).

4. «Тухфат ал-ахрāр» Джāмī. От этого списка до нас дошла миниатюра «Довольный дервиш» (коллекция Шейха Кувейта), на которой в архитектурном декоре указаны библиотека и имя хана.²⁰

Всего мы располагаем сведениями о 30 списках из этой библиотеки, которые дошли до нас в настоящее время. Из этого числа 21 рукопись была целиком создана в ее стенах, а шесть после поступления в нее были дооформлены и доведены до кондиций лицевых, подносных экземпляров. Выше мы уже сказали о 15 из указанного числа, об оставшихся пойдет речь ниже:

1. «Хамсе» 'Алишера Навои. Герат, 897/1491—1492 г., каллиграф — Султāн-'Алī Машхадī. 6 миниатюр бухарской школы, одна из которых датирована 947/1540—1541 г. с указанием на библиотеку (England, Windsor Castle's Royal Library, № 177).

2. «Дīvān» Джāмī. Герат, 921/1515—1516 г. Каллиграф — Султāн-'Алī Машхадī. 4 миниатюры бухарской школы 50—60-х годов XVI в. — работы Махмūда Музаххиба (USA, Lafayette College Library).

3. Шарх-и «Дīvān-и 'Алī». Герат, 924/1518—1519 г., каллиграф Султāн-Махмūd ас-Сафī б. Султāн-Мухаммад. На л. 16, 94а, 110а, 141б, 149а, 150а и др. оттиск печати с легендой вакфа библиотеки 'Абд ал-'Азīз-хāна (Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР, рук. С 1532).

4. «Байāз». Бухара, зи-л-ка'да 935/июль—август 1529 г., каллиграф — 'Алī ал-Хусайнī ал-кāтиб ас-султāнī. Шамсе — ex-libris (л. 1а) с именем 'Абд ал-'Азīз-хāна. 3 миниатюры, последняя имеет приписку на полях — «выполнил Шайх-зāде» (бывшая коллекция Л. Картье).

6. «Субхат ал-абрāр» Джāмī. Бухара, 942/1535—1536 г., каллиграф Хвādжа Махмūd б. 'Исхāк аш-Шихāбī Сийавушāнī. Шамсе — ex-libris (л. 1а) с именем 'Абд ал-'Азīз-хāна (Sotheby's Catalogue, London. Apr. 21, 1930, № 186).

7. «Куллийāt» Навои 10 сафара 943/29 июля 1536 г., каллиграф — Мīр-'Алī. Шамсе — ex-libris (л. 1а) с именем 'Абд ал-'Азīз-хāна. (Стамбул, Музей исламского искусства).

8. «Йусуф ва Зулайха» Джамӣ. Бухара, мухаррам 944/июль 1537 г., каллиграф — ‘Али катиб ас-султани. Шамс — *ex-libris* (л. 1а) с именем ‘Абд ал-‘Азиз-хана. 3 миниатюры (Нью-Йорк, бывшая коллекция Х. Кеворкяна).

9. «Махзан ал-асрар» Низамӣ. Бухара, 944/1537—1538 г. каллиграф — Мӣр-‘Али Харавӣ. Диптих, левая часть имеет помету — «выполнил Махмуд Музаххиб, 952/1543 г.» (Paris, *Bibliothèque Nationale, Suppl. Persan, 985*).

10. «Матла‘ ал-анвар» Амира Хусрава Дихлавӣ. Бухара, ша‘бан 947/декабрь 1540 г., каллиграф — Мӣр-‘Али ал-Хусайни ал-катиб. Имя ‘Абд ая-‘Азиз-хана приведено в колофоне списка (India, *Bankipore Oriental Library, № 129*).

11. «Бустан» Са‘ди 949/1542 г., каллиграф — Мӣр-‘Али Харавӣ. На каждой странице (поля) в картуше отмечено имя ‘Абд ал-‘Азиз-хана. 7 двойных миниатюр: три (1, 3, 6) подписаны Махмудом Музаххибом; причем 6-ая датирована 956/1549 г., одна (2-ая) — ‘Абдаллахом (Lisboa, *Gulbenkian Collection, № 129*).

12. «Гулистан» Са‘ди 950/1543—1544 г., каллиграф — Мӣр-‘Али. Шамсе — *ex-libris* (л. 1а) с пометой ‘Абд ал-‘Азиз-хана (Индия, частное собрание).²¹

13. «Бахаристан» Джамӣ. Бухара, 954/1547—1548 г. Имя ‘Абд ал-‘Азиз-хана отмечено в картушах на полях каждой страницы. 5 двойных миниатюр (Lisboa, *Gulbenkian Collection, № 122*).

14. «Бахаристан» Джамӣ. Бухара, 958/1551 г., каллиграф — Мӣр-Хусайн ал-Хусайни. Одна миниатюра (диптих) с подписью Махмуда Музаххиба с посвящением ‘Абд ал-‘Азиз-хану (Париж, бывшая коллекция М. Е. Лорей).

15. «Субхат ал-абрар» Джамӣ. Бухара, каллиграф — Махмуд ал-Харавӣ. Шамсе — *ex-libris* (л. 1а) с именем ‘Абд ал-‘Азиз-хана (бывшая коллекция Д. Г. Келекяна).

В библиотеке работали замечательные мастера калама — представители гератской (хорасанской) школы художественного письма. Со временем же их местные ученики, опираясь на их профессиональное мастерство, опыт и знания, создали свою бухарскую (и шире — мавераннахрскую) школу каллиграфии. Их было немало. Но несомненно первое место в списке мастеров местной генерации по праву принадлежит Мӣр-Хусайну ал-Хусайни ан-Насафӣ, известному под именем Мӣр-Кулангӣ. Этот выдающийся мастер в почерковом стиле наста‘лиқ длительное время работал в бухарской библиотеке Шибанидов. Помимо многочисленных образцов его почерка до нас к настоящему времени дошло 19 списков различных сочинений, выполненных

им между 942/1535—1536 и 993/1585 гг. Так случилось, что ни один из местных литераторов (биографов или историков) не удосужился сохранить память о нем для потомков. К счастью, этот пробел был восполнен в Индии автором поэтической антологии «Маджма‘ аш шу‘арā-йи Джахāнгиршāхй» («Антология поэтов Джахангар-шаха») Кāти‘ Харави, посвятившего ее Бабуриду Джахангиру (1014—1037/1605—1628).²² В заметке «зикр-и хайр-и Мйр-Кулангй» («Упоминание в похвалу Мира Куланги»),²³ автор пишет: «Он происходит из <семьи> саййидов г. Герата, однако вырос он и сложился в Бухаре, куда ‘Убайдаллах-хāн вывез много гератского люда. Он был бесподобным мастером художественного письма, учеником муллы Мйра ‘Алй; Мйр-Кулангй, а также хвāджа Махмуд-и Исхāk Сийавушāни отправились к Акбар-падишаху²⁴ в Индию, где они состояли в числе писцов <государевой> библиотеки. Так он наряду с Мйром Даурй²⁵ и Хāфизом Мухаммад-Амином — учениками Мйра саййида Ахмада <Машхади>²⁶, а также еще с несколькими мастерами письма переписали “Кисса-йи Хамза”. В почерке он не уступал Султāн-Мухаммаду Хāндāну и Султāн-Мухаммаду Нўру.²⁷ Он слагал стихи и имел (полный) “Диван”. Он был близок с хваджой Хусайном Марвй²⁸ и совершил вместе с ним хаджж. Большинство списков “Дивāна” (стихов) этого хваджи было переписано им. И он часто занимался перепиской книг для него».

Это сообщение Кāти‘ Харавй требует определенного комментария и пояснения. Среди известных нам помет, оставленных мастером в 19 переписанных им рукописях, Мйр-Кулангй ни разу не указал своей нисбы «Харавй», или «Бухарā’и». Вместе с тем в колофоне «Йусуф ва Зулайхā» Джāмй (Библиотека Салтанати, № 477, Тегеран), завершенной им в Бухаре в 966/1558—1559 г., он отметил своей нисбой «Насафй», которая следовала после прозвания. Следовательно, он происходил из Насафа (Карши). Он был непосредственным учеником знаменитого Мйр-‘Алй ал-Харавй. К 950/1543—1544 г. еще при жизни наставника он удостоился почетного прозвания «кāтиб ал-хākани» («писец государев»). Этот титул мы встречаем в его пометах к спискам «Четыре поэмы» Джāмй (Dublin, Chester Beatty, № 213), исполненном в Бухаре в указанном году, и «Бустāн» Са‘ди (Paris, Bibliotheque Nationale, Suppl. Persan, 1187), переписанном там же в 963/1556 г. для Барāk-хāна. Материальным подтверждением сообщения Кāти‘ Харавй (помимо замечания Абу-л-Фазла ‘Аллāмй²⁹) о том, что Мйр-Кулангй уехал в Индию и там работал, является руко-

пись «Рубā'ийāt-и Джāмабāф» (Тегеран, собрание Насраллаха Такави), которую он переписал в Лахоре. В 993/1585 г. он уже вернулся в Бухару, где в этом году переписал «Йусуф ва Зулайхā» Джāмй (Библиотека Маджлиса, без номера, Тегеран) и в колофоне прибавил уже к своему имени прозвание «ал-хāджжй», что свидетельствовало о проделанном им паломничестве в Мекку и Медину. Кāти' Харавй в полном согласии с Абу-л-Фазлом 'Аллāмй³⁰ сообщает, что Мйр-Куланги был одним из исполнителей грандиозного проекта Акбара, участвуя в переписке «Румўз-и Хамза, или «Киссā-йи амир Хамза». К сожалению, мы не знаем точных дат его жизни и можем пока только указать ее приблизительные хронологические рамки: он родился в начале 10-х годов X в. х./ 1510—1515 гг. и умер, видимо, вскоре после 993/1585 г. Ниже мы предлагаем хронологический список всех известных нам до настоящего времени рукописей его работы. Естественно, в этот перечень не включены те четыре списка, которые были отмечены выше:

1. «Гулистāн» Са'ди. Бухара, 942/1535—1536 гг. (Тегеран, Библиотека Салтанати, № 211).

2. «Изхār ал-музмар-и кабйр». 949/1542—1543 г. (Стамбул, Топкапы Сарай, В. 148).

3. «Тухфат ал-ахрār» Джāмй. 962/1554—1555 г. 3 миниатюры бухарской школы (Lisboa, K. Gulbenkian Collection № 124, formerly Clod Anet).

4. «Бустāн» Са'ди. 964/1556—1557 г. Одна из миниатюр бухарской школы датирована 963/1555—1556 г. (Paris, Bibliotheque Nationale, Suppl. Persan, 257).

5. «Йусуф ва Зулайхā» Джāмй. Бухара, 966/1558—1559 г. (Тегеран, Библиотека Салтанати, № 477).

6. «Гулистāн» Са'ди. 975/1567—1568 г. Миниатюры бухарской школы (London, British Library, Or. 5302).

7. «Йусуф ва Зулайхā» Джāмй. Бухара, ша'бāн 975/февраль 1568 г. 2 миниатюры бухарской школы (London, British Library, Or. 4389).

8. «Дивāн-и Хāфиз». Бухара 978/1570—1571 г. (Индия, University of Hyderabad).

9. «Тухфат ал-ахрār» Джāмй. 980/1572—1573 г. 2 миниатюры бухарской школы (Dublin, Chester Beatty, № 239).

10. «Тухфат ал-ахрār» Джāмй. 983/1575—1576 г. 2 миниатюры бухарской школы (Demotte collection).

11. Мунтахабāt-и Бустāн-и Са'ди. 983/1575—1576 г. 2 миниатюры бухарской школы (Ленинград, ГПБ, ПНС, 269).

12. «Йўсуф ва Зулайхā» Джāмӣ. Бухара. 993/1585 г. 2 двойные миниатюры бухарской школы (Тегеран, Библиотека Маджлиса, без номера).

13. «Тухфат ал-ахрāр» Джāмӣ. Бухара. Три миниатюры бухарской школы (Ленинград, ГПБ, Dorn 425).

14. «Рубā‘ийат» Мир саййида Мухаммада Джāмабāфа. Лахор (Тегеран, собрание Хаджж саййида Насраллаха Такави).

15. «Байаз» Мир Куланги работал над списком вместе с мастером Мухаммад-‘Али ал-кāтибом (Стамбул, Топкапы Сарай, № 1964).

Таковы известные нам материалы, связанные с функционированием придворной библиотеки Шибанидов в Бухаре. Дальнейшая ее судьба такова: после прихода к власти династии Аштарханидов (Джанидов, годы правления: 1601—1753) библиотека как законное наследие и трофей перешла к ним. Она стала основой центральной придворной библиотеки,³¹ поскольку новая династия обосновалась в Бухаре, а Самарканд — столица Шибанидов с 1601 г. — утратил свой первопрестольный блеск.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ До нас дошли рукописи с пометами и экслибрисами, позволяющими утверждать, что эти списки либо были исполнены, либо были специально приобретены для самаркандской библиотеки Улуг-бека (1394—1449), Султана Абу Са‘ида (правил в Самарканде в 1451—1459 гг.) и сына последнего Султан-Ахмада (правил там же в 1459—1494 гг.). Из числа многочисленных примеров укажем на: 1) «Тухфат аш-шāхийа». Автор — знаменитый Кутб ад-Дин Ширази. Авторский экземпляр 690/1291 г. переписки, переписчик — Мухаммад б. Айаз б. ‘Усман б. Садик. На л. 1а сохранилась собственноручная помета Улуг-бека о том, что он читал этот список. Рукопись фигурировала на аукционе Сотби в Лондоне 15 октября 1984 г. № 292; 2) «Зйдж-и гургāнӣ». Автор — Улуг-бек. Рукопись 1435—1440 гг. переписки была изготовлена в библиотеке в Самарканде. Ныне в частной коллекции А. Судавава в США; 3) Коран, переписанный в 845/1442 г. для библиотеки Султана Абу Са‘ида. Переписчик — Мухаммад-Му‘мин б. ‘Абдаллāх Марварид. Ныне находится в Библиотеке университета Сэнт Андю, № 29 (США).

² В 1502 г. Бухара с округой была вторично объявлена Шейбани-ханом уделом своего младшего брата.

³ Сын и преемник Махмуд-султана. Ходжа Ахрар, к которому Махмуд-султан принес новорожденного сына с просьбой дать имя, нарек его своим именем, т. е. ‘Убайдаллахом. Он получил отменное образование, свободно владел арабским и персидским языками, на которых писал стихи и прозаические трактаты, равно как и на своем родном узбекском. До нас дошел список его узбекских стихотворений «Дивāн-и ‘Убайдӣ» (London, British Library,

Add. 7907), переписанный по его указанию знаменитым гератским каллиграфом Султан-‘Али Машхади (ум. 926/1520). После гибели отца в 911/1505 г. Бухара числилась за ним как наследственный удел, в 917/1511 г. всеузбекский хан Сийунчик утвердил его удельным правителем. Верховный глава всех узбеков Мавераннахра в 1533—1540 гг.

⁴ Трудно установить точное число всех узбекских вторжений в Хорасан. Вместе с тем как иранские, так и местные нарративные источники отмечают не менее 21 заранее спланированного серьезного набега, длительного рейда и крупного по масштабам похода вплоть до 90-х годов XVI в.

⁵ Крупнейший персидский каллиграф XVI в., выдающийся мастер в почерковом стиле наста‘лийк Камāl ад-Дин Мир Джан, известный как Мир-‘Али, ‘Али ал-Харави, ‘Али ал-катиб, ‘Али ал-Хусайни, ‘Али ал-Хусайни ал-катиб ас-султани, Мир ‘Али ал-катиб (согласно его собственным пометам в колофонах переписанных им рукописей). Родом из Герата, из семьи сейидов Хусайни; ученик Зайн ад-Дин Махмуда, затем учился в Мешхеде у Султан-‘Али. По возвращении работал в *китабхәне* Хусайна Байкары в Герате и получил почетное звание «катиб ал-султани» («каллиграф государев»). В апреле-мае 1529 г. был вывезен в Бухару, где и умер в конце 951/1544 г. Известность получили его логотрифы (*му‘амма*) и трактат по каллиграфии «Мидад ал-хутут», писал также стихи. Большую популярность получило его кыт‘а, в котором он жаловался на свое жалкое существование в Бухаре. Особенно стал известен второй бейт этого кыт‘а «Так что все государи мира приглашают меня, а в Бухаре я измучился, добывая хлеб насущный». Впоследствии этот бейт различные источники приписывали многим известным деятелям калама, кисти и пера Ирана. Он оставил значительное художественное наследие. Помимо многочисленных кыт‘а, до нас дошли (по моим данным) 54 рукописи, созданные им между 906/1500 и 951/1544 гг., в том числе 20 списков, переписанных им в Бухаре в 935—951/1529—1544 г. См. о нем: Гулистан-и хунар та‘лиф-и Казим Мир ‘Ахмад мунши Куми. Ба тасхих ва ихтимам-и ‘Ахмад Сухайли-йи Хвансари. Техран, 1352/1973. С. 78—84.; *Акимушкин О. Ф.* 1) Лицевая рукопись из собрания ИНА АН СССР // Ближний и Средний Восток. М., 1962. С. 76—82; 2) Искандар мунши о каллиграфах времени шаха Тахмаспа // Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР. 1963. № 39. С. 26, 28; *Мухторов А.* Дурдонахои маданияти Тоҷикистон дар ганчинахои Хиндустон. Душанбе, 1984. С. 15—41.

⁶ См.: *Ашрафи М. М.* 1) Бухарская школа миниатюрной живописи в 40—70-е годы XVI века. Душанбе, 1974; 2) Бехзад и развитие Бухарской школы миниатюры XVI в. Душанбе, 1987.

⁷ Подробнее см.: *Болдырев А. Н.* Тазкирэ Хасана Нисари как новый источник для изучения культурной жизни Средней Азии XVI века. // Труды отдела Востока Гос. Эрмитажа. Л., 1940. Т. III. С. 291—300; *Storey C.* Persian Literature: A Bio-Bibliographical Survey. Vol. I, pt. 2. London, 1953. P. 802—803; *Ахмедов Б. А.* Историко-географическая литература Средней Азии XVI—XVIII вв.: Письменные памятники. Ташкент, 1985. С. 161—165; Музакир ал-ахбаб, та‘лиф-и Хваджа Баха‘ад-Дин Хасан Нисари. Ба тасхих ва мукабила ва мукаддима-йи саййид Мухаммад Фазлаллах. Хайдарабад, 1969.

⁸ Наш перевод выполнен по указанному выше научному изданию текста памятника. С. 78—79.

⁹ Букв.: «... а райхан-базилик его почерка прочищал от пыли (*губар*) глаза созерцающего». Здесь непереводаемая игра слов: райхан — особый почерковый стиль в системе классической шестерки (*сумте*) почерков, в то же вре-

мя — это пахучее травовидное растение, широко употребляемое на Востоке как приправа к различным блюдам, слабым раствором которого промывают глаза. Губār — мельчайший, бисерный почерк, наименьший по размерам вид различных почерковых стилей, также — мелкая пыль.

¹⁰ Возможен следующий вариант перевода: «...светлым <беспримесным> почерком указывали путь живой воде в край вечной темноты».

¹¹ Формула подписи мастера для этого времени вызывает сомнение: «Ва-ка'а би тахрирхā ва ана ал-факир Султāн-'Али ал-Машхадй».

¹² *Birson W. An Unpublished Ms. of the «Gulistan» of Sa'di // Beiträge zur Kunstgeschichte der Asiens. Stambul, 1964. S. 234.*

¹³ До 1969 г. рукопись находилась в частной коллекции Х. Кеворкяна (США, Нью-Йорк). См.: *Ашрафи М. Бехзад... С. 147.*

¹⁴ *Binyon L. J., Wilkinson V. S., Gray Basil. Persian Miniature Painting. New York, 1971. P. 146, № 222.* Следует читать: Хāма-йи Султāн б. Мйрак («Перо Султана б. Мирака»).

¹⁵ См. о нем: *Акимушкин О. Ф. Портрет Навои // Искусство и археология Ирана: Всесоюзная конференция (1969 г.). Доклады. М., 1971. С. 20—25. Ашрафи М. 1) Бухарская школа... С. 15—25; 2) Бехзад... С. 150—157.*

¹⁶ См. о нем: *Ашрафи М. 1) Бухарская школа... С. 19—22; 2) Бехзад... С. 159—177.*

¹⁷ См.: *Ашрафи М. Бехзад... С. 148—149.*

¹⁸ Подобная практика была широко распространена на всем мусульманском Востоке и примеров тому великое множество. Так, отмеченные нами два великих персидских каллиграфа — мешхедец Мир саййид Ахмад и гератец хваджа Махмуд б. Исхак, работали в бухарской библиотеке до 957/1550 г.; рукописи же, переписанные ими в более поздний период, были сделаны для библиотеки уже по заказу и присланы в Бухару.

¹⁹ *Bloch E. Les peintures des MSS orientaux de la Bibliothèque Nationale. Paris, 1914—1920. P. XLIII.*

²⁰ Следует отметить, что посол 'Абдаллāх-хана II, прибывший в Стамбул в январе 1594 г., привез турецкому султану Мураду III в числе прочих даров рукописи «Шāх-нāме» Фирдоуси, «Хамсе» Низами и два списка Корана. См.: *Султанов Т. И. Среднеазиатская и восточнотуркестанская позднесредневековая рукописная книга // Рукописная книга в культуре народов Востока: Очерки. Кн. I. М., 1987. С. 495.*

²¹ *Ziauddin M. A Monograph on Muslim Calligraphy. Calcutta, 1936. P. 30.*

²² Рук. Бодлейской библиотеки, Оксфорд. Ouseley 186. См.: *Catalogue of the Persian, Turkish, Hindustani and Pushtu Manuscripts in the Bodleian Library began by Prof. Ed. Sachau... completed by H. Ethe. Oxford, 1889. № 371.*

²³ См.: Рук. Бодлейской библиотеки. Оксфорд. Ouseley 186. Л. 466—48а.

²⁴ Великий Могол Джалāl ад-Дин Акбар (963—1014/1556—1605).

²⁵ Султан-Байазид Харави, известный как Мир Даури, родом из Герата, был учеником известного персидского каллиграфа мавлана Кāsима Шāдишāха. При Акбаре считался лучшим индийским мастером, работавшем в почерковом стиле наста'лийк, носил почетное прозвание «кāтиб ал-мулк» («каллиграф державы»). Также пробовал свои силы в стихотворчестве (*The Muntakhab al-Tawarikh of Abd-al Qadir al-Badaoni / Ed. by W. N. Lees. III. Calcutta, 1869. P. 226—227*). 'Абу-л-Фазл добавляет, что он исполнил отличный список «Ду-валрāнй-йи Хизр-хāн». Амир Хусрава Дихлави для библиотеки Акбара. Уто-нул около Гуджаратского побережья при возвращении морем из хаджа (*The*

Ain-Akbari, by Abul-Fazl Allami / Edited by Blochmann. Calcutta, I, 1872/— P. 248).

²⁶ Он родом из Мешхеда из семьи саййидов Хусайни. Его отец занимался свечным делом. 'Ахмад считался наиболее известным из учеников Мира-'Али Харави, у которого он обучался в Герате, а затем вместе с ним работал а придворной библиотеке 'Абд ал-Азиз-хана (947—957/1540—1550). После смерти последнего он вернулся в Иран и продолжал работать то в Казвине, то в Мешхеде, то в Мавераннахре. Он умер в своем родном городе в 986/1578—1579 г. См.: *Акимушкин О. Ф.* 1) Искандер мунши о каллиграфах... С. 26—27; 2) Казим Ахмад о списке сочинения Абд ар-Рахмана Джами «Лавā'их» // Ближний и Средний Восток. М., 1968. С. 21—24; *Байани М.* 'Ахвāl ва асār-и хушнависан. Наста'ликнависан. Ч. I. Тегран, 1345/1966. С. 44—47.

²⁷ Два превосходных представителя гератской школы каллиграфии, считались отличными мастерами в письме мелким наста'ликом. Оба родились и прожили всю жизнь в Герате, где и умерли. Хандан — около 951/1550 г., а Нур — около 940/1533—34 г. Оба были учениками Султāн-'Али Машхади (ум. 936/1520 г.) и состояли в штате при Алишере Навои (844—906/1441—1501). Схожесть их биографий была давно замечена и источники иногда называли их «два Султан-Мухаммада». См.: *Байани М.* 'Ахвāl ва асār-и хушнависан. С. 268—271, 272—279.

²⁸ Выходец из Мерва. Поэт, ученик муллы 'Ассам ад-Дина Ибрахима и шайха Хаджжара. Абу-л-Фазл 'Аллами отмечает, что он был наделен многими достоинствами и талантами. Состоял в штате двора Хумайуна в Индии, при Акбаре также пользовался авторитетом. Однажды он «продал свои превосходные оды-панегирики за очень высокую цену» (Ain-i Akbari. 1872. I. № 248). 'Абд ал-Кāдир Бадā'уни поясняет, что Хусайн Марви получил от восхищенного 'Акбара два лака (200 000) серебряных танга наличными за касыду в 31 бейт, написанную им по поводу рождения Мйрзы Салима (будущий шах Джанхангир) 17 раби' I 977/31 августа 1569 г. Касыда была примечательна тем, что каждая первая мисра' всех бейтов содержала хронограмму восшествия Акбара на престол (963/1556 г.), а каждая вторая — дату рождения Салима. В преклонном возрасте он вернулся в родные стены и там умер в 999/1590—1591 г. (*Badaoni A.*, Muntakhab. II. Calcutta, 1868. P. 120, 132). В. А. Иванов отмечает, «Diwan-i Marwi»... содержит касыды, газели, кыт'а, руба'и в честь Хумайуна и главным образом Акбара», а также многочисленные хронограммы, позднейшая из которых дает 993/1570—1571 г. Приведенный «Натā'идж ал-афкār» 979/1771—1772 г., год его смерти, не подтверждается отмеченной хронограммой. См.: Concise Descriptive Catalogue of the Persian Manuscripts of the Asiatic Society of Bengal by W. Ivanow. Calcutta, 1924. № 682. P. 303.

²⁹ The Ain-i Akbari. 1872. I. P. 115.

³⁰ Там же. С. 120. Абу-л-Фазл отмечает переписчиков: Мир Даури, Мир Куланги, Хафиз Мухаммад-Амин Машхади и др., и указывает, что этот проект состоял из 12 томов и 1400 миниатюр, которые украсили текст этих томов. 'Абд ал-Кāдир говорит, что вся работа над произведением, состоявшим вместе с «Шāх-нāме» Фирдоуси из 17 томов, продолжалась 15 лет и на миниатюры к ним было израсходовано много золота (*Badaoni A.* Muntakhab. I. Calcutta, 1865. P. 320). Мухаммад-Казим замечает, что «Румūз-и Хамза» были подарены Надир-шаху в Индии Великим Моголом Нāдир ад-Дином Мухаммадом, а тот пообещал вернуть книги из Ирана после ознакомления с ними, поскольку он не имел намерения конфисковать их. Каждый лист этих томов был длиной в

1,5 зар' (около 74 см), а шириной — 3/4 зар' (около 37 см). См.: Нāме-йи 'Аламāрā-йи Надири. Т. II / Изд. текста, предисловие и общая редакция Н. Д. Миклухо-Маклая. Указатели и аннотированное оглавление О. П. Щегловой. М., 1965. Л. 223б—224а. В настоящее время в разных музеях и собраниях Мира насчитывается 152 миниатюры из этого многотомного произведения.

³¹ Akimushkin O. F., Ivanov A. A. Une école artistique méconnue: Voxara au XVIIe siècle // Art et société dans le monde iranien. Paris, 1982. P. 127—139.

СЛОВАРЬ «АС-СИХĀХ АЛ-'АДЖАМИЙЯ»: ДАТА СОСТАВЛЕНИЯ*

Среди значительной группы персидско-таджикских словарей, составленных в регионе Среднего Востока в средние века, особое положение занимает «ас-Сихāх ал-'аджāмиийа» («Безукоризненный персидский <язык>»). Как представляется, определенная приоритетность этого труда была обусловлена следующими причинами: во-первых, это, видимо, один из самых ранних дошедших до нас персидско-огузских (азербайджанских) словарей; во-вторых, в нем представлена широкая по объему персидская лексика (более 5500 лексем); в-третьих, практически каждый автор, обращавшийся к лексикографической теме, использовал этот труд;¹ в-четвертых, судя по тому, что до наших дней дошло около 40 списков словаря, он был достаточно известным и пользовался популярностью в различных общественных кругах. Словарь содержит широкий круг обычной и обиходной персидской лексики с целым пластом арабских слов, прочно вошедших в ткань персидского литературного языка. Словарь не снабжен подтверждающими стихотворными цитатами. Последнее обстоятельство говорит о том, что он не строился как словарь рифм, а, как отмечает автор в кратком введении на арабском языке, предназначался для передачи по-тюркски точного смысла и значения персидского слова. Собственно словарь (помимо небольшого персидского авторского введения) состоит из двух разделов (*кисм*) и дополнения (*татимма*). Первый раздел содержит словарь имен, второй —

* Впервые статья была напечатана в: Восточное историческое источниковедение и специальные исторический дисциплины. Вып. 2 / Отв. ред. Е. А. Давидович. М., 1994, с. 15—17.

словарь инфинитивов, а в дополнении кратко поясняется грамматический строй персидского языка с главным акцентом на основные формы спряжения персидского глагола. Я не считаю необходимым подробно останавливаться на структуре и содержании этого лексикографического труда, так как все это подробно изложено в справочниках и многочисленных каталогах.² Сочинение было издано в Тебризе проф. Гулам-Хусайном Бигдили в 1983 г. на базе единственного списка из собрания библиотеки университета в г. Братиславе (Словакия).³

В настоящее время можно считать, что полемика, которая возникла вокруг несколько двусмысленного и туманного сообщения турецкого биографа XVII в. Хаджи Халифы относительно авторства сочинений, а также в связи с тем, что в дошедших до нас списках словаря имя автора не указано и оно остается как бы анонимным,⁴ разрешилась в пользу известного ученого, выходца из Нахчивана Фахр ад-Дина Хиндӯшāха б. Санджара Сāхибī Гирāнī Нахчивāнī. Он вошел в историю персидской и азербайджанской культуры как превосходный знаток арабского языка, историк, лексикограф и литератор. Его перу принадлежит антология арабской классической поэзии «Мавāрид ал-адаб», составленная им в Тебризе в 707/1308 г.; в 724/1324 г. он написал исторический труд «Таджāриб ас-салаф». Труд этот состоит из двух частей: первая представляет собой перевод с арабского на персидский исторической части сочинения Ибн ат-Тиктакā «Китāб ал-Фахрī» (701/1301), вторая оригинальна и содержит много дополнительных сведений по истории фатимидской династии в Египте и по Бувейхидам и Сельджукидам в Иране.⁵

Дата рождения Хиндӯшāха не установлена, как, впрочем, и дата смерти. Считается, что он умер в 730/1329—1330 г. Однако имеются основания полагать, что он скончался после завершения «Таджāриб ас-салаф» и до 728/1327—1328 г., поскольку его сын, знаменитый *мушш* Шамс ад-Дин Мухаммад (родился в 687/1288 г. в Нахчиване), говорил о нем в своем начатом в 728/1327—1328 г. персидском толковом словаре «Сихāх ал-фурс» (2300 вокабул) как об «отошедшем в иной Мир». До недавнего времени ряд специалистов, как тюркологов, так и иранистов, не считали Хиндӯшāха автором «ас-Сихāх ал-‘аджāмиййа», а склонялись к мысли, что автором были либо некий шейх Йахйā ал-‘Амйрī ар-Румй ал-Курашй, либо Такй ад-Дин Мухаммад б. Пйр-‘Алй Баркавй (или Биргилй), который умер в 981/1573—1574 г. и который составил труд, согласно тому же Хаджи Халифе, под одноименным названием. Если

принять последнюю точку зрения,⁶ то в таком случае персидско-туркский словарь «ас-Сихāх ал-‘аджāмиййа» был составлен в середине XVI в. и он, естественно, не может считаться одним из ранних персидско-огузских словарей. Полемика в данном случае была разрешена просто. Помощь оказал книжник, писец, который аккуратно, внимательно и с полным уважением отнесся как к порученной ему более 500 лет назад работе, так и к тексту протографа, с которого он снимал рукописную копию.

Итак, некий Мйр Хусайн переписал в середине месяца зу-л-хиджжа 878 г. (начало мая 1474 г.) сборник (Англия, библиотека Кембриджского университета, № LI. 6/10), в котором л. 16—106а занимал словарь «ас-Сихāх ал-‘аджāмиййа». При этом он сохранил также и колофон автора сочинения (л. 105б—106а):⁷

تمت الصحاح العجميه بحسن التوفيق والتيسير التي لا بد منها لكل طالب
الفارسي من الصغير والكبير وقت الضحو من يوم الاثنين من اواخر شهر
الشريف ذي الحجة لسنة سبع وسبعين وستمايه يسر الله لولفه و
لساير المسلمين...

‘При добром содействии и споспешествовании <Аллаха> закончен «ас-Сихāх ал-‘аджāмиййа», без коего не обойтись всякому стремящемуся познать персидский язык, как недорослю, так и взрослому, после восхода солнца во вторник, в конце благородного месяца зу-л-хиджжа года 677, да споспешествует Аллах автору сего <труда> и прочим мусульманам...’.

Таким образом, благодаря Мйр Хусайну мы можем сказать, что Хиндūшāх Нахчивāнй закончил свой лексикографический труд «ас-Сихāх ал-‘аджāмиййа» во вторник 8 мая 1279 г., и все встало на свое место.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Из их числа отметим три наиболее известных: а) «Шāмил ал-лугāt», составлен ок. 900/1494—1495 г. Хасаном б. Хусайном Карā-Хисāри; б) «Лугат-и Халймй», составлен в 917/1511—1512 г. Лутфаллāхом б. Аби Йусуфом ал-Халими; в) «Лугат-и Ни‘маталлāх», составлен не позднее 947/1540—1541 г. Ни‘маталлāхом б. Ахмадом ар-Руми.

² О каталогах и сочинении см.: Storey C. A. Persian Literature: A Bio-Bibliographical Survey. Vol. III, pt. I. Leiden, 1984. P. 7—8.

³ Шифр TD 13. См.: Arabische, türkische und persische Handschriften der Universitätsbibliothek in Bratislava. Bratislava, 1961. С. 497, №549.

⁴ Хāджжи Халифа называет труд «Сихāх ал-‘аджам», а автором — Хиндūшāха ан-Нахдивāнй. При этом он замечает, что труд известен ему в двух ре-

дакциях — «старой и новой». Начало сочинения, которое приводит Хаджи Халифа, совпадает в целом с началом «анонимного» словаря «ас-Сихах ал-'аджамиййа», приводимого в каталогах.

⁵ Труд издан в Иране эмиром Хасаном Равзати (Исфахан, 1360/1981). В качестве приложения к изданию добавлено факсимиле рукописи середины XV в.

⁶ Наиболее четко и категорично эта точка зрения изложена в последней по времени работе, посвященной интересующему нас вопросу: *Саййид Мухаммад-Мухит Табāтабā'и Сихāх ал-'аджам*. Китāби навсāхте ва нāшинāхт // Айанде. 1362/1984. Т. IX, № 12. С. 895—903.

⁷ См.: A Catalogue of the Persian Manuscripts in the Library of the University of Cambridge / Ed. by Ed. G. Browne. Cambridge, 1896. № 170. P. 253. Э. Г. Браун приводит полностью колофон писца, но имя переписчика и дату он прочел неточно: «Расул б. Хусайн 868 г. х.». Он же не привел авторский колофон, сохраненный в списке. Видимо, Браун не придал его содержанию существенного значения.

О. Ф. АКИМУШКИН

**БИБЛИОГРАФИЯ ОПУБЛИКОВАННЫХ РАБОТ
(1954—2003)**

1954

1. К истории развития просветительских взглядов в персидской литературе накануне революции 1905—1911 гг. (Роман Зейн аль-Абедина Мерагеи «Путешествие Ибрагим-бека») // Сб. студенческих работ по филологии стран Востока / Ред. Е. М. Пинус и С. Е. Яхонтов. Л., 1954, с. 140—174.

1960

2. Два редких памятника мусульманской агиографической литературы // КСИВАН, 1960, 38, с. 41—47.

3. Некоторые редкие и уникальные персидские и таджикские рукописи в собрании ИВ АН СССР // Доклады делегации СССР на XXV Международном конгрессе востоковедов. М., 1960 (совместно с В. В. Кушевым, Н. Д. Миклухо-Маклаем и М. А. Салахетдиновой).

Брошюра была переведена на персидский и опубликована в журн. «Рах-нама-йе кетаб», 1961, т. 4, 1, с. 38—43; Some Rare Persian and Tajik Mss. in the Collection of the Leningrad Branch of the Institute of Oriental Studie the USSR Academy of Sciences. М., 1960.

1961

4. Рецензия на сборник статей, посвященных искусству таджикского народа: Труды АН Тадж. ССР, 1956, т. 42 // Эпиграфика Востока, 1961, т. 14, с. 121—128 (совместно с А. А. Ивановым).

1962

5. Мир Имад. — Альбом индийской и персидской миниатюры и каллиграфии XVI—XVIII вв. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1962, с. 60—71 (издание «Альбома» совместно с Т. В. Грек, Л. Т. Гюзальяном, А. А. Ивановым).

6. Лицевая рукопись из собрания ИНА АН СССР // Ближний и Средний Восток. М., 1962, с. 76—82.

1963

7. Искандар Мунши о каллиграфах времен шаха Тахмаспа I // КСИНА, 1963, 39, с. 20—32.

8. Легенда о художнике Бехзаде и каллиграфе Махмуда Нишапури // НАА, 1963, 6, с. 140—143.

9. Материалы к библиографии персидских рукописей // НАА, 1963, 3, с. 615—174; 6, с. 228—241 (совместно с Ю. Е. Борщевским).

«Материалы» были переведены на персидский и напечатаны в двух выпусках «Носхаха-йе хатти. Нашрийат-е махсус-е кетабхана-йе маркези-йе данешгах-е Техран», Техран, № 3, 1342/1964 и № 7, 1353/1974, с. 277—295 и 7—28.

10. *Гаваллоли Ф.* Блюстители законности / Пер. с персид. О. Ф. Акимущкина // Восточная новелла. М., 1963, с. 198—200 (совместно с Ю. Е. Борщевским).

1964

11. Персидские и таджикские рукописи Института народов Азии АН СССР. Ч. 1: Краткий алфавитный каталог. М.: Наука, 1964 (совместно с В. В. Кушевым, Н. Д. Миклухо-Маклаем, А. М. Мугиным и М. А. Салахетдиновой). Перепечатка: N. Ross Publishers. New York, 1998, Vol. I—II.

12. То же: Ч. 2: Указатели и приложения. М.: Наука, 1964 (совместно с В. В. Кушевым и М. А. Салахетдиновой).

13. Калантар // СИЭ, 1964, т. 6, с. 836—837.

1965

14. Комментарий на «искусственную касиду Қивāми Мутарризй» // КСИАН, 1965, № 69, с. 7—21.

15. К истории редакции первого «Дивана» Джами // НАА, 1965, 4, с. 151—154.

16. Абу-л-Касим Фирдоуси. Шах-наме. Т. 3. М., 1965. (с. 256—260 — критический текст, с. 124—260 — разночтения по четырем спискам «Шах-наме»).

17. Школа миниатюрной живописи в Мавераннахре в 17 веке // Живопись стран Азии, Эрмитаж, Л., 1965, с. 20—22 (совместно с А. А. Ивановым).

18. Кедхуда // СИЭ, 1965, т. 7, с. 152.

1966

19. Мазар-и Шариф // СИЭ, 1966, т. 8, с. 905.

20. Махмуд Газнави // СИЭ, 1966, т. 9, с. 199.

21. Мирхонд // СИЭ, 1966, т. 9, с. 493—494.

22. Мубашшир // СИЭ, 1966, т. 9, с. 758.

1967

23. Новые поступления персидских рукописей в Ленинградское отделение ИНА АН СССР // Византия, Иран, Передний Восток. М., 1967, с. 144—157.

24. Персоязычные источники по истории Восточного Туркестана // Всесоюзная сессия по истории и филологии тюркских народов. Л., 1967, с. 49—50.

1968

25. Кази Ахмад о рукописи «Лавā'их» 'Абдаррахмана Джами // Страны Переднего и Среднего Востока. М., 1968, с. 22—26.

26. Школа миниатюры в Мавераннахре 17 века // НАА, 1968, 1, с. 130—135 (совместно с А. А. Ивановым).

27. Персидская миниатюра 14—17 веков в ленинградских собраниях. М.: Наука, 1968 (совместно с А. А. Ивановым).

28. Редкий источник по истории Моголии // IV годичная научная сессия Ленингр. отделения ИНА АН СССР. М., 1968, с. 3—5.

29. Портрет поэта // Правда Востока, 1968, 8 сентября.

1969

30. Моголо-узбекский союз против казахов в середине XVI века // V годичная научная сессия Ленингр. отделения ИВ АН СССР. М., 1969, с. 37—40.

31. Кашгарский поход узбеков при 'Абдаллах-хане // Иранская филология. М., 1969, с. 5—9.

32. *М. Шади*. «Фатх-наме» («Книга победы») / Перевод извлечений и примечания // Материалы по истории казахских ханств. Алма-Ата, 1969, с. 53—69, 73—83, 85—90.

33. Каталог всесоюзной выставки «Искусство эпохи Тимуридов», Ташкент; Самарканд, 1969 (совместно с А. А. Ивановым).

1970

34. К вопросу о внешнеполитических связях Могольского государства с узбеками и казахами в 30-е гг. XVI—60-е гг. XVII веков // Палестинский сборник. 1970, 21, с. 233—248.

35. Несколько слов о поэте 'Имад ад-Дине Факихе из Кермана // VI Всесоюзная конференция по актуальным проблемам иранской филологии. Тбилиси, 1970, с. 150—152.

36. «Хроника» Шах-Махмуда б. мирзы Фазил Чураса: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1970.

1971

37. К вопросу о традиции жанра искусственной касиды в персидской литературе // Иран. М., 1971, с. 158—168.

38. Портрет Навои // Искусство и археология Ирана. М., 1971, с. 20—25.

1972

39. Стихи Низами в антологии Са'иба // Ежегодник ППВ, год 1969. М.: Наука, 1972, с. 7—27.

40. Еще раз о художнике Сийавуш-беке грузине // Восточная филология II. Тбилиси, 1972, с. 193—198.

41. О второй редакции «Диван-и Хафиз» // Письменные памятники и памятники истории культуры народов Востока. Вып. VIII. М.: Наука, 1972, с. 143—145.

42. Школа миниатюрной живописи в Мавераннахре в 17 веке // Труды V Международного конгресса по искусству и археологии Ирана. Т. 2. Тегеран, 1972, с. 2—6 (на персидском языке, совместно с А. А. Ивановым).

Доклад был перепечатан в журн. «Айанде» («Будущее»), VIII : 9, Тегран, 1361/1982, с. 589—593.

1973

43. Перевод и комментарии «Зафар-наме» Низам ад-Дина Шами // Материалы по истории киргизов и Киргизии. М.: Наука, 1973, с. 101—111.

44. Перевод и комментарии «Аноним Искандара» // Там же, с. 112—127.

45. Перевод и комментарии «Зафар-наме» Шараф ад-Дина Али Йезди // Там же, с. 128—149.

46. Перевод и комментарии «Матла'ас-са'дайн ва маджма' ал-бахрайн» 'Абд ар-Раззака Самарканди // Там же, с. 150—169.

47. Публикация. Академик В. В. Бартольд. Сочинения. Т. VIII: Работы по источниковедению. М.: Наука, 1973 (предисловие — 0.7 п. л.; примечания — 3.0 п. л.; библиография — 3.6 п. л.; указатель сочинений — 0.8 п. л.).

48. Рецензия на: «История стран зарубежной Азии в средние века». М.: Наука, 1970: Новое учебное пособие по истории стран зарубежной Азии в средние века // НАА, 1973, 2, с. 141—149 (в коллективе авторов).

49. Отчет о командировке в Иран (октябрь 1971—февраль 1972). М.: ВИНТИ, 1973.

50. Исторический труд Шах-Махмуд Чураса // Доклады делегации СССР на XXIX международном конгрессе востоковедов (Париж 14—23.07.1973). М.: Наука, 1973; англ. вариант: The Historical Work of Shan-Mahmud Churas. XXIX International Congress of Orientalists (Paris, July 16—22, 1973).

51. Редкое сочинение по истории Ирана 17 в. из библиотеки Вазири в г. Йезде // ППиПИКНВ, 1973, IX, с. 48—51.

1974

52. Махмуд Газнави // БСЭ, 1974, т. 15, с. 524.

53. Мирхонд // БСЭ, 1974, т. 16, с. 321.

54. Сведения о калмаках (ойратах) в «Хронике» Шах-Махмуда Чураса // Вестник Института языка, литературы и истории при СМ Калмыкской АССР, 1974, 9, с. 116—138.

55. Могольское государство и калмыки // Международный симпозиум ЮНЕСКО. Улан-Батор, 1974, с. 43—46.

56. Le Turkestan Oriental et les Oirats // Etudes mongoles. Paris, 1974, 5, p. 157—163.

1975

57. Собрание персидских рукописей в Ленинграде // Ближний Восток. М., 1975, с. 19—26.

58. Моголистан, моголы и киргизы в первой половине XVI в. // ППиПИКНВ. 1975, XI, с. 6—11.

1976

59. *Шах-Махмуд ибн мирза Фазил Чурас*. Хроника / Крит. текст, перевод, комментарии, исследование и указатели О. Ф. Акимовской. М.: Наука, 1976.

Перевод на английский (без персид. текста) в 1982 г. в журнале Японского ориентального общества. Токио; Киото.

Перевод на уйгурский язык Вале Курбана. Урумчи (КНР), 1989.

60. К чтению надписей с именами мастеров на мавзолеях Шах-и Зинда // История и культура народов Средней Азии. М.: Наука, 1976, с. 110—115 (совместно с А. А. Ивановым).

61. «Продолжение» Искандера мунши и «Краткая суть жизнеописаний» Мухаммад-Ма'сума // Иран: экономика, история, историография, литература. М.: Наука, 1976, с. 97—114.

1977

62. Фрагменты документов с Восточного Памира // Ежегодник ППВ (1972) 1977, с. 130—136, 305—309.

63. «Тути-наме» Нахшаби и его предшественник // ППиПИКНВ, 1977, XII, с. 125—128.

64. Послесловие и комментарии к русскому переводу книги Г.-Х. Са'эди «Одержимые ветрами». М.: Наука, 1977, с. 93—103.

1978

65. К биографии поэта Имад ад-Дина Факиха из Кермана // Актуальные проблемы иранской филологии. Тбилиси, 1978, с. 623—634.

Перепечатка: Иран: История и культура в средние века и новое время. М.: Наука, 1980, с. 19—26.

66. Иранистика в Ленинградском отделении ИВ АН СССР // Ахбар. М., 1978, с. 22—24.

1979

67. Заметки к биографии Камал ад-Дина Бехзада // ППиПИКНВ, 1979, XIV, 1, с. 9—15.

68. The Art of Illumination // The Arts of the Book in Central Asia: 14th—16th Centuries. London, 1979, p. 35—57 (in col. A. A. Ivanov).

69. «Тути-наме» Нахшаби и «Джавахир ал-асмар» На'ри // Материалы всесоюзной научной конференции по актуальным проблемам иранской филологии. Баку, 1979, с. 48—50.

1980

70. О придворной kitabxane Сафавида Тахмасба I в Табризе // Средневековый Восток. История, культура, источниковедение. М.: Наука, 1980, с. 5—19.

71. К вопросу о роли суфийских орденов в традиционном мусульманском обществе // Ислам и его роль в современной идеологической и политической борьбе. Ташкент, 1980, с. 381—389.

1981

72. Возвращаясь к напечатанному // Строительство и архитектура Узбекистана. Ташкент, 1981, 3, с. 34—37 (совместно с А. А. Ивановым).

1982

73. Основные итоги работы по описанию и изданию письменных памятников из коллекции ИВ АН СССР (Средний Восток) // ППиПИКНВ, XVI, 1, 1982, с. 14—18.

74. О функциях поэтических альбомов и сборников в классической персидской и таджикской словесности // Актуальные проблемы иранской филологии: VIII Всесоюзная научная конференция. Душанбе, 1982, с. 142—144.

75. Второй список исторического труда Будака мунши Казвини «Джавахир ал-ахбар» // ППиПИКНВ, 1982, XVI, 2, с. 90—95.

76. Une école artistique meconnue: Voxara au 17 siecle // Art et societe dans le Monde iranien. Paris, 1982, p. 127—139 (совместно с А. А. Ивановым).

1983

77. «Трактат о каллиграфях и художниках» Казии Ахмада Куми. Первая редакция // ППиПИКНВ, XVII, 1, 1983, с. 63—68.

78. Искандар Мунши о художниках времени Тахмаспа I Сафави // Труды Тбилис. гос. ун-та. 1983, 241, Тбилиси, с. 259—273.

79. *Седых Дм.* Из поэзии Востока: Переводы. М.: Наука, 1983 (филологические переводы всех притч Джалал ад-Дина Руми: с. 220—274).

1984

80. «Тути-наме» и предшественник Нахшаби. К вопросу об индо-иранских культурных связях // Ежегодник ППВ (1976—1977). М.: Наука, 1984, с. 4—21.

81. Заметки о персидской рукописной книге и ее создателях // Очерки истории культуры средневекового Ирана. Письменность и литература. М.: Наука, 1984, с. 5—7, 8—56, 240—254.

82. Хронология владетелей Восточной части Чагатайского улуса // Средняя Азия и Восточный Туркестан. М.: Наука, 1984, с. 156—164, 224—225.

83. *Алишер Навои.* Фархад и Ширин / Пер. Л. Пеньковского. М., 1984.

(Предисловие «Поэт, политик, меценат», с. 7—60; комментарии, с. 525—560 и составление).

84. Научное изучение текста памятника и «критический текст» // Источниковедение и текстология средневекового Ближнего и Среднего Востока. М.: Наука, 1984, с. 13—26.

1985

85. Забытые «Рассказы попугая» // *Имад ибн Мухаммад ан-Наари.* Жемчужины бесед. М.: Наука, 1985, с. 5—12.

86. О функциях поэтических сборников и альбомов в персидской и таджикской словесности // Актуальные проблемы иранской филологии: Материалы 8-й всесоюзной конференции иранистов. Душанбе, 1985, с. 207—212.

1986

87. *Джалаладдин Руми.* Поэма о скрытом смысле. Избранные притчи / Пер. с перс. Н. Гребнева. М.: Наука, М., 1986.

392

(Составление, филологический перевод, послесловие — «Вдохновенный из Рума» (с. 215—231), комментарии (с. 232—258), глоссарий (с. 259—264)).

88. Collections of Eastern Manuscripts of the Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences and their Research. М., 1986. Перепечатка: Bulletin of International Association of the Orientalist Librarians. 1986, Vol. 28—29, p. 20—28.

89. Моголы и киргизы в первой половине XVI века // Историко-культурные контакты народов алтайской языковой общности (XXIX сессия РИАС, Ташкент, сентябрь 1986). М., 1986, с. 7—9.

90. Хайдарабадский «автограф» «Трактата о каллиграфах» Кази Ахмада Куми // ППиПИКНВ. (1985), 1986. XX, ч. 1 с. 98—102. Перепечатка: Ex Oriente. In Honour of Juri Becka. Prague, 1995, p. 33—37.

91. Переписчик—рукопись—текст // В сокровищнице рукописей. VII. Баку, 1986, с. 64—69.

92. Collections of Eastern Manuscripts of the Institute of Oriental Studies of USSR Academy of Sciences and their Research. М., 1986.

1987

93. К истории формирования фонда мусульманских рукописей Института востоковедения АН СССР // Ежегодник ППВ 1978—1979. М.: Наука, 1987, с. 9—27.

94. Персидская рукописная книга // Рукописная книга в культуре народов Востока. Книга первая. М.: Наука, 1987, с. 330—406.

95. Collections of Eastern Mss. of the Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences and their Research: Abstracts: The 32th Congress Asian and North African Studies. Hamburg, 1987, p. 138—139.

96. Из истории культуры Ирана, Афганистана и Мавераннахра: кетабхане Байсунгур-мирзы в Герате // Информационный бюллетень МАИКЦА, 13. М., 1987, с. 80—84.

Перевод на английский: Information Bulletin of Intern. Association for the Study of the Cultures of Cent. Asia. М., 1987, p. 80—84.

97. «Автограф» трактата Кази Ахмада — семейный извод // Бартольдские чтения. Год восьмой. М.: Наука, 1987, с. 10.

98. Коллекция восточных рукописей Института востоковедения Академии наук СССР и их изучение // НАА, 1987, 6, с. 116—121.

1988

99. Вопросы восточной текстологии // Советское востоковедение: Проблемы и перспективы. М.: Наука, 1988, с. 82—89.

100—116. Ислам: Словарь атеиста. М., 1988. Бекташия — с. 44; Бистами — с. 47; Дервиш — с. 60—61; Джунейд — с. 69—70; Зикр — с. 81—82; Кадирия — с. 123; Мавладия — с. 137—138; Накшбанд — с. 168; Накшбандия — с. 168—169; Низамия — с. 171—172; Руми — с. 191—192; Саадия — с. 193; Тарика — с. 213—214; Текке — с. 217; Чиштия — с. 423.

117. «Библиотека» Байсунгур-мирзы в Герате (1420—1449 гг.): функции, организация, состав, продукция // Взаимодействие цивилизаций и культур на Востоке: III Всесоюзная конференция востоковедов. М.: Наука, 1988, ч. 1, с. 62—64.

118. Трактат Кази Ахмада о мастерах рукописной книги: принципы подготовки текста к научному изданию // Актуальные проблемы изучения и издания письменных исторических источников. Всесоюзная научная сессия (г. Кутаиси, октябрь 1988 г.). Тбилиси, 1988, с. 11—13.

1989

119. Суфийские братства: сложный узел проблем // Дж. С. Тримингэм. Суфийские ордены в Исламе / Пер. с англ. М.: Наука, 1989, с. 3—13, 209—212, 287—302.

120. Из истории жанра «искусственной» касиды в персоязычной литературе // Низамиевская конференция—IV. Баку, 1989, с. 15—16.

1990

121. Археография и кодикология // Археография ориенталиа. М.: Наука, 1990, с. 5—9.

122. К текстологии «Диван-и Хафиз» // Бартольдские чтения. 1990. М.: Наука, 1990, с. 5—7.

1991

123—163. Ислам: Энциклопедический словарь. М.: Наука, 1991. 41 статья:

1. Абу Са'ид Михни, с. 10—11;
2. 'Аттар Фарид ад-Дин, с. 25;
3. Бадави Ахмад, с. 35;
4. Бадавийа-ахмадийа, с. 35—36;
5. Бекташийа, с. 39—41;
6. Бистами Абу Йазид, с. 42—43;
7. Вахдат аш-шухуд, с. 49—50;
8. Гидждувани 'Абд ал-Халик, с. 54;
9. Дар ал-фана, с. 56;
10. Дарвиш, с. 56;
11. ал-Джилани 'Абд ал-Кадир, с. 65—66;
12. Джунайд ал-Багдади, с. 68—69;
13. Захабийа, с. 75—76;
14. Зикр, с. 77;
15. Кадирийа, с. 126—127;
16. ал-Калабади, с. 128;
17. Каландар, с. 129—130;
18. Каландарийа, с. 130—131;
19. ал-Кубра Наджм ад-Дин, с. 139;
20. ал-Кубравийа, с. 139—140;
21. Маламатийа, с. 155—156;
22. Маулавийа, с. 162—163;
23. Накшбанд Баха ад-Дин, с. 186;
24. Накшбандийа, с. 187—188;
25. Ни 'маталлах Вали, с. 190—191;
26. Ни 'маталлахийа, с. 191—193;
27. Рабита, с. 194;

28. Рибат, с. 198;
29. Руми Джалал ад-Дин, с. 199—200;
30. Сама', с. 205—206;
31. Силсила, с. 208—209;
32. Сухравардийа, с. 215—216;
33. Тарика, с. 224—225;
34. Хаксар, с. 265—266;
35. Хайдарийа, с. 263—264;
36. Халватийа, с. 267—268;
37. Халифа, с. 269;
38. Ханаках, с. 272—273;
39. Хирка, с. 278—279;
40. ал-Худжвири, с. 281;
41. Чиштийа, с. 286.

164. «Тарих-и Кашгар»: источниковедческий анализ // Источники по средневековой истории Кыргызстана и сопред. областей Средней и Центральной Азии: Научная конференция, посвященная памяти В. А. Ромодина. Бишкек, 1991, с. 8—10.

165. The Court Library of Shibaniids at Bukhara in the 16th Century // Abstracts The 4th Conference of ESCAS. Bamberg, 1991, p. 1.

166. The Social Functions of the Poetical Collections (jung, bayaz, majmu'a) in the Persian and Tajik Literature // Abstracts EIA 2d Conference. Bamberg, 1991, p. 1—3.

1992

167. Библиотека Шибанидов в Бухаре XVI в. // ИАН Республики Таджикистан. Серия: востоковедение, история, филология. Душанбе, 1992, 1, с. 14—23. Перепечатка: Из истории культурного наследия Бухары. Вып. 2. Бухара, 1994, с. 90—112.

168. The World Survey of Islamic Mss. Collections. London, 1992: «al-Furqan Foundation». Vols. I—IV, 1992—1994. Vol. I: p. 17—21, 41—47, 67—69, 237—239, 309—314; vol. II: p. 147—150, 175—177, 179—181, 663—707; vol. III: p. 215—224, 401—405, 407—415, 605—625 (частично совместно с А. Б. Халидовым).

169. О дате составления и авторе словаря «ас-Сихах ал-'аджамийа» // Низамиевская конференция-V. Баку, 1991, с. 4—6.

170. «Докладная-челобитная» (арзадашт) Джафара Табризи на имя Байсунгур-мирзы // Вклад иранских народов в развитие мировой цивилизации: история и современность. Душанбе, 1992, с. 39 (англ. текст на с. 35).

171. Collections of the Eastern Mss. of the Institute of Oriental Studies // Proceedings of 32th ICANAS (Hamburg, 25—31.08.1986). Stuttgart, 1992, p. 593—594

1993

172. Описание персидских и таджикских рукописей Института востоковедения. Вып. 10. Поэтические сборники, альбомы. М.: Наука, 1993.

173. Миссия в Индию в 1442—1444 гг.: Путевые заметки 'Абд ар-Раззака Самарканди // Петербургское востоковедение. СПб., 1993, 4, с. 49—104.

174. «Заметки» Будака Мунши Казвини о мастерах «книжного рукоделия» // Восточный сборник. Вып. 5. СПб., 1993, с. 94—138.

175. Источники «Трактата о каллиграфах и художниках» Кази Ахмада Куми // ИАН Республика Таджикистан. Серия: востоковедение, история, филология, 1993, 1—2, с. 30—39.

176. Байсунгур-мирза и его роль в культурной и политической жизни Хорасанского султаната Тимулиродов первой трети XV в. // Бартольдские чтения. 1993. Год десятый. М., 1993, с. 5—7.

1994

177. Байсунгур-мирза и его роль в культурной и политической жизни Хорасанского султаната в первой трети XV в. // Петербургское востоковедение. СПб., 1994, 5, с. 143—168.

178. Словарь «ас-Сихах ал-'аджамийа»: дата составления // Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины. Вып. 2. М.: Наука, 1994, с. 15—17. Английский перевод: Манускрипта Ориенталиа, 1997, III : 2, с. 31—32.

179. Библиотека при дворе Шибанидов в Бухаре 16 века // ESCAS (Bamberg, october 1991). Berlin, 1994, p. 325—341.

180. Институт «хангах» и бином «муршид-мурид» в становлении организационных форм тасаввуфа // Ислам и проблемы межкультурных взаимодействий. М.: Нур, 1994, с. 11—20.

181. «Джавахир ал-ахбар» («Перлы известий») Будака Казвини и его «Заметки» о мастерах персидской рукописной книги // Петербургское востоковедение. СПб., 1994, 6, с. 443—505.

182. Из истории культуры Мавераннахра: две придворные библиотеки в Бухаре XVI—XVIII вв. // Бухара и мировая культура: Динамика культурного процесса в столицах восточных цивилизаций. Вып. 1. Бухара, 1994, с. 129—133.

183. К типологии суфийских братств // История религий на Украине. Львов; Киев, 1994, с. 6—8.

184. Рецензия на: J. Baldick. Imaginary Mystics. London, 1993 // Петербургское востоковедение. СПб., 1994, 6, с. 669—671.

185. Il Muraqqa'di San-Pietroburgo. Album di miniature indiane e persane del XVI—XVIII secolo. Milano: Electa, 1994.

Каталог.

186. De Bagdad a Ispahan. Mss. Islamiques de la Filiale de Saint-Petersbourg. Milano: Electa, 1994 (in col. A. B. Khalidov et E. A. Rezvan).

Каталог.

Аналогичные издания того же года на итальянском и немецком языках.

187. Treatise of Qutb al-Din Ahmad b. 'Imadi of Yazd on duties of Hamadaniyyah Path // Abstracts. 17th Congress of UEA. Spb., 1994, p. 1.

188. Персидский лаковый переплет XVI века. СПб., 1994 (совместно с О. В. Васильевой).

1995

189. Две аннотации: V. Loukonine et A. Ivanow. L'Art de l'Iran. Spb., 1995, p. 211, 246—247.

190. «Тарих-и Кашгар»: источниковедческий и историографический анализ // Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины. Вып. 3. М., 1995, с. 15—30.

191. Два кодикологических этюда // Эрмитажные чтения 1986—1994 годов. Памяти В. Г. Луконина. СПб., 1995, с. 109—113.

192. Sources of Qadi Ahmads's «Treatise on Calligraphers and Painters» // Manuscripta Orientalia, I: 1. SPb., 1995, p. 5—11.

193. Textological studies and the «Critical text» Problem // Ibid, I: 2, p. 22—28.

194. Muraqqa': Album of the Indian and Persian Miniatures of the 16—18th Centuries // Ibid, I: 3, p. 63—67.

1996

195. «Тарих-и Кашгар»: источники и проблема авторства // Сб. Памяти В. А. Ромодина. Бишкек, 1996, с. 18—34.

196. The Muraqqa': Album of Indian and Persian Miniatures of 16—18th Centuries and Specimens of Calligraphy of 'Imad al-Hasani. Milan, 1996 (edition in col. A. Ivanow and S. C. Welch).

197. Байсунгур-мирза: меценат, политик, воин // Амир Тимур и его место в мировой истории: Международная научная конференция. Ташкент, 1996, с. 99—100.

198. Pages of Perfection. Islamic Paintings and Calligraphy from the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg. Milan, «Electa», 1995 (in col. Yu. Petrosyan, A. Khalidov, E. Rezvan).

Каталог.

199. A Manuscript of Yusuf wa Zulaykha by Jami // Manuscripta Orientalia, II: 4. SPb., 1996, p. 62—64.

1997

200. The Library—Workshop (kitābkhāna) of Bāysunghur-Mīrzā // Ibid., III: 1. SPb., 1997, p. 14—24.

201. Новые поступления персидских рукописей в Санкт-Петербургский Филиал Института востоковедения РАН // Петербургское востоковедение. СПб., 1997, 8, с. 167—188.

202. Treatise of Qutb al-Din Ahmad of Yazd on the Duties of the Hamadaniyah's Mystical Path // Proceedings of the 17th Congress of the UEAI. SPb., 1997, p. 9—12.

1998

203—209. Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь. М., 1998. Вып. 1 (Абу Са 'ид Майхани, с. 10; ал-Калабади, с. 39—40; Каландарийа, с. 40—41; ал-Кубра, с. 59; Кубравийа, с. 59—61; Баха ад-Дин Накшбанд, с. 78—81; Накшбандийа, с. 8—82).

210. The Qajar Epoch: 200 Years of Painting from the Royal Persian Courts. New York, 1998, p. 120—121, 163—164.

Две аннотации к миниатюрам из собрания С.-Петербур. филиала ИВ РАН, опубликованным в каталоге.

211. The «Tuti-nama» and the Predecessor of Nakhshabi // *Manuscripta Orientalia*, IV: 2. SPb., 1998, p. 3—12.

212. An Entire Library in a Single Book // *Manuscripta Orientalia*, IV: 3. SPb., 1998, p. 62—69.

213. Краткий алфавитный каталог персидских и таджикских рукописей Института народов Азии АН СССР. Ч. I—II. New York, 1998. Репринт. изд. 1964 г. (см. № 11) с исправлениями и дополнением.

1999

214. 'Абд ал-Хāдик ал-Гидждувāни // *Ислам на территории бывшей Российской империи*. М., 1999, вып. 2. с. 26—27.

215. The Early «Diwan of Jami» // *Manuscripta Orientalia*, V: 4. SPb., 1999, p. 57—68.

2000

216. «Киргизская группа» при ИВ АН СССР. Листая страницы ее истории (1954—1957) // *Восток: история и культура*. СПб.: Наука, 2000, с. 169—174. Репринт: Материалы по истории киргиз и Киргизии. Бишкек, 2002, с. 310—314; см. также № 43—46.

217. Das Traktat des Qutbaddīn Ahmad b. 'Imādī Yazdī über die Regeln des Mystischen Wegs der Hamadāniya—Dahabiya // *Muslim Culture in Russia and Central Asia*. Vol. 3. Berlin, 2000, s. 43—61.

218. Remarks on the Biography of the Poet 'Imād al-Dīn from Kirmān // *Book of Abstracts. ICANAS XXXVI*. Montreal, 2000, p. 212.

219. К истории становления историографии туркмен и Туркмении // *Культурное наследие Туркменистана: Материалы к международной научной конференции*. СПб.; Ашгабат, 2000, с. 140—142.

220. Remarks on the Biography of the Poet Imād al-Dīn Faqīh from Kirmān // *Russian Orientalists at the XXXVI ICANAS*. Moscow, 2000, p. 7—12.

221. Камал ад-Дин Бехзад в арабиграфичных источниках // *Тезисы международной конференции «Камал ад-Дин Бехзад и искусство восточной миниатюры»*. Ташкент, 2000, с. 6—10.

222. О работе Славко Словенова «Омар Хайам. Рубайат» // *Омар Хайам. Вино и чаша (Рубайат)* / Пер. С. Словенова. СПб., 2000, с. 11—13.

2001

223. «Тāрйх-и Кāшгар»: Тюркоязычная хроника владельцев Восточного Туркестана по конец XVII в. Издание текста, введение и указатели. СПб., 2001.

224. Саййид Амир Кулал // *Ислам на территории бывшей Российской империи*. М., 2001, вып. 3. с. 56—58.

225. Arabic Script Sources on Kamāl al-Dīn Behzad // *Manuscripta Orientalia*, VII: 2. SPb., 2001, p. 64—68.

226. Диван-и Хафиз: текстология и редакция // *Культурное наследие Ирана пороге XXI века*. М., 2001, с. 17—23.

227. A Rare 17th Century Hagiography of the Naqshbandiya—Mujaddidiya Shaykhs // *Manuscripta Orientalia*, VII: 1. SPb., 2001, p. 62—67.

228. Central Asian Manuscripts' Bindings (1730s—1930s) // *Manuscripta Orientalia*, VII: 3, SPb., 2001, p. 4—8.

2002

229. «Хасанат аи-абрар» шайха Мухаммад-Мурада Кашмирӣ — редкая агиография конца XVII в. шайхов братства накшбандийа—муджаддидийа // ЗВОРАО. Нов. сер. Т. I (XXVI). СПб., 2002, с. 13—24.

230. Автобиографическая справка Владимира Алексеевича Иванова // Петербургское востоковедение. СПб., 2002, 10, с. 446—458

231. Аттār Фарид ад-Дйн // Православная энциклопедия. Т. 3. Христианская энциклопедия. М., 2001, с. 680.

232. ал-Бистами, Байазид // Православная энциклопедия. Т. 5. М., 2002, с. 225—226.

233. Две аннотации к миниатюрам // *Chevaux et cavaliers arabes dans les Arts d'Orient et d'Occident*. Gallimard. Paris, 2002. pp. 88, 97, 191.

234. Remarks on the Biography of the Poet 'Imād al-Dīn Faqīh from Kerman and his «Kulliyat» // «Нама-йе Бахарестан». Т. 3, № 1(5). Тегран, 2002, с. 5—12.

235. From the History of the Culture of Iran, Afghanistan and Mawer al-nahr: Baysunghur — Mirza Kitabkhaneh // *Information Bulletin of IASCA*, 23. М., 2002, p. 132—137.

236. *Тримингэм Дж. С.* Суфийские ордены в исламе / Пер. с англ., под редакцией и с предисловием О. Ф. Акимушкина. М.: София, 2002. (предисловие см. № 119. Дополнительный вариант).

237. Институт «хангах» и бином «муршид — мурид» в становлении организационных форм тасаввуфа // *Страны и народы Востока*, XXXI. СПб., 2002, с. 182—189. Дополнительный вариант статьи (см. № 180).

2003

238. *Arts of the Book, Painting and Calligraphy. Part one: Iran and North-western Central Asia* // *History of Civilizations of Central Asia*. Vol. V., Paris, 2003, p. 555—585.

Ответственный и научный редактор:

1.(239) *Миклухо-Маклай Н. Д.* Описание персидских и таджикских рукописей Института востоковедения АН СССР. Вып. 3. Исторические сочинения. М.: Наука, 1975.

2.(240) *Гаухар Мурад.* Траур в Байале: Повесть и рассказы / Пер. с персид. Ш. Бади и Н. Кондыревой. М.: Наука, 1975.

3.(241) *Голам-Хосейн Сазди.* Одержимые ветрами / Пер. с персид. А. Михалева. М.: Наука, 1977.

4.(242) *Шамс ад-Дин Хафиз.* Сто семнадцать газелей / Пер. Г. Плисецкого. М.: Наука, 1981.

5.(243) ППиПИКНВ. Год XVI. Научная сессия Лен. Отд. ИВ АН СССР. Доклады и сообщения по иранистике. Ч. 2. М., 1982.

6.(244) *Додхудоева Л. Н.* Поэмы Низами в средневековой миниатюрной живописи. М.: Наука, 1985.

7.(245) Очерки истории культуры средневекового Ирана. Письменность и литература. М.: Наука, 1984.

8.(246) *Имад б. Мухаммад ан-Наари*. Жемчужины бесед / Пер. с персид. М. Н.-О. Османова. М.: Наука, 1985.

9.(247) *Ворожейкина З. Н.* Исфаханская школа поэтов и литературная жизнь в предмонгольском Иране 12—13 вв. М.: Наука, 1984.

10.(248) *Курпалидис Г. М.* Мунтаджаб ад-Дин Бади'. Ступени совершенствования катибов. М.: Наука, 1985.

11.(249) ППИПИКНВ. Год XXI. Материалы по истории отечественного востоковедения (к 30-летию Лен. Отд. ИВ АН СССР). М.: Наука, 1987.

12.(250) *Тримингэм Дж. С.* Суфийские ордены в исламе. М.: Наука, 1989.

13.(251) *Салахетдинова М. А.* Хафиз-и Таныш. «Книга шахской славы». Т. 2. М.: Наука, 1989.

14.(252) Сб. «Страны и народы Востока». Т. 26. М.: Наука, 1989.

15.(253) ППИПИКНВ. Год XXIII, ч. 3. Сборник статей памяти К. К. Курдоева. М.: Наука, 1991.

16.(254) *Хисматулин А. А.* Суфийская ритуальная практика. СПб.: Ориенталиа, 1996.

17.(255) *Хисматулин А. А.* Смерть и похоронный обряд в исламе. Смерть и похоронный обряд в исламе и зороастризме. СПб., 1997, с. 128—168.

18.(256) *Ястребова О. М.* Персидские и таджикские документы в Отделе рукописей Рос. нац. библиотеки: Систематический каталог. СПб., 1999.

19.(257) *Бахаулла*. Китāб-и Иқāн / Пер., предисл. и комментарий Ю. А. Иоаннесяна. СПб., 2001.

20.(258) *Алескерова Н. Э.* Суфийское братство гюльшанийа. СПб., 2002.

21.(259) *Дмитриева Л. В.* Каталог тюркских рукописей Института востоковедения РАН. М.: «Восточная литература», 2002.

22.(260) *Фархад Дафтари*. Краткая история исма'илизма: Традиция мусульманской общины. М.: Ладомир, 2003.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АПН	— Агенство печати «Новости»
БСЭ	— Большая Советская энциклопедия
ВИНИТИ	— Всесоюзный институт научной и технической информации
ГМИНВ	— Государственный музей искусств народов востока
ЗВОРАО	— Записки Восточного отделения Российского археологического общества
ИАН	— Известия Академии наук
КСИВАН	— Краткие сообщения Института востоковедения академии наук СССР
КСИНА	— Краткие сообщения института народов Азии Академии наук СССР
МАИКЦА	— Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии
НАА	— Народы Азии и Африки
ППВ	— Письменные памятники Востока. Ежегодник
ППиПИКНВ	— Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока
РНБ	— Российская национальная библиотека
СИЭ	— Советская историческая энциклопедия
ICANAS	— International Congress for Asian and North African Studies
ESCAS	— European Seminar on Central Asia Studies
UEAI	— Union Européene des arabisants et islamisants

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.	5
----------------------	---

I. АРХЕОГРАФИЯ, КОДИКОЛОГИЯ, ТЕКСТОЛОГИЯ

Каллиграф госудаев Мир 'Имад из Казвина	8
Лицевая рукопись из собрания Института народов Азии АН СССР	32
Искандар Мунши о каллиграфах времени шаха Тахмаспа I.	41
Легенда о художнике Бехзаде и каллиграфе Махмуде Нāшапури.	59
Кази Ахмад о списке сочинения Абд ар-Рахмана Джāмй «Лавā'их»	64
Заметки к биографии Камал ад-Дина Бехзада.	68
Заметки о персидской рукописной книге и ее создателях.	74
Искандар Мунши о художниках времени шаха Тахмаспа I Сафави.	146
Научное изучение текста памятника и «критический текст»	161
Хайдарабадский «автограф» «Трактата о каллиграфах» Кази Ахмада Куми	181
Археография и кодикология	185
Источники «Трактата о каллиграфах и художниках» Кази Ахмада Куми. .	190
«Диван-и Хафиз»: текстология и редакции	205

II. ИСТОРИЯ, ИСТОРИЧЕСКОЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Кашгарский поход узбеков при 'Абдаллах-хане	212
К вопросу о внешнеполитических связях Монгольского государства с узбеками и казахами в 30-е годы XVI в.—60-е годы XVII в.	216
Le Turkestan oriental et les Oirats.	235
Моголистан, моголы и киргизы в первой половине XVI в.	241
«Продолжение» Искандара Мунши и «Краткая суть жизнеописаний» Мухаммад Ма'сума	245
Хронология правителей восточной части Чагатайского улуса (линия Туглук-Тимур-хана)	257

III. ЛИТЕРАТУРА, ЛИТЕРАТУРНОЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Комментарий на «искусственную» қасыду Кивāмй Муṭарризи.	270
К истории первого дивана Джами.	284
К вопросу о традиции жанра «искусственной қасыды» в персидской поэзии	289

О второй редакции «Диван-и Хафиз»	301
«Тўти-наме» и предшественник Нахшаби (К вопросу об индо-иранских культурных связях).	303
О функциях поэтических сборников и альбомов в средневековой персидской и таджикской словесности	325
Вдохновенный из Рума	330

IV. КУЛЬТУРА

О придворной китāбхāне Сефевида Тахмасба I в Табризе	351
Библиотека Шибанидов в Бухаре XVI в.	368
Словарь «Ас-Сихāх ал-‘аджамиййа»: дата составления.	383
О. Ф. Акимушкин. Библиография опубликованных работ (1954—2003) . .	387

Научное издание

ОЛЕГ ФЕДОРОВИЧ АКИМУШКИН

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ИРАН:

Культура. История. Филология

Утверждено к печати

Санкт-Петербургским филиалом Института востоковедения РАН

Редактор издательства Л. А. Карпова

Художник Л. А. Яценко

Технический редактор М. Л. Водолазова

Компьютерная верстка А. Н. Жогоиной

Лицензия ИД № 02980 от 06 октября 2000 г. Сдано в набор 8.12.2003.

Подписано к печати 10.06.2004. Формат 60 × 90 1/16.

Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 25.5

Уч.-изд. л. 27. Тираж 1200 экз. Тип. зак. № 3240. С 75

Санкт-Петербургская издательская фирма «Наука» РАН

199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1

main@nauka.nw.ru

Первая Академическая типография «Наука» РАН

199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

ISBN 5-02-027059-8

9 785020 270596

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ФИРМА
«НАУКА» РАН
ГОТОВИТ К ВЫПУСКУ

**БОЛЬШОЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ
ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ РУССКОГО ЯЗЫКА
В 20 ТОМАХ**

Т. 1, 2

Предлагаемое лексикографическое издание представляет собой самый полный толковый словарь (150 000 слов) русского языка, охватывающий его «классический» (XIX век) и новый (XX век) периоды. Обширный словник Словаря, отражая основной лексический фонд русского языка, включает и наиболее употребительную лексику периферийных слоев: термины, диалектизмы, архаизмы и т. д.; представлена фразеология в ее широком понимании — от устойчивых употреблений до идиом. Словарь имеет большое практическое значение как справочник по нормам словоупотребления в современном русском языке.

Особую ценность и уникальность придают Словарю цитатные материалы. Наряду с произведениями русской классики (Пушкин, Лермонтов, Л. Толстой, Чехов и т. д.) широко представлены тексты писателей нового и новейшего времени (Шолохов, Пастернак, В. Некрасов, Распутин, Абрамов, Белов, Астафьев, Набоков, Довлатов, Аксенов, Солженицын и др.); использованы тексты публицистики (Сахаров, Волкогонов), новейших документов и т. д. Богатство, разнообразие и репрезентативность иллюстративного материала дают основания считать данный словарь не только сокровищницей русского языка, но и энциклопедией русской жизни на протяжении двух веков.

Словарь предназначен для специалистов практически всех областей научного знания, связанных с изучением языка, полезен для преподавателей университетов, включая зарубежных, а также для писателей, журналистов, учителей, студентов, учащихся школ, гимназий, лицеев и всех интересующихся судьбами и состоянием русского языка.

В 2004 году выйдут в свет тома 1, 2, включающие слова от «А» до «В».

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ФИРМА
«НАУКА» РАН

ГОТОВИТ К ВЫПУСКУ

А. М. Щербак

ТЮРКСКО-МОНГОЛЬСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ В ИСТОРИИ МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ

В монографии рассматриваются вопросы тюркско-монгольского взаимодействия. В результате сопоставления и анализа большого фактического материала и с учетом богатейшего опыта предшественников намечены пути изучения тюркизмов в монгольских языках и монголизмов в тюркских, уточнены и дополнены приемы их опознавания. В книге определяется степень смешанности монгольских языков, с одной стороны, характер и размеры их собственного достояния — с другой.

Книга предназначена для широкого круга лингвистов, специалистов в области алтаистики.

АДРЕСА КНИГОТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ ТОРГОВОЙ ФИРМЫ «АКАДЕМКНИГА»

Магазины «Книга — почтой»

- 121009 Москва, Шубинский пер., 6; 241-02-52
197345 Санкт-Петербург, Петрозаводская ул., 7Б; (код 812) 235-05-67

Магазины «Академкнига» с указанием отделов «Книга — почтой»

- 690088 Владивосток-88, Океанский пр-т, 140 («Книга — почтой»);
(код 4232) 5-27-91
620151 Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 137 («Книга — почтой»);
(код 3432) 55-10-03
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 298 («Книга — почтой»);
(код 3952) 46-56-20
660049 Красноярск, ул. Сурикова, 45; (код 3912) 27-03-90
220012 Минск, проспект Ф. Скорины, 73; (код 10375-17) 232-00-52,
232-46-52
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7; 124-55-00
117192 Москва, Мичуринский пр-т, 12; 932-74-79
103054 Москва, Цветной бульвар, 21, строение 2; 921-55-96
103624 Москва, Б. Черкасский пер., 4; 298-33-73
630091 Новосибирск, Красный пр-т, 51; (код 3832) 21-15-60
630090 Новосибирск, Морской пр-т, 22 («Книга — почтой»);
(код 3832) 30-09-22
142292 Пушкино Московской обл., МКР «В», 1 («Книга — почтой»);
(13) 3-38-60
443022 Самара, проспект Ленина, 2 («Книга — почтой»);
(код 8462) 37-10-60

191104 Санкт-Петербург, Литейный пр-т, 57; (код 812) 272-36-65
199034 Санкт-Петербург, Таможенный пер., 2; (код 812) 328-32-11
194064 Санкт-Петербург, Тихорецкий пр-т, 4; (код 812) 247-70-39
199034 Санкт-Петербург, Васильевский остров, 9 линия, 16; (код 812)
323-34-62
634050 Томск, Набережная р. Ушайки, 18; (код 3822) 22-60-36
450059 Уфа-59, ул. Р. Зорге, 10 («Книга — почтой»); (код 3472) 24-47-74
450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49; (код 3472) 22-91-85

